Кл 4/119

РОССІЯ И АНГЛІЯ.

1553—1593.

ENGLAND AND RUSSIA.

THE FIRST FORTY YEARS OF INTERCOURSE

between

ENGLAND AND RUSSIA.

1553—1593.

Documents collected, copied and edited by

George Tolstoy.

ST. PETERSBURG.

M.DCCC.LXXV.

Кл 4/119

ПЕРВЫЯ СОРОКЪ ЛѢТЪ СНОШЕНІЙ

между

РОССІЕЮ И АНГЛІЕЮ.

1553—1593.

Грамоты собранныя, переписанныя и изданныя

Юріемъ Толстымъ.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

M.DCCC.LXXV.

Из коллекции
профессора
В. Э. Грабаря

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
19901-58

ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ, А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ, № 12

Въ половинѣ шестнадцатаго вѣка Англійскіе купцы увидѣли, что запросъ на Англійскія произведенія значительно уменьшился; что товары, за которыми въ прежнее время сосѣдніе имъ народы пріѣзжали въ Англію, сбываются по низкой цѣнѣ, даже когда привозятся на продажу въ страны тѣхъ народовъ; что, напротивъ, мѣстный запросъ на иностранные товары постоянно увеличивается и цѣны на нихъ неимовѣрно поднимаются. Нѣкоторые изъ главныхъ гражданъ Лондонскихъ,—люди разумные и заботящіеся о благѣ своей отчизны, собрались для обсужденія средствъ къ отвращенію такого упадка Англійской торговли и остановились на мысли, что имъ слѣдуетъ, по примѣру Испанцевъ и Португальцевъ, искать новыхъ источниковъ къ обогащенію открытіемъ новыхъ странъ и учрежденіемъ новыхъ торговыхъ сношеній. Послѣ многихъ совѣщаній съ находившимся въ то время въ Лондонѣ знаменитымъ Севастіаномъ Каботою, они по его совѣту постановили снарядить эскадру для отысканія и открытія на сѣверовостокѣ пути въ новыя и невѣдомыя дотолѣ страны. Для снаряженія этихъ кораблей рѣшено было составить общество, каждый членъ котораго долженъ былъ взнести не менѣе 25 фунт. стерл. Скоро собрано было 6 тыс. фунтовъ, на которые куплены, исправлены и снаряжены три корабля: главнымъ надъ ними начальникомъ былъ назначенъ «честный и доблестный мужъ» сэръ Югъ Виллогби; главнымъ кормчимъ Ричардъ Ченслеръ.

Такова сущность разсказа Клемента Адамса о началѣ и учрежденіи Англійскаго «Общества купцовъ, искателей открытія странъ, земель, острововъ, государствъ и владѣній неизвѣстныхъ и доселѣ не посѣщаемыхъ морскимъ путемъ». Та же мысль лежитъ въ основѣ грамоты Эдуарда 6-го, хотя и разукра-

шенная умозрительными разсужденіями о томъ, что торговлею исполняется «завѣтъ Бога Всеблагаго и Всемогущаго», данный людямъ, «стремиться и желать да ищетъ каждый вступить въ «общеніе съ другими, любить и взаимно быть любимымъ, ока-«зывать благодѣянія и взаимно принимать благодѣянія».

Но если одно желаніе обогащенія, одна зависть прибылямъ, извлекаемымъ Испанцами и Португальцами изъ Америки и Остъ-Индіи были главнымъ двигателемъ большей части членовъ новоучрежденнаго общества, то едва-ли можно совсѣмъ устранить и другія высшія побужденія хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ: не надобно забывать, что главнымъ руководителемъ этого дѣла былъ Кабота—въ то время одинъ изъ ученѣйшихъ представителей космографіи, и что наука эта, со времени открытій Колумба и Васко де-Гамы ниспровергнутая съ своихъ прежнихъ основаній, искала основаній новыхъ; надобно припомнить, что любовь къ морскимъ путешествіямъ, кромѣ врожденной страсти всѣхъ поморянъ къ морю, всегда особенно сильной и донынѣ не утратившейся по преимуществу въ Англичанахъ, поддерживалась возвращавшимися съ дальняго Запада мореплавателями, которые, вездѣ встрѣчая почетъ, платили за оказываемое имъ гостепріимство разсказами иногда и сказочными, а иногда и въ точности своей похожими на сказки, о всемъ ими видѣнномъ, слышанномъ, испытанномъ... и самые разсказы о лишеніяхъ, ими претерпѣнныхъ, объ опасностяхъ, которымъ они подвергались, разжигали въ молодежи, ихъ слушавшей, жажду удали, ревность къ ихъ подвигамъ, любопытство черезъ то же пройти, то же испытать.

Если не предположить въ этомъ случаѣ участія этого удалаго настроенія Англійскаго простонародія, этой научной пытливости образованныхъ сословій, то трудно было бы объяснить, что въ числѣ первыхъ учредителей общества встрѣчаются имена первыхъ сановниковъ: лорда казначея маркиза Винчестера, лорда дворецкаго графа Аронделя, лорда хранителя государственной печати графа Пемброка, главнаго адмирала лорда Гоуарда Эффингемскаго и друг.; трудно понять, чтобы 126 человѣкъ отправлялись не зная куда, въ какія страны, къ какимъ народамъ, они будутъ занесены, плывя по невѣдомымъ никому

морямъ. Наконецъ, можно ли допустить мысль, чтобы въ послѣднихъ предсмертныхъ мученіяхъ голода и холода, изнемогающею рукою, истинно доблестный Виллогби сталъ писать свои научныя наблюденія, еслибы имъ руководила одна прибыль— а не любовь изступленная къ наукѣ, не жажда познаній для себя, не жертвованіе собою для добытія знаній своимъ соотечественникамъ.

---

11 Мая 1553 года снаряженные корабли вышли изъ Темзы. Имена ихъ были: «Благая Надежда», адмиралъ сэръ Югъ Виллогби; «Эдуардъ Благое Предпріятіе», главный кормчій Ричардъ Ченслеръ; «Благое Упованіе», шкиперъ Корнелій Дёрфурзъ. Постоянно задерживаемые вѣтрами около береговъ Англіи, въ концѣ Іюня они должны были отказаться отъ своего первоначальнаго намѣренія плыть сперва къ берегамъ Шотландіи и рѣшились взять направленіе прямо на востокъ: 14 Іюля они приплыли къ острову Гельголанду; оттуда, поднявшись на сѣверъ, 2 Августа были въ виду Вардегууса, но за вѣтрами не могли войти въ его гавань. Виллогби успѣлъ только назначить эту гавань сборнымъ мѣстомъ на случай если корабли будутъ разсѣяны бурею; вслѣдъ за тѣмъ набѣжавшій шквалъ оправдалъ его предвидѣніе: когда шквалъ миновался, Ченслеръ потерялъ изъ вида «Благую Надежду» и «Благое Упованіе», вошелъ въ Вардегуускую гавань и, напрасно прождавъ ихъ тамъ цѣлые семь дней, рѣшился пуститься въ дальнѣйшій путь. 24 Августа онъ присталъ къ усть-Двинѣ, близъ монастыря Св. Николая, и узналъ отъ нагнанныхъ имъ рыбаковъ, что онъ во владѣніяхъ царя Московскаго. «И царя и великаго князя прикащики, Холмогорскіе выборные головы Филипъ Родіоновъ, да Фофанъ Макаровъ съ Холмогоръ писали къ царю и великому князю къ Москвѣ о приходѣ отъ Аглицкаго короля Едварта посла Рыцерта и съ нимъ гостей». Въ Октябрѣ корабль Ченслера, по ихъ распоряженію, введенъ на зимовье въ Унскую губу, а 23-го Ноября по государеву указу Ченслеръ отпущенъ съ гостями въ Москву.

*

Прибытіе Ченслера въ Москву случилось въ самую свѣтлую эпоху жизни Іоанна, когда онъ только что вышелъ побѣдителемъ изъ конечной борьбы съ Казанью и вынесъ изъ многотруднаго похода славное имя покорителя царства Казанскаго; когда окруженный сvнклитомъ доблестныхъ «стратилатовъ», какъ называетъ ихъ Курбскій, онъ могъ предвидѣть легкое покореніе царства Астраханскаго и надѣяться на укрощеніе Крымцевъ; обезопасенный со стороны Татаръ, окруженный нелицемѣрною любовью народа, онъ могъ въ обширномъ, истинно государскомъ умѣ своемъ, — наслѣдіи своего соименника-дѣда, помышлять о свершеніи начатаго симъ дѣдомъ великаго дѣла строенія и образованія своего царства. Огромны были богатства Московскія, многочисленны рати, собиравшіяся по слову царя; храбро стояли онѣ въ полѣ, мужественно выдерживали онѣ осадныя сидѣнья; но не могъ не сознавать Русскій царь, что не совладать ему ни со Шведомъ, ни съ Меченосцами, ни съ Поляками и Литовцами, пока у него не будетъ «размысловъ хитрыхъ, навычныхъ къ градскому раззоренію», строителей, которые могутъ дѣлать крѣпости, башни и дворцы; онъ не хуже Польскаго короля зналъ, что ему нужно «и оружіе доселѣ ему «неизвѣстное, и мастера, и художники»; что «доселѣ его побѣж«даютъ только потому что онъ невѣжественъ въ художествахъ «и незнакомъ съ политикою»; — и онъ жаждалъ сближенія съ Западомъ! но Западъ для него былъ закрытъ: ревнивымъ окомъ слѣдилъ его непримиримый врагъ сосѣдъ, король Польскій, чтобы немногіе, отваживающіеся переѣхать за Литовскій рубежъ, Нѣмецкіе купцы не ввозили въ Москву никакихъ товаровъ, могущихъ послужить ко вреду Литвы и Польши, и не привозили въ Россію людей, могущихъ способствовать къ увеличенію ея могущества. Напротивъ, король употреблялъ купцовъ этихъ для лазутчества, а по пересылкамъ ихъ вѣдалъ о томъ, что дѣлалось и что замышлялось на Москвѣ.

Этимъ объясняется та ласка, съ какою Іоаннъ принялъ привезенную ему Ченслеромъ грамоту Эдуарда, та готовность, съ которою онъ: «Рыцарта и гостей Аглинскія земли пожаловалъ, «въ свое государство Россійское съ торгомъ изъ-за моря на ко«рабляхъ имъ велѣлъ ходить безопасно, и дворы имъ покупать

«и строить невозбранно». Отпуская Ченслера, Іоаннъ увѣрялъ Эдуарда (въ то время уже умершаго) въ своемъ «сердечномъ и «доброусердномъ съ благонамѣреніемъ дружественномъ желаніи», поручая Ченслеру «для лучшаго уразумѣнія» его грамоты, «раз-«умно повѣдать» о семъ желаніи.

15 Марта Ченслеръ съ товарищами былъ отпущенъ изъ Москвы и, пріѣхавъ на Двину, жилъ у корабля до весны и «ото-«шелъ въ свою землю». По пріѣздѣ же въ Англію составилъ «Книгу о великомъ и могущественномъ царѣ (императорѣ) Рус-«скомъ и великомъ князѣ Московскомъ и о владѣніяхъ, поряд-«кахъ и произведеніяхъ сюда относящихся». Изъ этого сочиненія, написаннаго слогомъ, по своему времени, весьма правильнымъ, видно, что Ченслеръ былъ человѣкъ образованный, наблюдательный и много видѣвшій. (Между прочимъ, одна бѣглая замѣтка указываетъ, что онъ видѣлъ Французскій дворъ). Нельзя не удивляться, какъ много собралъ онъ свѣдѣній о произведеніяхъ разныхъ частей Россіи, о рынкахъ, на которые они привозятся, о нравахъ, обычаяхъ, религіи, образѣ жизни, военномъ дѣлѣ, порядкѣ судопроизводства и проч. въ Россіи, гдѣ оставался не болѣе восьми мѣсяцевъ, не зная языка и изъ этого времени едва ли пробывъ болѣе трехъ мѣсяцевъ въ Москвѣ, гдѣ единственно и могъ найти людей, знавшихъ какой либо иной языкъ, кромѣ Русскаго. Впрочемъ, въ отношеніи наблюдательности, всѣ первоначальныя извѣстія Англійскихъ прикащиковъ Московскаго общества поражаютъ всякаго читающаго ихъ мѣткостію и вѣрностію своихъ наблюденій: донесенія ихъ, не только складомъ рѣчи, но самымъ почеркомъ, часто обличающія въ писавшемъ непривычку владѣть перомъ, иногда содержатъ въ себѣ замѣтки, драгоцѣнныя какъ для исторіи торговли, такъ и для узнанія бытовой жизни Россіи временъ царя Ивана Васильевича.

Между тѣмъ, въ Архангельскѣ слѣдующею зимою заморскіе Корелы принесли чудную вѣсть: «нашли-де они на Мурманскомъ морѣ два корабля: стоятъ на якоряхъ въ становищахъ, а люди на нихъ мертвы; а товаровъ на нихъ — сказали — много». Это былъ злополучный сэръ Югъ Виллогби съ своими товарищами

(83 чел.). Разставшись у Вардегууса съ Ченслеромъ, онъ былъ занесенъ въ Бѣлое море и тамъ, войдя 14 Сентября въ губу, образуемую устьемъ рѣки Арзины, видѣлъ постепенное вымираніе своего экипажа отъ голода и холода: изъ собственноручной найденной при немъ записки было видно, что онъ былъ живъ еще въ Январѣ мѣсяцѣ. По государеву указу посланы были съ Холмогоръ лучшіе люди переписать и запечатать весь товаръ, и привезти его въ Холмогоры вмѣстѣ съ кораблями, и съ пушками, и съ пищалями и со всей снастью корабельною.

Извѣстія, сообщенныя Ченслеромъ о пріемѣ его въ Россіи и о дозволеніи царя Англичанамъ вести торгъ съ его страною, имѣли послѣдствіемъ утвержденіе королевою Маріею и ея супругомъ Филиппомъ устава для «купцовъ, предпринимающихъ открытіе странъ, земель, острововъ и областей невѣдомыхъ и до ихъ «предпріятія моремъ обыкновенно не посѣщаемыхъ». Хартія, содержащая этотъ уставъ, удостоена королевскаго утвержденія въ Вестминстерѣ 6 Февраля 1555 г. Общество должно было состоять подъ главнымъ завѣдываніемъ правителя, каковымъ назначался Себастіанъ Кабота пожизненно, и 4-хъ консуловъ съ 24-мя помощниками, избираемыми на годовой срокъ Обществу предоставлялось право дѣлать свои открытія по направленію на сѣверъ, сѣверо-востокъ и сѣверо-западъ; употреблять королевскіе знамена, флаги и штандарты; завоевывать и принимать подъ королевскую Англійскую державу всѣ языческіе города, укрѣпленія, селенія, острова и земли невѣрныхъ народовъ; отражать силою иноземцевъ, которые старались бы вредить ихъ плаванію или торговлѣ и сами ѣздить по открываемымъ ими морскимъ путямъ. Англичанамъ, не принадлежащимъ обществу, воспрещалось также ѣздить или торговать тѣми путями безъ разрѣшенія общества подъ страхомъ отобранія ихъ кораблей и товаровъ: причемъ половина отобраннаго имѣла поступить въ королевскую казну, а другая—быть отдана въ пользу общества.

Всѣ эти и еще нѣкоторыя другія привилегіи Марія и Филиппъ пожаловали обществу за себя, своихъ наслѣдниковъ и преемниковъ.

1 Мая того же 1555 г. на торжественномъ собраніи общества было постановлено отправить Ченслера въ Россію на томъ же «Благомъ Предпріятіи» и съ нимъ послать для учрежденія торговли на мѣстѣ двухъ агентовъ Ричарда Грея и Георга Киллингворса; подъ начальствомъ же Ченслера отправлялся, на кораблѣ «Филиппъ и Марія», агентъ Иванъ Брукъ, который долженъ былъ остаться въ Вардегуусѣ и стараться учредить тамъ мѣновой торгъ, для вывоза въ Англію сушеной рыбы, тюленьяго жира и другихъ произведеній рыболовства, и, смотря по ходу мѣны, ожидать обратнаго проѣзда Ченслера изъ Россіи или прежде его возвратиться въ Англію.

Затѣмъ всѣ отправлявшіеся въ путь были приведены надъ Евангеліемъ къ присягѣ на вѣрную службу обществу. и Ченслеру, Грею и Киллингворсу были вручены королевскія грамоты къ царю (отъ 1 Апрѣля 1555 г.) писанныя на трехъ языкахъ: греческомъ, польскомъ и итальянскомъ.

Наказъ, данный обществомъ агентамъ, въ высшей степени замѣчателенъ своею отчетливостью, подробностію и предусмотрительностію; въ главныхъ чертахъ онъ заключался въ безусловномъ подчиненіи всѣхъ служителей общества агентамъ, которымъ предоставлялась полная власть наказывать ослушныхъ и нерадивыхъ, а если бы они признали нужнымъ, то даже и отдавать ихъ Русскимъ властямъ для наказанія по мѣстнымъ законамъ. Подчиненіе было до такой степени полное, что воспрещено было даже отлучаться на ночь изъ своего дома безъ особаго дозволенія агента. Мѣстные законы, какъ церковные, такъ и гражданскіе, велѣно было соблюдать строго, всѣ пошлины и подати платить исправно, вести себя добропорядочно и смирно. Если бы царь захотѣлъ присвоить себѣ или предоставить кому либо одному право вести торговлю съ Англичанами, то назначить возможно высшую цѣну за Англійскіе товары и, на оборотъ, возможно низшую за Русскіе, имѣя въ виду, что первоначальныя цѣны будутъ служить руководствомъ на послѣдующее время. Относительно свѣдѣній, собраніе коихъ, по мѣрѣ возможности, возлагалось на всѣхъ служащихъ, имъ поставлялось въ обязанность доносить обществу обо всемъ, что они узнаютъ: о правахъ, обычаяхъ, пріемахъ торговли Русскихъ; о тѣхъ то-

варахъ, которые съ пользою для Англіи могутъ быть вывозимы изъ Россіи и привозимы въ нее; о природныхъ произведеніяхъ страны; объ употребляемыхъ въ оной деньгахъ, вѣсахъ, мѣрахъ; о пошлинахъ, способахъ перевозки и проч.

Замѣчательно, между прочимъ, что ѣхавшіе въ Россію обязаны были внести въ общество денежные залоги и свидѣтельства благонадежныхъ поручителей въ своемъ добромъ и честномъ поведеніи.

Попытка Брука завести торгъ въ Вардегуусѣ, по видимому, не удалась: по крайней мѣрѣ Ченслеръ прибылъ къ пристани св. Николая съ обоими кораблями, «Благимъ Предпріятіемъ» и «Филиппомъ и Маріею»; тамъ же засталъ онъ приведенные изъ Арзиной губы два корабля Виллогбія: «Благую Надежду» и «Благое Упованіе», и узналъ, что ему не суждено передать первоначальнику предпріятія порученіе общества: «что общество скорбитъ объ его долгомъ отсутствіи, желаетъ имѣть извѣстія о немъ и его спутникахъ, обнять ихъ, свидѣться съ ними, принять ихъ какъ дорогихъ и возлюбленныхъ братьевъ».

Вслѣдъ за Ченслеровыми кораблями на Двинское устье прибыли «Голландскія и Брабантскія земли корабли, а на нихъ тор«говые иноземцы и съ Русскими людьми торговали на Корель«скомъ устьѣ по 95 (1587) годъ». Не видно, впрочемъ, чтобы, до самаго восшествія Елисаветы на престолъ, общество осмѣливалось приносить королевѣ Маріи жалобы на это нарушеніе ихъ привилегій подданными ея супруга Филиппа Испанскаго; за то жалобы эти не прекращаются во все королевствованіе Елисаветы, которая, почти въ каждой изъ своихъ грамотъ къ Іоанну, настаиваетъ на воспрещеніи Нидерландцамъ ходить торгомъ къ Бѣломорскимъ пристанямъ, которыя общество считало своимъ исключительнымъ достояніемъ.

Ченслеръ прибылъ съ Килингворсомъ въ Москву 4 Октября, оставивъ Грея въ Вологдѣ. Черезъ десять дней они были милостиво приняты царемъ, который, по ихъ просьбѣ о пожалованіи имъ грамоты на повольный торгъ въ Россіи, поручилъ имъ передать свои требованія на письмѣ думному дьяку Михаилу Васильевичу Висковатову. Висковатовъ переговаривался съ ними весьма дружелюбно; совѣтовалъ учредить торгъ въ Хол-

могорахъ; но Киллингворсъ просилъ отложить этотъ вопросъ до времени, желая разузнать какіе рынки будутъ для Англичанъ выгоднѣе и гдѣ они будутъ менѣе зависѣть отъ Русскихъ купцовъ, не безосновательно предполагая, что Холмогорская торговля, какъ болѣе отдаленная отъ Москвы, должна быть сосредоточена въ рукахъ немногихъ. Результатомъ переговоровъ было пожалованіе обществу Англійскихъ гостей царской грамоты на безпошлинную торговлю всякими товарами по всей Россіи. Споры между гостями и Русскими купцами подлежали рѣшенію самого царя; въ случаѣ обвиненія гостя, товары и пожитки его не подлежали отобранію въ царскую казну, а отдавались агенту. Взаимные споры гостей между собою разбирались агентомъ, по требованію коего царскіе приказные люди должны были сажать виновныхъ въ тюрьму или доставлять агенту орудія для наказанія. Кромѣ того, царь повелѣлъ отдать Ченслеру Виллогбіевы корабли со всѣмъ описаннымъ на нихъ товаромъ и рѣшилъ отправить съ нимъ посломъ Вологодскаго намѣстника Осипа Григорьевича Непею, который, получивъ отпускъ 25 марта 1556 года, въ сопровожденіи 16 человѣкъ Русскихъ отправился въ Холмогоры, и сѣлъ на Ченслеровъ корабль «Благое Предпріятіе»; на одномъ изъ прочихъ трехъ кораблей поѣхали еще болѣе 10 человѣкъ Русскихъ.

Корабли пустились въ море 20 Іюля; они везли богатый грузъ: на «Благомъ Предпріятіи» было воска, тюленьяго жира, сала, мѣховъ, войлоковъ, канатной пряжи на двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ; на «Благой Надеждѣ» находилось все имущество Непеи цѣнностію въ шесть тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Но изо всѣхъ четырехъ кораблей только одинъ «Филиппъ и Марія» прибылъ въ Лондонъ и то уже на слѣдующій годъ (18 Апрѣля 1557 г.); остальнымъ же тремъ, именно тѣмъ, которые совершили первое плаваніе въ Бѣлое море, не суждено было возвратиться къ берегамъ Англіи: «Благое Упованіе», разбившись о Норвежскія скалы, пошелъ ко дну со всѣмъ экипажемъ; «Благая Надежда» пропалъ безъ вѣсти; а «Благое Предпріятіе», послѣ четырехмѣсячнаго бурнаго плаванія, наконецъ, въ бурную ноябрьскую ночь взошелъ въ Шотландскую губу «Петислего», чтобы тамъ разбиться о скалы. Ченслеръ, заботясь единственно о спа-

сеніи посланника, погибъ самъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ и съ большею частію своего экипажа; потонули и семь Русскихъ изъ числа сопровождавшихъ Непею; изъ товаровъ то, что не потонуло, было разграблено прибрежными жителями, такъ что, не смотря на всѣ розыски, сдѣланные по требованію Маріи Шотландскимъ правительствомъ, общество получило въ возвратъ не болѣе какъ на 500 фунтовъ своихъ товаровъ.

Извѣстіе объ этомъ несчастіи, случившемся 7 Ноября, едва получено было въ Лондонѣ черезъ мѣсяцъ, 6 Декабря: немедленно были отправлены нарочные, чтобы снабдить Непею всѣмъ нужнымъ; но слѣдствія, розыски и другія подобныя промедленія еще болѣе двухъ мѣсяцовъ задерживали его въ Шотландіи. Наконецъ, 18 Февраля 1557 г., онъ прибылъ въ Бервикъ, первое Англійское укрѣпленіе на рубежѣ Шотландіи; отсюда начался ему самый почетный пріемъ, который сопровождался величайшею торжественностію: когда онъ приблизился къ Лондону, за 12 миль отъ столицы онъ былъ встрѣченъ отрядомъ 80 купцовъ, верхами, въ богатыхъ одеждахъ, съ золотыми цѣпями на груди; за 4 мили отъ Лондона ему былъ приготовленъ ночлегъ; на утро, 28 Февраля, ему была принесена въ даръ богато убранная верховая лошадь и 140 купцовъ, членовъ Московскаго общества, въ сопровожденіи своихъ слугъ присоединились къ его шествію. На чертѣ города его привѣтствовалъ лордъ-мэръ со всѣми старшинами въ алыхъ одеждахъ. Затѣмъ Непея въѣхалъ въ Лондонъ, верхомъ, между виконтомъ Монтегю и лордомъ-мэромъ, предшествуемый членами общества; весь этотъ конный поѣздъ замыкался отрядомъ слугъ общества также верхами. При вступленіи посланника въ приготовленное ему помѣщеніе, ему поднесены были дары королевскіе.

Король Филиппъ въ это время былъ во Фландріи и пріемъ Непеи ко двору былъ отложенъ до его возвращенія. Не ранѣе 25-го Марта, въ самую годовщину своего отпуска изъ Москвы, онъ представлялся королевѣ и королю; затѣмъ переговоры съ нимъ были поручены лорду епископу Илійскому и главному королевскому секретарю сэру Виліаму Нейту, которые съ величайшею похвалою отзывались о степенности, разсудительно-

сти и сановитости посланника. 23 Апрѣля, въ день св. Георгія, Непея имѣлъ отпускъ и прямо изъ дворца былъ приведенъ въ Вестминстерскій соборъ, гдѣ, на особо для него приготовленномъ сѣдалищѣ, присутствовалъ при торжественномъ богослуженіи по случаю праздника ордена Подвязки. Въ заключеніе, 29-го Апрѣля, ему данъ былъ въ залѣ суконнаго цеха роскошный ужинъ. 3 Мая онъ отправился въ Грэвезендъ, гдѣ сѣлъ на корабль «Примрозъ»; корабль этотъ считался адмиральскимъ во флотиліи, состоявшей еще изъ трехъ кораблей; капитаномъ на немъ былъ Антонъ Дженкинсонъ:— лицо это слишкомъ замѣчательное, чтобы не упомянуть о предшествовавшей его службѣ.

Изъ сохраненной Гаклюйтомъ автобіографической записки видно, что Дженкинсонъ началъ свои путешествія 2 Октября 1546 года: въ теченіи десяти лѣтъ, предшествовавшихъ поступленію его на службу общества онъ проѣхалъ Фландрію, Нидерланды, ѣздилъ черезъ Германію въ Италію, оттуда черезъ Піэмонтъ во Францію, былъ въ Испаніи и въ Португаліи, плавалъ по Средиземному морю, посѣтилъ острова Родосъ, Мальту, Сицилію, Кипръ, Кандію и друг.; объѣздилъ всю Грецію, большую часть Турціи, былъ въ Малой Азіи, на Ливанѣ, въ Дамаскѣ, въ Іерусалимѣ, видѣлъ прибрежные города Африки: Алжиръ, Триполи, Тунисъ и проч., и проч., и проч. Свидѣтельствомъ его ума и его наблюдательности остались многочисленныя его замѣтки, встрѣчающіяся въ отчетахъ объ его путешествіяхъ; а за его умѣнье вести переговоры ручается успѣхъ его въ сношеніяхъ съ разными владѣтелями Каспійскаго прибрежья и юго-западной Азіи, основаніе торговли Англіи съ Персіей черезъ Россію и наконецъ настоятельное требованіе царя Ивана Васильевича, чтобы Елисавета присылала говорить съ нимъ о государскихъ дѣлахъ именно «Антона Янкина», а не кого либо иного.

Корабли прибыли къ пристани Св. Николая 12 Іюля. Непея съ тѣми Англичанами, которые были имъ наняты въ Лондонѣ на службу царскую, отправился въ Москву 20-го числа, немедленно по выгрузкѣ предметовъ, купленныхъ имъ въ Англіи для царской казны; но Дженкинсонъ выѣхалъ въ Холмогоры не прежде, какъ когда всѣ привезенные на корабляхъ Англійскіе товары были вы-

гружены, а заготовленные Русскіе товары нагружены на корабли и затѣмъ самые корабли отправлены обратно въ Англію. Въ Холмогорахъ и въ Вологдѣ онъ также дѣлалъ довольно продолжительныя остановки, знакомясь съ ходомъ торговли, такъ что въ Москву онъ пріѣхалъ лишь 6 Декабря. Ласково принятый царемъ, онъ прожилъ въ Москвѣ всю зиму и съумѣлъ снискать отъ царя такое благоволеніе, что когда имъ была заявлена просьба о дозволеніи ѣхать для открытія новыхъ торговыхъ путей за Волгою, то царь не только на сіе соизволилъ, но снабдилъ его охранными грамотами на имя разныхъ владѣтелей, чрезъ области которыхъ ему могло случиться проѣзжать, а изъ Нижняго Новгорода велѣлъ ему ѣхать до Астрахани со вновь назначеннымъ въ Астрахань воеводой.

Изъ Москвы Дженкинсонъ выѣхалъ 23 апрѣля 1558 г., въ Астрахань пріѣхалъ 14 іюля. Маршрутъ его по Волгѣ весьма любопытенъ: въ немъ поденно записано описаніе мѣстъ, мимо которыхъ онъ проѣзжалъ. Между прочимъ, онъ пишетъ, что въ это самое время почти все Ногайское прибрежье совершенно обезлюдѣло: междоусобныя войны, голодъ, моръ истребили большую часть Ногайскихъ ордъ: остальные Ногайцы потянулись къ Астрахани, надѣясь тамъ найти себѣ пропитаніе, но прогнанные оттуда, гибли отъ голода въ такомъ огромномъ числѣ, что берега Волги около города были покрыты грудами мертвыхъ и смердящихъ тѣлъ.

10-го Августа Дженкинсонъ первый изъ Англичанъ выкинулъ флагъ съ краснымъ крестомъ Св. Георгія на Каспійскихъ водахъ: съ нимъ было всего двое Англичанъ, товаровъ везъ онъ съ собою такое количество, что въ послѣдствіи для подъема ихъ потребовалась тысяча верблюдовъ: истинная цѣль его путешествія была, сколько можно догадываться, открытіе пути въ сказочный Катай. Онъ поплылъ сперва на востокъ и держась береговъ, наконецъ вышелъ на землю на Мангышлакскомъ полуостровѣ: здѣсь, навьючивъ товары свои на верблюдовъ, нанятыхъ у кочевыхъ Туркменовъ, онъ началъ свои блужданія по степямъ Туркменскимъ; послѣ мѣсячнаго похода, 14 Октября прибылъ въ Ургенджъ; 23 Декабря—въ Бухару, откуда выѣхалъ въ обратный путь 8 Марта 1559 г., за нѣсколько дней до разграбленія

Бухары владѣтелемъ Самаркандскимъ. Послѣ шестинедѣльнаго перехода по песчанымъ пустынямъ, послѣ мѣсячнаго бурнаго плаванія по Каспійскому морю, 28 Мая Дженкинсонъ съ своими товарищами прибылъ въ Астрахань, откуда отпущенъ подъ прикрытіемъ 100 стрѣльцовъ и наконецъ 2 Сентября пріѣхалъ въ Москву, везя съ собою посланцевъ, отправленныхъ къ царю владѣтелями Бухарскимъ, Балкскимъ и Ургенскимъ, и 25 Русскихъ вывезенныхъ изъ плѣна Туркменскаго. Пріѣздъ его былъ угоденъ царю; привезенные подарки—бѣлый буйволовый хвостъ и Татарскій барабанъ — милостиво приняты. Товаровъ для общества привезено имъ 600 верблюжьихъ вьюковъ. Съ наступленіемъ весны, выждавъ въ Вологдѣ вскрытія рѣкъ, Дженкинсонъ наконецъ отправился въ Англію послѣ четырехлѣтняго отсутствія. Въ Лондонѣ онъ представилъ королевнѣ Елисаветѣ (въ его отсутствіе наслѣдовавшей престолъ послѣ Маріи) привезенную имъ Татарскую дѣвушку—Ауру-султаншу.

Нельзя довольно дивиться отвагѣ Дженкинсона въ совершеніи сейчасъ описаннаго путешествія: втроемъ съ двумя своими соотечественниками, не зная языка тѣхъ странъ, куда отправлялся, не зная даже куда онъ отправляется, десять мѣсяцевъ провелъ онъ, то странствуя по невѣдомымъ степямъ, окруженный хищниками, постоянно слѣдившими за его караваномъ, то проживая въ поселеніяхъ среди этихъ самыхъ хищниковъ. Онъ вывезъ убѣжденіе, что торговля въ этихъ странахъ невозможна, но въ то же время развѣдалъ о томъ, какъ завести торговлю съ Персіею и представилъ обществу всѣ свѣдѣнія, которыя только могъ собрать по этому предмету. Результатомъ его путешествія было рѣшеніе общества пригласить его на дальнѣйшее служеніе и поручить ему учрежденіе торговли съ Персіею*): за успѣхъ таковой торговли по видимому ручались и безпрерывныя войны шаха Тамаса (втораго шаха изъ династіи Софіевъ) съ султаномъ Солиманомъ 2, которыя препятствовали привозу Европейскихъ товаровъ въ Персію со стороны Турціи.

*) Дженкинсонъ при отправленіи Непеи изъ Англіи, нанялся въ службу общества на четыре года (1556—1560), за ежегодное жалованье по 40 фунт. стерл., т. е. около 300 руб. въ годъ.

14 Мая 1561 года Дженкинсонъ вновь отправился въ Россію: онъ везъ съ собою грамоту Елисаветы къ Іоанну съ просьбою о пропускѣ его въ Персію и другія ея грамоты, писанныя на латинскомъ, итальянскомъ и еврейскомъ языкахъ на имя «могу-«щественнѣйшаго и непобѣдимѣйшаго государя, Великаго Софія, «повелителя Персовъ, Мидянъ, Партовъ, Гирканійцевъ, Карма-«нійцевъ, Маргіянъ, народовъ по сю сторону и обоиполъ рѣки «Тигра и всѣхъ племенъ и обитателей между моремъ Каспій-«скимъ и Персидскимъ заливомъ». Общество съ своей стороны, въ наказѣ своемъ поручая Дженкинсону стараться о проѣздѣ съ товарами въ Персію Каспійскимъ ли моремъ или инымъ путемъ, предоставляло ему самыя неограниченныя полномочія: его усмотрѣнію предоставлялось опредѣлить количество товаровъ, которое онъ признаетъ нужнымъ взять въ Персію, и тѣхъ, которыя онъ сочтетъ за лучшее продать въ Россіи; онъ могъ направить товары въ Польшу или какимъ либо способомъ въ Константинополь. Ему предоставлялось также, по своему выбору, поднести царю драгоцѣнности изъ особаго сундука, отъ котораго ему былъ врученъ ключъ. Онъ могъ исправлять недостатки, которые найдетъ въ счетоводствѣ и веденіи торговли агентовъ. При этомъ—все съ мыслью объ открытіи сѣверовосточнаго проѣзда въ Катай, ему поручалось послать особое лицо изъ служителей общества для изслѣдованія пролива около Новой Земли.

20 Августа Дженкинсонъ пріѣхалъ въ Москву и просилъ дьяка доложить царю объ его пріѣздѣ. «Но его высочество былъ «занятъ великими дѣлами: онъ готовился вступить въ бракъ съ «княжною Черкесскою, Магометова закона (Маріею Темгрюков-«ной) и повелѣлъ, чтобы нѣсколько времени никакой чужестра-«нецъ, ни посланникъ, ни иной не былъ къ нему допускаемъ; «кромѣ того, онъ повелѣлъ, чтобы въ продолженіи трехъ дней, «пока будетъ праздноваться это торжество, городскіе ворота «оставались запертыми, и чтобы никто: ни иноземецъ, ни Рус-«скій (кромѣ нѣкоторыхъ лицъ изъ его двора) не выходилъ во «время сего торжества изъ своего дома; причина таковаго по-«велѣнія неизвѣстна и по сей день».

Дженкинсонъ не сразу получилъ разрѣшеніе ѣхать въ Персію: отказъ его сообщить грамоту Елисаветы на предварительный просмотръ прежде личнаго поднесенія ея царю вызвалъ нерасположеніе дьяка посольскаго приказа (Висковатаго), и слѣдствіемъ сего было объявленіе Дженкинсону, что ему пропуска въ Персію дать нельзя, потому, будто бы, что царь воюетъ съ Черкесами. Дженкинсонъ уже потерялъ было всякую надежду и распродалъ въ Москвѣ часть товаровъ, назначенныхъ для Персіи. Но Непея дружелюбно вступился за него и успѣлъ примирить его съ дьякомъ, который тогда только и доложилъ царю ходатайство Дженкинсона. Дженкинсонъ получилъ опасныя грамоты не только къ шаху, но и къ разнымъ другимъ владѣтелямъ и, какъ онъ пишетъ, сверхъ того получилъ отъ царя нѣкоторыя важныя порученія. Одновременно съ нимъ отпущенъ изъ Москвы Персидскій посланникъ, съ которымъ онъ весьма подружился во время плаванія до Астрахани, продолжавшагося цѣлыя шесть недѣль (съ 27 Апрѣля до 10 Іюня). Изъ Астрахани онъ былъ отпущенъ на двухъ стругахъ съ 50-ю стрѣльцами, которые проводили его до Дербента.

Странствованія Дженкинсона въ Персію и обратно не относятся къ настоящему изслѣдованію: достаточно будетъ сказать, что въ Казбинѣ (столицѣ Шаха Тамаса) онъ былъ принятъ весьма недружелюбно и, напротивъ, снискалъ личную пріязнь Абдулъ-хана, владѣтеля Ширванскаго (или, какъ онъ его называетъ, царя Гирканскаго), который далъ Англичанамъ жалованную грамоту на вольный и безпошлинный торгъ въ Ширванѣ и Шемахѣ *).

Одно обстоятельство, о коемъ нельзя умолчать, было посѣщеніе Дженкинсона, уже на обратномъ его пути изъ Персіи, въ Шемахѣ какимъ то Армяниномъ; Армянинъ этотъ былъ отправленъ къ нему отъ Грузинскаго царя за совѣтомъ: какъ про-

*) Послѣ Дженкинсона были отправлены туда еще пять транспортовъ съ Англійскими товарами; но убіеніе прикащиковъ, частое разграбленіе товаровъ и самая невѣрность и ненадежность уплаты въ этой торговлѣ, представлявшей опасности и на сухомъ пути, и на морѣ, и на самой Волгѣ, имѣли послѣдствіемъ совершенное ея прекращеніе въ 1581 г.

сить у царя Ивана Васильевича покровительства и защиты отъ нападеній Турковъ и Персіянъ, постоянно грабившихъ и разорявшихъ Грузію. Опасаясь лазутчиковъ, которые могли бы разсорить его съ Абдулъ-ханомъ Ширванскимъ, Дженкинсонъ ограничился совѣтомъ обратиться съ этою просьбою къ царю чрезъ посредство его тестя, Черкесскаго князя Темгрюка.

Дженкинсонъ возвратился въ Москву 20 Августа 1562 г. Царь былъ весьма доволенъ отчетомъ объ его путешествіи, объявилъ, что употребитъ его на дальнѣйшія сношенія и, въ знакъ своей къ нему милости, далъ новую жалованную грамоту Англійскимъ гостямъ. Около года пришлось Дженкинсону оставаться еще въ Россіи, и, уже по отплытіи прибывшихъ по веснѣ кораблей, онъ 9 Іюля 1564 г. отправился въ обратный путь въ Англію, изъ которой выѣхалъ за три года передъ тѣмъ.

Можно догадываться, что труды, подъятые Дженкинсономъ въ этомъ путешествіи, были вознаграждены принятіемъ его въ число членовъ купеческаго общества; по крайней мѣрѣ, въ первой пожалованной послѣ сего царемъ грамотѣ (1567 г.) его имя стоитъ въ числѣ именъ тѣхъ Англійскихъ гостей, которымъ она была пожалована. Во всякомъ случаѣ какъ только представилась необходимость обратиться съ ходатайствомъ къ царю, выборъ общества вновь палъ на Дженкинсона, который 4 мая 1566 г. опять отплылъ изъ Англіи въ Россію. Поводомъ къ его отправленію на этотъ разъ послужили весьма потревожившіе общество слухи, что нѣкій Итальянецъ, Рафаэль Барберини, поселившись въ Россіи, старается вредить Англійской торговлѣ, внушая царю, что товары, привозимые Англичанами, не суть Англійскіе и могутъ быть гораздо выгоднѣе пріобрѣтаемы изъ первыхъ рукъ отъ Голландцевъ и Нѣмцевъ. Данное Дженкинсону порученіе требовать высылки Барберини и недопущенія никакихъ иноземцевъ къ усть-Двинѣ было тѣмъ затруднительнѣе, что Барберини былъ принятъ царемъ по привезенному имъ письму отъ самой Елисаветы, у которой онъ его выманилъ подъ предлогомъ, что ѣдетъ въ Россію для взысканія долговъ съ разныхъ Англичанъ, тамъ пребывающихъ. Дженкинсонъ исполнилъ это порученіе съ полнымъ успѣхомъ; сверхъ того испросилъ у царя новую жалованную грамоту, по которой всякому, Англичанину

ли или иноземцу, не принадлежащему обществу, воспрещался пріѣздъ въ которое-либо изъ устьевъ Двины, въ Холмогоры, въ Колу, въ Мезень, въ Печенгу, на Соловецкіе острова, въ Печору, на Обь, даже въ Вардегуусъ. Обществу же не только подтверждалось владѣніе даннаго ему въ Москвѣ двора «у Максима Святаго за торгомъ» (на Варваркѣ) и разрѣшалось учредить свои склады на Двинѣ, въ Вологдѣ, Ярославлѣ, Костромѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Казани, Астрахани, Новгородѣ Великомъ, Псковѣ, Ругодивѣ (Нарвѣ) и Юрьевѣ Ливонскомъ (Дерптѣ), но сверхъ того предоставлялось безпошлинно провозить товары въ Шемаху, въ Бохару и въ Чагатай, т. е. Самаркандъ (Чадай—откуда и пресловутый Катай).

Разгадку такой готовности Іоанна слѣдуетъ, кажется, искать въ тогдашнемъ состояніи его духа: со времени брака его съ Черкешенкою начался тотъ дикій, необузданный разгулъ его страстей, который кровавою чертою выдѣляетъ его царствованіе въ бытописаніяхъ Россіи; напрасно дѣлить его казни на эпохи — сплошнымъ, кровавымъ потокомъ заливаютъ онѣ послѣднія двадцать лѣтъ его жизни, по временамъ съуживая, но ни на минуту не прекращая своего бурнаго теченія. Ни на минуту не видно раскаянія или сожалѣнія въ Іоаннѣ: лишь по временамъ въ немъ обнаруживается боязнь за свою безопасность, и тогда всюду ему чудится измѣна, онъ устремляетъ всю свою заботу о сохраненіи своего здоровья, о скопленіи себѣ богатствъ, о сооруженіи твердынь для храненія ихъ, о скученіи около себя людей, для которыхъ единственнымъ оплотомъ отъ ненависти народа была бы невредимость грознаго властителя. Вотъ почему Дженкинсонъ на пути въ Москву видитъ, какъ 10 тыс. рабочихъ спѣшатъ сооруженіемъ неприступныхъ твердынь въ Вологдѣ. Вотъ почему въ Москвѣ онъ застаетъ и все царство и самую столицу раздѣленными на Земщину и Опричнину. Вотъ почему царь, самъ сознавая какъ нестерпимо его мучительство для его народа,—угодливостію къ просьбамъ Елисаветы заискиваетъ ся доброжелательства на случай, если бы «по тайному ли заговору, по внѣшней ли враждѣ онъ былъ вынужденъ покинуть Россію» и искать у нея, единственной своей союзницы, убѣжища для себя и для своей семьи.

Предположеніе это объясняетъ многое: становится понятнымъ, почему Іоаннъ въ грамотѣ, посланной съ Дженкинсономъ, требуетъ присылки архитектора, который умѣетъ строить крѣпости, башни и дворцы — онъ соорудитъ для царя безопасное жилище; доктора и аптекаря—они будутъ блюсти его здоровье; мастеровъ для отысканія золота и серебра — они увеличатъ его казну. Невольно представляется воображенію, какъ Іоаннъ, подъ покровомъ ночи, самъ скрытыми переходами вводитъ Дженкинсона въ свой теремъ и тамъ въ присутствіи одного своего совѣтника, черезъ его толмача Рюттера, даетъ ему тайный наказъ о предложеніи Елисаветѣ союза дружбы, но союза такого, чтобы врагъ одного изъ нихъ былъ врагомъ другаго, чтобы невзгода каждаго была невзгодою обоихъ, чтобы, если одинъ покинетъ свое государство, то государство другаго было бы для него открыто, какъ свое собственное владѣніе.

Съ этимъ порученіемъ Дженкинсонъ былъ отпущенъ въ Англію тою же осенью, вѣроятно черезъ Литву, потому что въ Ноябрѣ того же 1567 года онъ уже письменно изложилъ его въ Лондонѣ: царь спѣшилъ—онъ требовалъ отвѣта къ Петрову дню (29 іюня), слѣдовательно. съ весенними кораблями.

Но въ расчеты Елисаветы не могло входить заключеніе наступательнаго и оборонительнаго союза съ Іоанномъ: ожидать отъ Россіи помощи въ своихъ войнахъ съ католическими державами она не могла; вступать въ борьбу съ враждебными Россіи Польшею и Швеціею, было также противно выгодамъ Англіи. Россія была для Англіи не государствомъ, имѣющимъ какое либо политическое значеніе, а не болѣе какъ выгоднымъ торговымъ рынкомъ, на которомъ сбывались издѣлія Англійскія и откуда получались сырыя произведенія, необходимыя для поддержанія Англійской промышленности. Назначенный царемъ срокъ миновался, а отвѣта на посланное имъ предложеніе ему дано не было: онъ оставался даже въ неизвѣстности, выполнилъ ли Дженкинсонъ данное ему порученіе.

Тѣмъ временемъ для Англійскаго общества купцовъ, торгующихъ съ Московіею, возникла важная опасность—утратить свое до сихъ поръ безраздѣльное господство въ Русской торговлѣ. Съ уничтоженіемъ ордена Меченосцевъ, владѣнія его

распредѣлились между королями Шведскимъ и Польскимъ и упрочилось за царемъ владѣніе восточныхъ частей Эстляндіи и Лифляндіи. Еще дѣдъ Іоанна, основаніемъ Ивангородской крѣпости, отдѣленной только рѣкою отъ города Нарвы, указалъ на то значеніе, которое онъ придавалъ господству надъ этой мѣстностію, предоставлявшею Россіи пристань на Балтійскомъ морѣ; съ приведеніемъ подъ власть Россіи западной окраины Волхова, Пейпуса и Наровы, открывалась для Іоанна возможность учредить безопасный торговый путь изъ Пскова и изъ Новгорода въ Нарву и, ставъ твердою ногою на Балтійскомъ прибрежьѣ, прорубить въ Европу то окно, которое открыть суждено было Петру не ранѣе какъ черезъ полтора вѣка. Іоаннъ не только усвоилъ себѣ мысль великаго своего дѣда о важномъ значеніи Нарвы, но въ овладѣніи ею усмотрѣлъ еще возможность исправить огромную ошибку этого дѣда, раззореніемъ Новгорода уничтожившаго сношенія съ Ганзою. Іоаннъ вознамѣрился привлечь въ Нарву торговлю Любчанъ и соглашаясь, въ угоду Елисаветѣ, закрыть Бѣломорскія пристанища для всѣхъ иноземцевъ кромѣ Англичанъ, въ то же время открылъ въ Нарвѣ торгъ всѣмъ иноземцамъ и по преимуществу Любчанамъ.

Московскій агентъ Англійскаго общества также учредилъ въ Нарвѣ свою контору; но посланные имъ туда прикащики Рюттеръ и Гловеръ, чрезъ посредство Чаппеля, вступили въ прямыя сношенія съ Англійскими купцами, принадлежавшими къ другому обществу Англичанъ, торговавшихъ въ Любекѣ и Германіи, и такимъ образомъ способствовали подрыву Бѣломорскаго общества. Послѣднее взволновалось и спѣшило въ самомъ началѣ положить предѣлъ опасному совмѣстничеству: по его настояніямъ, вслѣдъ за возвращеніемъ Дженкинсона, Елисавета послала въ Нарву гонцовъ: Манлея (въ Октябрѣ 1567) и Мидльтона (въ Февралѣ 1568) съ требованіемъ схватить означенныхъ прикащиковъ и отправить ихъ въ Англію; но Іоаннъ особенно благоволилъ къ Рюттеру, бывшему переводчикомъ при Дженкинсонѣ, и къ Гловеру, также участнику «въ томъ дѣлѣ съ начала, какъ «у царя съ королевною быти братству и любви»; Чаппель также, съ опасностію жизни, исполнялъ разныя порученія царя въ Любекѣ; притомъ Манлей и Мидльтонъ «обнявся гордостію

«ни котораго отвѣту не учинили» о томъ исполнилъ ли Дженкинсонъ царское порученіе? Оба гонца, равно какъ и третій—Гудманъ, по повелѣнію царя, были задержаны впредь до полученія отвѣта Елисаветы. Къ принятію этой мѣры побудили его и навѣты отложившихся прикащиковъ, увѣрявшихъ, что гонцы не имѣютъ никакого полномочія отъ Елисаветы, что грамоты, привезенныя ими, подложны и что они лазутчики короля Польскаго, всячески старающагося препятствовать Нарвской торговлѣ; послѣднее же могло казаться Іоанну тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что еще до пріѣзда Дженкинсона въ 1567 году, Сигизмундъ 2-й, надѣясь возбудить подозрѣнія царя па Англійскихъ гостей, подсылалъ подложныя отъ себя па нихъ имя благодарственныя грамоты, снаряжалъ въ Данцигѣ корабли для захвата судовъ, идущихъ къ Нарвѣ, убѣждалъ Датчанъ и Шведовъ не допускать сего плаванія и угрожалъ Елисаветѣ, что «лишитъ жизни, свободы, женъ и дѣтей» тѣхъ изъ ея подданныхъ, которые будутъ возить товары, оружіе, мастеровъ и художниковъ въ Нарву «къ Москалю — этому не только временному недругу короны Польской, но и исконному врагу всѣхъ «свободныхъ народовъ».

Въ этихъ обстоятельствахъ Елисавета рѣшилась отправить чрезвычайнаго своего посланника къ царю: для порученія этого она избрала одного изъ своихъ царедворцевъ, бывавшаго уже въ посольствахъ, начальника почтъ Ѳому Рандольфа; главное его порученіе состояло въ томъ, чтобы съ помощью посланныхъ съ нимъ двухъ агентовъ возстановить порядокъ въ дѣлахъ торговыхъ и требовать высылки прикащиковъ, вредившихъ торговлѣ общества; о договорѣ союза онъ долженъ былъ или пройти молчаніемъ или отвѣчать уклончиво, чтобы избѣжать участія Англіи въ войнахъ Россіи съ Польшею и Швеціею; о тайномъ порученіи Дженкинсона велѣно объявить царю, что королевна, зная могущество и мудрость царя, усумнилась въ достовѣрности словъ, переданныхъ Дженкинсономъ; что впрочемъ, въ случаѣ непредвидѣннаго бѣдствія, царь будетъ дружески принятъ ею въ Англіи; съ своей же стороны она, уповая на милость Божію, вполнѣ увѣрена въ своей безопасности какъ отъ своихъ подданныхъ, такъ и отъ внѣшнихъ враговъ.

Въ грамотѣ своей къ царю Елисавета упоминала лишь о торговыхъ дѣлахъ; остальную часть своего наказа Рандольфъ долженъ быть изложить словесно, избѣгая всякихъ письменныхъ обязательствъ.

Рандольфъ прибылъ къ пристани Св. Николая 23 Іюля 1568 года, но въ Москву пріѣхалъ только 15 Октября: Англичанамъ было запрещено его встрѣтить; его и его свиту не выпускали никуда изъ отведеннаго имъ дома и никого не допускали къ нимъ. Въ грамотахъ своихъ къ Елисаветѣ Іоаннъ объясняетъ это тѣмъ, что Рандольфъ не хотѣлъ совѣщаться съ боярами ни о какихъ дѣлахъ, прежде чѣмъ будетъ принятъ царемъ; но вѣрнѣе, кажется, предположить, что царь не хотѣлъ, чтобы посолъ и посольскіе люди знали о томъ, что дѣлалось на Москвѣ, гдѣ въ это время происходили казни, неистовствовали опричники, лишался сана митрополитъ Филиппъ..... Могли также влiять на царя и навѣты Московскихъ прикащиковъ общества, которые, опасаясь обличенія своихъ злоупотребленій агентами, прибывшими съ Рандольфомъ, старались клеветать на посла, даже возбуждали подозрѣніе въ подлинности грамотъ, привезенныхъ имъ отъ королевны. Послѣдняя догадка подтверждается жалобою Рандольфа на то, что какъ письма, присланныя на его имя изъ Англіи, такъ и тѣ, которыя были имъ туда отправлены, были, по проискамъ и доносамъ Беннета и Рюттера, перехвачены въ Нарвѣ и переданы для перевода одному изъ главныхъ зачинщиковъ—Ральфу Рюттеру.

Впрочемъ, Іоаннъ въ послѣдующихъ своихъ письмахъ объясняетъ долгое непринятіе Рандольфа Божіимъ посѣщеніемъ — моровымъ повѣтріемъ.

Наконецъ Рандольфъ 9 Февраля 1569 года былъ принятъ царемъ; но ему не было оказано обыкновеннаго посольскаго почета: часъ для пріема былъ назначенъ весьма ранній—8 часовъ утра; ни для него, ни для его свиты не было прислано лошадей, такъ что онъ принужденъ былъ занять верховую лошадь для себя, а свиту вести во дворецъ пѣшкомъ; по прибытіи въ посольскій приказъ, его заставили ждать тамъ цѣлые два часа; а по представленіи царю, онъ не удостоился приглашенія къ царскому столу.

Нѣсколько дней спустя царь потребовалъ его къ себѣ вечеромъ на совѣщаніе; совѣщаніе это было обставлено большою таинственностію. Присланный отъ царя бояринъ (князь Вяземскій?) въ темную, холодную ночь самъ провелъ во дворецъ Рандольфа, переодѣтаго въ Русское платье. Совѣщаніе длилось около трехъ часовъ и Рандольфъ возвратился домой только подъ утро. На другой день царь отправился въ Александровскую Слободу и принялъ Рандольфа уже только въ началѣ Апрѣля, но на этотъ разъ принялъ весьма милостиво, даровалъ Англійскимъ гостямъ новыя привилегіи, разрѣшивъ имъ вести черезъ Россію торгъ въ Персію, искать желѣзную руду въ Вычегдѣ и переплавлять монету въ Москвѣ, въ Новгородѣ и во Псковѣ; Англичанамъ, заведшимъ отдѣльную отъ общества торговлю въ Нарвѣ, запрещено было ее продолжать и обществу предоставлено право захватывать иноземные корабли, которые стали бы ходить къ Бѣломорскому прибрежью, съ тѣмъ, чтобы половина добычи шла въ царскую казну. Но особенно замѣчательна статья жалованной грамоты, по которой Англійскій дворъ въ Москвѣ изъ Земщины передавался въ вѣдѣніе Опричнины. Соображеніе этого обстоятельства съ тѣмъ, что всѣ переговоры съ Рандольфомъ были ведены извѣстнымъ любимцемъ Іоанна, однимъ изъ главныхъ опричниковъ, княземъ Аѳанасіемъ Ивановичемъ Вяземскимъ, указываетъ, что Іоаннъ смотрѣлъ на сношенія свои съ Англіею не какъ на дѣло международное, но какъ на лично его и Елисаветы касавшееся.

Вручая Рандольфу эту грамоту, царь велѣлъ ему ѣхать за собою въ Вологду, объявивъ, что оттуда отпуститъ съ нимъ посланникомъ къ Елисаветѣ Андрея Григорьевича Совина. Отправленіемъ этого посла царь такъ торопился, что на другой же день по отпускѣ Рандольфа въ Вологдѣ, Совинъ объявилъ Рандольфу, что ему на отъѣздъ дано три дня, по истеченіи которыхъ его пожитки будутъ выкинуты.

Цѣль посольства Рандольфа, по видимому, была достигнута: общество Англійскихъ гостей получило не только подтвержденіе, но и распространеніе своихъ повольностей; совмѣстничество иноземцевъ въ Бѣломорской торговлѣ было устранено; подорваніе этой торговли тѣми Англичанами, которые завели было

собственный торгъ въ Нарвѣ, прекращено въ самомъ началѣ и главный зачинщикъ этой торговой смуты—Гловеръ выданъ Рандольфу для отвѣта передъ обществомъ. Но требованіе Іоанномъ заключенія наступательнаго и оборонительнаго договора обозначилось настоятельнѣе, и хотя Рандольфу и удалось устранить себя отъ доконьчанія такого договора, но онъ не могъ отговориться отъ отвоза въ Англію Совина, а Совину данъ наказъ съ прописаніемъ условій, которыя должны были быть включены въ договоръ, и въ которыхъ ему запрещено было допустить какія либо измѣненія.

Требованія царя заключались въ томъ, чтобы Елисаветѣ и ему стоять за одно противъ обоюдныхъ враговъ; помогать другъ другу войскомъ, казною и всѣми военными потребностями; подданныхъ своихъ невозбранно допускать селиться въ обоихъ государствахъ и дозволить имъ вести торговлю свободную отъ пошлинъ и отъ всякихъ ограниченій. Тайною статьею оба государя должны были обязаться, въ случаѣ невзгоды одного изъ нихъ, дать союзнику убѣжище въ своемъ государствѣ. Договоръ долженъ былъ быть обоюдно укрѣпленъ крестнымъ цѣлованіемъ, выдачею грамотъ за государственными печатями и взаимною присылкою посланниковъ для присутствованія при крестномъ цѣлованіи. Посланникомъ отъ Елисаветы долженъ былъ быть Антонъ Дженкинсонъ и онъ долженъ былъ ѣхать въ Россію при обратномъ отъѣздѣ туда Совина.

Для совѣщаній съ Совинымъ Елисавета назначила довѣреннѣйшихъ своихъ сановниковъ—лордовъ своего тайнаго совѣта. Переговоры эти длились около года (съ Іюля 1569 до Мая 1570); но они не привели ни къ какому результату. Лорды объясняли, что королевна, прежде чѣмъ вовлечь Англію въ войны царя съ его недругами, должна была убѣдиться въ справедливости поводовъ къ этимъ войнамъ и испытать успѣхъ своего посредничества въ устраненіи ихъ. Совинъ настаивалъ на дословной перепискѣ требованій царя, считая несообразнымъ съ достоинствомъ своего государя, чтобы правильность его дѣйствій была обсуждаема Елисаветой. Елисавета надѣялась, что царь, одумавшись, откажется отъ своихъ требованій, и когда, съ наступленіемъ весны, Совинъ настоятельно просилъ отпуска, отпу-

стила его безъ Дженкинсона, въ то время (можетъ быть и не безъ намѣренія) находившагося внѣ Лондона, и снабдивъ его не договоромъ, а двумя грамотами—одною «обычною какъ проѣжжею» (какъ называлъ ее въ послѣдствіи Іоаннъ), другою—тайною, за своею подписью и собственною, малою, печатью. Первою, составлявшею отвѣтъ на явные предметы посольства Совина, она обязывалась блюсти союзъ съ Россіею, оказывая взаимную помощь противъ общихъ враговъ и предотвращая всякій вредъ, который кто либо пожелалъ нанести Россіи; второю, тайною—она обѣщала Іоанну съ семействомъ и приближенными убѣжище въ Англіи на случай, еслибы «по тайному ли заго«вору, по внѣшней ли враждѣ»—онъ будетъ вынужденъ оставить Россію.

Подобный отвѣтъ не могъ удовлетворить Іоанна, достигшаго въ это время полнаго разгара той безпримѣрной въ исторіи эпохи тиранства, когда уже не поименно, не десятками, не сотнями, а болѣе чѣмъ тысячью вписывались въ Синодики казнимыя по его повелѣнію жертвы *). Неистовою бранью разразился онъ въ письмѣ къ Елисаветѣ, посланномъ вслѣдъ за возвращеніемъ Совина (24 Октября 1570).—Мы думали, пишетъ онъ, что ты въ своемъ государствѣ государыня, что ты имѣешь государскую власть и заботишься о своей государской чести и о выгодахъ своего государства; по этому мы и хотѣли дѣлать съ тобою дѣла по государски. Но мы видимъ, что твоимъ государствомъ правятъ помимо тебя люди, да не то что люди, «но мужики торговые», а ты какъ есть дѣвица, такъ по дѣвичью и ведешь себя («а ты пребываешь въ своемъ дѣвическомъ чину какъ есть пошлая дѣвица»). Послѣ того намъ нечего продолжать съ тобою нашихъ сношеній: возврати намъ нашу жалованную грамоту; впрочемъ, если и не возвратишь ее—все равно: уничтожаемъ и ее и всѣ прежнія ей подобныя грамоты. Посмотримъ, каково то будетъ безъ нихъ тѣмъ «торговымъ мужикамъ», которые изъ за своихъ торговыхъ прибылей препе-

*) См. въ Синодикѣ: «Помяни Господи душа рабъ своихъ тысящу пятьсотъ пяти человѣкъ (Н. Устряловъ. Сказанія князя Курбскаго. Изд. 2-е С.-Петербургъ. 1842, стр. 417).

берегли нашею государскою честію и государственными выгодами нашими.—И безъ Англійскихъ гостей Московское государство «нескудно было».

Грамоту эту привезъ состоявшій на службѣ общества, бывшій при Совинѣ толмачомъ, Данило Сильвестръ. Но еще до его пріѣзда въ Лондонѣ получено извѣстіе, вѣроятно черезъ Нарву, что царь не только отнялъ вольности у Англійскихъ гостей, но велѣлъ захватить всѣ ихъ товары и прекратить торговлю общества, не принимая никакихъ жалобъ гостей на неплатежъ имъ долговъ. Обществу грозила опасность лишиться выгодной торговли съ Россіею, и видѣть прекращеніе только что учрежденныхъ имъ сношеній съ Шемахою и Персіею, черезъ которыя Англія имѣла надежду подорвать торговлю Венеціанцевъ и Португальцевъ съ Востокомъ.

Недоумѣвая о причинахъ такихъ поступковъ царя, Елисавета поспѣшно отправила къ нему гонцомъ Роберта Беста, прося объяснить чѣмъ заслужили ея подданные такую опалу? Какъ видно изъ отвѣта Іоанна на грамоту, привезенную Бестомъ, Елисавета высказываетъ предположеніе, что царь прогнѣвался на то, что нанятые Совинымъ въ Англіи корабельные мастера не были отпущены изъ Англіи; что съ привезенныхъ имъ пожитковъ и товаровъ взята въ Англіи пошлина; и что ему не оказано должнаго почета; и затѣмъ оправдывается въ этихъ ею же высказанныхъ обвиненіяхъ. Но не на то гнѣвался Іоаннъ: о корабленникахъ ему «кручины не бывало», на пошлины ему никто не жаловался, а если Совину и было задержаніе въ переговорахъ и безчестіе въ кормахъ, не на то его гнѣвъ, а на то, что она не цѣловала креста на своей грамотѣ передъ Совинымъ и не учинила съ нимъ никакого договора.—И до тѣхъ поръ продолжится наша опала на твоихъ гостей, пишетъ царь, пока не пришлешь къ намъ своего посла (добраго человѣка) и съ нимъ Дженкинсона.—И тутъ же въ концѣ грамоты добавляетъ: — И теперь дошелъ до насъ слухъ, что Дженкинсонъ къ намъ пріѣхалъ; и когда мы его выслушаемъ, то увѣдомимъ тебя о послѣдующемъ.

Дѣйствительно во время написанія этой грамоты (въ Августѣ 1571 г.) Дженкинсонъ уже былъ въ Холмогорахъ, откуда немедленно отправилъ Сильвестра въ Москву извѣстить царя о своемъ пріѣздѣ. Но на всѣхъ путяхъ къ Москвѣ были поставлены заставы по причинѣ мороваго повѣтрія и Сильвестръ за 90 верстъ до Вологды былъ задержанъ въ Шуйскомъ острогѣ, такъ что Дженкинсонъ цѣлые четыре мѣсяца не зналъ, что съ нимъ сталось. Онъ рѣшился послать другаго гонца окольною дорогою (вѣроятно черезъ Повѣнецъ на Новгородъ); но и эта попытка оказалась неудачной: гонецъ вскорѣ возвратился съ извѣстіемъ, что, попавшись на заставу, едва избѣгнулъ опасности быть сожженнымъ вмѣстѣ съ своего лошадью (ибо такъ велѣно было поступать со всѣми, кто будетъ пытаться миновать сторожевыя заставы). До половины Января пробылъ Дженкинсонъ въ Холмогорахъ, подвергаясь всякимъ обидамъ со стороны начальныхъ людей и получая отвсюду самые тревожные слухи: съ наложеніемъ царской опалы на Англійскихъ гостей, все ихъ имущество, всѣ ихъ товары были отъ нихъ отобраны; имъ отказывали въ платежѣ должныхъ имъ денегъ; выстроенное въ Ярославлѣ судно для плаванія въ Шемаху за находившимися тамъ прикащиками общества и за купленными ими въ Персіи товарами, было задержано въ Астрахани; наконецъ, въ самой Москвѣ, выжженной въ Маѣ того года Девлетъ Гиреемъ, сгорѣло товаровъ, сложенныхъ на Англійскомъ подворьѣ цѣнностію до 10 тысячъ рублей. Вѣроятно доходили до Дженкинсона слухи и о томъ, что царю было не до заботъ не только о дѣлахъ Англійскихъ «торговыхъ мужиковъ», но и объ устройствѣ своего государства, раззореннаго голодомъ, моромъ, нашествіемъ Крымцевъ. Сперва царь Иванъ Васильевичъ отомщалъ позоръ своего бѣгства передъ Девлетъ Гиреемъ казнью тѣхъ бояръ, которыхъ обвинялъ въ призваніи его; потомъ занялся смотринами себѣ невѣсты изъ числа созванныхъ со всего государства красавицъ, леченіемъ избранной между ними Марѳы Собакиной, устройствомъ брачнаго съ нею торжества; наконецъ сѣтованіемъ о преждевременной ея кончинѣ, сѣтованіемъ, сопровождавшимся, какъ бы въ тризну по ней, новыми казнями людей, обвиняемыхъ въ томъ, что они напустили на нее порчу!

По видимому, казни эти успокоили Грознаго и вселили въ немъ убѣжденіе, что со смертію своихъ внутреннихъ супостатовъ онъ прочно утвердилъ свою личную безопасность; по крайней мѣрѣ, когда Дженкинсонъ былъ наконецъ допущенъ предстать предъ него въ Александровской Слободѣ и потомъ когда получилъ въ Старицѣ свой отпускъ, Іоаннъ объявилъ ему, что онъ на время отлагаетъ свои тайныя дѣла, т. е. переговоры о взаимной клятвѣ его и Елисаветы во всякое время дать другъ другу убѣжище.—При этомъ царь объявилъ, что предастъ забвенію свое неудовольствіе на Англичанъ, возвращаетъ имъ всѣ ихъ вольности и велитъ на будущее время давать имъ охранную стражу при плаваніи ихъ по Волгѣ для торговли съ странами за-Каспійскими.

Пересматривая бумаги, касающіяся этого посольства Дженкинсона, нельзя не остановить вниманія на исполненномъ царственнаго достоинства отвѣтѣ Елисаветы на бранное названіе ея царемъ «сущею (пошлою) дѣвицею».—Никакіе купцы, пишетъ она, не правятъ нашимъ государствомъ; управляемъ имъ мы сами и управляемъ какъ приличествуетъ дѣвѣ и королевнѣ, Богомъ поставленной; и нѣтъ того государя, которому бы столь охотно повиновались подданные, какъ намъ: за что мы воздаемъ благодареніе Богу!—Не лишенъ достоинства и отвѣтъ Іоанна, когда, по его жалобамъ на поведеніе Англійскихъ гостей, Дженкинсонъ просилъ его назвать имена виновныхъ.— Ты ихъ не узнаешь: я простилъ ихъ, отвѣчалъ царь, а что значило бы мое царское прощеніе, если бы я предоставилъ твоей королевнѣ ихъ наказывать!

Главная цѣль посольства Дженкинсона была такимъ образомъ достигнута: онъ возстановилъ Бѣломорскую и за-Каспійскую торговлю Лондонскаго общества. Однакоже, вознагражденіе убытковъ, хотя отчасти было обѣщано, но не послѣдовало. Притомъ поведеніе съ нимъ царя показываетъ большое измѣненіе въ прежнемъ къ нему благорасположеніи: изъ года, проведеннаго имъ въ Россіи (съ 26 Іюля 1571 до 23 Іюля 1572) Дженкинсонъ былъ продержанъ семь мѣсяцевъ въ Холмогорахъ (до 18 Января), полтора мѣсяца въ Переяславлѣ (съ 3 Февраля до 23

Марта); по принятіи его царемъ въ Слободѣ высланъ въ Тверь, гдѣ еще около двухъ мѣсяцевъ (до 13 Мая) безъ дѣла ожидалъ пріѣзда царя въ Старицу и на другой же день по полученіи отпуска отправленъ обратно въ Холмогоры. Въ Москву онъ не былъ допущенъ. Оставить Сильвестра въ Старицѣ для полученія новой жалованной грамоты, денегъ, должныхъ царемъ обществу, и Англичанъ, которыхъ выдача по требованію Елисаветы была ему обѣщана,—не было ему дозволено, съ обѣщаніемъ, что и грамота, и деньги, и Англичане будутъ сданы ему въ Вологдѣ.—Посланный отъ него въ Новгородъ съ напоминаніемъ о семъ слуга не отпущенъ къ нему обратно. Наконецъ, по жалобамъ его на какого то царскаго чиновника Безсона, оскорблявшаго его (въ Холмогорахъ?), и въ его присутствіи бившаго Англичанъ и поносившаго королевну, обѣщано наказать этого Безсона лишь подъ условіемъ, чтобы пріѣзжавшіе въ Нарву въ 1568 году гонцы королевины Маплей и Миддльтонъ были также наказаны.

23 Іюля 1572 г. Дженкинсонъ навсегда простился съ Россіею. По прибытіи въ Лондонъ онъ представилъ отчетъ о своемъ посольствѣ и затѣмъ подалъ обществу записку, въ которой, изложивъ перечень своихъ двадцати шестилѣтнихъ странствованій въ Европѣ, Азіи, Африкѣ и Россіи, онъ говоритъ въ заключеніе: «И нынѣ утомленный и состарѣвшійся, я намѣренъ отдохнуть въ своемъ домѣ, утѣшенный главнѣйше тѣмъ, «что моя служба была достойно оцѣнена и вознаграждена ея величествомъ и другими, кому я служилъ».

За увольненіемъ Дженкинсона отъ службы обществу, переговоры съ царемъ были въ слѣдующіе года поручаемы Даниле Сильвестру. Посланный къ царю въ 1573 году, онъ привезъ Елисаветѣ письмо отъ него отъ 20 Августа 1574 г., съ извѣстіемъ, что царь вновь опалился на Англійскихъ купцовъ по причинѣ открытія сношеній Ѳомы Гловера и Ральфа Рюттера съ его недругомъ королемъ Польскимъ и приказалъ по этому случаю захватить въ царскую казну всѣ товары, находившіеся въ Англійской конторѣ въ Вологдѣ; гнѣвался онъ на нихъ и за то, что въ числѣ взятыхъ у Шведовъ нашими войсками плѣн-

ныхъ были Шотландцы, которыхъ Русскіе, какъ говорящихъ по Англійски, принимали за Англичанъ. За то и привилегіи Англійскихъ гостей были возобновлены уже не въ прежней силѣ и, вмѣсто совершенно безпошлинной торговли, имъ разрѣшено торговать не иначе какъ съ уплатою таможенныхъ пошлинъ, впрочемъ на половину меньшихъ противъ платимыхъ другими иноземцами. Но, по донесенію Сильвестра, главное неудовольствіе Іоанна заключалось въ томъ, что Елисавета не возобновляла прежнихъ съ нимъ переговоровъ, и, по неумѣстной, какъ находилъ царь, горделивости, не хотѣла включить въ тайный договоръ условія о томъ, что и сама, на случай нужды, желаетъ имѣть убѣжище въ Россію; а также и въ томъ, что она не изъявляетъ готовности утвердить тайный договоръ крестнымъ цѣлованіемъ, подписью членовъ своего совѣта и привѣшеніемъ большой государственной печати.—Удовлетвореніе этихъ требованій, по словамъ Сильвестра, совершенно обезопасило бы положеніе Англійскаго общества въ Россіи и доставило бы великія выгоды его торговлѣ.

Справедливость указанія Сильвестра доказывается заключительными словами привезенной имъ грамоты царя (20 Августа 1574 г.). «А если захочешь отъ насъ большей къ себѣ любви «и дружбы, то обдумай и исполни то дѣло, которымъ можешь «увеличить свою любовь къ намъ».

Елисавета была крайне изумлена этими требованіями царя, который еще за два года передъ тѣмъ, въ послѣдній къ нему пріѣздъ Дженкинсона, по видимому, совершенно отъ нихъ отказался. По опыту зная, чего могутъ ожидать ся подданные отъ самовластія Іоанна, она опасалась его раздражить, но въ то же время сдѣлала послѣднюю попытку уклониться отъ прямаго исполненія его желаній. Попытка эта выразилась въ новой посылкѣ къ царю Сильвестра, наказъ коего написанъ съ замѣчательнымъ искуствомъ. Сильвестру было поручено объяснить, что королевна прежде всего заботилась и заботится о соблюденіи тайны своихъ переговоровъ съ царемъ: по этому она и не могла ни учинить крестнаго цѣлованья, ни приказать привѣсить государственную печать къ своей грамотѣ, ибо по установленіямъ королевства Англіи, какъ то, такъ и другое требуетъ уча-

стія столькихъ сановниковъ, что соблюденіе тайны послѣ сего будетъ невозможно; что допускать подписаніе совѣтниками грамотъ, подписанныхъ королевною, по Англійскому обычаю было бы несовмѣстно съ государскимъ достоинствомъ. Но замѣчательнѣе всего изложеніе отказа Елисаветы на требованіе царя, чтобы она, подобно ему, просила, на случай нужды, убѣжища въ Россіи.—Вы объясните царю, наказываетъ она Сильвестру, что подобная просьба съ нашей стороны подастъ нашимъ подданнымъ мысль, что мы имѣемъ поводъ чего либо отъ нихъ опасаться; а такой мысли для нихъ достаточно будетъ, чтобы дѣйствительно поставить насъ въ опасное положеніе. Не сомнѣваемся, что царь, оказывающій намъ столь великую дружбу, не захочетъ подать къ сему поводъ.

Сильвестръ засталъ царя Ивана Васильевича въ ту невѣроятную эпоху его жизни, когда, объявивъ Касимовскаго царя Саинъ Булата «Великимъ Княземъ Симеономъ Бекбулатовичемъ всеа Русіи» и называя себя и своихъ сыновей въ подаваемыхъ ему челобитныхъ Московскими князьями: «Иванцомъ Васильевымъ съ дѣтишками съ Иванцомъ, да съ Ѳедорцомъ», онъ проживалъ въ Москвѣ внѣ Кремля въ своемъ опричномъ домѣ, гдѣ и былъ принятъ Сильвестръ 29 Ноября 1575. — «Ты видишь, сказалъ ему царь, какъ сбылись наши опасенія, побудившія насъ вести тайные переговоры съ нашею сестрою королевною! Измѣны нашихъ подданныхъ довели насъ до того, что мы передали правленіе государствомъ чужеродцу! Зачѣмъ не согласилась она на наши предложенія: твердый взаимный союзъ упрочилъ бы нашу державу и побудилъ бы насъ дать ея подданнымъ всякія вольности, какихъ бы только они могли пожелать. — Неразумно поступила сестра наша, не принявъ наше предложеніе!»

По иначе заговорилъ Іоаннъ два мѣсяца позже (29 Января 1575), отпуская Сильвестра, послѣ того какъ заключилъ дружественный договоръ съ присланными отъ цесаря послами. Рѣчь царя при этомъ случаѣ очевидно записана Сильвестромъ съ дословною точностью; смыслъ ея таковъ:—Мы знаемъ какъ велики выгоды, извлекаемыя Англійскими гостями отъ вольностей, которыя имъ были милостиво пожалованы нами. Между

тѣмъ не видимъ отъ сестры нашей никакой взаимности за нашу къ ней дружбу. Ни одно изъ нашихъ желаній не было ею исполнено. Даже нынѣ она неумѣстно возносится надъ нами и находитъ неприличнымъ для себя выразить намъ ту же просьбу (объ убѣжищѣ), съ какою мы къ ней обратились. По этому объяви ей, что мы требуемъ отъ нея безусловнаго согласія на наши предложенія. Отказъ ея будетъ имѣть послѣдствіемъ передачу всей торговли, которая теперь уступлена нами Англичанамъ, въ руки Венеціанцевъ и Германцевъ, отъ которыхъ они получаютъ большую часть товаровъ, къ намъ привозимыхъ. Не думай, чтобы мы не были властны сіе учинить: правда—мы передали другому нашу державу, но мы можемъ, по своему произволу, вновь во всякое время ее воспріять: наши семь вѣнцовъ, нашъ скипетръ, вся царская утварь, всѣ царскія сокровища, вся казна государственная въ нашихъ рукахъ.—

Елисавета видѣла, что невозможно было болѣе уклоняться и спѣшила отправить обратно Сильвестра съ своимъ отвѣтомъ къ царю: но отвѣту этому не суждено было дойти до царя. По прибытіи въ Холмогоры, пишетъ Горсей, Данило Сильвестръ «сталъ пересматривать свои платья, собираясь везти къ царю «грамоту королевны; портной только что примѣрилъ на немъ «въ одной изъ комнатъ верхняго жилья Англійскаго подворья «новую одежду изъ желтаго атласа и едва успѣлъ сойти съ «лѣстницы, какъ ударила громовая стрѣла и убила Сильвестра «на мѣстѣ, пройдя чрезъ внутренній воротъ его новаго платья «и выйдя изъ правой стороны его тѣла. Молніей были также «убиты находившіеся при немъ мальчикъ и собака, и въ одно «мгновеніе сожжены его ларчикъ, письма и весь домъ.—Царь «былъ крайне пораженъ, когда онъ о семъ услыхалъ и сказалъ: да будетъ воля Божія!»

Въ слѣдующіе затѣмъ три года Іоаннъ, кажется, не имѣлъ никакихъ особенныхъ сношеній съ Англіею. Заботы о войнѣ со Швеціею и въ особенности съ Польшею, по видимому, поглощали все его вниманіе: нужно было заботиться не столько о сохраненіи завоеваній въ Ливоніи, сколько объ охраненіи областей Русскихъ: уже Полоцкъ, Соколъ, Ругодивъ (Нарва) съ Ивангородомъ были отвоеваны непріятелемъ; Великіе Луки въ

области Псковской, Яма (Ямбургъ), Копорье, Орѣшекъ (Шлиссельбургъ), Корела (Кексгольмъ)—въ бывшей Вотской пятинѣ прежней области Новогородской—были отвоеваны врагами. Царь имѣлъ необходимость и необходимость неотложную въ боевыхъ припасахъ—мѣди, свинцѣ, селитрѣ, сѣрѣ, порохѣ и проч. Съ требованіемъ о присылкѣ этихъ припасовъ Іоаннъ рѣшился отправить къ Елисаветѣ «горами», т. е. сухимъ путемъ, одного изъ прикащиковъ общества, нѣкоего Еремѣя Горсей, который успѣлъ обратить на себя его вниманіе своею находчивостью и своими разсказами объ устройствѣ Англійскихъ кораблей и ихъ вооруженіи. Горсей подвергался большой опасности: ему предстояло проѣхать всю Ливонію и Курляндію, гдѣ его могли схватить Поляки какъ Русскаго лазутчика, Померанію и Мекленбургъ, гдѣ того же могъ онъ ожидать отъ Шведовъ; не прежде какъ по пріѣздѣ въ Любекъ и Гамбургъ, могъ онъ считать жизнь свою въ безопасности. Въ какой мѣрѣ отчаянность его попытки была сознаваема самимъ царемъ видно изъ того что, по приказанію царскому, грамота Іоанна была вложена въ деревянную баклажку съ водкою, которую Горсей долженъ былъ держать спрятанною въ гривѣ своего коня. Послѣ разныхъ приключеній Горсею удалось, однакоже, достигнуть Гамбурга, откуда онъ прибылъ въ Лондонъ, вручилъ Елисаветѣ вынутую изъ баклаги грамоту и, весною 1581 года, привелъ въ Россію 13 судовъ, нагруженныхъ требованными царемъ припасами, цѣнностію всего на 9 тыс. фунт. стерл. Царь милостиво похвалилъ Горсея за успѣшное и скорое исполненіе порученія: королевна же наградила Горсея возведеніемъ въ званіе ея тѣлохранителя (званіе соотвѣтствовавшее дворянскому). Съ этого времени Горсей присвоилъ себѣ первенствующее мѣсто въ средѣ Англійскихъ гостей въ Москвѣ, которое, какъ видно, совершенно самопроизвольно продолжалъ занимать до самой кончины Іоанна и позже въ первые года царствованія Өеодора.

Въ слѣдующемъ 1582 году Іоаннъ отправилъ къ Елисаветѣ посла, дворянина Өедора Андреевича Писемскаго, и при немъ подьячаго Епифана Неудачу Васильева Ховралева. Имъ поручено было привести къ окончанію дѣло о союзѣ дружбы и любви и сватать за царя одну изъ родственницъ королевны

«княжну Хантинскую» — Марію Гастингсъ, дочь графа Гонтиндонскаго. Англійскому толмачу Писемскаго Эгидію Кроу было кромѣ того приказано тайно передать королевнѣ, что царь имѣетъ намѣреніе прибыть въ Англію.

Извѣстіе объ этомъ намѣреніи не оставалось тайною: народный голосъ приписывалъ его «Нѣмчину, лютому волхву, нарицаемому «Елисѣю» (Бомелію, за два года передъ тѣмъ зажаренному въ Москвѣ), который, по словамъ Псковскаго лѣтописца, «приведе царя на конецъ *), еже бѣжати въ Аглинскую «землю и тамо женитися». Съ большею еще подробностію говоритъ объ этомъ Горсей, прибывшій въ Россію въ 1572 году и съ того времени до 1591 года, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ поѣздокъ въ Англію, постоянно пребывавшій въ Москвѣ, имѣвшій доступъ къ царскому двору и лично извѣстный самому Іоанну: «Елисей Бомелій ввелъ царя въ заблужденіе, «увѣривъ его, что Англійская королевна молода, и что ему «весьма возможно на ней жениться».

Какъ лѣтописное сказаніе, такъ и замѣтка Горсея относительно Бомелія опровергаются соображеніемъ чиселъ начала тайныхъ переговоровъ царя съ Елисаветою, пріѣзда Бомелія въ Россію и обстоятельствъ жизни Іоанна. Записка съ изложеніемъ требованія Іоанна о клятвенномъ обѣщаніи ему убѣжища въ Англіи подана Дженкинсономъ въ Ноябрѣ 1567 года; а Бомелій, содержавшійся за свои предсказанія въ тюрьмѣ, былъ выпущенъ изъ Англіи въ Россію по просьбѣ Совина, посланнаго царемъ къ Елисаветѣ для переговоровъ объ этомъ убѣжищѣ, только два съ половиною года спустя, въ Маѣ 1570 года. Обманывать царя относительно лѣтъ и наружности королевны также едва ли могъ рѣшиться Бомелій. Совинъ нѣсколько разъ былъ ею принимаемъ и въ теченіи своего десятимѣсячнаго пребыванія въ Лондонѣ, едва ли могъ не узнать, что Елисаветѣ въ то

---

*) Т. е. навелъ на мысль, какъ правильно напечатано въ Псковской Лѣтописи М. П. Погодина. М. 1837, стр. 209. Въ изданіи же Археографической коммисіи (Полн. Собр. Лѣт. Спб. 1848. Т. IV, стр. 318) ошибочно напечатано: «наконецъ» въ одномъ словѣ, что уничтожаетъ смыслъ всего предложенія.

время было уже 37 лѣтъ, и что она только тремя годами моложе царя. Притомъ начавшееся еще въ 1560 году сватовство царя на дочери Сигизмунда Польскаго, продолжавшееся и по выходѣ ея въ замужество (въ 1562 году), окончательно прервалось лишь по высылкѣ ея мужемъ, королемъ Іоанномъ Шведскимъ Московскихъ пословъ въ Іюлѣ 1567 г., т. е. за два мѣсяца до написанія (въ Сентябрѣ) грамотъ, посланныхъ съ Дженкинсономъ. Слѣдовательно, до сего отправленія Іоаннъ едва ли могъ думать о бракѣ съ Елисаветою. Невѣроятно также предполагать въ немъ эту мысль и по возвращеніи Совина изъ Англіи, потому что въ концѣ слѣдующаго 1571 года Іоаннъ вступилъ въ третій бракъ съ Мареою Собакиною, а по ея смерти созвалъ соборъ для утвержденія своего четвертаго брака съ Анною Колтовскою. Затѣмъ изъ всѣхъ переговоровъ царя съ Дженкинсономъ въ 1572 г. и съ Сильвестромъ въ 1574 и 1575 годахъ, видно, что Іоаннъ высказывалъ относительно Елисаветы раздраженіе, несовмѣстное съ мыслью о вступленіи съ нею въ бракъ.

На основаніи всѣхъ этихъ несомнѣнныхъ данныхъ, можно утвердительно сказать, что Іоаннъ имѣлъ мысль бѣжать въ Англію почти за три года до пріѣзда Бомелія, и что преданіе о сватовствѣ его на Елисаветѣ представляется совершенно безосновательнымъ.

По пріѣздѣ своемъ въ Англію, Писемскій не могъ быть вскорѣ принятъ королевною по причинѣ свирѣпствовавшей въ то время прилипчивой болѣзни, вѣроятно оспы, которою болѣла и избранная царемъ невѣста: осмотръ Маріи Гастингсъ, который былъ порученъ Писемскому, былъ отложенъ до совершеннаго ея выздоровленія; на снятіе съ нея портрета Елисавета не соглашалась до того времени пока рябины, оставшіяся на ея лицѣ, не побѣлѣютъ и не поизгладятся. Переговоры о союзѣ также шли весьма медленно по причинѣ неуступчивости посланника. Сама избранная невѣста, по видимому, не прельщалась предлагаемою ей будущностію и, хотя въ Англіи еще живы были современники шестибрачнаго Генриха 8-го, но едва

ли молодая Англичанка могла плѣняться мыслью, что будетъ шестою или седьмою супругою 50-тилѣтняго царя. Къ тому же во время пребыванія Писемскаго въ Лондонѣ пришло извѣстіе, что тогдашняя супруга Іоанна (Марія Нагая) разрѣшилась отъ бремени сыномъ (царевичемъ Димитріемъ). Наконецъ, назначенный для отправленія съ Писемскимъ сэръ Вильямъ Россель не хотѣлъ ѣхать въ Россію. Посланникъ скучалъ бездѣйствіемъ и съ наступленіемъ весны торопилъ окончаніемъ порученныхъ ему дѣлъ: 18-го Мая онъ былъ допущенъ видѣть невѣсту; 5-го Іюня назначенъ посломъ къ Іоанну сэръ Еремѣй Баусъ, и двѣ недѣли спустя (21 Іюня), Писемскій съ Баусомъ отплыли въ Россію.

Баусу были даны самые подробные наказы: относительно союзнаго договора онъ долженъ былъ настоять на включеніе условія, чтобы одинъ союзникъ не былъ обязанъ вступать въ войну съ противникомъ другаго, не истощивъ сперва всѣхъ усилій къ умиренію враждующихъ сторонъ; причемъ Баусъ долженъ былъ предложить посредничество королевны въ войнѣ царя съ королемъ Шведскимъ, не принимая однакоже на себя обязательства самому ѣхать въ Швецію и не откладывая изъ за этого дѣла своего выѣзда изъ Россіи. Сватовство Маріи Гастингсъ Баусу было поручено отклонить подъ предлогомъ нездоровья, если же царь будетъ настаивать, то по причинѣ несогласія ея сродниковъ на этотъ бракъ и невозможности королевнѣ ихъ къ тому принудить. Въ случаѣ прибытія царя въ Англію, ему обѣщалось отъ королевны, что онъ будетъ принятъ съ тою ласкою, каковой можетъ ожидать любезный союзникъ, и что для него будетъ сдѣлано все, что можетъ королевна «при своихъ малыхъ средствахъ». Главная цѣль настояній Бауса должна была заключаться въ подтвержденіи обществу всѣхъ его вольностей, права торговли въ Бѣломъ морѣ и свободы отъ всякихъ поборовъ.

О посольствѣ Бауса сохранилось нѣсколько свидѣтельствъ: собственная его записка съ краткимъ отчетомъ объ его пребываніи въ Россіи—она исполнена самохвальства; представленныя имъ по возвращеніи въ Англію жалобы на претерпѣнныя оскорбленія — онѣ обличаютъ тщеславіе, придирчивость, склонность

къ сплетнямъ; разсказъ объ его посольствѣ въ запискахъ Горсея, изъ которыхъ невозможно не вынести убѣжденія въ наглости и въ тщеславіи Бауса; и наконецъ оффиціальныя записи посольскаго приказа, неопровержимо доказывающія, что въ веденіи переговоровъ Баусъ безпрестанно путался въ своихъ отвѣтахъ, отрекался отъ собственныхъ своихъ словъ, и когда былъ уличаемъ, ссылался на недостаточность своихъ наказовъ. Онъ обвинялъ передъ царемъ думнаго дьяка Щелкалова въ подкупѣ Нидерландскимъ купцомъ Де-Валемъ; чиновниковъ царскихъ въ невыдачѣ сполна отпускаемыхъ кормовъ: пристава, сопровождавшаго его изъ Холмогоръ, въ намѣреніи потопить его ладью. — Не соглашаясь на перемѣну Маріею Гастингсъ вѣры, онъ увѣрялъ царя, что Елисавета можетъ предложить на выборъ десять другихъ невѣстъ, которыя и болѣе близки ей по родству и красивѣе по наружности чѣмъ Марія; а на другой день въ отвѣтной палатѣ говорилъ, что такихъ увѣреній не давалъ; когда же былъ уличенъ въ неправдѣ, то отзывался, что у него нѣтъ наказа называть этихъ невѣстъ, а что если Елисавета разрѣшитъ, то готовъ будетъ прислать царю ихъ портреты. Въ самый день представленія къ царю пошелъ въ Кремль пѣшкомъ отъ того, что приведенная ему подъ верхъ лошадь была, на его взглядъ, не столь хороша какъ та, на которой сидѣлъ назначенный его сопровождать бояринъ. Наконецъ, при самомъ первомъ своемъ пріемѣ царемъ, когда, по обычаю, посольскій дьякъ хотѣлъ взять отъ него грамоту Елисаветы, въ присутствіи царя, окруженнаго всѣмъ своимъ дворомъ, сталъ препираться о томъ, что королевна не къ нему, Щелкалову, пишетъ. Въ личныхъ переговорахъ съ царемъ выводилъ Іоанна изъ терпѣнія: на замѣчаніе царя, что онъ, Баусъ, не знаетъ посольскихъ обычаевъ, отвѣчалъ, что знаетъ и изучилъ ихъ на посольствѣ во Франціи; на упоминаніе царя объ императорѣ Римскомъ, о короляхъ Французскомъ и Испанскомъ—отвѣчалъ, что они не чета его государынѣ.

И между тѣмъ грозный царь Иванъ Васильевичъ не только терпѣлъ всѣ эти наглыя выходки Бауса, но ставилъ ихъ въ примѣръ вѣрноподданнической преданности и даже снисходилъ до извиненій передъ Баусомъ, когда не могъ воздерживать сво-

его нетерпѣнія. Однажды онъ назвалъ Бауса неучемъ, но въ тотъ же вечеръ прислалъ къ нему своего любимца Бѣльскаго для объясненій, изъ своихъ царскихъ рукъ избилъ Щелкалова и велѣлъ бросить въ тюрьмы чиновниковъ, на которыхъ жаловался Баусъ. Въ другой разъ, въ порывѣ гнѣва, прогналъ Бауса изъ дворца: по слѣдъ затѣмъ прислалъ удостовѣрить его, что переговоры не прерваны; увеличивалъ его кормы, соглашался на всѣ его просьбы, подтверждалъ и распространялъ, по его ходатайству, повольности Англійскихъ гостей, громогласно, предъ своими боярами объявлялъ ему, что если Елисавета не пришлетъ ему невѣсты, онъ самъ поѣдетъ за нею въ Англію. Понятно сколько злобы накипѣло въ это время въ Русскихъ къ ненавистному свату, который, въ своей кичливости, самъ хвалится въ своихъ запискахъ, что тогда, кто только хотѣлъ милости у царя, искалъ знаковъ его, Баусова, вниманія.

Непродолжительно было самообольщеніе Бауса: 18-го Марта 1584 г., распѣвая, по своему обычаю, веселыя пѣсенки, царь Иванъ Васильевичь, сидя полуодѣтый послѣ ванны, потребовалъ шахматы, но только что разставивъ ихъ, хотѣлъ поставить короля, повалился навзничь на постель въ обморокѣ, которымъ и окончилось его царствованіе. Въ ту же ночь управленіе государствомъ перешло въ руки назначенныхъ имъ пѣстунами къ слабоумному сыну пяти боярамъ, а на утро во всѣ концы Московскаго царства полетѣли гонцы съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ царя Ѳедора Ивановича. На самомъ же дѣлѣ захватилъ всю власть дядя его, бояринъ Никита Романовичь Юрьевъ— ближайшимъ исполнителемъ велѣній коего содѣлался давнишній недоброжелатель Англичанъ и личный, непримиримый врагъ Бауса—думный дьякъ Андрей Щелкаловъ. — «Твой Англійскій царь умеръ!» прислалъ онъ сказать Баусу, велѣлъ оцѣпить его домъ, держать его со всѣми его слугами подъ строгимъ карауломъ и никого не допускать до какихъ либо съ нимъ сношеній, закидывая грязью и каменьями всякаго, кто посмѣетъ высунуть голову съ его двора.

Болѣе двухъ мѣсяцевъ содержался Баусъ въ этомъ заточеніи, трепеща каждую минуту за свою жизнь; и опасенія его были не безосновательны: ожесточеніе противъ него было такъ

велико, что, если вѣрить Горсею, въ пятичленной верховной думѣ возникалъ вопросъ о преданіи его смертной казни и только представленія Горсея о томъ, что Елисавета не оставитъ его смерти неотомщенною, успѣли спасти ему жизнь. Наконецъ, черезъ девять недѣль вытребовали Бауса въ Кремль: въ посольской палатѣ онъ былъ встрѣченъ Щелкаловымъ и его братомъ, которые объявили ему, что новый царь не намѣренъ продолжать переговоровъ начатыхъ прежнимъ; не смотря на сопротивленіе Бауса, насильно отняли у него его шпагу, не дали ему даже накинуть епанчи, и потащили предъ царя, не допустивъ, чтобы его сопровождалъ толмачъ. Въ заключеніе, не смотря на его отказъ, ему вручили грамоту царя на имя королевны и, подхвативъ подъ руки, вывели изъ палаты съ объявленіемъ, что на выѣздъ изъ Москвы ему дается трое сутокъ.

«Еще благодари Бога, велѣлъ ему передать на другой день Щелкаловъ, что не случилось съ тобою ничего худшаго: заупрямься ты идти къ царю—тебя бы изрубили на куски и выкинули бы за Кремлевскія стѣны!»

И болѣе благоразумнаго человѣка, чѣмъ Баусъ, могли бы вывести изъ терпѣнія подобные поступки; онъ же кипѣлъ бѣшенствомъ безсильной злобы и въ то же время трепеталъ за свою безопасность — велѣлъ было всѣмъ Англійскимъ гостямъ выѣзжать изъ Москвы и провожать его до моря: но, разумѣется, его не послушали. Горсей, однакоже, проводилъ его до перваго привала, тайно вручилъ ему подарокъ (сорокъ соболей) отъ Бориса Ѳедоровича Годунова съ просьбою передать королевнѣ увѣреніе въ его преданности и съ обнадеживаніемъ, что всѣ дѣла устроятся.

Наконецъ, послѣ долгаго пути до пристани Св. Николая, послѣ новыхъ (мнимыхъ или дѣйствительныхъ) оскорбленій отъ своего пристава («ничтожнаго» сына боярскаго Никифора Сущова), 12 августа 1584 г., едва ставъ на палубу Англійскаго корабля, Баусъ отослалъ ему и царскую «не содержавшую ничего важнаго» грамоту и царскій поминокъ — три сорока соболей, «которые не стоили и 40 ф. ст. и дряннѣе коихъ не сыщешь во всей Москвѣ»; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ написалъ письмо, въ которомъ излилъ всю свою желчь на боярина Юрьева и на

дьяка Щелкалова, выражая надежду, что Өодоръ, который, какъ онъ слышалъ, вѣнчался на царство, велитъ срубить головы съ плечъ этихъ двухъ самозванныхъ царей.

«Зачѣмъ было ему пріѣзжать сюда! Да помилуетъ насъ всѣхъ Господь!» писалъ Лондонскому обществу Англійскій Холмогорскій прикащикъ, посылая на томъ же кораблѣ, на которомъ ѣхалъ Баусъ, на скоро снятый списокъ съ его ругательнаго письма.

Съ воспріятіемъ Өеодоромъ вѣнца мономахова исчезло всякое иное вліяніе, кромѣ власти его знаменитаго шурина, многоумнаго Бориса,—который во всѣхъ современныхъ Англійскихъ запискахъ величается «бояриномъ покровителемъ». Благорасположеніе Бориса къ Англичанамъ и личная его пріязнь къ Горсею были всенародно заявлены въ самый день царскаго вѣнчанія (10 Іюня 1584), когда, при возникшемъ въ царскихъ палатахъ спорѣ: кому изъ иноземныхъ гостей первому поднести царю подарки, Борисъ велѣлъ Брабантскому купцу де-Валю уступить первенство Горсею. Еще и прежде Борисъ оказывалъ Горсею милость: во время смятеній, послѣдовавшихъ въ Москвѣ за смертію царя Ивана Васильевича, по его просьбѣ приставилъ охранную стражу къ Англійскому двору, давалъ ему совѣты какъ вести себя по отношенію къ Баусу во время содержанія сего послѣдняго подъ карауломъ, далъ ему свободный къ себѣ доступъ и проч. Судя по сохранившимся оффиціальнымъ запискамъ Лондонскаго общества, Горсей часто употреблялъ такое довѣріе во вредъ общества. Поводомъ къ тому были неустройства, возникшія въ управленіи дѣлами общества въ Москвѣ.

До времени, пока единственнымъ морскимъ путемъ въ Россію было плаваніе Бѣломорское, Бѣломорская торговля признавалась достояніемъ однихъ Англичанъ и притомъ одного Лондонскаго общества Московіи: правда — приходили туда и корабли «земли Брабантскіе», но плаваніе ихъ производилось какъ бы келейно и въ каждой жалованной грамотѣ царь подтверждалъ за обществомъ исключительное право приходить въ Бѣломорскія пристани. Но, съ покореніемъ Нарвы, царь открылъ этотъ приморскій рынокъ для всѣхъ иностранныхъ гостей и черезъ Нарву, вмѣстѣ съ Любчанами и Гамбургцами, про-

никли въ Москву Англійскіе гости, не принадлежащіе Московскому обществу, а торговавшіе въ Ганзейскихъ городахъ. Когда Нарва отошла отъ Россіи, то нѣкоторые изъ этихъ гостей продолжали свой самостоятельный, отдѣльный отъ общества торгъ, провозя свои товары сухимъ путемъ черезъ Литовскій рубежъ или, какъ говорится въ тогдашнихъ грамотахъ, «черезъ горы». Къ этимъ гостямъ присоединились въ послѣдствіи многіе прикащики общества, отказывавшіеся отдавать отчетъ въ имѣвшихся у нихъ на рукахъ товарахъ и въ полученныхъ за нихъ деньгахъ: въ особенности число ихъ увеличилось въ то время, когда царь Иванъ Васильевичъ, опалившись на торговыхъ мужиковъ королевны Елисаветы, захватилъ ихъ товары, отнялъ ихъ поволыности, и запретилъ принимать отъ нихъ какія либо жалобы на неплатежъ имъ долговъ. Баусъ успѣлъ было склонить его на возстановленіе исключительныхъ правъ общества, но кончина Іоанна уничтожила все, чего Баусъ достигъ своими домогательствами и все, что Іоаннъ отдавалъ на жертву покровительствуемому Елисаветою обществу въ угоду ей и въ надеждѣ найти въ ней подобную же угодливость по поводу его «великихъ государскихъ дѣлъ»—убѣжища въ Англіи и женитьбы на Англичанкѣ. Позорно высланный изъ Россіи, ознаменовавшій дерзостями отплытіе свое отъ Русскихъ береговъ, негодуя на агента общества за ослушаніе его приказанія, чтобы всѣ Англичане выѣхали за нимъ изъ Москвы, Баусъ, по прибытіи въ Лондонъ, безъ сомнѣнія представилъ въ самыхъ черныхъ краскахъ положеніе дѣлъ общества въ Москвѣ: слѣдствіемъ сего было отправленіе въ томъ же году двухъ агентовъ для повѣрки счетовъ: Пикока въ Москву и Чаппеля въ Казань; Московскій агентъ Трумбуль выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу въ Холмогоры и, на время своего отсутствія, передалъ Московскую контору Горсею.

По прибытіи въ Москву, Пикокъ открылъ большія злоупотребленія: недостатокъ товаровъ, вымышленные счеты, недочетъ суммъ; то же нашелъ и Чаппель въ Казани. Пикокъ рѣшился немедленно отправить донесеніе обществу; но, опасаясь, чтобы Горсей о семъ не извѣстился, донесеніе это онъ отправилъ съ довѣреннымъ прикащикомъ Горнби, котораго послалъ съ ка-

кимъ то купцомъ, ѣхавшимъ изъ Москвы въ Польшу. Горсей успѣлъ однакоже заблаговременно о томъ узнать и донесъ, что Пикокъ и Чаппель сносятся съ Литвою во вредъ Россіи: Горнби былъ схваченъ, письма его переданы для перевода Горсею и Горсееву сообщнику Маршу; послѣдствіемъ было преданіе Горнбія пыткѣ на дыбѣ и огнемъ (отъ чего онъ потомъ умеръ) и заключеніе Пикока и Чаппеля въ тюрьму.

Между тѣмъ, при посылкѣ гонцовъ съ извѣщеніемъ о восшествіи Ѳеодора на престолъ, рѣшено было отправить гонца и къ Елисаветѣ. Гонцами въ Англію посылались обыкновенно толмачи, знавшіе языкъ Англійскій, и для того избирались преимущественно слуги общества, немедленно по пріѣздѣ въ Лондонъ сообщавшіе обо всемъ происходившемъ на Москвѣ; это не могло входить въ расчеты Горсея и потому, вѣроятно по его указанію, на этотъ разъ былъ избранъ пріѣзжавшій въ 1569 г. въ Лондонъ толмачомъ при Совинѣ, Лифляндецъ Бекманъ, бывшій когда то на службѣ общества, но въ послѣдствіи сдѣлавшійся сторонникомъ Фламандцевъ и слѣдовательно враждебный Англіи.

По возвращеніи своемъ въ Москву (лѣтомъ 1585 г.) Бекманъ жаловался на худой пріемъ Елисаветы: говорилъ, что она безъ дѣла держала его съ Марта по Іюнь мѣсяцъ; что онъ три раза былъ къ ней приглашаемъ и принятъ только на четвертый разъ въ «капустномъ огородѣ, гдѣ сѣютъ лукъ да чеснокъ»; что отпускъ ему данъ не самой королевной, а какимъ то писцомъ, который поручилъ ему передать поклоны царю.

На самомъ дѣлѣ, Елисавета, въ то время занятая смутами, возбуждаемыми Маріею Стюартъ внутри королевства, подсылкою католическихъ эмисаровъ изъ Рима, вѣстями о заготовленіи знаменитой Армады въ Испаніи, не спѣшила пріемомъ царскаго гонца, который не могъ отправиться въ Россію ранѣе лѣтняго плаванія кораблей общества; но приняла его милостиво не въ огородѣ, какъ говорилъ Бекманъ, а въ паркѣ, куда допускались для бесѣды съ нею одни приближенные и отличенные ею сановники; отпускъ Бекману чинилъ не писецъ, а государственный ея секретарь Вэльсингэмъ—одинъ изъ знаменитѣйшихъ политическихъ дѣятелей ея королевствованія, столь

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

справедливо прославленнаго мудростію своихъ политическихъ дѣяній.

Но дѣйствительно нельзя не предполагать, чтобы въ рѣчахъ она не высказала хотя отчасти того огорченія, которымъ отзывается посланная ею съ Бекманомъ грамота къ царю: да и трудно было надменной Елисаветѣ примириться съ мыслью, что ея посланникъ, представитель ея величества, могъ подвергнуться поруганію дьяка Щелкалова, что у него вырвали его шпагу, что его насильно тащили предъ лицо чужаго государя и потомъ за руки выводили изъ дворца!

Вслѣдъ за возвращеніемъ Бекмана въ Москву (въ Августѣ 1585) съ отвѣтомъ царя на привезенную имъ грамоту королевны былъ посланъ Горсей. Для Горсея весьма важно было предупредить тѣ извѣстія, которыя должны были быть получены въ Лондонѣ объ его самовольствѣ и объ его злоупотребленіяхъ по управленію Московскою конторою: по этому не ожидая весеннихъ кораблей, онъ отправился въ Ригу, гдѣ между прочимъ исполнилъ порученіе Годунова — убѣдить вдову Магнуса (короля Ливонскаго), дочь князя Владиміра Андреевича Старицкаго, и слѣдовательно внучатную сестру царя, Евфимію возвратиться въ Россію; изъ Риги Горсей чрезъ Курляндію, Пруссію, Мекленбургъ и Померанію, прибылъ въ Гамбургъ, а оттуда моремъ въ Лондонъ. По видимому онъ успѣлъ удовлетворительно объяснить положеніе дѣлъ обществу и внушить высокое понятіе о своемъ значеніи въ Россіи: послѣднее, впрочемъ, подкрѣплялось тайнымъ порученіемъ даннымъ ему отъ Бориса Годунова—привезти изъ Англіи искуснаго врача и повивальную бабку. Борисъ въ то время сознавая, что его власть зависитъ лишь отъ продолжительности жизни царя, заботился о продолженіи царскаго рода и, задолго до отъѣзда Горсея, говорилъ съ нимъ объ этомъ предметѣ: по крайней мѣрѣ. этимъ объясняется выраженіе въ сохраненной Горсеемъ запискѣ его отъ 15 Августа 1585 г. «По тому дѣлу, о коемъ мы въ послѣдній разъ «совѣщались въ Троицынъ день, мы не сомнѣваемся, что ты о «немъ позаботишься усердно и поступишь разсудительно относительно доктора Якоби, такъ, чтобы онъ пріѣзжалъ запасшись всѣмъ нужнымъ».

Грамота Елисаветы, привезенная Горсеемъ къ царю, написана въ самомъ умирительномъ духѣ: она какъ бы извиняется за Бауса, не знавшаго обычая являться предъ царемъ безъ оружія, въ первое время по кончинѣ его отца; объясняетъ тайную посылку гонца на Литву желаніемъ Пикока скорѣе доставить отчетъ обществу; ручается за то, что Чаппель не Любчанинъ, но Англичанинъ; проситъ царя снять съ ея гостей опалу и возвратить имъ всѣ ихъ повольности въ полномъ ихъ пространствѣ; но съ негодованіемъ отвергаетъ всѣ обвиненія Бекмана, называя ихъ клеветою.

По возвращеніи Горсея съ лѣтними кораблями, велѣно было повивальную бабку задержать въ Вологдѣ: можно предполагать, что, не охотно допуская лекаря иновѣрца до леченія, Русскіе нашли бы слишкомъ большимъ соблазномъ допустить воспріятіе царскаго дѣтища повитухою бусурманкою; во всякомъ случаѣ, она послѣ содержанія въ Вологдѣ въ продолженіе цѣлаго года, была прямо оттуда отослана обратно въ Англію. Самъ же Горсей былъ принятъ съ прежнею милостію Годуновымъ и, получивъ новую жалованную грамоту, въ Августѣ слѣдующаго 1587 года вновь былъ отправленъ къ Елисаветѣ.

Но въ этотъ пріѣздъ Горсей уже не встрѣтилъ прежняго пріема отъ общества: напротивъ, отъ него потребованъ былъ отчетъ въ его самовольныхъ дѣйствіяхъ, о которыхъ пришли извѣстія въ Лондонъ; притомъ онъ узналъ, что для разъясненія настоящаго положенія Англійскихъ дѣлъ въ Москвѣ туда назначается къ отправленію одинъ изъ королевиныхъ секретарей у принятія челобитныхъ Эгидій Флетчеръ и при немъ довѣренный отъ общества агентъ Августинъ Фульксъ. Горсей рѣшился скрытно уѣхать изъ Лондона и отправился въ Россію. Но и здѣсь онъ нашелъ совершенную относительно себя перемѣну: причиною этой перемѣны былъ давнишній врагъ Англійской торговли, думный дьякъ Андрей Щелкаловъ питавшій личную вражду къ Горсею за бранныя слова, которыми Горсей его по какому то случаю оскорбилъ.

При самомъ началѣ учрежденія обществомъ торговли съ Персіею, однимъ изъ прикащиковъ по этой торговлѣ былъ нѣкто Антонъ Маршъ; въ послѣдствіи этотъ Маршъ воспользо-

вался опалой Іоанна на общество, чтобы, не отдавъ своихъ отчетовъ, испросить себѣ отдѣльную привилегію на торгъ съ Сибирью и съ Астраханью; въ этомъ торгѣ, хотя и производившемся въ подрывъ обществу, принималъ участіе Горсей, посредствомъ котораго Маршъ успѣлъ даже сдѣлать значительные денежные займы изъ царской казны и у Бориса Годунова. Вѣроятно въ послѣдствіи Горсей поссорился съ Маршемъ, котораго, какъ видно не безкорыстно, принялъ подъ свою защиту Щелкаловъ: по указанію сего послѣдняго, Маршъ переписалъ всѣ свои личные долги на имя общества; кабалы его были предъявлены ко взысканію и не смотря на указанія агентовъ, что Маршъ не только имъ не товарищъ, а еще ихъ должникъ и противникъ, Щелкаловъ обратилъ все взысканіе (на сумму болѣе 23 тыс. руб.), на имущество общества. основываясь на данныхъ ему Маршемъ доказательствахъ, что онъ имѣлъ у себя въ товарищахъ, между прочимъ, Горсея, въ то время, когда Горсей управлялъ Англійскою конторою въ Москвѣ. Негодованіе Англійскихъ гостей обратилось на Горсея, котораго единственнымъ покровителемъ остался Борисъ Годуновъ. Но и сей послѣдній не могъ принять открыто его подъ свою защиту, потому что Щелкалову удалось предъявить противъ Горсея два важныя обвиненія: собственноручное его письмо, въ которомъ Горсей за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ заявлялъ Холмогорскому агенту намѣреніе снарядить корабли для захвата всѣхъ иностранныхъ судовъ, приходящихъ въ Бѣлое море; и показаніе Англичанина слуги Горсея, будто Горсей однажды сказалъ про Ѳедора Ивановича: «не царемъ бы ему быть, а монахомъ».

Едва ли, впрочемъ, не вліянію Бориса Ѳедоровича слѣдуетъ приписать, что прежде окончательнаго отобранія у Англичанъ законфискованныхъ Щелкаловымъ товаровъ, рѣшено было отправить Марша гонцомъ Бекманомъ въ Лондонъ, для пересмотра его дѣла совѣтниками Елисаветы. По странному совпаденію времени случилось, что Бекманъ прибылъ въ Лондонъ 7 Сентября, а 17-го того же мѣсяца прибылъ въ Холмогоры посланникъ королевны Флетчеръ; Бекманъ былъ принятъ Елисаветою 5 ноября, Флетчеръ пріѣхалъ въ Москву 25 Ноября и принятъ царемъ 19 декабря.

Отправленіе Флетчера въ Россію изъ Англіи произошло въ то самое время, когда совершилось величайшее событіе Елисаветина царствованія—истребленіе знаменитой Непобѣдимой Армады, когда рѣшался вопросъ быть или не быть Англіи *). Понятно, что въ виду всепоглощающаго интереса приготовленій къ отраженію Испанцевъ, Елисавета, какъ сама сознавала въ послѣдствіи, хотя и повелѣла послать «прелестный» подарокъ, но подарокъ, который былъ посланъ отъ ея имени, былъ дѣйствительно неудовлетворителенъ: онъ состоялъ, судя изъ грамоты Бориса Ѳедоровича на ея имя, изъ монетъ — «поминковъ золотыхъ, и въ «полы золотаго, и въ четверть золотаго, и въ деньгу—золотаго; «поминковъ, какихъ прежде между ею и царемъ не бывало». Подарки эти, поднесенные Флетчеромъ царю, были на другой же день возвращены ему, а по примѣру царя, и Годуновъ отказался отъ принятія тѣхъ подарковъ, которые были присланы ему королевною. Кромѣ того, когда Флетчеръ вручилъ въ отвѣтной палатѣ письма королевны къ царицѣ Иринѣ и къ нему, Годуновъ оскорбился тѣмъ, что съ нимъ еще присланы были грамоты отъ совѣтниковъ королевны къ нему, Годунову, и къ дьяку Андрею Щелкалову. «Не малая поруха моему боярскому сану»,

*) Любопытно донесеніе о семъ Бекмана: А вѣстей новыхъ узналъ я, что до моего пріѣзда, Іюля 19-го, сюда приходили корабли Испанскаго короля съ тѣмъ, чтобы покорить Англійскую землю; и они были разбиты и обращены въ бѣгство съ великимъ срамомъ; кораблей этихъ было, какъ говорятъ сами Испанцы, всего 142 большихъ и малыхъ и на нихъ было 30 тыс. человѣкъ. Іюля 27-го былъ у нихъ бой съ кораблями королевны, и Испанскихъ кораблей было взято и приведено въ Англію 4 малыхъ и 2 большихъ и Испанцевъ много побито, и остальные Испанскіе корабли едва успѣли спастись во Флиссингенъ въ Зеландіи; Англійскіе корабли ихъ преслѣдовали съ такимъ ожесточеніемъ, что ни одинъ человѣкъ не могъ высадиться на землю и Испанцы, не могши устоять противъ нихъ, обратились вспять, но встрѣченные противными вѣтрами, бурею были прибиты къ Ирландскимъ берегамъ, гдѣ погибло 19 большихъ кораблей со всѣми бывшими на нихъ людьми; много другихъ кораблей было прибито къ берегамъ Голландіи, такъ что, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, въ Испанію возвратилось только 42 корабля и на нихъ едва ли 3,200 человѣкъ, всѣ остальные побиты и потонули; большіе корабли были до того разстрѣляны Англичанами, что потонули всѣ. Королевна же не потеряла ни одного корабля; а людей ея, по здѣшнимъ извѣстіямъ убито всего отъ 40 до 43 человѣкъ. (Статейный списокъ пріѣзда и пребыванія въ Россіи Англійскаго посла Елизара Флетчера, стр. 57—58).

писалъ онъ Горсею, «что королевна и ея сановники писали мнѣ «непригоже, смѣшивая дьяка со мною». При такихъ обстоятельствахъ, Флетчеру трудно было ожидать какого либо успѣха въ своихъ переговорахъ, тѣмъ болѣе, что веденіе этихъ переговоровъ было поручено Щелкалову. Но въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1589 года прибылъ изъ Англіи гонецъ Мичель съ грамотою, въ которой Елисавета уже прямо обвиняла Щелкалова: Маршъ, передъ ея совѣтниками и передъ правленіемъ общества, былъ доведенъ до письменнаго сознанія, что всѣ показанія его въ Москвѣ даны изъ страха и по принужденію Щелкалова; что Щелкалову хорошо извѣстно, что Маршъ велъ особенный отъ общества торгъ, имѣя повольную грамоту на торговлю въ Астрахани и въ Печорѣ, что Щелкаловъ имѣетъ въ рукахъ своихъ его товаровъ на 10 тыс. рублей; что Щелкаловъ же, вопреки требованію агента общества, отпустилъ съ усть-Колы въ Гамбургъ корабль Марша съ грузомъ товаровъ, которыхъ достаточно было бы для уплаты его долговъ. Въ заключеніе Елисавета просила передать все дѣло на обсужденіе Бориса Ѳедоровича и требовала освобожденія своихъ гостей отъ всякихъ уплатъ за Марша.

Флетчеръ былъ допущенъ къ царю для полученія отпуска 22-го Апрѣля, еще до пріѣзда Мичеля; напрасно онъ настаивалъ на новомъ представленіи царю, для подачи ему привезенной Мичелемъ грамоты королевны; ему отвѣчено, по государеву приказу, что ему самому быть у государя непригоже какъ потому, что онъ уже получилъ отпускъ, такъ и по той причинѣ, что Елисавета, мимо прежняго обычая, не сама приняла царскую грамоту отъ Бекмана, а велѣла ее взять у него своему лорду казначею. Флетчеръ принужденъ былъ покориться: 2-го Мая онъ прислалъ грамоту въ посольскій приказъ къ дьякамъ Андрею Щелкалову и къ Постнику Дмитріеву, а 6-го Мая выѣхалъ изъ Москвы; вмѣстѣ съ нимъ отосланъ въ Англію по требованію Елисаветы бѣглый Горсей *).

*) Любопытно сравненіе подлинника того мѣста грамоты Елисаветы, гдѣ она пишетъ о Горсеѣ, съ современнымъ Русскимъ переводомъ; Елисавета писала: «Мы не мало дивимся, что онъ (Горсей) такъ неразумно вздумалъ «уѣхать, и мы не полагаемъ, чтобы тѣ (предъявленные противъ него) споры

Между тѣмъ розыскъ Маршева дѣла былъ порученъ боярамъ Ивану Васильевичу Годунову и князю Ивану Васильевичу Шуйскому. Не соглашаясь совершенно освободить общество отъ отвѣтственности за Марша, они рѣшили, что оно должно уплатить сполна его долги только въ царскую казну (2,700 руб.) и Борису Ѳедоровичу (4,000 руб.); другимъ же, частнымъ лицамъ признали возможнымъ сбавить долги на половину, ограничивъ ихъ суммою 8,375¼ руб.

Но еще не успѣлъ Флетчеръ доѣхать до Вологды, какъ тамошнему воеводѣ князю Вадбольскому велѣно задержать его въ этомъ городѣ: причиною тому былъ пріѣздъ новаго Англійскаго гонца Юрья Боуза, который привезъ съ собою Антона Марша и весь розыскъ объ его долгахъ, произведенный въ Лондонѣ. Дѣло было пересмотрѣно вновь и, за челобитьемъ и печалованьемъ «царскаго величества шурина, бояриша и конюшаго и со-«держателя государства Казанскаго и Астраханскаго, Бориса «Ѳедоровича Годунова» велѣно вмѣсто признанныхъ подлежавшими уплатѣ 23,553 руб., удовольствоваться взятыми у Англійскихъ гостей товарами на сумму 7,800 руб. Двѣ же лично ему принадлежавшія кабалы Марша, одну въ 5,700 руб., другую въ 3,000 руб. Борисъ Ѳедоровичъ отослалъ королевнѣ, «поло-«живъ ихъ на ея волѣ, какъ она произволитъ».

Рѣшеніе это посланъ былъ объявить Флетчеру въ Вологду Двинскій воевода Розгильдей Любученниновъ, которому кромѣ того было поручено передать ему Марша и распорядиться отправленіемъ посла въ Англію, куда Флетчеръ и отправился, везя съ собою Горсея и Марша, въ концѣ Іюля или въ началѣ Августа 1589 года.

Надобно предполагать много ума и много изворотливости въ Горсеѣ, чтобы понять какими путями онъ успѣлъ, послѣ своего бѣгства изъ Англіи въ Россію и послѣ высылки обратно изъ Россіи въ Англію, вновь снискать себѣ благорасположеніе Елисаветы; но не позже какъ въ Апрѣлѣ слѣдующаго же 1590 г.

«касались вашего пресвѣтлѣйшества или вашихъ совѣтниковъ». Въ переводѣ: «а тому ся добрѣ дивимъ, что онъ дуракъ такъ сдѣлалъ, и въ той «брани начаемся, что онъ вашего прес-ва ближнимъ людемъ много докуки «чинилъ»

онъ былъ отправленъ ею въ Москву съ грамотою, въ которой она укоряла царя въ оскорбленіи ея посланника Флетчера давнишнимъ врагомъ Англичанъ—Щелкаловымъ, требовала отвѣта отъ царя, сдѣлано ли сіе съ его вѣдома; и въ заключеніе просила снять съ Горсея опалу, которой онъ подвергся напрасно по навѣтамъ своихъ недоброжелателей.

Нельзя не упомянуть, что, какъ видно изъ бумагъ Лондонскаго государственнаго архива, Лондонское общество купцовъ усиленно ходатайствовало о томъ, чтобы Горсей не былъ посылаемъ въ Москву и что посылка эта совершилась единственно по настоянію государственнаго секретаря сэра Франциска Вэльсингэма: между тѣмъ извѣстно, что этотъ знаменитый дипломатъ Елисаветы, лично честный (онъ умеръ едва не въ бѣдности), отличался двоедушіемъ въ дѣлахъ политики и выбиралъ себѣ въ агенты, или точнѣе сказать въ лазутчики, преимущественно людей опороченныхъ и именно потому вполнѣ ему преданныхъ и неразборчивыхъ въ средствахъ къ исполненію его повелѣній. По этому едва ли ошибочно будетъ предположить, что выборъ Вэльсингэма остановился на Горсеѣ именно потому, что порученіе, данное Горсею къ царю не было пріятно и что, притомъ еще до пріѣзда въ Москву онъ обязывался исполнить другія порученія, сопряженныя съ немалыми опасностями: онъ долженъ былъ объявить въ Гамбургѣ и другихъ Ганзейскихъ городахъ воспрещеніе Елисаветою всякихъ ссылокъ съ Испаніею, проѣхать въ Кельнъ на предполагавшійся (но не состоявшійся) съѣздъ протестантскихъ сторонниковъ королевы; заѣхать въ Копенгагенъ для переговоровъ съ Датскимъ королемъ, враждебнымъ Елисаветѣ за то, что она противилась браку Датской принцессы съ Яковомъ Шотландскимъ (въ послѣдствіи преемникомъ Елисаветы на Англійскомъ престолѣ); наконецъ, побывать въ Варшавѣ для переговоровъ съ королемъ Польскимъ.

Горсей прибылъ изъ Варшавы черезъ Вильну въ Смоленскъ и хотѣлъ скрыть свое имя, но былъ узнанъ тамошнимъ воеводою, княземъ Иваномъ Голицынымъ, который хорошо зналъ его въ Москвѣ, имѣя тамъ домъ по сосѣдству съ Англійскимъ дворомъ; по пріѣздѣ въ Москву Горсей не былъ допущенъ предъ царя; по вытребованіи отъ него грамотъ, онѣ оказались запе-

чатанными, не по обычаю, малою печатью королевны; царскій титулъ былъ въ нихъ написанъ съ умаленіемъ чести, безъ полнаго перечисленія всѣхъ княжествъ и областей. Щелкаловъ, уличаемый въ этихъ грамотахъ въ разныхъ злоупотребленіяхъ, настаивалъ на непринятіи ихъ; но всегдашній печальникъ за Англичанъ, Борисъ Ѳедоровичъ убѣдилъ царя принять ихъ и велѣть выслушать Горсея въ посольскомъ приказѣ; затѣмъ Горсей былъ однакоже высланъ изъ Москвы въ Ярославль, гдѣ содер жался до лѣта слѣдующаго года; въ Іюлѣ 1591 года онъ былъ отправленъ въ Англію при грамотѣ, которая была поручена Англійскому гостю Франциску Черри и въ которой Ѳеодоръ писалъ Елисаветѣ, чтобы, если она желаетъ сохранить съ нимъ дружбу и любовь, то пересылалась бы съ нимъ черезъ хорошихъ людей, а не черезъ такихъ плутовъ и негодяевъ каковъ Горсей.

Дружба и любовь Русскаго царя была залогомъ слишкомъ большихъ выгодъ для Англіи, чтобы Елисаветѣ пренебречь ею: она отвѣчала Ѳеодору грамотою, въ которой представляла свои оправданія на высказанныя имъ обвиненія; соглашалась на соблюденіе впредь требованій царя о прописаніи полнаго титула; объявляла себя удовлетворенною по всѣмъ имѣвшимся съ ея стороны неудовольствіямъ; высказывала еще нѣкоторыя просьбы по денежнымъ дѣламъ ея гостей Московскаго общества; но, не ставя ничего выше полнаго союза и дружбы съ царемъ, просила ни въ какомъ случаѣ не нарушать ихъ, а прилагать попеченіе о содержаніи ихъ на вѣки ненарушимо. Къ Годунову она писала столь же дружественно и, извиняясь своими великими государскими дѣлами, отзываясь въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о знатности его рода, объ его мудрости и великихъ заслугахъ, содѣлавшихъ его главнымъ совѣтникомъ и правителемъ столь великаго монарха, просила его сноситься по всѣмъ дѣламъ Англійскихъ гостей съ ея государственнымъ казначеемъ лордомъ Бёрлеемъ.

И Борисъ Θедоровичъ принялъ Англичанъ подъ свою высокую руку, даровалъ имъ во всѣхъ дѣлахъ свою могущественную защиту и оборону и заслуженно стяжалъ приписываемый ими ему титулъ боярина покровителя (лорда протектора). Съ слѣдующаго же 1593 года прекратились всякіе поводы Англійскимъ гостямъ жаловаться на притязанія Русскихъ приказныхъ людей и уже не представлялось съ тѣхъ поръ случаевъ, которые бы угрожали нарушеніемъ между королевною и царемъ того дружества и той любви, каковыя бывали между ею и «благороднѣй-«шимъ родителемъ его, преславной памяти Иваномъ Васильеви-«чемъ, государемъ царемъ и великимъ княземъ всеа Русіи».

In the middle of the sixteenth century the English merchants perceived that the demand for English wares and commodities had considerably decreased; that the same articles fetched but low prices even when carried into the countries of the very nations who formerly came to seek them in England; while on the other hand, the price and demand for foreign merchandise steadily increased. Certain grave and wise citizens of London, having at heart the welfare of their country, met together to take counsel how to remedy this falling off of the English trade, and came to the conclusion, that, following the example of the Spaniards and Portugeese, they must seek new sources of riches by the discovery of new countries and the establishment of new mercantile connections. After much diligent consultation with the renowned Sebastian Cabot, at that time in London, they determined by his advice, to send out certain ships for the search and discovery of a north eastern passage to new and unknown countries. To fit out these ships it was decided to form a company, every member of which was to subscribe twenty five pounds. In a short time six thousand pounds were collected, with which sum three ships were bought, repaired, and thoroughly fitted out. The entire command of the expedition was given to «a most valiant and worthy gentleman Sir Hugh Willoughby», and by common consent Richard Chancellor was chosen pilot-major.

Such is the purport of the account given by Clement Adams, school-master to the Queen's henchmen, of the origin and formation of the English Company of «Merchants Adventurers for the discovery of lands, territories, isles and seigniories unknown, and not by the Seas and navigations commonly

frequented». The same idea forms the basis of Edward VI's letter missive to all Kings and Princes of the north eastern parts of the world, though it there appears adorned with philosophical reasonings to prove that commerce is the fulfilment of the command of «the great and Almighty God» who «hath given unto mankind such an heart and desire that every man desireth to join friendship with other, to love and be loved; also to give and receive mutual benefits».

If, to the majority of the members of the newly formed company, the chief inducement was solely a desire for wealth, merely envy of the riches brought back from America and India by the Spaniards and Portugueese, still it is impossible not to recognise, were it but in some of them, other and more elevated motives. One must bear in mind that the principal director of the movement was Sebastian Cabot, at that time one of the most learned representatives of cosmography—a science whose theories had been lately overthrown by the discoveries of Columbus and Vasco de Gama, and which was now seeking for a newer and surer foundation; one must remember that the passion for maritime expeditions, innate in all sea-girt nations, always remarkably predominant in Englishmen even down to the present day, had just then received fresh stimulus by the return from the far West of adventurers who being welcomed everywhere with respect, repaid the reception given them by the accounts, sometimes fabulous, but even in their strict veracity resembling fables, of all they had seen, heard and suffered; and the very tales of the privations they had endured, the dangers they had encountered, only inflamed in their young hearers a thirst for distant enterprise, jealousy of those who had preceeded them, and eagerness to endure and suffer as they had done.

Without recognizing in this case the participation of the daring spirit of the English common people, and the learned zeal of the educated classes, it would be difficult to unterstand how, amongst the names of the founders of the company, we meet with some of the highest personages of the realm: the Marquis of Winchester, lord high treasurer,—Earl

of Arundel, lord steward of the Household,—Earl of Bedford, lord keeper of the privy seal, — the Earl of Pembroke, — Lord Howard of Effingham, lord high admiral etc.; it would be difficult to conceive how 126 men started, not knowing whither, to what lands, among what people they might be borne, sailing over an unexplored sea. Finally, can it be admitted, that in the last mortal throes of cold and starvation, with a failing hand the truly «right valiant and worthy» Willoughby would note down his learned observations, had he been moved solely by the love of lucre, and not by a disinterested love of science, the thirst of knowledge for himself, and self-sacrifice to obtain knowledge for his fellow-countrymen.

On the 11-th of May 1553, three fully equipped ships left the Thames; they were called «the Buona Esperanza», admiral Sir Hugh Willoughby; «Edward Bonaventure», pilot-major Richard Chancellor; «Buona Confidenza», captain Cornelius Durforth. The prevalence of adverse winds detained them off the English coast till the end of June, when renouncing their primitive intention of visiting the coast of Scotland, they resolved to shape their course straight to the east. On the 14-th of July they reached the island of Heligoland; from thence turning northwards, on the 2-nd of August they came in sight of Wardhuys, but were prevented by contrary winds from entering the harbour. Willoughby could merely designate it as a rallying point in case the ships should be separated by stress of weather. His foresight was soon afterwards justified by the occurrence of violent gales; when they abated, Chancellor had lost sight of the Bona Esperanza and the Bona Confidenza, and came into the port; but after waiting there uselessly seven days, he determined to proceed on his voyage. On the 24-th of August he arrived at the mouth of the Dwina, near the monastery of St. Nicholas, and learned from some fishermen he overtook, that he was in the dominions of the Czar of Muscovy. «And the officers of the Czar and great

«Duke, the elected elders of Colmogor, Philip Rodionof and «Fofan Makarof, wrote to the Czar and great duke at Mos-«cow, about the arrival of the English king Edward's envoy, «Richard and his companions». In October, the ship, by their order, was brought into winter moorings at the mouth of the Una, and on the 23-rd of November, by the Czar's command, Chancellor and his companions were dispatched to Moscow.

The arrival of Chancellor at Moscow occurred at the most brilliant period of the life of John, when he had just returned victorious from the final struggle with Kazan, bringing back from the multitudinous difficulties of the war, the glorious title of conqueror of the kingdom of Kazan; when surrounded by a host of valiant leaders he could foresee the easy subjection of the kingdon of Astrakhan and hope for the repression of the Crimeans; when secure from the Tartars and attended by the unfeigned love of his subjects, he could employ the powerful and truly statesmanly intellect he had inherited from his grandfather and namesake, in the accomplishment of the great work begun by that grandfather — the setting in order and civilization of his empire. The riches of Muscovy were immense; innumerable armies rose at the command of the sovereign, bravely withstood the enemy in the field, patiently and undauntedly endured when besieged;— but the Russian czar was obliged to admit that he could not compete with the Swede or the Teutonic knights, the Pole or the Lithuanian, as long as he had not «cunning engineers, accustomed to destroy towns», and «architects who could construct fortresses, towers, and palaces». He knew as well as the Polish king that he required «weapons hitherto un-«known to him, artificers and arts»; that «hitherto he was «vulnerable only because he was rude and ignorant of poli-«cies»; and he ardently longed for intercourse with the West! But the West was closed to him: the jealous eye of his implacable foe and neighbour, the Pole, narrowly watched that the few German traders who contrived to cross the Lithuanian frontier should carry to Moscow no wares which might serve to injure Lithuania and Poland, that they should bring to Russia

no persons capable to assist in increasing its power. On the contrary, the Polish king employed these merchants as spies, and by the intelligence they supplied, learned what was being done and plotted at Moscow.

This state of things accounts for the favour with which John received the letter brought by Chancellor from Edward, and the readiness with which he granted permission to «Ri-«chard and the guests arrived from the English land with «wares brought in their ships from beyond the seas, to come «and go in safety in his Russian dominions, and to buy and «build houses without let or hindrance». When dismissing Chancellor, John assured Edward (who was already dead) of his «most hearty and of good zeale with good intent and «frendly desire» intrusting Chancellor «in the light of «great understanding his answer to wisely lett him know» that answer.

On the 15-th of March, Chancellor with his companions left Moscow and arriving at the Dwina lived on the ship till spring, and then returned to his own land. On reaching England, he wrote his «Booke of the great and mighty «Emperor of Russia and Duke of Muscouia and of the domi-«nions, orders, and commodities thereunto belonging». From this composition, very correctly written for the period, it is evident that Chancellor was an educated, observant man, who had seen much (one of his passing remarks proves that he had seen the French court); and it is surprising how much information he collected as to the products of the different parts of Russia, the markets to which they were brought, the manners, customs, religion, style of life, military affairs, the administration of justice etc. in Russia, where, ignorant of the language, he remained not more than eight months, out of which he could scarcely have spent three at Moscow, the only place where he could meet with persons knowing any other language than Russian. In fact as regards observation, all the accounts sent by the first agents of the Muscovy company must strike every reader by the correctness and fidelity of their information; their narrations, in which

not only the structure of the language, but frequently even the handwriting itself, betray unpractised writers, — sometimes contain matter equally valuable both to the history of commerce and to the study of Russian domestic life in the time of the czar John Vassilievitch.

Meanwhile, during the following winter some nomad tribes returning from their migrations on the borders of Norway, brought to Archangel very marvellous news; they had found on the western coast of the White Sea two ships full of merchandise at anchor in the roads; but the people on them all dead. It was the unfortunate Sir Hugh Willoughby with his companions (83 men).—After separating from Chancellor at Wardhuys, he had been carried away into the White Sea; there, on the 11-th of September he entered the creek formed by the mouth of the river Arzina, and gradually saw all his crew die away from cold and hunger; from the notes in his own handwriting found near him, it is evident that he himself survived till the month of January. By the czar's order trusty men were sent from Colmogor to inscribe and seal up all the merchandise and to bring it, together with the ships, their canons, culverins, and rigging, to Colmogor.

The intelligence brought by Chancellor of his reception in Russia, and the permission of the czar to Englishmen to trade with his country, had for result that Philip and Mary confirmed the charter for «merchants aduen« turers for the discouerie of lands, territories, iles and seign« iories vnknowen, and not before their late aduenture or « enterprise by sea or nauigation commonly frequented». The deed containing this charter received the royal sanction at Westminister February 6-th 1555. — The company, which was to be placed under the direction of Sebastian Cabot, named governor for life, was to consist of four consuls and twenty four assistants to be chosen every year. The company was licensed to make discoveries in the direction of the north, north-east and north-west; to carry the royal banners, flags, standards; to « subdue, possess and « occupy, as our subiects, all townes, castles, villages, isles,

«and main landes of infidelitie»; to repulse by force, strangers who should attempt to hinder their navigation or trade, or to profit by the sea-passage discovered by them. English subjects not belonging to the company were likewise forbidden to sail or trade by that way without license from the company, under penalty of the forfeiture of their ships and wares, half the product of which was to go to the royal exchequer, and the other half to the company.

These, and some other privileges were granted to the company by Philip and Mary, in the name of themselves, their heirs and successors.

On the first of May 1555 at a general assembly of the company, it was decided to dispatch Chancellor to Russia on his former ship, the Edward Bonaventure, and to send with him Richard Grey and George Killingworth with orders for the establishment of trade with that country; the agent John Brook, on board the «Philip and Mary», also under the command of Chancellor, was to be sent to Wardhuys, to endeavour to establish there an exchange of commodities so as to bring to England dried fish, train oil, and other products of the fishing trade; and according to the success of the exchange, he was to await there the homeward passage of Chancellor, or to return at once to England.

Thereupon all those intended for the voyage took oath upon the Bible to serve the company truly and uprightly; and Chancellor, Grey, and Killingworth were furnished with letters to the czar (dated 1-st of April 1555) written in three languages: greek, polish and italian.

The instruction given by the company to its agents is in the highest degree remarkable for its exactitude, minuteness, and foresight; its principal articles enjoin that all persons employed by the company should be in unconditional subordination to the agents, to whom full power is reserved to punish the disobedient and negligent, and even, in case of necessity, to give them up to the Russian authorities to be punished according to the laws of the country. The subordi-

nation required was so entire, that it was forbidden to leave one's house by night, without a special permission from the agent. The laws of the country, both civil and ecclesiastic were to be strictly kept, all duties and taxes duly paid, and a quiet and orderly behaviour to be observed. If the czar should wish to appropriate to himself or assign to any other person the sole right of traffic with the English, then to fix the highest possible price for English wares, and the lowest possible for Russian ones, bearing in mind that the first named prices would serve as a rule for the future. With reference to the information which every one serving the company was enjoined to collect, they were bound to report to their employers all they learned respecting the manners, customs and way of trading of the Russians;—what merchandise it would be advantageous for England to carryto, or bring from Russia; the natural productions of the country; what money, weights and measures are used; what duties, means of transport etc.

It is worthy of remark that those going to Russia were *obliged to deposit with the* company a pecuniary pledge and *the testimony of trustworthy* sureties for their good and honourable *conduct.*

The attempt of Brook to establish a trade with Wardhuys *seems to have been unsuccessful*; at all events Chancellor arrived at the port of St. Nicholas with both ships the «Bonaventure» and the «Philip and Mary»; there he met with Willoughby's two vessels the «Buona Esperanza» and the «Buona Confidenza» and learned that he was not destined to deliver to the first commander of the entreprise the message sent by the company: «that the company grieved for his long absence; « wished for news of him and his fellow-travellers, and to « embrace, accept, and entreat them as their dear and well « beloved brethren.»

Soon after Chancellor's ships arrived at the mouth of the Dwina, there came «ships from the lands of Holland and « Brabant and on them trading foreigners who traded with « the Russian people at the Corelian mouth of the Dwina

«until 1587». However there is nothing to show that the company ever ventured to complain to Queen Mary of this breach of their privilege by the subjects of her husband Philip of Spain; but the complaints never cease after the accession and throughout the whole reign of Elizabeth, who in almost every one of her letters to John insists on the prohibition to the Netherlanders to traffic in the ports of the White Sea, which the company looked upon as its own exclusive inheritance. Leaving Grey at Vologda, Chancellor arrived with Killingworth at Moscow on the 4-th of October. Ten days later they were graciously received by the czar, who on their request for the grant of a privilege for free trade with Russia, ordered them to present their demand in writing to the secretary Michael Vassilievich Viscovatoff: Viscovatoff conferred with them most amicably, and advised the establishment of traffic with Colmogor, but Killingworth asked for the postponement of this question for a time, wishing to find out what markets would be most advantageous for the English, and where they would be the least dependent on Russian merchants; supposing, not without reason, that Colmogor being so far from Moscow, the trade there would be concentrated in very few hands. The result of this conference was the grant of a privilege by the czar to the English company for traffic without duty in all sorts of wares, throughout all Russia. Disputes between the English and Russian merchants were to be decided by the czar himself; in case of the conviction of one of the English, his wares and personal goods were not to be confiscated to the czar's treasury, but given up to the agent. Disputes between the English themselves, were to be settled by the agent, at whose demand the Russian authorities were to imprison the accused, or provide the agent with instruments for his punishment.

Furthermore the czar ordered Willoughby's ship with all its confiscated property to be given up to Chancellor, and decided on sending with him as ambassador, the governor of Vologda, Joseph Grigorievich Nepea, who, having received

his commission on the 25-th of March 1556, left for Colmogor accompanied by sixteen Russians and embarked on Chancellor's vessel the Bonaventure. Upwards of ten more Russians started also on one of the three other ships.

The ships set sail on the 20-th of July; they carried a rich cargo: the Bonaventure had on board, wax, train oil, tallow, furs, felt, and yarn, to the value of twenty thousand pounds; on the Buona Esperanza was the whole property of Nepea, value six thousand pounds. Of all the four vessels, but one alone, the Philip and Mary, arrived at London, and that, only the following year (18-th April 1557); the remaining three, namely those which had first achieved the passage to the White Sea, were not destined to reach the shores of England; the Buona Confidenza, struck on the rocks of Norway and sank with its whole crew; the Buona Esperanza was never heard of again; and the Bonaventure after four months stormy passage, at last arrived one tempestuous November night in the Scottish Bay of Pitsligo, to be dashed to pieces there on the rocks. Chancellor, solicitous only for the safety of the ambassador, was drowned, together with his son and the greater part of his crew; of the Russians who accompanied Nepea seven also were drowned; such of the cargo as had not sunk, was plundered by the population of the coast, and notwithstanding all the researches instituted by the Scotch government at the demand of Queen Mary, the company never recovered more than five hundred pounds worth of their merchandise.

The news of this misfortune, which happened on the 7-th of November was received in London only a month later, 6-th December; without loss of time, expresses were sent off to provide Nepea with everything necessary; the inquiry, investigation and such like delays, kept him still two months longer in Scotland. At last on the 18-th February 1557 he arrived at Berwick «within the dominion and realme of Eng- «land, where he was by the Queenes maiesties letters and «commandement honourably receiued, vsed and interteined by «the Rt. Hon. lord Wharton, lord Warden of the East marches,

«with goodly conducting from place to place, as the dayly «iourneys done ordinarily did lie, in such order, maner and «forme, as to a personage of such estate apperteineth. He pro«secuting his voyage vntil the 27 of Februarie approched to «the citie of London within twelue English miles, where he «was receiued with fourscore merchants with chaines of gold «and goodly apparell, as wel in order of men seruants in one «vniforme liuerie, as also in and vpon good horses and gel«dings, who conducting him to a marchants house foure miles «from London, receiued there a quantitie of gold, veluet and «silke, with all furniture thereunto requisite, wherewith he «made him a riding garment, reposing himselfe that night. «The next day being Saturday and the last day of Februarie, «he was by the merchants aduenturing for Russia, to the num«ber of 140 persons, and so many or more seruants in one «liuerie, as abouesaid, conducted towards the citie of London «where by the way he had not onely the hunting of the Foxe «and such like sport shewed him, but also by the Queenes «maiesties commandement was receiued and embraced by the «Rt. Hon. Viscount Montague, sent by her grace for his enter«tainment: he being accompanied with diuers lustie knights, «esquiers, gentlemen and yeomen to the number of 300 horses «led him to the North partes of the Citie of London, where «by foure notable merchants richly apparelled was presented «to him a right faire and large gelding richly trapped, together «with a footcloth of Orient crimson veluet, enriched with gold «laces, all furnished in most glorious fashion, of the present, «and gift of the sayde merchants: where vpon the Ambassadour «at instant desire mounted, riding on the way towards Smith«field barres the first limites of the liberties of the Citie of London. «The Lord Maior accompanied with all the Aldermen in their skar«let did receiue him, and so riding through the Citie of London «in the middle, betweene the Lord Maior and Viscount Mon«tague, a great number of merchants and notable personages «riding before, and a large troupe of seruants and apprentises «following, was conducted through the Citie of London (with «great admiration and plausibilitie of the people running plen-

«tifully on all sides, and replenishing all streets in such sort «as no man without difficultie might passe) into his lodging «situate in Fant church streete»; on arriving there, the ambassador was presented with gifts from the queen.

King Philip was absent at that time in Flanders; and the reception of Nepea at court was postponed until his return. At last on the 25-th of March, exactly one year after his departure from Moscow, Nepea was presented to the king and queen; the ensuing conferences with him were entrusted do the bishop of Ely, and their majesties chief secretary, sir William Knight, who with the highest encomiums commended the gravity, wisdom and stately behaviour of the ambassador. On St. George's day, 23-rd April, Nepea took leave, and straight from the palace was conducted to Westminster Abbey, where, from a seat especially prepared for him, he assisted at the solemn divine service celebrated in honour of the feast of the order of the Garter. As a conclusion, on the 29-th April, a grand supper was given to him at the Draper's Hall. On the 3-rd May he left for Gravesend, where he embarked on board the «Primrose», which was considered as admiral of the little fleet consisting of three more vessels; the captain was Anthony Jenkinson, too remarkable a personage not to recall some of the events of his service.

From his autobiographical notes preserved by Hakluyt it appears that Jenkinson commenced his travels on the 2-nd of October 1546; in the course of the ten years which preceeded his entering the service of the company, he travelled through Flanders, the Netherlands, through Germany to Italy, from thence through Piedmont to France, went to Spain and Portugal, sailed through the Mediterranean, visited the islands of Rhodes, Malta, Sicily, Cyprus, Candia and divers others; travelled all through Greece, the greater part of Turkey and Asia Minor, crossed the Lebanon to Damascus and Jerusalem, saw the sea-coast towns of Africa: Algiers, Tripoli, Tunis, etc., etc., etc. The numerous remarks to be met with in the accounts left by him of his travels bear witness to his intelligence and observation; and his knowledge of the conduct of

negociations is shown by the success of his intercourse with the different rulers of the Caspian coast and of south western Asia; by the establishment of trade between England and Persia through Russia, and finally by the persistent demands expressed in numerous letters of the czar John that Elizabeth should send to confer with him on «princely affairs» especially Anthony Jenkinson, and no other.

The vessels reached the port of St. Nicholas on the 12-th June; Nepea with the Englishmen whom he had hired in London for the czar's service, departed for Moscow on the 20-th, immediately after the landing of the goods purchased by him in England for the czar's treasury; but Jenkinson did not leave for Colmogor until the ships had been unladen of all the English wares they had on board, and had been refreighted with the Russian merchandise already prepared, and had set sail on their homeward voyage. At Colmogor and at Vologda, he sojourned some time, acquainting himself with the state of trade, so that he arrived at Moscow only on the 6-th of December. Most graciously received by the czar, he spent the winter at Moscow, and found means to obtain such favour at court, that when he presented his request for permission to seek for new roads of traffic beyond the Volga, the czar not only granted it but provided him with safe-conducts addressed to several of the rulers through whose territory he would perhaps have to pass, and ordered him to travel from Nijni Novogorod to Astrakhan with the newly appointed governor of the latter town.

Jenkinson left Moscow, 23-rd April 1558, and arrived at Astrakhan 14-th July. The account of his voyage down the Volga is extremely interesting; day by day he wrote down the description of the places near which he passed. For instance, he writes that at that time almost all the Nagayan villages were depopulated: civil wars, famine and pestilence had destroyed the greater part of the Nagayan hordes; the remainder had fled to Astrakhan, hoping to find subsistence there, but driven thence, they perished by hunger in such immense numbers, that the banks of the Volga near the town were strewn with heaps of dead and decaying bodies.

On the 10-th of August, Jenkinson was the first Englishman who unfurled the red-cross flag of St. George on the Caspian waters. He had with him only two Englishmen and had brought such an immense quantity of merchandise, that a thousand camels were required to carry it. The real purpose of his journey, as far as one can guess, was to discover a road to the fabulous Cathay. He sailed first towards the east and keeping near the coast, finally landed at Mangyshlak; here, he packed his wares upon camels hired from the roving Turcomans, and began his wanderings through the steppes of Turkestan; after a month's journey, on the 14-th October he reached Urgenz, on the 23-rd December, Bokhara, from whence he turned back 8 March 1559, a few days before the pillage of Bokhara by the prince of Samarkand. After six week's journeying through wildernesses of sand, and a month's stormy navigation of the Caspian Sea, on the 28-th May, Jenkinson, with his companions, arrived at Astrakhan, whence he was dispatched with a guard of one hundred armed men for his protection; and on the 2-nd of September he arrived at Moscow, bringing with him the ambassadors sent by the sovereigns of Bokhara, Balk and Urgenz and twenty five Russians whom he had delivered from slavery amongst the Turcomans. His arrival gave great pleasure to the czar, and the presents he brought — a white cow's tail, and a Tartar drum — were graciously accepted. He brought with him six hundred camel's loads of merchandise for the company. In the ensuing spring Jenkinson went to Vologda to await the breaking up of the frost which would render the river navigable, and at last started for England after an absence of four years. In London he presented to queen Elizabeth, (who had succeeded to the throne during his absence) a Tartar girl he had brought with him, called Aura-sultana.

One cannot too much admire the intrepidity with which Jenkinson accomplished the journey just described; alone with two of his countrymen, unacquainted with the language of the country to which he was going, not even knowing whither he was going, he spent ten months, sometimes wandering through unknown deserts, surrounded by robbers who constantly follow-

ed his caravan, sometimes living like a settler in the midst of those same robbers. He brought back the conviction that traffic with that country was impossible, but at the same time he had discovered how to conduct a trade with Persia, and presented to the company all the information he had been able to collect on that subject.

The result of his travels was the decision of the company to engage his further services and to intrust him with the establishment of trade with Persia *) (through Russia); the advantage of such trade being apparently vouched for by the incessant wars of the Shah Tamas (second shah of the dynasty of the Sophis) with the sultan Soliman II, which rendered extremely hazardous the conveyance of European merchandise to Persia through Turkey.

On the 14 May 1561 Jenkinson again departed for Russia: he carried with him a letter from Elizabeth to John with the request to allow him to proceed to Persia, and another letter from her, written in Latin, Italian and Hebrew, addressed to « the right mightie and right victorious Prince, the great Sophie, « Emperour of the Persians, Medes, Parthians, Hircans, Car- « manians, Margians, of the people on this side, and beyond « the riuer of Tygris, and of all men and nations, betweene « the Caspian Sea, and the gulfe of Persia ». The company, which by its instructions enjoined Jenkinson to endeavour to get to Persia with merchandise by the Caspian Sea or any other way, left him the most unlimited powers; his discernment was to decide what quantity of merchandise he should consider necessary to take to Persia, and what he deemed better to sell in Russia; in case of the impossibility of getting to Persia, and of the prices offered in Russia being disadvantageous, he might send the wares by Poland or any other way to Constantinople. He was also entrusted with the keys of a chest from amongst the contents of which he was allowed to choose

---

*) At the departure of Nepea from England Jenkinson had taken service with the company for four years (1556—1560) at an annual salary of 10 pounds sterling.

a valuable gift to present to the czar. He might remedy the defects he should find in the accounts kept by the agents, and in their management of the trade. Furthermore, always with the idea of discovering a north eastern passage to Cathay, he was enjoined to send a servant of the company to explore the straits about Nova Zemla. On the 20-th of August Jenkinson reached Moskow and requested the secretary to signify his arrival to the czar. « But his Highnesse hauing great af-« faires, and being at that present ready to be married vnto a « lady of Chircassi (Mary Temgrukovna), of the Mahometicall « law, commanded that no stranger, ambassadour, nor other « should come before him for a time, with further streight charge, « that during the space of three dayes that the same solemne « feast was celebrating, the gates of the citie should be shut, « and that no person, stranger or natiue (certeine of his hous-« hold reserved) should come out of their said houses during « the said triumph, the cause thereof vnto this day not being « knowen ».

Jenkinson did not at once obtain permission to continue his journey to Persia; his refusal to submit Elizabeth's letter to a preliminary examination, before it was presented to the czar in person called forth the displeasure of the secretary for foreign affairs (Viskovatoff); consequently he was informed that he could not proceed towards Persia, under pretence that the czar was at war with the Cherkesses. Jenkinson had lost all hope of going further and sold at Moscow part of the merchandise intended for Persia; but Nepea kindly befriended him and succeeded in reconciling him with the secretary, who only then communicated his request to the czar. Jenkinson not only received safe-conducts to the Shah and divers other princes, but as he writes, the czar «committed matter of importance dand charge vnto him to be done when he should arrive in those countreys». He left Moscow in company with the Persian ambassador, with whom he lived on the most friendly terms during the whole voyage (by the Volga) to Astrakhan, which lasted six weeks (from April 27 to June 10). From Astrakhan, he

was conducted by a body of fifty armed men on two brigantines to Derbent.

The travels of Jenkinson through Persia and his road back, do not concern the events at present under consideration; it is sufficient to state that at Kazbin (the capital of Shah Thamas) he was received in the most unfriendly manner, while on the contrary he obtained the personal friendship of Abdulkhan, the sovereign of Shirvan (or as he calls him, the king of Hyrcania) who granted the English a privilege of traffic without duty to Shirvan and Shemakha *).

One circumstance is however worthy of mention: during the homeward journey of Jenkinson from Persia, he received at Shemakha the visit of an Armenian sent by the king of Georgia, to ask his advice how to obtain from the czar John Vasillievich protection and defence against the attacks of the Turks and Persians, who constantly pillaged and wasted Georgia. Fearful of spies who might embroil him with Abdul khan of Shirvan, Jenkinson limited his advice to recommending an application with this petition to be made to the czar through the medium of the czar's father in law, the Circassian prince Temgruk.

Jenkinson returned to Moscow August 20 1563; the czar, highly pleased with the account he gave of his journey, announced that he should employ him in further transactions, and as a mark of his favour, granted a new charter to the English guests. Jenkinson remained a year longer in Russia and then on the arrival of ships in spring, he set sail, June 9 1564, for England from which he had been absent three years.

It may be supposed that the labours of Jenkinson, during these travels, were rewarded by the company receiving him amongst the number of its members, for in the next char-

*) After Jenkinson, five more transports of goods from England took place; but the murder of the persons in charge, the frequent pillage of the caravans, and the very irregular and uncertain payment, presented so many dangers, by land, by sea, and even by the Volga, that the trade was finally abandoned in 1581.

ter given by John (1567) his name appears amongst those of the English merchants to whom it is granted. At all events as soon as the necessity of intercession with the czar presented itself, the choice of the company fell upon Jenkinson, and on the 4-th May 1566, he again left England for Russia. — The reason of his being sent this time was a most alarming report which had reached the company, that a certain Italian, Raphael Barberini, settled in Russia, was endeavouring to injure the English trade, by assuring the czar that the wares brought by the English merchants, were not of English production, but might be obtained much more advantageously direct from the Dutch and Germans. Jenkinson was instructed to demand the expulsion of Barberini, and the prohibition of the entry of the Dwina to all foreigners—demands which were rendered extremely difficult from the fact of Barberini having been received by the czar as the bearer of a letter from Elizabeth, which he had obtained from her under the fraudulent pretence that he was going to Russia for the recovery of debts owing to him by some Englishmen resident there. Jenkinson fulfilled this commission with entire success; moreover, he obtained from the czar a new charter by which all persons not belonging to the company, whether Englishmen or foreigners; were forbidden to enter any of the mouths of the Dwina, or to anchor at Colmogor, Cola, Mezen, Pechenga, the island of Solovetsky, the Petchora or the Obi—even at Wardhuys. The company was not only confirmed in the possession of its house at Moscow and the right to establish warehouses on the Dwina, at Vologda, Yaroslavl, Kostroma. Nijni, Kazan, Astrakhan, Novogorod, Pskoff, Narva and Dorpat, but also acquired the privilege to transport its merchandise without duty to Shemakha, Bokhara, and Chaday i. e. Samarcand.

The motive of this readiness on the part of John must apparently be sought for in the state of his mind at that period. From the time of his marriage with the Circassian princess, commenced that wild, unrestrained abandonment to his passions which has inscribed his reign in blood in the annals of Russia. It is vain to allot his executions to various periods — in one

continual torrent of blood they deluge the last twenty years of his reign, sometimes relaxing, but not for one minute interrupting their stormy course. Not one moment of repentance or remorse is to be seen in John; from time to time, fear for his own safety becomes apparent, and then all his energies are turned to the preservation of his health, the accumulation of riches, the construction of fortresses for their safe keeping, and the maintenance about him of men whose only barrier against the hatred of the people consists in the security of the Terrible sovereign. This is why Jenkinson on his road to Moscow, saw ten thousand workmen hurrying on the construction of an impregnable fortress at Vologda; this is why at Moscow he found that the whole empire, and even the capital itself, was divided into Zemschina and Oprichnina *). This is why the czar, himself recognising how intolerable were the tortures he inflicted on his people, complied with the requests of Elizabeth and moreover bespoke her goodwill «yf at anie time it so mishappe that he bee by anie casuall chaunce either of secrite conspiracie or outward hostillitie driven to change his countries and shall like to repaire into her kingdome and dominions, with the noble empresse, his wife, and his deare children the princes».

This supposition accounts for many things. It explains why John in his letter to Elizabeth requires the dispatch of an architect, knowing how to build castles, towers, and palaces—he could erect a safe abode for the czar;—a doctor and apothecary—they could preserve his health;—workmen to seek out gold and silver—they could increase his wealth. Involuntarily fancy pictures John, under the cover of night, himself leading Jenkinson by a hidden passage to his chamber, and there, in presence of only one of his counsellors, by the means of his interpreter Rutter, entrusting him with a secret message to Elizabeth, proposing a friendly alliance with her—but an alliance such, that the enemies of the one should be the enemies of the

*) National and Reserved domains—the latter being the part set aside by the czar as his own private property.

other, the misfortunes of the one, the misfortunes of the other, that if one of them should be obliged to forsake his kingdom, the kingdom of the other might be free to him as his own possession.

With this commission Jenkinson was sent to England probably in autumn, by way of Lithuania, for in November of the same year (1567) he had already set it down in writing in London: the czar was in haste — he required an answer by St. Peter's day (29-th June), consequently by the spring ships.

But it did not enter into the calculations of Elizabeth to conclude a treaty offensive and defensive with John; she could expect no assistance from Russia in her wars against the Catholic powers; and to commence hostilities against Poland and Sweden, the enemies of Russia, would be contrary to the interests of England. Russia was not to England a country of any political importance; it was merely a convenient trade-mart for the barter of English wares, and whence could be received the raw materials, necessary to the maintenance of English industry. The term fixed by the czar passed, and no answer was made to his proposition; he was even left in ignorance whether Jenkinson had fulfilled the trust committed to him.

About this time the company of English merchants trading to Muscovy incurred a great danger — the loss of the monopoly they had hitherto enjoyed of the Russian trade. At the fall of the Teutonic Order, the territories belonging to it were partitioned between the kings of Sweden and Poland, and John was confirmed in the possession of the western portion, Esthonia and Livonia. The grandfather of John, by erecting the fortress of Ivangorod, separated from the town of Narva only by the river, had shown how much importance he attached to the sovereignty of those parts; it secured to Russia a seaport on the Baltic. By bringing the western banks of the Volkhof, the Peipus, and the Narova, under the Russian sway, John was enabled to establish a safe route for traffic from Pskoff and Novogorod to Narva, and with a firm footing on

the Baltic coast, « to hew out that window towards Europe » which it was reserved to Peter the Great to throw open a century and a half later. John not only adopted the views of his great predecessor as to the importance of Narva, but in taking possession of it, discerned the possibility of rectifying an immense error committed by his grandfather: the ruin of Novogorod by the cessation of commerce with the Hanse. He endeavoured to attract to Narva the trade of Lubeck; and, while consenting, at the desire of Elizabeth, to close the ports of the White Sea to all strangers except the English, he, at the same time opened the trade at Narva to all foreigners — more especially the Lubeckers. The Muscovy agents of the English company also established there an agency; but the factors sent for that purpose, Rutter and Glover, by the means of one, Chappel, entered into direct communication with the merchants belonging to another English company trading to Lubeck and Germany, and thereby caused great injury to the White Sea company. The latter became alarmed, and at once hastened to put a term to this dangerous competition; at its solicitation, after the return of Jenkinson Elizabeth had sent out her messengers, Manley and Middleton (the former in October 1567,— the latter in February 1568), to demand that the aforesaid factors should be seized and sent to England; but John was particularly well disposed towards Rutter, formerly translator to Jenkinson, and towards Glover who had also taken part «in the affairs of brotherhood and frendshippe» between the czar and the queen. Chappel, likewise, at the risk of his life had executed several commissions for the czar at Lubeck; furthermore Manley, and Middleton, «embrased with pride, would make no aunswere», as to whether Jenkinson had fulfilled the czar's trust; they were both detained, as was also a third messenger, Goodman, until a reply should be received from Elizabeth. This measure was suggested by the calumnies invented by the factors, who affirmed that the messengers had no authority from Elizabeth, that the letter brought by them was a forgery, and they, themselves, spies of the king of Poland, who employed every possible

means to hinder the trade of Narva. This last reason might appear the more probable to John, from the fact that even before the arrival of Jenkinson in 1567, Sigismund II, hoping to inspire John with suspicion against the English merchants, had secretly sent pretended letters of thanks purporting to be addressed to them, had fitted out ships from Dantzig to capture the vessels going to Narva, had persuaded the Danes and Swedes not to use that route, and threatened Elizabeth that loss of life, liberty, wives and children» awaited those who should carry wares and weapons to Narva—«to the Moscovite who was not only the temporary enemy of the king of Poland, but the hereditary foe of all free nations».

Such being the state of affairs, Elizabeth determined to send an ambassador extraordinary, and for this trust she selected one of her courtiers who had already served as ambassador, Thomas Randolph, master of the queen's posts. His principal business was, with the aid of two agents sent with him, to put in order the affairs of the merchants, and to demand the expulsion of the factors who had injured the trade of the company; as to the treaty of alliance, he was to pass it over in silence, or answer vaguely, so as to avoid engaging England in the wars of Russia with Poland and Sweden; as to the secret message of Jenkinson, he was to inform the czar that the queen, knowing his power and wisdom, thought Jenkinson must have misconceived the message he had brought, but if, however, any mischance happened, the czar might be sure of a friendly reception in England; that the queen, for her own part, trusting in the mercy of God, had no fear of danger, either from her own subjects or from any foreign enemies.

In her letter to the czar, Elizabeth only mentions trade affairs; the remainder of her instructions, Randolph was to transmit by word of mouth, to avoid all written documents.

Randolph arrived in the harbour of St. Nicholas June 23 1568, but only reached Moscow October 15; the English were forbidden to go to welcome him; he and his suite were not allowed to quit the house assigned to them, and no one was admitted to them. John, in his letter to Elizabeth, explains

this by saying that Randolph would not confer with his lords on any subject until he had been received by himself; but it seems more probable to suppose that the czar did not wish the ambassador or his attendants to know what was then passing at Moscow: executions following one upon another, the Reserved bodyguard urged by the czar to every sort of outrage, the metropolitan torn from his episcopal seat and thrown into prison... Perhaps also, the czar was influenced by the calumnies of the company's Moscovite factors, who fearing the detection of their abuses by the agents accompanying Randolph, did all they could to slander the ambassador, throwing doubt even on the authenticity of the letter he had brought from the queen. The latter supposition is confirmed by the complaints of Randolph that both the letters he wrote to England, and those which were sent thence to him, were, through the intrigues and accusations of Bennet and Rutter, seized at Narva, and delivered over for translation to one of the principal offenders — Ralph Rutter.

In his following letter, however, John attributes the non-reception of Randolph for so long a time, to the prevalence of the plague with which God had visited the country.

On the 9-th of February 1569, Randolph was at last received by the czar, but without the honours usually shown to an ambassador: the hour fixed for his reception was very early, 8 o'clock in the morning; no horses were sent either for himself or his suite, so that he was obliged to hire a saddle horse for himself and his suite went on foot to the palace; when he arrived at the ambassadors office, he was made to wait there full two hours; and at his presentation to the czar, he was not honoured by an invitation to the czar's table.

A few days later, the czar sent for him in the evening for a conference; this conference was surrounded by the greatest secrecy: on a cold dark night Randolph, disguised in a Russian dress, was conducted to the palace by the personage sent to fetch him, and whom he calls «the long duke». The conference lasted three hours and Randolph returned home only to-

wards morning. Next day the czar left for the Alexandrovsky Sloboda, and Randolph was again admitted to an audience only in the beginning of April, but this time he was received more graciously, and new privileges were given to the English merchants, allowing them to carry on their trade with Persia, through Russia, to search for mines of iron at Vychegda, and to coin money at Moscow, Novogorod and Pskoff; Englishmen carrying on trade at Narva apart from the company, were forbidden to continue it; and the company received the right to seize the foreign ships which had begun to frequent the White Sea ports, on condition that half of the value seized should go to the imperial treasury. It is worthy of remark that by an article of this charter, the house of the English merchants is transferred from the National to the Reserved jurisdiction; this detail, taken in conjunction with the fact that all the conferences with Randolph were conducted by the well known favorite of John, one of the principal Reserved people, Prince Athanasius Ivanovich Viasemsky, proves that John considered the connection with England not in the least as an international affair, but as a matter personally concerning Elizabeth and himself.

The czar ordered Randolph, after receiving this charter, to follow him to Vologda, announcing that he should be dispatched thence in company with his ambassador Andrew Gregorievich Sovin. The czar was in such haste to send off his ambassador. that the day after taking leave at Vologda, Randolph was told by Sovin that he was allowed three days for preparation, at the expiration of which time, all his goods would be thrown out of doors.

The aim of Randolph's mission was attained: the company of English merchants had received not only the confirmation, but also an increase of its privileges; the competition of foreigners in the White Sea trade was averted: the injury likely to be caused to the traffic at Narva by Englishmen trading there on their own account was put a stop to, at the very commencement, and the ringleader of the disturbance, Glover, was

given up to Randolph to answer before the company for his doings.

But John was intent on obtaining a treaty offensive and defensive, and although Randolph succeeded in evading for himself the conclusion of such a treaty, still he could not refuse to take Sovin to England with him. The instructions delivered to Sovin contained clauses, to be included in the treaty and which the queen was required «to cause to be written in Rousse worde for word».

The requests of John provided that Elizabeth and he should uphold one another against their common foes; that they should help one another by troops, money and arms; that the subjects of the one should have the right to settle in the country of the other, and trade there, free from duty and all hinderance. By a secret article both sovereigns were to engage that in case of danger, the one should find refuge in the kingdom of the other. This convention was to be confirmed on the part of both by kissing the cross, and sealing with the great seal in the presence of ambassadors to be mutually exchanged for that purpose. Elizabeth's ambassador was to be Anthony Jenkinson, and he was to leave for Russia at the same time as of Sovin.

To confer with Sovin, Elizabeth named some of her most trustworthy dignitaries, lords of her privy council. The conferences lasted nearly a year (from July 1569 to May 1570), but they led to no result. The English lords declared that the queen before engaging England in the wars of the czar with his enemies, should assure herself of the justice of those wars, and try the success of her interposition to put an end to them. Sovin insisted on the literal transcription of the convention demanded by the czar, not considering it compatible with the dignity of his sovereign that the justice of his acts should be questioned by Elizabeth. Elizabeth hoped that the czar on reflection would desist from his demands, and the following spring when Sovin urgently asked for his dismissal, she let him leave without Jenkinson, at that time absent (perhaps, purposely) from London, intrusting him, not with the treaty, but with two letters—one, such as she usually sent on the dismissal

of ambassadors, the other secret, signed by her, and sealed with her own, small private signet. In the former, containing the answer to Sovin's ostensible mission, she undertakes to enter into a league with Russia for mutual aid against their common enemies, and the preservation of Russia from injuries committed by any person or potentate whatsoever;—in the latter, the secret one, she promises John, for himself, his family, and all he shall bring with him, shelter in England, in the event lest «by any casuall chaunce either of secrite conspiracie, or outward hostillitie he should be driven to change his country».

Such an answer could not satisfy John, who had then attained that period of furious tyranny which is unparallelled in history when the victims of his executions were inscribed for masses on the church registers, not by name, not by tens, not by hundreds, but in whole thousands. He breaks out into violent abuse in his letter to Elizabeth, written after the return of Sovin. — We had thought, he writes, that you were sovereign in your own country, and ruled with sovereign power, caring for the honour and profit of your country, therefore we wished to treat with you, as with a sovereign. But we perceive that other men, without you, rule your country, and not men, but boors and merchants, and you, maid as you are, behave like a maid, («you flowe in your maydenlie estate like a maide»). It is no longer necessary to continue our intercourse with you, and you may send back the charter we granted; but if it be not sent back, it is of no consequence—we annul it, and all similar privileges granted before; we shall see how they will manage without their privileges, those «boorish merchants» who preferred their own merchant's wealth, to our princely honour and princely profit! And even before the English merchants came, the empire of Muscovy wanted for nought. —

This letter was brought by a person in the service of the company, formerly interpreter to Sovin, one Daniel Sylvester. But before he arrived in London, news had been received, probably by way of Narva, that the czar had not only deprived the English merchants of their freedom, but had seized all their

wares, and put a stop to the trade of the company, refusing to receive any complaints from its merchants about the non-payment of their debts. The company was in danger of losing its profitable traffic with Russia, and of seeing the destruction of its newly established intercourse with Shemakha and Persia, by which England hoped to ruin the commerce of the Venetians and Portuguese with the East.

Perplexed by such measures on the part of the czar, Elizabeth hastened to send him her messenger Robert Best to enquire by what means her subjects had incurred such disgrace. It may be seen by John's answer to the letter sent by Best that Elizabeth supposed the cause of John's anger to be that the shipwrights hired by Sovin had not been sent from England; that duty had been taken on the goods and wares brought by Sovin, and that he himself had not been received with the customary honours; and accordingly she tries to exonerate herself from these presumed accusations. But these were not the things which had angered John: as touching the mariners, he was not angry; of the duties taken, he had heard nothing, no man had complained; if Sovin had been disrespectfully treated at the conferences and in his entertainment, this had not angered the czar; but he was angry that she had not kissed the cross on his letter in the presence of Sovin, nor concluded any treaty with him.—And so long, writes the czar, shall our displeasure weigh upon your merchants, until you send us a worthy man as your ambassador, and Jenkinson with him.—At the end of his letter he adds:—and even now we have had tidings that Jenkinson is arrived, and when we have heard him we will give you further information.—

And in fact, at the time when that letter was written (August 1571) Jenkinson was already at Colmogor, whence he immediately dispatched Sylvester to Moscow, to inform the czar of his arrival. But on all the roads leading to Moscow barriers were placed on account of the plague, and Sylvester was detained in the castle of Shuisk, 190 versts from Vologda, so that during full four months Jenkinson knew not what had become of him; he determined to send another messenger «by

an unknown way through wildernesse» (probably through Povenetz and Novogorod) but this attempt was also unsuccessful—the messenger soon returned with the news that being caught at the barrier, he had with difficulty escaped being burned together with his horse, orders having been given to treat thus all who should attempt to pass the barriers. At Colmogor Jenkinson had to endure every insult from the people there, and moreover, received the most alarming reports that, on account of the czar's displeasure, all the goods and wares of the English merchants had been taken from them; that they had been refused the payment of the debts owing to them; that the vessel, built at Yaroslavl, to be sent to Shemakha for the company's factors there, and for the merchandise bought by them in Persia, had been detained at Astrakhan; finally that during the burning of Moscow, in the month of May that year, by Devlet Ghirei, the property laid up in the English storehouse had been consumed, to the value of 10,000 roubles. Probably the report had also reached Jenkinson that the czar was far from being solicitous not only about the affairs of the English merchants, or about the organization of his empire, devastated by famine, plague, and the incursions of the Crimeans. First of all, the czar took vengeance for the dishonour of his pusillanimous flight before Devlet Ghirei, putting to death all those boyars whom he was pleased to accuse of having instigated the invasion; then he was busy, choosing himself a bride from amongst the beauties collected from throughout all the empire; then followed the illness of the lady selected, Martha Sobakin; the arrangement of the ceremonies of the wedding with her; and finally, grief for her untimely death, grief which instituted, as funereal rites for her, fresh executions of those who were accused of having bewitched her!

These executions seemed to calm John and to inspire him with the conviction that the death of these intestine foes had firmly established his personal safety. At all events, when Jenkinson was at last admitted to his presence at the Alexandrovsky Sloboda, and afterwards at Staritza to take his leave,

John informed him that he had put off for the present the secret affairs, that is to say, the negociations about the mutual oath to be taken by him and Elizabeth to afford one another shelter at all times. He then announced that he had remitted his displeasure against the English, given them back their privileges, and ordered that in future they should have a guard for their protection during their navigation of the Volga for traffic to countries beyond the Caspian Sea.

In examining the papers relative to Jenkinson's embassy, one is struck by the queenly dignity of Elizabeth's reply to John when he angrily calls her «maid» or rather «wench». —No merchants, she writes, govern our country for us, but we rule it ourselves with the rule befitting a virgin queen appointed by God; and no sovereign has more obedient subjects, for which we render thanks to God. — There is also much dignity in the answer of John, when Jenkinson requested him, on his complaint against the English merchants, to name the offenders:—You shall not know them; I have forgiven their offences, answered the czar, and what would my princely pardon be worth, if I afterwards gave them up to your queen for punishment? —

The chief aim of Jenkinson's mission was thus attained; he had restored the trade of the White and Caspian seas to the London company; but the indemnity for the damage incurred, although promised, was not paid. Besides which, John's conduct towards Jenkinson proved that the latter had greatly fallen from his former favour. Of the year passed by him in Russia, (from the 26-th of June 1571 to the 23-rd June 1572) he was detained eight months at Colmogor (till January 1572) and a month and a half at Pereaslavl (February 3 to March 23); after his reception by the czar at the Sloboda, he was sent to Tver, where, without occupation, he awaited the arrival of the czar at Staritza nearly two months (till May 23, and, the day after he had taken leave, he was sent back to Colmogor. He was forbidden to enter Moscow. Sylvester was not allowed to await at Staritza the delivery of the new charter, of the money owing by

the czar to the company, and the surrender of the Englishmen demanded by Elizabeth; he only obtained the promise that the charter, money, and men should be delivered to him at Vologda.— The servant sent by him to Novogorod to recall these things to the czar's recollection, was not sent back to him; he was promised the punishment of an officer named Bezson, who, in presence of Jenkinson and other Englishmen, had spoken ill of the queen, but on condition that Elizabeth should likewise punish her messengers, Manly and Middleton, who had been sent to Narva in 1568.

On the 23-rd of June 1572, Jenkinson took a final leave of Russia. On arriving in London he gave an account of his embassy and presented the company with a memorial about his twenty years of travel in Europe, Asia, Africa and Russia, in which he says in conclusion: «And thus «being weary and growing old, I am content to take my «rest in mine owne house, chiefly comforting myselfe in that «my seruice hath bene honourably accepted and rewarded of «her majesty and the rest by whom I have been employed».

On the retirement of Jenkinson from the company's service, Daniel Sylvester was entrusted the following year, with the conferences with the czar. Being sent to the czar in 1573, he brought back a letter from him to Elizabeth, (20-th August 1574), and the news that John was again displeased with the English merchants, having discovered the intercourse of Thomas Glover and Ralph Rutter with his enemy the king of Poland; that consequently he had ordered all the wares in the English storehouse at Vologda to be seized for the imperial treasury; together with them, his wrath fell also on one of the prisoners taken by the Russian troops from the Swedes, who, being a Scotchman, spoke English and was therefore supposed by him to be an Englishman. The privileges which had been given back to them were no longer so great as before: instead of the traffic entirely free of duty they had hitherto enjoyed, they were to pay one half of the custom-dues which would have been paid by other foreigners.

According to Sylvester the principal cause of John's anger was that Elizabeth had not renewed her negotiations with him and that, by what he considered undue pride, she would not conclude the secret treaty, by the provisions of which she was to ask for herself shelter in Russia in case of necessity; also that she had shown no readiness to confirm this treaty by kissing the cross, by causing it to be signed by her council, or by sealing it with the great royal seal. Satisfaction given to these demands, would, according to Sylvester, secure the position of the English company in Russia, and bring great profit to its trade.

The correctness of Sylvester's opinion is shewn by the concluding words of the letter he brought from the czar, (Aug. 20-th 1574).—And if you wish for more amity and friendship from us, ponder upon that business, by which you may increase our amity towards you.—

Elizabeth was greatly astonished at these demands, from which, at Jenkinson's last mission two years before, John had seemed entirely to desist. Knowing by experience what her subjects might expect from the despotism of John, she feared to provoke him, but at the same time made a last attempt to avoid the direct fulfilment of his wishes. This was, to send Sylvester again to the czar. Sylvester's instructions are drawn up with remarkable talent. He was to state, that the queen was above all things, anxious to preserve the secret of her negotiations with the czar; that for that very reason she had not been able to kiss the cross, or pass her letter under the great seal, as by the constitution of state affairs in England, those ceremonies would have entailed the participation of so many of her dignitaries that the preservation of secresy would have been impossible; that to allow a deed already signed by her to be afterwards signed by her council, would be, according to English customs, incompatible with her royal dignity. Still more striking is the reason given by Elizabeth for refusing to ask, like the czar, for refuge in Russia in case of necessity.—You shall declare unto him, she instructs Sylvester, that such a request on our part, would lead our subjects to

suppose we had some reason for fearing them; and such a supposition would «breed so dangerouse a mislykinge in them «towards vs, as might put vs in perill of our estate. Whiche «thinge wee knowe our good brother, in respect of the good-«will he protests to beare towards vs, wold be lothe to drawe «vs vnto».

Sylvester found the czar John at that incredible period of his existence when, having declared the czar of Kassimof to be «the grand duke Simeon Bekboolatovich of all Russia», he presented to him petitions in which he styled himself and his children, like common petitioners, by his and their diminutive baptismal names (Jack, Theddy, etc.) and lived at Moscow, outside of the Kremlin in his own house of the Oprichnina, where he received Sylvester, November 29-th, 1575. — You see, he said to him, that the danger has happened, which prompted us to hold secret negotiations with the queen our sister. The treachery of our subjects has led us to give up the government of our empire to an alien. Why did she not consent to our request! A firm mutual league would have strengthened our sway, and, inclined us to grant her subjects every possible liberty they could desire. Unwisely did our sister act in not accepting our proposal! —

But very differently spoke the czar two months later, when dismissing Sylvester, (29-th January 1576) and when he had just concluded a treaty of friendship with the ambassadors sent by the emperor of Germany. The speech of the czar on this occasion was evidently written down by Sylvester with literal exactitude; the import of it is this: — We are aware of the immense benefit the English merchants derive from the privileges we were graciously pleased to grant them. At the same time our sister makes no return for the friendship we show her. Even now she unduly exalts herself above us, and thinks it unfitting to make the same request to us (respecting refuge) which we have made to her. Therefore, declare to her that we demand an unconditional acceptance of our proposition. Her refusal will have for consequence that the trade which we have delivered over to the English, shall

be transferred to the Venetians and Germans, from whom they receive the greater part of the goods they bring to us. Think not, that we have not the power to act thus: true, we have given up to another our authority; but we can at any time, by our will, take it back again; our seven crowns, our sceptre, all the sovereign insignia, all the state ornaments, all the imperial treasury are still in our possession.—

Elizabeth saw that she could no longer delay, and hastened to send back Sylvester with her answer to the czar; but her answer was not destined to reach him. On his arrival at Colmogor, writes Horsey, Daniel Sylvester, was «preparringe and makinge cloths fitt for his present postinge up to the emperor with those letters and message from the quen, the tailor saenge one (essaying on) a newe yeolow satten jackett or jepone in an upper rome of the lodginge in the English howse, and the tailor gone scars (scarce) down the stears, a thunderbolt came and stroeke him dead, pearsinge down the coller of the inside of his newe coate, owt the right side of his bodye, not owtwardly seen. A flash of lightening killed also his boy and dogg by him, burnt his descke, letters, howse, all at instant. Wherat the emperowr was much amassed when he heard of it, saieng «Gods will be donn!»

During the three succeeding years, John seems to have had no particular intercourse with England. The cares attending the war with Sweden and especially with Poland, evidently engrossed all his attention; and care was indeed necessary, not so much for preserving the conquests made in Livonia, as to provide for the protection of the Russian territory: already several of the northwestern provinces were overrun by the enemy. The czar had need, and very immediate need, of warlike materials — copper, lead, salpetre, sulphur, powder, and such like. To demand the sending of such articles, John determined to despatch to Elizabeth overland a person in the employment of the company, a certain Jerome Horsey, who had attracted the czar's attention by his ready wit and by his accounts of the manner of building and arming ships in England. Horsey incurred great dangers; he was

obliged to traverse all Livonia and Courland, where he might be seized by the Poles as a Russian spy, — Pomerania and Mecklenburg, where he ran the same risks from the Swedes; it was only on arriving at Lubeck and Hamburgh that he could consider his life in safety. That the czar himself thought the attempt very venturesome, is shown by the imperial order that John's letter should be enclosed in the false sides of a wooden flask containing spirits, which Horsey was to carry hidden in the mane of his horse. After many adventures, Horsey succeeded in reaching Hamburgh, and from thence got to London and delivered to Elizabeth the letter taken from the flask. In the spring of 1581 he brought back to Russia thirteen ships laden with the wares demanded by the czar, to the value of 9,000 pounds. The czar most graciously praised Horsey for the rapid and successful fulfilment of his trust; the queen rewarded him by nominating him esquire of her body. Henceforth Horsey took the lead amongst the English merchants at Moscow, and continued to do so, evidently by his own choice, till after the death of John and the first years of the reign of Theodore.

The following year 1582, John sent as ambassador to Elizabeth Theodore Andreevich Pissemsky and with him the undersecretary Epiphanius Neoodacha Vassilievich Khovralef. They were empowered to bring to a conclusion the negociation of the league of love and friendship and to propose a marriage for the czar with a relation of the queen, «Princess Khantinsky» i. e. with Lady Mary Hastings, daughter of the Earl of Huntingdon. Pissemsky's English interpreter Giles Crow was also instructed to inform the queen privately that the czar intended coming to England.

This intention, however, did not remain a secret; public rumour ascribed it to «the wicked German magician, called Eliseus» (Bomelius) *) who, according to the Russian annals, had instigated the czar to flee to England and there marry. This is also very plainly mentioned by Horsey, who during

*) Burnt to death at Moscow, two years previously.

twenty years' residence in Russia, with the exception of a few visits to England, lived constantly at Moscow, where he had admittance to the czar's court, and personal interviews with John; «Elizius Bomelius deluded the emperower makinge him belive the quen of England was yonge and that yt was very feacable for him to marry her».

Both the account in the annals and the remark of Horsey respecting Bomelius, are refuted by comparing the dates of the commencement of John's secret correspondance with Elizabeth, the arrival of Bomelius, and the circumstances of the life of John. The message containing John's request for a promise to be confirmed by oath that he should have shelter in England, was presented by Jenkinson in November 1567; and Bomelius, who had been imprisoned on account of one of his predictions, was allowed to leave England for Russia at the petition of Sovin, the ambassador of the czar to Elizabeth for the negociation of that refuge, only two years and a half later, in May 1570. Bomelius also would scarcely have dared to deceive the czar about the appearance and age of the queen; Sovin had been several times received by her, and during his ten months' residence in England, could scarcely not have learned that Elizabeth was already thirty seven years of age, and only three years younger than the czar. Besides which the proposals made by him for the hand of the daughter of Sigismund king of Poland, continued even after her marriage (in 1562), and were only finally given up when the Russian ambassadors were expelled from Stockolm by her husband, John king of Sweden, in July 1567, that is, two months before the date of the letter brought by Jenkinson. Consequently before the despatch of that letter John could scarcely have contemplated a marriage with Elizabeth. It is also improbable to suppose he could have such an idea after the return of Sovin from England, as towards the end of the following year he married his third wife Martha Sobackin, and at her death, called a council to authorize his fourth marriage with Anna Koltovskoy. Besides which, in all the interviews of the czar with Jenkinson in 1572, and with Sylvester in 1575 and 1576,

he mentions Elizabeth with an exasperation incompatible with the thought of entering into a marriage with her.

By the aid of these indisputable facts, it may be positively affirmed that John had conceived the idea of a flight to England nearly thre years before the arrival of Bomelius, and that the tradition as to his intended marriage with Elizabeth is proved to be entirely without foundation.

On his arrival in England, Pissemsky could not be immediately received by the queen on account of the prevalence of a very catching disease, probably the smallpox, which also attacked the chosen bride of the czar; the inspection of Mary Hastings which was also entrusted to Pissemsky, was consequently deferred until her entire recovery, and her portrait, by order of Elizabeth, was forbidden to be taken until the marks left on her face by the illness, had become smoother and less inflamed. The negociations for the league also proceeded very slowly, on account of the inflexibility of the ambassador. The chosen bride herself was evidently but little charmed by the prospect before her and although there were still living in England contemporaries of the six times wedded Henry VIII, still a young English girl would hardly be captivated by the idea of becoming the sixth or seventh wife of a czar, fifty years old. Thereupon, during the stay of Pissemsky in London, news was received that the present wife of John, Maria Nagoy, had been delivered of a son. Finally, Sir William Russel, who had been named to accompany Pissemsky on his return, refused to go to Russia. The ambassador was weary of his inaction, and with the coming in of spring, hurried on the conclusion of the affairs committed to him by the czar. On the 18-th of May he was admitted to see the intended bride; on the 5-th of June Sir Jerome Bowes was named ambassador to John, and two weeks later (June 23) Pissemsky and Bowes sailed for Russia.

Bowes received the most explicit instructions;—respecting the treaty of alliance, he was to insist on the insertion of the clause stating that one of the allies was not bound to go to war with the enemies of the other, until every effort had been exhausted to reconcile the belligerents; and thereupon Bowes was to offer the intervention of the queen between the czar and the king of Sweden, without however taking upon himsélf the obligation of going to Sweden, nor delaying, on that account, his departure from Russia. As to the marriage with Mary Hastings, he was to decline it under pretence, first of her ill health, and then, if the czar insisted, by saying that the lady's parents would not give their consent, and that the queen had no power to oblige them to do so. In case of the czar coming to England, he was promised by the queen a welcome as affectionate as the most beloved ally could expect and that every thing should be done for him which the queen's «small meanes can yeeld him». The principal aim of Bowes was to be the confirmation to the company of all its priviliges, the exclusive right of trade in the White Sea, and exemption from all duties.

Several documents have been preserved relating to the embassy of Bowes:—his own memoir with a short account of his stay in Russia which is full of boasting;—the complaints presented by him on his return to England about the offences he had endured, which show him to have been vain, quarrelsome and fond of gossip;—the account of his embassy in the memoirs of Horsey, which cannot but leave the conviction of his effrontery and vanity; and finally the documents of the ambassadors' office which unanswerably prove that in the course of the negociations, Bowes constantly prevaricated in his answers, contradicted his own words, and when he was detected, appealed to the insufficiency of his instructions. He accused the chancellor Schelkalof before the czar of being bribed by the Dutch merchant de Wale; the officers of the czar, of not delivering to him the full provision of victuals allowed; and the person sent to accompany him from Colmogor, of intending to sink his barge. When not consenting to

the change of religion for Mary Hastings, he assured the czar that Elizabeth could offer for his choice a dozen other ladies more nearly related to herself and of greater beauty than Mary Hastings — and the next day, at the ambassadors' office affirmed that he had given no such assurance: when convicted of the falsehood of this statement, he replied that he had no instruction to name these ladies; but if Elizabeth would permit it, he was ready to send their portraits to the czar. On the very day of his reception by the czar, he went on foot to the Kremlin, because, in his opinion the horse brought for his use was not so good as that mounted by the lord sent to accompany him. At his first audience when the chancellor Schelkalof, according to custom, advanced to receive Elizabeth's letter from him, he began, in the presence of the czar surrounded by his court, to argue that the queen had addressed no letters to him, Schelkalof. In his personal interviews with the czar, he caused John to lose patience; to the czar's remark that he, Bowes, was unacquainted with the customs of ambassadors, he answered that he knew them very well and had learned them in France; when the czar mentioned the Roman emperor and the kings of France and Spain, he replied that they were not fit to be compared to his sovereign.

And the terrible czar John Vassilievich, not only bore with this insolence, but held it up as an example of zealous loyalty, and even condescended to apologize to Bowes for giving way to impatience. Having once called Bowes «a boor», he sent him the same evening his favourite Belsky with excuses, grievously beat Schelkalof with his own imperial hands, and ordered the officers complained of by Bowes, to be thrown into prison. Another time in a fury of passion he drove Bowes from the palace and directly afterwards sent to assure him that the negociations need not be interrupted, increased the ambassador's allowance of victuals, acceded to all his requests, confirmed and enlarged, at his intercession, the privileges of the English merchants and loudly proclaimed before his courtiers, that if Elizabeth did not send him a bride, he would himself go to England to seek one.

It is easy to comprehend how much hatred was felt by the Russians towards the detested match-maker, who arrogantly boasts in his memoirs, that at that time whosoever wished to obtain the czar's favour, sought for notice from him, Bowes.

The delusion of Bowes was not of long duration; on the 18-th of March 1584, the czar John Vassilievich was sitting half-dressed after his bath, «sollacing himself and making merie with pleasant songs as he used to doe» and calling for his chess-board, had first placed the men and was setting up the king, when he fell back on his bed in a swoon, which put an end to his reign. That night the government of the empire passed into the hands of the five lords named by him as guardians to his weakminded son, and in the morning, messengers were flying to every part of the Moscovite realm with the news of the accession of the czar Theodore Ivanovich. The chief power was, in fact, assumed by his uncle Nikita Romanovich Yoorieff, the principal accomplisher of whose will was the man who had long been ill disposed to the English, and was the inveterate personal enemy of Bowes, the chancellor Andrew Schelkalof. «Thy English king (the czar) is dead!» he sent word to Bowes, and ordered the house to be surrounded, Bowes and his attendants to be kept under strict guard, and no one to be admitted to them on any pretext whatever—mud and stones being thrown at any one who put his head out of the house.

For more than two months, Bowes was kept in this confinement, fearing every moment for his life; and his fear was not unfounded, for the animosity against him was so great, that if we may believe Horsey, the question was discussed by the supreme tribunal of the five members, whether he should not be given over to execution, and his life was only saved by the representations of Horsey that Elizabeth would not leave his death unavenged. At the end of nine weeks, Bowes was ordered to the Kremlin; in the ambassadors' hall he was met by Schelkalof and his brother, who announced to him, that the new czar did not intend to continue the negociations with England begun by the late sovereign; notwithstanding the resistance

of Bowes, they took from him his sword, and, not even letting him throw on his upper garment, dragged him before the czar, without allowing him to be accompanied by his interpreter. Paying no attention to his refusal, they forced upon him a letter for the queen, then seizing him by the arms, they turned him out of the palace, informing him to quit Moscow.

«Lett him thank God: God was his gud God», Schelkalof sent word to him next day: «for had he not comme to the emperor, even when he did, he had bene torne in peeces and throwne over the wales».

A wiser man than Bowes might have lost patience under such indignities; he foamed with furious, powerless spite, and at the same time fearing for his own safety he ordered all the English merchants to leave Moscow and accompany him to the sea-coast, but naturally, he was not obeyed. Horsey, however, accompanied him as far as the first halting place and privately gave him a present of forty sables from Boris Feodorovich Godoonof, with the request that he would assure the queen of his (Godoonof's) devotion and persuasion that affairs would be satisfactorily arranged.

After a long journey, after more insults (real or supposed) from the gentleman sent to accompany him, Nicephorus Sooschoff (whom he calls a 'meane sinaboiarsky i. e an inferior officer), on the 12-th of August 1584, Bowes at length reached the port of St Nicholas; he no sooner stood on the deck of an English vessel, than he sent back the czar's letter «wherin was no mattar of any importance» and the czar's gift, three timbers of sables, «not worthe above fortie pownds, no question the verie worst that were to be fownd in all Mosco»; at the same time he wrote a letter in which he pours out all his wrath against the boyar Yoorief and the chancellor, Schelkalof, expressing his hope that Theodore, whom he had heard was now crowned emperor, would «soon cut the heads from the shoulders of those two usurping emperors».

«Wolde he had never come here! The Lorde sende us all his grace!» writes the London company's English agent at Colmogor when sending, by the same vessel which carried Bowes, a hurried copy of the latter's angry epistle.

From the time when Theodore assumed the crown of Russia, all other influence faded before the power of his illustrious brother in law, the highly gifted Boris, who in all contemporary English writings is styled «Lord Protector». The favourable disposition of Boris towards the English, and his personal friendship for Horsey, were publicly shown on the very day of the coronation (10-th June 1584) when a dispute arising in the czar's palace as to which of the foreign merchants should first present their offerings to the czar, Boris ordered the Brabant merchant de Wale to give up his precedence to Horsey. Even still earlier, Boris had shown much favour to Horsey; at the time of the tumults in Moscow which followed the death of the czar John, he had granted a guard for the English house at Horsey's request; had given him advice how to act respecting Bowes, during the detention of the latter in confinement; allowed him free access to himself and so forth. Judging by the official records of the London company Horsey frequently used his credit to the detriment of the company· he found an occasion for this in the disorder apparent in the management of the company's affairs at Moscow.

At the time when the only sea passage to Russia was by the White Sea, the traffic of that sea was recognised as belonging exclusively to the English, consequently to the London or Muscovy company; it is true that ships from «the land of Brabant» had also come there, but their coming had produced a kind of controversy, and in every charter of privileges the czar confirmed the company in their exclusive right to frequent the ports of the White Sea. But, by the conquest of Narva the czar opened a new seat of maritime trade to all foreigners, and by the way of Narva, together with Lubeckers and Hamburghers, there arrived at Moscow English merchants, not belonging to the Muscovy company and trading with the Hanseatic towns. When Narva separated from Russia, some of those merchants

still continued their independent trade apart from the company bringing their wares overland through the Livonian borders. Of late times many persons in the service of the company had joined themselves to these merchants, refusing to give account of the goods in their possession or of the sums received for them; their number had greatly increased at the time when the czar John burning with wrath against the boorish merchants of queen Elizabeth, had seized their merchandize, withdrawn their privileges, and forbidden to receive from them any complaint whatever about the nonpayment of their debts. Bowes had prevailed on him to restore their exclusive privileges to the company; but the death of John destroyed all that Bowes had obtained by his perseverance, all that John had sacrificed for the protection of Elizabeth's company to please her, hoping to find in her the same compliance respecting his «great princely affairs»,—his refuge in England and his marriage with an English lady. Bowes was hurt by his shameful expulsion from Russia, which he showed by his insolence when setting sail; he was displeased with the agents of the company for disobeying his order that all the English should escort him from Moscow, and doubtless, when he arrived in London he represented the state of the company at Moscow in the very darkest colours. The result was the sending of two agents to verify the accounts: Peacock to Moscow and Chappel to Kazan; the Moscow agent Trumbull went to meet them at Colmogor, and during his absence entrusted the affairs of the Moscow house to Horsey.

On his arrival in Moscow, Peacock discovered great malversations; deficiency of goods, confused accounts, and embezzlement of sums; Chappel found the same thing at Kazan: Peacock determined at once to inform the company of his discovery, but fearing it should come to the knowledge of Horsey, he sent his report by one of the trustworthy factors, Hornby, who accompanied a certain merchant going from Moscow to Poland. Horsey, however, contrived to hear of it in time, and laid information that Peacock and Chappel were scheming with Livonia to the detriment of Russia; Hornby was seized

and his letters given up for translation to Horsey and Horsey's accomplice, Marsh. The consequence was that Hornby was put to the torture, by flogging with a wire whip and by fire (from the effects of which he afterwards died) and Peacock and Chappel were imprisoned.

At the time when messengers were despatched with the news of Theodore's accession to the throne, it was decided that a messenger should likewise be sent to Elizabeth. The messengers sent to England were generally interpreters acquainted with the English language, and accordingly preference was given to the servants of the company, who on getting to London, used to relate whatever was passing in Moscow; this at present could not suit the views of Horsey; therefore, probably at his suggestion, the person chosen this time was the interpreter who had been with Sovin in London, in 1569, a Lithuanian named Beckman, formerly in the service of the company, but who had since gone over to the Flemings, and was consequently an enemy to England.

On his return to Moscow (1585) Beckman complained that he had been ill received by Elizabeth; he said that she kept him waiting in idleness from March till June: that she sent for him three times, but only received him at the fourth time, and then, in a cabbage garden where onions and garlic grew; that his dismissal was given him, not by the queen herself, but by a clerk, who ordered him to present his salutations to the czar. The fact is, that at that time Elizabeth's attention was engrossed by the troubles excited by Mary Stuart in the interior of her country, by the secret arrival of catholic emissaries from Rome, by the news of the preparation of the renowned Armada in Spain, and she had made no haste to receive Beckman, who consequently had been obliged to await the return of the company's ships in summer; but her reception of him was gracious, not in a kitchengarden as Beckman stated, but in a park where she only admitted to converse with her, her nearest and most valued dignitaries; Beckman's dispatch was delivered to him not by a clerk, but by her secretary of state, Sir

Francis Walsingham, one of the most remarkable politicians of her reign, so justly celebrated for the wisdom of her politicians.

However, it is impossible not to suppose that in her discourse she showed some of the angry feeling she expresses in the letter she sent to the czar by Beckman; and it would have been difficult for the haughty Elizabeth to admit that her ambassador, the representative of her majesty, might be, at the order of the secretary Schelkalof, deprived of his sword, forcibly dragged into the presence of a foreign sovereign and then thrust head foremost out of the palace!

After the return of Beckman to Moscow (in August 1588) the answer to the letter brought by him was sent by Horsey. It was highly important to Horsey to forestall the news which must get to London of his arbitrary acts, and his malversations in the management of the Moscow business; on this account, without waiting for the spring ships, he started for Riga, executing there the commission given him by Godoonof to prevail on the czar's second cousin Euphemia, daughter of the prince of Staritza and widow of Magnus king of Livonia to return to Russia; after passing through Courland, Prussia, Mecklenburg and Pomerania, he reached Hamburgh, and from thence went by sea to London. It is evident that he succeded in giving a favourable account of the affairs of the company and acquired great credit for his knowledge of Russia; this feeling was increased by the fact of his being privately entrusted by Boris Godoonof to bring back out of England a learned doctor and a midwife. Boris at that time felt convinced that his power depended on the duration of the czar's life, was anxious for the continuation of the imperial race, and long before the departure of Horsey had spoken to him on that subject; such, at least, may be inferred from his letter to Horsey Aug. 15, 1585. «Concernynge thos matteres «wee have laste conference of at the Trinity, I doubt not but «thou wille duly consyder of them and use thie discrecyone con- «cernynge Doctor Jacobi, provided yf he come, he come well «furneshed with skylle».

Elizabeth's letter brought by Horsey to the czar is written in a most conciliatory tone; she almost apologizes for Bowes, and explains his conduct by his ignorance that it was customary to appear without arms on first coming before the sovereign after his fathers death; she excuses the secret journey of the messenger to Livonia by the desire of Peacock to send his account to the company as quickly as possible; she vouches that Chappel is not a Lubecker but an Englishman; she begs the czar to remit his wrath against her merchants and to give them back their charter with its full privileges; but she rejects with indignation the accusations of Beckman calling them slander.

When Horsey returned in summer, order was given to detain the midwife at Vologda; it may be supposed that the Russian people, generally illdisposed to foreign doctors, would have thought it scandalous to allow the imperial child to be ushered into the world by a heretic midwife; at all events after being detained at Vologda a full year, she was sent back thence straight to England. Horsey, himself, was wellcomed by Godoonof with his former kindness, and after receiving a new charter, in August of the following year, 1587, was again despatched to Elizabeth.

But this time Horsey did not meet with the same reception from the company; on the contrary an account was demanded from him of his arbitrary measures, of which the news had reached London; moreover he learned, that to come to a clearer understanding of the real state of English affairs in Moscow, it had been decided to send thither her majesty's master of requests, Giles Fletcher, and with him an accredited agent of the company, Austin Fulkes. Horsey determined on secretly leaving London, and returned to Russia. But here also, he met with a great change in his reception: the cause of this change was the old enemy of the English trade, the secretary Schelkalof who had a personal animosity against Horsey on account of some abusive words by which on one occasion Horsey had offended him.

At the very beginning of the company's trade to Persia, one of its agents for that trade was a certain Anthony Marsh; at a later period Marsh, without giving up his accounts, took advantage of John's anger with the company to obtain for himself a separate privilege for trade to Siberia and Astrakhan; in this trade, though detrimental to the company, Horsey took part, and by his means Marsh obtained a considerable loan from the imperial treasury and from Boris Godoonof. Probably Horsey afterwards quarrelled with Marsh, who obtained the protection of Schelkalof evidently by bribery; by order of the latter, Marsh transferred his personal debts to the accounts of the company; his bonds were presented for payment, and although the agents declared, that, not only Marsh did not belong to their company, but was even their debtor and their adversary, yet Schelkalof ordered the whole of the sum claimed (more than 23,000 roubles) to be recovered from the property of the company, founding this decision on the assertion of Marsh, that amongst others he had for partner Horsey, at the time when the latter managed the English house at Moscow. The displeasure of the English merchants was turned on Horsey, whose sole remaining protector was Boris Godoonof. But even Godoonof could not openly take his defence, for Schelkalof had succeeded in obtaining two very serious accusations against Horsey; one, was a letter in Horsey's own handwriting, in which he had some years before, informed the agent at Colmogor of his intention to fit out vessels to seize all foreign ships coming to the White Sea; the other was the deposition of Horsey's English servant that he heard him once say of Theodore Ivanovich «that he was meeter to be a friar than a king»!

It must, however, probably be attributed to the influence of Boris Godoonof that before the final seizure of the English goods confiscated by Schelkalof, it was decided to send Marsh, with the messenger Beckman, to London, for his business to be examined before Elizabeth's council. By a strange coincidence of dates, it so happened, that Beckman arrived in London, Sept. 7, and Elizabeth's ambassador Fletcher

at Colmogor, Sept. 17; Beckman was received by Elizabeth, Nov. 3; Fletcher arrived at Moscow, Nov. 25, and was received by the czar, Dec. 19.

The departure of Fletcher for Russia took place at the very time of the great event of Elizabeth's reign, the defeat of the famous Invincible Armada, the destruction of which decided for England the question to be, or not to be! *) It is easy to conceive that, in the all absorbing interest of preparing for the repulse of the Spaniards, the gift sent to the czar in Elizabeth's name, was but mean, as Elizabeth herself afterwards acknowledged, saying that she had ordered «a delectable present to be sente»; but judging by a letter from Boris to Elizabeth the presents received consisted of «pieces of gold, and a half piece of gold, «and a quarter piece of gold, and a piece of gold of the «size of a farthing; such presents had not heretofore been «used between great princes.» These gifts, brought by Fletcher to the czar, were the next day sent back to him; and, following the czar's example, Godoonof also refused to accept the gifts sent him by the queen. Moreover, when Fletcher, in the ambassadors' office presented the queen's letters to the czar and the czarina Irena, Godoonof was offended that

*) Beckman gives the following account: I learned fresh news, that before I arrived, July 19, the king of Spain's ships came here to conquer the English land; but they were defeated and put to flight with great shame; these ships, as the Spaniards themselves acknowledge, were in number 142 large and small, and carried 30 thousand men. July 27 they had a battle with the queen's ships, and of the Spanish ships 4 small and 2 large ones were taken and brought to England, and many Spaniards killed, and the remaining Spanish ships scarcely succeeded in escaping to Flushing in Zealand; the English ships pursued them so closely that not a single man could set foot on the land, and the Spaniards not being able to resist them, turned back, but meeting with contrary winds, they were driven by tempests on the Irish coast, where 19 large vessels perished with all the men on board them; many other vessels were driven on the coast of Holland, so that according to the most authentic accounts only, 42 ships returned to Spain, and on them scarcely 3,200 men; the large vessels were so shattered by the English shot that they all sunk. The queen did not lose a single ship, and of her people, by the accounts here, only 40 or 43 men were killed.

letters were sent from the councillors of the queen to him, Godoonof, and to the chancellor Andrew Schelkalof. «It is no «small disparragemente unto my princely dignety», he writes to Horsey, «that the queene and noble men have written letteres «unto me most unseemly, and very undecente joyninge the «chauncellere with me thearin».

Such being the state of things, Fletcher could hardly expect any success whatever from his negociations, the more so that the conduct of those negociations was entrusted to Schelkalof. But in the month of April 1589, the messenger Mitchel arrived from London with a letter in which Elizabeth plainly accuses Schelkalof: Marsh, in presence of the privy councillors and of the managers of the company, was induced to acknowledge in writing, that all his depositions given at Moscow, were made through fear and at the instigation of Schelkalof; that Schelkalof was well aware that Marsh conducted a trade of his own, apart from the company, having a letter of privileges for trade with Astrakhan and Pechora; that Schelkalof had in his possession goods belonging to Marsh of the value of 10,000 roubles; that Schelkalof contrary to the request of the company's agent, had allowed a ship belonging to Marsh to sail from Cola to Hamburgh having on board sufficient merchandize to pay the whole of his debts. In conclusion Elizabeth asks that the whole affair may be given over to the judgement of Boris Godoonof and that her subjects may be exonerated from all payment for Marsh.

Fletcher was admitted to take leave of the czar April 22, before the arrival of Mitchel; he vainly demanded another audience to present the letter brought by Mitchel from the queen; answer was made him by the czar's order, that having once taken leave, it was not fitting that he should again be admitted to the czar, and also by the reason that Elizabeth, contrary to former custom, had not herself received the czar's letter sent by Beckman, but had ordered it to be delivered to the lord treasurer. Fletcher was obliged to give way; May 2 he sent the letter to the ambassadors' office to

the chancellor Andrew Schelkalof and Postnik Dmitrief and, May 6 left Moscow; by the demand of Elizabeth, Horsey was sent with him to England *).

In the mean time, the examination of Marsh's affair was entrusted to the boyar John Vassilievich Godoonof, and prince John Vassilievich Shooisky. Not consenting to relieve the company of all responsibility for Marsh, they decided that it need only pay in full the debts to the imperial treasury (2,700 roubles) and to Boris Godoonof (4,000 r.);—the other debts to private persons were allowed to be discharged by half-payment, amounting to 8,375¹/₄ roubles.

Fletcher had not yet reached Vologda when order was received by its governor to detain him in that town: the reason of this was the arrival of a new English messenger, George Bowes, who brought with him Marsh, and the reports of the enquiry held at London about his debts. The examination was gone through afresh and «at the request and petition of the «czar's majesty's brother in law, lord master of the horse, «governor of the empires of Kazan and Astrakhan, Boris Theo-«dorovich Godoonof» it was ordered that the debts of the English merchants should be reduced from 23,553 to 7,800 roubles which sum was to be considered covered by the merchandize seized from them. Two of Marsh's bonds, owing personally to him, Boris Godoonof sent over to Elizabeth «submitting them to her will, to do with as she pleased».

This decision was communicated to Fletcher by the governor of the province of Dwina Rosgildey Luboocheninof, who was also directed to surrender Marsh to him and to arrange everything for the departure of the ambassador. Accordingly Fletcher, taking with him Horsey and Marsh, left for England at the end of July, or the beginning of August, 1589.

---

*) It is curious to compare the original where Elizabeth speaks of Horsey, with the contemporary Russian translation. Elizabeth writes: „We marvel not a little that he so unwisely resolved to depart, and we do not suppose that the complaints (presented against him) concern your highness or your councellors". The translation says: „About this we much marvel that he like a fool as he is, did so, and we feel assured that by this contention he caused much annoyance to the persons about your majesty".

Horsey must have been possessed of much cleverness and impudence; otherwise it would be difficult to understand how, after running away from England to Russia, and being sent back again from Russia to England, he yet once more contrived so far to propitiate Elizabeth, that, no later them April in the ensuing year, she again sent him to Moscow, with a letter in which she reproaches the czar with the affronts offered to her ambassador by the ancient antagonist of the English—Schelkalof; she desires to know whether they were done with the czar's knowledge; and in conclusion, begs him to remove his displeasure from Horsey, who had been exposed to it by the malice of his enemies.

It must be borne in mind, as the documents in the London State Paper Office prove, that the merchants of the London company strenuously endeavoured to prevent Horsey being sent again to Moscow, and that his being sent was entirely owing to the insistance of Sir Francis Walsingham. It is a well known fact that this illustrious diplomatist, although himself incorruptible (he died almost in poverty) was remarkable for his double dealing in political matters, and especially chose as his agents, or to speak plainly as his spies, men of doubtful reputation, as being more likely to be devoted to him, and less scrupulous as to the means for accomplishing his orders. It can, scarcely, therefore, be erroneous to surmise that the choice of Walsingham fell upon Horsey for the very reason that his mission to the czar would not be agreeable, and that he also undertook to fulfill another trust likely to be attended with no small risk before his arrival at Moscow: he was to give notice in Hamburgh and other Hanseatic towns that Elizabeth prohibited the conveyance of any kind of goods to Spain; he was to pass on to Cologne and assist there at the proposed assembly of the queen's protestant allies (which did not take place);—thence to Copenhagen for negociations with the king of Denmark, who was hostile to Elizabeth for opposing the marriage of the Danish princess with James of Scotland, afterwards

Elizabeth's successor on the throne of England; and finally to visit Warsaw to confer with the king of Poland.

Horsey arrived from Warsaw, through Vilna, at Smolensk, and endeavoured to conceal his name, but was recognised by the governor, prince John Golitzine, who knew his person well from having a house at Moscow, near the English house. On arriving at Moscow, Horsey was not admitted to see the czar; and when the letter he brought was demanded from him, it was found to be sealed, not in the usual way, but with the queen's small signet; the czar's style and title was abridged being without the full enumeration of all his principalities and provinces. Schelkalof, who was directly accused throughout the letter of various corrupt practises, urgently advised that it should not be received; but the constant intercessor for the English, Boris Godoonof, prevailed on the czar to receive it and to grant Horsey a hearing in the ambassadors' office; afterwards however Horsey was sent away from Moscow to Yaroslavl, where he was detained until the following summer; in July 1591 he was dispatched back to England, and at the same time a letter was entrusted to an English merchant, Francis Cherry, in which Theodore wrote to Elizabeth, that if she wished the same love and amity as heretofore to continue between them, she must send good people and not such «varlets and villains» as Horsey.

The love and amity of the Russian czar was too important and profitable for Elizabeth not to be careful of it: she answered Theodore justifying herself from his accusations; consented to observe in future the demand of the czar to transcribe his titles in full; declared herself satisfied about every thing which had displeased her; again mentioned some requests about the money matters of her merchants belonging to the Moscow company and lastly «as nothing is to be preferred before perfect league and amity» with the czar, begs that on no account it may be disturbed, and solicits care that it may be preserved uninterrupted for ever. She

wrote to Godoonof in the same friendly style, making excuses on the ground of many important state affairs, speaking in the most flattering terms of «his noble lineage, great wisdom and desert, which hath made him the principal counsellor and director of the state of so great a monarch» and requesting him to treat with her treasurer Lord Burghley on all affairs concerning the English merchants.

And Boris Godoonof received the English under his powerful care, granted them in all their affairs his mighty defence and protection, and deservedly earned from them the title of «Lord Protector». With the next year 1593, there was an end of all cause of complaint against the Russian officials by the English merchants, and since that time no event happened to disturb between the queen and the czar, that «amity and love which had been betwixt her and his most «noble father of famous memory, John Vassilievich, lord «emperor and grand duke of all Russia».

№ 1.—1553 Febr. 14.

Exemplar Epistolae seu literarum Missiuarum, quas illustrissimus Princeps Eduardus eius nominis Sextus, Angliae, Franciae, et Hiberniae Rex, misit ad Principes Septentionalem, ac Orientalem mundi plagam inhabitantes iuxta mare glaciale, nec non Indiam Orientalem; Anno Domini 1553, Regni sui anno septimo et ultimo.

Eduardus Sextus, Angliae, Franciae, et Hiberniae Rex, etc.

Omnibus Regibus et principibus ac dominis, et cunctis Iudicibus terrae, et ducibus eius, quibuscunque est excellens aliqua dignitas in ea, cunctis in locis quae sunt sub vniverso coelo: Pax, tranquillitas, et honor vobis, terris, et regionibus vestris, quae imperio vestro subiacent, cuique vestrum quemadmodum conuenit ei.

Propterea quod indidit Deus Opt. Max. hominibus prae cunctis alijs viuentibus, cor et desiderium tale, vt appetat quisque cum alijs societatem inire, amare, et vicissim amari, beneficijs afficere, et mutua accipere beneficia studeat, ideo cuique pro facultate sua hoc desiderium in omnibus quidem hominibus beneficijs fouere et conseruare conuenit, in illis autem maxime, qui hoc desiderio adducti, a remotis etiam regionibus ad eos veniunt. Quo enim longius iter eius rei gratia ingressi sunt, eo ardentius in eis hoc desiderium fuisse declararunt. Insuper etiam ad hoc, nos patrum maiorumque nostrorum exempla inuitant, qui semper humanissime susceperunt et benignissime tractauerunt illos, qui tum a locis propinquis, tum a remotis, eos amice adibant, eorum se protectioni com-

mendantes. Quod si omnibus id praestare aequum est, certe mercatoribus imprimis praestari debet, qui per vniversum orbem discurrunt, mare circumlustrantes et aridam, vt res bonas et vtiles, quae Dei beneficio in regione eorum inueniuntur, ad remotissimas regiones et regna adferant, atque inde vicissim referant, quod suae regioni vtile ibi repeterint: vt et populi ad quos eunt, non destituantur commodis quae non profert illis terra eorum, et ipsi sint participes rerum quibus illi abundant. Nam Deus coeli et terrae, humano generi maxime consulens, noluit vt omnia in quauis regione inuenirentur, quo regio ope alterius regionis indigeret, et gens ab alia gente commodum aliquod expectaret, ac ita stabiliretur inter omnes, singulique omnibus benefacere quaererent. Hoc itaque ineundae ac stabiliendae amicitiae desiderio moti viri quidam regni nostri, iter in remotis maritimas regiones instituerunt, vt inter nostros et illos populos, viam mercibus inferendis et efferendis aperirent, nosque rogauerunt vt id illis concederemus. Qui petitioni eorum annuentes, concessimus viro honorabili et forti Hugoni Wilibeo *), et alijs qui cum eo sunt seruis nostris fidis et charis, vt pro sua voluntate, in regiones eis prius incognitas eant, quaesituri ea quibus nos caremus, et adducant illis ex nostris terris id quo illi carent. Atque ita illis et nobis commodum inde accedat, sitque amicitia perpetua, et foedus indissolubile inter illos et nos, dum permittent illi nos accipere de rebus, quibus superabundant in regnis suis, et nos concedemus illis ex regnis nostris res, quibus destituuntur.

Rogamus itaque vos Reges et Principes, et omnes quibus aliqua est potestas in terra, vt viris istis nostris transitum permittatis per regiones vestras. Non enim tangent quicquam ex rebus vestris inuitis vobis. Cogitate quod homines et ipsi sunt. Et si qua re caruerint, oramus pro vestra beneficentia, eam vos illis tribuatis, accipientes vicissim ab eis quod poterunt rependere vobis. Ita vos gerite erga eos, quemadmodum cuperetis vt nos, et subditi nostri, nos gereremus erga seruos

*) Anglice: «Sir Hugh Willoughby knight.»

vestros, si quando transierint per regiones nostras. Atque promittimus vobis per Deum omnium quae coelo, terra et mari continentur, perque vitam nostram, et tranquillitatem regnorum nostrorum, nos pari benignitate seruos vestros accepturos, si ad regna nostra aliquando venerint. Atque a nobis et subditis nostris, ac si nati fuissent in regnis nostris ita benigne tractabuntur, vt rependamus vobis benignitatem, quam nostris exhibueritis.

Postquam vos Reges, Principes, etc. rogauimus, vt humanitate et beneficentia omni prosequamini seruos nostros nobis charos, oramus omnipotentem Deum nostrum, vt vobis diuturnam vitam largiatur, et pacem quae nullam habeat finem.

Scriptum Londini, quae ciuitas est primaria regni nostri, Anno 5515, a creato mundo mense Jair *), 14 die mensis, anno septimo regni nostri.

№ 1. — 1553 Февр. 14.

Списокъ съ грамоты отправленной знаменитымъ государемъ Эдуардомъ, имени своего Шестымъ, Королемъ Англіи, Франціи и Ирландіи къ Государямъ, обитающимъ страны сѣверныя и восточныя за ледовитымъ моремъ, а также Восточную Индію.— Лѣта отъ Р. Х. 1553 — Королевствованія его въ седьмой и послѣдній годъ.

Эдуардъ шестый, Король Англіи, Франціи и Ирландіи и проч.

Всѣмъ царямъ, и государямъ, и владыкамъ, и всякимъ судіямъ земли и вождямъ ея, имѣющимъ на оной какой либо отличный

*) To this word Hakluyt adds the following note: „Iair, I would reade Mair, that is in the Sarasen language, mixt of Turkish and Aegyptian, Februarie interpreted by them the moneth to set ships to the sea.

санъ, во всякихъ мѣстахъ, гдѣ бы ни были во всей вселенной. Миръ, тишина и честь вамъ, землямъ и областямъ вашимъ, которыя подчинены державѣ вашей, въ той мѣрѣ какъ сіе каждому изъ васъ можетъ быть угодно.

Богъ Всеблагій и Всевышній одарилъ людей, преимущественно предъ всѣми другими живущими, стремленіемъ и желаніемъ, да ищетъ каждый изъ нихъ вступать въ общеніе съ другими, любить и взаимно быть любимымъ, оказывать благодѣянія, и принимать взаимныя благодѣянія. Поэтому, каждому приличествуетъ, по способности своей, благодѣяніями поддерживать и охранять желаніе это во всѣхъ людяхъ, а наиболѣе въ тѣхъ, которые, руководимые симъ желаніемъ, прибываютъ изъ странъ отдаленныхъ; ибо чѣмъ бо̀льшій предприняли они ради сего путь, тѣмъ болѣе обнаружили они въ себѣ сіе желаніе. Притомъ насъ къ сему побуждаютъ примѣры нашихъ отцовъ и предковъ, которые всегда дѣлали самый человѣколюбивый пріемъ и оказывали величайшее благодушіе всѣмъ кто дружелюбно къ нимъ прибывалъ какъ изъ мѣстъ близкихъ, такъ и изъ далекихъ, ходатайствуя себѣ ихъ покровительства. Если справедливо такъ поступать со всѣми, то конечно главнѣйше должно такъ поступать съ людьми торговыми, которые странствуютъ по всей вселенной, переплываютъ моря и переходятъ пустыни, дабы доставлять въ отдаленнѣйшія страны и государства предметы хорошіе и полезные, которые, по благости Божіей, находятся въ ихъ странѣ, и дабы обратно вывозить оттуда то что они тамъ пожелаютъ получить для пользы своей страны; чтобы какъ тѣ народы, къ которымъ они приходятъ, не имѣли недостатка въ товарахъ, которыхъ не производитъ ихъ земля, такъ и сами они сдѣлались участниками въ предметахъ, которые народы сіи имѣютъ въ изобиліи. Ибо Творцу неба и земли, во Всевышней заботливости о человѣческомъ родѣ не угодно было, чтобы все находилось въ какой либо одной странѣ; чрезъ что одна страна нуждается въ помощи другой страны и одинъ народъ ожидаетъ какой либо товаръ отъ другаго народа и такимъ образомъ устанавливается между всѣми дружество и необходимость чтобы всѣ помогали каждому.

Движимые симъ желаніемъ вступить въ дружество и установить оное, нѣкоторые мужи королевства нашего предприняли плаваніе въ отдаленныя приморскія страны, дабы открыть путь между нашими и тамошними народами для ввоза и вывоза товаровъ; и просили они насъ имъ это разрѣшить. Соизволяя на прошеніе ихъ, разрѣшили мы честному и доблестному мужу, Югу Вилогби, и другимъ съ нимъ сущимъ вѣрнымъ и любезнымъ слугамъ нашимъ, да идутъ они, по желанію своему, въ страны прежде имъ невѣдомыя, искать въ оныхъ то, чего мы не имѣемъ, и привезти имъ изъ земель нашихъ то, чего они не имѣютъ; да произойдетъ чрезъ то польза имъ и намъ и да будетъ между ими и нами вѣчная дружба и союзъ ненарушимый, доколѣ они будутъ намъ дозволять получать предметы, которыми они изобилуютъ въ своихъ государствахъ, а мы будемъ уступать изъ государствъ нашихъ предметы, которыхъ они не имѣютъ.

Итакъ просимъ васъ, цари и государи, и всѣ, кто имѣетъ какую либо власть на землѣ, да дозволите симъ мужамъ нашимъ, проѣздъ чрезъ страны ваши. Ибо, вопреки волѣ вашей, они ничего вашего не докоснутся Помыслите что и они сами люди. И если бы въ чемъ либо они имѣли недостатокъ, молимъ васъ, по благости вашей, имъ то даровать и взаимно принять отъ нихъ что они могутъ вамъ воздать. Дѣйствуйте въ отношеніи къ нимъ какъ вы желали бы, чтобы мы и подданные наши дѣйствовали въ отношеніи вашихъ слугъ, если бы они когда нибудь проѣзжали чрезъ наши страны. А мы обѣщаемся вамъ Богомъ всего содержащагося въ небѣ, на землѣ и въ морѣ, и жизнію нашею, и спокойствіемъ царствъ нашихъ, что мы съ равнымъ благодушіемъ примемъ слугъ вашихъ, если они когда нибудь пріѣдутъ въ наши государства; и что мы и подданные наши будемъ поступать съ ними также благодушно, какъ если бы они были рождены въ нашихъ государствахъ; да воздадимъ вамъ за благодушіе, которое вы окажете нашимъ слугамъ.

Испросивъ васъ цари, государи и проч. оказывать всякое человѣколюбіе и благодѣяніе нашимъ, намъ любезнымъ, слугамъ, молимъ Всемогущаго Бога нашего, да одаритъ васъ долготою дней и покоемъ, иже не имѣетъ конца.

Писано въ Лондонѣ, первенствующемъ градѣ королевства нашего въ лѣто отъ сотворенія міра 5515, мѣсяца Япра*) 14-го дня; королевствованія нашего въ седьмой годъ.

№ 2.—1554 Февр.

Переводъ Англійскаго перевода царской грамоты, присланной царемъ Иваномъ Васильевичемъ съ Ричардомъ Ченслеромъ.

Прежде всего, нашъ великій и чести достойный Эдуардъ король Англійскій, по просьбѣ твоего вѣрнаго слуги Ричарда съ товарищи, для лучшаго уразумѣнія сей нашей честной грамоты вашему королевскому величеству онъ тебѣ разумно повѣдаетъ каково сердечное и доброусердное съ благонамѣреніемъ наше дружественное желаніе; и каковъ нашъ отвѣтъ по нашему святому христіанству и по великому государствію. А желаніе наше и отвѣтъ нашъ таковы:

Въ тотъ годъ, когда исполнялось двадцатилѣтіе нашего государствованія извѣстились, что къ поморскому прибрежью нашему прибылъ корабль съ нѣкоимъ Ричардомъ съ товарищи и онъ объявилъ что желаетъ прибыть въ наши владѣнія; и по своей просьбѣ онъ видѣлъ наше величество и наши очи и объявилъ желаніе вашего величества, чтобы мы пожаловали твоихъ подданныхъ, поволили имъ приходить и уходить и имѣть вольный торгъ въ нашихъ владѣніяхъ и съ нашими подданными всякими родами товаровъ и по тому же (также) брать въ возвратъ товары. И они (Ричардъ съ товарищи) явили намъ твою грамоту, а въ ней писана таковая же просьба. И посему мы повелѣли гдѣ бы ни вышелъ на берегъ и ни присталъ въ нашихъ владѣніяхъ твой вѣрный слуга Югъ Виллоби, милостиво его принять; и

---

*) Гаклюйтъ въ Англійскомъ переводѣ этой грамоты дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «Япръ — полагаю Маиръ, что на Сарацынскомъ языкѣ (смѣшеніи Турецкаго съ Египетскимъ), значитъ Февраль, но толкованію ихъ мѣсяцъ для спуска кораблей въ море»

онъ донынѣ не прибылъ, что можетъ объявить твой слуга Ричардъ. И мы, по христіанскому обычаю и по милосердію, и по твоему честному прошенію, и по нашему честному повелѣнію, не оставимъ того неисполненнымъ. А повелѣли мы, чтобы присылаемые тобою суда и корабли приходили когда и какъ часто могутъ съ благонадежностію, что имъ не будетъ учинено зла. И если ты пришлешь къ намъ изъ совѣтниковъ вашего величества договориться съ нами, дабы твоей страны торговые люди могли со всякими товарами приходить и гдѣ въ нашихъ владѣніяхъ пожелаютъ учредить свой торгъ и имѣть тамъ повольный торгъ со всякою свободою по всѣмъ нашимъ владѣніямъ со всякими товарами и туда со всякими товарами приходить и оттуда уходить по ихъ желанію, чтобы никто имъ не чинилъ вреда или препятствія по сей нашей грамотѣ и по нашему слову за нашею печатью. И къ сему нашему письму или грамотѣ повелѣли мы приложить печать.

Писана государства нашего въ нашемъ градѣ и дворцѣ въ Кремлѣ Московскомъ. Лѣта семь тысячь шестьдесятъ втораго мѣсяца Февраля.

№ 2.—1554 Febr.

Translation of the Emperors letter sent by Richard Chancellor.

The Almighty power of God and the incomprehensible holly Trinity of our rightfull christian beleife.

Wee greatest Lord Iuan Vassilleviche by the grace of God Emperor of all Russia and great Duke etc. greeting.

Before all right great and of honor worthy Edward kinge of England, our most hearty and of good zeale with good intent and frendly desyre and of our holy Christian faith and of great gouernance and in the light of great understanding our answer by this our hon-ble wrytinge vnto your kingly gouernance at the request of your faithfull seruant Richard with his company as he shall wisely lett you know, is thus.

In the strength of XX-ty years of our gouernance be knowne at our Sea coast aryued a shipp with one Richard and his company and said that he was desyrous to come into our dominions, and according to his request hath seene our Lordshipp and our heyres *) and hath declared your ma-ts desyre as that we should graunt vnto your subiects to goe and come, and amonge our dominions and subiects to frequent free *markett with all sort* merchandize, and vpon the same to haue ware (for thir) retourne, and they haue deliuered unto us your letter which declared the same request. And vpon that wee haue giuen order whersoeuer your faithfull servant Huge Willoby lande or touch in our dominions to be well interteyned which as yet is not arriued, the which your servant Richard can declare. And wee with christian beleife and faithfulnes and according to your hon-ble request, and my hon-ble comandement will not leaue vndone. The which both wilbe you to send vnto vs with your shipps and vessels when and as often they may with good assurance, to see them harmelesse. And if you send me one of your ma-ts councell to treat with vs wherby your contry merchants may with all kinde of wares and where they will make their markett in our dominions, and thereunto haue their ffree markett with all free lyberties through my whole dominion with all kinde of wares, and of all kinde of wares to come and goe at ther pleasure without any lett, domage or impediment accordinge and by this our letter or word with my seal and this my bill or letter wee haue comanded to be undersealed.

Written in our dominion in our Towne and our Pallace in the Castle of Moscovy in the year seauen Thowsand and sixty the second. Month Ffebruarye.

---

*) i. e «eyes»

№ 3. —1555 Apr.

Philip and Mary to John Vasiliuich Emperour of all Russia.

Whereas by the consent and licence of our most deare and entirely beloued late brother, King Edward the sixt, whose soule God pardon, sundrie of our subiects marchants of the citie of London within thes our realmes of England did at their owne proper costs and aduenture furnish three shippes to discouer, serch. and find lands, Islands, regions and territories before this aduenture not knowen ne commenly haunted and frequented by seas, the one of the which three shippes named the Edward Bonauenture whereof our right welbeloued Richard Chancelour was then gouerneur and great Captaine chanced by the grace of God, and the good conduct of the sayd Chancelour to arriue and winter in the North part of your Empire of Russia. Forasmuch as we be credibly informed by the report of our trustie and welbeloued subiect, that your maiestie did not onely call him and certaine of his company to your emperiall presence and speech. entertayned and banqueted them with all humanitie and gentlenes; but also being thereunto requested partly by the letters of our said brother, and partly by request of the said Richard Chancelour, haue by your letters patents vnder your seale among other things granted: That all such marchants as shall come forth of anie of our realms of England or Ireland with al maner of wares, if they wil trauel or occupie within your dominions, the same marchants with their marchandises in al your lordship may freely, and at their libertie trauaile out and in without hinderance or any maner of losse: And of your farther ample goodnesse haue promised that our ambassadours, if wee send any, shall with free good will passe to and from you without any hinderance or losse, with such message as shall come vnto you, and to returne the same to our kingdomes well answered, as by the same your letters, written in your lordly Palace and Castle of Mosco in the yeere 7062 the moneth of Februarie more at large appeareth. Like as wee cannot but much commend your princely

fauour and goodnesse, and in like manner thanke you for the aboundant grace, extended to the sayd Richard Chancelour, and others our subiects marchants: Euen so these are to pray and request you to continue the same beneuolence toward them, and other our marchants and subiects, which doe or heereafter shall resorte to your countrey: And for the more assurance and incouragement to trade and exercise the feate of marchandise with your subiects and all other marchants within your dominions, that it may please you at this our contemplation to assigne and authorise such Commissaries as you shall thinke meete to trade and conferre with our welbeloued subiects and marchants, the sayd Richard Chancelour, George Killingworth and Richard Graie, bearers of these our letters: who are by vs authorised for that purpose: and to confirme and graunt such other liberties and priuiledges vnto the Gouernour, Consuls, Assistants, and Communaltie of the fellowship of the saide Marchants, as the said bearers in their name propone and require by you to be granted for their safe conduct, good gouernment, and order to be erected and continued among them in your saide dominions; And this with such your clemencie and expedition as wee, vpon the next arriuall of the saide Richard Chancelour may bee enformed of your gracious disposition and answere. Which your beneuolences so to bee extended, wee bee minded to requite towards any your subiects Marchants, that shal frequent this our realme at your contemplation therefore to be made.

Thus right high, right Excellent, and right mightie, Almightie God the Father, the Sonne and the holy Ghost haue you in his blessed keeping.

Giuen vnder our seale at our Palace of Westminster, the first of April, in the yere from the blessed incarnation of our Sauiour Iesus Christ, 1555, and in the first and second yeeres of our reignes.

№ 3. — 1555 Апр. 1.

Филиппъ и Марія Ивану Васильевичу, Царю всея Россіи.

Съ соизволенія и съ разрѣшенія нашего дражайшаго и возлюбленнаго покойнаго брата, короля Эдуарда шестаго, коего душу да помилуетъ Богъ, нѣкоторые изъ нашихъ подданныхъ торговыхъ людей города Лондона въ семъ нашемъ королевствѣ Англіи собственнымъ своимъ иждивеніемъ и на свой страхъ снарядили три корабля для открытія, отъисканія и нахожденія земель, островов, странъ и областей, до такого предпріятія ихъ неизвѣстныхъ и не посѣщаемыхъ обыкновенно морскимъ путемъ; одному изъ тѣхъ трехъ кораблей, по имени Эдуарду Бонавентурѣ (коего нашъ любезнѣйшій Ричардъ Ченслеръ былъ тогда правителемъ и главнымъ капитаномъ), милостію Божіей и добрымъ управленіемъ сказаннаго Ченслера, случилось прибыть въ сѣверную часть вашего царства Россіи и тамъ зимовать. Такъ какъ мы достовѣрно извѣщены донесеніемъ нашего вѣрнаго и любезнѣйшаго подданнаго, ваше величество не только призывали его и нѣкоторыхъ изъ его товарищей въ ваше царское присутствіе и выслушали его рѣчи, принимали и угощали со всякимъ человѣколюбіемъ и милостію; но даже будучи о томъ прошены, отчасти грамотою сказаннаго нашего брата, а отчасти моленіемъ самого Ричарда Ченслера, жалованною своею грамотою за вашею печатью, между прочимъ пожаловали: что всѣ тѣ торговые люди, которые будутъ пріѣзжать изъ однаго изъ нашихъ королевствъ Англіи или Ирландіи со всякими товарами, если они будутъ путешествовать или останавливаться въ вашихъ государствахъ, то таковые торговые люди съ товарами своими во всѣхъ вашихъ владѣніяхъ могутъ свободно и вольно пріѣзжать и выѣзжать безъ препятствія или какой либо траты; И далѣе по своей великой благости вы обѣщали, что наши посланники, если мы таковыхъ пошлемъ, будутъ свободно пропускаемы къ вамъ и отъ васъ безъ какого либо препятствія или траты, съ тѣми порученіями, которыя пошлются къ вамъ, и для отвоза въ наши королевства добрыхъ на нихъ отвѣтовъ; что болѣе пространно явствуетъ изъ вашей грамоты, писанной въ вашемъ государевомъ дворцѣ и Кремлѣ Москов-

скомъ лѣта 7062 мѣсяца Февраля. Также и мы можемъ лишь много восхвалить вашу государскую милость и благость, а равно и благодарить васъ за обильную милость оказанную реченному Ричарду Ченслеру и прочимъ подданнымъ намъ торговымъ людямъ. И сею нашею грамотою просимъ и молимъ васъ продолжать таковую же милость имъ и другимъ нашимъ торговымъ людямъ и подданнымъ, которые отправляются или потомъ отправятся въ вашу страну. Для большаго же удостовѣренія и обнадеженія къ торговлѣ и упражненію въ торговомъ дѣлѣ съ вашими подданными и со всѣми другими торговыми людьми въ вашихъ владѣніяхъ, не угодно ли вамъ будетъ, по сему нашему предложенію, назначить и уполномочить коммиссаровъ, какихъ признаете полезными, для переговора и совѣщанія съ нашими любезнѣйшими подданными торговыми людьми, сказанными Ричардомъ Ченслеромъ, Георгомъ Киллингвортомъ и Ричардомъ Греемъ, подателями сей нашей грамоты, которые нами уполномочены на сей предметъ: и утвердить и пожаловать другія повольности и привилегіи правителю, консуламъ, товарищамъ и участникамъ общества означенныхъ торговыхъ людей, какія тѣ податели отъ своего имени будутъ предлагать и просить, чтобы вами были пожалованы для ихъ безопасности для лучшаго управленія, учрежденія и соблюденія между ними порядка въ вашихъ владѣніяхъ; и учинить сіе столь милостиво и поспѣшно, чтобы мы, въ будущій пріѣздъ сказаннаго Ричарда Ченслера, могли быть извѣщены о вашемъ милостивомъ распоряженіи и отвѣтѣ. За таковыя ваши милости, которыя просимъ васъ оказать, мы намѣрены воздать взаимно всякимъ вашимъ подданнымъ торговымъ людямъ, которые, по усмотрѣнію вашему, будутъ пріѣзжать въ сіе наше королевство.

И такъ высочайшій, превосходнѣйшій и могущественнѣйшій! Всемогущій Богъ Отецъ, Сынъ и Духъ Святой, да хранитъ васъ подъ благословеннымъ покровомъ Своимъ.

Дана за нашею печатью въ нашемъ Вестминстерскомъ дворцѣ, перваго Апрѣля, лѣта отъ благословеннаго воплощенія Спасителя нашего Іисуса Христа 1555, и въ первый и второй года королевствованій нашихъ.

№ 4. — 1557 Apr.

Minut to the Emperor of Russia from queene Mary concerning the priuiledges of the marchants.

Phillippus et Maria Dei gra(tia) Rex et Regina et c. Illustrissimo et potentissimo principi Wassilie (sic) eadem gratia imperatori totius Russie principi Vladmierie et c. salutem in nomine patris et filij et spiritus sancti. Accepimus letteras vestras amoris et amicitie plenas per dilectum vestrum nuntium et legatum Osipem Nepeam ad nos delatas, quem non solum ipsi presentes audiuimus eas res copiose exponentem, quas ut ad nos deferret, et coram exponeret in mandatis habuit, sed etiam fecimus ut que ab illo vestro nomino proponebantur, per certos nostros consiliarios, quibus negotium dedimus, ut cum illo tractarent prolixe et diligenter perpenderentur. In quo tractatu ut omnia libenter concessimus que ad vestram expectationem et peticionem pertinebant, sic speramus hoc fundamentum mutue amicitie hoc modo bene iactum et feliciter stabilitum magnos et uberes fructus tum fraterni inter nos et successores nostros amoris et amicitie firme, tum perpetui inter subditos nostros commercij comunicationem allaturum. Et in magnam spem adducimus fore, ut sicut Deus ex sua infinita bonitate et fauore nostris temporibus hanc mari viam et nauigationem antea incognitam aperuit, sic etiam in posterum ad suvm honorem et gloriam, ad incrementum christiane et catholice religionis, ad publicum commodum et vtriusque partis subditorum et regnorum bonum sit eam conservaturus et prosperaturus. Et quoniam intelligimus non solum ex litteris vestris legatique vestri narracone, sed etiam ex certis mercatoribus nostris qui illiuc redierunt, vos ex vestra liberalitate varia priuilegia, libertates et munitates mercatoribus nostros (sic) et alijs etiam nostri regni Anglie subditis qui in aliqua ditionis vestre parte mercaturam exercent, dedisse et concessisse, vt ob hec ipsa gratias vobis maximas habemus. Ita ad earum compesaconem, ut voluntatis nostre significaconem ostendendam eandem rationem mercatorum et subditorum ves-

trorum habuimus. quibus concessimus, vt si qui ad nos proficissi velint, et in hoc regno nostro Anglie mercaturam exercere, libere se in dictum regnum nostrum Anglie recipere possint, suaque negotia in omnibus eius partibus agere ibi commorari et discedere quando et quoties illis visum fuerit preterea in omnibus oris et partibus Anglie merces suas ex vestris regionibus et dominijs allatas sine impediment (sic) quorum que siue simul ut in solidum, siue sigillatim et per partes pro suo arbitratu vendere.

Damus etiam et concedimus vt tam illi qui eorum merces dum infra regnum nostrum aut portum aliquem nostrum se continebunt, in fidem nostram et tutelam recipiantur. Et preterea ut tam immunes hic sint ac liberi a solutione vertigalium et portariorum quin subditi aliorum principum christianorum infra regnum nostrum predictum mercaturam facientes. Itaque ad mercatorum vestrorum vsum vnas aut plures edes in ciuitate nostra Londino huic negotio conuenientes destinabimus, vbi ipsi habitent, et merces suas reponent, quod idem fieri curabimus in alijs regni nostri urbibus, que ad ipsorum negotiationem apte vi debuntur. Et si contigerit, quod absit, aliquas ipsorum naues vitempestatum aut alio casu ad littora nostra vel prope eadem naufragium facere, damus et concedimus si quando id euenerit ut mercatorum bona huiusmodi in vsum dominorum bona fide colleganlur; aut si quos illi ad ea recipienda constituant seruentur. Et ad maiorem tranquillitatem et tutelam vestrorum mercatorum et subditorum in omni controuersia et lite supremum regni nostri cancelarium iudicem assignamus, qui eis ius dicat, cum omni integritate et celeritate que fieri potest maxime. Placet etiam nobis vt mercatores et artifices regni nostri si qui volent in vestre ditionis urbes et loca proficiscantur bona cum venia et fauore. Et a quoniam vester legatus Osipes Nepea, qui se hic apud nos in sua legatione prudenter et considerate gessit, iam ad vos redire instituit, qui optime exponere potest, et ut speramus prolixe vobis exponet quo animo sumus erga hoc commercium nuper inter nostros vestrosque subditos et utriusque ditionis regna et urbes repertum, qui etiam nouit quid de uniuersa eius ratione constitutum et conclusum sit, desissimus in presentia longiores ad vos litteras scribere,

simulque rogamus vt eidem legato vestro cetera vobis exponenti fidem habeatis, Atque ita maxime et potentissime princeps Deum optimum maximum rogamus vt maiestatem vestram regna et subditos vestros suo celesti fauore et auxilio prosequatur et semper tueatur. Datum in regia nostra Westminster sub sigillo nostro Aprilis Annus (sic) regnorum nostrorum tercio et Quarto, te salutis nostre hoc est Cristo incarnat. Anno. 1556 (i. e. 1557).

№ 4. — 1557 Апр.

Филиппъ и Марія Высочайшему и могущественному Государю Василію (такъ!), Божіею милостію Царю всея Россіи.

Получили мы грамоту вашу исполненную любви и дружбы, привезенную къ намъ любезнымъ вашимъ вѣстникомъ и посланникомъ Осипомъ Непеею; мы не только въ собственномъ своемъ присутствіи выслушали, какъ онъ подробно изложилъ тѣ предметы, которые, по имѣвшимся наставленіямъ, онъ долженъ былъ намъ представить и лично объяснить; но еще приказали, чтобы то, что онъ предложитъ отъ вашего имени, было пространно и прилежно обсуждено нѣкоторыми нашими совѣтниками, коимъ мы поручили, чтобы они съ нимъ вели переговоры. Такъ какъ въ переговорахъ сихъ мы охотно согласились на все, что относилось до вашихъ ожиданій и просьбъ, то мы надѣемся, что такимъ образомъ хорошо и счастливо положено и утверждено основаніе взаимной дружбы и что оно принесетъ обильные плоды какъ братской любви и крѣпкой дружбы между нами и наслѣдниками нашими, такъ и безпрерывныхъ торговыхъ сношеній между нашими подданными. И имѣемъ на будущее время надежду, что какъ Богъ въ Своей безконечной благости и милости, въ наши времена открылъ этотъ морской и корабельный путь, прежде неизвѣстный; такъ и въ послѣдствіи, во славу и честь Свою, для распространенія христіанской и католической вѣры, для общей пользы и для обоюднаго блага под-

данныхъ и государствъ обѣихъ сторонъ, Онъ сохранитъ сей путь и окажетъ ему благопоспѣшеніе. И поелику мы уразумѣли не только изъ грамоты вашей и изъ повѣствованія посланника вашего, но и отъ нѣкоторыхъ купцовъ нашихъ оттуда возвратившихся, что вы, по щедротѣ своей, даровали и пожаловали разныя привилегіи, повольности и преимущества нашимъ купцамъ и даже другимъ подданнымъ нашего королевства Англіи, которые ведутъ торговлю въ нѣкоторой части вашихъ владѣній; то мы за сіе самое премного васъ благодаримъ. Въ воздаяніе за сіе, дабы явить знаменіе нашей воли мы учинили тоже для вашихъ торговыхъ людей и подданныхъ, дозволивъ имъ, если они пожелаютъ пріѣхать къ намъ и вести торговлю въ семъ нашемъ королевствѣ Англіи, свободно пріѣзжать въ сказанное наше королевство Англію и вести свои дѣла во всѣхъ его частяхъ, оставаться въ немъ и выѣзжать изъ онаго когда и сколько разъ имъ нужно будетъ, кромѣ того, что имъ дозволяется, по своему произволу, оптомъ и цѣликомъ, или порознь и по частямъ, на всѣхъ берегахъ и во всѣхъ частяхъ Англіи безпрепятственно продавать свои товары, привезенные изъ вашихъ странъ и владѣній. Мы соизволяемъ даже, чтобы, какъ они, такъ и товары ихъ, пока находятся внутри нашего королевства или въ какой либо гавани нашей, были бы принимаемы подъ нашу охрану и наше попеченіе; кромѣ того, чтобы они были избавляемы и освобождаемы отъ уплаты сборовъ и привозныхъ пошлинъ наравнѣ съ подданными другихъ христіанскихъ государей, ведущими торговлю внутри вышесказаннаго нашего королевства. И для сего мы назначимъ для вашихъ купцовъ въ нашемъ городѣ Лондонѣ одно или нѣсколько зданій, приличныхъ для сего торга, въ коихъ они сами бы жили и складывали свои товары; и озаботимся, чтобы тоже было сдѣлано въ другихъ городахъ нашего королевства, которые покажутся имъ способными для ихъ торговли. И если случится (чего Боже сохрани) что нѣкоторые изъ ихъ кораблей силою бури или другимъ случаемъ потерпятъ крушеніе у нашихъ береговъ или вблизи оныхъ, мы соизволяемъ, чтобы, когда сіе случится, имущество купцовъ добросовѣстно было бы собираемо въ пользу владѣльцевъ, или, если они кому поручатъ получить оное, было

бы охраняемо. И для большаго спокойствія и охраненія вашихъ купцовъ и подданныхъ мы назначимъ судьею всѣхъ споровъ и тяжбъ верховнаго канцлера нашего королевства, который, со всѣмъ безпристрастіемъ и съ елико-возможною скоростію объяснитъ имъ законъ. Намъ пріятно также благосклонно и милостиво дозволить, чтобы и купцы и ремесленники наши, если которые изъ нихъ захотятъ, отправлялись въ города и селенія вашей державы.

И такъ какъ посланникъ вашъ Осипъ Непея, который здѣсь у насъ на посольствѣ велъ себя осторожно и благоразумно, уже рѣшился возвратиться къ вамъ, и можетъ лучше и, какъ мы надѣемся, пространнѣе объяснить вамъ сколь мы расположены къ сей торговлѣ, недавно открытой между нашими и вашими подданными и государствами и городами обѣихъ державъ; и уже знаетъ что вообще по сему предмету будетъ постановлено и рѣшено: то въ настоящее время воздерживаемся писать вамъ болѣе пространную грамоту и просимъ, чтобы вы дали вѣру въ остальномъ тому, что скажетъ тотъ вашъ посланникъ.

Затѣмъ, величайшій и могущественнѣйшій государь, мы просимъ всеблагаго Бога да никогда не оставитъ Своею небесною милостію и помощію и да всегда охраняетъ ваше величество, ваши государства и вашихъ подданныхъ.

Дана за нашею печатью въ нашемъ Вестминстерскомъ дворцѣ Апрѣля въ годъ нашихъ королевствованій третій и четвертый, а спасенія нашего, се есть воплощенія Христова въ годъ 1556 *(ошибкою вмѣсто 1557)*.

№ 5. — 1561 Apr. 25.

Elizabetha Ioanni Basiliuich.

Salutem et omnium rerum prosperarum foelicissimum incrementum.

Potentissime Princeps, res est nobis ad memorandum longe gratissima, illa vestrae ma-tis erga nos et nostros amicitia. Quae tempore foelicissimae memoriae regis Edwardi sexti, fratris nostri charissimi, Dei begnitate incepta, deinceps vero vestra non

solum singulari humanitate alta atque fota, sed incredibili etiam bonitate aucta atque cumulata, nunc autem omnibus beneuolentiae vestrae offncijs sic firmata est atque constabilita, vt iam minime dubitemus, quin ea ad laudem Dei, ad gloriam vtriusque nostrum, ad publicam nostrorum vtrobique regnorum immensam commoditatem, ad priuatam singulorum vtrinque subditorum optatam spem, certamque foelicitatem multis sit deinceps seculis duratura. Et quanquam haec vestra bonitas, plenissime sese effudit in omnes nostros subditos, qui sese in vllas imperij vestri partes vnquam receperunt (pro qua ingentes nostras, vt par est, gratias v-ae ma-ti habemus, vestrisque vicissim in omni opportunitatis loco libentissime feremus) tam abundantia benignitatis vestrae, in accipiendo, tamque humaniter tractando nostrum fidilem et perdilectum famulum Antonium Jenkinson, qui has perfert literas, seorsim nobis gratissima existit. Nam praeterquam quod nullis non locis vestri imperii et magna libertate, et summa humanitate vestrae seren-tis non permissu solum, sed iussu etiam frueretur, vestra bonitas tamen non in hac domestica benigne faciendi ratione conquieuit, sed perlibenter et vltro eundum nostrum hunc perdilectum famulum, varijs principibus, quoquouersus ipse iter suum instituerat, literis suis, suo magno imperiali sigillo consignatis commendauit. Quod beneficium illi vbiuis gentium, et viam sine vllo periculo, propter publicam vestram fidem, et aduentum cum magno fauore, propter vestram commendationem, optate quidem et foeliciter communiuit. Itaque quemadmodum gemina haec vestra beneuolentia, cum illa generalis exhibita in vestro regno negotiantibur subditis nostris vniuersis, tum ista seorsim praestita huic Antonio Jenkinson, perfideli nostro famulo, nobis in mente non solum ad gratam perpetuamque memoriam, verum etiam ad mutuam vel opportunam combensationem, firmissime defixa est: ita, petimus a vestra ma-te vt vtramque beneuolentiae vestrae rationem et communem nostris vniuersis, et priuatam huic nostro dilecto famulo, vtrisque deinceps dignetur tueri, atque conseruare. Neque nos quidem diffidimus, quin quem fauorem vestra ma—tas antea sua sponte Antonio Jankinson, tum quidem priuato

ostendit, eundem nunc nostro rogatu eidem Antonio in nostrum iam famulatum cooptato benigne velit denuo declarare. Et propterea petimus a vestra ma-te, vt dignetur iterum concedere eidem nostro famulo, literas suas commeatus, publicae fidei, ac saluiconductus, quarum tenore, authoritate, et praesidio, sit illi, familiaribus suis, et seruis, tutum, liberumque cum mercibus, sarcinis, equis, et bonis suis vniuersis, inuehendis euehendis que, per vestpa regna, qomicilia, atque prouincias, profiicisci, ire, transire, redire, abire, et istic morari, quamdiu placuerit, et inde recedere quandocunque illi aut suis libitum fuerit. Et sicut non dubitamus, quin vestra ma-tas haec omnia humanitatis grata officia, pro immensa bonitate suae naturae benigne et largiter huic famulo nostro sit concessura, ita valde optamus, adeoque petimus, vt vestra ma-tas eodem nostrum famulum, vna cum omnibus suis familiaribus, ac bonis, exteris alijs principibus literis suis dignetur commendare, presertim vero atque seorsim Magno Sophi Persarum imperatori, in cuius etiam imperia et ditiones idem noster famulus gratia potissime experiundi peregrina commercia, proficisci vna cum suis constituit.

Confidimus igitur haec omnia nostra postulata pro famuli spe, pro nostra expectatione, pro vestra bonitate, pro nostrorum vtrinque subditorum commoditate, fausta illi, grata nobis, accepta etiam vestrae ma-ti. et nostris vtrobique perquam vtilia euasura.

Deus vestrae maiestatis etc.

Datum in celeberrima nostra ciuitate Londini, *) anno mundi 5523 Domini ac Dei nostri Iesu Christi 1561 regnorum vero nostrorum tertio.

---

*) *In versione Anglica:* die 25 mensis Aprillis.

№ 5. — 1561 Апр. 25.

Елисавета Царю.

Здравствованіе и счастливѣйшее приращеніе всякаго благополучія.

Могущественнѣйшій государь, весьма пріятно для насъ вспоминать дружество вашего вел-ва къ намъ и къ нашимъ подданнымъ. Дружество это, по благости Божіей, возникло въ царствованіе нашего любезнѣйшаго брата, короля Эдуарда шестаго; потомъ, не только чрезвычайнымъ вашимъ благорасположеніемъ увеличено и поддержано, но и почти невѣроятною добротою вашею доказано на дѣлѣ и пріумножено; теперь же всѣми опытами вашей милости такъ утверждено и упрочено, что мы уже не сомнѣваемся, что оно продлится многіе вѣка во хвалу Бога, на славу насъ обоихъ, къ огромной выгодѣ нашихъ народовъ и обоихъ государствъ, къ исполненію личныхъ надеждъ отдѣльныхъ подданныхъ обѣихъ странъ, и къ вѣрному благоденствію. Хотя эта благость ваша вполнѣ изливалась на всѣхъ нашихъ подданныхъ, которые когда либо отправлялись въ какія либо части вашего царства (за что мы, какъ и слѣдуетъ, чрезвычайно благодарны вашему вел-ву и при всякомъ случаѣ радостно воздадимъ взаимно тоже вашимъ подданнымъ); но намъ въ особенности пріятно было обиліе вашей милости, оказанное въ томъ какъ вы приняли и что вы сдѣлали для нашего вѣрнаго и прелюбезнаго слуги А н т о н а Д ж е н к и н с о н а, который привезетъ эту грамоту. Не только по соизволенію, но и по повелѣнію вашего пресвѣтлѣйшества онъ пользовался большою свободою и всевозможною ласкою во всѣхъ мѣстностяхъ вашего царства; но ваша милость не ограничилась этимъ домашнимъ *) благосклоннымъ распоряженіемъ: вы охотно соизволили снабдить этого нашего прелюбезнаго слугу проѣзжими грамотами за вашею великою царскою печатью и для дальнѣйшаго слѣдованія къ раз-

*) т. е. касавшимся одной Россіи.

нымъ государямъ, куда бы онъ ни направилъ свой путь. Это благодѣяніе доставило ему у всѣхъ народовъ благополучный проѣздъ безъ всякой опасности, благодаря всеобщему къ вамъ уваженію, и пріемъ чрезвычайно благосклонный, благодаря вашей рекомендаціи. Таковая сугубая ваша милость, оказанная и вообще всѣмъ нашимъ подданнымъ, торгующимъ въ вашемъ царствѣ, и въ отдѣльности Антону Дженкинсону, превѣрному слугѣ нашему, твердо запечатлѣлась въ памяти нашей не только во утвержденіе вѣчной благодарности, но и для того, чтобы и намъ взаимно, при случаѣ, оказать тоже. Просимъ, чтобы ваше вел-во изволили сохранить таковое двоякое благоволеніе—общее для всѣхъ нашихъ подданныхъ и особливое для этого любезнаго нашего слуги. Мы увѣрены, что милость, которую ваше вел-во предъ симъ по собственному вашему побужденію явили Антону Дженкинсону въ частномъ дѣлѣ, вы благоволите вновь благосклонно оказать по нашей просьбѣ тому же Антону для нашей службы; и потому мы просимъ, чтобы ваше вел-во удостоили опять пожаловать сему нашему слугѣ проѣзжую, вѣрительную и опасную грамоту, въ силу которой дозволялось бы ему, его домашнимъ и слугамъ, съ товарами, поклажами, лошадьми и всѣмъ имуществомъ привозимымъ и вывозимымъ, безопасно и свободно пріѣзжать, ходить, переходить, возвращаться и выходить по всѣмъ вашимъ государствамъ, поселеніямъ и областямъ, оставаться въ нихъ, сколько ему и съ нимъ будущимъ угодно будетъ и во всякое время оттуда выѣзжать. Не сомнѣваясь, что ваше вел-во, по чрезвычайной добротѣ своей природы, благосклонно и щедро окажете нашему слугѣ всѣ эти великодушныя милости, мы весьма желаемъ и также просимъ, чтобы ваше вел-во удостоили рекомендовать нашего слугу, вмѣстѣ съ его домашними и его имуществомъ другимъ заграничнымъ государямъ, преимущественно же и особливо Великому Софію, царю Персидскому, въ чьи царства и страны тотъ нашъ слуга намѣренъ отправиться вмѣстѣ съ своими домашними для лучшаго изученія иностранной торговли.

Итакъ мы увѣрены, что всѣ эти наши просьбы исполнятся согласно съ надеждой нашего слуги, съ нашимъ ожиданіемъ, съ вашей добротой, съ выгодами обоюдныхъ нашихъ подданныхъ и

исполнятся ему на радость, намъ въ удовольствіе, даже вашему. вел-ву въ угоду, а нашимъ обоюднымъ подданнымъ па великую пользу.

Да даруетъ Богъ вашему вел-ву благополучіе долгодественное на землѣ, вѣковѣчное на небеси.

Писано въ знаменитомъ градѣ нашемъ Лондонѣ 25 дня мѣсяца Апрѣля, въ годъ отъ сотворенія міра 5523, Господа и Бога нашего Іисуса Христа 1561, королевствованій же нашихъ въ третій.

№ 6. — 1564 Іюн. 23.

Elizabetha Serenissimo et Potentissimo Principi D. Ioan Vasileuijz Imperatori totius Russiae.

Potentissime Princeps. Est nobis grata recordatio vestrae beneuolentiae, tet modis declaratae, seorsum erga certos nostros famulos per vestras regiones transeuntes, generatim erga omnes quoscunque Anglos ad vestras ditiones accedentes. Quod vestrum erga nos et nostros singulare studium facit, vt libenter etiam hoc tempore Raphaelum Barbarinum, virum quidem Italum, sed nobis, certis nominibus valde charum, his nostris literis vestrae ma-ti commendemus. Petimus itaque, vt hic vir vestra bona gratia atque voluntate, et iussu etiam atque authoritate, si opuc fuerit, benigne à vestra ma-te, humaniter à vestris subditis tractetur: vtque sibi ac suis, cum bonis vniuersis, tutum liberumque sit, per vestra regna atque prouincias, ire, transire, istic morari quamdiu placuerit, et inde abire atque recedere, quandocunque illi ac suis libitum fuerit. Quae omnia humanitatis officia, vt illi valde optata, sic nobis etiam pergrata, sunt futura: Quaeque nos vicissim, cum res vestrorum, simili opportunitate, feret, ad vestrum rogatum, studiose compensabimus.

Deus foelicitatem omnem et florentem in terris, et perpetuam in coelis, vestrae concedat maiestati.

Datum in Regno nostro Angliae in celeberrima nostra vrbe Londino: xxiij Die Mensis Iunij. Anno creati Mundi 5526, Incarnati Domini ac Dei nostri Jesv Christi 1564, Regnorum vero nostrorum vj (Junij xxiij *).

№ 6. — 1564 Iюн. 23.

Елисавета Царю.

Могущественнѣйшiй государь.

Намъ любезна память вашего благорасположенiя, при столькихъ случаяхъ оказаннаго въ частности къ нѣкоторымъ нашимъ приближеннымъ, проходившимъ черезъ ваши области, вообще же ко всѣмъ какимъ бы то ни было Англичанамъ, прибывающимъ въ ваши владѣнiя. Таковая особенная ваша любовь къ намъ и къ нашимъ подданнымъ содѣлываетъ то, что и въ настоящее время, сею нашею грамотою, мы рекомендуемъ вашему величеству нѣкоего Рафаеля Барберини, (хотя природнаго) Италiянца, но намъ, по нѣкоторымъ отношенiямъ, чрезвычайно любезнаго. Поэтому мы просимъ, чтобы сей мужъ, по вашей милостивой волѣ, и, если то нужно будетъ, по властному повелѣнiю вашему, былъ милостиво принятъ вашимъ величествомъ, и чтобы ваши подданные оказали ему дружелюбiе; чтобы какъ ему, такъ и находящимся при немъ съ ихъ имуществами, было дозволено безопасно прiѣзжать въ ваши царства и области, проѣзжать черезъ оныя, въ нихъ пребывать сколько онъ пожелаетъ и оттуда отъѣзжать и совсѣмъ выѣзжать когда ему или находящимся при немъ то можно будетъ. Всѣ таковыя дружелюбныя распоряженiя какъ крайне желательны ему, столь же будутъ весьма прiятны и для насъ. Съ своей стороны и мы въ подобномъ случаѣ, если того потребуютъ дѣла вашихъ подданныхъ, по вашей просьбѣ, съ готовностiю сдѣлаемъ тоже.

---

*) Burleigh's handwriting.

Богъ да воздастъ вашему величеству всякое счастіе, благоденственное на землѣ и вѣчное на небесахъ.

Дана королевства нашего Англіи въ знаменитомъ городѣ Лондонѣ въ 23 день Іюня мѣсяца, въ годъ отъ сотворенія міра 5526, отъ воплощенія Господа и Бога нашего Іисуса Христа 1564; королевствованій же нашихъ въ 6-й.

№ 7.—1566 Apr.

Anthony Jenkinson Instructions sent by the merchants adventurers into Russia to the Emperor there.

Mense Aprillis 1566. The Societe of the marchaunts adventurers trading in Russia doe desier most humbly that Anthony Jenkynson may haue in commission from the quenes ma-tie to the emperor of Russia to the tenor ensewing.

1. Ffurste that the sayd Anthony Jenkynson (having deliuered to the emperor her graces letters) maye declare in her gracs name according to th'effecte of the same letters that her grace hathe sent him to geve his highnis most harty thancks for the good affection his highnis bearethe towards her grace and her subiects and to desier his favor for the continuaunce of this amitie and mutuall traffycke.

2. Item bicawse her ma-tie dothe vnderstand that on Raphaell Barbarino an Italion (who is lately arrived in his dominions) hathe abused her ma-tie she thought yt appertayning to her honnor t'advertise his highnis thereof to th'intente he shulde geve no creditt to the said Barbarino or eny joynid with him in secretie but to be well ware of theire doings ffor seing they haue taken suche boldnes as to vse a false suggestion to her roiall person and therby obteyne her letters of favor to his ma-tie. Her grace dothe (not without cawse) suspecte they wyll in shorte tyme vse some further practyses, hither

to the dishonor of his ma-tie and preiudyce of his subiects or to the subvertinge of her subiects trade vnder his dominions. Whereof her grace wolde be righte sory not only for the good wyll she bearythe to his highnis and her subiects trade but also for that his highnis shulde not impute thos straungers fawtes to the late recomendation made to his highnis from her grace.

3. Item yf it be demaunded by th'emperor wherein the said Barbarino hathe abused her grace that the said Anthony Jenkynson may aunswer that the said Barbarino made suggestion to her ma-tie that certen of his debters weir fleedd into Russia, and for the pursuite of those his debters desired her letters of comendacions to his highnis wherevpon her grace vppon earnest comendacions made to her of the said Barbarino and not thinking that he went thyther for traffycke or eny other cawse then aforesayd was contentid to graunte him her favorable lettres agreinge to his suggestion; syns wiche tyme her grace hathe vnderstoode that the said Barbarino vnder the coolor and faveur of her lettres of comendacions hathe not only placed him self there in his highnis dominions contrary to his promis made to her highnis but also hathe attempted to deface her subiects trade in thos dominions affirming that he is able and will serve his highnis dominions with the naturall Inglyshe comodities better chepe then her owne subiects which he, nor no other stranger is able to do.

4. Item that Anthony Jenkynson maye haue also in comyssion ffrom her ma-tie to saye to the said emperor of Russia that for as motche the Inglishe merchaunts her subiects haue founde owt and continued by those great charges the trade to his porte of S-t Nichollas Bay hit wold please his highnis to graunte that the Inglyshe marchaunts may haue the only traffycke and landing at that his porte of S-t Nichollas bay And that no other straungers may be admytted or lycencyd to land or trade that waye as her grace is aduertysed that certen merchaunts straungers will shortly attempte a viadge that way.

In Jenkinson's handwriting:
«The true copy of the artykles, comytted vnto me by the quenes ma-tye to be declared in her gracs name to th'emperour off Russia.»
«By me Anthony Jenkynson.»

№ 7. — 1566 Апр.

Наставленія Антону Дженкинсону, посланному купцами торгующими съ Россіею къ тамошнему царю.

Общество купцовъ торгующихъ съ Россіею покорнѣйше проситъ, чтобы Антону Дженкинсону было дано отъ ея кор-го вел-ва къ Русскому царю порученіе слѣдующаго содержанія:

1) Вопервыхъ, чтобы сказанный Антонъ Дженкинсонъ (по врученіи царю королевиной грамоты) отъ имени королевы объявилъ согласно съ содержаніемъ той грамоты, что ея вел-во послала его принести его высочеству самое сердечное благодареніе за доброе расположеніе, оказываемое его выс-вомъ къ ея вел-ву и къ ея подданнымъ, и просить милостиваго продолженія сего дружества и обоюдныхъ сношеній.

2) Такъ какъ ея вел-во извѣстилась, что нѣкто Рафаэль Барберини—итальянецъ (недавно прибывшій въ его владѣнія) обманулъ ея вел-во, она признала долгомъ чести предупредить о семъ его выс-во, съ тѣмъ, чтобы царь не давалъ никакой вѣры сказанному Барберини или кому либо изъ находящихся съ нимъ въ тайныхъ сношеніяхъ, но былъ бы вполнѣ предувѣдомленъ объ ихъ поступкахъ, такъ какъ они до того были дерзки, что, употребивъ предъ королевиною особою ложныя представленія, онъ получилъ отъ нея рекомендательную грамоту къ его вел-ву. Ея вел-во подозрѣваетъ (и не безъ причины), что они въ скоромъ времени прибѣгнутъ къ новымъ проискамъ или въ противность чести его вел-ва и въ ущербъ его подданныхъ, или для подрыва торговли ея подданныхъ въ его владѣніяхъ. Это было бы крайне

прискорбно ея вел-ву не только по доброжелательству ея къ его выс-ву и къ торговлѣ ея подданныхъ, но и потому чтобы его выс-во не приписало проступковъ этихъ иностранцевъ недавно присланной его выс-ву рекомендаціи ихъ ея вел-вомъ.

3) Еслибы царемъ спрошено было въ чемъ сказанный Барберини обманулъ ея вел-во, Антонъ Дженкинсонъ можетъ отвѣчать, что сказанный Барберини увѣрилъ ея вел-во будто бы нѣкоторые изъ его должниковъ бѣжали въ Россію и для преслѣдованія сихъ его должниковъ просилъ ея рекомендательной грамоты къ его выс-ву; почему ея вел-во, по усиленнымъ его, Барберини, просьбамъ и не предполагая, чтобы онъ ѣхалъ туда для торговли или для какой иной цѣли, кромѣ выше указанной, соизволила пожаловать ему свою рекомендательную грамоту—согласно его представленію; затѣмъ, по времени, ея вел-во извѣстилась, что сказанный Барберини, благодаря ея рекомендательной грамотѣ, не только, вопреки обѣщанію, данному имъ ея вел-ву, поселился во владѣніяхъ его выс-ва, но еще покушался подорвать торговлю ея подданныхъ въ тѣхъ владѣніяхъ, утверждая, что онъ можетъ и будетъ снабжать владѣнія его выс-ва англійскими товарами дешевле чѣмъ ея собственные подданные; чего ни онъ и никакой иной чужеземецъ не въ состояніи сдѣлать.

4) Чтобы Антону Дженкинсону было также поручено отъ ея вел-ва сказать царю Русскому, что такъ какъ англійскіе купцы открыли и съ большими издержками продолжали торговлю въ пристань губы Св. Николая, то да соблаговолитъ его выс-во пожаловать англійскихъ купцовъ исключительнымъ правомъ торга и пріѣзда къ пристани губы Св. Николая; и чтобы никакіе другіе иноземцы не были допускаемы и не имѣли дозволенія приставать или торговать въ этомъ мѣстѣ; такъ какъ ея вел-ву извѣстно, что нѣкоторые иноземные купцы въ скоромъ времени предпримутъ плаваніе по этому пути.

Рукою Дженкинсона подписано: «Вѣрный списокъ этихъ статей выданъ мнѣ ея корол-мъ вел-мъ для объявленія отъ имени ея вел-ва царю Русскому мною

«Антономъ Дженкинсономъ.»

№ 8.—1566. Apr. 20.

Elizabetha Regina Imperatori Russiae.

Intelligimus v-am mai-tem eam etiam nostrarum litterarum rationem habere, ut ad respectum earundem et plurimum semper nostris, tribuat, et plus aliquando alienis etiam in nostram gratiam concedat, quam nos ipsae pro illis postulamus. Id quod superiori anno, cuidam homini Italo, Raphaelo Barberino, accidit, quem nos, ut peregrinatorem, non ut negociatorem v-ae ma-ti commendavimus. Sed de hoc Italo homine, quomodo et nostrarum litterarum commendatione et v-ae ma-tis bonitate ausit abuti et de aliis etiam rebus, quae ad intercursum inter nos ac nostros institutum imprimis pertinent, Antonius Jenkinson, perdilectus noster famulus fusius, coram presenti sui sermone, sed nostris verbis, animi nostri sententiam declarabit.

№ 8.—1566 Апр. 20.

Елисавета Царю.

Извѣстно намъ, что ваше вел-во содержите наши грамоты въ такомъ уваженіи, что по нимъ вы жалуете для насъ всегда, а иногда въ угоду намъ и для другихъ даже болѣе того, что мы сами для нихъ просимъ. Это и случилось въ минувшемъ году съ нѣкоимъ Италіанцемъ Рафаелемъ Барберини, котораго мы поручили въ милость вашего вел-ва какъ путешественника, а не какъ уполномоченнаго для переговоровъ. Нашъ прелюбезный слуга Антонъ Дженкинсонъ лично своими рѣчами, но нашими словами, объявитъ въ присутствіи вашемъ наше сужденіе объ этомъ Италіанцѣ, который осмѣлился употребить во зло и нашу рекомендательную грамоту и благосклонность вашего вел-ва, равно и о другихъ предметахъ, относящихся главнѣйше до сношеній установленныхъ между нами и нашими подданными...

№ 9. — 1566 — 1569.

Fragmenta ex tribus litteris Sigismundi Regis Poloniae ad Elizabetham Angliae Reginam scriptis.

Sigismundi titulus in litteris his: „Sigismundus Tertius Dei gratia Rex Poloniae. Magnus Dux Lithuaniae Russiae Prussiae Masoviae Samogitiae Livoniae nec non regni Sueciae proximus Haeres et futurus Rex“ *).

a) 1561 Iul. 13.

Quominus autem navigationem in Moscoviam permittere possimus, videt nos serenitas vestra gravissimis non solum nostris privatis, sed etiam religionis et reipublicae totius christianae rationibus prohiberi. Instruitur eniam hostis, ut diximus, commeatu, instruitur, quod magis est, armis in illa Barbaria inusitatis, instruitur, quod quidem maxime ducendum esse existimamus, artificibus ipsis, ita, ut etiamsi ad illum nihil preterea importetur, tamen opera artificum ipsorum, qui illi, vigente ejusmodi navigatione, libere summittuntur, facile omnia simul et fabricentur in ipsa illius barbara ditione, quae usus ipsi belli requirit, et quae uti hactenus ipsi ignota fuerunt.

---

b) 1568 Mart. 13.

Cum enim hac navigatione recens admodum instituta, hostem non modo regni nostri temporarium sed etiam omnium nationum liberarum haereditarium, Moscum, magnopere instrui et armari videamus, non solum armis, telis, commeatu, quae, etsi magna sunt, tamen facilius profecto prohiberi possent, sed etiam aliis multo majoribus rebus, quae neque satis ullo consilio provideri, et hostem ipsum magis etiam juvare possunt, artificibus inquam ipsis, qui tela, qui arma, qui caetera ejusmodi in illa Barbaria nec visa nec audita hosti fabricare non cessant; ac

*) Rymers Foedera XVI p. 154.

praeterea quod maxime attendendum est, cognitione omnium, etiam secretissimorum consiliorum nostrornm, quibus illi paulo post, ad interitum, quod absit, omnium nostrorum abutatur, sperandum profecto nobis esse non existimamus, ut hanc ejusmodi navigationem liberam esse patiamur.

c) 1569 Dec. 6.

— — — as ve haue written afore, so now we write againe to your ma-ty that we know and feele of a surety, the Moscouite, enemy to all liberty vnder the heauens, dayly to grow mightier by the increase of such things as be brought to the Narue, while not onely wares but also weapons heretofore vnknowen to him, and artificers and arts be brought vnto him: by meane whereof he maketh himselfe strong to vanquish all others. Which things, as long as this voyage to Narue is vsed, can not be stopped. And we perfectly know your ma-ty can not be ignorant how great the cruelty is of the said enemy, of what force he is, what tyranny he vseth on his subiects, and in what seruile sort they be vnder him. We seemed hitherto to vanquish him onely in this, that he was rude of arts, and ignorant of policies. If so be that this nauigation to the Narue continue, what shall be vnknowen to him? Therefore we that know best, and border vpon him, do admonish other Christian princes in time, that they do not betray their dignity, liberty and life of them and their subiects to a most barbarous and cruell enemy, as we can no lesse do by the duty of a Christian prince. For now we do foresee, except other princes take this admonition, the Moscouite puffed vp in pride with those things that be brought to the Narue, and made more perfect in warlike affaieres with engines of warre and shippes, will make assault this way on Christendome, to slay or make bound all that shall withstand him: which God defend. With which our admonition diuers princes already content themselues, and abstaine from the Narue. The others

that will not abstaine from the sayd voyage shalbe impeached by our nauie, and incurre the danger of losse of life, liberty, wife and children. Now therefore if the subiects of your ma-ty will forbeare this voyage to Narue, there shalbe nothing denied to them of vs. Let your ma-ty well weigh and consider the reasons and occasions of our stopping of ships going to the Narue. In which stopping, our subiects of Danske be in no fault, as we haue already written to your ma-ty, neither vse we their counsell in the same.

№ 9. — 1566 — 1569.

Отрывки трехъ писемъ короля Польскаго Сигизмунда къ королевнѣ Англійской Елисаветѣ.

Титулъ Сигизмунда въ этихъ письмахъ: „Сигизмундъ Третій Божіею Милостію Король Польскій, Великій Князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Мазовецкій, Самогицкій, Ливонскій, а также ближайшій Наслѣдникъ и будущій Король королевства Швеціи."

а) 1566 Іюл. 13.

Ваше пресвѣтлѣйшество видите, что мы не можемъ дозволить плаваніе въ Московію, потому что оно не можетъ быть допущено по причинамъ, не только лично до насъ касающимся, но и относящимся къ религіи и ко всему христіанству; ибо, какъ мы сказали, врагъ научается посредствомъ пропуска *) научается что важнѣе — владѣть оружіемъ необычнымъ въ его варварской странѣ; научается—что почитаемъ наиболѣе важнымъ самими мастерами, такъ что даже еслибы къ нему ничего болѣе и не привозили, то уже одними трудами этихъ мастеровъ, которые, при существованіи этого плаванія, будутъ имѣть свободный къ нему доступъ, легко будетъ въ одно и тоже время выдѣлывать въ самой варварской странѣ его всѣ тѣ предметы, которые требуются для веденія войны, и которыхъ даже употребленія до сихъ поръ тамъ не знаютъ.

*) „иностранцевъ прибывающихъ въ его страну?"

б) 1568 Март. 13.

Мы видимъ, что, благодаря плаванію этому, весьма недавно учредившемуся, Москаль—этотъ не только временный врагъ короны нашей, но и врагъ наслѣдственный всѣхъ свободныхъ народовъ, чрезвычайно преуспѣлъ въ образованіи и въ вооруженіи и не только въ оружіи, въ снарядахъ и въ передвиженіи войскъ, что, хотя и много значитъ, но что конечно легко возбранить, но и въ другихъ предметахъ, противъ которыхъ нельзя достаточно предостеречься и которые могутъ оказать ему большую помощь: говорю о самихъ мастеровыхъ, которые не перестаютъ передѣлывать врагу оружіе, снаряды и разные тому подобные предметы, доселѣ невиданные и неслыханные въ его варварской странѣ.—Кромѣ сего слѣдуетъ обратить величайшее вниманіе на то, что знаніе всѣхъ нашихъ даже сокровеннѣйшихъ предпріятій, немного времени спустя, доставитъ ему возможность, зная чего у насъ нѣтъ, изготовить погибель всѣмъ нашимъ (*союзникамъ?*).—Подлинно не считаемъ возможнымъ, чтобы можно было ожидать, что мы потерпимъ такого рода плаваніо оставаться свободнымъ...

в) 1569 Дек. 6.

... какъ мы писали прежде, такъ пишемъ и теперь къ вашему вел-ву, что мы знаемъ и достовѣрно убѣждены, что врагъ всякой свободы подъ небесами, Москаль, ежедневно усиливается по мѣрѣ большаго подвоза къ Нарвѣ разныхъ предметовъ, такъ какъ оттуда ему доставляются не только товары, но и оружіе, доселѣ ему неизвѣстное, и мастера и художники: благодаря сему онъ укрѣпляется для побѣжденія всѣхъ прочихъ (*государей*). Этому нельзя положить предѣла пока будутъ совершаться эти плаванія въ Нарву. И мы хорошо знаемъ, что вашему вел-ву не можетъ не быть извѣстно какъ жестокъ сказанный врагъ,

какъ онъ силенъ, какъ онъ тиранствуетъ надъ своими подданными и какъ они раболѣпны передъ нимъ. Казалось мы доселѣ побѣждали его только въ томъ, что онъ былъ невѣжественъ въ художествахъ и незнакомъ съ политикою.—Продолжись это плаваніе въ Нарву, что останется ему неизвѣстнымъ? По этому мы, лучше другихъ знающіе сіе будучи съ нимъ въ пограничномъ сосѣдствѣ, не можемъ, по долгу христіанскаго государя, во время не присовѣтовать прочимъ христіанскимъ государямъ, чтобы они не предали въ руки варварскаго и жестокаго врага свое достоинство, свободу и жизнь свою и своихъ подданныхъ; ибо мы нынѣ предвидимъ, что, если другіе государи не воспользуются этимъ предостереженіемъ, Москаль, тщеславясь тѣмъ, что ему привезли эти предметы изъ Нарвы, и усовершенствовавшись въ военномъ дѣлѣ орудіями войны и кораблями, сдѣлаетъ этимъ путемъ нападеніе на Христіанство, чтобы истребить и поработить все, что ему воспротивится: отъ чего да сохранитъ Богъ! Нѣкоторые государи уже послушались этого нашего предостереженія и не посылаютъ (кораблей) къ Нарвѣ. Прочіе же, которые будутъ плавать этимъ путемъ, будутъ захватываемы нашимъ флотомъ и подвергнутся опасности лишиться жизни, свободы, женъ и дѣтей. Итакъ, если подданные вашего вел-ва воздержатся отъ этого плаванія въ Нарву, имъ ни въ чемъ нами не будетъ отказываемо.—Пусть ваше вел-во взвѣситъ и обсудитъ поводы и причины, побуждающіе насъ останавливать корабли идущіе къ Нарвѣ. Въ остановкѣ этой, какъ мы уже писали къ вашему вел-ву нѣтъ никакой вины со стороны нашихъ подданныхъ города Гданска:—да мы въ этомъ дѣлѣ и не обращаемся къ нимъ за совѣтомъ...

№ — 10. 1567 Apr. 10.

The emperour of Moscouia to the Queene Maiestie.

Wir haben gesanth zu euger Landes seitten unser Kauffleut Steffan Twerdiko, und Fedota Pogorela, und mit inen haben wir Gesanth wahre aus unserm Schatze, und sie sollen in eugerm konickreiche zu unserm Schatze kauffen, SAPHIR und robine, und kleidewerk, was um unserm Schatze dinet, und wan

die unsere kauffleut komen in euger Konickreich, und so wolt ihr inen Lassen geben frey und wolt inen laßen mit eugern Leutten, und aus anderen herschafften leutten wolhern zihenn in euger konickreich mit inen kauffschtan und Beutten mit wahr, und Furkauffen was inen Besollen in unserm Schatze nutze, auch Zoll tamgi und fur uberfur und vom Hoffen und von Herbergen und ander Vorlicher Gerechtickeit (Gerethlichkeit) von unserer wahr von dißen unseren Kauffleuten, und von ihren Gutter wolt ihr nich lassen nemen.

Glich also wie auch wir in unser Herschafften von eugern Leutten K(eine) (der) Gerechlichkeit nicht lassen nemen, und was man wurth zutragen .... zihen in ander Lande, uns unser Bedarfs halber und so wolt ihr inen freiheit geben, und wan disse unser Kauffleute haben Gehandelt, und zuruge zihen zu uns und so wolt ihr sie durch eugere Landt beleit sagen laßen. Das innen nich muchte schaden von inander eder Aufhaltunge Geschen, und ... (e)uger schiffe wolt ihr sie lassen schiffen, Das sie ausher zu unser herschafft Gesanth komen.

Geschriben in unser Herschafft Hoffe der Stadt moskauw. Im Jahre v n Schaffung der welth 7075 im Aprыle monatum 10 unser herschaft im 34 und unser keiserthum Rusischen im 20 Kasanschen im 15 — — —

№ 10. — 1567 Apr. 10.

Moscouia. The transcripte of the Emperors of Moscouia his lettre to Q. Elizabeth.

We haue sent into your Lande our merchaunts Stephen Twerdico and Feodota Pogoruello with certaine wares of ours out of our owne Storehouse, where with they maye and shall in your graces domynions prepare for our owne vse Saphires, Rubies and apparellinge, such as in our tresorie we haue neede of. Whearin our requeste is to your Maiestie that when our said Merchaunts come into your Lande, that you will suffer them to traffique with your Subiects and Straungers thear resident, and freely to selle buye or barter for what soeuer is comaunded them for vs needefull. Also that for our said store present your custome may be free in and out with howseroome and all other duties belonginge to our said

goodes, and that your highnes permytte not of our said Merchants or of their Seruants to take any thinge, like as in our land we vse your subiects, not sufferinge any duties to vs belonginge of them to be receyued. — And farther we beseeche you, if our said Merchants chaunce to desier to goe into any other Land, to license them freely to passe for the premisses needefull: and soe endingue their sales buyinge and prouisions that you will graunte them safe conducte out of your land that noe man may hurte or moleste them, sufferinge them in your shipps by godes helpe to come safe to vs agayne. Written in our Ma-ties pollacie in the Musco in the yeare of the world 7075 Aprill 10 — our age 34. our Empire of Russia 20—of Cazan 15 of Austrachan 13.

№ 10. — 1567 Апр. 10.

Царь Елисаветѣ.

Послали мы семя въ предѣлы твоей земли нашихъ гостей Степана Твердикова и Өедота Погорѣлова и съ ними послали мы товаровъ изъ нашей казны; и должны они въ твоей землѣ купить для нашей казны сафировъ и рубиновъ, и одеждъ, какія нужны нашей казнѣ. И когда тѣ наши гости придутъ въ твое королевство и ты дозволь имъ свободно ѣздить и съ твоими людьми и съ людьми другихъ государствъ сноситься, чтобы достать въ твоемъ королевствѣ торговлею и промѣною товаровъ и покупкою то, что имъ приказано для нашей казны; и не вели также брать пошлины, тамги и за перевозъ и за складъ и другихъ налоговъ съ нашихъ товаровъ отъ этихъ нашихъ гостей и съ ихъ животовъ; равно какъ и мы въ нашихъ владѣніяхъ съ твоихъ людей никакихъ налоговъ не велимъ брать; и что будетъ привезено... въ другую землю для нашей потребы и также давать имъ новольно. И когда тѣ наши гости отторгуютъ и поѣдутъ назадъ къ намъ и ты вели ихъ проводить черезъ твою землю, чтобы имъ не могло приключиться бѣды или инаго задер-

жанія; и вели посадить ихъ на твои корабли, чтобы отослать ихъ оттуда въ наши владѣнія.

Писана въ государствія нашего дворѣ града Москвы въ лѣто отъ созданія міра 7075 апрѣля мѣсяца 10-го дня, государствія нашего 34, а царствъ нашихъ Россійскаго 20, Казанскаго 15...

№ 11.—1567 Сент. 16.

Царь Елисаветѣ.

— — — Италіи и Англіи архитектора, который можетъ дѣлать крѣпости, башни и дворцы; доктора и аптекаря и другихъ мастеровъ такихъ, которые отъискиваютъ золото и серебро. Послали мы къ тебѣ нашу жалованную грамоту для такихъ, которые захотятъ прибыть сюда служить намъ, и для такихъ, которые захотятъ послужить намъ по годамъ, какъ тѣ, которые прибыли въ прошломъ годѣ, и для такихъ, которые захотятъ служить намъ навсегда; чтобы и тѣ, которые захотятъ пріѣхать къ намъ служить намъ здѣсь навсегда, и чтобы всякаго рода твои люди архитекторы, доктора и аптекари по сей нашей грамотѣ пріѣзжали служить намъ и мы пожалуемъ тебя за твою великую милость по твоему хотѣнію; а тѣхъ, кто захочетъ служить намъ навсегда, мы примемъ на свое содержаніе и пожалуемъ ихъ чѣмъ они захотятъ; а тѣхъ, кто не захочетъ долѣе служить намъ, мы наградимъ смотря по ихъ трудамъ и когда они захотятъ пойти домой въ свое отечество обратно, мы отпустимъ ихъ съ нашимъ жалованьемъ въ ихъ страну безъ всякаго задержанія по сей нашей жалованной грамотѣ. И писана сія наша жалованная грамота въ государствія нашего дворѣ града Москвы. Лѣта отъ созданія міра семь тысячъ семьдесятъ (*шестаго*?) *) сентября мѣсяца 16-го дня государствія нашего 33; а царствъ нашихъ Россійскаго 25, Казанскаго 15, Астраханскаго 13.

*) За неотысканіемъ подлинника, Русскій переводъ сдѣланъ съ современнаго Англійскаго перевода, въ которомъ года выставлены очевидно неправильно: царь родился 1530 г.; наслѣдовалъ отцу 1533; вѣнчался на царство 1546; покорилъ Казань 1552 и Астрахань 1554. Эти двѣ послѣднія цифры приняты въ основаніе при отнесеніи сей грамоты къ 1567 году.

№ 11.—1567 Sept. 16.

Coppis of th'emp. lre for the craftsmen to be sente owte of Englande.

— — —Italy and england an Architecture which can make castells towers and palaces a Doctor and a potycary, and other masters suche as are coming to seke ought gold and silver. We have sent unto you our goodness licens for those whiche are willing to come heare to serve us and suche as will serve us by the yeare that they come nowe this last yeare—(and suche as are willing to serve us alwayes) that than those wold also come to us to serve us heare alwayes, and that your al manor of men Architecture doctor and potycarye and that this by our licens that you come to serve us and that we wille rewarde you of our great goodnes to your mynde and suche as will serve us alwayes than we will those entertayne and gyve them as thie will as to, and those whiche are not willinge to serve us any longer tyme we will rewarde those lowking uppon theare worke, and whan they are willing to goo home into theire owne countrye ageyne we will lett them goo with ower goodnes into theire lande withought any holding by this ower goodnes licens, and this our goodnes licens is wrytten in ower empors howse and castell of Moskowie the year seven thousand and seventys *(sixth?)* *) in the moneth of September the 16-th day and in the 33 of ower age, and in the 25 year of owr reigne, and in the 15 year of Kasane, and the 13 year of Astrican.

---

*) The original of the Russian letter has not been found: the foregoing contemporary English version of it was not written by a very expert linguist as its orthography undoubtedly proves and the maze of dates into which he gets, shows him to have been quite ignorant of the Slavonic mode of numeration. The Czar John was born 1530; succeeded his father 1533; was crowned 1546; made the conquest of Cazan 1552 and of Astrakhan 1554; these two last dates have served to fix the date of the document.

№ 12. — 1567 Nov·

Antho. Jenkinsons message done to the Q. Ma-tie from the Emperor of Moscouia.

Ffirst, the said Emperor of Muscouia earnestly requireth that there may be a perpetuall frendship and kyndred betwixt the Q. ma-tie and him which shalbe the begining of further matter to be done.

Ffurther the said Emperour requireth that the Q. ma-tie and he might be (to all their enemyes) joyned as one; to say her grace to be ffreind to his friends and enemy to his enemyes, and so per contr. And that England and Russland might be in all matters, as one.

Ffurther the said pryncе hath willed to declare to the Q. ma-tie that as the king of Pole' is not his ffreind, even so he sheweth himself not to be frend to the Q. ma-tie ffor that this last somer ther was a spye taken with lettres from the king of Pole' directed to the English merchants in Russia, wherin was written thiese wordes. I, Sigismond, K. of Pole' etc. require you Englysh marchants my trustie servants to aide this bringer, and to assist and ayde such Russes as be my ffreinds with money and all other helpes, with other wordes. Wherat the Emperor at the ffirst was much offended. But after by the confession of the spie (when he suffred death) it was knowne to be a practize of the k. of Pole', as well to haue by that meanes caused the indignacon of the Emperor to haue fallen upon the English nation and to haue broken ffrendship betwixt the Q. ma-tie and him, As allso that he should haue charged diuers of his nobles with treason Wherfore the Emperor requireth the Q. ma-tie that she would bee and joyne with him (as one) upon the Pole and not to suffer her people to haue trade of merchandize, with the subiects of the K. of Pole'.

Ffurther, the Emperor requireth that the Q-s ma-tie would lycence maisters to come unto him which can make shippes, and sayle them.

Ffurther that the Q. ma-tie would suffer him to haue out of England all kynde of Artillerie and things necessarie for warre.

Ffurther the Emperor requireth earnestly that there may be assurance made by oath and faith betwixt the Q. ma-tie and him, that yf any misfortune might fall or chance upon ether of them to goe out of their countries, that it might be lawfull to ether of them to come into the others countrey for the safegard of them selues and their lyves, And ther to lyve and haue relief without any feare or danger untill such tyme as such misfortune be past, and that god hath otherwise provided, and that the one may be receaved of the other with honnor. And this to be keapt most seacret.

And of all this matter, the Emperor requireth the Q. ma-tie most humbly to have answer by some of her trustie councellours, or by one of more greater estimacon then myself. And whatsoever the Q-s m -tie shall require of him, yt shall be granted and fully accomplished:

The Queenes ma-tie answere to be geven, the Emperour requyreth, by S-t Peters day next.

№ 12.—1567 Нояб.

Порученіе Антона Дженкинсона отъ царя Московскаго къ ея корол. вел-ву.

Вопервыхъ царь Московскій убѣдительно желаетъ, чтобы между ея корол. вел-вомъ и имъ были вѣчная дружба и любовь, которыя будутъ началомъ для дальнѣйшихъ переговоровъ.

Далѣе царь требуетъ, чтобы ея корол. вел-во и онъ были за одно соединены (противъ всѣхъ своихъ враговъ); то есть, чтобы ея вел-во была другомъ его друзей и врагомъ его враговъ и также на оборотъ, и чтобы Англія и Россія были во всѣхъ дѣлахъ за одно.

Далѣе царь приказалъ объявить ея корол. вел-ву, что король

Польскій ему недругъ, а равно оказывается недругомъ и ея корол. вел-ву; ибо прошлымъ лѣтомъ былъ захваченъ лазутчикъ съ письмами отъ короля Польскаго на имя англійскихъ купцовъ въ Россіи, въ каковыхъ письмахъ написаны такія слова: «Я, «Сигизмундъ, король Польскій и проч. прошу васъ англійскихъ «купцовъ, слугъ моихъ довѣренныхъ, помогать подателю сего «письма и оказывать пособіе и помощь тѣмъ Русскимъ, которые «ко мнѣ дружественны, какъ деньгами такъ и всякими другими «способами.»—Царь сперва весьма симъ оскорбился; но потомъ изъ признанія лазутчика (когда онъ былъ казненъ) открылось, что это были козни короля Польскаго, сдѣланныя съ намѣреніемъ возбудить негодованіе царя противъ англійскаго народа и разорвать дружбу между имъ и ея корол. вел-вомъ; а также вызвать обвиненіе разныхъ его сановниковъ въ измѣнѣ. Почему царь проситъ ея корол. вел-во соединиться съ нимъ за одно противъ Поляковъ и воспретить ея народу вести торговлю съ подданными короля Польскаго.

Далѣе царь проситъ, чтобы ея корол. вел-во дозволила пріѣзжать къ нему мастерамъ, которые умѣли бы строить корабли и управлять ими.

Далѣе, чтобы ея корол. вел-во дозволила ему получать изъ Англіи всякаго рода артиллерію и снаряды, нужные для войны.

Далѣе царь проситъ убѣдительно, чтобы между имъ и ея корол. вел-вомъ было учинено клятвенное обѣщаніе, что, если бы съ кѣмъ либо изъ нихъ случилась какая либо бѣда, то каждый изъ нихъ имѣетъ право прибыть въ страну другаго для сбереженія себя и своей жизни, и жить тамъ и имѣть убѣжище безъ боязни и опасности до того времени, пока бѣда не минуетъ и Богъ не устроитъ иначе; и что одинъ будетъ принятъ другимъ съ почетомъ.—И хранить это въ величайшей тайнѣ.

И обо всѣхъ этихъ дѣлахъ, царь покорнѣйше проситъ ея корол. вел-во дать отвѣтъ чрезъ однаго изъ ея довѣренныхъ совѣтниковъ или чрезъ кого либо болѣе значительнаго чѣмъ я.— И чего бы ни просила ея корол. вел-во отъ него, онъ пожалуетъ и вполнѣ исполнитъ.

Царь проситъ, чтобы отвѣтъ ея корол. вел-ва былъ данъ къ будущему Петрову дню.

№ 13. — 1568 Febr. 10.

Elizabetha Ioanni.

— — — Inter alia mandata hoc habet (Georgius Middleton praecipuum vt sedulo agat cum vestra ma-te de apprehendo, primo quoque tempore certos istic (in Narva) Anglos *), qui ad apertum contemptum nostrum, ad summam fraudem nostrorum, ad non leuem iniuriam etiam vestrae ma-tis, nimium infidos, iniuriosos et iniquos, nobis omnibus esse gesserunt. Qui, vti accepimus, clam, insciis eorum dominis, qui hic in Anglia sunt, cum Polonis foeminis concubia contrahere, et propterea, si ratio apprehendendi eos non maturius, non tutius ineatur, pertimescendum est ne brevi in Poloniam confugiant.

№ 13. — 1568 Февр. 10.

Елисавета Царю.

— — — Между прочими порученіями имѣетъ онъ (Георгъ Миддльтонъ) главнѣйшее—прилежно совѣщаться съ вашимъ вел-мъ о немедленномъ захватѣ въ Нарвѣ нѣкоторыхъ Англичанъ **), которые, къ явному нашему оскорбленію, къ величайшему обману нашихъ подданыхъ, даже къ немалому вреду вашего вел-ва, оказали себя противу всѣхъ насъ крайне невѣрными, вредными, и безчестными. Какъ мы извѣстились, они тайно, безъ вѣдома своихъ хозяевъ, здѣсь въ Англіи пребывающихъ, вступили въ прелюбодѣйныя связи съ женщинами Польками и, того ради, должно опасаться, что они въ скоромъ времени убѣгутъ въ Польшу, если не будутъ приняты немедленныя и вѣрныя мѣры къ тому, чтобы ихъ схватить.

---

*) Thomas Glover, Ralph Rutter, James Watson, Christopher Bennet.
**) Ѳомы Гловера, Ральфа Рюттера, Якова Ватсона, Христофора Беннета.

№ 14. — 1568 Maij. 9.

Elizabetha Ioanni.

Literas vestrae Ma-tatis superiori anno 1567 decimo die mensis Aprilis datas, vestri mercatores Stephanus Twerdico et Pheodata Pogarella, qui has nostras perferunt, nobis tradidere. Quos vestros mercatores in omni suo apud nos et nostros obeundo negotio, ita tractari et libenti voluntate, et expresso nostro mandato curauimus, vt non solum vestrae ma-tatis pro illis postulationi sed eorundem etiam hominum expectationi plene satisfactum esse confidamus. Id quodeo fecimus studiosius, quod plane perspectum probeque cognitum habeamus, nostros omnes, qui bona cum gratia nostra, nostrarumque literarum comendatione, istuc, sub vestro imperio negotiaturi veniunt, pari, cum vestrae ma-tatis fauore, tum vestrorum subditorum humanitate, vbiuis acceptos esse. Quae nostra vtrobique, et mutua inter nos amicitiae, et gratae inter nostros beneuolentiae officia, vt crebra et perpetua existant, nos admodum postulamus. Quem animi nostri sensum fusius hi vestri, et opportunius suo sermone coram declarabunt. Quibus non dubitamus quin vestra ma-tas amplam fidem sit tributura. Deus etc. Grenouici. nono die Maij 1567 (1568).

№ 14. — 1568 Мая 9.

Елисавета Царю.

Грамоту вашего вел-ва, писанную десятаго дня мѣсяца апрѣля прошлаго 1567 года, купцы ваши Степанъ Твердиковъ и Өеодотъ Погорѣлый, которые настоящую нашу грамоту отвезутъ, намъ вручили. Мы озаботились, какъ по доброй волѣ (нашихъ подданныхъ), такъ и нарочнымъ указомъ, чтобы съ тѣми вашими купцами во все время отправленія ихъ торговыхъ дѣлъ у насъ и у нашихъ подданныхъ было поступаемо такъ что надѣемся что вполнѣ удовлетворили не только ходатайству вашего

вел-ва о нихъ, но даже и собственнымъ ожиданіямъ этихъ людей. Мы тѣмъ прилежнѣе о семъ старались, что намъ ясно видно и хорошо извѣстно, что всѣ наши подданные, которые съ соизволенія нашего и съ рекомендательными нашими письмами пріѣзжаютъ къ вамъ торговать въ вашемъ государствѣ точно также вездѣ принимаются милостиво вашимъ вел-мъ и дружественно вашими подданными. Весьма молимъ да участятся и пребудутъ вѣчными таковыя сношенія съ обѣихъ сторонъ и взаимной между нами дружбы и доброй пріязни между нашими подданными. Это расположеніе нашей души тѣ ваши подданные и пространнѣе и лучше выскажутъ вамъ лично на словахъ, которымъ — мы не сомнѣваемся—ваше вел-во дастъ полную вѣру.

Гринвичъ, девятаго мая 1567 (1568).

№ 15. — 1568 Іюн. 26.

Inscription on the back of the document:

Copy of Instructions for mr Randolph sent into Moskovia 26 Junij 1568.

Under this inscription are written the following notes:

1) to complement yet not lyk in with *anie* formers.
2) to ofer him retreat here if occasion serus.
3) to recall the Jenkinsons messag, from of his desier of a league offensyu and defensyu which the Q. cannot mak in regard of his quarel with the Emp. Pole and Swede.
4) to draw especiall his establishing the trades ther to tak that consell of 2 merchants named in the instruccons.

Instructions for Tho. Randolph esquier M-r of the Q. ma-ts posts being sent in Ambassad to the Emperor of Russia.

In the original rough draft the expressions printed in italics are in the handwriting of Lord Cecil (Burleigh).

Wheras the said emperor of Russia sent vnto vs by Anthony Jenkinson his lettres dated in Sept. — — — by which among other things is signified vnto vs that vpon our request he had inlarged his former graunts of liberties to the company of the marchants of our relme of England trading the north parties of his countries, and that he was ready to entertayne all good amitie and frendship betwext him and vs. And further *declared* to our said seruant Anthony Jenkinson, *his desyre to be in frendshipp with vs without end* which he *did* comunicate vnto vs, and *to that end wold have vs send to hym our great messenger.*

You shall use — — — him and suche ceremonies vsed as you shall by your discretion think may stande with our honour, hauing regard to his estate ether vsage of those his countries, declare vnto him the somme of that aboue mentioned and thereupon shall giue him thanks for his frendly wrytings and other dealings towards our subiects and seruants, and shall assure him that we meane to retayne the same in our contynuall memory, And so with lyk good speaches you shall conclude that we haue made choice of you at this point to com and visit him and to conferre with him vpon any maner of mater that shall please him to open or disclose vnto you.

And you shall saye that our said servant Anthony Jenkinson hath very secretly told vs that the said emperour *was* desirous to haue suche a frendship betwext vs, as if eyther of vs had cause by any misfortune to seeke refuge out of our owne countreis, that in that case the one might be a defendour of the others cause. To which mater you shall saye that we did think that our said servant Anth. Jenkynson might misconceaue the woords of the said emprour. For thoughe we think it very trew that th'emperour might pro-

pounde our said servant a motion to haue amitie and frendship to be keptt betwext vs, yet consydering on the one parte thoroughe Gods goodnes allwais shewed vnto vs we haue no manner of doubt of the contynuance of our peacable gouernment without danger eyther of our subiects or of any forren ennemys. And on the other parte, we know not anything to the contrary of the state of the said emperour, of whos power and wisdom we haue good reporte made to vs by our subiects trading in his countreie, we doo think that our said seruant hath mistaken the intencon of the said emperors speche vnto him. And yet neuer the les for the clearer vnderstanding of his mynde, we haue willed you to repete this matter, therin to know cleerly his intencon, assuring him that if any mischance might happen in his estate (as all things vnder heauen are subiectes at gods will to mutations and changes) we doo assure him, he shall be frendly receiued into our dominions, and shall finde assured frendship in vs toward the maynte·nance of all his just causes, in as good sorte as if he had speciall graunts or couenants from vs in that behalfe signed with our hand, and sealed with our seale.

And in such good generall sorte we wold haue you satisfie him without giuing occasion to enter into any speciall treaties or capitulacon of any suche legue as is called offensiue and defensiue betwext vs *Wherof thovgh the sayd Anthony Jenkinson made mention to vs, yet we wold have you pass those matters with silence* for we are not ignorant of the inmitie that is betwext him and the Empire *of Roome*, and also betwext him and kings of... others: so as it can not be convenyent for.... treaty with him, otherwise than to haue som graunts from him for priuiligs to the benefit of our merchants. In which cause our speciall intencon is to haue you to trauell *and that is our speciall cause of sendyng you thither.*

Item we haue ordeyned that you shall present him from vs with a riche standing cupp of the weight of ... ounces, conteyning in it greate nombere of peeces of plat artificially wrought, which when you shall present, you shall recomend it for the rarytie of the fashon, assuring him that we doo

send him that same rather for the newnes of the deuise, than for the value; it being the first that euer was made in these partes of that mannir. And so as you see cause to sett fourth the gift, as in dede the woorke of it self doth well deserue.

Item wheras the societie of the merchants haue made choice of ij trusty wyse merchants of their companye, Tho: Bannister and Geofries Ducket, to whom also we haue for their more credit giuen commission with your help to treate with the said emperour, about the maters of their traffike. Because the said societye hath best knowledge how to aduance that treaty, we must wholly referr you to suche instructions as the said socyetie hathe in that behalfe deuised, and doo requier you to vse all your diligence and wisdom and credit to the furderance of the same, and specially to the recouering of the stock and store of the said societie out of the hands of such as haue bene ther put in trust by them with their trade, and haue notoriously abused and falsly deceiued the same marchants.

№ 15.—1568 Іюн. 26.

Надпись на оборотѣ:

Списокъ съ наставленій г. Рандольфу при посылкѣ его въ Московію.

Подъ этою надписью сдѣланы отмѣтки:

1) дѣлать привѣтствія, однако же не такъ какъ дѣлалъ кто либо изъ прежнихъ (посланныхъ).

2) предложить ему здѣсь убѣжище, если представится случай.

3) отклонить сообщеніе Дженкинсона объ его желаніи союза наступательнаго и оборонительнаго, каковаго королевна не можетъ заключить по причинѣ его ссоры съ императоромъ, съ королемъ Польскимъ и съ королемъ Шведскимъ.

4) особенно заботиться объ установленіи торговли; при чемъ совѣщаться съ двумя купцами, упоминаемыми въ наставленіяхъ.

Наставленія Ѳомѣ Рандольфу, начальнику почтъ ея корол. вел-ва, при отправленіи его посланникомъ къ царю Русскому.

Царь Русскій прислалъ къ намъ съ Антономъ Дженкинсономъ свою грамоту, писанную въ сент. (1567 года), въ которой между прочимъ изъясняетъ намъ, что по нашей просьбѣ онъ увеличилъ повольности прежде имъ пожалованныя обществу купцовъ нашего королевства Англіи, торгующихъ въ сѣверныхъ частяхъ его областей, и что онъ готовъ содержать всякую дружбу и пріятельство между имъ и нами; и далѣе объявилъ нашему сказанному слугѣ Антону Дженкинсону свое желаніе быть съ нами въ дружбѣ вѣчно (о чемъ Дженкинсонъ и сообщилъ намъ) и что желаетъ, чтобы для этой цѣли мы отправили къ нему важнаго посланца.

Вы исполните... тѣ установленные обряды, которые вы признаете, по вашему усмотрѣнію, сообразными съ нашимъ достоинствомъ, имѣя въ виду его санъ и обычаи тѣхъ его странъ; объявите ему сущность вышеупомянутаго и затѣмъ принесете ему благодарность за его дружественныя писанія и иные поступки по отношенію къ нашимъ подданнымъ и слугамъ, и увѣрите его, что мы намѣрены сохранить о семъ память непрестанно. И съ подобными добрыми рѣчами вы скажете въ заключеніе, что мы по сему случаю избрали васъ для отправленія къ нему, и для совѣщанія съ нимъ обо всякаго рода дѣлахъ, которыя ему угодно будетъ вамъ сообщить.

И вы скажете, что упомянутый слуга нашъ Антонъ Дженкинсонъ подъ великою тайною сказалъ намъ о желаніи царя имѣть съ нами такую дружбу, что если бы, по какому либо бѣдствію, одному изъ насъ случилось искать убѣжища внѣ нашихъ собственныхъ странъ, то, въ такомъ случаѣ, другой долженъ принять защиту его. По этому предмету вы скажете, что мы подумали, что упомянутый нашъ слуга Ант. Дженкинсонъ не уразумѣлъ словъ царя.—Ибо хотя мы полагаемъ весьма достовѣрнымъ, что царь могъ сдѣлать сказанному нашему слугѣ предложеніе о содержаніи между нами дружбы и любви, но, съ одной стороны, уповая на милость Божію, всегда намъ являемую, мы ни мало не сомнѣваемся въ продолженіи мира въ нашемъ правле-

ніи, не опасаясь ни нашихъ подданныхъ, ни кого либо изъ иностранныхъ враговъ; съ другой стороны намъ не извѣстно что либо противное сему и о положеніи царя, о могуществѣ и мудрости коего получаемъ лучшія донесенія отъ нашихъ подданныхъ, торгующихъ въ его государствѣ. По этому мы полагаемъ, что упомянутый слуга нашъ ошибочно понялъ значеніе сказанныхъ ему царемъ рѣчей. Тѣмъ не менѣе однако для яснѣйшаго уразумѣнія его намѣреній, мы повелѣли вамъ повторить ему это дѣло, точно узнать его волю и увѣрить его, что, если бы въ правленіи его произошло какое либо несчастіе (такъ какъ все подъ небомъ, по волѣ Божіей, подвержено перемѣнамъ), мы увѣряемъ его, что онъ будетъ дружески принятъ въ нашихъ владѣніяхъ и найдетъ въ насъ надежную дружбу для поддержанія всѣхъ его справедливыхъ исканій, столь же вѣрно какъ если бы онъ имѣлъ отъ насъ нарочныя о семъ грамоты и обязательства, подписанныя нашею рукою и припечатанныя нашею печатью.

Такими общими и благопотребными рѣчами имѣете вы удовольствовать его, не давая повода вступать въ какіе либо особенные трактаты и договоры для заключенія между нами такого союза, который называется наступательнымъ и оборонительнымъ. Хотя сказанный Антонъ Дженкинсонъ и упоминалъ намъ о семъ, но вы имѣете пройти этотъ предметъ молчаніемъ, ибо намъ не безъизвѣстно о существованіи вражды между нимъ и Римской имперіею, а также между нимъ и королями (Польскимъ и Шведскимъ и) другими; такъ что не можетъ быть удобно для... союзъ съ нимъ, кромѣ какъ для полученія отъ него нѣкоторыхъ новольностей въ пользу нашихъ купцовъ. Въ этомъ и заключается причина особеннаго желанія нашего, чтобы вы отправились *(и это есть главная причина отправленія васъ туда *)*.

Еще повелѣли мы вамъ поднести ему отъ насъ богатый кубокъ на ножкѣ вѣсомъ въ ... унцій, въ который вдѣлано большое количество драгоцѣнныхъ металлическихъ издѣлій искусной работы. Когда будете его подносить, вы отзоветесь съ похвалой о необычайности его вида и скажете царю, что мы послали ему

---

*) рукою канцлера лорда Сесиля (Бёрлея).

этотъ кубокъ болѣе изъ за новости его отдѣлки, чѣмъ изъ за его цѣнности, такъ какъ это первый кубокъ такого образца, когда либо сдѣланный въ здѣшней странѣ. И найдите случай выставить достоинство этого подарка, котораго работа дѣйствительно заслуживаетъ похвалы.

Еще: Общество купцовъ избрало двухъ достойныхъ довѣрія умныхъ купцовъ изъ своего общества, Ѳому Банистера и Готфрида Дукета, которымъ, для большаго къ нимъ довѣрія, мы дали отъ себя порученіе съ помощью вашею вести съ царемъ переговоры о дѣлахъ ихъ торговли. А такъ какъ сказанное общество само лучше знаетъ какъ удобнѣе ускорить полученіе этого договора, то мы должны поручить вамъ сообразоваться во всемъ съ тѣми наставленіями, которыя общество дало по сему предмету и повелѣваемъ вамъ употребить все ваше стараніе, умѣнье и значеніе, чтобы споспѣшествовать въ семъ дѣлѣ и въ особенности, чтобы возвратить имущество и товары общества изъ рукъ тѣхъ, которымъ оно довѣрило тамъ свою торговлю и которые столь нагло употребили во зло (довѣренность) тѣхъ купцовъ и обманули ихъ.

№ 16. — 1568 Sept. 16.

16 Sept. 1568. Hir Ma-ties lettre to the Emperor of Muscouia, by Mr Thomas Randolphe.

Imperatori Moscouitarum etc.

Elizabetha etc. Intra huius unius anni spacium, iustis de causis, primum, duos certos nuntios famulos nostros existentes, seorsum, et varijs temporibus, tandem illustriorem nostrum oratorem cum duobus spectabilibus mercatoribus, omnes quidem cum nostris literis ad v-am ma-tem delegauimus.

Primus fuit Laurentius Manley, famulus noster perdilectus, cum letteris nostris ad v-am ma-tem datis Windsoriae 14 Octob. 1567. Letterae illae breves erant. Certo enim et bono consilio, consilia nostra, eo tempore, nostri potius nuntij sermone explicanda, quam letteris nostris declaranda esse duximus. Post misi-

mus Georgium Midleton generosum virum et nostrum item perdilectum famulum, multi vsus et prudentem hominem, cum letteris nostris ad V. M. Londini datis 10 Febr. 1567 (*1568*).

In Georgij Midletoni letteris hoc fuit praecipuum, et expresse declaratum, vt ipse sedulo ageret cum v-a ma-te, de apprehendendo certos istic Anglos (quo fuere) qui, ad apertum contemptum nostrum, ad summam fraudem bonorum nostrorum subditorum, ad non leuem iniuriam etiam v-ae matis, nimis sese perfidiosos gesserant. Mandatum tamen dedimus Georgio Midleton, vt, si forte apud Naruense emporium, vllos ex istis improbis hominibus reperiret, statim secundum leges et instituta illius loci, ipsos cum bonis omnibus sisti curaret: ne forsan illi, suplicantes qua de causa ipse istuc veniret, in aliquam ditionem Poloniae regis, se suaque omnia, subito et clam subducerent. Sed, quomodo, et Laurentius Manley in Moscouia, et Georgius Midleton in Naruensi emporio a vestris tractati sunt, cum non mediocri admiratione audiuimus. Nam quamquam ipsi letteras nostras ad M: V: scriptas ostenderant, nihilominus tamen fuere spreti inhumaniter et illuc insolenter, et, quod grauius est, vt falsarij et improbi habiti sunt, tanquam nuntij, non a nobis missi, se ab alijs subornati fuissent. Atque vt plane indicamus, hos nostros famulos ita tractatos esse, v-a ma-te prorsus inscia, vestroque omnino iniussu, ita satis exploratum habemus, certos Anglos, qui istic sunt, huius non ferendae in nos contumeliae, in nostrae iniuriae, et authores et perfectores extitisse.

Et ne horum Anglorum improbitas ab his initijs peregressa, à scelere ad audaciam, ab audacia ad impudentiam, et tandem ad eam etiam desperationem sese efferat, vt contra Thomam Randolphum vnum ex camerae nostrae nobilibus, illustriori ratione ad v-am ma-tem à nobis legatum oratorem aliquid etiam moliri ausi fuerint, statimus his nostris letteris, apertè et fusè declarare, quid de nostro oratore, de illis improbis Anglis, de societate nostrorum mercatorum, et eorum istic stabiliendo commertio, v-am m-tem sentire et constituere cupimus.

Primum, orator noster Thomas Randolphus, propter

singularem suam prudentiam, propter multarum rerum plurimum vsum, quem in agendo nostro nomine cum varijs principibus collegit, tam nobis charus et acceptus est, vt eum in primis idoneum esse iudicemus, qui praesens nostra consilia cum v-a ma-te communicet. Cui, vt v-a ma-tas eandem fidem tribuat, quam nobis ipsis, si praesente istic essemus, tribuere dignaretur. admodum postulamus. Atque si quis, siue Anglus, siue alterius gentis quisquam fuerit, qui oratori nostro Thomae Randolpho aut fidem, aut honorem apud v-am ma-tem detrahere ausus fuerit, vt is conatus et audacia prorsus comprimetur. etiam atque etiam rogamus. Rogamus ibidem vt eadem fides etiam tribuatur duobus illis nostris spectabilibus mercatoribus Thomae Bannister et Gafrido Ducket, qui vna cum nostro oratore veniunt, authoritatem habentes, nomine totius societatis nostrorum mercatorum, vt ipsi de commercio sub vestro imperio, et nunc feliciter confirmando, et optate in posterum perpetuando, cum v-a ma-te vestrisque consiliarijs felicem rationem ineant, et ad commodum vtrobique exitum perducant. Itaque vt in illud negotium, quod eorum prudentiae et fidei solum modo committitur, ne alius quisquam istic Anglus audacter sese ingeret et nos nostris mandamus, et vt v-a ma-tas hoc non permittat, summopere postulamus.

Secundo in loco, quod ad perfidiosos illos istic Anglos attinet, de quibus orator noster Th. Randolphus, nostro nomine, fusius cum v-a ma-te acturus, et quos Georgius Midleton famulus noster apud Naruense emporium iustissima de causa et legitimo modo sisti curauit, volumus v-am ma-tem hoc pro certo habere, hos non mercatores esse, sed vel ad certos annos discipulos, vel famulos stipendiarios, vel factores negociatorios illorum mercatorum quorum societati ab initio v-a ma-tas sua priuilegja concessit. Horum discipulorum, famulorum, et factorum nomina sunt haec.—Thomas Glouer, Rodolphus Rutter, Jacobus Watson, Thomas Hawtrye, Richardus Vscome, Thomas Sowtham, Rob. Bourough, Nich. Chancelor, Richar. Poyntington, Beniamin Clarke. Sunt alij istic Angli, qui nos nostrasque leges grauiter offenderunt, vt Jhon Chappel, Christoph. Bennet, Smithe, Bour-

man, Birket, Plassington, Aslabye, etc. his omnibus et alijs etiam orator noster acturus est cum v-a ma-te. Qui omnes, tam sunt obscuri, vt si ipsos ipsorum improbitas nobis notos non fecisset, nec unquam nobis noti, nec a nobis hoc tempore nominati fuissent.

Isti, nostram Ma-tem vt inobedientes subditi, suam patriam vt ingrati ciues, iustos dominos, vt perfidiosi serui—calumnia, infamia, fraude violarunt. De nostra ma-te et regni nostri dignitate, nos videbimus. Nunc de fraude et iniuria, qua multos bonos et honestos viros et totam celebrem illam spectabilem mercatorum nostrorum societatem improbe effecerunt. Et hoc inprimis pro certo habere volumus v-am m-tem, bona illa omnia, quae istic occupantur, non esse eorum propria, qui morant in Moscouia, sed suorum dominorum, qui manent in Anglia. Sed illi istic, luxu diffluentes, et effusi in omnem sumptuosam libidinem, cum sua honestate et fide aliorum etiam bona insolenter dissipaverunt. Quorum bonorum rationem (cum ab illis reposcitur) quia iustam non possunt, nullam volunt reddere. Si haec priuatorum hominum scelerata audacia, prudenti principis authoritate non mature coerceatur, quo tandem, et ad quam, et ad quorum perniciem non est eruptura non videt? Sed cum certo scimus v-am ma-tem planè intelligere, non esse pro honore cuiusquam principis, sed stare cum communi iusticia, vt huiusmodi homines vllo in loco tolerarentur, non dubitamus, quin v-a ma-tas quem iustissimum principem esse accipimus, primoque tempore, nostro oratori, non solum benigne sit concessura, sed praesidium et authoritatem suam imperatoriam vbi opus fuerit, etiam adiunctura, ad id perficiendum, quod noster orator, nostro nomine, de illis nefarijs faciat, impense petimus et studiose rogamus.

Tertio in loco, de societate nostrorum mercatorum, et eius constituendae ratione, fusè etiam scribemus. Haec istuc profectio, regnante fratre nostro charissimo nobilissimo principe Eduardo 6-to suscepta est. Et suscepta est primùm cum dispendio bonorum, et interitu hominum, qui tum profecti sunt. Sed res denuo, et meliori successu tentata est. Et nostrorum istuc aduentus non fuit ingratus: fuere nam nostri et benignè

accepti à v-a ma-te et humaniter tractati a vestris subditis. Atque, cum panni Anglici, et alia regni nostri, quae deportabantur commoda, ad usum vestrorum subditorum pernecessaria visa sunt, v-a ma-s non illibenter concessit nostris sua privilegia, quibus nostri muniti, multum provocabantur vt hoc commercium cum vestris initum, maiori studio susciperent et celebriori ratione frequentarent. Et hinc facilè patebit, quam inanis et falsa est illa calumnia, qua D. G. Garret vir prudens et nobis percharus, illustris conditionis in sua patria, et exploratae probitatis in omni vitae suae ratione alijque cum illo spectabiles mercatores, similis conditionis, et paris probitatis viri, quorum nomina quoniam in illis vestris privilegijs explicantur, iniquissime istic a certis nostris subditis premuntur, quasi D. G. Garret et pauci alij ad se solos hanc negociationem attrahere studeant, et communi multorum commodo, ad privatum paucorum quaestum abuti moliantur. Ast tantum abest vt illi tale aliquid vel cogitarent quidem, cum hi ipsi viri quos accusant in ipso huius negocij initio, videntes, hanc rem esse, tam periculosam discrimine, tam sumptuosam impensis, et omni ratione tanti momenti, vt à paucis ferri, à priuatis sustineri facile non potuerit, à se ad alios, à suo priuato domi consilio, ad publicum parliamenti iudicium, rem totam referebant. Parliamentum est supremum concilium totius nostri regni: vbi regni ordines tres iussu principis conveniunt: clerus, nobilitas, et populus: leges, si vsus postulat, cum assensu principis, et amendaturi veteres et condituri nouas: Et quemadmodum de quaque re deliberant communi consilio, sic quamque rem stabiliunt publico suffragio. Ad hoc parliamentum relatum est, de instituendo in Moscouia commercio. Vbi statutum fuit, vt huius commercij celebris quaedam societas fieret, non solum mercatorum, sed aliorum etiam omnium Anglorum nemine excluso, qui certa praescripta conditione, et ordinario ritu, in hanc societatem cooptari laborarent.

Nimirum, vt omnia, ab hoc inito commercio, discrimina iacturae, sumptus, commoda, emolumenta, quaestus, omnium communia forent: vt hi socij negociationem non quisque

suam sed omnes vniuersam exercerent: vt nihil seorsum ad priuatum cuiusvis quaestum sed cuncta simul ad commune omnium commodum, ad publicam societatis dignitatem referrentur. Et in hac societate, quanquam sunt aliquae personae, vt aliter fieri non potest, prudentia, dignitate, et authoritate superiores, in reliqua tamen conditione omni, omnes sunt excepto nemine, et pares in communicando consilio, et aequales in partiendo compendio. Atque sic inter hos socios cuiusque hominis priuati commoditas, cuiusque iusta ratione, certa est. — Haec celebris societas hac supremi parliamenti authoritate et his conditionibus ab initio instituta, post à superioribus principibus, fratre et sorore nostris charissimis, et à nobis ipsis summa gratia, certa praerogatiua varijs priuilegijs non magis ad stabilem confirmationem munita, ad illustrem eius dignitatem ornata existit. Et hoc factum ne cuiquam non iniquum, sed omnibus nostris subditis aequaliter propositum est, qui in hanc societatem recto ordine cooptari studeant, vt non solum commodi participes, sed fortunae etiam consortes esse velint. Atque ipso etiam exemplo nouum non est, cui par societas Anglorum in Belgica, pari priuilegio praerogatiua, à superioribus Angliae regibus donantur. Itaque, cum nullus subditus noster iure cuique possit, se exclusum esse ab hac societate, quin illa aut immunis sit sua negligentia, aut indignus sit sua culpa: Cumque legum praeceptis, et vita hominum, et ordo rerum conseruatur: Cunque contemptis legibus, et sublato ordine, miseria hominum, confusio rerum, vtriusque interitus consequatur, planè nos dicimus, si quisque nostrorum subditorum, aut domi negocium suscipiat, aut foris negociationem exerceat, contra ordinem à legibus nostris praescriptam, et nostro regali assensu confirmatam, siue is terra, siue mari vixerit, siue se in quemcunque orbis angulum abdiderit, hunc legum nostrarum, hunc nostrae ma-tis contemptum, impune non laturum.

Non possumus igitur non mirari, sic ausos fuisse istic certos obscurosnostros subditos à v-ra ma-te postulare, vt illis seorsum certa priuilegia istic negociandi concederet, cum rerum in Anglia, licet ipsi inopes sint, tam imperiti tamen

non sunt, quin probè intelligant, hoc ab illis et contra legum praescriptionem, et patriae suae dignitatem, et principis suae voluntatem, susceptum fuisse. Leges nam apertè hoc vetant. Patria indignum iudicat, vt sui tam indigni ciues, cum dignissimo principe, aut vlla consilia conferant, aut vlla commercia exerceant. Nos vero de illis ita sentimus, vt planè admiremur, quemque inter eos inveniri qui v-ae ma-ti persuadere possit, posse se cum affidis sine nostro assensu, contra nostrum mandatum, commoda huius regni sic hinc exportare, vt vestris emporijs, vt vestrorum subditorum vsibus, abunde satis deinceps provisum fuerit. Polliceri multa volunt, praestare minima possunt, et vt ad tempus dominorum bonis, et sese venditent, et sibi amicos parent: In exitu tamen et fallentur ipsi, et fallent alios. Nos nam sedulo curabimus, ne tam perfidiosi subditi aut apertè per se in Anglia, aut clam per suos, aut per exteros in alia regione, aut vllo dolo, vllo in loco, terra mariue, vllo beneficio nostri regni tam perdito consilio abutentur.

Postremo in loco, cum illi ipsi istic nefarij subditi nostri et falso et imperitè persuadere volunt v-ae ma-ti nostram societatem inprimis cogitare, vt totam suam negociationem è vestro imperio, ad Rigam et Reualiam traducant tantum abest, vt hoc studeant, vt planè sentiant, omnem illam traiectionem, ad illa loca, et ad Naruense etiam emporium nec nunc adeo esse opportunam, et aliquando nimis infestam, et prorsus illis obstructam fore, si vnque accidat, vt reges Poloniae, Sueciae, et Daniae reconciliatis animis, et junctis armis, v-ae ma-ti se adversarios intentauerint. Itaque, commodissimè vtrobique consultis fore iudicant, si traiectio per D. Nicolaum frequentetur, ne aut nostrorum aliquando frustretur profecto, aut subditi v-ae ma-tis suo tempore maxime necessario, necessarijs regni nostri commodis deficiantur.

Rogamus igitur v-am ma-tem, vt nec his rumoribus, nec eorum authoribus fidem vllam tribuat, qui, cum sui nec dominis, nec patriae, nec principi, vel fidem vel officium, vel obedientiam praestiterint, quam se fideles alieno sub imperio, et quam obtemperantes alteri principi aliquando sese ostenderint v-a

ma-tas pro sua singulari prudentia facile iam poterit praeuidere. Et quemadmodum nos nullo persuasu abduci possumus à nostro proposito libenter amplectendi, et constanter conseruandi amicitiam illam, quae inter nos et nostros foeliciter intercedit, ita spes nostra et expectatio etiam est, v-am ma-tem consimiliter velle et impedimenta omnia tollere et rationes quasque inire, quibus consimilis vestrae erga nos amicitiae in v-a ma-te par voluntas perspicuè ostendat. Sed de hac re, et alijs omnibus, orator noster Th. Randolphus nostro nomine, praesenti suo sermone sententiam nostram fusius et opportunius explicabit. Cui, vt amplem fidem tribuat v-a ma-tas, admodum postulamus.

Deus opt. Max. v-ae ma-ti longos et laetos annos: rerum gerendarum optatissimos successus: foelicitatem omnem et florentem in terris, et aeternam in coelis, benignissime concedat. 16 Septemb. Anno 1568 ab orb. condito 5537. Windsoriae.

№ 16. — 1568 Сент. 16.

Елисавета Царю.

Въ продолженіе однаго нынѣшняго года мы отправили въ разное время къ вашему вел-ву съ нашими письмами по нужнымъ дѣламъ сперва, однаго за другимъ, двухъ вѣрныхъ гонцовъ изъ числа нашихъ служителей и наконецъ именитаго нашего посланника *) съ двумя почетными купцами.

Первымъ гонцомъ былъ Лаврентій Манлей, любезный служитель нашъ, посланный къ вашему вел-ву съ грамотою нашею, писанною въ Виндзорѣ 14 Окт. 1567. Грамота эта была краткая; ибо мы въ то время полагали, что будетъ и лучше и надежнѣе, объяснить наши намѣренія черезъ нашего гонца на словахъ, а не на письмѣ. Потомъ послали мы Георга Мидльтона, мужа благороднаго и также служителя нашего прелюбезнаго, человѣка осторожнаго и многоопытнаго съ грамотою нашею писанною къ вашему вел-у въ Лондонѣ 10 февр. 1568.

*) *Оратора*—посла имѣющаго изустныя порученія.

Въ грамотѣ Георга Мидльтона главнѣйше и ясно объявлялось, чтобы онъ усердно просилъ ваше вел-во о томъ, чтобы схватить нѣкоторыхъ Англичанъ, которые, находясь въ Россіи, оказали крайнее вѣроломство, явное пренебреженіе къ намъ, обманомъ воспользовались имуществомъ нашихъ подданныхъ и причинили немалый ущербъ вашему вел-ву. Мы дали однакоже приказаніе Георгу Мидльтону чтобы, если бы ему случилось отыскать кого либо изъ тѣхъ безчестныхъ людей въ торговомъ городѣ Нарвѣ, онъ немедленно озаботился, чтобы они порядкомъ, указаннымъ въ мѣстныхъ законахъ, были схвачены со всѣмъ ихъ имуществомъ; дабы они не успѣли внезапно и тайно скрыться сами со всѣми своими имуществами въ одну изъ областей Польскаго короля, догадываясь о причинѣ его *(Мидльтонова)* пріѣзда. Но мы съ немалымъ удивленіемъ услыхали какой былъ сдѣланъ пріемъ и Лаврентію Манлею въ Москвѣ и Георгію Мидльтону въ Нарвѣ. Ибо, хотя они и предъявляли письма, написанныя нами къ вашему вел-ву, тѣмъ не менѣе имъ оказано было невѣжливое презрѣніе, а въ Нарвѣ съ ними обошлись дерзко, и что еще важнѣе, ихъ сочли за поддѣлывателей (писемъ) и за безчестныхъ людей, какъ будто они были гонцами, посланными не отъ насъ, а подученными отъ другихъ. И мы прямо объявляемъ, что тѣ наши слуги претерпѣли подобное обхожденіе совершенно помимо вѣдома вашего вел-ва и конечно безъ вашего приказанія; достаточно изслѣдовано, что таковое нестерпимое оскорбленіе, въ обиду намъ, задумано и приведено въ исполненіе нѣкоторыми Англичанами, которые находятся въ вашей странѣ. Безчестность этихъ Англичанъ, послѣ такого начала, изъ плутовства можетъ перейти въ дерзость, изъ дерзости въ наглость, и наконецъ можетъ довести ихъ до такой отчаянности, что они осмѣлятся даже замыслить что̀ либо противъ Ѳомы Рандольфа, однаго изъ дворянъ нашего двора отправленнаго нами посланникомъ къ вашему вел-ву по важнѣйшему дѣлу; а потому мы рѣшили прямо и подробно объявить настоящею нашею грамотою о томъ, что мы желаемъ, чтобы ваше вел-во мыслили и постановили о нашемъ посланникѣ, о тѣхъ безчестныхъ Англичанахъ, объ обществѣ нашихъ купцовъ и объ упроченіи ихъ торговли въ вашей странѣ.

Вопервыхъ посланникъ нашъ Ѳома Рандольфъ, своей осторожностію, своею большою опытностію во многихъ дѣлахъ, пріобрѣтенною имъ въ сношеніяхъ его отъ нашего имени съ разными государями, снискалъ такую нашу благосклонность и расположеніе, что мы признали его наиспособнѣйшимъ для передачи теперь вашему вел-ву нашихъ намѣреній.—Мы просимъ, чтобы ваше вел-во дали ему такую же вѣру, каковую удостоили бы дать намъ самимъ, если бы мы лично были предъ вами. И паки, и паки просимъ, прямо уничтожить всякую дерзкую попытку унизить вѣрность или честь нашего посланника Ѳомы Рандольфа, будь она сдѣлана кѣмъ бы то ни было — Англичаниномъ ли, или иноземцемъ. — Просимъ также, чтобы таковая же вѣра была также дана тѣмъ двумъ нашимъ почетнымъ купцамъ Ѳомѣ Баннистеру и Готфриду Дукету, которые одинаково съ нашимъ посланникомъ имѣютъ власть отъ имени всего общества нашихъ купцовъ войти въ дружелюбное соглашеніе съ вашимъ вел-вомъ и съ вашими совѣтниками и, ко взаимной выгодѣ, въ настоящее время установить торговлю въ вашемъ государствѣ, и въ послѣдствіи по желанію ее продолжить. И потому мы убѣдительно просимъ ваше вел-во и повелѣваемъ нашимъ подданнымъ не допускать, чтобы какой либо иной Англичанинъ изъ находящихся въ вашей странѣ, осмѣлился вмѣшаться въ эти переговоры, которые поручаются исключительно ихъ благоразумію и вѣрности.

Вовторыхъ, что касается тѣхъ вѣроломныхъ Англичанъ, о коихъ нашъ посланникъ Ѳ. Рандольфъ отъ имени нашего пространнѣе объяснится съ вашимъ вел-вомъ, и о задержаніи коихъ въ Нарвѣ Г. Мидльтонъ распорядился на справедливомъ основаніи и согласно съ законнымъ порядкомъ, мы хотимъ, чтобы вашему вел-ву было извѣстно за вѣрное, что они не купцы; а или ученики, взятые на извѣстное число лѣтъ, или наемные служители, или торговые прикащики тѣхъ купцовъ, которымъ ваше вел-во первоначально пожаловали свои повольности. Вотъ имена этихъ учениковъ, служителей и прикащиковъ: Ѳома Гловеръ, Рудольфъ Рюттеръ, Яковъ Ватсонъ, Ѳома Гаутри, Ричардъ Ускомъ, Ѳома Соуземъ, Робертъ Боуроу, Николай Ченселоръ, Ричардъ Пошитингтонъ, Веніаминъ

Кларкъ. — Есть у васъ еще Англичане, которые совершили тяжкія преступленія противъ насъ и нашихъ законовъ, какъ то: Иванъ Чаппель, Христофоръ Беннетъ, Смисъ, Боурменъ, Биркетъ, Пласингтонъ, Аслаби и проч.: О нихъ о всѣхъ, а также и о другихъ посланникъ нашъ будетъ говорить съ вашимъ вел-вомъ. Всѣ эти люди до того ничтожны, что они никогда не сдѣлались бы намъ извѣстны и не были бы нами въ настоящее время поименованы, если бы ихъ безчестность не сдѣлала ихъ намъ извѣстными.

Эти люди,—непослушные подданные нашего вел-ва, неблагодарные граждане своего отечества, вѣроломные слуги справедливыхъ господъ,—являются преступными въ клеветѣ, въ безчестности, въ обманѣ.—Обсудимъ теперь съ точки зрѣнія нашего величія и достоинства нашего королевства тотъ обманъ и тотъ убытокъ, который они безчестно причинили многимъ добрымъ и честнымъ мужамъ и всему тому обществу почтенныхъ купцовъ нашихъ; но сперва нужнымъ считаемъ увѣрить ваше вел-во, что всѣ товары, которые находятся въ вашей странѣ, не принадлежатъ тѣмъ, которые проживаютъ въ Московіи, а ихъ хозяевамъ, которые пребываютъ въ Англіи; но первые, предавшись роскоши, и погрузясь во всѣ прихоти пышности, безчестно и безсовѣстно *) расточили чужое имущество. Если такая злонамѣренная дерзость этихъ частныхъ лицъ не будетъ строго обуздана благоразуміемъ государской власти, то нельзя предвидѣть до какой степени она можетъ дойти и до чего могутъ они причинить вредъ. Мы хорошо знаемъ, что ваше вел-во ясно понимаете, что ни съ честію какого бы то ни было государя, ни съ простою справедливостію не согласно терпѣть гдѣ либо подобныхъ людей; по этому мы не сомнѣваемся, что ваше вел-во, коего мы считаемъ за справедливѣйшаго государя, немедленно не только милостиво дозволите нашему посланнику, но и поможете ему, если нужно будетъ, своимъ покровительствомъ и своею царскою властію, исполнить то, что нашему посланнику нужно будетъ сдѣлать съ тѣми преступниками; о чемъ мы премного и усердно [illegible] просимъ.

*) [illegible]нѣ сказано насмѣшливо: «[illegible] своей честности [illegible] добросо-

Въ третьихъ—объ обществѣ нашихъ купцовъ и о причинѣ его учрежденія мы столь же пространно напишемъ. Плаваніе въ вашу страну предпринято было въ королевствованіе нашего любезнѣйшаго и благороднѣйшаго брата Эдуарда 6-го, и сперва предпринята съ потерею товаровъ и гибелью людей туда отправленныхъ; но предпріятіе было возобновлено съ лучшимъ успѣхомъ. Пріѣздъ къ вамъ нашихъ подданныхъ былъ благопріятенъ—они были милостиво приняты вашимъ вел-вомъ и ваши подданные дружелюбно съ ними обошлись. Когда было усмотрѣно, что англійскія сукна и иные вывозимые изъ нашихъ государствъ товары крайне необходимы для вашихъ подданныхъ, ваше вел-во охотно предоставили нашимъ подданнымъ повольности; снабженные ими сіи послѣдніе приложили много старанія, чтобы торговля, заведенная съ вашими подданными, была ведена съ наибольшимъ усердіемъ и чтобы учредились возможно частыя сношенія. Отсюда ясно видно какъ неосновательна и ложна клевета, которую взвели нѣкоторые изъ нашихъ подданныхъ на Д. Г. Гаррета, мужа разумнаго и намъ прелюбезнаго, знаменитаго въ своемъ отечествѣ рода и честности, доказанной опытомъ всей его жизни, а съ нимъ также и на другихъ почтенныхъ купцовъ, людей одинаковаго съ нимъ званія и подобной ему честности, коихъ имена прописаны въ той вашей жалованной грамотѣ. (*Говоримъ о клеветѣ*) будто бы Д. Г. Гарретъ и немногіе другіе стараются захватить для себя однихъ эту торговлю и изъ общаго товара многихъ извлечь частный прибытокъ немногимъ. Между тѣмъ на дѣлѣ этого вовсе не было: не только они никогда не замышляли ничего подобнаго, но напротивъ эти самыя лица, которыхъ обвиняютъ въ зачинаніи этихъ происковъ, видя, что это дѣло сопряжено съ такою опасностію и съ такими издержками и столь важно по своему значенію, что, будучи ведено немногими, не легко будетъ поддержано частными лицами,—представили все дѣло отъ себя — другимъ, отъ своего частнаго, домашняго сужденія—на обсужденіе всенароднаго парламента. Парламентъ есть верховный совѣтъ всего нашего государства, въ который, по повелѣнію государя, собираются три государственныя сословія: духовенство, дворянство и народъ, чтобы, если обстоятельства того требуютъ, съ согласія государя.

исправлять старые законы и постановлять новые. И какъ обо всякомъ предметѣ обсуждается общею подачею голосовъ, точно также всякій предметъ и постановляется открытою подачею голосовъ. Въ этотъ то парламентъ внесенъ былъ на разсмотрѣніе вопросъ объ учрежденіи торговли въ Московіи. Въ парламентѣ же и постановлено, чтобы торговля эта была ведена нѣкоимъ знаменитымъ обществомъ, составленнымъ не только изъ купцовъ, но и изъ другихъ лицъ, не исключая никакого Англичанина, которыя будутъ работать въ пользу этого общества подъ извѣстными предписанными условіями и на основаніи установленныхъ правилъ.

Разумѣется, что въ этой предпринятой торговлѣ, всѣ потери, затраты, расходы на жалованье и прибытки должны быть общими для всѣхъ: члены общества должны вести торговлю не каждый отдѣльно для себя, но общую для всѣхъ; ничто не должно обращаться въ частную прибыль чью либо, но въ общую выгоду всѣхъ, въ явную честь общества. Хотя въ обществѣ и есть, да иначе и быть не можетъ, нѣкоторыя особы, превосходящія другихъ опытностію, званіемъ и властію, однакоже въ прочихъ отношеніяхъ, кромѣ званія своего, всѣ равноправны какъ въ подачѣ мнѣній, такъ и въ раздѣлѣ прибыли. Такимъ образомъ между членами общества выгоды каждаго частнаго человѣка обезпечены справедливымъ обсужденіемъ каждаго члена. Такъ сперва учредилось это знаменитое общество на этихъ основаніяхъ властію верховнаго парламента; съ тѣхъ поръ оно существуетъ, получивъ отъ прежнихъ государей, брата и сестры нашихъ любезныхъ, и отъ насъ самихъ, премилостивѣйше дарованныя преимущества и разныя вольности, которыя даны не только къ твердому его упроченію, но и къ возвеличенію его значенія, и которыя имѣютъ цѣлію, чтобы не кому либо преимущественно, но равномѣрно всѣмъ нашимъ подданнымъ, которые трудятся законнымъ порядкомъ на пользу общества, было предоставлено быть не только участниками прибылей, но и сотоварищами въ случайностяхъ торговли. Примѣръ этотъ не новый—подобное общество Англичанъ существуетъ въ Бельгіи съ подобными же вольностями, дарованными прежними королями Англійскими. Итакъ ни который изъ нашихъ подданныхъ ни по какому праву не можетъ быть исключенъ изъ этого общества, развѣ если окажется неспособенъ по

своему нерадѣнію или недостоинъ по собственной винѣ. А какъ постановленіями законовъ охраняются и жизнь людей и порядокъ въ дѣлахъ, тогда какъ нарушеніе законовъ и ниспроверженіе порядка имѣютъ послѣдствіемъ несчастіе людей, смятеніе въ дѣлахъ и общую погибель; то мы торжественно объявляемъ, что если кто либо изъ нашихъ подданныхъ предприметъ торгъ въ нашей странѣ, или заведетъ торговлю за границею вопреки порядка, предписаннаго нашими законами и утвержденнаго нашимъ королевскимъ соизволеніемъ—подобное нарушеніе нашихъ законовъ, подобное оскорбленіе не пройдетъ безнаказанно, хотя бы онъ жилъ на сушѣ или на морѣ, хотя бы онъ бѣжалъ на край свѣта!

По этому мы не можемъ не удивляться, что нѣкоторые ничтожные наши подданные осмѣлились просить у вашего вел-ва о пожалованіи имъ отдѣльно извѣстныхъ повольностей для торговли въ вашей странѣ, хотя они сами не имѣютъ никакого состоянія въ Англіи; не могутъ они однако быть столь невѣжественны, чтобы хорошо не понимать, что этотъ поступокъ ихъ сдѣланъ вопреки постановленій закона, вопреки достоинства ихъ отечества, вопреки волѣ ихъ государыни; ибо законы строго это запрещаютъ; отечество признаетъ недостойнымъ, чтобы столь недостойные его граждане съ наидостойнѣйшимъ государемъ входили бы въ какія либо совѣщанія или производили бы какую либо торговлю. Мы же о нихъ такъ мыслимъ, что истинно удивляемся, чтобы между ними могъ отыскаться кто либо, кто могъ увѣрить ваше вел-во, что можетъ съ своими единомышленниками безъ нашего соизволенія, вопреки нашего повелѣнія, вывозить отсюда достаточно товаровъ здѣшняго государства, чтобы имѣть ихъ въ довольномъ изобиліи для вашихъ торговыхъ рынковъ и для потребностей вашихъ подданныхъ. Обѣщать они готовы многое, доставить они могутъ весьма мало, лишь бы на время имъ похвастаться имуществомъ своихъ хозяевъ и сдѣлать себѣ друзей: а въ заключеніе они обманутъ и сами себя и другихъ; ибо мы будемъ усердно стараться, чтобы столь коварнымъ подданнымъ не удалось столь лукавымъ способомъ пріобрѣтать какіе бы то ни было товары изъ нашего государства *) ни явно

*) *слово въ слово*: „употребить во зло какія бы то ни были благодѣянія нашего королевства."

для себя въ Англіи, ни тайно чрезъ своихъ (сообщниковъ), ни чрезъ иностранцевъ въ иной странѣ, ни обманомъ — гдѣ бы то ни было—на сушѣ ли, на морѣ ли.

Напослѣдокъ, тѣже самые безчестные наши подданные и ложно и безразсудно хотятъ увѣрить ваше вел-во будто бы наше общество главнѣйше заботится о томъ, чтобы перевести всю свою торговлю изъ вашего царства въ Ригу и въ Ревель; до такой степени не правда будто (купцы наши) объ этомъ стараются, что они открыто объясняютъ, что весь проѣздъ какъ въ эти города, такъ даже и на Нарвскій рынокъ ни нынѣ не благопріятенъ, ни когда либо не будетъ вполнѣ безопасенъ и что онъ будетъ имъ прямо прегражденъ, еслибы когда нибудь случилось, что короли Польскій, Шведскій и Датскій, общимъ совѣтомъ и соединеннымъ оружіемъ объявили себя противниками вашего вел-ва. Итакъ они считаютъ, что для обѣихъ сторонъ самымъ выгоднымъ будетъ, чтобы они приплывали путемъ пристани Св. Николая, чтобы наши подданные не потерпѣли когда либо утратъ, и чтобы подданные вашего вел-ва въ самое нужное для нихъ время не терпѣли недостатка въ необходимыхъ для нихъ товарахъ нашего государства.

А потому просимъ ваше вел-во не давать никакой вѣры ни этимъ слухамъ, ни тѣмъ, кто ихъ распускаетъ.—Высокимъ своимъ разумомъ ваше вел-во легко можете провидѣть какую вѣрность для чуждаго государства, какое повиновеніе чуждому государю могутъ оказать тѣ, которые не явили ни вѣрности, ни готовности служить, ни послушанія своимъ хозяевамъ, своему отечеству, своей государынѣ. — Никакія убѣжденія не могутъ отвратить насъ отъ нашего намѣренія съ готовностію расширять и постоянно хранить ту дружбу, которая благополучно учредилась между нами и нашими подданными; точно также мы надѣемся и ожидаемъ, что и ваше вел-во равномѣрно захотите уничтожить всѣ препятствія и войти въ нѣкоторыя соглашенія, которыми бы доказывалось явственно подобное желаніе относительно нашей дружбы со стороны вашего вел-ва. Впрочемъ какъ объ этомъ предметѣ, такъ и обо всѣхъ прочихъ посланникъ нашъ Ѳома Рандольфъ, отъ имени нашего пространнѣе и удобнѣе объяснитъ наши рѣшенія въ личныхъ своихъ рѣ-

чахъ. — Весьма просимъ, чтобы ваше вел-во дали ему полную вѣру.

Преблагій Великій Богъ да всемилостивѣйше даруетъ вашему вел-ву долгія и радостныя лѣта; вожделѣнный успѣхъ въ веденіи дѣлъ; всякое благоденствіе и цвѣтущее на землѣ и вѣчное на небесахъ. — 16 Сентября 1568 года, отъ созданія міра 5537 въ Виндзорѣ.

№ 17. — 1568 Sept. 16.

Elizabetha Magnificis et illustribus Naruensis emporii, sub potentissimo Imperatore Russiae etc. supremis Gubernatoribus, amicis eius charissimis.

Magnifici, illustres amici charissimi.

Misimus hoc anno duos nuntios Laurentium Manley et Georgium Middleton, vtrumque nostrum perdilectum famulum, cum litteris nostris ad imperatoriam ma-tem Russiae: accepimus, facultatem transeundi per vestram iurisdictionem ad imperatorem vestrum nostro nuntio Georgio Middletono a vobis esse denegatum. Quae res eo maiorem nobis admirationem commouet, quo certiores nos sumus, vobis incertum esse non posse quaequam certa amicitiae ratio, quaequam magna et multa mutuae beneuolentiae officia, inter vestrum principem et nos, inter nostros vtrobique subditos, amice et humaniter hoc tempore intercedunt. Sed cum certae iam res sunt momenti magni, quas communicandas habemus hoc tempore cum vestro imperatore et quas intelligere imprimis intererit sua ma-te, propterea a vobis primum pro vestra erga principem vestrum obedientia, admodum requirimus, deinde pro vestra, vti speramus, erga nos quoque obseruantia etiam petimus, vt has nostras litteras, quas cum his vestris coniunximus, primo quoque tempore, ad suam ma-tem perferri curetis. Sic, vt nobis certo aliquando constet (id quod vt constare possit, diligenter procurabimus) vos fuisse in hoc officii parte et vestro principi obsequiosos magistratus et nobis gratos et officiosos amicos.

Quo officio vestro, vos nobis non minimam, et commendationem a vestro principe, et gratiam a nobis etiam poteretis promereri. Id quod vobis, pro nostra quidem parte, exploratum erit, cum vlla vobis ad id idonea dabitur opportunitas.

Foeliciter valeatis etc.

№ 17. — 1568 Сент. 16.

Елисавета своимъ дражайшимъ друзьямъ, великолѣпнымъ *) и знаменитымъ главнымъ Правителямъ торговаго города Нарвы подвластнаго могущественнѣйшему Царю Русскому и проч.

Великолѣпные и знаменитые дражайшіе друзья.

Посылали мы въ нынѣшнемъ году двухъ гонцовъ Лаврентія Манлея и Георга Мидльтона (которые оба наши любезнѣйшіе слуги) съ нашими грамотами къ царскому вел-ву въ Россію: узнаемъ, что вы отказали нашему гонцу Георгу Мидльтону въ разрѣшеніи проѣхать черезъ вашу область къ вашему царю. Это тѣмъ болѣе возбуждаетъ наше удивленіе, что мы достовѣрно знаемъ, что вамъ не можетъ быть безъизвѣстно, какая существуетъ дружба между вашимъ государемъ и нами и между нашими обоюдными подданными и какъ дружественны и пріязненны въ настоящее время великіе и многочисленные опыты нашего взаимнаго благорасположенія. Но такъ какъ нынѣ есть предметы чрезвычайной важности, о которыхъ мы имѣемъ сообщить вашему царю и о которыхъ въ особенности его вел-ву важно быть извѣщеннымъ, мы весьма просимъ, чтобы вопервыхъ ради вашего повиновенія вашему государю, а также и по вашему, какъ мы надѣемся, уваженію и къ намъ, вы озаботились, при первой возможности, отправить къ его вел-ву ту нашу грамоту, которую мы прилагаемъ къ настоящей, къ вамъ написанной; такъ, чтобы намъ когда нибудь можно было засвидѣтельствовать (а чтобы сія возможность представилась, мы будемъ прилежно

*) Magnificentia—*великолѣпіе* есть титулъ донынѣ употребляемый въ отмеченныхъ мѣстностяхъ Прибалтійскаго поморья Россіи.

стараться), что вы въ этой услугѣ оказали себя правителями, преданными вашему государю, и пріязненными и услужливыми друзьями намъ. Таковымъ вашимъ одолженіемъ вы можете заслужить немалую похвалу отъ вашего государя и благодарность отъ насъ. То, что вами будетъ сдѣлано по отношенію къ намъ дастъ случай къ соотвѣтственнымъ поступкамъ съ вами.

Пребывайте благополучно въ здравіи и проч.

Грамота написана въ Виндзорѣ.

№ 18. — 1569 Apr. 1.

Ioannes Elizabethae.

Es ist gewesenn in unserem — — — — Eugers Konickreichs des Engelischenn Landes Doctor Ricerthe vnnd hat uns Gedinet, Vnnd seiner bitte nach habene wir ime Begnadiget, vnnd erhaltunge des Englischen Landes Gnedichlichene abgelassenn.

Geschriebenn in vnnse — — — Herschafft Hoffe der Stadt Moschk — a Im Jahre vonn Schaffunge der Welth 7707 (7077) denn Ersten Tag Avrill. Indictio 12 Vunser Herrschafft — — — — — und vnnsers Reussischen Kaiserthums im 22, Kasanschenn im 17, Astrachanschenn im 15.

№ 18. — 1569 Апр. 1.

Царь Елисаветѣ.

Былъ въ нашемъ (царствѣ) вашего королевства англійской земли докторъ Ричертъ и служилъ намъ, и по прошенію его пожаловали мы его, милостиво отпустили въ англійскую землю.

Писана государствія нашего во дворѣ города Москвы, лѣта отъ сотворенія міра 7077 перваго дня Апрѣля, индикта 12, государствія нашего — — — — — и царствъ нашихъ Россійскаго 22, Казанскаго 17, Астраханскаго 15.

№ 18. — 1569 Apr. 1.

Czar Iohn to Q. Elizabeth.

There has been in our empire one Richard a doctor out of your kingdom of England and has served us; and according to his demand we have bountifully rewarded him and graciously dismissed him to England.

Written in our imperial palace in the city of Moscow, from the beginning of the world 7077, in the month of April 1, Indiction 12, the year of our lordship and reign 35, and of our empire of Russia 23, Cazan 17, Astracan 15.

№ 19. — 1569 Іюн. 20.

Царь Елисаветѣ.

Послали есмя къ тебѣ к се(стрѣ) на(шей) Ондрѣя Григоревича Совина, да при немъ діяка своего Семена Савостиянова. И что они от нас учнут тебѣ сестрѣ нашей говорити, и то бы имъ вѣрила то есть наши рѣчи.

Писана грамота Московского царствія степени града Вологды лѣта от создания миру 7077-го мѣсяца июня въ 20 д. Индикта в 12, государствия нашего 35-го а царствъ наших Російского 23-го, Казанского 17, Астараханского 15-го.

№ 19. — 1569 Iun. 20.

Czar Iohn to Q. Elizabeth.

We send to you, our sister, Andrew Grigorievich Sovin and with him our secretary Simeon Savostianof. And what they shall speak to you our sister, trust them to be our words.

Written these letters in our realm of Moscovy in the town of Vologda, from the beginning of the world 7077 in the month of June 20, Indiction 12, the year of our lordship and reign 35. and of our empire of Russia 23, Cazan 17, Astracan 15.

№ 20. — 1569 Юн. 20.

Царь Елисаветѣ *).

Что присылала еси к нам посла своего Томоса Рандолоу **) з грамотою, а в ней писала еси, что прошлого лѣта в Сентябрѣ имѣетъ Н. Ц. В-во с вашимъ любительнымъ слугою, именемъ Онтон Янкинсонъ ***), грамоту к вамъ прислали, в которой грамоте ты видела нашу государскую мысль против ваших подданных, вас для испытаны, видали и поразумѣли. И ты Н. Ц. В-во доброе хотѣние і великое прилежанье не едино вашей мысли хотите держати. Но также ваши послѣдние вовеки Н. Ц. В-во доброе хотѣние не будутъ забывать. И Н. Ц. В-во доброе хотѣние вперед распространити. И нашее дѣло яснѣе дѣлати. Такъ имѣешь ты единолучего посла к Н. Ц. В-ву послали, в которыхъ дѣлех нынеча выбрали и послали вашь любительной слуга Томос Рандолѳу един от вѣрных твоих; и его вѣрность, прилѣж(ані)е и разумъ; а во многих иных дѣлах преж сего у иных государей дѣлывал сполна, испытано есть. И ты начашеся также, что семуж тот будет, которое Н. Ц. В-во будетъ полюбити, которое вѣрно и разумно в вашемъ дѣле; и Н. Ц. В-ву хотѣние отпустити; того для посылаеш ты к Н. Ц. В-ву сего речника ****) всякое дѣло им явити в вашемъ имяни. Начашеся Н. Ц. В-во будетъ ваше дѣло з добром вѣрили и приняли сего вашего посла і вѣру дали.

И мы ту твою грамоту сестры своей вычли и вразумѣли гораздо; и что твоего наказу с нимъ было и то всего до наших ушъ донесено и твоего посла Томоса Рандолѳа вѣр-

*) Безпрестанно повторяемыя въ грамотѣ слова *Наше Царское Величество* означены сокращенно:—*Н. Ц. В-во.*

) Ѳома Рандольфъ. *) Антонъ Дженкинсонъ.

****) *оратора*, посла съ изустнымъ порученіемъ.

нейшаго слугу твоего с честностию посолскимъ обычаемъ приняли. И как меж нас с тобою сестрою своею братству и любьви быти — и дѣло дѣлати с твоими послы боярина своего и намѣстника Вологодцкого Князя Ѳеѳпаса Івановича Вяземского, да діяка своего Петра Григорева и как пригож меж нас братству и любви быти. И они по нашему повелѣнию с твоим посломъ сестры нашые с Томосомъ с Рандолѳомъ на томъ и договор учинили. И мы твоего посла Томоса Рандолѳа к тебѣ сестрѣ своей отпустили; а с нимъ тебѣ послали есмя от своих вѣрнийших ближнего своего дворянина Ондрѣя Григоревича Совина, да с нимъ діяка своего Семена Савостиянова; и о всѣх своих дѣлех приказали есмя к тебѣ сестрѣ своей с своимъ посломъ с Ондрѣем з Григоревичем с Совинымъ; и с твоимъ послом с Томосом как меж нас братству и любви быти, и меж обѣих земель покою и доброму прибытку быти. А о том бы еси на нас не подивила, что посла есмя твоего у собя позадержали: посол твой позадержался тѣмъ обычаем, потому как есмя к тебѣ твоего посланника Онтонія отпустили, и которые рѣчи к тебѣ с нимъ приказывали и как по тѣм сроком какъ было к намъ быти от тебя сестры нашые королевны Онтоню, и нам про Онтоня вѣдома никоторого не учинилос. А твой посол Томос Рандолѳъ еще не пришол же. Ино пришол посланник твой Юрьи Милдентин *) на Ругодив; также і в ыные мѣста пришли многие посланники; а сказывалис всѣ твоими гонцы; и мы их велѣли роспрашивати: твой посланникъ Онтоней, сестры нашие, до тебя дошол ли, и что о том к намъ приказ ест ли; и какъ Онтоней к нам будет или хто иной въ его мѣсто къ нам будет?—И они, обнявся гордостию к намъ никоторого отвѣту не учинили. — — — — дѣло въ сторонѣ — — — — — — напередъ дѣла кончат собца, да потомъ прибыл свою ищутъ **).—

*) Георгъ Мидльтонъ.

**) Пробѣлъ этотъ пополняется современнымъ переводомъ: „не хотѣли „явиться въ нашъ тайный совѣтъ и объявить ему какія либо изъ своихъ дѣлъ; „все что они говорили касалось купеческихъ дѣлъ, оставляя нашего величе- „ства дѣло въ сторонѣ; тогда какъ во всѣхъ странахъ обычно сперва рѣшить „дѣла государскія, а потомъ уже прибыль свою искать“.

А и посол твой токмо приѣхавшу за тѣм же замешкал, что посылали есмя к нему и пятья и шестья, чтоб у них совѣтников был; и для того известил с какимъ онъ дѣлом приѣхалъ; и мы б по тому его посолство приняли, для того что есмя которое слово приказывали к тебѣ сестрѣ своей с Онтонемъ и тому дѣлу явно быти не пригожѣ; и посол твой не поѣхал же к нашимъ бояромъ на совѣтъ и то дѣло за тѣмъ проволоклося. И как посол твой наши очи видалъ и бояромъ нашимъ то известилъ, что за нимъ о томъ дѣле, что есмя къ тебѣ с Онтоньемъ приказывали приказ есть; и мы его учали жаловати и то дѣло почалос дѣлати; и совершив то дѣло, отпустили есмя его к тебѣ с своимъ посломъ с Ондрѣемъ з Григоревичемъ с Совинымъ. А что еси прислала к намъ свое грамоту съ своимъ гонцомъ съ Юрьемъ с Милдентинымъ и с купцы о купецкомъ дѣле и о счете, и мы то приказали боярину своему и намѣстнику Вологоцкому Князю Ѳоонасю Івановичю Вяземскому с твоимъ посломъ с Томосомъ сыскати; и купцы твои с тѣми купцы, которые у нас в нашемъ государьстве с Томосом *) считалис да счестись здѣсе не умѣли; и мы для счету отпустили в твою землю Томоса Іванова *) с своимъ посломъ с Ондрѣемъ з Григоревичемъ; и они меж собя тамъ сочтутца, а и тебѣ и сестрѣ своей королевне Елизавети о твоих купцѣх о Томосе, да о Ралѳе **), да о Христоѳоре ***) приказали есмя говорити своимъ словомъ послу своему Ондрѣю Григоревичю в чемъ перед тобою тѣ купцы виновати, и тыб тѣхъ купцовъ для нашего слова пожаловала, опалу свою отдала; потому что тѣ купцы Томос, да Раѳ в томъ дѣле сначала были, какъ у насъ с тобою быти братству и любви. А гостемъ твоимъ и купцом о торговле, как имъ въ наше государьство і в ыные государьства черезъ наше государьство ходити с торгомъ, дали есмя грамоту по твоему прошенію и по — — — — — — — —; а у твоих же купцовъ у Томоса у Иванова с товарищи грамоту есмя взяли, а ту есмя грамоту дали — — — — — — — — — — —

*) *Томосъ, Томосъ Ивановъ*—Ѳома Глоберъ.
) Ральфъ Рюттеръ. *) Христофоръ Беннетъ.

Дана грамота — Моск — — - — — миру 7077 мѣсяца юн

— —

а царствъ нашихъ Російскаго 23, Казанскаго 17, Астараха—ско — 15.

№ 20. — 1569 Iun. 20.

Muscovia. — Instructions to the Ambassadour of Russia to the Q-s Ma-tie in manner of a letter.

For what you sent to us your ambassadour Thomas Randolphe with leteres which leteres wee vnderstand also wee beare in minde your leteres written the yere past in September and ye beare in minde our highnes leteres sent to you with our welbeloved servaunt Anthonie Jenkinson in the which our leteres you know our pleasure towardes your subiectes for your sake, which wee have inquired sought out and doe understand off our highnes good will and great favour, and that you wil be of one minde with vs, even so hereafter your successors shall not forgett our highnis good will and to make our highnes good will better knowen our affaires shall not be wightie to you for that you sent youre great ambassadour about the affaires, that wee haue now in hand youre welbeloved and faithfull servaunt Thomas Randolphe whose faithfullnes wee well understand, who hath accomplished off your highnes affares in other landes as wee well knowe, and for that you thought our highnes would like well of him for that he was a man of great wisdome and experience who was meete to knowe our highnes service. Therefore your highnes hath sent this oratore to vs to open all matter in youre name for that you doe thinke our highnes will beleeve him wee lett you knowe that wee haue receiued this ambassadour and haue giuen him heareing and that wee haue read ouer your our sisters leteres, wee well vnderstand them and what your comission was with him hath beene brought befoure our heare. further your trustie and faithfull ambassadour Thomas

Randolphe wee haue receiued him according to the manner and custome of receiveinge ambassadours euer as betweene you and mee brotherhood and frendshippe should bee and wee sent our counsellor and captaine Duke Alfonas Evanowich Vazemskie *) and our secretarie Petro Gregoria **) to give aunswere and to furnishe your ambassadye as it is meete our brotherhood and frendshippe to continewe, and they accordinge to our commandment with your our sisters embassadour Thomas Randolphe haue agreed uppon the same. wherefore wee haue sent to thee againe our sister your ambassadour and with him our trustie and faithfull gentleman who is neare about our person Andrew Gregoriwich Saviena ***) and with him our secretarie Symon Sobastana ****) and of all our affaires to thee our sister, wee haue giuen commission to our ambassadour Andrew Gregoriwich Savine with your ambassadour Thomas Randolphe how loue and frendshippe should continewe between us and that peace maie continew betwixt both (*these landes*) for (*wel fare*) of our common wealthes.

Further that it would please your highnes to thinke no (*pertinances*) that wee keept your ambassadour so longe from our presence, the reason thereof he was so longe keept backe was when I lett departe youre messinger Anthonie Jenkinson and with our affaires committed unto him to speake by worde of mouthe when the time was come that wee did looke for aunsweere by Anthonie againe wee hard no worde of him and as then your ambassadoure was not come. But your messinger George Middleton was come to the Marve (i. e. Narve) and with him manie other naminge themselues to be your messingers and wee willed to enquire of them whether your our sisters messinger Anthonie were come to youre presence, and whether they had anie thinge to saie to vs of the messaudge or whether Anthonie should come or anie other in his steed, and they beeinge embrased with pride would make vs no aunswere, that they would not come to our

*) Prince Athanasius Ivanovich Viasemsky. **) Peter Gregorieff.
) Andrew Gregorievich Sovin. *) Simon Sebastianoff.

neare and privie counsaile and would make them privie of none of theire affaires, all that they saide was of marchant affaires and settinge our highnes affares aside as it is the use of all countries that princes affaires should be first ended and after that to seeke a gaine.

And your ambassadour Thomas Randolphe when he was come, was keept from our presence in like manner wee sent to him five or six times that he would come to our counsaile for — — — he that — — — — — — — wordes that wee willed to be spoken to thee our sister authoritie and that it was not meete, that these affaires should be oppened and your ambassadour would not goe to our counsaillers to giue aunswere of the secrite affaires vppon which that occasion, he was longe delaied.

But your ambassadour had seene our eies and had shewed to our counsaile, what affaires was committed to him and that he had commission of that, I sent to thee by Anthonie then wee shewed our gratious favour to him, and then wee beganne to haue to doe in those affaires and endinge those affaires wee haue sent your ambassadour to you our sister and with him our ambassadour Andrew Gregoriwich Ssavina. And for that you sent your letters by George Middletone your messinger with the marchants of trade of marchantdize and of accompte wee haue committed this matter to our counsailer and captaine of vologerie (*Vologda*) Duke Alfonas Evanowich Vasemskie with Thomas your ambassadour that they should seeke the right and your marchants did reckon with those marchaunts Thomas Glover that is with vs in our realme, and they could not come to anie agreement and wee uppon that occasion of accompte have sent into thy kingdome Thomas Glover with our ambassadour Andrew Gregoriwich that the marshaunts maie accompte there with him.

To thee our sister Q. Elizabeth as concerneinge the marshaunts Glover, Rutter and Bennett, wee haue given commission to our ambassadour Andrew Gregoriwich Savina in what so euer those marchaunts be guiltie before thy highnes, that it would please thee for our sake to show favour

unto them and to take awaie thy displeasures from them for that these marchaunts Glover and Rutter in these affaires were the first beginnors how betweene thee and me brotherhood and frendshippe should be.

Priviledge *). —Wee haue giuen to thie marchaunts at thie request a priviledge to traffique thorrowe our realme and to passe with marchaundize thorrowe our realme into other realmes accordinge to ther supplicacons and wee haue taken our priviledge from the marchaunts Thomas and Raphe and theire fellowshippe which was given to them for the loue and freindshippe of thee our sister.

Our letter written in the Empire of Muscovia at our auncient towne of Vologdaye from the beginning of the world seven thousand seaventie and seaven the xx-th of Iune fuortieth of our ege, the xxx-th yere of our Lordshippe and the 23 yere of our Empire since the wynning of Casane vij yere and of Astrecane xv yere.

№ 21. — 1569.

Articles agreed uppon (on her Maiesties part) *on the part of the right high, right mighty and right excellent princesse* Elizabeth *by the grace of God Q. of England France and Irland defensor of the Christian faith etc.* for a League of Amitie betweene her Highnes and the (great Duke of Muscouia) *right high right excellent right mightie prince* Iohn Basiliw-ch *k. and great Duke of all Russia; Volodomere etc and others, her dearest brother and cousin.*

The original of this document is written in a beautiful hand: on some letters remain grains of gold sand; corrections seem to have been made in a very hurried manner. All this leads to suppose that it is an original draught laid before Queen Elizabeth and corrected under her own dictation by one of her under-secretaries.

The expressions which in the original are effaced are here inclosed in brackets. The corrections or additions are printed in italics.

1. Whereas it hath ben requested of her ma-ty on the behalf of the (great Duke of Muscovia) *said right high and mightie*

*) This word is written on the margin.

Prince & Iohn Basiliwch k. and great D. of all Russia & that there might be a perpetuall amity betweene her ma-ty and the said D.

It is accorded on her ma-ts part that there shalbe a perpetuall perfect and sounde amity betweene her said Highnes and the said D. and that euery of them shall vse all other Princs that are friends to eyther of them both, with good offris of frendshippe: and if any of them shalbe iniuried by any other Prince, vppon significacon made thereof by the party iniuried and the justice of his cause made manifest the other party shall in most earnest sort and without vnnecessary delayes require the Prince that did the iniury to desist from further offence and to returne to honnorable condicons of peace according to the lawes of Almighty God and the rules of justice that ought to be betweene Princs that professe Christianity, which if the Prince so offending shall wilfully and against reason peremptorily refuse to do that then the Prince confederate after such refusall to his request shall in no wyse continew amity with the Prince so refusing but shall ayd the other Prince confederate that shalbe so iniuried to withstand the wrong don to his confederate.

2. Item where it is requested *by the said right high and mightie prince* that the said amity be offensiue and defensiue, so that the frends to the one may be taken and reputed frends to the other and the ennemyes to the one the ennemyes to the other.

It is fully accorded and agreed on her ma-ts behalf as in the former article appeareth.

3. Item where it is requested *by the said right high and mightie prince* that as oft as neede shall require and the same be demaunded the one be ready to ayd and assist the other with men, treasure, municon and all things necessary for warre.

It is accorded on her ma-ts part that eyther Prince so confederate, shall in all cases, where by force of the former articles ayd is to be giuen yeld the same being required as frendly and readily as the same may be donne according as oportunity of tyme and place may permitt the party required to yeld the

same hauing consideracon of the present state and condicon of the party so required.

4. Item where it is requested *by the said right high and mightie p.* that neyther of them do assist by any meanes whatsoeuer the ennemye or ennemyes to the other or do willingly or wittingly suffer directly or indirectly, any aide to be giuen.

It is accorded on her ma-ts part that after the tyme the party which shalbe an ennemy shall vppon request to be made—as in the first article is contayned—refuse to desist from doing further wrong or iniury, to the other party, the party confederate so required shall in no sort ayd the party doing and continuing wrong against the said confederate, nor shall willingly suffer any aide—which conveniently may be impeached—to be giuen to the party offending and doing the iniurye.

5. Item where it is requested *by the said right high and mightie p.* that her ma-ty do suffer and giue licence to such artificers and handycrafts men to go to the seruice of the said D. as he shall prouide here within the realme for his better seruice in the warres.

Her ma-ty is content and agreeth that vppon knowledg giuen of the parties being artificers and handycrafts men that shalbe content to depart to the said D-s seruice, the same shalbe licensed so to do if they be not already lawfully imprested by bonde or otherwyse into any other especiall seruice within theire natiue country.

6. Item where it is requested *by the said right high and mightie p.* that the subiects of eyther may haue free accesse and regresse in and out of all and euery the kingdomes, dominions and territories of each other without any lett or molestacon (or without other especiall licence or salfe conduct but only by vertue of thes league.)

It is on her ma-ts behalf agreed that it shalbe lawfull for all naturall borne subiects of eyther Prince so to do that are not by theire office or bonde tied to remaine within theire natiue contries and the same be not restrayned by the forme of any priuilege graunted by eyther Prince.

7. Item where it is requested *by the said right high and mightie p.* that it may be lawfull to all marchants, subiects to eyther of the said Prines to bring in and carry out of all and euery of the kingdomes dominions and territories of each, all sorts and kinds of marchandizes without lett or molestacon or without *forcible* taking any part or parcell of the said goods to eyther of theire proper vses (without the good will, consent and agreement of the said marchants and the prices of the said marchandizes duly before paid or due order giuen for the payment.)

It is accorded on her ma-ts part that it shalbe lawfull for all and euery the marchants *which are* naturall borne subiects of eyther prince to bringe in and carry out all marchandises out of eyther their dominions and contries in lyke sort as at this day they lawfully do or may bring or carry out from or into any other contries of any other king with whome her ma-ty is in amity, so it be not with offence of priuiledge graunted by eyther Prince, and that it be without coullоring the goods of any borne subiect of any other Prince, on the only payne of confiscacon of the goods so to be coloured and without vsing factors or ministers of other nacon, and that neyther prince shall take any part of such marchandise from any marchant against his or theire will, but in case where eyther of the prines shall haue manifest neede to buy the same for the priuate vse of the said prince about his person, or for his houshoulde and in those cases that ready money at reasonable prics be paid to the marchant or owner.

8. Item where it is requested *by the said right high and mightie p.* that the said marchants *on both partes* may salfly soiourne abyde tary and remayne (and haue houses for theire necessary residence and warehouses for theire marchandises.)

It is on her ma-ts behalf agreed and accorded that the said marchants be (the) *his* naturall borne subiects (of eyther P. and that they obserue the ciuill lawes of the contries where they remaine.)

9. Item it is on her ma-ts part required that this treaty or any part thereof shall not be drawen construed or taken to

the diminucon or preiudice of anie priuilege heretofore graunted by the said (D.) *right high and mightie p.* to her ma-ts subiects and that the said priuiledge and euery clause and article thereof be from hence forth inviolably kept obserued and maintayned by the said (Duke) *right high and mightie p.* his heires and successors especially the article that excludeth all strangers from trafficque in his dominions without her ma-ts lycence anything in this treaty or other things notwithstanding.

10. Lastly where it is requested that this league may be mutually confirmed by ambassadors sent from the one to the other and by othes and seales of the one and the other.

It is on her ma-ts part accorded so that convenient tyme be allowed in respect of the long and doubtfull passage by sea for the ambassador to be sent forth at good purpose.

№ 21. — 1569.

Статьи, *на которыя воспослѣдовало соизволеніе превысочайшей, премогущественнѣйшей и наипревосходнѣйшей государыни* Елисаветы, *Божіею милостію королевны Англійской, Французской и Ирландской, оборонительницы Христіанской вѣры и проч.*, для заключенія дружественнаго союза между ея величествомъ и *превысочайшимъ, наипревосходнѣйшимъ и премогущественнѣйшимъ государемъ* Иваномъ Васильевичемъ, *царемъ и великимъ княземъ всея Россіи, Володимерскимъ и проч. и иныхъ, братомъ и родственникомъ ея любезнѣйшимъ.*

1) Ея величеству была предъявлена отъ имени сказаннаго *) государя Ивана Васильевича царя и вел. князя всея Россіи и проч., просьба объ установленіи вѣчной дружбы между ея вел-мъ и имъ.

Ея вел-во соизволяетъ, чтобы между ею и вел. княземъ существовала вѣчная, совершенная и надежная дружба, и чтобы, каж-

*) Здѣсь опускаются повторяемыя въ каждой статьѣ слова: „превысочайшаго и могущественнаго".

дый изъ нихъ оказывалъ дружество всѣмъ другимъ государямъ, которые друзья котораго либо изъ нихъ двухъ; и чтобы, если бы одному изъ обоихъ былъ причиненъ вредъ инымъ государемъ, по заявленіи о семъ со стороны того, кому причиненъ вредъ, и по обнаруженіи справедливости его дѣла, другой (изъ договаривающихся) самымъ настоятельнымъ образомъ и безъ ненужныхъ замедленій потребовалъ отъ причинившаго вредъ государя, чтобы онъ воздержался отъ дальнѣйшихъ обидъ и согласился на честныя условія мира, согласно съ законами Всемогущаго Бога и съ правилами справедливости долженствующей соблюдаться государями, исповѣдывающими Христіанство; если зачинщикъ-государь своевольно, вопреки разума, рѣшительно откажется сіе исполнить то союзный государь, послѣ таковаго отказа на свою просьбу, отнюдь не будетъ продолжать дружбы съ отказавшимъ ему государемъ, но будетъ помогать государю своему союзнику противиться вреду, ему оказанному.

2) Сказанный государь проситъ, чтобы союзъ этотъ былъ наступательный и оборонительный, такъ чтобы друзья одного союзника были друзьями другаго, и чтобы недруги одного были недругами другаго.

Ея вел-во вполнѣ на это соизволяетъ, какъ явствуетъ изъ содержанія предшествующей статьи.

3) Сказанный государь проситъ, чтобы всякій разъ когда нужда того потребуетъ и одинъ изъ союзниковъ будетъ о томъ просить, другой оказалъ ему помощь людьми, казною, снарядами и всѣми предметами, нужными для войны.

Ея вел-во соизволяетъ, что каждый изъ обоихъ союзниковъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ силу предшествующихъ статей должна быть оказана помощь, будетъ подавать ее съ такою готовностію и поспѣшностью, съ какими обстоятельства времени и мѣста позволятъ ее оказать; при чемъ слѣдуетъ принимать во вниманіе современное положеніе и отношенія той стороны, къ которой требованіе будетъ обращено.

4) Сказанный государь проситъ, чтобы никоторая изъ обѣихъ сторонъ не помогала какими бы то ни было средствами врагу или врагамъ другой и не допускала намѣренно или сознательно прямо или косвенно, чтобы имъ была подаваема какая либо помощь.

Ея вел-во соизволяетъ, чтобы послѣ того, какъ на требованіе, заявленное (какъ указано въ первой статьѣ) тому кто будетъ непріятелемъ, онъ откажется отступиться отъ дальнѣйшихъ поступковъ во вредъ одной изъ союзныхъ сторонъ, другая сторона, по востребованію, никакимъ образомъ не будетъ помогать причинившему и продолжающему вредъ, ниже намѣренно не попуститъ—если только можетъ успѣшно тому воспрепятствовать—чтобы была оказана помощь тому, кто причиняетъ вредъ и обиду.

5) Сказанный государь проситъ, чтобы ея вел-во дозволила и дала разрѣшеніе вступать въ службу вел. князя всѣмъ тѣмъ мастерамъ и ремесленникамъ, которыхъ онъ отыщетъ здѣсь, въ королевствѣ, для лучшаго устройства своего военнаго дѣла.

Ея вел-во съ удовольствіемъ соглашается на то, чтобы, по доставленіи свѣдѣній о тѣхъ мастерахъ и ремесленникахъ, которые изъявятъ согласіе итти въ службу вел. князя, имъ было разрѣшаемо сіе сдѣлать, если только они, по обязательству или иначе, не подлежатъ уже по закону какому либо иному обязательному служенію въ своемъ отечествѣ.

6) Сказанный государь проситъ, чтобы подданные обѣихъ союзныхъ сторонъ могли свободно пріѣзжать и отъѣзжать по всѣмъ государствамъ, областямъ и мѣстностямъ каждой изъ нихъ безъ препятствія и задержанія *).

Ея вел-во соглашается предоставить это право всѣмъ природнымъ подданнымъ обѣихъ сторонъ, если они по должности своей или по договору не обязаны оставаться въ своемъ отечествѣ и если это право не ограничено какою либо привилегіею, дарованною однимъ изъ договаривающихся государей.

7) Сказанный государь проситъ, чтобы было закономъ дозволено всѣмъ купцамъ, подданнымъ одного изъ союзныхъ государей, привозить и вывозить во всѣхъ государствахъ, областяхъ и мѣстностяхъ каждаго изъ нихъ, всякаго рода и разбора товары безъ препятствія и задержанія и безъ насильнаго присвоенія для

*) *зачеркнуто:* безъ особаго каждый разъ разрѣшенія, или охранной грамоты, а лишь въ силу настоящаго договора.

собственнаго употребленія одной изъ сторонъ какой бы то ни было части или доли тѣхъ товаровъ *).

Ея вел-во соизволяетъ на то, чтобы всѣмъ и каждому изъ купцовъ, которые по природѣ своей и рожденію подданные одного изъ договаривающихся государей, дано было право привозить и вывозить всѣ товары въ ихъ обоихъ владѣніяхъ и странахъ. точно также какъ они въ настоящее время имѣютъ право привозить и вывозить въ странахъ всякаго инаго короля, съ кѣмъ ея вел-во въ дружбѣ; съ тѣмъ лишь чтобы сіе не было въ противность привилегіямъ, даннымъ однимъ изъ договаривающихся государей, и чтобы этимъ не прикрывались товары какихъ либо природныхъ подданныхъ инаго государя, подъ единственнымъ условіемъ безповоротнаго отобранія товаровъ, такимъ образомъ прикрываемыхъ; чтобы не были употребляемы прикащики или повѣренные инаго народа; чтобы ни тотъ, ни другой государь не бралъ никакой части товаровъ какого бы то ни было купца безъ его согласія, развѣ въ случаѣ если бы которому либо изъ государей была очевидная необходимость купить этотъ товаръ для собственнаго своего или своихъ домашнихъ употребленія; въ таковыхъ случаяхъ купцу или владѣльцу товара должны быть уплачены деньги по справедливой цѣнѣ.

8) Сказанный государь проситъ, чтобы съ обѣихъ сторонъ купцы могли безопасно пребывать, поселяться, проживать и оставаться **).

Ея вел-во согласна и соизволяетъ на сіе для природныхъ подданныхъ ***).

9) Ея вел-во требуетъ, чтобы этотъ договоръ или часть онагó не былъ бы излагаемъ, истолковываемъ или принимаемъ въ уменьшеніе или нарушеніе какихъ либо вольностей, которыя сказанный государь доселѣ пожаловалъ подданнымъ ея вел-ва, и чтобы тѣ вольности и каждая статья оныхъ была отнынѣ не-

*) *зачеркнуто:* иначе какъ по доброй волѣ, съ согласія и по уговору сказанныхъ купцовъ и по точной уплатѣ или выдачѣ обязательства на уплату.

**) *зачеркнуто:* и имѣть дома для своего пребыванія и склады для своихъ товаровъ.

***) *зачеркнуто:* обоихъ государей съ тѣмъ, чтобы они соблюдали гражданскіе законы тѣхъ странъ, гдѣ пребываютъ.

нарушимо содержима, соблюдаема и поддерживаема сказаннымъ государемъ, его наслѣдниками и преемниками, въ особенности статья, по которой торговля въ его владѣніяхъ воспрещается всѣмъ иностранцамъ, которые не будутъ имѣть дозволенія ея вел-ва; и чтобы сіе было соблюдаемо не смотря ни на что въ настоящемъ договорѣ и не смотря ни на какія обстоятельства.

10) Наконецъ заявлена просьба, чтобы сей союзъ былъ взаимно укрѣпленъ присылкою посланниковъ одного государя къ другому, присягою и приложеніемъ печатей обоихъ государей.

Ея вел-во на сіе соизволяетъ, съ тѣмъ чтобы было дано достаточно времени, по причинѣ продолжительности и сомнительности морскаго плаванія, которое можетъ помѣшать успѣшному отправленію посланника.

№ 22. — 1570 May.

Serten instroksyons geven me *) by S-r W-m Garard **) knyght to move the Ryght honnorabell S-r W-m Syssyll ***) of etc.

1. Ffyrst that yt may ples your honnour to perceve the ambassadors letter of ansere of hys reqvests to be wrytten in Inglyshe.

2. And the same to be translated into Rvs by Dannell ****) the interpretor and he to make too copys of the same, the one to leve with your honnour the other to take with hyme to shewe the ambassador yf vnto your honnour yt shall seme so good.

3. And ffor the more certentye that hyr ma-ty shalbe well asewered that Danyell hathe don the same trwly, ther ys one called Normytont (?) and Hatry *****) that may perves the same so shall declare the same agente to your honnour in Inglyshe.

*) Anthony Jenkinson.

**) Sir. Wil. Garrard knight stands first amongst the Governors named in the priviledges granted to the Company on the 20-th June 1859.

) Lord Burleigh. *) Daniel Sylvester.

*****) Thomas Hawtrye?

4. Item as towtcheng the granteng of traffyke hether by them the Q. ma-ty may grant the same, so ffare as the sayd emperor hathe alredy in hys prevylegs provyded ffor the sam whitche tendethe only for hys owen provysyon and not other wyes.

5. Item as towtcheng the sendeng of another ambasador to confer the lege (league) etc. yf yt may ples hyr hyghnes to reffare the same, vntyll the next yere, in whitche tyme the emperour may well consyder of hyr ma-ty grants and lykeng the same, than may be confermyd hereafter.

6. That yt may ples your honnour, to have in remembrance the calleng home of Rafe Ryter Chrystofer Bennyt John Chapell and Ffranses Byrket *), thoes spesyallye with all other Inglyshe men that dothe remayn ther contrary to the prevyleges granted the company etc.

7. Item that the sayd ambassador maybe ffvlly ansred at thys next metyng so as he may take hys leve ffor that the shypes atend only apon hym and the yere ys ffare spent.

8. Item that hyr ma-ty may be pvt in memory ffor (*presents to the ambassador?*) — — — and the secretarys whitche aswredly they loke ffore.

№ 22. — 1570 Мая.

Нѣкоторыя наставленія данныя мнѣ **) сэромъ Вилліамомъ Гарардомъ ***) для предложенія члену тайнаго совѣта сэру Вилліаму Оесилю ****).

1) Во первыхъ, чтобы вашей достопочтенности благоугодно было, чтобы отвѣтныя письма посланника съ изложеніемъ его требованій были написаны по Англійски.

*) Ralph Rutter, Christopher Bennet, John Chappel and Francis Birket.

**) Антону Дженкинсону.

***) Имя сэра Вилліама Гаррарда стоитъ первымъ между именами правителей общества въ жалованной царской грамотѣ отъ 20 іюня 1566

****) Лордъ Бёрлей, канцлеръ.

2) и чтобы они были переведены по Русски Даніиломъ *) переводчикомъ въ двухъ спискахъ, изъ коихъ одинъ оставитъ вашей достопочтенности, другой же взять ему съ собою для показанія посланнику, если ваша достопочтенность признаете это за благо.

3) Для большаго удостовѣренія, что отвѣтъ ея вел-ву точенъ и что Даніилъ вѣрно его перевелъ, есть нѣкто по имени Нормитонъ и Гатрей, которые могутъ обратно (съ Русскаго перевода) перевести вашей достопочтенности по Англійски то, что объявитъ означенный переводчикъ.

4) Что касается дозволенія имъ (Русскимъ) пріѣзжать для торга сюда, то ея вел-во можетъ это разрѣшить въ томъ смыслѣ, какъ царь уже предрѣшилъ въ своей жалованной грамотѣ, гдѣ упоминается только о товарахъ собственно для него, но ни въ какомъ другомъ отношеніи.

5) Что касается посылки другаго посланника, чтобы совѣщаться о союзѣ и проч.—не благоугодно ли будетъ ея вел-ву отложить это до будущаго года; къ тому времени царь можетъ хорошо обсудить на что согласится ея вел-во и если будетъ доволенъ, союзъ можетъ тогда быть заключенъ.

6) Благоволите, ваша достопочтенность, припомнить объ отозваніи домой Ральфа Рютера, Христофора Беннета, Ивана Чаппеля и Франциска Биркета; этихъ въ особенности, а также и другихъ Англичанъ, которые остаются тамъ въ противность грамоты пожалованной обществу.

7) Сказанному посланнику нужно дать отвѣты по всѣмъ статьямъ въ первое же совѣщаніе, чтобы ему можно было откланяться, такъ какъ корабли только его и ждутъ, а время года уже позднее.

8) Ея вел-ву нужно привести на память о (*подаркахъ посланнику?*) и секретарямъ, чего они безъ сомнѣнія ожидаютъ.

*) Даніилъ Сильвестръ.

№ 23. — 1570 May 6.

vj Maij 1570. Muscouia. The Ambassadors request to the right ho-ll M-r Secretarie.

The ambassadour from the emperour of Russia requireth that the Q-s ma-tie would.cause her highnes lettres of secrit to be written in Rousse worde for word as the coppie of the lettre that the emperour sent and that her highnes would sett her hand to the said lettre and take an oath before the emperours ambassadour and to hang her seale to those letters.

The cause whie the lettres should be written in rousse is that the emperour cannott vnderstand anie language but his owne.

The emperour would dislike of the lettre yf it be not written word for word as that lettre which he sent.

And when the said letter shalbe translated into rowsse that it maie be done in the sight of the said embassador.

And that the Q-s ma-tie would send her ambassadour to the emperour now, with his ambassadour, and then the empererour (sic) will cause letters written like word for word, and will hang his seale to those lettres, and kisse the crose before the Q-s ambassadour.

And that the queene would send to the emperour Anthonie Jenkynson, with her great ambassadour in commission.

Ffor the cause whie the said Anthonie should goe is because he was made privie by the emperour to the beginnings of this loue and amitie, and therefore the emperour will better creditt his wordes.

May 1870.—A remembrance of the Ambassador of Moscovia.

This document is word for word the repetition of the preceding one, with the addition of the two following clauses.

Also as the quene doth wryght her heyghnes letters in rowse so th'emprore will wryght his letters backe agayne in englishe or in lattin and to the same will sett his selle and will kisse the crosse in the presence of the quenes embassador.

Allso that hit will plese your honour to send me word by this berore *(bearer)* when I shall come to the cortte *(court)* for my dispatche which I wishe myght be shortly for that the tyme goeth awaye.

№ 23. — 1570 Мая 6.

Московія. — Просьба посланника къ его достопочтенности г-ну секретарю.

Посланникъ Русскаго царя проситъ, чтобы ея вел-во королевна велѣла написать тайную грамоту ея вел-ва по русски слово въ слово, согласно со спискомъ письма, которое прислано царемъ и чтобы ея вел-во приложила руку къ той грамотѣ и принесла присягу передъ посланникомъ царя и повелѣла привѣсить печать къ той грамотѣ.

Причина почему грамота должна быть написана по русски та, что царь не знаетъ инаго языка кромѣ своего.

Царь будетъ недоволенъ, если грамота не будетъ написана слово въ слово согласно съ письмомъ, которое онъ прислалъ.

Когда грамота будетъ переведена по русски, чтобы все это *) было сдѣлано передъ глазами посланника.

И чтобы ея корол. вел-во отправила своего посланника нынѣ же съ его посланникомъ; и тогда царь прикажетъ написать слово въ слово такую же грамоту, привѣситъ къ сей грамотѣ свою печать и совершитъ крестное цѣлованіе передъ посланникомъ королевны.

И чтобы королевна отправила къ царю Антона Дженкинсона при своемъ великомъ посланникѣ.

Причина почему сказанному Антону нужно ѣхать—та, что царь повѣдалъ ему о начинаніяхъ этой любви и дружбы, и потому царь дастъ лучшую вѣру его словамъ.

*) Т. е. подписаніе ея, принесеніе присяги и приложеніе печати.

Память Московскаго посланника.

Память эта есть дословное повтореніе предъидущей записки, съ добавленіемъ лишь слѣдующихъ двухъ заключительныхъ статей.

Такъ какъ королевна напишетъ грамоту своего вел-ва по русски, то и царь съ своей стороны напишетъ свою грамоту по англійски или по латыни и приложитъ къ ней свою печать и будетъ цѣловать крестъ въ присутствіи посланника королевны.

Благоволите также, ваша достопочтенность, извѣстить меня черезъ подателя сего, когда я буду позванъ ко двору для отпуска: я желалъ бы, чтобы это было поскорѣе; потому что время уходитъ.

№ 24. — 1570 May.

The Ambassador of Mvscovia.

Iff the Russe ambassador doe vrge priveledgs to be graunted to the emperors subiects for traffique to and frome this realme ytt seamethe (vnder correction) mete that ytt bee aunsweredd, that suche and so muche traade as the emperor his m-r specefyeth and demaundeth by his priveledgs graunted to the company shalbe freely grauntedd and favorably and friendlye bee permyttedd and maynteigned to take good effecte.

The effecte of lettres requested to be directed to the kinge of Denmarke.

That ytt wolde please his highnes to suffer our xiiij shipps beinge on a voyage to the Narve quyetly to passe the Sounde with suche goods as bee in theme, without any staie, otherwize than for a convenyent tyme wherein theye maye paye the duties of the Sounde.

Also that the said kinge forces vs not to paie any customes toolles nor any other chardgs than those, which of late yeres he hathe taken of vs, or ells as att the last tyme was paid for our shipps and goods passinge throughe the Sounde bothe goynge and comynge to and frome the Narve.

The effecte of lettres requested to be directed to the kinge of Swethen.

That his highnes directe his lettres to all his admyralls, viz-admiralls, capitanes, and others servinge hyme on the seas charginge theme that theye nor any of theme doe molest or troble any of our xiiij shipps, which nowe be fraighted to passe to the Narve, but that theye suffer them quyetlie to passe thither, bothe to fetche home suche our merchandizes as remayne there, and also to carry with them suche our goods as theye be laden with for to paie suche debts as are owinge by vs here.

Item yf by chance any of our shipps shoulde be brought by any of his subiects into any parte of this realme that ytt maye please hyme to dischardge the same our shipp or shipps without all troble and hinderance, and to suffer theme with the goods to departe vnto the porte, for which theye were laden without all ympeschements or trouble.

Itt maye also please your honnor to move the said ambassador to procure Raulfe Rutter Christofer Bennett John Chappell Ffrauncis Birkitt and all other Englishe men disturbers of the trade in Russia Musco or att the Narve to be saulfly sente hether in the nexte shipps that shall retorne frome thence.

№ 24.—1570 Мая.

Посланникъ Московскій.

Если Русскій посланникъ будетъ настаивать на пожалованіи повольностей подданнымъ царя для привозной или вывозной торговли, казалось бы (если это мнѣніе не ошибочно) что слѣдуетъ отвѣтить, что будутъ свободно даны и благосклонно и дружески разрѣшены и приведены въ дѣйствительное исполненіе точно такія же и въ одинаковой силѣ повольности, каковыя царь, его государь, исчислилъ и даровалъ въ своей жалованной грамотѣ обществу.

Содержаніе грамоты испрашиваемой для посылки Датскому королю.

Чтобы его высочество благоволилъ дозволить 14-ти кораблямъ, плывущимъ въ Нарву, безпрепятственно пройти черезъ Зундъ съ товарами, которые на нихъ отправлены, не останавливая ихъ долѣе какъ на то время, которое потребуется ими для уплаты Зундскихъ пошлинъ.

Чтобы сказанный король не заставлялъ насъ платить другихъ пошлинъ или инаго наименованія налоговъ, кромѣ тѣхъ, которыя онъ взыскивалъ съ насъ въ послѣдніе года или которыя были въ послѣдній разъ уплачены за наши корабли и товары при плаваніи ихъ черезъ Зундъ, при проѣздѣ какъ въ Нарву, такъ и обратно.

Содержаніе грамоты испрашиваемой для посылки Шведскому королю.

Чтобы его высочество письменно повелѣлъ всѣмъ своимъ морскимъ начальникамъ, какъ то адмираламъ, вице-адмираламъ, капитанамъ и другимъ состоящимъ на его морской службѣ, чтобы никто изъ нихъ не задерживалъ никоторый изъ нашихъ 14-ти кораблей, снаряжаемыхъ нынѣ для плаванія въ Нарву, но чтобы они безпрепятственно пропустили ихъ плыть туда, какъ для вывоза въ Англію тѣхъ нашихъ товаровъ, которые тамъ остаются, такъ и для привоза въ Нарву тѣхъ нашихъ товаровъ, которыми они нагружены для уплаты долговъ, числящихся за нами.

Также если бы случайно который либо изъ нашихъ кораблей былъ кѣмъ либо изъ его подданныхъ приведенъ въ какую нибудь часть Швеціи, да благоволитъ онъ отпустить тотъ корабль или тѣ корабли безъ хлопотъ и препятствій, и дозволить имъ безъ всякаго задержанія отплыть въ ту пристань, куда назначенъ ихъ грузъ.

Благоволите также, ваша достопочтенность, внушить сказанному посланнику распорядиться благонадежною присылкою сюда (въ Англію) съ первыми кораблями, которые возвратятся оттуда (изъ Россіи) Ральфа Рюттера, Христофора Беннета, Ивана

Чаппеля, Францнска Биркетта и прочихъ Англичанъ производящихъ торговую смуту въ Россіи, въ Москвѣ или въ Царвѣ.

№ 25. — 1570 May 18.

Elizabeth to Ivan Basily.

There are extant in the State' Paper Office three rough drafts of the letters of Queen Elizabeth to the Czar John Vassilievich, which were to be sent in answer to his two letters brought by his ambassador Andrew Sovin and dated from Vologda on the 20-th of June 1569. From these drafts it appears that at first it was proposed to give but one answer to the two letters; but afterwards (it may be presumed at the request of Sovin) the original draft was divided into two separate ones, of which the second (with the exception of the commencement) was at first inserted in the primitive draft. These letters are here published in their final separate form under № 25 and № 26. The corrections in the original are in the handwriting of L. Burleigh: those made in the first draft are printed in italics; those in the last are inclosed in brackets.

Because we vnderstand from you Emperour and great Duke our good brother first by the report of our trustie servant Anthony Jenkinson whom we sent as our embassadour to you *the* emperor, certen yeres past, and now last by your embassadour the noble parson Andrew Gregoriwiche Saviena and with hym your secretary Sevastyana whom ye sent to vs as your highnes ambassadours in company with our last ambassadour Thomas Randolph, that you the said emperour do ernestly deseir to enteir into some streight contracts of amity with vs, and for that purpose where the said Andrew Gregoriwich hath delivered vnto vs certen writings in the Russian tongue, which becawse we could not vnderstand for lack of knowledg of that tongue, the said ambassadour hath delivered to vs in certen other writings both in the Romane tongue and in the Italian, which are sayd to be the trew translations of the said lettres in the Russian tongue: both which (wrytyngs) we do well vnderstand and therby do

conceave that the said writings are devised only as a forme of such a league and confederation, as you—our deare brother emperour — wold have with vs for a mutuall streight amity: whervpon we have with good deliberation resolved to accept in most friendly manner this the offer of the good will of so mighty a prince, and to contract amity with yow the said emperour, so farr furth as the treaties and confederations which we have had of long time and receaved by succession of our progenitors kings of England (and do yet continew) with ether Christian princes emperours kinges and potentats may *any wise* permitt vs. And in consideration of your the said mighty emperours favour shewd to our *loving* subjects trading your contreys for merchandize and *specially* in respect of your further — inward and secret *)—disposition which by sundry good meanes we are informed ye beare towards vs: we are pleased to contract with yow—emperour and great duke—as followeth with the same words as nere as we may, as we find conteyned in your highnes writings *as they ar translated*.

We enter into a frendly and sisterly league to continew for ever with yow—great Lord and Emperour—as a mighty prince and our deare brother Emperour Lord and great Duke of all Russia. Which league we will so observe and kepe forever, as to bind ourselves with our *mvtuall and* commen forces to *withstand and* offend all such as shalbe commen enemies to vs both and to defend both our princely honours the estate of our realmes and contreys and to help ayde and favour eache of vs the other with mutuall helpes and aydes against our commen enemies as farrfurth as the effect of these our lettres shall stretche.

Here follow in the primitive draught the whole contents of the secret letter given under № 26, from the words „And *if at any time yt so mishappe*“ etc.

(And we will not ayde comefort or suffer any parson or potentate to offend you or your contreys, that we may to our power and by justice with reason stay or impeache).

*) These words have been erased.

(Further more yowr highnes shall vnderstand that) your ambassadour Andrea Gregorivich (hath bene with vs) at sundry times (and) by his behaviour and discrete vsage of himself, wee do think yow the emperour and great duke, have made a very good choice of him as well for the wisdome we perceave to be in him, as for the reverence care and duty he beareth vnto your highnes and to the conservacion of your highnes estate and honour, and in all things which he hath communicated to vs, we trust by our answers he hath receaved good satisfaction.

Wherfore we meane not to inlarg our lettres any furder, but do give your highnes our harty thankes for the priviledge which your highnes have granted to our trusty and welbeloved subiects S-r Will-m Garrard knight and his company, being parsons whom we singulerly do esteme, dowting not but your contreys and people shall by ther resort into the same receave great profitt and estimation.

And according to your highnes ambassadors most ernest desires and that only for the love and regard we have to shew your highnes pleasour in your request, we have ben content to license Thomas Glover to returne vpon his othe and bond that he shall mak full payment to our said merchants of such things as by his accompt he hath confessed to be due to them, dowting not but your highnes will of your honour and for love of justice cawse him so to do.

And we most ernestly requier you to give furder order that Raff Rutter, Chrestofer Bennett, John Chappell, Francs Byrkett and such others englishmen as our said subiects S-r W-m Garrard and his company shall by name requier, maybe safely delivered to be sent into these our contreys as of naturall duty they are bound, who (notwithstandyng ther faults) shall find such favour and mercy at our hands as shalbe reasonably by you required that with our honour we may grant.

And further we requier your highnes to permitt such other honest englishmen our subiects as came over thether of good will and have ben stayed in your service, and are (now very)

desirous to returne, that they may with your highnes favour come home hither into there native contrey, where they have their wives and children. (Who do dayly mak request to vs for the same purposes). And in so doing your (highnes) shall minister good cawse for many others of like quallities to repaire thether to serve your highnes being such as we know you will for their coming and knowledg much esteme when they shall come:

And so wishing that this intelligence (and amyty betwixt vs twoe maye have long contynvacon and the) mutuall trade betwixt (our subiects) the people of both our contreys may hereafter encrease to both our contentations and (spesially) to the honour of Almighty God, who hath ordeyned and chosen kings and princes to employ their (whole) cares to governe and defend the people of God committed to their charg in peace welth and tranquillity for his honour and service. we commit you to the tuition of the same Almighty God.

Given at our honour of Hamptoncourte the xviij-th day of the moneth of may in the xij-th yere of owr reign and in the yere of our lord one thousand fyve hundred threescore and tenne.

№ 25. — 1570 Мая 18.

Елисавета Царю.

Извѣстились мы, царь и великій князь, добрый братъ нашъ, сперва по донесенію нашего вѣрнаго слуги Антона Дженкинсона, котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ посылали мы къ вамъ, царю, а нынѣ отъ вашего посланника благороднаго Андрея Григорьевича Совина и при немъ дьяка вашего Савостьянова, которыхъ вы прислали къ намъ въ качествѣ посланниковъ вашего выс-ва вмѣстѣ съ нашимъ послѣднимъ посланникомъ Ѳомою Рандольфомъ, что вы, сказанный царь, усердно желаете вступить съ нами въ тѣсный дружественный союзъ; по этому поводу сказанный Андрей Григорьевичъ

представилъ намъ нѣкоторыя писанія на Русскомъ языкѣ; но какъ, по незнанію этого языка, мы не могли ихъ уразумѣть, сказанный посланникъ представилъ намъ нѣкоторыя другія писанія на Римскомъ языкѣ и на Итальянскомъ, сказавъ, что это вѣрные переводы тѣхъ писанныхъ по Русски писемъ; оба эти писанія мы хорошо выразумѣли и понимаемъ, что они предложены лишь какъ образецъ такого договора и союза, каковой вы— нашъ любезный братъ царь—желаете заключить для нашего взаимнаго тѣснаго дружества.—По этому мы, по здравомъ разсужденіи, рѣшили самымъ дружескимъ образомъ принять доброжелательство столь могущественнаго государя и заключить дружество съ вами, сказаннымъ царемъ, въ той мѣрѣ, какую дозволятъ тѣ договоры и тѣ союзы, которые уже давно нами заключены и унаслѣдованы нами отъ нашихъ предковъ, королей Англійскихъ, и которые доселѣ содержатся съ разными христіанскими государями, императорами, королями и властителями.—И во уваженіе милости, оказанной вами, могущественный царь, нашимъ любезнымъ подданнымъ, ведущимъ торгъ товарами съ вашими странами, въ особенности же во вниманіе того добраго расположенія, которое вы къ намъ питаете, какъ свидѣтельствуютъ намъ разные добрые поступки:—мы соизволяемъ заключить съ вами— царь и вел. князь—слѣдующій договоръ, держась въ немъ какъ можно ближе тѣхъ самыхъ словъ, какія мы нашли въ письмахъ вашего выс-ва, какъ они переведены.

Мы вступаемъ въ *дружественный и сестринный союзъ, которому продолжаться на вѣчныя времена съ вами, великій господинъ и царь, какъ съ могущественнымъ государемъ и любезнымъ братомъ нашимъ,* царемъ, господиномъ и вел. княземъ всея Россіи. Союзъ этотъ мы будемъ соблюдать и содержать на вѣки такъ, что обязуемся нашими обоюдными и общими силами противустоять противъ и нападать на всѣхъ, которые будутъ общими врагами намъ обоимъ; и защищать обоюдно нашу государскую честь, благосостояніе нашихъ государствъ и странъ и помогать, пособлять и благопріятствовать одинъ другому нашими взаимными помощію и пособіемъ противъ нашихъ общихъ недруговъ въ той мѣрѣ какъ установляется сею нашею грамотою.—И мы не будемъ помогать, пособлять или допускать, чтобы какое либо

лицо или властитель вредилъ вамъ или вашимъ странамъ, въ той мѣрѣ какъ по возможности или по справедливости намъ можно будетъ благоразумно сему воспрепятствовать или сіе отвратить.

Кромѣ того да будетъ извѣстно вашему выс-ву, что вашъ посланникъ Андрей Григорьевичъ нѣсколько разъ былъ у насъ и по его обращенію и разумному поведенію, мы думаемъ, что вы, царь и вел. князь, сдѣлали въ немъ весьма хорошій выборъ какъ по мудрости, которую мы въ немъ усматриваемъ такъ и по почтенію, старанію и преданности, которыя онъ оказываетъ къ вашему выс-ву и къ охраненію достоинства и чести вашего выс-ва: и надѣемся, что онъ получилъ удовлетвореніе нашими отвѣтами по всѣмъ дѣламъ, которыя онъ намъ сообщилъ.

А потому мы не хотимъ распространять далѣе нашу грамоту, но приносимъ вашему выс-ву наше сердечное благодареніе за грамоту, которую ваше выс-во пожаловали нашимъ вѣрнымъ и любезнымъ подданнымъ сэру Вилліаму Гаррарду и его товарищамъ, такъ какъ мы особенно уважаемъ сихъ лицъ и не сомнѣваемся, что вашимъ странамъ и народамъ будетъ много выгоды и пользы отъ ихъ пріѣздовъ.

Также согласно настоятельному желанію посланника вашего выс-ва и только лишь изъ удовольствія доказать нашу любовь и уваженіе вашему выс-ву въ удовлетвореніи вашей просьбы, мы дозволили Ѳомѣ Гловеру возвратиться въ Россію, взявъ съ него присягу и обязательство, что онъ учинитъ нашимъ сказаннымъ купцамъ полную уплату за тѣ предметы, которые, какъ онъ сознался по своему отчету, имъ слѣдовали; при чемъ не сомнѣваемся, что ваше выс-во для своей чести и по любви къ справедливости заставите его это исполнить.

Также настоятельно просимъ васъ повелѣть чтобы Ральфъ Рюттеръ, Христофоръ Беннетъ, Иванъ Чаппель, Францискъ Биркетъ и иные Англичане, которыхъ сказанные наши подданные сэръ Вилліамъ Гаррардъ и его сотоварищи будутъ поименно требовать, были благонадежно выданы для отправленія сюда въ наши страны, какъ они обязаны по долгу своей природы, и имъ будетъ, не смотря на ихъ вины, оказано отъ насъ такое снисхожденіе и помилованіе, какихъ вы по благоразумію

найдете возможнымъ для нихъ просить, а мы найдемъ согласнымъ съ нашей честію имъ оказать.

Далѣе просимъ мы ваше выс-во разрѣшить тѣмъ честнымъ Англичанамъ нашимъ подданнымъ, которые, добровольно прибывъ въ Россію, были задержаны на вашей службѣ и теперь весьма желаютъ возвратиться домой, сюда, въ свое отечество, гдѣ у нихъ жены и дѣти, которыя ежедневно просятъ насъ о томъ же. Исполненіемъ сего ваше выс-во окажете доброе поощреніе многимъ другимъ, имѣющимъ одинаковыя качества, ѣхать въ Россію служить вашему выс-ву, а мы знаемъ, что эти люди, когда они пріѣдутъ, заслужатъ благодарность за свое прибытіе и за свои познанія.

Засимъ желаемъ, чтобы это доброе согласіе и дружество между нами двумя имѣли бы долгое продолженіе и чтобы обоюдная торговля между нашими подданными, народами обѣихъ нашихъ странъ въ послѣдствіи увеличилась къ удовольствію насъ обоихъ и въ особенности къ славѣ Всемогущаго Бога, который повелѣлъ и указалъ королямъ и государямъ прилагать всѣ свои заботы на управленіе и защиту Богомъ ввѣренныхъ имъ народовъ въ мирѣ, благоденствіи и спокойствіи, Ему на хвалу и служеніе. — Поручаемъ васъ охранѣ сего самаго Бога Всемогущаго.

Дана въ нашемъ королевскомъ замкѣ Гамптонъ Кортѣ, 18-го мая, въ 12-й годъ нашего королевствованія и Господа нашего въ 1570-й.

№ 26. — 1570 May 18.

Maij 1570. — The coppie of the Q-s Ma-ties Lettres to the Emperour of Russia.

When wee have by other our lettres deliuered to your highnes ambassadour the noble person Andrew Gregriwiche Saviena made aunswere to the greatest part of such messages and lettres as the said ambassador declared and brought to vs, wee haue thought good in some secreite manner to send

your highnes for a manifest and certaine token of our good will to your highnes estate and suertye: this our secrit lettre wherevnto none are privie besides our selfe, but our most secreite councell, wee doe so regard the suertie of you the Emperour and great Duke, as wee offer that *yf at anie time* it so mishappe that you L. our brother Emperour and great Duke, bee by anie casuall chaunce either of secrite conspiracie or outward hostillitie driven to change your countries and shall like to repaire into our kingdome and dominions, with the noble empresse your wife and youre deare children the princes, wee shall with such honors and curtesies receive and intreate your highnes then, as shall become so great a prince and shall earnestlie endeavour to make all thinges fall out accordinge to your ma-ties desire, to the free and quiett breedinge of your highnes life, with all those whom you shall bringe with you: and that it maie be lawfull for you the Emperour and great Duke to vse your Christian religeon in such sorte, as it shall like you: for nether meane wee to attempt anie thinge to offend either your ma-tie or anie of your people nor intermeddle anie waies with your highnes faith and religion, nor yet to severre your highnes houshold from you or to suffer anie of yours to be taken from you by violence.

Besides wee shall appointe you the Emperour and great Duke a place in our kingdom fitt vppon your owne charge, as longe as ye shall like to remaine with vs.

And yf it shall seeme good vnto you the Emperour and great Duke, to depart from our countries, wee shall suffer you with all yours quietlie to depart either into your empire of Muscovia, or els whither it shall best like you to passe through our dominions and countries. Neither shall wee anie waie lett or staie you, but with all offices and curtisies let you our deare brother Emperour and great Duke passe into your countrie or els where at your pleasure.

This wee promise by virtue of these our lettres and by the word of a Christian Prince, in wittness whereof and for the further fortificacon of this our lettre. Wee Q. Elizabethe doe

subscribe this with our owne hand in the presence of these our nobles and councellors.

Nicholas Bacon knight great Chauncellor of our Realme of England.

W-m L. Parr L. marques of Northampton knight of our order of the garter.

Henrie Earle of Arundell knight of our said order.

Fraunсis L. Russell Earle of Bedford knight of our said order.

Robert Dudley L. of Derbigh Earle of Lecester m-r of our horse and knight of the same order.

Edward L. Cleaton and Say Lord Admirall of England and knight of our said order.

W-m L. Howard of Effeingham L. Chamberlayne and knight of the same order.

Ffrauncis Knolles knight Treaserour of our howse.

James Croft knight Comptroller of our said howse.

W-m Cicill knight our Principall Secretarie.

and haue also thereto hanged our privie seale, promisinge that wee against our common enimies shall with one accord fight with our common forces and doe euerie and singuler things menconed in this writinge, as longe as God shall lend vs liffe, and that by the word and faithe of a Prince.

Given at our honor of Hampton Court the xviij-th daie of the moneth of Maie in the xij-th yere of our Reigne, and in the yere of our lord one Thousand five hundred threescore and Tenne.

The contemporary Russian translation of this document bears the following inscription:

«This writinge in the Russian tongue is affirmed by Daniell Silvester Englishman, the interpretor of the ambassador of the Emperore of Russia, being sworne upon his othe to be the trew copie of the letter, whiche is written in the Englishe tongue by the Queenes Maiestie of England.»

№ 26. — 1570 Мая 18.

Елисавета Царю.

Отвѣтивъ въ другой грамотѣ, отданной посланнику вашего выс-ва благородному Андрею Григорьевичу Совину, на большую часть порученій изустныхъ и письменныхъ, привезенныхъ и объявленныхъ намъ тѣмъ посланникомъ, мы сочли за благо, во изъявленіе нашего доброжелательства къ благосостоянію и къ безопасности вашего выс-ва, отправить къ вашему выс-ву сію нашу тайную грамоту, о которой кромѣ насъ самихъ вѣдомо только самому тайному нашему совѣту.—Мы столь заботимся о безопасности вашей, царь и вел. князь, что предлагаемъ, чтобы — если бы когда либо постигла васъ, господинъ братъ нашъ царь и вел. князь, такая несчастная случайность, по тайному ли заговору, по внѣшней ли враждѣ, что вы будете вынуждены покинуть ваши страны и пожелаете прибыть въ наше королевство и въ наши владѣнія, съ благородною царицею, супругою вашею, и съ вашими любезными дѣтьми, князьями,—мы примемъ и будемъ содержать ваше выс-во съ такими почестями и учтивостями, какія приличествуютъ столь великому государю, и будемъ усердно стараться все устроить въ угодность желанію вашего вел-ва, къ свободному и спокойному провожденію жизни вашего выс-ва со всѣми тѣми, которыхъ вы съ собою привезете; вамъ, царь и вел. князь, предоставлено будетъ исполнять Христіанскій законъ какъ вамъ будетъ угодно; и мы не посягнемъ ни въ какомъ отношеніи на оскорбленіе вашего вел-ва или кого либо изъ вашихъ подданныхъ, не окажемъ никакого вмѣшательства въ вѣру и въ законъ вашего выс-ва, ниже отлучимъ ваше выс-во отъ вашихъ домочадцевъ или допустимъ насильное отнятіе отъ васъ кого либо изъ вашихъ.

Сверхъ того мы назначимъ вамъ, царь и вел. князь, въ нашемъ королевствѣ мѣсто для содержанія на вашемъ собственномъ счетѣ на все время пока вамъ будетъ угодно оставаться у насъ.

Если же вы, царь и вел. князь, признаете за благо отъѣхать изъ нашихъ странъ, мы предоставимъ вамъ со всѣми вашими отъ-

ѣхать въ ваше ли Московское царство, или въ иное мѣсто, куда вы признаете за лучшее проѣхать чрезъ наши владѣнія и страны. Мы не будемъ никоимъ образомъ останавливать и задерживать васъ, но со всякими пособіями и угожденіями дадимъ вамъ, любезный нашъ братъ царь и вел. князь, пропускъ въ ваши страны или въ иное мѣсто по вашему благоусмотрѣнію.

Обѣщаемъ сіе по силѣ сей грамоты и словомъ Христіанскаго Государя, во свидѣтельство чего и въ большее укрѣпленіе сей нашей грамоты, мы корол. Елисавета подписываемъ оную собственною нашею рукою въ присутствіи нижепоименованныхъ вельможъ нашихъ и совѣтниковъ:

Николая Бэкона, *кавалера* *), великаго канцлера нашего королевства Англіи;

Вильяма лорда Парра, лорда маркиза Норсгемптонскаго, кавалера нашего ордена Подвязки;

Генриха графа Аронделя, кавалера нашего сказаннаго ордена;

Франциска лорда Росселя, графа Бедфордскаго, кавалера нашего сказаннаго ордена;

Роберта Дёдлея, лорда Денби, графа Лестерскаго, нашего конюшаго и кавалера того же ордена;

Эдуарда лорда Клитона и Сея, лорда адмирала и кавалера нашего сказаннаго ордена;

Вильяма лорда Гоуарда Эффингемскаго, лорда камергера и кавалера того же ордена;

Франциска Ноллеса, *кавалера* *), казначея нашего двора;

Якова Крофта, *кавалера* *), контролера сказаннаго двора;

Вильяма Сесиля, *кавалера* *), нашего главнаго секретаря; и привѣсили къ оной нашу малую печать, обѣщаясь, что мы будемъ единодушно сражаться нашими общими силами противу нашихъ общихъ враговъ и будемъ исполнять всякую и отдѣльно каждую изъ статей, упоминаемыхъ въ семъ писаніи, дотолѣ пока Богъ даруетъ намъ жизнь; и сіе государскимъ словомъ обѣщаемъ.

---

*) Слово *кавалеръ* (knight. собственно *рыцарь*) безъ означенія *ордена Подвязки*, давалъ право прибавлять носившему его — титулъ *сэръ* передъ своимъ именемъ, какъ то: *сэръ* Николай Бэконъ, *сэръ* Францискъ Ноллесъ, *сэръ* Яковъ Крофтъ, *сэръ* Вильямъ Сесиль (въ послѣдствіи лордъ Бёрлей).

Дана въ нашемъ замкѣ Гэмптонъ-Кортѣ 18-го дня мѣсяца Мая, въ 12-й годъ нашего королевствованія и въ лѣто Господа нашего тысяча пятьсотъ семидесятое.

На современномъ Русскомъ переводѣ этой грамоты, подписано по Англійски:

«Даніилъ Сильвестеръ, Англичанинъ, толмачъ послапника царя Русскаго, по приводѣ къ присягѣ, клятвенно удостовѣрилъ, что это писаніе па Русскомъ языкѣ есть точный переводъ письма, написаннаго на Англійскомъ языкѣ ея величествомъ королевной Англійской.»

№ 27. — 1570 Iuly 15.

The copy of a letter sent to the Emperour of Moscouie, by Christopher Hodsdon and William Burrough, anno 1570.

Most mightie emperour, etc. Whereas Sir William Garrard and his felowship the company of English merchants, this last winter sent hither to the Narue three ships laden with merchandise, which was left here, and with it Christopher Hodsdon one of the sayd felowship, and their chiefe doer in this place, who when hee came first hither, and vntill such time as hee had dispatched those ships from hence, was in hope of goods to lade twelue or thirteene sailes of good ships, against this shipping, wherefore he wrote vnto the sayd sir William Garrard and his companie to send hither this spring the sayd number of thirteene ships. And because that in their comming hither wee found the freebooters on the sea, and supposing this yeere that they would be very strong, he therefore gaue the said sir William and his companie aduise to furnish the sayd number of ships so strongly, as they should bee able to withstand the force of the freebooters: whereupon they haue according to his aduice sent this yeere thirteene ships together well furnished with men and munition, and all other necessaries for the warres, of which 13 ships William Burrough one of the said felowship is captaine generall, vnto whom

there was giuen in charge, that if hee met with any the Danske freebooters or whatsoeuer robbers and theeues that are enimies to your highnesse, he should doe his best to apprehend and take them. It so hapned that the tenth day of this moneth the sayd William with his fleete, met with sixe ships of the freebooters neere vnto an island called Tuttee, which is about 50 versts from Narue, vnto which freebooters he with his fleete gaue chase, and tooke of them the admirall, wherein were left but three men, the rest were fled to shore in their boats amongst the woods vpon Tuttee, on which ship he set fire and burnt her. He also tooke foure more of those ships which are now here, and one ship escaped him: out of which foure ships some of the men fled in their boates and so escaped, others were slaine in fight, and some of them when they saw they could not escape, cast themselues willingly into the sea and were drowned. So that in these fiue ships were left but 83 men.

The said Wil. Borough when he came hither to Narue, finding here Christopher Hodsdon aforenamed, both the said Christopher and William together, in the name of sir William Garrard and the rest of their whole companie and felowship, did present vnto your highnesse of those freebooters taken by our ships 82 men, which we deliuered here vnto Knez Voiuoda,*) the 13 of this moneth. One man of those freebooters we haue kept by vs, whose name is Haunce Snarke a captaine. And the cause why we haue done it is this; when wee should haue deliuered him with the rest of his felowes vnto the voiuodaes officers, there were of our Englishmen more then 50 which fell on their knees vnto vs, requesting that he might be reserued in the ship, and caried back into England: and the cause why they so earnestly intreated for him, is, that some of those our Englishmen had bene taken with freebooters, and by his meanes had their lieues saued, with great fauour besides, which they found at his hands. Wherefore if it please your highnesse to permit it, we will cary him home with vs into England, wherein

*) i. e. Prince Governor.

we request your ma-ties fauour: notwithstanding what you command of him shalbe obserued.

We haue also sent our seruant to your highnesse with such bestellings *) and writings as wee found in those shippes: whereby your ma-tie may see by whom, and in what order they were set out, and what they pretended, which writings wee haue commended vnto Knez Yoriue your ma-ties Voiuoda at Plesco, by our seruant. And haue requested his furtherance for the safe deliuerie of them to your ma-ties hands: which writings when you haue perused we desire that they may be returned vnto vs by this our seruant, as speedily as may bee: for these ships which we now haue here will be soone dispatched from hence, for that we haue not goods to lade aboue the halfe of them. And the cause is, we haue this winter (by your ma-ties order) bene kept from traffiquing, to the companies great losse. But hoping your ma-tie will hereafter haue consideration thereof, and that we may haue free libertie to trafique in all partes of your ma-ties countries, according to the priuiledge giuen vnto vs, we pray for your ma-ties health, with prosperous successe to the pleasure of God. From Narue the 15 of Iuly, anno 1570.

Your Maiesties most humble and obedient,
Christopher Hodsdon. William Borough.

№ 27. — 1570 Іюл. 15.

Письмо посланное къ Московскому царю Христофоромъ Годсдономъ и Вильямомъ Бёрроу.

Могущественнѣйшій царь и проч.

Сэръ Вильямъ Гаррардъ съ своимъ товариществомъ Англійскихъ купцовъ прошлою зимою прислали сюда въ Нарву три корабля, нагруженные товарами, которые были здѣсь остав-

*) *Commissions?* from the German word zu bestellen *to order, to bespeak.*

лены и при нихъ Христофоръ Годсдонъ одинъ изъ того товарищества и главный ихъ распорядитель въ этомъ мѣстѣ: какъ только онъ сюда пріѣхалъ и до тѣхъ поръ пока отправилъ тѣ корабли отсюда, онъ расчитывалъ на грузъ товаровъ для двѣнадцати или тринадцати кораблей ко времени нынѣшняго плаванія; а потому онъ и писалъ къ сказанному сэру Вилльяму Гаррарду съ товарищи, чтобы они прислали сюда весною 13-ть кораблей. А такъ какъ въ плаваніи нашемъ сюда намъ попадали разбойники, то, предполагая что въ нынѣшнемъ году они будутъ въ большой силѣ, онъ совѣтывалъ сэру Вильяму и его товариществу такъ сильно вооружить означенное число кораблей, чтобы они могли противостать силѣ каперовъ. Потому они, согласно съ его совѣтомъ, прислали въ нынѣшнемъ году 13 хорошихъ кораблей хорошо снабженныхъ людьми и боевыми припасами и всѣмъ нужнымъ для войны; главнымъ начальникомъ надъ тѣми 13 кораблями былъ назначенъ Вильямъ Бёрроу одинъ изъ товарищества, коему было поручено, если онъ встрѣтитъ котораго либо изъ Гданскихъ каперовъ, или какихъ бы то ни было разбойниковъ или воровъ, непріятелей вашего выс-ва, всѣми силами стараться захватить и забрать ихъ. Случилось же такъ, что 10-го числа сего мѣсяца сказанный Вильямъ съ своею флотиліею встрѣтилъ шесть каперовъ близъ острова, именуемаго Тютти *(Тютерсъ?)*, который лежитъ верстахъ въ 50-ти отъ Нарвы; онъ погнался за ними съ своею флотиліею, взялъ ихъ адмиральскій корабль, на которомъ оставалось всего три человѣка, а остальные уплыли на лодкахъ на берегъ и скрылись въ лѣсахъ на Тютти; затѣмъ Вильямъ сжегъ корабль.— Онъ взялъ еще четыре корабля, которые теперь здѣсь, а одинъ корабль ушелъ отъ его погони; нѣкоторые изъ людей уплыли на лодкахъ и такъ спаслись бѣгствомъ, другіе были убиты въ бою, а нѣкоторые, видя, что не могутъ бѣжать, сами бросились въ море и утонули; такъ, что на этихъ пяти корабляхъ оставалось всего 83 человѣка.

Когда Вил. Бёрроу прибылъ сюда въ Нарву, онъ нашелъ вышеупомянутаго Христофора Годсдона, и оба они, Христофоръ и Вильямъ, отъ имени сэра Вильяма Гаррарда и всего остальнаго товарищества, привели 82 человѣка изъ тѣхъ взя-

тыхъ нашими кораблями морскихъ разбойниковъ, въ даръ вашему выс-ву и 13 числа сего мѣсяца передали ихъ князю-воеводѣ. Одного изъ этихъ разбойниковъ, шкипера по имени Гансъ Спаркъ, мы удержали у себя; а причина тому слѣдующая: когда мы собирались передать его вмѣстѣ съ его товарищами воеводскимъ приказнымъ, то бывшіе при этомъ наши Англичане, числомъ болѣе 50, бросились передъ нами на колѣни, прося насъ оставить его на кораблѣ и отвезти въ Англію; причина же, почему они такъ усердно за него просили, была та, что нѣкоторые изъ этихъ нашихъ Англичанъ были взяты разбойниками въ плѣнъ и онъ имъ не только спасъ жизнь, но еще оказалъ великую ласку. А потому если ваше выс-во благоволитъ сіе дозволить, мы отвеземъ его съ собою домой въ Англію; на что мы испрашиваемъ милости вашего вел-ва; впрочемъ что вы повелите то и будетъ исполнено.

Мы также послали вашему выс-ву слугу нашего съ наказами и письмами, найденными на тѣхъ корабляхъ, изъ коихъ ваше вел-во можете усмотрѣть кѣмъ и въ какомъ порядкѣ они были снаряжены и какая была ихъ цѣль: и тѣ письма мы, чрезъ нашего слугу, поручили Князю Юрію, воеводѣ вашего вел-ва во Псковѣ; и просили о вѣрной передачѣ ихъ въ руки вашего вел-ва. Когда вы изволите прочесть тѣ письма, мы желаемъ, чтобы они были возвращены намъ черезъ того нашего слугу, сколь возможно скорѣе; ибо тѣ корабли, которые у насъ здѣсь, будутъ скоро отсюда отправлены, такъ какъ у насъ нѣтъ груза товаровъ болѣе какъ на половину ихъ. Причина же та, что нынѣшнею зимою, по указу вашего вел-ва, намъ не дали торга, къ великому ущербу товарищества. Но надѣясь, что потомъ, ваше вел-во примете сіе въ уваженіе, и что намъ разрѣшено будетъ свободно и повольно торговать во всѣхъ странахъ вашего вел-ва, согласно даннымъ намъ привилегіямъ, мы молимъ милосердіе Божіе о здравіи и благополучномъ поспѣшеніи вашего величества.

Изъ Нарвы, 15-го Іюля 1570 года.

Вашего Величества покорнѣйшіе и послушнѣйшіе

Христофоръ Годсдонъ, Вильямъ Бёрроу.

№ 28. — 1570 Окт. 24.

Царь Елисаветѣ.

Что преже сего нѣ в которое время братъ твой Едвартъ корол нѣкоторых людеи своих на имя Рыцерта *) послал нѣкоторыхъ для потреб по всему миру мѣстом и писал ко всѣмъ королем и царем и княземъ і властодержцомъ и мѣстоблюстителем. А къ намъ ни одного слова на имя не было. И тѣ брата твоего люди Рыцертъ с товарыщи не вѣдаемъ которымъ обычаемъ волею или неволею пристали к пристанищу к морскому в нашемъ града *(такъ!)* Двины. И мы и туто какъ подобаетъ государемъ христьянскимъ милостивно учинили ихъ в чести принели и в своих в государских в нарядных столѣх ихъ своимъ жалованьемъ упокоили — — — брату твоему отпустили. И от того от брату твоего приѣхали къ нам тот же Рыцертъ Рыцертов, да Рыцертъ Грай. **) И мы и тѣхъ также пожаловали с честью отпустили. И после того приѣхали к намъ от брата от твоего Рыцертъ Рыцертовъ И мы послали къ брату твоему своего посланника Осиѳа Григорьевича Непею. А гостемъ брата твоего і всѣмъ Аглинскимъ людемъ жаловалную свою грамоту дали такову свободну какова и нашимъ людемъ торговым не живет свободна а чаяли есмя то что от брата вашего и от вас великие дружбы и от всѣхъ Аглинских людеи службы і в кото — — — пору послали есмя своего посланника і в тѣ поры брата твоего Едварта короля не стало а учинилася на государстве сестра твоя Мария. И после того пошла за Ишпанского короля за Ѳилипа. И Ишпанской корол Ѳилип и сестра твоя Марья посланника нашего приняли с честью и к намъ отпустили а дѣла с нимъ никоторого не приказали; а в тѣ поры наши Аглинские гости почали многие лукавства дѣлати над нашими гостьми и товары свои почали дорого продавати что чего не стоит. А после того учинилося нам вѣдомо что сестры твоеи Марьи королевны не стало а Ѳилипа короля Ишпанского Аглинские люди с королевства сослали а тебя учинили на

*) Ричардъ Ченслеръ. **) Ричардъ Грей.

королевстве. И мы и тутъ твоимъ гостемъ не учинили никоторые тесноты а велѣли имъ по первому торговати.

А сколько грамот и приходило по ся мѣста а ни у одной грамоты чтобы печат была одна У всѣх грамотъ печати розные И то не государскимъ обычаемъ а такимъ грамотам во всѣх государьствах неверят. У государея въ государстве живет печат одна. И мы и тутъ вашимъ грамотамъ всѣмъ вѣрили и по тѣмъ грамотам дѣлали.

И после того прислала еси к намъ своего посланника Онтона Янкина *) о торговыхъ дѣлех И мы чаючи того что он у тебя в жалованье его есмя привели х правде да и другого твоего торгового человѣка Раѳа Иванова **) для толмачства потому что было в такомъ великомъ дѣле толмачити нѣкому и приказывали есмя с нимъ к тебѣ словом свои великие дѣла тайные А от тебя хотячи любви А тебѣ было къ намъ прислати своего ближнего человѣка да Онтона ж с нимъ или б одного Онтона прислала И намъ то не вѣдомо донес ли тѣ рѣчи до тебя Онтонъ или не донес А про Онтона года с полтора вѣдомо не было А от тебя к намъ посланникъ ни посол никаков не бывал. А мы для того дѣла твоимъ гостем дали другую свою жаловальную грамоту А чаяли есмя того что тѣ гости у тебя въ жалованье И мы того для имъ свое жалованье свыше учинили.

И после того намъ учинилося вѣдомо что твои человѣкъ Аглинецъ приѣхалъ на Ругодивъ Едваръ Гудыван ***) и съ нимъ многие грамоты И мы велѣли спросити о Онтоне И он о Онтоне вѣдома никоторого не учинил А нашимъ посланникомъ которые были у него приставлены многие невѣжливые слова говорил И мы велѣли у него обыскати грамот И у него многие грамоты выняли і въ тѣх грамотах про наше государьское имя и про наше государьство со укоризною писано и многи вѣсти неподобные писаны что будто в нашемъ царстве неподобные дѣла дѣлаютца И мы его и тут пожаловали велѣли с честью подержати докуды от тебя о тѣх рѣчех которые есмя приказывали с Онтономъ от тебя вѣдомо будет.

*) Антонъ Дженкинсонъ. **) Ральфъ Рюттеръ. ***) Эдуардъ Гудманъ.

И после того приѣхал от тебя к нам посланникъ на Ругодив Юрьи Милдентов *) о торговых дѣлех И мы его велѣли спрашивати про Онтона про Янкина бывал ли он у тебя и как ему от тебя к намъ быти И посланникъ твой Юрьи дѣла никоторого не сказал и нашим посланником и Онтону лаял И мы его также велѣли подержати докуды от тебя намъ про Онтоновы рѣчи вѣдомо будет.

И после того намъ учинилося вѣдомо што от тебя пришел посол на Двинское пристанищо Томос Ронделеъ **) И мы к нему послали с своимъ жалованьемъ сына боярского и велѣли ему быти у него въ приставех и честь есмя учинили ему великую А велѣли есмя его спросити ест ли с ним Онтон И он нашему сыну боярскому не сказал ничего А Онтон с нимъ не пришол И почал говорити о мужитцких о торговых дѣлех и приѣхал к нам в наше государьство И мы к нему посылали многожды чтоб он с нашими бояры о томъ известился ест ли с нимъ приказ от тебя о тѣх рѣчех что мы к тебѣ с Онтономъ приказывали. И он уродственымъ обычаемъ не пошел. А жалобы писал на Томоса да на Раѳа *) да о иных о торговых дѣлех писал, а наши государьские дѣла положил в бездѣлье И потому посол твой замешкал у нас быти. А после того пришло божье посланье повѣтрее и ему было у нас невозможно быти. И как время пришло и божье посланье минулось повѣтрее и мы ему велѣли свои очи видети. И он намъ говорил о торговых же дѣлех. И мы къ нему высылали боярина своего и намѣстника Вологотцкого князя Оѳонасья Івановича Вяземского да печатника своего Івана Михаилова да дьяка Ондрѣя Васильева А велѣли есмя его спросити о том ест ли за нимъ тот приказ что есмя к тебѣ приказывали с Онтономъ И он сказал что за нимъ тот приказ есть же. И мы по тому к нему жалованье свое великое учинили. И после того у нас и наединѣ был. И он о тѣх же о мужитцких о торговых дѣлех говорил да и тѣ дѣла намъ изредка сказал же. И намъ в то время поѣздъ лучился в нашу отчину на Вологду. И мы велѣли твоему послу Томосу за собою ж ѣхати. И тамъ на Во-

*) Георгъ Мидльтонъ. **) Ѳома Рандольфъ.

логде высылали есмя к нему боярина своего князя Оѳонасья Івановича Вяземского да дьяка своего Петра Григорьева и велѣли есмя с нимъ говорити какъ тѣмъ дѣломъ промеж нас пригоже быти. И посол твои Томос Рондолоъ говорил о торговом же дѣле и одва его уговорили. И о тѣхъ дѣлех говорили И приговорили о тѣх дѣлех какъ тѣмъ дѣлом пригож меж нас быти да и грамоты пописали и печати есмя к тѣмъ грамотамъ привѣсили. А тебѣ было будет тебѣ любо то дѣло таково ж грамоты пописати и послов своих к намъ прислати добрых людей да и Онтона Янкина с ними было прислати ж. А Онтона мы просили для того что хотѣли есмя его о томъ роспросити. донес ли он тѣ рѣчи которые есмя к тебѣ с нимъ приказывали любы ли тебѣ тѣ дѣла и что о тѣх дѣлех твой промыслъ. I вмѣстѣ есмя с твоимъ посломъ послали своего посла Ондрѣя Григоревича Совина.

И ныне ты къ намъ отпустила нашего посла, а съ нимъ еси к намъ своего посла не прислала. А наше дѣло здѣлала еси не по тому какъ посол твой приговорилъ. А грамоту еси прислала обычную какъ проѣжжую. А такие великие дѣла без крепостей не дѣлаютца и без послов. А ты то дѣло отложила на сторону а дѣлали с нашимъ посломъ твои бояре все о торговыхъ дѣлех а владѣли всѣмъ дѣломъ твои гости сертъ Ульян Гарит да сертъ Ульянъ Честер *). И мы чаяли того что ты на своемъ государьстве государыня и сама владѣеш и своей государьской чести смотриш и своему государству прибытка И мы потому такие дѣла и хотѣли с тобою дѣлати. Ажно у тебя мимо тебя люди владѣют и не токмо люди но мужики торговые и о нашихъ о государскихъ головах и о честех и о землях прибытка не смотрят а ищут своих торговых прибытковъ А ты пребываеш въ своемъ девическомъ чину какъ есть пошлая **) девица. А что которой будет хотя і в нашемъ дѣле был да намъ изменил и тому было вѣрити не пригож.

И коли уж такъ и мы тѣ дѣла отставим на сторону. А мужики торговые которые отставили наши государские головы и

*) сэръ Вильямъ Гаррардъ и сэръ Вильямъ Честеръ.
**) т. е. истинная, настоящая.

нашу государскую честь и нашимъ землямъ прибытокъ а смотрят своихъ торговых дѣлъ и они посмотрят какъ учнутъ торговати. А Московское государьство покамѣсто без Аглинских товаровъ не скудно было. А грамоту б еси которую есмя к тебѣ послали о торговомъ дѣле прислала къ нам Хотя к намъ тоѣ грамоты и не пришлеш и намъ по той грамоте не велѣти дѣлати ничего. Да и всѣ наши грамоты которые есмя давали о торговых дѣлех по сеі день не в грамоты.

Писана в нашемъ государстве града Москвы лѣта от созданья миру 7079 октября в 24 (день).

№ 28.—1570 Oct. 24.

The coppie of the Muscovitts lettre in English brought by Danyell Silvester.

Ffor that before time certaine subiects of your brother kinge Edward namelie Richard Chansler and others beinge sent for some occasion to all people and places and haueinge writinges to all kinges, emperours, dukes, lordes, and rulers (but namelie vnto vs not one word was written), and those your brothers subiects Richard and his fellowes, wee know not after what sort whither it were willinglie or vnwillinglie came and anchored in our haven, by the sea side, and to our towne of Dwena, and wee as it behooved a Christian prince, shewed them so much favour that wee received them with honor, and at our princely and appointed dynners, wee of our goodnes sent for them; and wee sent them backe againe vnto your brother. And after that it pleased your brother to send the said Richard Chansler and one Richard Graie vnto vs, and wee in like cause shewed our goodnes vnto them and sent them backe againe. And after that your brother sent the said Richard to vs the third time, and there vppon wee sent vnto your brother our messinger Osipe Gregorie Nepeu. And to your brothers marchaunts and to all Englishe men wee gaue our lettres of priviledge so large

as the like was given to our nation never thinkeinge to haue had received freindshippe of your brother and of you and service of English men. And in the meane time that wee sent our messinger the same tyme your brother dyed, and your sister Marie succeeded his place; and so married with Phillippe king of Spaine, the which kinge and your sister received our messinger honorablie, and so sent him backe againe vnto vs; But they sent no word to vs. And at that time your marchaunts did worke much deceipt against our marchaunts, and begann to sell theire wares deare, takeinge for all thinges more than thinges were worth. And since that time the Q. your sister died, and that the kinge Phillippe was sent awaie and that you were crowned Q. of England; and wee all that time did your marchaunts no harme, but willed them to traffique, as they had donne before time.

And how manie lettres haue beene brought to vs hither. and not one lettre that hath beene sealed with one seale, but euerie lettre hath had a contrarie seale. which is no princelie fashion, and such lettres in all places be not creditted, but euerie prince hath in his realme one proper seale; but wee did give creditt to these lettres, and accordinge to your lettres wee wrought.

And after that you sent vnto vs your messinger Anthonie Jenkinson aboute the affaires of marchaunts, and wee thinking him to haue had creditt with you. wee had therefore sworne him, and also your marchaunt Raphe Ruttar because of interpretting for that in such weightie affaires, wee stood neede of trew interprettinge, and wee sent you by word of mouth of our great and secreat meaninge desireinge freindshippe of you and that you would haue sent ouer to vs some neere and trustie servaunt of yours and Anthonie to haue come with him, or ells Anthonie alone for that wee know not whither Anthonie did tell you all our wordes or no, for wee hard not of him in a yere and a half after, and here came not from you neither messinger neither ambassadour. And therefore wee of our godnes gaue vnto your marshaunts another priviledge thinkinge how to haue beene in

good creditt with you and therefore our goodnes was the greater to them.

And after that wee had newes, that a subiect of yours was come to the Narue by name Edward Goodman, which had manie lettres, but wee sent to him to enquire of Anthonie but he told vs nothing of him, and commaunded him to be serched for lettres and wee found manie lettres; and in those lettres were written wordes not allowable against our princelie state and empire, how that in our empire were manie vnlawfull thinges donne, and he gaue evill language to our messingers, which were sent to him, but wee of our goodnes caused him to be staied honorablie till such time as wee should haue aunswere from you of those affaires that wee sent of to you by Anthonie.

And after that there came from you a messinger to the Narve aboute marchaunts affaires namelie George Middleton*) and wee sent to him to know whither Anthonie were come to you or no, and when he should come from you to vs, But your messinger George vould tell vs nothing of this matter, but did miscall our messingers and Anthonie also and wee commaunded him to be keept, till such time as wee had and knew of the matter, that wee committed to Anthonie.

And not long after that wee were enformed that your ambassadour Thomas Randolph**) was come to our porte of Dwena, and wee of our goodnes sent to meete him, the sonne of a gentleman, and wee commaunded the said gentleman to be his guide, and wee did intreate him with great honor and wee commaunded our said gentleman to enquire of him whither Anthonie were with him or no, but he told our gentlemon nothinge; for Anthonie was not with him, but all his talke was of bowrishnes and affaires of marchaunts; And when he was come to our empire wee sent vnto him manie times, that he would come and conferre with our counsaile that wee might haue had knowledge of those

*) on the margin: «Mideltou». **) on the margin: «Randall».

great affaires that wee sent you word of by Anthonie, but he after a rude manner denyed to come; but he wrote supplicacons against Glover and Rutter and uppon affaires of marchauntdise he writt, but of our princelie affaires he made them of none effect and therefore your ambassadour was keept the longer from our presence and after that our cittie was strocken by the hand of God with the plague, so that it was not possible for vs to give him presence, but so soone as it pleased God to withdrawe from vs the plague of sicknes, wee gaue him presence, and all his talke was vppon marchaunts affaires; and then wee sent vnto him our councellor and captaine of Wologhdaie Duke Afonace Evanovetch Vosemske and our seale keeper Evan Meholova and our secretarie Andrew Vasilova *) wee willed them to enquire of him yf he had comission of those affaires, which wee sent you word of by Anthonie and he told them that he had comission for those affaires also; there vppon wee did augment our goodnes vnto him after that he was divers times with vs and euer he spake about bowrishe and affaires of marchauntdize and verie seldome would talke with vs of our princelie affaires, and at that time wee had occasion for to ride to our inheritaunce of Wologhdaie and wee gaue commaundement to our gentlemen **) that they should conducte him thither, and he beinge ariued thither wee sent vnto him our presaid councellor and our secretarie Peter Gregoreva ***) and willed them to treate with him how those affaires of amitie might be betweene vs, but the talke which your ambassadour had was to establishe marchaunts, and wee willed him to talke with vs of our affaires, and we talked of them and wee did agree how those affaires should passe betweene vs, and then wee wrote our lettres, and to our lettres wee sett our seale and then yf they had liked you, that then you would haue caused your lettres to haue beene written and to haue sent some trustie

*) Prince Athanasius Ivanovich Viasemsky John Mikhailof and Andrew Vassilef.

**) On the margin: „reported by m-r Randolf honorablie".

***) Peter Grigorief.

ambassadour, and that Anthonie Jenkinson might haue been sent with him. The cause whie wee were so desirous to haue had Anthonie Jenkinson to haue come, was that wee would haue knowen of him whither he did declare vnto you the wordes which wee commaunded him to tell you by mouth, and to haue knowen of him whither the wordes did like you, or no, and how you were minded of that matter. And so wee sent in companie with your ambassadour our ambassadour, Andrew Gregoriwch Savin.

And you haue sent vs our ambassadour backe, but you haue not sent your ambassadour to vs, and you haue not ended our affaires *) accordinge as your ambassadour did agree vppon, and your letters be not thereto agreeable, for such weightie affaires be not ended without *some golde* **) or without ambassadours, but you haue set aside those great affaires, and your councell doth deale with our ambassadour about marchaunts affaires; and your marchaunts sir W-m Garrard and sir W-m Chester did rule all busines. And wee had thought that you had been ruler over your lande and had sought honor to your self and profitt to your countrie, and therefore wee did pretend those weightie affaires betweene you and vs; But now wee perceive that there be other men that doe rule, and not men but bowers and merchaunts the which seeke not the wealth and honour of our maiesties, but they seeke there owne profitt of marchauntdize: and you flowe in your maydenlie estate like a maide. And whosoeuer was trusted in our affaires, and did deceave vs, it were not meete that you should credditt them.

And now seeinge it is so, wee doe sett aside these affaires. And those bowrishe marchaunts, that have beene the occassion that the pretended welthes and honors of our ma-ties hath not come passe but doe seeke theire owne wealthe, they shall see

*) On the margin: „Former lettres of the Q. to be seeen how much is aunswered and a fitt aunswere to be now made, and the lettres framed and brought by the Russ: Ambassadour to be seene".

**) Incorrect translation: the original signifies: *„without confirmation by oath"*.

what traffique they shall haue here, for our cittie of Mosco before their traffique to it, hath not greatlie wanted Englishe commodities. And the priviledges that wee gaue to your marchaunts and sent to you, that you would send it vs againe, and whither it be sent or no, wee will give commaundement that nothinge shalbe donne by it, and all those priviledges which wee haue given aforetime be from this daie of none effect.

Written at our honor of Mosco since the fundation of the world 7079 yeres the xxiiij daie of October.

№ 29. — 1571.

A memoriall for Russian maters.

Required for m-r Jenkinson's depeche:

1. A lettre of his arryvall, to be sent before in post.

On the margin written: «don».

2. A lettre for answere to common maters brought by Daniell (Sylvester).

On the margin: «don».

3. A lettre of a secret league for reciproke reception in case of distres. — At lengthe for his reception heere and for her ma-tie as shall please.

On the margin: «drawne to be pervsed by my L. of B.» (Lord of Burleigh).

4. A lettre for an oth and league, writen and sent by him in Italien conteyns that no ayde be gyven to certeyn Princs and stats against him.

On the margin: «to be pervsed».

5. A lettre rehersing all his secret demaunds made by m-r Jenkinson by speeche to her ma-tie. And that he willed giue credit to be asswered to the same by lyke speeche from her ma-tie with these wishes if it please.

Under this memorial in the handwriting of Daniel Sylvester:

Because her ma-tie doth not think it feete (for good consideration to be told by Anthony) to wryte her answer to these secret affaires. Her ma-tie hath told her mynd therin to her faithfull seruant Anthony (*added*: «who shall fully satisfy him»). Prayeng to giue him credit therin for his wordes or her wordes (*added*: «In this case Jenkinson to be instructed»).

№ 29. — 1571.

Память по Русскимъ дѣламъ.

Требуется для отправленія г-на Дженкинсона.

1) Письмо о предстоящемъ его пріѣздѣ, которое послать по почтѣ.

на полѣ написано: «исполнено».

2) Письмо въ отвѣтъ на текущія дѣла, по извѣстіямъ, привезеннымъ Даніиломъ (Сильвестромъ).

на полѣ: «исполнено».

3) Письмо о тайномъ союзѣ для взаимнаго пріема на случай бѣды.—Подробно объ его пріемѣ сюда и (о пріемѣ) ея вел-ва, если то будетъ угодно.

на полѣ: «написано.—къ просмотру Л. Б.» (лорда Берлея).

4) Письмо на Итальянскомъ языкѣ, о присягѣ и союзѣ относительно неподачи помощи нѣкоторымъ государямъ и государствамъ противъ него.

на полѣ: «просмотрѣть».

5) Письмо съ перечисленіемъ всѣхъ его тайныхъ просьбъ, переданныхъ г-мъ Дженкинсономъ ея вел-ву на словахъ. И

чтобы онъ благоволилъ дать вѣру тому, что тотъ же (Дженкинсонъ) будетъ также на словахъ говорить отъ ея вел-ва относительно этихъ желаній.

Подъ этою памятью написано рукою Даніила Сильвестра.

Такъ какъ ея вел-во не считаетъ удобнымъ (по важнымъ уваженіямъ, которыя сообщитъ Антону) писать свой отвѣтъ по этимъ тайнымъ дѣламъ. Ея вел-во высказала свои мысли по этому предмету ея вѣрному слугѣ Антону (*прибавлено:* «который вполнѣ разъяснитъ ему»). При чемъ проситъ, чтобы въ этомъ дѣлѣ была дана вѣра его словамъ какъ ея словамъ (*прибавлено:* «Въ такомъ случаѣ дать Дженкинсону наставленіе»).

№ 30. — 1571.

The Requeste of the marchants Adventurers for Russia.

1. To haue lettres from the Queens ma-tie to the kings of Denmark and Sweden of the effect of the last lettres writen in their.... Fearing either ther miscaryeing or short deliuery of them ether.

2. To haue lettres of creditt from her ma-tie to the Moscouit for Jenkinson. *On (the margin in L. Burleigh's hand:* «passport»).

3. To haue her ma-ts lycence that they may cary out, of this Realm in Boullion or in Dallers to the valew of iij thousand dallers which is in English money vijc lb. Ffor the which they do promisse to bring into this realme, as much within three monthes next either into the Tower, or other place as then shalbe appointid. The cause that moveth theim hervnto is, that they entende to sende one Shippe through the Sownd before the rest, and out of hand, therby to prevent all other strangers and the better to make ready for their other ships coming after. Which they cannot do without ready money.

4. That a shippe called the Ghost of Newcastell, being laden at London with clothes for S-t Lencas, and gon to New-

castell (which is nothing his way) may be bownd and gyue suretyes to the mayor of Newcastell, that he shall go his voiage of S-t Lewcas as he gyveth fourth that he intendeth. And not to go Northwards, or Northeast, as is fearid he meaneth.

5. To haue a lycence and passport for Jenkenson.

6. To haue a pasport for Ffrancs Oder (*ouldre*), maker of poldavges (?) to go into Russia. (*On the margin, against the two last points, in L. Burleigh's hand:* «a lycence and pasp.»).

№ 30.—1571.

Просьба купцовъ торгующихъ съ Россіею.

Имѣть отъ ея корол. вел-ва къ королямъ Датскому и Шведскому письма одинаковаго содержанія съ послѣдне-писанными письмами — — — — — изъ опасенія, чтобы они не потерялись или не дошли по назначенію.

2) Имѣть для Дженкинсона вѣрительную грамоту отъ ея вел-ва къ Московиту (*на поль приписано л. Бёрлеемъ:* «паспортъ»).

3) Имѣть дозволеніе ея вел-ва вывезти изъ Англіи слитковъ или далеровъ на цѣнность трехъ тысячъ далеровъ, что будетъ на Англійскія деньги семьсотъ фунт. стерл.—За это купцы обѣщаются привезти въ Англію столько же черезъ три мѣсяца или въ Башню *) или въ иное мѣсто, которое будетъ указано.—Причина этой просьбы та, что они намѣрены немедленно отправить одинъ корабль черезъ Зундъ прежде остальныхъ, чтобы этимъ предупредить всѣхъ другихъ иностранцевъ и чтобы приготовить лучшій проѣздъ для послѣдующихъ кораблей. Безъ наличныхъ денегъ они этого не могутъ сдѣлать.

4) Корабль по названію «Призракъ Ньюкастля» принялъ въ Лондонѣ грузъ суконъ для Св. Луки (?) и пошелъ въ Ньюкастль.

*) Лондонская башня—тогдашнее государственное казнохранилище.

что ему вовсе не по пути; нужно Ньюкастльскому головѣ, обязать его и истребовать отъ него обезпеченія, что онъ будетъ держать путь къ Св. Лукѣ, какъ онъ заявляетъ о своемъ назначеніи, а не на сѣверъ и не на сѣверо-востокъ, какъ можно опасаться, что онъ намѣренъ плыть.

5) Имѣть пропускъ и паспортъ для Дженкинсона.

6) Имѣть паспортъ для Франциска Удера*) для проѣзда въ Россію (*противъ послѣднихъ двухъ статей, на полѣ, рукою л. Бёрлея:* «пропускъ и пасп.»)

№ 31. — 1571 Іюн. 2.

Fragmenta e litteris, quas Elizabetha Regina ad Ioannem Imperatorem per Antonium Jenkinson misit. Anno 1571.

— — — Scribit deinde ser-tas vestra eundem Ricardum Chansler iterum et tertio missum et semper quidem honorifice tractatum et dismissum incolumem. — — — — — Eum (Jenkinson) ad vos hactenus non remissimus quod eius opera aduersus hostes terra marique utebamur. — — — — — Ille verissime narrabit ser-tati vestrae mercatores nullos statum et res nostras gubernare sed nosmet ipsos rebus gerendis inuigilare vt virginem et reginam decet a Deo optimo maximo constitutam, nec vsquam gentium cuiquam principi maiorem praeberi obedientiam quam nobis a nostris populis, quod cum Dei optimi maximi munus sit eius numini gratias ob agimus humilissimas et maximas. — — — — — Res omnis generis in vestrum imperium subditi nostri exportauerunt ad consiliandam vestram beneuolentiam, quas nos ad alios nullos orbi terrae principes exportari sinimus. — — — — — Et vero possumus vobis confirmare multos principes ad nos scripsisse vt vestram amicitiam deponeremus, nos tamen nullis litteris adduci potuimus quin constanter in amicitiam permaneremus. — — — — —

*) Изъ Англійскаго подлинника видно, что Удеръ былъ мастеровой, но названіе его ремесла—непонятно.

№ 31. — 1571 Іюн. 2.

Отрывки изъ грамоты, посланной королевною Елисаветою къ царю Іоанну съ Антоніемъ Дженкинсономъ въ 1571 году.

— — — Наконецъ ваше пресвѣтлѣйшество пишетъ, что тотъ Ричардъ Ченслеръ во второй и въ третій разъ былъ присланъ и всякій разъ съ честію былъ принятъ и въ здравіи отпускаемъ. — — — — — Его (Дженкинсона) мы до сихъ поръ не отсылали къ вамъ обратно, потому что пользовались его трудами противъ враговъ на сушѣ и на морѣ. — — — — — Онъ правдиво разскажетъ вашему пресвѣтлѣйшеству, что никакіе купцы не управляютъ у насъ государствомъ и дѣлами, но что мы сами печемся о веденіи дѣлъ, какъ приличествуетъ дѣвѣ и королевнѣ, поставленной преблагимъ и превысочайшимъ Богомъ; и что никакому государю не оказывается болѣе повиновенія его подданными, чѣмъ намъ нашими народами. За каковую милость преблагаго и превысочайшаго Бога, мы приносимъ Ему смиреннѣйшія и величайшія благодаренія. — — — — — Чтобы снискать ваше благоволеніе наши подданные вывозили въ ваше государство всякаго рода предметы, какихъ мы не дозволяемъ вывозить ни къ какимъ инымъ государямъ на всемъ земномъ шарѣ. — — — — — И однакоже можемъ утверждать вамъ, что многіе государи къ намъ писали, чтобы мы прекратили съ вами дружбу, но никакія письма не могли насъ убѣдить, чтобы мы перестали пребывать съ вами въ дружбѣ. — — — — —

№ 32. — 1571 Авг.

Царь Елисаветѣ.

Что прислала еси к нам человѣка своего Ребра *) з грамотою а в грамоте своей к нам писала еси что Вильянъ Роѳъ да Вильян Шестръ **) после прошлого сентября мѣсяца ото многих людей по грамотам поразумѣли что товарыщев их гостей

*) Робертъ Бестъ. **) Вильямъ Геррардъ и Вильямъ Честеръ.

бологодѣт в нашем царстве и слуги крѣпкие задержаны есть; которой слух сперва новой нелзя вѣрити тѣм гостем также тебѣ кабы ложной слух Что видишъ по своей д...... что ничего от вас или от иных которых ничего не здѣлалося а нашему царскому величес(тву)..... (гн)ѣватися. А тебѣ то в вѣдоме какая великая дружба меж нас во многие лѣта была и ты........ уставные пошлины которые твоим подданным даны были Т.........
перемирье..... недавно стало потому что тебѣ свое уставленья не мочи разрушити илі то пріятелство меж нас отложити толко б нам праведным и крестьянским государем быти вмѣсте. Допдеж ото многих лѣтъ грамоты на грамоты к тебѣ посыланы есть и то тебѣ извѣстно и ты для того челобітья тѣх гостеі не могла отставити и к нашей милости писати толко тѣ грамоты правда что вам противным мужем отвечати а толко тѣ грамоты не правда будет что вам мочно противных от наших недругов серце наше покрепилос а что они сказывают которой имянованной слух за правду держат.

А для того задержание той бологодѣти к первому Что нѣкоторые карабленики ж которые от нашіе милости нашъ посланникъ Ондрѣй Григорьевичь Совин здѣс наимал и будто ты их в своей землѣ задержала а к нам не отпустила; Что наши подданые за их бологодѣть и товар которой с нашим посланником к тебѣ привезли от того тамгу давали; А ты будто Н. Ц. В.-ва посланника у собя не чтила. И то ложно есть от тѣх которые к тому поминки куплены и для их корысти не имут терпѣти такое великое приятельство торговля меж наших людей. И ты скажеш, Что тот посланникъ или иные хто въ его имя вам или вашим гостем (не?) сказал что хотѣлъ к нам карабленников послати; А что о тамгѣ и ты стол легко с нашими дѣлала что никому велможному посланнику; И имѣеш приятелство против нашие милости нашего посланника держала и от твоих посланьников явственно и тайно всякая честь и приятелство и все лутчее к нему бывала по вашему разуму. А к послуху и к правде шлемся на тѣх которые тут были и на самого посланника Того для ты бьеш челом одноличнo нашей милости чтоб мы поволили вам то есть наша сестра и с нами вмѣсте укрѣпленно болши вѣры имѣти а ни тѣм лихим людем которые нашему приятелству про-

тивны есть и не могут терпѣти той общей торговли меж нас с тобою; Чтоб мы поволили такую милость к твоим подданым держати как они истинно вѣдают что они все заслужили своею службою против нашие милости И что от лихих людей — — — нашей милости сердце розгнѣвано есть и мы тебѣ то писмом извѣстили I в том намъ — — — челобитьѣ ся твоя грамота к нам послана чтоб мы поволили твоим гостем волную торговлю и опас в нашей землѣ и того всего моленіем правду укажем то здѣлати и такое великое приятелство и того новаго оставленья меж нас учинено есть также и общее нашимъ подданым торговле к потребству И ты того не отчаешься чаешь намъ будет любо.

И мы грамоту твою вычли и вразумѣли гораздо. И мы к тебѣ и преж того писали с твоим человѣком з Данилом *) с толмачом И ты б тое нашие грамоты посмотрила почему нашъ гнѣвъ учинился к твоему государству. А что еси ныне писала что тебѣ извещали Виляи Гарет **) да Веляи Шестеро принимяиных гостей и ты б нам поизвестила какие то у тебя люди: И будет у тебя радные люди ино то так пригож Будет жо торговые мужики ино было про ихъ писати не пригоже той они почѣсти недостойны. А что они сказали о торговле и тебѣ того пытати на своих гостех на сер Уляне Гарите на *(да?)* на сер Улапе Частере. Какъ был у вас нашъ посол Ондрѣй Григороевич Совин и они покиня наши дѣла дѣлали о торговле и они ужли познали какова им прибыл на торговля *(такъ!)* стала. А что во благодѣти товар поиман и то того для учинилос что твои гости дѣлали о своих торговых дѣлех а наших ѣл не дѣлали и наших гостей укоряли а звали их не пошлыми ***) гостми и товаров им добрыхъ купити не дали.

А передъ нашим послом перед Андрѣем на грамотах креста еси не целовала и правды никоторые не учинила. И толко похочеш нашие любви к себѣ и ты б к нам прислала доброго своего человѣка да и Онтона б еси к нам прислала. И мы к тебѣ о том с тѣми послы твоими о всем прикажем какъ намъ с тобою в дружбе быти. Да и о той бологодѣти о которой еси писала тогды и слово будет. А что о корабленникех и о том

*) Даніилъ Сильвестръ. **) Вильямъ Гарретъ. ***) т. е. не настоящими.

намъ кручины не бывало. а корабленников наш посол к нам привел. А о тамгѣ есмя и не слыхали и нихто нам о том не жаловался. А послу нашему задержанье было и в кормѣх безчестье.

А что было нам твоего посланника Ребра выслушат и мы его выспрашивали и посланник твой говорил нам тѣ ж рѣчи что и в грамоте твоей писано и мы ему на его рѣчи отвѣт велѣли учинити по тому ж что есмя и тебѣ в своей грамоте писали. А что посланник твой Робертъ говорил о Томасе Грепе да о Раое*) чтоб нам пожаловати их отпустити к тебѣ и тѣ твои люди торговые в нашем государьстве будучи перед нами многие непригожие дѣла дѣлали и сьезжаяс с нашими измѣньники с ними в дружбе.... мысли были. И мы как есть государи крестьянские над тѣми твоими людми никотора лиха не учинили. И будет меж нас доброе дѣло и любовь и мы твоего человѣка Раоа к тебѣ отпустити велимъ и об нихъ тебѣ прикажем какъ будетъ по пригожу. А Томоса Грена судом Божьим в животѣ не стало.

А что о торговле писала еси ино тогды торговля будет какъ послы твои у нас будут, Ино и свой гнѣв отложим и тѣ гневные дѣла меж собя исправим и тому тогды дѣлу и устрой учинимъ. А докудова твои послы у нас будут и о тѣх дѣлех переговорим а до тѣх мѣстъ тому дѣлу быт не возможно. А ныне толко похочеш с нами об любви и ты б к нам послов своих и Онтопа посылала ранее.

А нынеча у нас слух учинился что Онтон к нам пришел. И как Онтон у нас будет и мы его дѣла выслушав тебѣ о том в перед вѣдомо учиним.

Писан в Слободѣ. лѣта 7079 Августа.

*) Ѳома Гринъ и Ральфъ Рюттеръ.

№ 32. — 1571 Aug.

Czar John to Queen Elisabeth.

At the end of this copy is written: «The lyk letter was sent «from the Emperor of Moscowia to Phillip and Mary in high «Duch dated in February».

Wheiras you haue sente vnto vs your servaunte Robert *) withe a letter wherein you have wrytten vnto vs that Wyllyam Gerrart and William Chester after the monneth of September last past by manye and diuers menne and writtinges have hadde intelligence that the goods off the merchaunts (and their servaunts also) were stayed, and kepte straightlie vnder areste vnder owre jurisdiction, the which was at the first not onelie scarslie beleved, but rather thought to be a vayne dispersed rumer: as in your conscience you did iudge itt to be and that there has neither by you, nor by no manne ells any soche offence comytted or done, as shoulde meritte the same, and that oure imperiall ma-tie therefore, must nott be offended and that it ys well knowne vnto you what greate frendship their hath bene betwixt vs manye yeares and the great advancement and trewe dealinge that hath bene showed vnto your subiects, and likewise also the newe compacte and agreement which of late hath bene concluded betwixt vs and that therefore you cannot departe from the same, nor withdrawe your frendshipp from vs. So that we might be good and christian rulers together.

But consideringe that there haue bene sent vnto you letters uppon letters, making mencion thereof at the earneste instance and request of the sayde marchaunts you coulde not forbeare to wryte vnto our highnes, and sofarforthe as the same letters were founde be trewe, that th'envious doo aunswere and if the letters be not trewe, yt may be possible that the dissobedient not being our ffrends have doone itt to alter and change owre hartes, and soe saye those that doo houlde the

*) Robert Best.

forsayde rumore to be trewe, and that those shoulde be the causes of the stayinge of the goodes.

Ffirste, because certayne freebuters mariners the which owre highnes ambassadors Andrewe Grogergewich Sawin hadd taken vppe, shoulde haue bene stayed in your dominions, and not permitted to come vnto vs. That our subiects did paye custome for their goods and wares that they hadd brought, with our ambassador vnto you: and that you shoulde not have esteemed owre ambassador beinge with you and that the same hathe bene soe devised by soche as beinge currupt by giftes theirvnto; or by reason of their owne private profittie and comoditye cannot abyde any suche greate frendshipp in the trade of merchaundize betwixt our people. Sayinge that the ambassadors (or howesoever he ys otherwise named) shoulde neuer haue spoken to you nor to your merchants concernynge the sendinge over of maryners vnto vs and as towching the custome, you haue so favourabley, and lyberallye dealed: as ever any ambassador was deallte withall, howe great soever he was. And as touchinge the ambassadeur himselfe; that it most manyfest be knowne to all menne that all honnor and ffrendshipp hath bene shewed vnto him refferinge your self to the wittness of all them that haue bene present, and of th'mbassadour him selffe. Prayinge therefore earnestly oure highnes that (you being our suster) your persuasion might have creditte then the evilldisposed people, that be enymyes and evill willers to our mutuall amytye and frendshippe and cannot abyde the trade of merchaundize that is betwene vs and you, we woulde shewe our selves good and gracious towards your subiects, as they knowe they have deserved itt by their service towards owre ma-tye. That our harte hath conceived anger by the evill reporte of evilldisposed people and that we woulde by wrytinge advertisse you thereof. and that at the instaunce of your people you had sent vs your letter, to th'ende we might suffer your merchaunts freelye to traffike over all our dominions. Trowghe the great ffrendshipp and the new compact made betwixt vs and in consideracon of the mutuall comoditie and

profytte betwene our subiects; and you doute nothinge thereof, but hope that itt will lyke vs well.

We have redde oute your letter, and well vnderstanden the same, and we have written vnto you before withe Daniell *) the interpreter: yt may please you to looke vpon the same letters, and their to see the occasion of our anger vpon your highnes; and whereas you have written that Willin Garrett and Willin Chester have gyven you the knowledg beinge gouerneours of the foresaide marchaunts, lett vs vnderstande what manner of men they be with you. Yf they be men of warre with you so ys itt raisonable, butt if they be marchaunts so were it against reason to wryte for them: as not beinge worthy of ytt; and that they have sayde as concernynge merchaundize, the same cann you aske your merchaunts Vlgan Garrethe and Vlgan Chester, howe that our ambassadour Andre Gregorivith Savin hath bene with you, and they have lette our matters and exercyced marchaundize, and nowe have the vnderstandinge what gaynes and proffittes they have vpon the merchaundize and what goods and wares have bene taken. And the same ys happened, bycause that your merchaunts have employed themselves to there trade of merchaundize and not to our matters, and have disdayned our merchaunts and not esteemed them as righte merchaunts; and have not suffered them to buye anye good wares;

And you have not kiste the crosse vppon the letter in the presence of Andrewe our ambassadeur, and not done that which of right is vsed to be donne. And sofarforthe as you will have our frendshipp towards you, send vnto vs your good servaunte Antona**) and then will we with the same your ambassador conclude of all things that may tend to mayntayne our frendshipp, and also commvne togither concernynge the same goods which you have written for: as towchinge the marinor, we have not bene angrye, he hath brought vs owre ambassador, and as concernynge the custome, we have harde nothinge, neither

*) Daniel Sylvester. **) Anthony Jenkinson.

hath anye mane thereof made any complaynt vnto vs; our ambassador hath bene entertayned and served of vittels, and that shoulde wee vnderstande off your ambassador Robert and havinge asked him, he hath spoken vnto vs by the same wordes that were wrytten in your letter, and we haue caused aunswere to be gyven vnto hym vpon his talke, accordinge, as we haue wrytten vnto you in our letter, and as concernynge the talke that your ambassador Robert hath had towchinge Thomas Greene and Raffe *), to th'end wee might shewe them grace and send them to you. Howe be yt those your merchaunts whyles they have bene vnder owre jurisdiction have very evill behaved themselues, and haue daylye vsed the companye of our trayteurs both in frendshipp and councell, wee beinge a christian governor haue doone no hurte to them, and sofarforthe as all things doe falle owte well betwixt vs, and amytye and frendshipp doe contynewe we will delyver Raffe vnto you: and Thomas Greene ys accordinge to the will of God departed: and whatsoever you have wrytten concernynge the traffique and trade of merchaundize that shalbe donne whensoeuer your ambassador shalbe come layinge downe our angre, and agreeinge towching the angrye matters. And so will be carefull of all matters vntill your ambassador be come to vs and talke of them: and vntill soche tyme, canne we not helpe the matter; and yf you meane nowe to have frendshipp with vs: you will send your ambassador by tymes.

Written at the Schlebode **), anno 7079 (1571). in the month of August. And even nowe have we hadd tydings that Anthonye is here arrived, and when Anton cometh vnto vs, we will gladlye here hyme, and forther advertise you thereof.

---

*) Ralph Rutter.

**) The Sloboda (more accurately Alexandrovskaia Sloboda), a village between the famous S-t Sergius Troitzkoy convent and the town of Pereiaslavl, a favorite place of resort of John the Terrible, whither he repaired at times with his most trusty followers, to keep the most incredible revels, and commit the most unheard of cruelties; during his residence there he and his courtiers sometimes used to dress as monks, he being the pseudo-abbot.

№ 33.—1572 March. 23.

Account of a personal interview of M. Anthony Jenkinson with the Czar at the Sloboda on the 23 March 1572.

This account and another under № 34 are extracts from «A note of the proceeding of M. Anthonie Jenkinson, ambassadour from the Queenes most excellent Maiestie, to the Emperour of Russia, from the time of his arriuall there, being the 26 of July 1571, vntill his departure from thence the 23 of July 1572.» (Hakluyt edit. 1809, vol p. 452—463).

The 23 (of March 1572) I came before his ma-tie, who caused mee to kisse his hande, and gaue gratious audience vnto my oration, gratefully receiuing and accepting the Queenes ma-ties princely letters, and her present, in the presence of all his nobilitie. After I had finished my oration, too long here to rehearse, and deliuered her highnesse letters and present (as aforesaid) the emperour sitting in royall estate stood vp and said, How doth queene Elizabeth my sister, is she in health? to whom I answered, God doth blesse her ma-tie with health, and peace, and doeth wish the like vnto thee lord, her louing brother. Then his ma-tie sitting downe againe, commaunded all his nobilitie and others to depart, and auoyde the chamber, sauing the chiefe secretarie and one other of the counsell, and willing me to approch neere vnto him with my interpretor, said vnto me these words.

Anthony, the last time thou wast with vs heere, wee did commit vnto thee our trustie and secret message, to be declared vnto the queenes ma-tie herselfe thy mistresse at thy coming home, and did expect thy comming vnto vs againe at the time wee appointed, with a full answere of the same from her highnesse. And in the meane time, there came vnto vs at seuerall times three messengers, the one called Manly, the other George Middleton, and Edward Goodman, by the way of the Narue, about the merchaunts affaires: to whom wee sent our messenger to know whether thou Anthony, were returned home in safetie, and when thou shouldest returne vnto vs againe: but those messengers could tell

vs nothing, and did miscall and abuse with euil words, both our messenger and thee, wherewith wee were much offended. And vnderstanding that the said Goodman had letters about him, we caused him to be searched, with whom were found many letters, wherein was written much against our princely estate, and that in our empire were many vnlawful things done, whereat we were much grieued; and would suffer none of those rude messengers to haue accesse vnto vs: and shortly after wee were infourmed that one Thomas Randolfe was come into our dominions, by the way of Dwina, ambassadour from the queene, and wee sent a gentleman to meete and conduct him to our citie of Mosco, at which time we looked that thou shouldest haue returned vnto vs againe. And the said Thomas being arriued at our said citie, wee sent vnto him diuers times, that hee should come and conferre with our counsell, whereby we might vnderstand the cause of his comming, looking for answere of those our princely affaires committed vnto thee. But hee refused to come to our said counsell: wherefore and for that our saide citie was visited with plague, the saide Thomas was the longer kept from our presence. Which being ceased, foorthwith wee gaue him accesse and audience, but all his talke with vs was about merchants affaires and nothing touching ours. Wee knowe that merchants matters are to bee heard, for that they are the stay of our princely treasures. But first princes affaires are to be established and then merchants. After this the said Thomas Randolfe was with vs at our citie of Vologda, and wee dealt with him about our princely affaires, whereby amitie betwixt the queenes ma-tie and vs might bee established for euer, and matters were agreed and concluded betwixt your ambassadour and vs, and thereupon wee sent our ambassadour into England to ende the same: but our ambassadour returned vnto vs againe, without finishing our said affaires, contrary to our expectation, and the agreement betwixt vs, and your said ambassadour.

Thus when his ma-tie had made a long discourse, I humbly beseeched his highnesse to heare me graciously, and to

giue me leaue to speake without offence, and to beleeue those wordes to be true which I should speake. Which he graunted and these were my words.

Most noble and famous prince, the message which thy highnesse did sende by mee vnto the queene her most excellent ma-tie, touching thy princely and secret affaires, immediatly, and so soone as I came home, I did declare both secretly and truely vnto the queenes ma-tie her selfe, word for word, as thou lord diddest commaund mee. Which her highnesse did willingly heare and accept, and being mindefull thereof and willing to answere the same, the next shipping after, her ma-tie did send vnto thee, lord, her highnesse ambassadour Thomas Randolfe whose approoued wisedome and fidelitie was vnto her ma-tie well knowen, and therefore thought meete to bee sent to so worthy a prince, who had commission not onely to treate with thy ma-tie of merchants affaires, but also of those thy princely and secret affaires committed vnto mee. And the cause (most gracious prince) that I was not sent againe, was, for that I was imployed in seruice vpon the seas against the queenes ma-ties enemies, and was not returned home at such time as master Thomas Randolfe departed with the shippes, to come into thy ma-ties countrey, otherwise I had bene sent. And whereas thy ma-tie saith, that Thomas Randolfe would not treate with thy counsell of the matters of his legation, hee did (lord) therein according to his commission: which was, first to deale with thy ma-tie thy selfe which order is commonly vsed among all princes, when they send their ambassadours about matters of great waight. And whereas the saide Thomas is charged that hee agreed and concluded vpon matters at the same time, and promised the same should bee perfourmed by the queene her ma-tie: Wherevpon (lord) thou diddest send thy ambassadour with him into England, for answere thereof: it may please thy ma-tie to vnderstand, that as the saide Thomas Randolfe doeth confesse, that in deede hee had talke with thy highnesse, and counsell diuers times about princely affaires: euen so hee denieth that euer hee did agree, conclu-

de or make any promise in any condition or order, as is alleaged, otherwise then it should please the queene her ma-tie to like of at his returne home, which he did iustifie to thy highnes ambassador his face in England. Wherefore, most mighty prince, it doth well appeare, that either thy ambassador did vntruly enforme thy ma-tie, or els thy princely minde, and the true meaning of the queenes highnes her ambassador, for want of a good interpretor, was not well vnderstood: and how thankefully the queene her ma-tie did receiue thy highnes commendations, and letters sent by thy ma-ties ambassador, and how gratiously shee gaue him audience sundry times, vsing with such honour in all points for thy sake, lord, her louing brother, as the like was neuer shewed to any ambassador in our realme, and how honourably with full answere in all things, her ma-tie dismissed him, when he had finished all thy princely affaires (as it seemed) to his owne contentation, it may well appeare by a true certificate lately sent with her highnes letter vnto thee lord, by her messenger Robert Beast (*Best*), and her ma-tie did suppose that thy ambassador would haue made report accordingly, and that by him thy highnes would haue bene satisfied in all things: otherwise she would haue sent her ma-ties ambassador with him vnto thee lord againe. But now her highnes perceiuing that thy ma-tie is not fully satisfied in thy princely affaires, neither by Thomas Randolfe her highnes ambassador, nor by thine owne ambassador Andrea Sauin, nor yet by her ma-ties letter sent by the said Andrea: and also vnderstanding thy great griefe and displeasure towards Sir William Garret and his company, merchants traffiking in thy ma-ties dominions, hath thought good to send mee at this present vnto thee lord emperour and great duke, as wel with her highnes ful mind, touching thy princely affaires, as also to know the iust cause of thy ma-ties said displeasure towards the said company of merchants: and hath commanded me to answere to all things in their behalfe, and according to their true meanings. For her highnes doth suppose thy ma-ties indignation to proceede rather vpon the euill, and vn-

true reports of thy late ambassador in England, and of such wicked persons of our nation resident here in thy highnes dominions, rebels to her ma-tie, and their countrey, then of any iust deserts of the said merchants, who neuer willingly deserued thy highnesse displeasure, but rather fauour in all their doings and meanings. And since the first time of their traffiking in thy ma-ties dominions, which is now nineteene yeres, the said merchants haue bene, and are alwayes ready and willing truely to serue thy highnesse of all things meete for thy treasurie, in time of peace and of warre in despite of all thy enemies: although the princes of the east seas were agreed to stoppe the Sound and the way to the Narue, and haue brought and do bring from time to time such commoditie to thee, lord, as her ma-tie doeth not suffer to be transported foorth of her realme to no other prince of the world. And what great losses the said Sir William Garret, with his company hath sustained of late yeeres in this trade, as well by shipwracke as by false seruants it is manifestly knowen: and what seruice the said companies ships did vnto thy ma-tie against thy enemies, two yeeres past in going to the Narue, when they fought with the king of Poles shippes freebooters, and burnt the same and slew the people, and as many as were taken aliue deliuered vnto thy captaine at the Narue, I trust thy highnesse doth not forget. Wherefore most migthy prince, the premises considered, the queene her most excellent ma-tie thy louing sister, doeth request thy highnes to restore the said sir William Garret with his company into thy princely fauour againe, with their priuiledges for free traffique with thy accustomed goodnes and iustice, to be ministred vnto them throughout all thy ma-ties dominions, as aforetime: and that the same may be signified by thy princely letters, directed to thy officers in all places, and thy highnesse commaundment or restraint notwithstanding. And further that it will please thy ma-tie, not to giue credite to false reports, and vntrue suggestions of such as are enemies, and such as neither would haue mutuall amitie to continue betwixt your ma-ties, nor yet entercourse betwixt your countries. And such rebels of

our nation, as Ralfe Rutter, and others which lye lurking here in thy highnes dominions, seeking to sowe dissentions betwixt your ma-ties by false surmises, spending away their masters goods riotously, and will not come home to giue up their accompts, aduancing themselues to be merchants, and able to serue thy highnes of all things fit for thy treasurie, whereas indeed they be of no credite, nor able of themselues to do thy ma-tie any seruice at all: the queenes highnes request is that it would please thy ma-tie to commaund that such persons may be deliuered vnto me to be carried home, least by their remayning here, and hauing practises aud friendship with such as be not thy highnes friendes, their euil doing might be a cause hereafter to withdraw thy goodnes from sir William Garret and his company, who haue true meaning in all their doings, and are ready to serue thy highnes at all times.

Vsing many other words to the aduancement of your credits, and the disgracing of your enemies, and so I ended for that time.

Then sayd his ma-tie, We haue heard you and will consider of all things further, when wee haue read the queene our sisters letters: to whom I answered that I supposed his ma-tie should by those letters vnderstand her highnesse full minde to his contentation, and what wanted in writing I had credite to accomplish in word. Wherewith his ma-tie seemed to be wel pleased, and commaunded me to sit downe. And after pawsing a while, his ma-tie said these words vnto me, It is nowe time which we spend in fasting, and praying, being the weeke before Easter, and for that we will shortly depart from hence, towards our borders of Novogrod, wee can not giue you answere, nor your dispatch here, but you shall goe from hence and tary vs vpon the way, where wee will shortly come, and then you shall knowe our pleasure and haue your dispatch. And so I was dismissed to my lodging and the same day I had a dinner ready drest sent me from his ma-tie, with great store of drinkes, of diuers sorts, and the next day following, being the foure and twentieth of March aforesayde, the chiefe secretary to his ma-ty, sent vnto mee a gentleman, to

signifie vnto mee, that the emperours ma-ties pleasure was, I should immediately depart towards a citie, called Otwer, three hundred miles from the aforesaid Sloboda, and there to tary his highnes comming vnto a place called Staryts, threescore miles from the sayd Otwer *(Twer)*.

№ 33. — 1572 Март. 23.

Личные переговоры царя Ивана Васильевича съ посланникомъ королевны Елисаветы Антономъ Дженкинсономъ въ Александровской Слободѣ 23 Марта 1572 года.

Этотъ отрывокъ, равно какъ помѣщенный ниже (подъ № 34) извлечены изъ „Записки о поступкахъ г. Антона Дженкинсона, „посланника ея превосходнѣйшаго величества королевны къ царю „Русскому со времени его прибытія въ Россію 26 іюля 1571 до „отъѣзда оттуда 23 Іюля 1572 года".

— 23 Марта я предсталъ предъ его вел-во, который допустилъ меня поцѣловать свою руку и милостиво выслушалъ мою рѣчь, благосклонно принявъ грамоту ея кор. вел-ва и ея подарокъ въ присутствіи всѣхъ своихъ сановниковъ. Когда я кончилъ свою рѣчь, слишкомъ длинную, чтобы ее здѣсь приводить, и вручилъ подарокъ ея выс-ва, царь, до тѣхъ поръ сидѣвшій, всталъ и сказалъ: Сестра моя королевна Елисавета здорова ли?—на что я отвѣчалъ:—Богъ благословляетъ ея вел-во здравіемъ и миромъ и она желаетъ того же и тебѣ государю, брату своему любительному.—Тогда его вел-во, снова сѣвъ, повелѣлъ своимъ сановникамъ выйти изъ комнаты и удалиться, оставивъ при себѣ только главнаго дьяка и еще одного изъ своей думы, приказалъ мнѣ ближе подойти къ нему съ моимъ толмачомъ и говорилъ мнѣ слѣдующія слова:

А н т о н ъ, въ послѣдній разъ какъ ты былъ здѣсь, мы возложили на тебя наше довѣрительное и тайное порученіе, которое ты долженъ былъ, по пріѣздѣ домой, объявить самой королевнѣ, твоей государынѣ; и мы ожидали твоего къ намъ возвращенія къ назначенному времени съ надлежащимъ отвѣтомъ отъ ея выс-ва. Между тѣмъ временемъ къ намъ въ разное время при-

были три гонца: одинъ по имени Манлей, другой Георгъ Мидльтонъ и Эдуардъ Гудманъ, путемъ черезъ Нарву, по купеческимъ дѣламъ. Мы посылали къ нимъ гонца узнать о тебѣ, Антонъ, благополучно ли ты возвратился домой и когда возвратишься обратно къ намъ; но тѣ гонцы ничего не умѣли намъ сказать и бранились и говорили ругательныя слова какъ нашему гонцу, такъ и о тебѣ, чѣмъ мы были премного обижены. И узнавъ, что при Гудманѣ есть письма, мы приказали его обыскать; и при немъ объявились многія письма, въ коихъ писалось многое противъ нашего государствія *) и что въ нашемъ государствѣ совершается много беззаконій, чѣмъ мы были весьма огорчены и не допустили ни одного изъ этихъ грубіяновъ-гонцовъ имѣть доступъ къ намъ. Вскорѣ потомъ извѣстились мы, что нѣкій Ѳома Рандольфъ прибылъ въ наши владѣнія черезъ Двинскій путь, посланникомъ отъ королевны; и мы послали дворянина встрѣтить его и проводить въ нашъ городъ Москву въ то время, когда мы ожидали, что ты долженъ возвратиться обратно. И по пріѣздѣ того Ѳомы въ Москву мы въ разное время посылали сказать ему, чтобы онъ пришелъ и совѣщался съ нашею думой, чтобы мы могли узнать причину его пріѣзда, при чемъ ожидали отвѣта на тѣ наши государскія дѣла, тебѣ порученныя; но онъ отказалъ итти въ нашу думу. И потому, а также по той причинѣ, что на Москвѣ было посѣщеніе—моровая язва, сказанный Ѳома долго былъ задержанъ отъ представленія намъ. По прекращеніи мора, мы немедленно допустили его и приняли, но всѣ его рѣчи были о купеческихъ дѣлахъ, а о нашихъ дѣлахъ онъ ничего не говорилъ. Мы знаемъ, что нужно выслушивать рѣчи о купеческихъ дѣлахъ, такъ какъ они опора нашей государской казны; но сперва нужно установить дѣла государей, а потомъ уже купцовъ. Послѣ того сказанный Ѳома Рандольфъ ѣздилъ съ нами въ городъ Вологду, и мы говорили съ нимъ о нашихъ государскихъ дѣлахъ, какъ учредить навсегда дружество между королевной и нами, и дѣло было рѣшено и заключено между посланникомъ и нами; и потому мы отправили съ нимъ нашего посланника въ Англію, чтобы то

*) *Государствіе*—особа государя.

дѣло окончить. Но посланникъ нашъ возвратился къ намъ обратно, не окончивъ тѣхъ нашихъ дѣлъ, въ противность нашего ожиданія и нашего соглашенія съ сказаннымъ вашимъ посланникомъ.

Когда его вел-во проговорилъ эту длинную рѣчь, я смиренно просилъ его выс-во милостиво меня выслушать, и дозволить говорить мнѣ безъ обиды, и вѣрить истинѣ тѣхъ словъ, которыя я буду говорить. Онъ мнѣ сіе разрѣшилъ и таковы были мои слова:

Благороднѣйшій и знаменитый государь, порученіе, отправленное твоимъ выс-мъ черезъ меня къ ея превосходнѣйшему вел-ву королевнѣ, относительно твоихъ государскихъ и тайныхъ дѣлъ, было немедленно и какъ только я пріѣхалъ домой объявлено мною тайно и точно самому ея вел-ву, отъ слова до слова, какъ ты, государь, мнѣ повелѣлъ. Ея выс-во любовно выслушала и приняла сіе (порученіе) и памятуя оное, и намѣреваясь отвѣтствовать на оное съ ближайшимъ слѣдующимъ отправленіемъ кораблей, ея вел-во отправила къ тебѣ, государь, посланника своего выс-ва Ѳому Рандольфа, котораго извѣданная мудрость и вѣрность хорошо были извѣстны ея вел-ву; потому и найдено было приличнымъ послать его къ столь достойному государю; на него было возложено не только говорить съ твоимъ вел-вомъ о купеческихъ дѣлахъ, но и о тѣхъ твоихъ государскихъ и тайныхъ дѣлахъ, которыя были поручены мнѣ. Причина же, милостивѣйшій государь, что я не былъ присланъ обратно, была та, что я въ это время былъ употребленъ на моряхъ на службу противъ враговъ ея корол. вел-ва и не возвратился домой къ тому времени, когда господинъ Ѳома Рандольфъ отправился на корабляхъ, чтобы прибыть въ страну твоего вел-ва;—иначе я былъ бы посланъ. А что твое вел-во говоритъ, что Ѳома Рандольфъ не хотѣлъ переговариваться о дѣлахъ своего посольства съ твоею думою, и то онъ, государь, сдѣлалъ по своему наказу; а наказъ его былъ таковъ: во первыхъ договариваться съ твоимъ вел-мъ лично, каковъ обычай всегда ведется у всѣхъ государей, когда они отправляютъ своихъ посланниковъ по дѣламъ великой важности. А что сказанный Ѳома обвиняется будто онъ согласился и договорился тогда же по дѣ-

ламъ и обѣщался, что тоже исполнитъ ея вел-во королевна; и что потому ты, государь, и отправилъ съ нимъ своего посланника въ Англію за отвѣтомъ на сіе; позволь объяснить твоему вел-ву, что сказанный Ѳома Рандольфъ признаетъ, что дѣйствительно въ разное время имѣлъ разговоръ о государскихъ дѣлахъ съ твоимъ выс-мъ и съ думою; но онъ отрекается, чтобы когда либо соглашался, рѣшалъ или давалъ какое либо обѣщаніе на какія бы то ни было условія или распоряженія, какъ о томъ увѣряютъ, иначе какъ если тѣ условія будутъ, по возвращеніи его домой, одобрены ея вел-мъ королевной: объ этомъ онъ заявлялъ въ Англіи предъ лицомъ посланника твоего выс-ва. Итакъ, могущественнѣйшій государь, оказывается, что или твой посланникъ невѣрно донесъ твоему вел-ву, или что твое государское намѣреніе и истинный смыслъ рѣчей посланника ея выс-ва королевны, за неимѣніемъ хорошаго толмача, не были хорошо поняты. А то, какъ благодарно приняла ея вел-во королевна твои похвалы и письма отправленныя съ посланникомъ твоего вел-ва; какъ милостиво она принимала его нѣсколько разъ, въ угоду тебѣ, государь, братъ ея любительный, оказывая ему во всѣхъ случаяхъ такую честь, какой никогда не оказывается никакому посланнику въ нашемъ королевствѣ; и какъ почетно, давъ ему полный отвѣтъ по всѣмъ предметамъ, ея вел-во его отпустила, когда онъ окончилъ всѣ твои государскія дѣла (по видимому) къ своему удовольствію;—все это ясно видно изъ справедливаго свидѣтельства только что присланнаго къ тебѣ, государь, съ письмами ея выс-ва черезъ ея гонца Роберта Беста. — И ея вел-во полагала, что тотъ твой посланникъ такъ и представитъ донесеніе и что онъ удовлетворитъ твое выс-во по всѣмъ дѣламъ; иначе она вновь отправила бы къ тебѣ, государь, посланника своего вел-ва. Но нынѣ ея выс-во, усматривая, что твое вел-во не вполнѣ удовлетворенъ по своимъ государскимъ дѣламъ ни Ѳомою Рандольфомъ, посланникомъ ея выс-ва, ни твоимъ собственнымъ посланникомъ Андреемъ Совинымъ, ниже письмомъ ея вел-ва посланнымъ черезъ того Андрея: извѣстясь также о великомъ твоемъ огорченіи и неудовольствіи противъ сэра Вильяма Гаррета и его общества купцовъ, торгующихъ во владѣніяхъ твоего вел-ва, признала за благо послать меня въ настоящее

время къ тебѣ, государь царь и вел. князь; какъ для объявленія всѣхъ мыслей ея выс-ва относительно твоихъ государскихъ дѣлъ, такъ и для того чтобы узнать истинную причину неудовольствія твоего вел-ва противъ сказаннаго общества купцовъ; и она повелѣла мнѣ отвѣчать по всѣмъ предметамъ въ защиту ихъ и согласно съ ихъ истинными намѣреніями. Ибо ея выс-во предполагаетъ, что негодованіе твоего вел-ва скорѣе происходитъ отъ злонамѣренныхъ и ложныхъ донесеній твоего послѣдняго посланника бывшаго въ Англіи и тѣхъ злыхъ людей нашей націи, пребывающихъ здѣсь, во владѣніяхъ твоего выс-ва, которые бунтуютъ противъ ея вел-ва и своей страны, чѣмъ отъ дѣйствительныхъ винъ сказанныхъ купцовъ, которые никогда умышленно не подвергали себя неудовольствію твоего выс-ва, но своими поступками и стараніями скорѣе заслуживали милость. Съ перваго времени учрежденія ихъ торговли во владѣніяхъ твоего вел-ва тому нынѣ девятнадцать лѣтъ, тѣ купцы всегда были какъ теперь съ охотою готовы вѣрно служить твоему выс-ву всѣми предметами надобными для твоей казны въ мирное какъ и въ военное время вопреки всѣмъ твоимъ врагамъ; хотя государи восточныхъ морей *) согласились не давать имъ пропуска черезъ Зундъ и черезъ Нарву, купцы эти привозили и отъ времени до времени привозятъ тебѣ, государь, такіе товары, какихъ ея вел-во не дозволяетъ вывозить изъ своего королевства ни къ какому иному государю на свѣтѣ. Достовѣрно извѣстно также какія великія потери потерпѣли въ послѣдніе года по этой торговлѣ сказанный сэръ Вильямъ Гарретъ и его общество какъ отъ кораблекрушеній, такъ и отъ безчестныхъ слугъ; надѣюсь также, что твое выс-во не забыло какую службу противъ твоихъ враговъ оказали твоему вел-ву корабли сказаннаго общества два года тому назадъ когда на плаваніи къ Нарвѣ, они сразились съ каперами Польскаго короля и сожгли тѣ суда и убили бывшихъ на нихъ, а сколько могли захватить живыми отдали твоему воеводѣ въ Нарвѣ. По уваженію всѣхъ этихъ обстоятельствъ, могущественнѣйшій государь, ея превосходнѣйшее вел-во королевна, сестра твоя любительная, проситъ твое выс-во возвратить сказан-

---

*) Нѣмецкаго и Балтійскаго: короли Польскій, Шведскій и Датскій.

пому сэру Вильяму Гаррету и его обществу твое царское благоволеніе и съ твоей обычною добротою и справедливостію отдать имъ обратно ихъ привилегію для повольнаго торга, который производить имъ на всемъ пространствѣ владѣній твоего вел-ва какъ прежде: и чтобы о семъ было объявлено твоими государскими грамотами всѣмъ твоимъ чиновникамъ повсемѣстно въ отмѣну приказанію данному твоимъ выс-мъ въ противность сему. — Далѣе, чтобы твое вел-во соблаговолило не вѣрить ложнымъ донесеніямъ и несправедливымъ наговорамъ недруговъ и тѣхъ, которые ложными внушеніями хотѣли бы помѣшать продолженію взаимной дружбы между вашими вел-вами и обоюдныхъ сношеній между вашими странами. Что же касается тѣхъ возмутителей нашей націи, какъ Ральфъ Рюттеръ и другіе, которые укрываются здѣсь во владѣніяхъ твоего выс-ва, стараясь ложными наговорами посѣять раздоръ между вашими вел-вами, расточаютъ въ развратѣ имущество своихъ хозяевъ и не хотятъ возвратиться домой для дачи своихъ отчетовъ, выдавая себя за купцовъ и увѣряя, что въ состояніи доставлять твоему выс-ву всякіе товары надобные для твоей казны: королевна проситъ, чтобы твое вел-во соблаговолило повелѣть выдать мнѣ таковыхъ лицъ для отвоза домой, дабы, оставаясь здѣсь и имѣя сношенія и дружбу съ недругами твоего выс-ва, они своими дурными поступками не подали въ послѣдствіи повода къ отнятію твоей милости отъ сэра Вильяма Гаррета и его общества, которые честны во всѣхъ своихъ поступкахъ и готовы во всякое время служить твоему выс-ву.

И я говорилъ далѣе еще рѣчи въ защиту нашихъ выгодъ и въ ущербъ нашихъ непріятелей и тѣмъ кончилъ на этотъ разъ.

Тогда его вел-во сказалъ: Мы выслушали тебя и объявимъ наше рѣшеніе, когда прочтемъ письма королевны сестры нашей. — На это я отвѣчалъ, что надѣюсь, что его вел-во изъ этихъ писемъ вполнѣ выразумѣетъ намѣренія ея выс-ва къ своему удовольствію, а что то, чего недостаетъ въ письмѣ, мнѣ довѣрено рѣшить на словахъ. Его вел-во казался симъ доволенъ и приказалъ мнѣ сѣсть; и немного погодя его вел-во сказалъ мнѣ слѣдующія слова: Теперь время, которое мы проводимъ въ постѣ и молитвѣ, такъ какъ нынѣ недѣля передъ Пасхой, и такъ

какъ мы вскорѣ уѣзжаемъ отсюда къ нашимъ Новогородскимъ предѣламъ, мы не можемъ дать тебѣ здѣсь ни отвѣта, ни отпуска. но ты поѣдешь отсюда и будешь ждать насъ на пути, по которому мы скоро поѣдемъ. и тогда тебѣ будетъ объявлена наша воля и данъ будетъ отпускъ.

И послѣ того я былъ отпущенъ домой и въ тотъ же день ко мнѣ былъ присланъ съ дворяниномъ отъ его вел-ва совершенно готовый обѣдъ и большое количество разнаго рода питей; а на другой день 24 числа Мая, главный дьякъ его вел-ва прислалъ ко мнѣ дворянина объявить мнѣ, что его царскому вел-ву угодно чтобы я немедленно отправился въ городъ Тверь въ 300 миляхъ отъ *(Александровской)* слободы и ожидалъ бы тамъ прибытія его выс-ва въ г. Старицу, въ 60 миляхъ отъ сказанной Твери.

№ 34.—1572 May 13.

Account of a personal interview of M. Anthony Jenkinson with the Czar at Staritza, on the 13 May 1572 *).

The 13 May (1572) I had warning earely in the morning to prepare my selfe to be at the court, betwixt the houres of 10 and 11 of the clocke, where I should haue accesse vnto the presence of the prince, as well to receiue answere of all things, as to bee dismissed to goe home. At which houres I was sent for to the court, and brought into the chamber of presence, where his ma-tie did sit apparelled most sumptuously, with a riche crowne vpon his head, garnished with many pretious stones, his eldest sonne sitting by him, and many of his nobilitie about him: and after my duetie done, his highnesse commanded me to approch very neere vnto him, and sayde vnto me these wordes.

A n t h o n y, the queene our louing sister her letters we haue caused to be translated, and doe well vnderstand the same, and of all things as well therein contained, as by worde of

*) vide supra № 33.

mouth by you to vs declared wee haue well considered, and doe perceiue that our secret message vnto you committed, was done truely according to our minde (although wee were aduertised to the contrary) and nowe wee are by you fully satisfied. And when wee did sende our ambassadour into England, about those our great and waightie affaires, to conclude the same with the queene our sister, our ambassadour coulde ende nothing for want of such assurance as was requisite in princely affaires, according to the maner of all countreys, but was dismissed vnto vs againe, with letters of small effect, touching the same, and no ambassadour sent with him from the queene: which caused vs to thinke, that our princely affaires were set aside, and little regarded, wherewith wee were at that time much grieued: for the which cause, and for the euill behauiour of your merchants, resident in our dominions (who haue diuers wayes transgressed and broken our lawes, liuing wilfully in al their doings) we did lay our heauie displeasure vpon them, and did take away from them their priuiledge, commaunding that the same throughout all our dominions, should be voyd, and of none effect: and thereupon did write to the queene our sister, touching our griefes.

And nowe her highnesse hath sent vnto vs againe, you her ambassadour, with her louing letters, and full minde, which we doe thankefully receiue, and are thereby fully satisfied. And for that our princely, and secret affaires were not finished to our contentation at our time appointed, according to our expectation, we doe now leaue all those matters, and set them aside for the time, because our minde is nowe otherwise changed, but hereafter when occasion shall mooue vs to the like, wee will then talke of those matters againe. And for that it hath pleased the queene our louing sister, to sende vnto vs at this present, and doeth desire to continue in friendship with vs for euer (which wee doe gratefully accept, and willingly agree to the same) wee of our goodnesse for her highnesse sake, will not onely from hencefoorth put away, and forget all our displeasure towardes sir William Garrard and his company (as though they had neuer offended vs) but also restore them

to their priuiledges, and liberties, in, and throughout all our dominions, and will signifie the same by our letters, in all townes and cities, where the said merchants do traffique, and we will shewe them fauour as aforetime, if they deserue not the contrary. And if the queene our sister had not sent thee Anthony vnto vs at this present, God knoweth what we should haue done to the said merchants, or whether we would haue called back our indignation.

Then I humbly beseeched his ma-tie, to let me know the particular offences committed by the said merchants, and the offendors names, to the intent I might make report thereof, vnto the queenes ma-tie, my mistres, accordingly, that the said offendors might receiue iust punishments for their deserts: but he said, I should not know them, because he had cleerely remitted al offences: and further, that it was not princely to forgiue, and after to accuse the parties, whereby her ma-ties displeasure might fall vpon them at home. Notwithstanding I did after vnderstand some part thereof, by other meanes.

Then his ma-tie proceeding in talke, said: as touching the articles of request, concerning the marchants affaires, which you did yesterday deliuer vnto our secretary, we haue not onely read the same our selfe, but also haue appointed our said secretary to declare vnto you our mind, and answere to the same. And for that we are now vpon our iourney towards our borders, and will depart from hence shortly, we will dismisse you to the queene our louing sister, your mistres, with our letters, and full mind by word of mouth, touching all your requests, and will send a gentleman one of our houshold with you to safe conduct you to your ships: and of our goodnes will giue you victuals, boates, men, and post horses, so many as you shall neede. And therewith his ma-tie standing vp, and putting off his cappe, said vnto me these words: Doe our hearty commendations vnto our louing sister, queene Elizabeth, vnto whom we wish long life, with happie successe: and herewith his highnes extended his hand to me to kisse, and commanded his sonne, sitting by him, to send the like commendations which he did, whose hand likewise I kissed. And

then his ma-tie caused me to sit downe, and commaunded wines and drinkes of diuers sorts to be brought, whereof he gaue me to drinke with his owne hand, and so after I departed.

№ 34. — 1572 Мая 13.

Личные переговоры г. Антона Дженкиноона съ царемъ въ Старицѣ 13-го Мая 1572 года *).

13-го Мая (1572) мнѣ рано утромъ было дано знать, чтобы я готовился быть при дворѣ между 10 и 11 часовъ, и что я буду допущенъ въ присутствіе государя, какъ для полученія отвѣта по всѣмъ дѣламъ, такъ и для отпуска домой. Въ назначенный часъ я былъ потребованъ ко двору и былъ введенъ въ пріемную палату, гдѣ его вел-во сидѣлъ великолѣпно одѣтый въ богатомъ вѣнцѣ на головѣ, украшенномъ многими драгоцѣнными каменьями; его старшій сынъ сидѣлъ подлѣ него, и многіе сановники кругомъ. По отдачѣ мною поклона, его выс-во приказалъ мнѣ подойти весьма близко къ нему и сказалъ мнѣ слѣдующую рѣчь:

Антонъ, мы велѣли перевести грамоту нашей любительной сестры королевны и хорошо ее выразумѣли; и мы хорошо обдумали все то, что въ ней написано, и то, что ты намъ изустно объявилъ, и видимъ, что наше тайное порученіе, которое мы на тебя возложили, исполнено согласно съ нашимъ намѣреніемъ (хотя насъ увѣдомляли о противномъ); и теперь мы вполнѣ тобою удовольствованы. Когда по этимъ великимъ и важнымъ нашимъ дѣламъ мы посылали нашего посланника въ Англію, чтобы постановить по нимъ рѣшеніе съ сестрою нашею королевною, посланникъ нашъ не могъ ничего рѣшить по недостатку того утвержденія, какого, по обычаю всѣхъ странъ, требуется въ государскихъ дѣлахъ: онъ былъ обратно отпущенъ къ намъ съ письмами неважнаго содержанія относи-

*) См. № 33.

тельно этихъ дѣлъ, и отъ королевны не было прислано съ нимъ никакого посланника. Это заставило насъ думать, что наши государскія дѣла отложены въ сторону и на нихъ обращено мало вниманія, чѣмъ мы въ то время были весьма огорчены; по этой причинѣ, а также за дурное поведеніе вашихъ купцовъ, пребывающихъ въ нашихъ владѣніяхъ (которые различнымъ образомъ преступали и нарушали законы, оказывая всякое своеволіе въ своихъ поступкахъ), мы наложили на нихъ свою тяжкую немилость и отняли у нихъ жалованную имъ грамоту, повелѣвъ во всѣхъ нашихъ владѣніяхъ, чтобы она считалась ничтожною и не имѣла дѣйствія; и затѣмъ писали къ сестрѣ нашей королевнѣ относительно нашихъ неудовольствій.

И нынѣ ея выс-во вновь прислала къ намъ тебя своимъ посланникомъ съ своею любительною грамотою и съ полнымъ наказомъ, и мы тѣ грамоты приняли благодарно и вполнѣ ими удовольствованы. И такъ какъ наши государскія и тайныя дѣла не были окончены къ нашему удовольствію въ назначенное нами время, по нашему ожиданію, мы всѣ тѣ дѣла теперь оставляемъ, и отложимъ на время въ сторону, потому что перемѣнили наши намѣренія на другое; но въ послѣдствіи, если случай наведетъ насъ опять на то же, мы тогда будемъ опять говорить объ этихъ дѣлахъ. И такъ какъ любительной сестрѣ нашей королевнѣ угодно было нынѣ прислать къ намъ тебя и такъ какъ она желаетъ продолжать быть съ нами въ дружествѣ вѣчно (что мы пріемлемъ съ благодарностію и на что изъявляемъ согласіе) мы по нашей благости, въ угоду ея выс-ву, не только отложимъ и предадимъ забвенію наше неудовольствіе на сэра Вильяма Гаррарда и его товарищество (какъ бы они никогда не чинили намъ никакихъ обидъ), но даже возвратимъ имъ ихъ привилегіи и повольности въ нашихъ владѣніяхъ и на всемъ пространствѣ ихъ, и дадимъ о томъ знать нашими указами во всѣ города и пригороды, гдѣ сказанные купцы торгуютъ, и будемъ оказывать имъ милость по прежнему, если они не заслужатъ противнаго. А если бы королевна, сестра наша любительная, въ настоящее время не прислала бы къ намъ тебя, Антона, Богу вѣдомо что мы бы сдѣлали съ тѣми купцами и отложили ли бы нашъ гнѣвъ на нихъ.

Тогда я покорнѣйше просилъ его вел-во объявить мнѣ точныя преступленія, содѣянныя сказанными купцами, и имена виновныхъ, для того, чтобы я могъ донести о томъ ея вел-ву королевнѣ, моей государынѣ, дабы тѣ виновные получили справедливо заслуженное ими наказаніе. Но онъ сказалъ, что я ихъ не узнаю, потому что онъ совершенно отпустилъ имъ ихъ вины и что не по государски было бы, послѣ того какъ онъ ихъ простилъ, обвинять ихъ и тѣмъ подвергать ихъ гнѣву вашего вел-ва въ Англіи. — Не смотря на то я въ послѣдствіи отчасти разузналъ это дѣло иными средствами.

Затѣмъ, продолжая говорить, его вел-во сказалъ: Что же касается купеческихъ дѣлъ, которыя ты вчера передалъ нашему дьяку, мы не только сами прочли тѣ дѣла, но даже приказали нашему дьяку объявить тебѣ по нимъ наше рѣшеніе и нашъ отвѣтъ. А такъ какъ мы теперь на пути къ нашимъ рубежамъ и вскорѣ отсюда уѣдемъ, мы отпустимъ тебя къ королевнѣ, сестрѣ нашей любительной, твоей государынѣ, съ нашею грамотою и полнымъ изустнымъ рѣшеніемъ по всѣмъ твоимъ просьбамъ; и назначимъ дворянина изъ нашего дома съ береженьемъ проводить тебя до твоихъ кораблей; и отъ милости нашей пожалуемъ тебя кормомъ, лодками, людьми, и подводами, сколько тебѣ надобно будетъ. — При этомъ его вел-во всталъ и, снявъ свою шапку, сказалъ мнѣ слѣдующія слова: — Передай нашъ сердечный поклонъ нашей любительной сестрѣ королевнѣ Елисаветѣ, которой мы желаемъ долгоденственнаго житія и благопоспѣшенія. — Затѣмъ его выс-во протянулъ мнѣ руку для цѣлованія, и приказалъ своему сыну, сидѣвшему подлѣ него, переслать таковой же поклонъ, что имъ и было исполнено; его руку я также поцѣловалъ. Потомъ его вел-во приказалъ мнѣ сѣсть и велѣлъ подать винъ и различныхъ напитковъ, которыхъ онъ мнѣ далъ пить изъ своихъ рукъ. —

Послѣ этого я ушолъ.

№ 35. — 1572 Мая.

Царь Елисавете.

Прислала еси к нам своего посланника Онтопа Енкина*) з грамотамі А в грамотах своих к нам писала еси что нашего жалования и любви хочеш и о иных делех к нам писала еси. И на посолстве нам Онтоп которы речи говорил и мы грамоты и речи посланника твоего Онтонавы слушали. И то еси учинила гораздо что нашего жалованья и любви еси похотела. А о котором еси деле к нам писала в своеі тайной грамоте и тому делу время поминовалося занеже такие дела меж государеі без укрепления и без крестного целования не живут да и позамешкало то дело. А в кое время посылали есмя к тебе своего посланника Ондрея Совина о том деле и ты тогды о том деле о укреплениі к Н. Ц. В-ву не писала а писала об одной торговле. А что еси нам писала в своей грамоте съ своимъ посланникомъ с Онтопом о любви что ни с кем такъ быти не хочеш в братственой любви какъ с Н. Ц. В-вом И ты то делаеш гораздо что нашего жалованья и братские любви ищешь. И Н. Ц. В-во тебя в любви держати хотим. А что еси к нам писала о своихъ гостех чтобы нам их пожаловат велети имъ в своих государствах торговати поволною торговлею по прежним своим жаловалным грамотам и грамоту б нам свою жаловалную о торговле твоим гостем дати. И мы для тебя твоих гостеі пожаловали во всех своих государствах торговати им велели поволною торговлею и пропущати их велели из своих государствъ во все государства куды похотят безо всякого задержания и обиды. И жаловалную свою грамоту для тебя дати им велели какове грамоте быти пригоже.

А твои грамоты которые до Н. Ц. В-ва твоим посланником Онтопом донесены приняли есмя любовно. И Н. Ц. В-во к тебе против того любов держати хотим.

Писана государства нашего великого княженья Тоерскаго в Старице лета 7080 Маиа.

*) т. е. Антонъ Дженкинсонъ

№ 35. — 1572 May.

Czar John to Q. Elisabeth.

You have sent to us your ambassador Anthony Jenkinson with your letters. And in those letters you wrote to us that you wish our favour and our love and you wrote to us on other matters. And Anthony told us some speeches on his ambassage; the which letters and speeches of your ambassador Anthony we did hear. And this you do wisely that you wish for our favour and our love. And the business about which you wrote to us in your secret letter, the time for this business is past, because such business amongst princes cannot be done without an oath and furthermore this business has tarried too long. And when we sent to you our ambassador Andrew Sovin about this business you did not write anything to our imperial majesty on this matter about the oath, but wrote only about trade. And whereas you wrote in your letter with your ambassador Anthony that you do not so much desire to be in such brotherly love with any as with our imp. ma-ty, you do wisely that you seek for our favour and brotherly love. And our imp. ma-ty wishes to keep you in our love. And whereas you wrote to us about your merchants, that we should grant them in our dominions liberty of trade according to our former privileges and give to your merchants our charter for their trade. And for your sake we have granted to your merchants and ordered them in all our realms to trade free and have given order to let them pass out of our dominions into any other dominions according to their wish without any lett or hinderance. And we have ordered for your sake to give them a charter of privileges such as is convenient.—And we have lovingly received your letters which you sent to our imp. ma-ty brought by your ambassador Anthony. And therefore our imp. ma-ty wishes to keep love unto you.

Given in our dominion of the granduchy of Tver in Staritza in the year 7080 May.

№ 36.—1574 Авг. 20.

Царь Елисаветѣ.

(Присылала) еси нам гонца своего Данила Селиверстова з грамотою. А въ грамоте своей нам писала еси котор (*ыя грамоты*) в iюле мѣсяце к тебѣ принесены и по тѣх еси грамотъ выразумела которые к тебѣ привез Данило толмач твой что мы твоих гостей велми пожаловали болших ихъ учинили Томоса Банистера да Өереда Дукав*) да Миколая Проктера для твоего великого челобитя что им волно в наших государствах торговати. А что есмя по дѣлу учинили Томоса Глевера и Раөа Рутора и с ыхниными таварыщи которые волочас жили и много лиха чинили. И мы их ис свова государства проч выгнали. И то есмя по вашей любви учинили за что вам добрѣ за честь и много нам челомъ бьешь. потому что тот Главеръ торговал не Аглинскою торговлею толко товарыщей своих обманывал которые не по нашему велѣнью из ыных земел торговали из Өранцовские и из Немецкие земли ходилися. И сказывал тебѣ твой толмач Данило коли он был в нашей отчине в великом Новѣгороде что он от наших думных людей выразумѣл что многие люди Аглинские с Свѣйским против нас стояли и воевали их Ты то хочеш от нас вѣдати такъ ли то было как тебѣ сказал толмач твой Данило— Тебѣ то дѣло невѣдомо. А ты слова своего и вѣры оборченые не хочешъ переменити. и от них не хочешъ терпѣти. А вперед ни которого гостя торгового не хочешъ послати и оприч тѣх которые тебѣ вѣрны и имянiи и приближены. Которые были в которые земли в недруговъ наших оприч нашие земли торговати не ходили. И о том станешъ промышляти чтоб тѣ нелюбости промеж нас долго не были и нашего б слова и гнѣву на твоих торговых людей не было. И добрѣ о том челом бьешъ коли которые Аглинские гости будут без вашего велѣнья и не вмѣсте с твоими гостми которые портятъ торги и меж нас ссоры и измѣны дѣлаютъ и нам бы тѣх казнити велѣти или их

---

*) Готфрида Дукета.

твоим гостемъ отдати а они их к тебѣ отошлют. А коли так станетца послали твои гости с великим товаром в головах Вилелма Мерика чтоб нам его жаловати и береч о томъ велми челом бьеш. А кои тотъ Томос Главеръ в нашемъ государстве торговал и имал у товарищеі своих много товаров в долгъ и кобалы им на собя за своею рукою давал и в долгу стал виноват в десяти тысячах в осми сот во штидесят в осми рублех. И какъ к тебѣ с Москвы приѣхал па суду обвинен і в тѣх ныне в деньгах у тебя в тюрмѣ сидит. и окупитис ему нѣчем. И ты челомъ бьеш по прежней величества нашего грамоте чтоб намъ из его животовъ тѣ денги тѣмъ людемъ торговымъ велѣт заплатити чтоб тѣм торговым людем убытка не было. А иным ему искупитис нѣчемъ. И к тебѣ тот слух дошел что блиско Москвы в Олександровской Слободѣ взяли есмя у товарыщевъ и у гостей твоих Аглинских товару на собя на шесть тысяч на шесть сотъ рублев которые денги бралис есмя заплатити тѣмъ гостемъ твоимъ. И сказывал тебѣ Антоней Лепин сынъ *) вашъ посол что преж твоей грамоты денги их дошли за что ты намъ вельми челом бьеш. И к тому еще велми челомъ бьеш о чом намъ гости твои учнут челом бити чтоб им отыскати долги своя от наших подданных и от иных чтоб нам любително выразумѣти по нашей жаловалной грамоте которую есмя им пожаловали чтоб они охотнее товары в наше царство возили и нам бы вѣрою и правдою служили во всем. А опосле какъ Ондрѣй на тем торгу людей твоих торговых в великом Новѣгороде и в Ругодиве был над ними как голова и для измѣны их слова которая была на Томосе на Главера и на его товарыщи и на него то ж слово не подѣлно пришло и животы товарыщев его которые были у него на руках от нас государей запечатаны и за сторожи. А ты нам челом бьеш толко будетъ какая его вина чтоб нам его пожаловати вину ему отдаті и его б намъ по старому жаловати а животы тѣ которые его товарищей а не его пожаловали бы есмя велѣли отдаті. а вина вся на виноватого падетъ, а невинной бы за виноватого не терпѣлъ. А ты от нас того начаешъ что мы

*) **Антонъ Дженкинсонъ.**

государи все то для тебя учиним и для твоего челобитья. А от тебя любителные сестры наше пресветлѣйшество на всяк час всякие любви ждем. И наше величество и счастье на многие лѣта с великою славою и честью во всяком мѣсте прибываеть.

А слово ж намъ от тебя твой человѣкъ Данило говорилъ что учинилося на восточных морех великое волнование и розбои всѣмъ торговым людем а волнуеть и розбивает Свѣйской корол ссылаяс с Полским королем и с Полскими властели а совѣт у них на том что им караблейников из нашего государства областей и пристани Ругодивской не пропущат а хотячи нам и нашей державе досады учинити. И ты не хотячи обрекателно своего слова переменити нам о томъ извещаешъ. А толко будет корол Полской и Свѣйской и Ѳранцовской так учинят и ты обрекаешся нам потребу издоволити и наполнити всякими нашими царскими надобными узорочи своими гостми сѣверскими странами которые мы твоего для прошенья поволно пожаловали.

И мы твою грамоту выслушали и вразумѣли. И что еси нам писала в своей грамоте сказывал тебѣ твой толмач Данило что многие люди Аглинские с Свѣйским против нас стояли. И ты того хочеш от нас вѣдати потому ли так дѣлаеца. А ты своего слова и вѣры оборченые не хочешъ перемѣнити. И мы преж сего посылали к тебѣ своего дворянина Ондрѣя Григоревича Совина о котором дѣле и ты то дѣло положила на своих боярах а сама еси для девѣческово чину того дѣла не дѣлала. А бояре твои оставя то дѣло болшое да дѣлали мужитцкие дѣла торговые и то по тому дѣлу не сталос. А что есмя дали поволность твоей земли гостем по твоему прошенью жити и приезжат в свое государство и торговати всякими товары без вывета и по всему своему государству ѣздити и торговати безпошлинно. И твоей земли гости почали жит в нашем государстве под нашею царьскою державою приставая к нашим измѣнником — хто нам изменит тот им всякой другъ — и всячески почалы им способствовати и животы наших измѣнников учали хоронити у собя а жили в нашемъ государстве не купецким обычаем воровством и лазучьством и к нашим недругом приставати почали к Литовскому и Швейскому. И на наши украины с Свѣйскими людми войною твои люди за Свѣйских людей при-

ходити почали вмѣсте. Да и по ся мѣста без престани всеким воровством и неправдою чинят Н. Ц. В-ству и нашему царству вездѣ во всем убытки чинят и многие неправды в нашем государстве показали и потому над ними так сссталося. И ты б вперед к намъ гостемъ своим ходити велѣла добрым людем которой бы один свой торгъ знал и правду а не лазучеством чтоб не воровством жили в нашем государстве и к нашему б ни х которому недругу не приставали а жили б и торговали в нашем государстве с Н. Ц. В-ства повелѣнья по нашему жалованью по нашей жаловалной грамоте какову есмя твоим купецким людем жаловалную грамоту дали послѣднюю по твоему прошенью к нам.

А что еси писала Н. Ц. В-ству в своей грамоте Томос Главер стал от своих товарищей виноват в десяти тысечах в осмисот во штидесет в осми рублех и ты Н. Ц. В-ству челомъ бьеш чтоб нам из его животов тѣ денгі тѣмъ людем торговым заплатити и то взято у Томоса в нашей опале потому что твои люди против нас стояли и наймовались у нашего недруга Свѣйского. И то отдавати не пригодитца. А хто давал ино у них и пропало потому на что лихому дают. И того во всѣх землях не ведетца что приѣхав из чужие земли а учнет жити воровскимъ обычаемъ и лазучествомъ. А ему б терпѣти не токма по суду и по сыску дойдет до животов хотя и до головы и тому не терпя. Всякой торговой человѣкъ в чюжех государствах промышляет торгомъ а не лазучит и не ворует. А тѣ былі твои люді дошли по своему воровству и лазучству и до смертные казни. И мы как есть государи крестьяниноскіе не хотя видети крови таких воров казнити есмя их не велѣли. А Раоа и Томоса к тебѣ преж того отпустили. И ты б о томъ вперед к нам не писала. Да и послу твоему Антонью о томъ отвещено преж сего. И ты Онтона о том роспрося сама увѣдаешь. Да и у тѣх гостей которые на Вологде взято за то почему твои люди с недругом нашем с Свѣйским на нас стояли а наших гостеі Степана Твердикова да Өедота Погорѣлова держали их в твоей землѣ безчестно и торгу им поволново не дали.

А которые твои гости вперед приѣдутъ и нам бы для твоего прошенья о чем намъ учнут бити челом чтоб им отискати долги свои от наших подданных и от иных чтоб нам пожаловати их любително выразумѣти по нашей жаловалной грамоте которую есмя им пожаловали чтоб они охотнее в наше царство тавары возили и нам вѣрою и правдою служили во всем. И ты б к нам присылала вперед гостей в наше государство добрых людей которые б опрочѣ торговли и правды ни х какому дурну не приставали и к нашим недругомъ и к нашим измѣньником никоторым обычаим. А мы их по твоему прошенью хотим жаловати по своей жаловалной послѣдней грамоте и управу им давати велим по своему царскому уложенью и тѣх их товаров велим сыскати.

А что еси писала к Н. Ц. В-ству в своей грамоте с нашими подданными до кого имъ будет дѣло по нашему царскому суду об Ондрѣе о Техторе *) что был у твоих людей торговых голова в великом Новѣгороде и в Ругодиве и у него животы поиманы с Томосом вмѣсте. И у того потому ж взято что твои люди против нас стояли.

А что словом Н. Ц. В-ству от тебя твой человѣкъ Данило говорил что на восточных морех великое волнование и розбои торговым людем. А волнует и розбивает Свѣйской корол ссылаяс с Полским королем и съ его властели. И ты не хотячи обрекателного слова переменити нам о томъ извѣщаеш и обрекаешся Н. Ц. В-ству всякими нашими царскими надобными узорочьи нам потребу издоволити и наполнити своими гостми сѣверскими странами которых мы для твоего прошенья повольно пожаловали. И Н. Ц. В-ство и не для твоего прошенья на сѣверные страны к нашему государству на Двину дорогу отворили и ослободили есмя твоимъ гостемъ со всякими товары ѣздити в свое государство по всѣмъ мѣстомъ по своей послѣдней жаловалной грамоте. И беречи их и жаловати хотим для твоего любителново прошенья во всемъ како будет пригоже.

И твоего человѣка Данила отпустили есмя к тебѣ с сею грамотою без мешканья. А похочеш наше к себѣ любви и

*) Николаѣ Прокторѣ?

дружбы большиі и ты б о томъ собѣ помыслила и учинила которым дѣлом тебѣ к нам любов своя умножиті.

А что б еси велѣла к нам своимъ людем привозити доспѣху и ратного оружья и мѣди и олова и свинцу и сѣры горячие на продажу.

Писан нашие отчины в великом княжствѣ Тверском. Лѣта от создания миру 7082 Августа мѣсяца 20 дня индикта 2. Государствия нашего 41, а царствъ наших Росиского 28. Казаньского 21. Астороханского 19.

№ 36. — 1574 Aug. 20.

Czar John to Q. Elizabeth.

You have sent to us your messenger D a n i e l S y l v e s t e r with your letter; and in your letter you write to us about the letters which were brought to you in the month of July; and from the letters which D a n i e l your interpreter brought unto you, you have understood that we have shown great favor to your merchants, have allowed their directors T h o m a s B a n n i s t e r, G e o f r e y D u c k e t and N i c h o l a s P r o c t o r, according to your demand, to have free trade in our realms. And what have we done in the business of T h o m a s G l o v e r and R a l p h R u t t e r and their confederates who lived disorderly and did much harm?—we have driven them out of our empire. And we did it from our love, for that you honor us and send us often your greetings; because the said G l o v e r did not trade for England, but only cheated his companions, who did not trade according to our privileges but brought trade from other countries, from France and Germany. — And your interpreter D a n i e l told you that when he was in our town of Novgorod he was apprised by our governors that many Englishmen stood up against us with the Swede and fought against our people; you wish to know from us if what your interpreter D a n i e l has told to you be true, as it is not known to you, because you do not intend to change your word and

your pledged faith and do not wish to suffer by them; and will not in future send any merchants but those who are faithful to you, and known by name, and trusty; that those who have been in the lands of our enemies, should not come to trade in our land; and that you will contrive that such disagreements should not continue between us and that we should not bear any indignation against your merchants. And you greatly pray us that we should punish those English merchants, who come without your order and apart from your merchants, spoil the trade and promote quarrels and treasons between us. And in case it should be so, your merchants sent many wares with William Merrick as their chief, praying that we should favor him and keep him safe. And that the said Thomas Glover who traded in our empire and took from his companions much merchandise on credit and gave many bonds under his signature and remained in debt for 10.868 roubles; and that now when he came to you from Moscow he has by judgement been proved guilty, and lies now in gaol for this money and has nothing to make payment of it. And you pray us, according to our ma-ties former privileges to pay it out of his property to your merchants that they should not suffer any loss, as he has nothing more to repay it. And that the rumour has come to you that we have taken from your merchants and from your society near Moscow in the Alexandrovskaia Sloboda English wares to the amount of 6.600 roubles, which sum we took upon us to repay to your said merchants. And that your ambassador Anthony Jenkinson told you that before your letter came they had received their money, for which you give us thanks. And you also pray us much that we should favorably receive the request of your merchants to order their debts to be repaid them by our subjects and by others, according to our privilege, which we have granted them that they might willingly bring their wares into our empire and faithfully and trustfully serve us. And that after the time when Andrew had the direction of their trade in Novgorod and Narva and for their treason which was done by Thomas Glover and his confederates he was punished

for his treason and the wares of his companions which were in his hands were by our ma-ty confiscated and given unto custody. And you pray us that if there be any fault of his to pardon him, and to grant that those wares which are not his but his companions should be given back, in order that the fault should fall on the culprit and that the innocent should not suffer for the guilty. And that you hope we should do all this for you according to your prayer; and that we may everlastingly expect every friendship from you, our loving sister. And that our ma-ty and prosperity may continue for many years everywhere with great glory and honor.

Also your servant Daniel told us your words that there have happened on the eastern seas great disturbances and freebooting against all merchants and that the Swedish king disturbs and makes war by consent with the Polish king and the Polish authorities, and they are agreed not to let pass any mariners out of the dominions of our empire and out of our port of Narva in order to do prejudice to us and to our estate. And that you inform us of this not willing to violate your pledged word. And that if the kings of Poland, of Sweden and of France make this agreement, you promise to furnish what shall be requisite to us and to fill our royal treasury with any goods wanted through your merchants by the way of our northern countries, where we have given free trade according to your request.

And we have heard your letter and do understand the same. — Whereas you wrote to us in your letter that your interpreter Daniel told you that many Englishmen stood up with the Swede against us; and you wish to know from us if it be true; and you will not change your word and your pledged faith. And afore this we sent to you our nobleman Andrew Grigorievich Sovin about some affair and you transmitted this affair to your counsellors and did not treat this affair yourself because of your maidenly state. And your counsellors set aside this great affair and did deal about boorish merchant affairs, and by this cause this affair came to nothing. — And whereas we have given a privilege to the merchants of

your country according to your request, that they may come and live in our dominions under our empire, and traffic with all sorts of wares without exception, and go and trade through all our dominions without paying any custom. — And the merchants of your country began to live in our dominions under our empire joining our traitors—whoever betrays us becomes their friend—and in every way they began to give them aid, and they concealed the goods of our traitors, living in our empire not as becomes merchants but thieving and spying and taking the side of our enemies the Lithuanian and the Swede. And your subjects began to come with the Swedes to make war on our borders. Even until now they continually do every mischief and iniquity to our ma-ty and everywhere and in every way do prejudice to our realm and have committed many iniquities in our empire, and this was the cause of what befell them. For the future you must order that those of your merchants who come to us, should be good men, who should be only occupied with their trade, be trusty and not spies, so that they should not misbehave themselves in our empire and not side with our enemies, but live and trade in our empire, according to our ma-ties orders and to the last privileges, which we have graciously granted to your merchants at your request unto us.

Whereas you wrote in your letter to our ma-ty, that Tho: Glover remained in debt to his companions for 10.868 roubles and that you pray our ma-ty to pay this sum to the said merchants out of his goods, which we took from Thomas during our displeasure because your subjects stood up against us and hired themselves to our enemy the Swede.—It is not suitable to give back these goods, and those who gave them must loose them, because they gave them to an evil minded man. And there is no country, where one, who comes from a foreign land, can live by evil practises and by spying. And he ought to be judged and condemned not only to the loss of his goods but even to the loss of his head. Every merchant in foreign countries deals in trade and not in spying and in evil practises. And those your subjects

for their evil practises and their spying have come to deserve even death; but we, being a christian prince and not wishing to see the blood of such wretches, did not order them to be put to death. — As regards Ralph (Rutter) and Thomas (Glover) we sent them to you before this and you ought not to write to us any more about them, the more so as Anthony has already had our answer about them; you may know it yourself if you question Anthony. — Also the goods of your merchants who are in Vologda have been confiscated because your men rose against us with our enemy the Swede and because our merchants Stephen Tverdicof and Phedot Pogorely have not been honorably entertained in your country and because free trade has not been granted to them.

(You write that) at your request we might graciously give favorable hearing to your merchants about that which they shall beg from us about the paying of the debts due to them by our subjects and by others, according to the privileges, which we have granted to them to make them the more willingly bring wares into our realm and serve us in all things faithfully and trustfully. — In future you ought to send us in our empire good men, who will do nothing but trade and be trusty, without dealing in any evil practise or in any way siding with our enemies and our traitors. And we are willing to show them favor at your request according to our last letter of privileges and shall order to give them satisfaction according to our imperial regulation and let them be indemnified for their wares.

Whereas you wrote to our ma-ty in your letter about what may concern our subjects in our imperial judgement on Andrew Tector (Nicholas Proctor?) who was chief of your merchants in Novgorod and Narve and whose goods have been confiscated together with those of Thomas. — His goods have been confiscated for the same reason that your subjects rose against us.

And whereas your servant Daniel has told to our ma-ty from you by speech that there are great disturbances and freebooting on the eastern seas, the king of Sweden by agree-

ment with the king of Poland and his authorities making these disturbances and piracy; and that you, not willing to violate your pledged word make it known to our ma-ty and promise to furnish us with all the princely and precious wares we require and to fill our treasury with any goods we need through the way of our northern countries by your merchants, to whom we have given privileges at your request. — Our ma-ty even without your request did open the northern way to our empire by the Dvina and by our last letters of privileges did permit your merchants to come into our empire with every sort of merchandise; and we are willing to provide for their safety and favor them as shall be convenient for the sake of your loving request.

And we have dismissed your servant Daniel with these letters without any delay. — And if you wish for more amity and friendship from us, ponder upon that subject and do that business, by which you may increase our amity towards you.

Order also your men to bring to us for sale ammunition, and arms, and copper, and tin, and lead, and sulphur.

Written in our dominion the granduchy of Twer. The year from the creation of the world 7082, the 20-th day of the month of August; indiction 2. Of our age the 41-st, and of our empire of Russia the 28-th, of Kazan the 21-st, of Astrakhan the 19-th.

№ 37. — 1574.

Daniell Syluester concerninge his yornaye to Mosco.

The two points wherin th'emperours ma-tye findeth hymselfe not fully satisfyed ar thes.

The first is for that her m-ty hauinge graunted to confirme by oth thos thinges which by patent vnder her hand she hath sent him she will not permitt her counsail to signe it.

The second concerneth a request to be made by her m-ty to repeate each article of his, and to require the same to be as firmly yelded vnto and confirmed with like assuraunce vnto her highnes as of his part he expecteth from her.

Herin consisteth his whole mislike, wherin if he might be to his contentment satisfyed, it would cause great security to the state of the company, and greate commoditye in trades. And further by his good satisfaction, they might be restored to theire former priuiledges and thos disturbers of theire trades, I meane thos that trade beinge not of the company by whom they receaue no smale discommodity might be quitt rooted oute and banished those places, which withoute the spetial fauour of the prince there cannott be doon.

№ 37. — 1574.

Записка Даніила Сильвестра объ его путешествіи въ Москву.

Его царское вел-во считаетъ себя не вполнѣ удовлетвореннымъ по двумъ статьямъ:

Вопервыхъ въ томъ, что ея вел-во согласившись утвердить присягою тѣ предметы, о которыхъ она писала ему въ докончальной грамотѣ за ея рукою, не дозволяетъ своему совѣту подписать эту грамоту.

Вторая состоитъ въ томъ, чтобы ея вел-во повторила каждую изъ его статей *), прося его точно также о согласіи его и объ укрѣпленіи оной ея выс-ву, подобномъ тому, каковаго онъ ожидаетъ отъ нея.

Въ этомъ заключается все его неудовольствіе, въ коемъ онъ могъ бы, по желанію, быть удовлетворенъ; этимъ весьма обезопасилось бы положеніе общества и доставилось много удобства

*) Эти слова содержатъ очевидный намекъ на требованіе царя, чтобы Елисавета, подобно ему, просила у него убѣжища на случай необходимости оставить свое государство

торговлѣ. Далѣе удовлетвореніемъ его купцы могли бы быть возстановлены въ ихъ прежнихъ привилегіяхъ и нарушители ихъ торговли (разумѣю тѣхъ, которые торгують не принадлежа къ обществу), причиняющіе имъ немалое замѣшательство, могли бы быть совершенно изгнаны и высланы изъ тѣхъ мѣстъ, чего безъ особеннаго государева указа не можетъ быть тамъ сдѣлано.

№ 38. — 1575 May.

Instruccons giuen by here Ma-tie the « » of May 1575 Silvester being then sent to the Emperor of Russia.

After the deliuery of our letters you shall let him vnderstande that we accepte in verie good parte, the good conceipte he hath of our good will, and meaninge towardes him, being perswaded that we greatlie mislike as we doe in verie deed the evill vsing and behavor of our subjects towardes him whome we alwaise wished and charged so to gouerne them selues in all theire trafficque and dowinges within his dominions, as the amitie between ws, and the entercorse of our countries mighte there by rather be conseruied, then by anie meanes deminished ore broken of.

And in handlinge of this pointe, to witte, how well we accepte his good perswasion of our foresaid mislikeing you shall especiallie shew our good brother, how greate likeinge we haue of his princelie and plaine manner of dealing in that he his contens(?) soe fraunkely to vtter the ground and cause of his indignacon: which we cannot but interprite as an argument that he highlie esteemethe our frindshipe and desireth the continuance of the same in that he seketh to remoue the groundes of vnkindese as mighte impaire our said frindship.

But forasmuch as the said empror our good brother at your last cominge frome thence comitted vnto you, twoe speciall matters to be imported unto vs; one of the yll demenor of our marchaunts exercisinge theire tread in his dominons, the other of certaine our subiects (as he is informed) servinge

the king of Swaden in his warres against him, to the which he looketh by you at your returne to receave answer and satisfaccon, and alsoe shewed himself to be not a little greved towchinge a message of greate seacretie sent vnto vs longe sence by our seruant Antonie Jenkinson, to whome about a three yeares paste we returned our answer wherein as yet he conceaueth he hath hade no directe answere made vnto him: our pleasuer is that toucheing all those three points you saye and doe accordinge to this our dereccon folloing.

And first for our merchaunts you may assuer him that whatoseuer they haue donne heretofore ether by transportinge out of our domiuons such commodities as warre not merchauntable, or by colloringe of straungers goods, to the defraudinge of his customes, or by ratelyng (*retailing*) of warres contrarye to theire pryuileges, hath byn downe not only without anie our knowledge, or alowance thereof but alsoe much against our will and pleasuer, and as we are informed the offences growing by our sayd merchaunts retayling there and colloring his subiectes goods, was committed cheifelie by sertaine euill seruantes of our merchauntes withoutt concente of theire whole companie and gouernors and now of late also reformed whereof we are right glade. As to that our subiectes trawding theither be charged to haue vsed some lighte and comtempteouse behauior to the defaceinge of such devine seruice and religon as our good brother and his hole countrie vseth; you maye saie that we can hardlie be perswaded that anie of them would haue soe littele regarde to themselues and all that they haue therein to *(incurr the?)* apparant daunger of soe mightie an emperors indignacon, as he is. But for his better satisfaccon in this behaulfe, yf anie such faulte haue byn or is comitted we haue giuen and doe give comaundement to our subiectes there havinge the gouernement of our said merchaunts that as they tender our good will and favor towardes them, and contrarie wise feare our highe displeasuer, soe to haue an especiall care that henceforward no such offence be mynistred: and also that our merchauntes them selues doe as quietly as becometh them and accordinge to the liberties and priuileges

graunted vnto them by our saide brother within there owne hovse that form of comon prayer and exercises of religion which they knowe to be agreeable to our lawes of this our realme, and non other. And hereof we charge you to let the gouernour, and hole companie of our subiects there haue knowledge and commaundemente given them in our name by you, to th'end they maye not onlie give no offence to the naturall people of that countrie but onelie most of all to God, in conforminge themselues contrarie to theire knowledge and consiences to the religion of that people more to serve the time and place then for anie true devocon they can haue therevnto.

Secondarelie: whereas he hath byn informed that certaine of our subiects, haue of late serued the kinge of Sweden, in his warres against him, and requireth that we tooke some order, that hereafter none of our naturall subiects serue anie of his enemies, you maye declare vnto him that excepte per adventuer some one or fewe of our disobedient subiectes whoe hauinge deserued puenishment to avoide the daunger of our lawes, haue fled to forraine parties and soe serued the saide kinge: he may be well assured that none other by our knowledge or allowance hath or shall serue ether the kinge of Sweden or anie other prine against him. And for the better removing cleane awaie of this occason of vnekindenes, which our brother hath or maie conceaue, you shall constantlie affirme vnto him that we know not soe much as one of our subiectes ether loyall or disloyall that haue borne armes anie where against him. The error of misinforming our good brother grewe hereof that certeine Scottes, as we haue learned to the number of fower thowsand, whoe vse one language with vs and our people and inhabete within the self same island that we doe: serued of late the saide king of Sweden: with (*which*) Scottes beinge a kingedome of themselues and subiectes to ane absolute prince of theire owen, over whom we haue noe more power then over any the dominions of ouer good brother, we can in noe wise commaunde, or restraine but at theire pleasuers they will serue as mercynarie souldiers, wheresoeuer they be offred enterteynement to theire contentacon. And therfore we desier ouer good brother,

to accepte this our answer, which as it is most true, soe we hope it will satisfie him.

Touching the laste pointe whereas he conceaueth that he hath receaued no directe answer to the secrat message deliured to Antonie Jenkinson, it semeth to vs verie straunge for that the saide Anthonie at his returne declared vnto vs that our said brother rested verie well satisfied with our answere; not withstaunding for theire satisfacon you shall declare to his owne personne and to none other that which we haue by word of mouthe delyuered vnto you.

And if you shall perceaue that he shall not reste contented therewith, but shall desier to send some speciall messenger heither to vs for to requier confirmacon by the othe of the league alreadie passed betwene vs then can we be content to yeald theireunto. And yet would we haue you vse all the perswasions you maye to diswade him from the same, soe farre forth as it may breede no alienacon in him towardes our subiectes that trafficque in that our *(his)* countrie. And if you shall see that by noe reasons you can vse he can be diswaded from sendinge; then would we haue you declare vnto him that we thinke it necessarie (to th'end that the conteantes of the league may be kepte secrate) that he sende some trustie minister and seruante of his heither vnto vs in priuate soule *(sort?)* without any pompe or outward shewe: for that o[t]herwise it will make the subiects that are hereof those princes that are not the beste affected vnto our good brother the empror whoe greatlie mislike and envie the good amitie and frindlie intelligence betwene vs, to be more curious to searche and vnderstand the grounde of the league that passeth betwene vs when they shall see a personage of make and countenance sent hither. And thoughe we haue an especiall care to haue all things that passe betwene vs kepte verie secrate yet we seeinge by experrience that curious searchers doe sundrie times gett light of things of greatest secreatie we canot but wish all occasons remoued that might anie waie breade a discouery of that which soe necessarilie is to be kepte secreat.

To conclude therefore you shall assure the emperor from vs, that we doe make that valewe and accompte of his frindshipe and good will he professeth towardes vs as theire is nothinge that he can demaunde of vs which with our hounor and good satisfaccon of our subiects may convenientlie be graunted that we will denie vnto him.

The following supplement has evidently been added in consequence of the preceeding note of Daniel Sylvester (vide № 37).

Whereas we conceave the secreate message you delivered vnto vs from the emperor to stand in twoe points: The one that he should mislike our refusall to confirme by othe the league agreed on at the tyme of his ambassador beyinge here, as that it was not subscribed by our cownsellers hands: the other, that he found it straunge that wee should make some scruple to require like assurance of refuge at his hands, as wee gave vppon his request made vnto vs for the same grownted vnto him.

Ffor the fyrst you shall declare vnto him, that thoughe wee had well hoped that he had conceaved so honorably of vs that no othe could have drawen vs to a more sinceare performance of our promise delivered in writynge signed with our hand, than the great respect wee beare to the mayntenance of our princely word, as in honor wee are bownd: yet the only and chiefe cawse why wee yealded not to the confirmation of the same by othe grewe of the great respect wee had to have the contents of the sayd league keapt secreat (a thynge no lesse earnestly by him required, than iudged by vs of it selfe most necessarie considerynge of what importance it was towards him) which with no possibilitie could have been performed with that sollemnitie that is vsuall in that behalfe. Ffor the leagues which wee confirme by othe doe ordinarily passe our greate seale: which can not be done but that the same must runne throughe the hands of so great a numbre of our ministers as in no possibilitie they can be keapt secreat.

And as towchynge his mislikynge that the league was not signed by our owncell, you maye tell him that suche thinges as are signed by our selfe are never signed by our cowncell.

Ffor that it is held a kynd of abasement of the state and qualitie wee should to have any ioyned with vs in that behalfe.

Ffor the other point towchinge a request to be made by vs vnto him for assurance of refuge in case of necessitie, you shall declare vnto him that yf our subiects should never so litle conceave that wee grewe into anie doubt or suspicion of anie chawnge or alteration in them towards vs (as wee knowe they would by consentynge to the makinge of suche a request) yt would breed so dangerouse a mislikynge in them towards vs, as might put vs in perill of our estate. Whiche thinge wee knowe our good brother, in respect of the great goodwill he protests to beare towards vs, wold be lothe to drawe vs vnto. And therfore wee hope he will accept in good part this our answeare towching the sayd points.

№ 38. — 1575 Мая.

Наставленія данныя ея вел-вомъ Сильвестру въ Маѣ 1575, при посылкѣ его къ царю Русскому.

По передачѣ нашей грамоты, вы дадите ему уразумѣть, что мы весьма довольны добрымъ понятіемъ, каковое онъ имѣетъ о нашемъ доброжелательствѣ и расположеніи къ нему, и тѣмъ, что онъ увѣренъ, (какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ), что мы весьма недовольны дурными поступками и поведеніемъ нашихъ подданныхъ въ отношеніи къ нему; мы всегда желали и наказывали имъ, чтобы они такъ вели себя во всей ихъ торговлѣ и въ ихъ поступкахъ внутри его государствъ, чтобы дружба между нами и сношенія нашихъ земель были бы сохраняемы, а отнюдь никоимъ образомъ не уменьшаемы или прерываемы.

И говоря объ этомъ предметѣ, (а именно о томъ какъ мы хорошо пріемлемъ его увѣренность въ нашемъ вышесказанномъ неудовольствіи), вы имѣете въ особенности высказать нашему доброму брату, что намъ весьма пріятенъ его царскій и искренній образъ дѣйствій въ томъ, что онъ откровенно объяснилъ причину и поводъ своего негодованія. Мы не можемъ принять

это иначе какъ за доказательство того какъ онъ высоко цѣнитъ нашу дружбу и какъ желаетъ продолженія оной, стараясь устранить поводы къ неудовольствіямъ, которыя могли бы повредить сказанной нашей дружбѣ.

При этомъ царь, добрый братъ нашъ, при послѣднемъ отъѣздѣ вашемъ оттуда, поручилъ вамъ сообщить намъ два особливыя дѣла: одно о дурномъ поведеніи нашихъ купцовъ, занимающихся торговлею въ его государствѣ; другое о томъ, что (какъ онъ увѣдомился) нѣкоторые изъ нашихъ подданныхъ служатъ королю Шведскому въ его войнахъ противъ него. Царь ожидаетъ по этимъ предметамъ получить отъ васъ при вашемъ возвращеніи отвѣтъ и удовлетвореніе. Онъ также высказалъ немалое огорченіе по поводу весьма тайнаго порученія, давно присланнаго къ намъ съ нашимъ слугою Антономъ Дженкинсономъ, на что мы дали отвѣтъ года три тому назадъ; но царь находитъ, что ему не было дано прямаго отвѣта. — Намъ угодно, чтобы по этимъ тремъ статьямъ вы говорили и поступали согласно слѣдующимъ нашимъ наказамъ.

Во первыхъ, относительно нашихъ купцовъ вы можете увѣрить его, что все, что ими было доселѣ дѣлаемо: вывозъ изъ его государства товаровъ запрещенныхъ для продажи, выдача чужихъ товаровъ за свои въ ущербъ его таможенъ, или продажа товаровъ въ розницу въ противность даннымъ привилегіямъ — не только дѣлалось безъ нашего вѣдома или дозволенія, но совершенно противъ нашей воли и желанія, и, какъ мы увѣдомились, проступки тѣхъ нашихъ купцовъ, какъ то продажа въ розницу и выдача за свои товаровъ, принадлежащихъ его подданнымъ, были совершены главнѣйше нѣкоторыми негодными слугами нашихъ купцовъ безъ согласія всего ихъ общества и правителей; въ послѣднее же время это исправлено, чему мы весьма рады. О томъ же, что наши подданные тамъ торгующіе обвиняются въ томъ, что вели себя столь легкомысленно и съ такимъ пренебреженіемъ, что надсмѣхались надъ богослуженіемъ и вѣроученіемъ, которыя въ употребленіи у нашего добраго брата и во всей его странѣ, вы можете сказать, что мы съ трудомъ вѣримъ, чтобы кто либо изъ нихъ столь мало себя уважалъ, и не думалъ о томъ, что̀ тамъ имѣетъ, чтобы рѣ-

шиться подвергать себя очевидной опасности прогнѣвить такого могущественнаго царя, каковъ онъ. Но, для болѣе полнаго его удовлетворенія въ этомъ отношеніи, если подобные проступки были совершены или совершаются, мы повелѣли и повелѣваемъ нашимъ подданнымъ, состоящимъ тамъ подъ управленіемъ нашихъ сказанныхъ купцовъ, чтобы, если только они дорожатъ нашимъ доброжелательствомъ и нашею милостію, и на оборотъ страшатся нашей великой немилости, они приложили бы отнынѣ особенное стараніе, чтобы подобныхъ проступковъ не было совершаемо; а также, чтобы наши купцы сами совершали внутри своихъ собственныхъ домовъ, какъ слѣдуетъ спокойно и согласно со льготами и повольностями пожалованными имъ отъ нашего добраго брата, лишь тѣ молитвословія и религіозные обряды, которые имъ извѣстны, какъ разрѣшенные законами нашего королевства, а никакіе иные. И мы поручаемъ вамъ извѣстить о семъ правителя и все тамошнее общество нашихъ подданныхъ и объявить отъ себя нашимъ именемъ повелѣніе, чтобы они не только не оскорбляли природныхъ жителей тамошней страны, но и не гнѣвили Бога, сообразуясь, вопреки убѣжденію и совѣсти, съ вѣрою того народа болѣе изъ за того, чтобы примѣниться къ времени и къ мѣсту, чѣмъ изъ истиннаго благочестія, котораго они не могутъ чувствовать къ той вѣрѣ.

Вовторыхъ такъ какъ онъ извѣстился, что нѣкоторые изъ нашихъ подданныхъ въ послѣднее время служили королю Шведскому въ его войнахъ противъ него и проситъ, чтобы мы сдѣлали распоряженіе, чтобы въ послѣдствіи никто изъ нашихъ природныхъ подданныхъ не служилъ никому изъ его недруговъ; вы можете объявить ему, что развѣ могло случиться, что нѣкоторые и весьма немногіе изъ неповинующихся намъ подданныхъ, заслуживъ наказаніе и желая избѣгнуть кары нашихъ законовъ, бѣжали въ чужіе края и такимъ образомъ служили сказанному королю; но что онъ можетъ быть увѣренъ, что никто иной, съ нашего вѣдома или дозволенія, не служилъ и не будетъ служить королю Шведскому или какому либо другому государю противъ него. И для лучшаго и совершеннаго устраненія этого повода къ неудовольствію, которое братъ нашъ

возъимѣлъ или можетъ возъимѣть, вы постоянно будете утверждать ему, что намъ неизвѣстно, чтобы кто либо — вѣрный ли или невѣрный изъ подданныхъ нашихъ гдѣ либо носилъ оружіе противъ него. Ошибочное извѣщеніе добраго брата нашего произошло оттого, что нѣкіе Шотландцы, какъ мы узнали, въ числѣ 4 тыс. человѣкъ, которые говорятъ на одномъ языкѣ съ нами и обитаютъ тотъ же самый островъ какъ и мы, въ послѣднее время служили королю Шведскому. Шотландцы составляютъ особое королевство и подчинены своему самостоятельному государю и мы не имѣемъ надъ ними болѣе власти, чѣмъ надъ которою либо изъ областей нашего добраго брата; а потому мы никакъ не можемъ имъ что либо повелѣть или воспретить, но они по своему хотѣнію могутъ наниматься въ войска всюду, гдѣ имъ дано будетъ удовлетворительное для нихъ содержаніе. По этому мы просимъ нашего добраго брата принять таковой нашъ отвѣтъ, который, такъ какъ совершенно справедливый, надѣемся, удовлетворитъ его.

Относительно послѣдней статьи: онъ находитъ, что не получилъ прямаго отвѣта на порученіе, сообщенное Антономъ Дженкинсономъ; намъ кажется это весьма страннымъ, такъ какъ сказанный Антонъ, по возвращеніи, объявилъ намъ, что братъ нашъ остался весьма доволенъ нашимъ отвѣтомъ. Не смотря на это, для его удовлетворенія, вы объявите самолично ему (но не кому либо другому) то, что мы изустно вамъ сообщили.

Если же вы замѣтите, что онъ этимъ не удовлетворится, но захочетъ прислать сюда нарочнаго гонца, чтобы потребовать отъ насъ подтвержденія присягою договора уже заключеннаго между нами, тогда намъ придется на сіе согласиться. Намъ однакоже желательно, чтобы вы употребили всякія убѣжденія, чтобы его отговорить отъ этого, но такъ однакоже, чтобы это не могло возбудить въ немъ негодованія противъ нашихъ подданныхъ, которые торгуютъ въ его землѣ. Когда же вы увидите, что никакими доводами, какіе вы употребите, вы не можете отвратить его отъ посылки (гонца): тогда мы желаемъ, чтобы вы объявили ему, что мы считаемъ нужнымъ (дабы сохранить въ тайнѣ содержаніе договора), чтобы онъ прислалъ сюда къ

намъ довѣреннаго посла или слугу своего въ видѣ частнаго лица безо всякой торжественности или какихъ либо наружныхъ обрядовъ. Иначе находящіеся здѣсь подданные тѣхъ государей, которые нехорошо расположены къ доброму брату нашему царю, и которые весьма неблагопріятствуютъ и завидуютъ доброй дружбѣ и любительному между нами согласію, когда увидятъ, что отъ него прислано къ намъ важное и значительное лицо, станутъ любопытствовать, разыскивать и разъузнавать содержаніе договора, заключаемаго между нами. Хотя же мы прилагаемъ особенное стараніе, чтобы всѣ происходящія между нами дѣла были содержимы въ великой тайнѣ, но видимъ однакоже по опыту, что любопытные разыскатели иногда кое что разузнаютъ о самыхъ тайныхъ дѣлахъ и потому не можемъ не желать устраненія всякой возможности открыть то, что необходимо должно быть содержимо въ тайнѣ.

Итакъ чтобы заключить: вы увѣрите царя отъ насъ, что мы такъ цѣнимъ его дружбу и такъ дорожимъ доброжелательствомъ, которое онъ намъ высказываетъ, что нѣтъ ничего такого, чего бы онъ могъ отъ насъ просить и въ чемъ бы мы ему отказали, если оно только можетъ быть исполнено согласно съ нашею честію и съ благоустройствомъ нашихъ подданныхъ.

Слѣдующее дополненіе очевидно добавлено вслѣдствіе записки Даніила Сильвестра помѣщенной подъ № 37.

Извѣстились мы, что тайное сообщеніе сдѣланное намъ вами отъ царя состоитъ изъ двухъ статей: вопервыхъ, онъ недоволенъ что мы отказались утвердить присягою договоръ заключенный въ бытность здѣсь его посланника и что онъ не былъ подписанъ руками нашихъ совѣтниковъ; вовторыхъ, онъ нашелъ страннымъ, что мы изъявляемъ нежеланіе требовать отъ него такого же обѣщанія дать намъ убѣжище, каковое дали ему по его къ намъ просьбѣ.

Относительно перваго вы объявите ему, что мы надѣялись, что онъ достаточно насъ уважаетъ, чтобы быть увѣреннымъ что никакая присяга не можетъ обязать къ выполненію нашего обѣщанія, изложеннаго нами на письмѣ и подписаннаго нашею рукою, болѣе искреннему, чѣмъ то, къ которому обязываетъ насъ

честь и собственное уваженіе къ соблюденію нашего государскаго слова. Впрочемъ единственная и главная причина, почему мы не согласились утвердить договоръ присягою, состояла въ великомъ значеніи, которое мы придавали сохраненію этого договора въ тайнѣ (чего и онъ самъ настоятельно просилъ, и что также и нами признавалось весьма нужнымъ, во вниманіе къ тому, какъ это было для него важно); исполнить же это не было возможности въ виду торжественности, обычной въ подобномъ случаѣ; ибо къ договорамъ, которые мы утверждаемъ присягою, обыкновенно прикладывается наша великая печать; сдѣлать же этого нельзя безъ того, чтобы они не перешли черезъ руки многихъ нашихъ сановниковъ и затѣмъ уже нѣтъ никакой возможности сохранить ихъ въ тайнѣ.

Относительно его неудовольствія на то, что договоръ не былъ подписанъ нашимъ совѣтомъ, вы можете сказать ему, что грамоты, подписываемыя нами, никогда не подписываются нашимъ совѣтомъ, потому что считается какъ бы униженіемъ нашего сана и достоинства, чтобы кто либо присовокупилъ свою подпись къ нашей.

Относительно другой статьи, касательно того, чтобы мы просили отъ него обѣщанія дать убѣжище въ случаѣ нужды, вы объявите ему, что еслибы наши подданные когда либо провѣдали, что мы малѣйше сомнѣваемся или подозрѣваемъ какую либо перемѣну въ нихъ относительно насъ (а мы знаемъ, что это случится, если мы согласимся выразить подобную просьбу) это возбудитъ въ нихъ столь опасное неудовольствіе противъ насъ, что будетъ угрожать нашему благосостоянію. А мы знаемъ, что нашъ добрый братъ, по уваженію къ тому великому доброжелательству, которое онъ намъ высказываетъ, не захочетъ насъ этому подвергнуть; и потому мы надѣемся, что онъ удовольствуется этимъ нашимъ отвѣтомъ по вышесказаннымъ статьямъ.

The two following documents published under № 39. and 40 afford the greatest historical interest, as they refer to one of the least known events of Czar John's reign: to his temporary resignation of state affairs to the czar of Kassimof (a town in the province of Riazan) Ssain Boolat, better known in russian history by the name of Czar Simeon son of Bek-Boolat. Suspecting the highest nobles of his court to be in league against him with his enemies, Sigismund, king of Poland, and Devlet Ghirei, Khan of the Crimea, John had already once left Moscow, and retired to the Alexandrowskaia Sloboda (*vide* note to № 32 page 127) entirely giving up the cares of government for more than a month (17 December 1564 to 2 February 1565); he consented to resume his princely functions only on the most earnest entreaties of a deputation selected from the highest dignitaries of the church and of the state; but forthwith divided his whole empire, even the city of Moscow into two parts — Zemschina and Oprichnina, (literally the *National* domain and the *Reserved* part) the latter forming what he wished to make his own private property; with this view he not only ordered a new private palace to be built for himself and during the time of its construction went to live outside the Kremlin, but formed a private household of 1000 men of his own choice, independent of all jurisdiction but his own; constituted his own personal court *); and declared the revenues of some twenty cities with their provinces to belong to his own treasury and not to that of the state.

Ten years elapsed — the most terrible in russian history — without equivalent in the annals of the world for incredible tyranny on the part of the ruler and for unparalleled submission on the part of the people. Still John's suspicions were not lulled: still everywhere he fancied he saw treason; still his conscience whispered that the hand of God would one day smite him to the

*) With stewards, treasurers, butlers, — and even cooks, bakers, handycraftsmen, etc.

dust; — and verily, the hand of God weighed heavily on Russia during that eventful period: the Crimeans burnt Moscow; the plague laid waste whole provinces; the burning and ransacking of Livonian towns did not prevent Livonia, Lithuania and Poland from holding in check the whole armed force of Russia.

It was at this dreadful time that Czar John thought of leaving Russia altogether; already he made overtures to Elizabeth for shelter in the event of internal or external hostility driving him out of Russia; already he built the fortress of Vologda, where he accumulated his treasures in prevision of a flight to England. And as a preparatory step to this final issue, he put to the highest proof the submission of his subjects: he gave up the ostensible part of his power to a stranger, to a vassal, to a prisoner, to a mere puppet — he declared to be Grand duke of all Russia, Simeon Bekboolatovich, who had only ceased the previous year to be the mahommedan Ssain Boolat, son of the Astracan refugee, Kaï Boolat.

Daniel Sylvester seems to have arrived at Moscow and to have had his first audience about the time of this pseudo-resignation of the throne of Russia (or rather, of the national domains of the Russian people) to Simeon; and John, mistrusting the result of this daring stroke of his policy, openly speaks to him about his having resigned the throne. But rumours reach him that ambassadors have arrived on his frontiers with a mission to him from the Roman emperor; and that which he thinks useless to conceal from the messenger of the far off queen of England, he considers absolutely necessary to withhold from the knowledge of his doubtful confederate and neighbour, the emperor Maximilian; officers are immediately dispatched with the strictest orders to conduct them without allowing them to hold any communication by the way, probably, to prevent any possibility of their being apprised of the puppet show going on in Moscow: — czar John has the ambassadors conducted to one of his *reserved* towns Moshaisk, whither he repairs himself on the 15-th January 1576.

The ambassadors (Kobentzel and Printz) are dazzled by the splendour of their reception: Kobentzel declares „on his knightly honour, that neither in Rome nor in Spain did he meet with a more sumptuous reception“. The conferences terminate agreeably to the intentions of the czar; and on the same day (29 January), when the ambassadors take their departure ignorant as it seems, of the existence of any other Lord in Russia but the one whom they have seen, Sylvester is admitted to the presence of the czar John, who declares to him that „although he seems to have enthroned another, yet he has not so far resigned, but that he is able to take the imperial dignity unto him again“.

No documents, as yet known, prove how long this contemptible comedy of a mock king lasted; its very existence seems to be vouched for only by very few deeds extant in copies. This absence of information on so curious a point of history lends additional importance to the account of even so mean and subordinate an official as Daniel Sylvester the interpreter „employed by the society of Marchants trading in Russia“; an account which till lately lay unheeded among the documents of the State Paper Office in London and which indisputably and distinctly records the statement taken from the lips of the Terrible czar John that he once upon a time resigned a portion of his sovereign rights, were it only over a part of Russia, to the offspring of his conquered vassal the Tartar czar S s a i n B o o l a t, alias the Christian Grand Duke S i m e o n, alias the sightless monk S t e p h e n!

Слѣдующіе за симъ два документа (№№ 39 и 40) особенно важны для Русской исторіи: они относятся къ одному изъ наименѣе изслѣдованныхъ событій царствованія Іоанна, къ временной передачѣ имъ государственнаго правленія Касимовскому царю Саинъ Булату, болѣе извѣстному въ Русской исторіи подъ именемъ царя Симеона Бекбулатовича.

Подозрѣвая высшихъ и приближеннѣйшихъ своихъ сановниковъ въ измѣнническихъ пересылкахъ съ главнѣйшими своими недругами—Польскимъ королемъ Сигизмундомъ и Крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, Іоаннъ уже однажды отъѣхалъ изъ Москвы и, удалясь въ Александровскую Слободу, оставилъ всякія заботы правленія въ теченіи цѣлыхъ семи недѣль (съ 17 декабря 1564 до 2 февраля 1565 г.); онъ согласился воспріять царство лишь по убѣдительнѣйшимъ, слезнымъ просьбамъ духовнаго синклита и думы боярской; но тогда же раздѣлилъ все государство и самый столичный городъ Москву *) на двѣ части: земщину—государственныя имущества и опричнину **)—удѣлы царя и царевичей; съ этою цѣлію онъ не только велѣлъ строить себѣ новые хоромы

---

*) Въ Москвѣ на посадѣ улицы взяты въ опришнину: отъ Москвы рѣки Чертольская (*Пречистенская*) улица и съ Семчинскимъ сельцомъ и до всполья, да Арбацкая улица по обѣ стороны и съ Сивцовымъ врагомъ, и до Дорогомиловскаго всполья, да до Никицкой улицы половина улицы, отъ города ѣдучи лѣвою стороною и до всполья, опричь Новинскаго монастыря и Савинскаго монастыря слободъ, и опричь Дорогомиловскіе слободы и до Новаго Дѣвича монастыря и Алексѣевскаго монастыря слободы; а слободамъ быти въ опришнинѣ: Ильинской подъ Сосенками, Воронцовской, Лыщиковской. (Алекс. Невск. лѣтоп. см. Ист. Гос. Рос. IX, прим. 137).

**) Опричнина, отъ слова *опричь*, въ древности *опрочь*,—выдѣленное отъ прочаго. Отсюда чины *особнаго обихода* Іоаннова получили названіе опричниковъ или кромѣшниковъ (*кромѣ* однозначуще съ *опричь*), т. е. лицъ стоящихъ *внѣ* всякой власти исключая царской.

въ Москвѣ и до постройки ихъ выѣхалъ изъ Кремля *), но «дворъ себѣ и на весь свой обиходъ учинилъ «особный и бояръ и окольничихъ, и дворецкаго и казначеевъ, «и дьяковъ и всякихъ приказныхъ людей, да и дворянъ и «дѣтей боярскихъ, и стольниковъ и стряпчихъ, и жильцовъ «учинилъ себѣ особно; и на дворѣхъ (а не *дворцѣхъ*) на «Сытномъ и на Кормовомъ и на Хлѣбенномъ учинилъ клюш-«никовъ и подклюшниковъ, и сытниковъ, и поваровъ, и хлѣб-«никовъ, да и всякихъ мастеровъ, и конюховъ, и псарей, и «всякихъ дворовыхъ людей учинилъ себѣ особно. — — — А «учинилъ у себя въ опришнинѣ князей и дворянъ и дѣтей «боярскихъ, дворовыхъ и городовыхъ 1000 **)».—Наконецъ на свой и сыновей своихъ царевичей Ивана и Ѳедора *обиходъ* царь отписалъ доходы болѣе чѣмъ съ двадцати городовъ и со множества волостей ***).

*) Подъ новые царскіе хоромы были очищены: мѣсто, гдѣ были хоромы царицы и вел. княгини „позади Рожества Пречистые и „Лазаря святаго", мѣсто гдѣ былъ дворъ князя Владиміра Андреевича и „митрополича мѣста — — — и погребы и ледники и поварни „всѣ и по Курятные вороты". На время постройки царь переѣхалъ на дворъ своего шурина князя Михаила Темрюковича Черкасскаго, за Неглинною на Вздвиженкѣ (см. выписки изъ Алекс. Невск. и Морозов. лѣтописей и изъ Продолженія Царственной Книги въ Ист. Гос. Рос. IX прим. 137 и 138).

**) Это любопытное перечисленіе всѣхъ тогдашнихъ разнаго званія людей, принадлежавшихъ къ двору царскому, отъ высшей придворной должности *дворецкаго* (въ то время царскій шуринъ Данило Романовичь Юрьевъ) до низшей—*псарей*, приведено Карамзинымъ въ выпискѣ изъ Алекс. Невск. лѣтоп. (Ист. Гос. Рос. IX прим. 137).

***) Съ городовъ: Можайска, Вязьмы, Козельска, Перемышля (два жеребья), Бѣлева, Лихвина (съ обѣихъ половинъ), Ярославца съ Суходровью, Медыни и съ Тарковою, Суздаля и съ Шуею, Галича со всѣми пригородки, съ Чухломою, и съ Унжею, и съ Коряковымъ и съ Бѣлогородьемъ, Вологды, Юрьевца Повольскаго, Балахны и съ Узолою, Старой Русы, Вышегорода на Поротвѣ, Устюга со всѣми волостьми, города Двины, Каргополя, Ваги.—Сверхъ того были *поиманы кормленымъ окупомъ* (т. е. ставили съѣстные припасы натурою) волости:

Прошло десять лѣтъ—лѣтъ самыхъ ужасныхъ въ Русской исторіи, какимъ нѣтъ подобныхъ въ лѣтописяхъ всего міра, по невѣроятной жестокости властителя, по несравненной покорности подвластныхъ. И все еще подозрѣнія Іоанновы не успокоились; все еще ему всюду чудилась измѣна: совѣсть шептала ему, что настанетъ день когда десница Господня повергнетъ его въ прахъ. И истинно въ эти года тяготѣла десница Господня надъ Россіею: Крымцы жгли Москву; моръ опустошалъ цѣлыя области; сожженіе и опустошеніе Ливонскихъ городковъ не препятствовали Ливоніи, Литвѣ и Польшѣ не давать покоя всѣмъ вооруженнымъ силамъ Россіи.

Въ это ужасное время Іоанну пришло на мысль совсѣмъ покинуть Россію; уже онъ вступилъ съ Елисаветою въ переговоры объ убѣжищѣ, на случай если внутренніе или внѣшніе враги изгонятъ его изъ его царства; уже онъ устроилъ въ Вологдѣ крѣпость, куда перевезъ свои сокровища, приготовляясь бѣжать съ ними въ Англію. Но прежде онъ хотѣлъ совершить послѣдній опытъ надъ долготерпѣніемъ своихъ подданныхъ: онъ передалъ всю наружную обстановку царскаго сана чужеземцу, голдовнику, сыну Астраханскаго выбѣжчика, царю Касимовскому Симеону Бекбулатовичу, за годъ передъ тѣмъ бывшему мусульманиномъ Саинъ Булатомъ и внезапно по его произволу возведенному въ санъ *Великаго Князя всеа Русіи.*

Даніилъ Сильвестръ какъ видно прибылъ въ Москву и имѣлъ первый пріемъ у царя около того времени когда совершилась эта мнимая передача правленія (или скорѣе управленія имуществами земщины) Симеону: Іоаннъ, еще не зная

Олешня, Хотунь, Гусь, Муромское сельцо, Аргуново, Гвоздна, Опаковъ на Угрѣ, Кругъ Клинской, Числяки,—Ординскія деревни и Станъ Пахрянской въ Московскомъ уѣздѣ, Бѣлгородъ въ Кашинѣ, да волости Вселунь, Ошта, Порогъ Ладошской, Тотма, Прибутъ и иныя волости. (*Тамъ же*).

каковъ будетъ исходъ этой дерзновенной попытки, прямо объявляетъ ему о своемъ отреченіи отъ престола. Но въ это время Смоленскій воевода извѣщаетъ его, что съ рубежныхъ мѣстъ Литовской земли въ Оршу идутъ «отъ Максимиліана «цесаря послы изъ рады его Янъ Кобендзля, да дворянинъ «его Даніель Принцъ, а съ ними цесаревыхъ дворянъ 12 «человѣкъ, да людей съ послы и съ дворяны 11 человѣкъ» То, что Іоаннъ признаетъ возможнымъ сообщить Англійскому гонцу, онъ находитъ необходимымъ скрыть отъ своего ненадежнаго союзника Максимиліана. Немедленно отправляются приставы съ строжайшимъ наказомъ никого не допускать изъ постороннихъ до разговоровъ съ послами *); они должны быть въ совершенномъ невѣдѣніи о происходящемъ на Москвѣ лицедѣйствѣ, ихъ везутъ въ *опричный* городъ Можайскъ, куда самъ Іоаннъ отъѣзжаетъ изъ Москвы 15 Января 1576. Кобенцель и Принцъ изумлены пышностію царскаго двора; первый, *рыцарскою честію* свидѣтельствуется, что такой великолѣпной встрѣчи не дѣлали ему ни въ Римѣ, ни въ Испаніи. Царь доволенъ исходомъ переговоровъ и въ тотъ

---

*) „И беречи — — — накрѣпко, чтобы къ посломъ на дворъ опричь приставовъ, дѣти боярскіе и боярскіе люди не ходили никто никакимъ дѣломъ, и не говорилъ бы съ ними никто ничего сторонней никаковъ человѣкъ. А которые дѣти боярскіе и сторожи — — — у пословъ учнутъ дневати и ночевати, и — — — тѣмъ всѣмъ приказати и надъ ними беречь накрѣпко, чтобъ съ посольскими людми не говорили никто ничего, а и тѣхъ дѣтей боярскихъ, денщиковыхъ людей на дворы на послови не пускати; да и торговые бъ и всякіе люди къ посоловымъ дворомъ не приходилъ никто ни о чемъ: того беречи накрѣпко. — — — А какъ послы поѣдутъ на дворъ, и по улицамъ бы съ посоловыми людми не говорилъ одноличио никто ничего, отъ того имъ, ѣдучи улицами, беречь накрѣпко; а кто къ посломъ или къ ихъ людемъ учнетъ приходити и что съ ними учнетъ говорити и — — — того человѣка велѣти поимати и прислати къ государю.“ (*Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными.* Спб. 1851, ч. 1, т. I, стр. 508 и 509).

самый день (29 Января), когда послы уѣзжаютъ, какъ Іоаннъ надѣется въ полномъ невѣдѣніи о томъ, что на Руси есть иной государь, кромѣ видѣннаго ими, Д. Сильвестръ допущенъ предъ лицо Іоанна, который ему объявляетъ, что «хотя онъ по видимому и посадилъ другаго на свой престолъ, но еще не отказался отъ него на столько, чтобы не имѣть возможности вновь воспріять царскій санъ».

Никоторый изъ доселѣ извѣстныхъ историческихъ памятниковъ точно не опредѣляетъ сколько времени длилось это гнусное лицедѣйство; самое великокняженіе Симеона доказывается только четырьмя грамотами *); такое отсутствіе свѣдѣній о столь любопытномъ историческомъ событіи придастъ тѣмъ большую цѣну запискамъ даже столь малозначащаго лица, каковымъ былъ «прикащикъ общества купцовъ торгующихъ съ Россіею» Сильвестръ, онъ же толмачъ Данило. Записки эти еще до весьма недавняго времени лежали безъизвѣстными въ грудахъ историческихъ сокровищъ Лондонскаго государственнаго архива: въ нихъ занесено какъ бы изъ устъ самаго Грознаго, что когда то—во время оно—Русскій царь удѣлилъ часть своей государской чести и власти надъ Россіею своему голдовнику, царю Касимовскому, бывшему мусульманину Саинъ Булату, нареченному великимъ княземъ Симеономъ Бекбулатовичемъ, скончавшемуся въ образѣ ангельскомъ слѣпымъ старцемъ Стефаномъ!

*) *одною* въ дѣлѣ № 12—1801 года Арх. Тульск. Двор. Деп. Собранія отъ 9 февр. 7084 (1576) о помѣстьѣ Степана Кузмина сына Меркулова; *другою* въ столбцахъ приказа тайныхъ дѣлъ № 32 въ Моск. Госуд. Архивѣ; это челобитная князя Ивана Васильевича Московскаго и дѣтей его князя Ивана и князя Ѳедора Ивановича Московскихъ (Иванца Васильева съ дѣтишками съ Иванцомъ да съ Ѳедорцомъ) отъ 30 октября 1575. — (*Моск. Телеграфъ* М. 1830, № 8, стр. 425—430 и *С. Соловьева Ист. Росс.* изд. 2-е. Спб. 1860 прим. 94). Третья и четвертая грамоты отъ „ “ Января и 2 Апрѣля 1576 г. см. въ *Актахъ Археогр. Экспед.* Спб. 1836, №№ 290 и 292).

№ 39. — 1575 Nov. 29.

A note of speche that th' emperour off Russia vsed vnto me Daniuell Siluester in his cittye Musco and howse of Oprisheno the 29 Nouember 1575.

We cannot but againe renewe our first conseaved vnkyndenes for the not accomplishinge of our affayres when first we did pretend them for we commytted the message vnto the reporte of Anthoney in moste seacrett sorte none of owrs beinge pryuie thearvnto but onely one councelor; owr selfe convayed him throughe our seacrett passadges, familiarlie discoursed our meanynge vnto hyme in such sorte that we have vsed the like familiarytye with none, And althoughe we vse this lenite in shewinge vs thus favorable to our sistars for her sake yet we knowe and are not to seeke howe to vse vs vnto straungers and to extende vnto eache accordinge to their merytte.

We havinge dismissed Anthony he departed, the springe ensuinge thear arryved from our sistar Thomas Randalle, with ambassadye vnto vs whose embassadge chefly tended for the establishing of marchaunts and towching Glover and Ruttar with other suspected persones.

But as for our affayres whearaboute we thought him to have bene sente, they were nothinge spoken of; wheareat we marvelynge yett graunted all requests thinkinge to have founde the like liberalyte towardes us. For the occasion whey we pretended those proceedings with our sister was, that we highlye forsawe the varyable and dangerous estate of princes and that as well as the meanest they are subiect unto chaunge, which caused us to suspect oure owne magnificence and that which nowe inded ys chaunced unto us, for we haue resyned the estate of our government which heathertoo hath bene so royally maynteyned into the hands of a straunger whoe is nothinge alyed unto us our lande or crowne. The occasion whereof is the perverse and evill dealinge of our subjects who mourmour and repine at us, for gettinge loyaull obedience

they practice againste our person. The which, to prevent we have gyvene them ouer unto an other prince to governe them but have reserved in our custodye all the treasure of the lande withe sufficient trayne and place for their and our relyefe. And for these and such like occasions did we moshone thos proceedings with our syster and to confyrme the same we sent our messenger Andreas Savine; but our purpose was preuented by practise of trayghtours which interprytyd our meanynge to thear pleasure and misse enformed our systar of vs whos aunswere by him were so contrary to our purpose as nothing might be more. Ffor trulye our onely pretence was to have lyncked us togeather in suche fyrme amyte and thearin so enviolable to have consisted as nothinge shoolde empayre the same to the great proffitts of our magestyes and estates and no lesse vnto owre subiects especially of our sistares who coulde not have deuised that freedome or lybertye that shoulde have bene denyed them, marvelynge that our sistar and her councell considered no better on the messadge the same beinge of soe greate emportaunce.

Moreover we vnderstand of certayne subiects of our sistars resydent in the towne of Lubeck in Saxony whome we suppose to be of the socyetie of Glover whoe vse secrett conference with sartayne of our contentoues subiects by letteres commonly passing betwene them concernynge vs not to allowed off And as such do passe betwixt them and the evill disposed of our sistars whome we wishe by some meanes might be gotten thence eyther by caulingue suche home or otherwise which to do we request our sistar.

№ 39.—1575 Нояб. 29.

Рѣчь, сказанная Русскимъ царемъ мнѣ Даніилу Сильвестру въ его городѣ Москвѣ въ опричномъ домѣ. 29 Ноября 1575.

Мы не можемъ не выразить вновь прежнее наше неудовольствіе на неисполненіе нашихъ дѣлъ въ то время когда мы впервые ихъ задумали; потому что передача ихъ была нами поручена Антону самымъ тайнымъ образомъ: изо всѣхъ нашихъ (приближенныхъ) только одинъ совѣтникъ зналъ о томъ; мы сами проводили его нашими тайными переходами, высказали ему наше намѣреніе за просто съ такимъ дружелюбіемъ, каковаго никогда никому не оказывали; и хотя мы явили таковую простоту въ нашемъ обращеніи, оказавъ себя столь милостивымъ ради сестры нашей, но мы умѣемъ и намъ не приходится учиться какъ обращаться съ чужестранцами и какъ принаровляться къ каждому смотря по его заслугамъ.

По отпускѣ нами Антона, онъ уѣхалъ; въ слѣдующую весну прибылъ отъ нашей сестры Ѳома Рандольфъ посланникомъ къ намъ; посольство его главнѣйше касалось устройства купцовъ и относилось къ Гловеру и Рюттеру и другимъ подозрительнымъ лицамъ.

Что же касается нашихъ дѣлъ, по которымъ — мы думали — онъ былъ присланъ, о нихъ ничего не было говорено, чему мы удивились; мы соизволили однакоже на всѣ просьбы, надѣясь найти подобную же готовность въ отношеніи къ себѣ, потому что поводомъ намъ замыслить тѣ переговоры съ нашею сестрою было вѣрное предвидѣніе нами измѣнчиваго и опаснаго положенія государей и того, что они наравнѣ съ нижайшими (людьми) подвержены переворотамъ: почему мы не довѣряли нашему собственному величію, что́ въ настоящее время и оправдалось, ибо мы передали санъ нашего правительства, столь царски нами доселѣ поддержанный, въ руки чужеродца, нисколько не родственнаго ни намъ, ни нашей землѣ, ни нашему престолу. — Поводомъ къ тому были преступные и злокозненные поступки нашихъ подданныхъ, которые ропщутъ и противятся намъ за требованіе вѣрноподданническаго повинове-

нія, и устрояютъ измѣны противъ особы нашей; въ отвращеніе сего мы передали ихъ другому государю въ управленіе, но оставили въ своемъ храненіи всю казну земскую съ достаточнымъ количествомъ слугъ и мѣста для нашего собственнаго и ихъ обезпеченія. — По симъ и подобнымъ поводамъ дѣлали мы нашей сестрѣ тѣ предложенія и для утвержденія ихъ посылали нашего посланца Андрея Совина; но нашему намѣренію воспрепятствовали козни измѣнниковъ, перетолковавшихъ по своему мысль нашу нашей сестрѣ, которой отвѣтъ, присланный черезъ сего посланца, былъ какъ нельзя болѣе противенъ нашему желанію. Ибо поистинѣ все, чего мы искали, было соединиться въ столь твердомъ и столь ненарушимомъ дружествѣ, чтобы ничто не могло поколебать оное къ великой выгодѣ нашихъ величествъ и государствъ и не менѣе того и нашихъ подданныхъ, въ особенности же подданныхъ сестры нашей, которые не могли бы измыслить той поволъности, которая была бы имъ отказана. — Мы удивились, что сестра наша и ея совѣтъ не обсудили болѣе здраво наше предложеніе, которое было толикой важности.

Кромѣ того знаемъ мы, что нѣкоторые подданные сестры нашей, пребывающіе въ городѣ Любекѣ въ Саксоніи (лица, принадлежащія — какъ полагаемъ — къ обществу Гловера) тайно сносятся съ нѣкоторыми изъ нашихъ непокорливыхъ подданныхъ посредствомъ писемъ, пересылаемыхъ между ними относительно насъ, и кои не могутъ быть терпимы. А какъ таковыя письма пересылаются между ними и нашими подданными, и можно предположить, что таковыя же пересылки происходятъ и между ними и злоумышленниками сестры нашей, то мы желали бы, чтобы какими либо способами они могли быть выведены оттуда: отозваніемъ ли ихъ въ свою страну или инымъ образомъ. — О чемъ мы и просимъ сестру нашу.

№ 40. — 1576 Jan. 29.

A note of speche with th' emperour of Rowsia vsed vnto me Daniuell Siluester in his towne of Muscouia the 29 of January 1576 *).

We haue pondered vppon the messadge which thou broughteste vnto vs and fynde the same as vneffectuall as the others before this and in nothinge agreeable to our purpose nor sufficient to accomplish so heyghe affayres. At which as we not a little marvell so we imagene the occasion therof to proceede of the information of marchaunts practized vnto by our trayghtors to prevent our securitye. Wherefore we certifye vnto our sister by them, that neather her answeares by our messanger Sauin, nor the ambassadge of Anthony ne this messadge of thyne that ar to our contentment, nor importe that effecte of frendshipp that we aspect from our systar. Interpretinge thereby a kynde of haughtynes in our systar moved tharto by th'abasynge of our selfe towards her in that we purpose that with her which she nothinge lesse accoumpteth of.

By which occasion we ar pretended in the like league with th'emperour Maximillian our holy and good brother; ffor who or what prince woulde willingly or without occation leave or forsake his dignity or land to enthrall hym under the beniuelence of a strange and vnknowne prince. Or who enforside to forsake his lande and dignite will not in that distres of adversite gently submit himselfe to the frendly pleasure of the prince or potentate by whome he ys refugid. Even so by our self that yf contrary to our expectacion we should at any tyme be enforced out of our empire and then succoryde by England or others must in reason yealde vs lyaull vnto the aughtoryty of the protectour.

---

*) D-r Hamel (England and Russia p. 229) supposes this audience to have taken place at Moshaisk whence the ambassadors of the emperor Maximilian were dismissed on this very day; it must however be noticed that they had taken leave two days previously on the 27 January and that the czar had no call to stay at Moshaisk till their departure.

My replye: Your magistye muche myslyketh the aunsweres of the queens ma-tie my m-res which by sundery have bene brought vnto you. It woulde thearfore please your excellencye to certifye vnto your sistar the occasion of your so greate myslike: peradventure her ma-tie vnderstanding the certayntye tharof may satisfye your expectation therin.

His answer: Our mislyke consisteth in the scruple aunsweres of our systar and in the doubtes and acceptions contayned in them (as herein) that she maketh dayntye to requiar the like of us as our requeste is to have of her accordinge to the symple and playne meanynge of our demaunds the coppyes whereof were brought by Sauine our messenger in the Italyan and Lattyne tounges.

Moreouer affayres of merchaunts ar preferred and made of more emportance then the affayres of ours wherevpon all theire successe shoulde depende. And how ample our goodnes hathe bene and ys towards them ys aparaunte by the manyfoulde lybertyes whearwith we have graced them.

Also howe beneficiall the commodyties of our countryes to England we pertely vnderstand especially in that we have permitted them to sett vpp howses for the makinge of cordage which benifyte ys not onely profittable to the merchaunts, but very commodious for the whole state of England which to all other nations ys inhibited. Of all the which with the rest of all their lybertyes they ar to be restrayned yf we fynde not further lyberalyte then this from our systar. And will traunsporte the same trade vnto the Veneatianes and Garmaynes from whome they receyve most of thear commodityes, whearewith they serve vs; whearin wee will yett staye vntill we shall here from our sister towchinge her determynation therin: either a liberall graunte or flatt denyall. For althoughe we manifested to thyne aparaunce to have enthronysed an other in th'emperyall dignitye and therevnto have enthrowled bothe vs and others yet not so muche and not the same not so farr resyned, but that at our pleasure wee can take the dignitye vnto vs againe and will yet do thear in as

God shall instructe vs, for that the same ys not confirmed vnto him by order of coronacion ne he by assent elected, but for our pleasure. Behoulde allso seaven crownes yet in owr possession with the cepter and the rest of the stately ornaments apertaynynge vnto th'empyre with all the treasures belonginge vnto. eache.

We taulke vnto thee in owr owne langwadge knowinge they perfection thearin as our *(your?)* owne wherefore attend the speche well which we commytt to thy memory. Yf our systar hadd so frendlye delte with vs in the accomplishinge of thes affayres as we thought she woulde trewly our whole countrye of Russia hadd bene as much at her pleasure as England ys as frelye to haue sent or commaunded anye thinge thence as out of her owne treasurye or wardrope. Ffynally, the whole dom̃inion had bene at her commaundement as notwithstanding the same ys vnto the merchaunts whoe are as free as in England to ryde and goe when and whether they shall haue occasion, the which to none but vnto them ys adhibetyd.

But trulye our systar maketh to *(too)* scruple to accomplishe our request which vnto vs seme bothe resonable and alsoe commodius for our maiestyes.

To conclude, we haue shewed more favour then sownde frendshipp for that nothinge that since the first hath bene pretended betwext vs that ar in aney thinge to our expectment accomplished not onely in thes her matters but in all other thinges which to fornishe our wante we have sent for, and allwayes served with contraryes, wherefore we have juste occasion te repyne.

So kissinge his hande and the prince his sonnes I was dismissed.

№ 40. — 1576 Янв. 29.

Разговоръ царя Русскаго со мною Даніиломъ Сильвестромъ въ его Московскомъ городѣ 29 Января 1576 *).

Мы обсудили порученіе, которое ты намъ привезъ, и находимъ его столь же недѣйствительнымъ какъ и прочіе ему предшествовавшія, и ни въ чемъ не согласнымъ съ нашимъ намѣреніемъ, ниже достаточнымъ для докончанія столь великихъ дѣлъ. Мы не мало сему удивляемся и полагаемъ, что причиною отчего сіе произошло были свѣдѣнія, полученныя отъ купцовъ, обманутыхъ нашими измѣнниками съ цѣлью лишить насъ безопасности; о чемъ мы и предупреждаемъ нашу сестру. Ни отвѣты данные ею чрезъ нашего гонца Даніила, ни посольство Антона, ни настоящее твое сообщеніе не удовлетворяютъ насъ и не представляютъ тѣхъ доказательствъ дружества, которыхъ мы ожидаемъ отъ нашей сестры. Мы усматриваемъ въ нашей сестрѣ нѣкоторую гордость и желаніе ея унизить насъ передъ нею тѣмъ, что мы предлагаемъ въ отношеніи къ ней то, что она считаетъ для себя ненужнымъ.

По этому поводу мы вступили въ подобный союзъ съ императоромъ Максиміліаномъ, священнымъ и добрымъ братомъ нашимъ; ибо кто или какой государь добровольно или безпричинно оставитъ или покинетъ свой санъ или землю чтобы предаться милосердію чуждаго и невѣдомаго государя? — а также кто, будучи принужденъ покинуть свою землю и свой санъ, въ такомъ бѣдственномъ злополучіи, не покорится смиренно милостивой волѣ государя или властителя, который дастъ ему убѣжище? — Точно также если бы и намъ, противъ нашего ожиданія, случилось быть вынужденными выйти изъ нашего

---

*) Академикъ І. Гамель предполагаетъ, что этотъ разговоръ происходилъ въ Можайскѣ, потому что въ этомъ самый день были отпущены изъ Можайска послы императора Максиміліана; должно однакоже замѣтить, что отпускъ данъ имъ былъ царемъ за два дня передъ тѣмъ, 27 января, и что затѣмъ царь не имѣлъ никакой надобности ожидать ихъ отъѣзда. (*Гамель: Англичане въ Россіи въ xvj и xvij стол.* прилож. къ т. viij. Записокъ Имп. Академіи Наукъ. Спб. 1865. стр. 113; и *Памятники Диплом. Сношеній.* стр. 545 и 567).

государства и получить тогда помощь отъ Англіи или отъ другихъ, то мы, разумѣется, должны честно предать себя во власть покровителя.

Мое возраженіе. — Ваше вел-во весьма недовольны отвѣтами ея вел-ва королевны, моей государыни, которые были привезены вамъ разными лицами. — А потому не угодно ли вашему превосходительству *(такъ!)* объявить сестрѣ вашей причину столь великаго вашего неудовольствія: можетъ быть ея вел-во, уразумѣвъ настоящую причину онаго, найдетъ возможность удовлетворить ваши ожиданія.

Его отвѣтъ. — Неудовольствіе наше состоитъ въ неискренности отвѣтовъ нашей сестры и въ сомнѣніяхъ и недомолвкахъ, которыя они содержатъ; какъ то: она не рѣшается высказать просьбу подобную нашей согласно съ простымъ и яснымъ смысломъ той просьбы, съ которой нашъ посланецъ Совинъ привезъ переводы на Италіанскомъ и Латынскомъ языкахъ.

Кромѣ того купеческія дѣла поставлены впереди и сочтены важнѣе нашихъ дѣлъ, хотя ихъ успѣхъ долженъ бы зависѣть отъ сихъ послѣднихъ. О томъ же какъ велика была и есть наша милость къ купцамъ — свидѣтельствуютъ многоразличныя повольности, которыми мы ихъ пожаловали.

Мы хорошо понимаемъ сколь полезны для Англіи товары нашихъ странъ; въ особенности же дозволеніе нами, чтобы Англичане строили дома для дѣланія канатовъ (что воспрещено всѣмъ другимъ народамъ), не только прибыльно для купцовъ, но и весьма выгодно для всего Англійскаго государства. Если мы не встрѣтимъ въ будущемъ въ нашей сестрѣ болѣе готовности чѣмъ нынѣ, то все это, а также и всѣ остальныя повольности будутъ у нихъ отняты, и мы эту торговлю передадимъ Венеціанцамъ и Германцамъ, отъ которыхъ они (Англичане) получаютъ большую часть тѣхъ товаровъ, которые намъ доставляютъ. Впрочемъ мы еще подождемъ для сего отъ нашей сестры рѣшенія — либо полнаго согласія, либо рѣшительнаго отказа; потому что, хотя мы и объявили тебѣ, что, по видимому, мы

возвели другаго въ царское достоинство и тѣмъ обязали себя и другихъ, однакоже это дѣло еще не окончательное и мы не на столько отказались отъ царства, чтобы намъ нельзя было, когда будетъ угодно, вновь принять санъ и еще поступимъ въ этомъ дѣлѣ, какъ Богъ насъ наставитъ, потому что онъ еще не утвержденъ обрядомъ вѣнчанія, и назначенъ не по народному избранію, но лишь по нашему соизволенію. Посмотри также: семь вѣнцовъ еще въ нашемъ владѣніи со скипетромъ и съ остальными царскими украшеніями, принадлежащими царству, и со всѣми сокровищами, которыя принадлежатъ каждому вѣнцу.

Мы говоримъ тебѣ на нашемъ языкѣ, зная, что онъ также хорошо тебѣ извѣстенъ какъ твой собственный, и потому выслушай внимательно рѣчь, которую мы поручаемъ твоей памяти. — Если бы сестра наша вела себя съ нами въ исполненіи нашихъ дѣлъ столь же дружески, какъ мы того ожидали, по истинѣ вся наша Русская страна была бы въ ея распоряженіи столько же сколько Англія; ей столь же вольно было потребовать прислать или заказать всякую вещь отсюда, какъ бы изъ ея собственной казны или сокровищницы; наконецъ все государство состояло бы въ ея повелѣніяхъ какъ оно и есть, не смотря ни на что, въ распоряженіи ея купцовъ, которые могутъ столь же свободно какъ въ Англіи пріѣзжать и отъѣзжать, когда и куда имъ представится надобность; что, кромѣ нихъ, никому не дозволено.

Но по истинѣ сестра наша слишкомъ нерѣшительна въ исполненіи нашей просьбы, которая намъ кажется и разумною и выгодною для нашихъ величествъ.

Чтобы кончить: мы оказали болѣе благорасположенія чѣмъ разумной дружбы, потому что съ самаго начала ничто предложенное между нами ни въ чемъ не было исполнено по нашему ожиданію не только въ этихъ дѣлахъ, но относительно всѣхъ иныхъ предметовъ, за которыми мы для своей надобности посылали и вмѣсто которыхъ намъ доставляли совершенно другіе; на что мы имѣемъ справедливый поводъ досадовать.

За симъ, поцѣловавъ руку ему и князю его сыну, я былъ отпущенъ.

№ 41. — 1582 Мая.

Царь Елисаветѣ.

Послали есмя к тебѣ къ сестрѣ своей посла своего дворянина и намѣстника Шацкаго Ѳедора Ондрѣевича Писемского да подячего своего Епиѳапа Неудачу Васильева сына Ховралева. И что тебѣ от нас сестрѣ нашей посол нашъ Федор Писемской и подячей Епиѳаней Неудача учнутъ говорити и тыб имъ вѣрила — то есть наши рѣчи.

Писана въ государствія нашего дворѣ града Москвы. Лѣта от созданія миру 7090, маия мѣсяца. Индихта 10 государствія нашего 48. А царствъ наших Російскаго 37 Казанского 30 Астараханского 28.

№ 41. — 1582 May.

Czar John to Queen Elizabeth.

We send to you our sister our ambassador our gentleman and lieutenant of Shatzk*) Theodore Andreevich Pissemskoy and our under secretary Epiphanius Neoodacha son of Vassili Khovralef. — And what our ambassador Theodore Pissemskoy and the under secretary Epiphanius Neoodacha shall speak unto you, our sister, credit it to be our speech.

*) Shatzk is a town in the province of Tambof. — The title of *lieutenant* (Namestnik) of such or such a town or province was merely honorary and was given to the Czar's functionaires who were sent on embassies abroad or who were entrusted to confer with foreign ambassadors coming to Russia. Their ambassage or the conferences they were entrusted with once ended, they dropped their honorary lieutenancy. Thus it was with Nepea who has called *lieutenant of Vologda* for the time of his embassy to the court of Philipp and Mary (1556—1557); so was it also with prince A. Viasemsky who bore the same title during his conferences with Tho. Randolphe (1568—1569). In the contemporary English documents Nepea is called the Czar's *high officer in the towne and countrey of Vologda* and prince Viasemsky *capitaine of Vologda*; but neither the one nor the other had anything to do with this town whose highest administrative and judicial powers were invested in its governor (voevoda)

Given in our princely court of the city of Moscow. In the year since the creation of the world 7090 in the month of May. Indiction 10. of our lordship the year 48-th and of our reigns of Russia the 37-th, of Casan the 30-th, of Astrakhan the 28-th.

№ 42.—1582 May.

Instructions of the Emb-rs of Russia. to be pronounced by their interpretor.

We do glorifie the God of mercie, in the Trinitie*). The great Lord, king and great Duke John the sonne of Vasili of all Russia, of Volodimir, Moscouia and Nouogorod, King of Cazan, king of Astracan, Lord of Plesko, and great prince of Smolensko, of Tver, of Vgor, Perme, Vatka, Bolgar, and of others; Lord and great Duke of Nouogorod in the lowe contrey, of Cherneegoue; of Razan, Polotsko, Rostoue, Yeroslaue, of Belozer, Lifland, Vdor, Obdor, Condence, and commaunder of all the land of Seeberia, and of the north partes and others,

Sendeth greting vnto your highnes his sister Elizabeth, Queene of England, Ffraunce and Ireland and of others.

We do glorifie the God of mercie, in the Trinitie. The great Lord, king and great Duke John the sonne of Vasili; of all Russia,

Hath willed to be declared to your highnes Queene Elizabeth his sister that of many yeres past, hath passed betwene your highnes his louing sister Quene Elizabeth and him messages of good will, and that he doth desire herafter to continue with your highnes in brotherly loue vnitie and league of all frendship. And after what maner he doth desire to be in league with your highnes, he hath geuen order

*) Such is the contemporary translation preserved in the London State Paper Office; but the correct formula is: *„By the grace of God, Who is glorified in the Trinity.“*

by these his embassadors to determine and conclude with your highnes counsel therupon.

We do glorifie the God of mercie, in the Trinitie. The great Lord, king and greate Duke John the sonne of Vasili, of all Russia,

Hath commaunded to be declared unto your highnes his louing sister Quene Elizabeth, that as touching the lettres which your ma-tie wrote vnto him by your highnes doctor, doctor Robert (Jacobi), and concerning the lettres which heretofore he wrote vnto your ma-tie that your highnes his louing sister wold for his healthes sake send vnto him a doctor a learned man. And your ma-tie shewing your good will towardes him have disappointed your self and have sent vnto him of the doctors of your highnes house one that is a learned doctor and well experienced man in physike, Robert, a true and faithfull learned doctor, And that your ma-tie did write vnto him that he wold receiue him and all such as came with him, and that he wold geue them good enterteinement. And in so doing your ma-tie his louing sister haue shewed vnto him your bountifull good will, in sending your owne doctor vnto him: and that he hath enterteined your highnes doctor and those people which came with him, and hath gratified them with his liberal goodnesse, and will place them according to their worthinesse.

We do glorifie the God of mercie, in the Trinitie. The great Lord, king, and great prince John the sonne of Vasili, of all Russia.

Hath willed more to be declared vnto your highnes his louing sister Quene Elizabeth, that your highnes his louing sister Q. Elizabeth wold comaund your counsel to conferre with his embassadors and to determine how this brotherly loue and league shalbe concluded betwene your ma-tie and him: And that after your highnes haue heard the speches of his ambassadors according to his order geven them, vz. of Ffedor of Shatesky*) the sonne of Henrie Pisomesky,

*) i. e. lieutenant of Shatzk — *vide supra* № 41.

and of his vndersecretarie Neouodach Hovrolew, that then your ma-tie wilbe so bountifull as to send them in your owne shippes vnto his hauen of Colmogoro withall god (*good*) answers, And that your ma-tie wold send your embassadors together with them about these affaires, geuing them some order how ewerie thing shalbe concluded.

№ 42. — 1582 Мая.

Наказъ Русскимъ посламъ. (Рѣчи, которыя произнесетъ ихъ переводчикъ).

Бога въ Троицѣ славимаго милостію великій государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичь всея Россіи, Владимірскій, Московскій, Новгородскій, царь Казанскій, царь Астраханскій, государь Псковскій и великій князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, государь и великій князь Новагорода Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифляндскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскія земля и сѣверныя страны повелитель и иныхъ

шлетъ поклонъ вашему выс-ву сестрѣ своей Елисаветѣ, королевнѣ Англійской, Французской и Ирландской и иныхъ.

Бога въ Троицѣ славимаго милостію великій государь, царь и вел. князь Иванъ Васильевичь всея Россіи

повелѣлъ объявить вашему выс-ву корол. Елисаветѣ, сестрѣ своей, что за многіе прошедшіе года бывали между вашимъ выс-мъ, его любительною сестрою корол. Елисаветою и имъ доброжелательныя пересылки, и что онъ и напредь желаетъ продолжать быть съ вашимъ выс-мъ въ братской любви, соединеніи и союзѣ всякаго дружества. А о томъ какъ онъ желаетъ быть въ союзѣ съ вашимъ выс-мъ онъ далъ повелѣніе симъ его посланникамъ рѣшить и сдѣлать докончаніе съ вашимъ совѣтомъ.

Бога въ Троицѣ славимаго милостію великій государь, царь и вел. князь Иванъ Васильевичь всея Россіи

повелѣлъ объявить вашему выс-ву, своей любительной сестрѣ корол. Елисаветѣ касательно письма, которое ваше вел-во писала ему съ лекаремъ вашего выс-ва докторомъ Робертомъ *) (Якоби) и относительно писемъ, которыя передъ симъ онъ писалъ къ вашему вел-ву, чтобы ваше выс-во, любительная сестра его, прислали ради его здоровья лекаря ученаго человѣка. И ваше вел-во оказали свое благорасположеніе къ нему, обидѣли себя и прислали ему изъ лекарей дома вашего выс-ва одного ученаго лекаря и человѣка ученаго въ врачеваніи Роберта, настоящаго и вѣрнаго ученаго лекаря; а еще ваше вел-во писали ему, чтобы онъ принялъ его и всѣхъ тѣхъ кто съ нимъ прибыли, и чтобы онъ далъ имъ хорошее содержаніе. И сдѣлавъ это, ваше вел-во, его любительная сестра, оказали ему милостивое благорасположеніе, пославъ къ нему своего собственнаго лекаря: и онъ принялъ на свое содержаніе лекаря вашего выс-ва и тѣхъ, кто съ нимъ прибыли, и наградилъ ихъ щедрою своею милостію и устроитъ ихъ по ихъ достоинству.

Бога въ Троицѣ славимаго милостію великій государь, царь и вел. князь Иванъ Васильевичь всея Россіи повелѣлъ еще объявить вашему выс-ву, своей люб-ной сестрѣ корол. Елисаветѣ, чтобы ваше выс-во, его любительная сестра, корол. Елисавета повелѣли вашему совѣту договориться съ его посланниками и рѣшить какъ совершить докончанье о той братской любви и союзѣ между вашимъ вел-мъ и имъ. И послѣ того какъ ваше выс-во выслушаете рѣчи его посланниковъ, по данному имъ отъ него наказу, а именно: намѣстника Шацкаго Ѳедора Андреевича Писемскаго и его подъячаго Неудачи Ховралева, чтобы тогда ваше вел-во милостиво отослали ихъ на вашихъ собственныхъ корабляхъ въ его пристань Холмогоры съ добрыми на все отвѣтами. И чтобы ваше вел-во послали съ ними вашихъ посланниковъ по симъ дѣламъ, давъ имъ наказъ какъ каждый предметъ докончать.

*) Въ статейныхъ спискахъ: Рабортъ Яковъ, а также Романъ Елизарьевъ.

№ 43. — 1582 May.

A memoriall for her maiesty touching the amitie and trade with Russia etc.

That amonge other thinges for the aduancement of amitie and traffique betwene the subiects of her ma-ty and the emperour of Russia: Yt may please her ma-ty to haue remembrance of these particulars at the first accesse of the ambassadour vnto her.

In enquiring of the health of the emperour and of his sonnes, wheryntо it wilbe answeared that the one is dead: Yt will please her ma-tie to take occasion therby to aske where doctor Jacob her phisitian, whom shee recommended to the emperour, was at the tyme of the sicknes of the said sonne, and howe it fell out that he was no sooner admitted to the emperours presence, who in respect of his great skill in his profession was likely (so farre forth as art cold perfourme) to haue preserued the said emperours sonne.

To signify the great affection that her ma-ty hath shewed to the emperour: her habilitye to stand him in stead and fournishe him with necessaries more than other princes can: her power to restrayne all other from the Baye of S-t Nicolas to the ryuer of Duyna to Mosco; according to the priuiledges graunted vnto her subiects by the which all other are restrayned.

That her ma-ty hath bene enfourmed, that he hath exacted payments of her subiects as of his sclaues: that a Dutche merchant*), against the priuiledges graunted to her subiects, is permitted to vse trade to their great hindrance in the parts priuiledged: that all this notwithstanding her subiects for loue and obedience to her haue suffred these thinges and continued all frendly doing to him and his.

---

*) John de Wale. — In the contemporary Russian documents he goes by the appellation of the White beard.

That her ma-ty will therfore signify that shee expecteth at the emperours handes (as of an honnorable and vertuous prince and her good brother and frend) a constant amitie, a true perfourmance of grauntes, and such as her ma-ty and her subiects may rest vppon as vppon the word and faith of so great a prince and as her ma-ty hath and will perfourme on her part.

That if this may be perfourmed her ma-ty both can lett passe all that is past, and for her part be to him so sure and profitable and just in all her doinges, as no other prince is able to be vnto him.

№ 43. — 1582 Мая.

Память для ея вел-ва о дружествѣ и торговлѣ съ Россіею.

Между прочими предметами для успѣха дружества и торговли между подданными ея вел-ва и царемъ Русскимъ, да соизволитъ ея вел-во сохранить въ памяти слѣдующія подробности при первомъ же представленіи къ ней посланника.

Спросить о здоровьѣ царя и его сыновей: на это будетъ отвѣчено что одинъ изъ нихъ умеръ. Благоволитъ ея вел-во воспользоваться случаемъ спросить при этомъ гдѣ былъ во время болѣзни этого сына докторъ Якоби, ея лекарь, котораго она рекомендовала царю и какъ могло случиться, что онъ не былъ ранѣе допущенъ въ присутствіе царя; такъ какъ по великому его искуству въ его наукѣ можно предполагать (если только наука могла это сдѣлать), что онъ спасъ бы сказаннаго царскаго сына.

Указать на великую пріязнь, которую ея вел-во оказала царю: на возможность для нея преимущественно предъ прочими государями оказывать ему пособіе и снабжать его тѣмъ, что ему потребно: на то, что она имѣетъ власть не допускать всѣхъ прочихъ отъ пристани Св. Николая по рѣкѣ Двинѣ до Москвы; что согласуется съ привилегіями, пожалованными ея подданнымъ и воспрещающими сіе всѣмъ прочимъ.

(Сказать) что ея вел-во увѣдомилась, что онъ взыскивалъ съ ея подданныхъ платежи какъ бы съ своихъ рабовъ: что одинъ Нидерландскій купецъ *), вопреки привилегій, пожалованныхъ ея подданнымъ, получилъ дозволеніе торговать въ предоставленныхъ имъ мѣстностяхъ къ великой ихъ помѣхѣ; что несмотря на все сіе, ея подданные, изъ любви и повиновенія къ ней, покорились всему этому и продолжали дѣйствовать въ угоду ему и его подданнымъ.

Чтобы посему ея вел-во изволила объявить, что она ожидаетъ отъ царя (какъ отъ досточтимаго и добродѣтельнаго государя, ея добраго брата и друга) постоянной дружбы и точнаго выполненія того что пожаловано, такъ, чтобы ея вел-во и ея подданные могли на то полагаться, какъ на слово и обѣщаніе столь великаго государя и подобно тому какъ ея вел-во выполняетъ и будетъ выполнять съ своей стороны (свои обѣщанія).

Что если это будетъ выполнено, то ея вел-во можетъ и предать забвенію то что прошло, и съ своей стороны быть къ нему столь вѣрна, столь справедлива и доставить ему такія выгоды, какихъ никогда никакой государь не будетъ въ состояніи ему доставить.

*) Иванъ де Валь. Въ Русскихъ дѣлахъ онъ назывался „Ишпанскіе земли гость Иванъ Девахъ Бѣлобородъ“; — дворъ его прилегалъ къ зданіямъ Московскаго печатнаго двора, нынѣшней Московской Синодальной типографіи, на Никольской улицѣ.

№ 44. — 1582 May.

Articles and answers for the league betwixte Hir Ma-tie and the greate Duke of Muscouie.

The document bearing this endorsement is written in two columns, the left being entitled: *Certaine heades of a league betwene hir ma-tie and the great duke of Moscouie, preferred to her H. by the said D. his ambassadors;* the right — *The answers to the said heades made by the L. L. appointed by her m-ie to treate with the said ambassador.* — With the exception of a few words, they are both identical with the *Articles agreed uppon for a league of amitie* etc. (vide supra № 21 p. 74—78), with the difference that § 9 being a request of the queen is omitted and therefore the § 10 is numbered as § 9. Still it would seem that those last *Articles*, since their first drawing up in 1569 during Andrew Sovin's stay in London, had been revised as there is a document in the State Paper Office which contains the following additional three articles; from its endorsement «*A. 19*». it appears to have been drawn up in 1577 (the 19-th year of Q. Elizabeth's reign). These three articles, however, have not entered into the *Answers to the heads* etc.

Item where it is desired by the said right highe etc. that such his m-ts ambassadors and ministers as he shall at any time send to other princes neighbours and such ambassadors and ministers as other princes shall at any time send to him, shalbe occasioned to passe throgh her H. realmes and dominions, may with her m-ts good leaue and licence so passe throgh without any let, hinderance or molestation.

It is accorded on her m-ts behalf, that from time to time when the said right high etc. mightie prince shall thinke good to send any ambassadors or ministers to any prince or potentate her H. neighbour, that it shalbe lawfull for them to passe

throgh her H. dominions and realmes without any let, hinderance or molestation, and shalbe further friendly vsed with all good offices as betwene princes confederat belongeth and apperteineth and also that the ambassadors and ministers sent from other princes to him, shalbe in like sort vsed and intreated, in case the princes their soueraines and masters, be of the same religion as her m-tie is, and in league and amitie with her H.

(Added to article 8 after the words «*soiourne abyde tary and remayne*») in eche others contries without wronge lett or molestation and further promiseth that such houses as are alredy by his grasyfull priuiledges and letters giuen and graunted to her H. marchants that is to say their houses in Musco, Vologda and Colmogorod shall remaine still from henceforth in their possessions.

(Added in the answer to this article after the words «*borne subiects*») shall from time to time and at all times, so oft and whensoever any of them shall come into any her m-ts dominions safely soiourne, abyde and remaine in the same without any wrong, lett or molestation, so that they obserue the ciuil lawes of her H. said realme and dominions prouided for the good gouernement of her subiects, and further her m-tie thankfully taketh at her louinge brother the said K. and great D. handes the confirmation of his former royall graunt of places and houses of residence for her H. said marchants in the townes aforesaid.

(Added in the article 9 between the words «*that excludeth all strangers*» and «*without her ma-ts lycence*») and other her H. subiects not beinge of the companie comprised within the said articles from traffikkinge to Colmogorod, the riuer of Obbe, Vaziager, Pechora, Cowley, Mezenie, Pechencowe, Zolonetskie islant, the riuer of Shame, *) or to any hauen of Dwina, or any part of the north side of Dwina by hitherward of Wardhouse with shippe, busse, or any other vessells *without her ma-ts lycence* etc.

*) i. e Kholmogory, the rivers Ob, Varzooga and Pechora Cola, Mezen, Pechenga, Solovetzky island, the river Soome

№ 44. — 1582 Мая.

Статьи и отвѣты для заключенія союза между ея вел-вомъ и великимъ княземъ Московскимъ.

Документъ значащійся подъ этого надписью писанъ въ два столбца, изъ которыхъ лѣвый озаглавленъ такъ: *Нѣкоторыя статьи союза между ея вел-вомъ и великимъ княземъ Московскимъ, представленныя ея выс-ву посланниками сказаннаго князя;* а правый: *Отвѣты на тѣ статьи, данные лордами назначенными ея вел-вомъ для переговоровъ съ сказаннымъ посланникомъ.* — За исключеніемъ немногихъ выраженій, документъ этотъ тождественъ со *Статьями для заключенія дружественнаго союза* и проч. (см. выше № 21 стр. 78—82), съ тѣмъ однакоже исключеніемъ, что въ немъ не помѣщенъ § 9, какъ заключающій требованіе не царя, а королевны, и что по этому § 10 значится § 9-мъ. Впрочемъ документъ, напечатанный въ семъ изданіи подъ № 21, со времени первоначальнаго его написанія въ 1569 году, въ бытность Андрея Совина въ Лондонѣ, подвергался пересмотру: доказательствомъ тому служитъ слѣдующая, хранящаяся въ Лондонскомъ государственномъ архивѣ записка, заключающая въ себѣ три дополнительныя статьи; по имѣющейся на ней надписи *«г. 19-й»* видно, что она написана въ 19-й годъ королевствованія Елисаветы т. е. въ 1577 году. — Слѣдуетъ замѣтить, что эти три дополнительныя статьи не вошли въ *Отвѣты данные лордами* и проч.

Сказанный превысочайшій и проч. желаетъ, чтобы тѣ его вел-ва посланники и уполномоченные, которыхъ онъ во всякое время отправитъ къ другимъ сосѣднимъ государямъ, и тѣ посланники и уполномоченные, которыхъ во всякое время другіе государи отправятъ къ нему, если имъ случится проѣзжать

чрезъ королевства и владѣнія ея выс-ва, могли бы съ добраго согласія и разрѣшенія ея вел-ва имѣть проѣздъ безъ остановки, препятствія и задержанія.

Со стороны ея вел-ва дается соизволеніе на то, чтобы отъ времени до времени, когда сказанный превысочайшій и проч. могущественный государь признаетъ за благо отправить какихъ либо посланниковъ и уполномоченныхъ къ какому либо государю или властителю, сосѣду ея выс-ва, имъ предоставлено было право проѣзжать чрезъ владѣнія и королевства ея выс-ва безо всякой остановки, препятствія и задержанія и кромѣ того съ ними будутъ дружественно обращаться и имъ будутъ оказаны всякія добрыя услуги, какъ принято и какъ падлежитъ между союзными государями. Также и посланникамъ и уполномоченнымъ, отправленнымъ отъ другихъ государей къ нему, будутъ оказаны такое же обращеніе и поступки, въ случаѣ если ихъ государи одного вѣроисповѣданія съ ея вел-вомъ и въ союзѣ и въ дружбѣ съ ея выс-мъ.

(Прибавлено къ статьѣ 8-й послѣ словъ «*пребывать, поселяться, проживать и оставаться*»:) въ странахъ того и другаго безъ вреда, задержанія и притѣсненія и сверхъ того обѣщаетъ, что тѣ дома, которые уже по его милостивымъ привилегіямъ и грамотамъ даны и пожалованы купцамъ ея выс-ва, а именно ихъ дома въ Москвѣ, Вологдѣ и Холмогорахъ останутся отнынѣ впредь въ ихъ спокойномъ владѣніи.

(Прибавлено въ отвѣтѣ на эту статью послѣ словъ «*природныхъ подданныхъ*»:) чтобы они, отъ времени до времени и во всякое время, сколь часто и когда бы кто либо изъ нихъ ни прибылъ въ которое либо изъ владѣній ея выс-ва, пребывали, проживали и оставались въ ономъ безо всякаго вреда, задержанія или притѣсненія лишь бы они соблюдали гражданскіе законы сказанныхъ королевствъ и владѣній ея выс-ва, постановленные для добраго управленія ея подданныхъ. Далѣе ея вел-во благодарно пріемлетъ отъ своего любительнаго брата, сказаннаго царя и вел. князя подтвержденіе его прежняго царскаго пожалованія дворовъ и домовъ для пребыванія сказанныхъ купцовъ ея выс-ва въ вышесказанныхъ городахъ.

(Вставлено въ статьѣ 9-й между словъ *«воспрещается всѣмъ иностранцамъ»* и *«которые не будутъ имѣть дозволенія»:*) и прочимъ подданнымъ ея выс-ва не принадлежащимъ къ товариществу разумѣемому въ сказанныхъ повольностяхъ, вести торгъ въ Холмогорахъ, на рѣкѣ Оби, Варзугѣ, Печорѣ, въ Колѣ, Мезени, Печенгѣ, на Соловецкомъ островѣ, на рѣкѣ Сумѣ, или въ иной пристани Двины, или въ иной мѣстности сѣвернаго прибрежья Двины по сю сторону отъ Вардегуса на корабляхъ, двухмачтовыхъ или иныхъ судахъ, *которые не будутъ имѣть дозволенія ея вел-ва и т. дал.*

№ 45. — 1583 May.

Copie of instructions giuen to Sir Jerome Bowes.

Whereas our good brother K. and great Duke of all Russia hath of late sent an ambassadour vnto vs to treate with vs of certeine matters touching his seruice, which require some answer from vs by some especiall minister to be sent theter. We haue thought good to make choise of you for the service as well in respect of the opinion conceiued by vs of your sufficiency to performe it to our good liking, as for the satisfaction of the said emperor, who by his said ambassadour requested that a gentleman so qualified, as in our opinion you are, might be sent vnto him.

Hauing therefore receiued this charge from vs, and being arriued there, our pleasure is that after deliuery of our letters accompanied with such complements, as in like cases are requisite you shall giue him to vnderstand, in how acceptable sort we take the sending of an ambassadour vnto vs, receiuing thereby great satisfaction and contentment by the report his said ambassadour made vnto vs of his good estate as well of health, as of peaceable and happy gouuerment, which was deliuered vnto vs in so good sort, as that we can not but think our selfes greatly honored by him in sending so

graue and wise a counsellour and minister to vs, who hath not failed to performe such good offices as by his carefull trauail therein it seemeth he receiued in charge, and were committed to his trust.

And as one part of his message was to treate with vs of a league defensiue and offensiue, so you shall declare vnto him, that for his satisfaction therein, and to make it appear vnto him, how acceptable that motion was vnto vs, we haue ordered vnto certaine of our councell to conferr with his said minister thereabout, by whom he shall vnderstand, what resolution is taken here, the same being deliuered vnto him in writting, wharewith we hope he will rest contented, hauing yeelded (as one that greatly desireth his satisfaction) so farr forth, as may stand with our honnor, and due consideration had of our present state.

And for that his minister did not at the first rest satisfied in some points of our said answer, which we caused to be deliuered to him in writting you shall declare vnto him (in case any occasion be there vnto ministred) that we thought good to referre the further enlargement of our mind therein to you, whom we haue expressely charged to make such deliuery of our said meaning in our said answer, as we doubt not shall remoue all matter of doubt, and work that good acceptation in him of our said answer as we desire.

And therefore you shall declare vnto him first that whereas his said minister required of vs, that the treatty might be sett downe in the same forme that he deliuered it vnto vs, and our answer accordingly to each point, we thought good for the better explanation of the matters therein comprised, and that our answer might be more orderly framed to cause it to be so distinctly sett downe in articles, as is presented to him, not doubting, but he will conceiue well of our meaning therein, considering that it was done vppon no other respecte, but for the better furtherance of that he most desired, wherein after wee had yeelded our answer to such demands, as by his minister was propounded, we found it expedient to adde thereunto a request of our owne, tending to no other end, but

to the confirmation of that, which he hath allready graunted to our subiects, and we conceiue he meaneth to continue rather with encrease of fauor then otherwise.

As for that matter of sommars contained in the first article, which his said ministe somewhat insisted vppon, that it might be left out for such reasons as he then deliuered, you shall declare vnto him, that we could not assent thereunto, thinking it requisite both in Christianity, and by the law of nations, and common reason not to professe enimity, or enter into effects of hostility against any prince or potentat, without warning first giuen to the party so procuring enimity to desiste from his wrong doing or cause giuing of hostility, which kind of capitulating is vsuall, between vs, and all other princes, be they neuer so remote from vs, as some of our confederates are in a manner as farr distant from vs, as he and his kingdomes are and therefore you shall praye our good brother the K. to conceiue well of our meaning therein.

Touching the traffique of our subiects to all and euery the hauen and hauens of Duina, and euery part of the north side thereof, which his said minister in like sort thought much to be appropriate only to the company of our merchants trading those his dominions, and required that it might be sett at libertie for all nations that would trade theter, in liker sort, as it is lawfull for all nations to trafficque freely into all and euery our dominions and countryes, you shall declare vnto him, that for as much as we request nothing therein but that he hath allready graunted to the said company, in respect of the great charges ther haue bene at in finding out that trade, we trust he will take our said request in good part, and so consider of our subjects in that behalfe, as that their liberties may not be abbrigded, but rather receiue such ratification, as the good intelligence between vs requireth, aud we doubt not, but our said subiects will deserue in orderly, and merchant like carrying themselues towards him, and his subiects, as from time to time we haue giuen them charge. And whereas our said subiects haue lately complained to vs of certeine greeuances, and chiefly of some new exactions laid vppon

them, these three yeares last past, namely the first yeare one thousand roubles, and the last yeare 500 roubles yearly, contrary to all priuiledge in that behalf prouided, and we therein moued his minister here to be a meanes to him that the said new exaction might be remoued; you shall in our name pray our good brother the K. that in that behalf our subiects may be relieued, and according to his former fauors bestowed vppon them, vsed as the subiects of so friendly a confederate, as we are, and meane to be vnto him.

Hauing in this sort deliuered our meaning vnto him vppon the treaty of amity, you shall declare vnto him, touching the secrette message and request he made vnto vs, by this said minister for and concerning the matter of marriage how the lady motioned is fallen into such an indisposition of health as that there is small hope she euer will recouer such strength as is requisite for the state, especially considering the long and tedious voyage, she were to make, in case should vppon report of his amb-r and view of her picture, haue any disposition to proceede therein, and therefore our pleasure is. you vse all the best perswasions you can to disswade him from that purpose, laying before him the weaknes of the lady, when she is in best state of health, and difficulties, that are otherwise like to be stood vppon by the lady, and her frends, who can hardly be indured to be so farr separate the one from the other, whereby the greatest comfort of them that are neere of blood are cutt of, that vnlesse their good wills and consent might be procured (which is a matter very doubtfull), the match could not in any sort be brought to passe, considering that in those cases, as ouer the rest of our subiects, so especially ouer the noble houses, and families, we haue no further authority then by waye of perswasions to induce them to like of such matches as are tendred them, and by good apparante reasons maie tend to their aduancement.

And for the other motion deliuered vs in like secrett manner (by the interpreter, as heretofore it hath bene by some of our owne ministers sent vnto him) vppon occasion, as those times offred, touching hisselfe repaire hether into our do-

minions, you shall declare vnto him, that as occasion shalbe ministred to him, and he so shall thinke good, he shalbe as welcome to vs, as any prince confererate whatsoeuer, and receiue at our hands the best offices, our small meanes can *yeeld him*, so deare he is vnto vs, and so willing we are to *gratefy him* in any *thing*, that maie lye in vs.

Further our pleasure is that at some fitt and conuenient time you sound the said king our good brother, in what disposition he standeth towards the k. of Sweden, and whether he could not be content that by way of mediation of some prince affected to them both, there might be some peace or truce concluded between them, whereunto in case you should find him inclined, then shall you vse towards him such reasons as may best serue to induce him to assent either to the one, or to the other, offring in our behalfe anie mediation, we can any way performe therein. And to the end this our intent may be accompanied with effects, we thinke it meete you should let him vnderstand, that we haue giuen you charge (if he shall so allow therof) to lett the k. of Sweden vnderstand so much of his disposition, and to perswade him to send some ambassador into Russia, during your abode there, to the end you maye doe some good offices in remouing such difficulties, as maye arise in the said treaty. In which time our pleasure is, you haue regard to the time you are to make your abode there, that any such treaty may not drawe you to stay longer in those partes, then that you may returne with the next yeares shipping. In which meane time our meaning is you shall doe all the best offices you maye for the aduancement of the cause aforesaid; otherwise to forbeare to deale in any other sort in that matter, then that your returne may be at the liberty before mentioned, to the end our merchants *be not ouerburdened with charge*.

As for other causes of our merchants, which is the cause *of our sending you into those parts*, you shall particularly *deale for them with the said K.*, in as good sorte, as you can accordinge to suche remembrances as they shall from time to time deliuer you.

Lastly our pleasure is you shall earnestly recomend to our good brother the K. the sending home of John Fensham one of his apothecaryes, whose father being a man very aged, desireth greatly to see him before he dieth, and to leave him possession of such lands and goods as he hath gotten for him.

№ 45. — 1583 Мая.

Списокъ съ наставленій данныхъ сэру Еремѣю Баусу.

Такъ какъ добрый братъ нашъ царь и вел. князь всея Россіи въ недавнемъ времени прислалъ къ намъ посланника для переговоровъ по дѣламъ, касающимся его службы и по коимъ требуется отъ насъ отвѣта чрезъ посла нарочно туда отправленнаго, то мы признали за благо на службу эту избрать васъ, какъ во уваженіе мнѣнія, каковое мы имѣемъ о способности вашей исполнить ее къ нашему удовольствію, такъ и въ удовлетвореніе сказаннаго царя, который чрезъ упомянутаго посланника просилъ, чтобы къ нему былъ присланъ дворянинъ съ такими качествами, какими, по нашему мнѣнію, вы обладаете.

Итакъ получивъ отъ насъ порученіе это, намъ угодно, чтобы, по пріѣздѣ вашемъ туда и по врученіи нашей грамоты съ обычными въ такихъ случаяхъ привѣтствіями, вы объяснили царю, сколь была для насъ пріятна присылка имъ посланника къ намъ; что мы въ великимъ удовольствіемъ и радостью извѣстились отъ сказаннаго посланника о добромъ здоровьѣ царя и о мирномъ и счастливомъ его правленіи; что извѣстіе это такъ хорошо было намъ сообщено, что мы не можемъ не вмѣнить себѣ въ большой почетъ присылку столь степеннаго и разумнаго совѣтника, не преминувшаго исполнить угодныя намъ порученія, которыя, какъ видно изъ его о нихъ ревностнаго старанія, были на него возложены и ему повѣрены.

А какъ его порученіе отчасти состояло въ томъ, чтобы договориться съ нами о *союзѣ оборонительномъ и наступательномъ*, то вы объявите царю, и для его удовольствія, и для показанія ему какъ намъ пріятно было такое предложеніе, что мы приказали нѣкоторымъ изъ нашихъ совѣтниковъ войти въ раз-

сужденіе по этому предмету со сказаннымъ посланникомъ, который донесетъ царю о послѣдовавшемъ по сему рѣшеніи, даннымъ ему на письмѣ. — Мы надѣемся что царь останется доволенъ этимъ рѣшеніемъ, въ которомъ мы, изъ желанія удовлетворить его, сдѣлали всѣ уступки совмѣстныя съ нашей честію и сообразныя съ нашимъ нынѣшнимъ положеніемъ.

Что же касается того, что его посланникъ сначала оставался недоволенъ нѣкоторыми статьями нашего отвѣта, по приказанію нашему даннаго ему на письмѣ, вы (если къ тому представится случай) объявите ему, что мы признали за благо возложить на васъ дальнѣйшее объясненіе нашихъ мыслей по этому предмету и что мы въ особенности поручили вамъ передать смыслъ нашего отвѣта, не сомнѣваясь, что тѣмъ устранится всякій поводъ къ недоразумѣнію и что вы приложите стараніе къ тому, чтобы отвѣтъ этотъ былъ имъ хорошо принятъ.

Для сего вы объявите царю вопервыхъ, что посланникъ его просилъ насъ, чтобы договоръ былъ изложенъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ его намъ вручилъ, а согласно съ этимъ и отвѣтъ нашъ былъ написанъ статья въ статью. Мы признали за благо для лучшаго разъясненія заключающихся въ договорѣ статей, а также для соблюденія большаго порядка въ нашемъ отвѣтѣ, приказать изложить его по статьямъ съ тою ясностію, съ какою онъ ему нынѣ представляется, не сомнѣваясь что царь приметъ наше желаніе въ хорошую сторону, ибо это было сдѣлано не по иной причинѣ, какъ для лучшаго исполненія главнѣйшаго его желанія. Давъ отвѣты по всѣмъ требованіямъ, предложеннымъ его посланникомъ, мы сочли нужнымъ присовокупить и отъ себя требованіе, которое состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ просьбѣ о подтвержденіи того, что царемъ уже пожаловано нашимъ подданнымъ и что—такъ какъ мы понимаемъ — онъ намѣренъ продолжать имъ скорѣе съ увеличеніемъ своей милости, а не иначе.

Что касается включенныхъ въ первую статью условій, на опущеніи коихъ посланникъ нѣсколько настаивалъ, по изложеннымъ имъ въ то время причинамъ, вы объявите царю, что мы не могли на это согласиться, находя необходимымъ и по Христіанству, и по праву международному, и по здравому раз-

судку, не заявлять вражды и не начинать непріязненных дѣйствій противъ какого бы то ни было государя или властителя, не пригласивъ сперва подавшаго поводъ къ непріязни отступиться отъ своихъ дурныхъ дѣйствій или отъ того, что подаетъ поводъ къ враждѣ. Такого рода переговоры въ обычаѣ между насъ и всѣхъ прочихъ государей, сколь бы они отъ насъ ни были отдалены; ибо нѣкоторые изъ нашихъ союзниковъ находятся отъ насъ на столь же дальнемъ разстояніи какъ царь и его царства. По этому вы будете просить нашего добраго брата царя принять въ хорошую сторону наше намѣреніе въ этомъ случаѣ.

Относительно торговли нашихъ подданныхъ во всѣхъ безъ изъятія пристаняхъ Двины, а также во всѣхъ частяхъ сѣвернаго ея прибрежья, посланникъ такимъ же образомъ полагалъ, что торговля эта будетъ слишкомъ исключительно присвоена обществу нашихъ купцовъ, ведущихъ торгъ съ этой частію владѣній царя и просилъ, чтобы она была сдѣлана свободною для всѣхъ народовъ, которые захотятъ тамъ торговать, точно также какъ всѣмъ народамъ дозволяется торговать во всѣхъ владѣніяхъ и во всѣхъ странахъ нашихъ. На это вы объявите царю, что мы просимъ лишь то, что имъ уже даровано сказанному обществу, въ уваженіе большихъ издержекъ, понесенныхъ оными при открытіи этой торговли. Мы надѣемся что царь приметъ таковую нашу просьбу въ уваженіе, окажетъ такую милость нашимъ подданнымъ, чтобы ихъ льготы въ этомъ отношеніи не уменьшились, но напротивъ получили подтвержденіе, какъ того требуетъ доброе между нами согласіе. Мы не сомнѣваемся что и сказанные наши подданные заслужатъ это добропорядочнымъ и истинно купеческимъ поведеніемъ въ отношеніи какъ къ нему, такъ и къ его подданнымъ: о чемъ мы имъ отъ времени до времени наказывали.

Сказанные наши подданные недавно жаловались намъ, что въ послѣдніе три года они подверглись нѣкоторымъ утѣсненіямъ и особенно нѣкоторымъ сборамъ, а именно: въ первый годъ — 1000 рублей, а въ послѣдніе года — 500 рублей ежегоднаго налога въ противность всѣмъ ихъ привилегіямъ; по сему случаю мы предложили царскому посланнику принять

на себя ходатайство объ уничтоженіи таковыхъ новыхъ налоговъ. — Вы имѣете, отъ нашего имени, просить добраго нашего брата царя освободить нашихъ подданныхъ отъ сего и, согласно съ прежде оказанными имъ отъ него милостями обходиться съ ними какъ съ подданными столь дружелюбной союзницы, каковою мы съ нимъ были и намѣреваемся пребыть и впредь.

Высказавъ царю такимъ образомъ мнѣніе наше о дружественномъ договорѣ, имѣете вы объявить ему по предмету тайной ссылки и просьбы, съ которыми онъ обратился къ намъ черезъ сказаннаго посланника относительно брака, что предложенная дѣвица впала въ такой разстройство здоровья, что остается мало надежды на возвращеніе ей силъ, потребныхъ для *(царскаго)* сана, особенно въ виду продолжительнаго и труднаго путешествія, которое бы ей пришлось совершить если бы, по донесенію посланника и по разсмотрѣнію ея портрета, царь захотѣлъ бы продолжать это дѣло. По этому намъ угодно, чтобы вы употребили лучшіе, какіе можно, доводы къ отвращенію его отъ этого намѣренія, представили бы ему слабосиліе дѣвицы даже въ самомъ здоровомъ ея положеніи и другія затрудненія, которыхъ можно ожидать со стороны дѣвицы и ея родственниковъ: они едва ли согласятся на столь дальнюю взаимную разлуку, которая отниметъ величайшее утѣшеніе существующее для кровныхъ свойственниковъ; вы объясните также что безъ непринужденнаго ихъ согласія, которое подлежитъ большому сомнѣнію, бракъ никакъ не можетъ быть совершенъ; ибо въ подобныхъ случаяхъ какъ надъ всѣми прочими подданными, такъ въ особенности надъ благородными домами и семьями, мы не имѣемъ никакой иной власти, кромѣ силы убѣжденія, чтобы склонить ихъ согласиться на предлагаемые имъ браки и хорошими и очевидными доводами стараться споспѣшествовать имъ.

Что же касается другаго намѣренія, также тайно сообщеннаго намъ царскимъ толмачомъ, (а передъ тѣмъ еще нѣкоторыми посланниками, которыхъ мы къ нему отправляли), о томъ случаѣ если бы обстоятельства принудили царя прибыть въ наши владѣнія; имѣете вы объявить ему, что если представится такой случай или если ему это будетъ угодно, то онъ встрѣ-

титъ у насъ такой же ласковый пріемъ какъ всякій союзный государь и что мы окажемъ всякія услуги, какія только возможны при малыхъ нашихъ средствахъ; до такой степени любимъ мы его и до такой степени желаемъ угодить ему во всемъ, что отъ насъ зависитъ.

Далѣе намъ угодно, чтобы вы, при удобномъ случаѣ, вывѣдали у добраго брата нашего царя, какъ расположенъ онъ къ королю Шведскому и не будетъ ли ему пріятно, чтобы чрезъ посредничество какого либо государя, состоящаго въ пріязненныхъ съ ними обоими отношеніяхъ, было между ними заключено перемиріе. Если вы найдете его склоннымъ къ сему, то вы имѣете убѣдить его такими доводами, какіе признаете за лучшіе, чтобы побудить его принять какое либо рѣшеніе; и предложите ему отъ насъ всякое посредничество, какое мы можемъ принять на себя въ этомъ дѣлѣ. Но дабы такое наше намѣреніе имѣло успѣхъ, мы находимъ приличнымъ, чтобы вы дали ему понять, что мы поручили вамъ, если онъ на то согласится, извѣстить о такомъ его расположеніи короля Шведскаго, и убѣдить короля, чтобы онъ отправилъ посланника въ Россію во время вашего тамъ пребыванія, съ тѣмъ чтобы вы могли способствовать къ устраненію затрудненій, которыя могутъ возникнуть при этомъ договорѣ. Между тѣмъ намъ угодно, чтобы вы сообразовались со срокомъ вашего пребыванія въ Россіи, дабы такой договоръ не заставилъ васъ пробыть тамъ долѣе времени плаванія въ будущемъ году, по которому имѣете вы возвратиться въ Англію. До этого же времени намъ желательно, чтобы вы употребили лучшія ваши старанія къ устройству этого дѣла. Въ противномъ случаѣ не предпринимайте ничего по этому предмету; старайтесь только о томъ, чтобы имѣть возможность возвратиться къ означенному сроку, дабы не подвергнуть нашихъ купцовъ излишнимъ издержкамъ.

Въ прочихъ дѣлахъ нашихъ купцовъ, которые и подали поводъ къ отправленію васъ въ Россію, вы употребите все ваше стараніе вести съ царемъ переговоры какъ можно успѣшнѣе по тѣмъ предметамъ, о которыхъ купцы будутъ вамъ отъ времени до времени доставлять записки.

Наконецъ намъ угодно, чтобы вы убѣдительно просили нашего добраго брата царя отпустить на родину Ивана Феншама, однаго изъ его аптекарей, котораго отецъ, будучи уже преклонныхъ лѣтъ, желаетъ передъ смертью видѣть сына и оставить ему во владѣніе земли и имущество, которыя для него собралъ.

№ 46.—1583 Jun. 19.

An addition vnto hir maiesty instructions given vnto Sir Jerome Bowes hir High-s amb-r vnto the emperor of Moscouia.

Hir ma-tye being very carfull that some good accorde by hir mediation might grow betwene the sayd emperor and the king of Swethia and being giuen to vnderstand that the sayd king hauing had some aduantage in these late warres happened between him, and the said emperor, is drawen by the victories, that he hath gotten, vppon some meere termes of reputation, then otherwise he would; whereby it is to be doubted, that he would be loth to send any ambassador to the emperor of Moscouia (vnto his towne of Mosco) according vnto such direction, as is conteined in the instructions, signed by her ma-tie as a thing that he may conceiue that in the opinion of the world the same would be interpreted as though he sought the peace, which might breed in the emperor a disposition to stand vppon harder terms. Her ma-tie therefore hath thought meet, that you shall perswade the emperor, in case you shall find him inclinable to giue eare vnto her ma-ties motion for mediation of peace, to allowe that there may be some such place chosen vppon the confines of their dominions, subiect to some other prince, that standeth indifferent as a person neutral, where without touch of either of their honour the treaty may proceede a great deale more aptly, then if it should be dealt in either of their kingdomes or dominions.

That in case the emperor shall assent vnto this motion, as a thing grounded vppon due respects had of either of the

princes honors, then is it thought meete that you shall aduertise the king of Swetia thereof. And as for such difficulties as may fall out and hang vndetermind for lacke of the mediation of some person neutrall you may offer on her ma-ties behalf, vnto the said emperor that she would be glad in case he can be content to make her an arbitrator to interpose her mediation in qualefying the said difficulties, in case he maye be induced on his parte to referre them ouer into her. In the meane time vntill the said difficulties may be by her ma-tie considered of, and her iudgement gett downe for qualification of the same, as maye agree with iustice and due regard of either of ther honors, whereof if you find he shall haue any liking, then is it her ma-ties pleasure, that you shall aduertise the said K. thereof, and to learne from him whether he can yeeld thereunto. And so both their assents being giuen vnto the said motion, you maye perswade the said princes the one by speech, the other by letters to be content to yeeld to an abstinence of armes for so long time, as it is likely (the difficulties of the passage duely considered) that she may returne her opinion in that behalfe.

And in case you shall be pressed to resorte to the said place where the treaty shalbe dealt in with the mutuall assent of both princes you shall in that case for your excuse declare vnto the emperor, that for as much as you haue receiued no direction so to do; you can not without offence of her ma-tie add your owne particular assent thereunto.

On the other side if the emperor not yeelds to haue a treaty in some neutrall place, but shall insist to haue the same dealt in within his owne dominions, then shall you aduertise the k. of Swetia of your proceeding with the said emperor both in the one degree, and in the other, letting him vnderstand, how carefull her ma-tie was for the regard that she had to his honor to haue procured, that the said treaty might haue passed in a neutrall place. And yet notwithstanding that her highnes is of that opinion that princes for the auoyding of the efusion of Christian blood, and other inconueniences that depend vppon the continuance of warres, the k. should

not in so important a cause insist vppon ceremonies of place and time, and such like circumstances but rather haue regard to the matter, weighing withall that in respect of the great riches that the emperor of Muscouia hath, and the number of marshall men both horsemen and footemen, in which he is not inferior to any prince in these parts of the world, he ought to be moued in, to thinke that a deere disaduantagable peace is more worth then an aduantagable and victorious warre all things duely considered.

№ 46. — 1583 Іюн. 19.

Дополненіе къ наставленіямъ, даннымъ ея вел-вомъ сэру Еремѣю Баусу, посланнику ея вел-ва къ царю Московскому.

Ея вел-ву весьма желательно посредничествомъ своимъ учредить доброе согласіе между царемъ и королемъ Шведскимъ. Между тѣмъ до свѣдѣнія ея вел-ва дошло, что, имѣвъ нѣкоторый успѣхъ въ послѣднихъ войнахъ своихъ съ царемъ, король увеличилъ свои требованія; что по этому онъ едва ли согласится отправить посланника въ городъ Москву къ царю Московскому (какъ предполагалось въ подписанныхъ ея вел-вомъ наставленіяхъ); ибо онъ можетъ думать, что такой поступокъ въ мнѣніи свѣта можетъ быть истолкованъ въ томъ смыслѣ, будто онъ ищетъ мира, и побудитъ царя постановить болѣе суровыя условія. По этому ея вел-во признала приличнымъ, чтобы, въ случаѣ, если вы найдете царя склоннымъ принять предложеніе о посредничествѣ ея вел-ва, вы убѣдили бы его согласиться на избраніе какого нибудь мѣста на рубежахъ обоихъ государствъ, и подвластнаго какому либо другому государю, постороннему для обоихъ и неутральному; дабы такимъ образомъ, не унижая чести ни одного изъ нихъ, переговоры могли бы итти гораздо успѣшнѣе, чѣмъ если бы они были ведены въ томъ или въ другомъ государствѣ.

Если царь согласится на это предложеніе, основанное на должномъ уваженіи къ чести обоихъ государей, то признается

приличнымъ, чтобы вы увѣдомили о семъ короля Шведскаго. Относительно затрудненій, которыя могутъ возникнуть и остаться нерѣшенными за недостаткомъ посредничества какого нибудь неутральнаго лица, вы можете предложить царю отъ имени ея вел-ва, что, она съ радостію употребитъ свое посредничество для устраненія этихъ затрудненій, если это будетъ желательно царю и если онъ, съ своей стороны, довѣритъ ихъ ей. — Если вы найдете, что это предложеніе ему угодно, то до времени, пока ея вел-во разсмотритъ эти затрудненія и обсудитъ способы къ устраненію ихъ, согласные со справедливостію и съ должнымъ уваженіемъ къ чести обоихъ государей, — ея вел-ву угодно, чтобы вы увѣдомили о томъ короля и узнали отъ него можетъ ли онъ на это согласиться. Когда же и царь и король изъявятъ согласіе на это предложеніе, вы можете убѣдить обоихъ государей, (однаго на словахъ, другаго на письмѣ), прекратить военныя дѣйствія до времени, пока королевна не пришлетъ своего отзыва по этому предмету: при чемъ слѣдуетъ принять въ соображеніе трудность пути.

Въ случаѣ же если бы васъ убѣждали отправиться въ означенное мѣсто, гдѣ будутъ ведены переговоры по взаимному согласію обоихъ государей: вы объявите царю въ извиненіе себѣ, что такъ какъ вы не получили никакого наказа о томъ, чтобы сіе исполнить, вы не можете сами отъ себя согласиться безъ оскорбленія ея вел-ва.

Съ другой стороны если царь не согласится на заключеніе договора въ какомъ нибудь неутральномъ мѣстѣ, но будетъ настаивать на веденіи переговоровъ въ своихъ владѣніяхъ, тогда вы увѣдомите короля Шведскаго о сношеніяхъ вашихъ съ царемъ, и въ то же время увѣдомите его о томъ какъ ея вел-во заботилась объ его чести, употребивъ свое стараніе, чтобы договоръ былъ заключенъ въ неутральномъ мѣстѣ: но что однакоже, ея вел-во находитъ, что дабы прекратить пролитіе Христіанской крови и другія невыгоды, проистекающія отъ продолженія войнъ, королю не слѣдуетъ въ такомъ важномъ дѣлѣ настаивать на пустыхъ обрядахъ мѣста и времени, и на другихъ подобныхъ обстоятельствахъ, а скорѣе обратить вниманіе на самое дѣло, — взвѣсивъ притомъ, что при великихъ богатствахъ,

которыми обладаетъ царь Московскій, и при многочисленности боеваго его войска какъ коннаго, такъ и пѣшаго, въ которой онъ не уступаетъ ни одному изъ государей тѣхъ странъ, королю слѣдуетъ подумать что даже дорого купленный и невыгодный миръ полезнѣе выгодной и побѣдоносной войны.

№ 47. — 1583.

A clause to be added to Sir Hierom Bowes instructions.

Whereas her ma-tie is geuen t'vnderstand that the k. of Denmark hath of late set fourthe certen shippes to the seas to impeache the passage of her m-ts subiects to the dominions of th'emperor of Russia, we thinck meete that in case youe meete his saide fleete in the straight betwen the Wardesswse and Isleland where the said k. pretendiths to be master of the sea as soueraigne lord on bothe shaures, youe should then vayle your bonnet to him of the said fleete that shall mak shewe to be admirall of the rest and then advaunce yt vp againe. — Wherwith yf they do not rest satisfyed but shall demaunde at your hands the paiment of some tolle or tribut besides for your passage, yt is thought meete yow should in that case send vnto them to let them vnderstand that her ma-ie hathe of late sent a minister of her to the k. their master to treate with him about that point of the payment of suche tolle or tribut by her merchaunts passing that waye, requiring them therefore to rest satisfyed and to forbeare to vrge the matter any farther vntill suche tyme as therto some order and resolucon taken therein betwin the k. and her m-ts said minister, who caryethe such commission and direction from her m-ie in that behalf as yowe doubt not the k. shall haue cause to rest satisfied withall. And yf they do nothwithstandinge presse yowe still to the payment of the said tribut, and shall vppon refusall therof go about to tak yowe, or to offer you vielence, then shall yow (fynding yourself strong enoughe for them) stand vppon your owne deffence, seekinge withall to avoyde

them and to passe the said straight as soone as convenientlye you can. But in case youe fynd them to be of such power that you shall not well be hable to make resistaunce then shall yow direct some of the merchaunts as of them selues to offer a bill for the payment of the said tribut herafter according to such order and resolucon as maye be taken in that behalf betwin the k. and her ma-ts said minister.

№ 47. — 1583.

Заключительная статья, которую слѣдуетъ добавить къ наказу сэра Еремѣя Бауса.

Ея вел-во извѣстилась, что въ недавнемъ времени король Датскій выслалъ въ море нѣсколько кораблей съ цѣлію препятствовать проѣзду подданныхъ ея вел-ва во владѣнія царя Русскаго. По этому въ случаѣ если вы встрѣтите означенный флотъ въ проливѣ между *Вардгусомъ* и *Исландіею*, гдѣ, будучи владѣльцемъ обоихъ береговъ, сказанный король считаетъ себя властелиномъ моря, мы признали за благо, чтобы вы опустили флагъ передъ тѣмъ изъ кораблей этаго флота, который будетъ казаться адмиральскимъ, и потомъ вновь его подняли. Если они этимъ не удовольствуются, но будутъ сверхъ того требовать чтобы вы уплатили какую либо пошлину или дань, въ такомъ случаѣ имѣете вы послать ихъ увѣдомить, что ея вел-во недавно отправила своего посланника къ ихъ государю, королю, для переговоровъ о платежѣ таковой пошлины или дани купцами ея, плавающими этимъ путемъ; что по этому вы просите ихъ не настаивать на этомъ требованіи до времени, пока не воспослѣдуетъ по этому предмету соглашенія и рѣшенія между королемъ и сказаннымъ посланникомъ ея вел-ва, имѣющимъ отъ ея вел-ва наставленія и наказы по этому дѣлу, которыми, вы не сомнѣваетесь, король останется вполнѣ доволенъ.

Если бы, несмотря на сіе, они продолжали настоятельно требовать отъ васъ уплаты сказанной дани, и вслѣдствіе отказа вашего, изготовились взять васъ или оказать вамъ насиліе;

тогда, если вы найдете себя въ достаточной противъ нихъ силѣ, вы будете защитаться, стараясь однакоже избѣгнуть ихъ и пройти проливъ какъ скоро только можете. Но если вы найдете ихъ въ такой силѣ, что не будете въ состояніи имъ сопротивляться, тогда вы прикажете нѣкоторымъ купцамъ дать, какъ бы по собственному побужденію, обязательства на уплату сказанной дани въ послѣдствіи согласно съ тѣмъ постановленіемъ или рѣшеніемъ, какое воспослѣдуетъ по этому предмету между королемъ и сказаннымъ посланникомъ ея вел-ва.

№ 48. — 1583.

Heades of instructions for Sir Hierom Bowes to Russia.

Instructions for Sir Hierome Bowes L.embassador of England into Russia ouer and beside the answers to the articles propounded on the part of the L.embassador of the king and great duke.

That he on the part of her ma-tie in behalf and fauor of her subiectes the societie of merchantes for discouerie of newe trades complaine and pray redresse of the doleances offered vnto them against the forme of the grauntes couenantes and preuiledges made vnto them by the said king and great duke etc. and against the good kindenesse expected and deserued by her ma-tie and her subiects.

That in anno 1580 there was exacted of them in name of the said king one thousand robles contrarie to the forme of their preuilege. That in anno 1581 there was likewise exacted of them 500 robles. That since the aryuall of the embassador here in the moneth of January and February last there hath likewise ben demaunded of them 500 robles.

And herein he is to informe himself by the Englishe agents in that contrie whether those 500 robles be payed and with what rigor exacted and to frame his complainte accordingly.

That her ma-ts subiects haue ben in these exactions vsed as the said kings and great dukes etc. slaues and captiues be; to be taxed with them or at such time as they be.

That the Duche man John de Wale whoe endeuoreth to ouerthrowe the trade of her ma-ts subiects is not onely suffered to continewe his traffike in those placs directly against the said preuileges, but also remaineth free from all taxacions whereby and by extraordinarie charges of good offices of her ma-ts subiects done to the said king and great duke etc. and to his embassadors and others, and by the great charges that the companie hath borne for discouerie of the trade to the benefite of his dominions of all which charges John de Wale neither hath borne nor beareth any thing, he is the more enabled to make them wearie of continewing trade to the territories of the said king.

№ 48. — 1583.

Перечень наставленій сэру Еремѣю Баусу отправляемому въ Россію.

Наставленіе Англійскому посланнику въ Россію сэру Еремѣю Баусу, сверхъ отвѣтовъ на статьи, предложенныя посланникомъ царя и великаго князя.

Чтобы онъ отъ имени ея вел-ва и въ угожденіе подданныхъ ея, общества купцовъ для открытія новыхъ торговлей, жаловался и просилъ удовлетворенія за обиды, причиненныя имъ въ противность силѣ льготъ, условій и привилегій, данныхъ имъ отъ означеннаго царя и вел. князя и проч. и вопреки милостивой благосклонности, которой ожидали и которую заслужили ея вел-во и ея подданные.

Что въ 1580 году съ нихъ взыскано отъ имени означеннаго царя 1000 рублей въ противность силѣ ихъ привилегій; что въ 1581 году равнымъ образомъ съ нихъ взыскано 500 рублей; что со времени пріѣзда посланника сюда, въ минувшихъ Январѣ и Февралѣ мѣсяцахъ съ нихъ опять требовали 500 рублей.

По этому предмету ему (Баусу) слѣдуетъ справиться у Англійскихъ агентовъ въ Россіи о томъ: были ли эти 500 рублей уплачены и какія понудительныя мѣры были употреблены при

взысканіи оныхъ? Согласно съ отвѣтомъ имѣетъ онъ изложить свою жалобу.

Что при этихъ взысканіяхъ съ подданными ея вел-ва было поступлено какъ съ рабами и съ плѣнниками означеннаго царя и вел. князя; подобно имъ и въ одно съ ними время были они подвергнуты налогамъ.

Что Голландцу Ивану де Валь, который старается подорвать торговлю подданныхъ ея вел-ва не только дозволяется продолжать торговать въ этой странѣ въ противность помянутыхъ привилегій; но что онъ остается еще свободенъ ото всякихъ налоговъ. Между тѣмъ подданные ея вел-ва производили чрезвычайные расходы на разныя услуги сказанному царю и вел. князю и его посланникамъ и другимъ, а также общество понесло большія издержки для открытія торговли ко благу его владѣній; тогда какъ Иванъ де Валь, который не имѣлъ, да и нынѣ не имѣетъ подобныхъ издержекъ, тѣмъ болѣе поставленъ въ возможность отбить у нихъ охоту отъ продолженія вести торговлю во владѣніяхъ сказаннаго царя.

№ 49. — 1583 Jun. 5.

A copie of the commission giuen to Sir Jerome Bowes, authorizing him her Ma-ties ambassadour vnto the emperour of Russia.

Elizabetha Dei gratia, Angliae, Franciae et Hyberniae Regina, fidei defensatrix, etc.

Vniuersis et singulis presentes literas visuris et inspecturis, salutem.

Cum Serenissimus Princeps, Ioannes Basilius, Rex, et magnus Dux Russiae, Volodimeriae, Moscoviae, et Nouogrodiae, Rex Cazani, et Astracani, Dominus Plescoae, et magnus Dux Smolenscoae, Tueri, Vgori, Permiae, Valeae, Bolharae, et aliarum ditionum: Dominus et magnus Dux Nouogrodiae in inferiori regione, Chernigae, Rezanae, Polotscoae, Ratsauie, Yeraslaue, Bealozeri, Liflandiae, Oudori, et Condensae, et gubernator in tota prouincia Siberiae, et partium Septentriona-

lium, et aliarum, frater et amicus charissimus, nobilem virum, Feodor Andrewich Pisemski, nuper ad nos ablegauerit, ad certa quaedam negotia nobiscum agenda, quae honorem vtrinque nostrum quam proxime attingunt, quaeque recte definiri concludique nequeunt, nisi ambassiatorem aliquem et oratorem ad praefatum serenissimum principem amandauerimus: Hinc est, quod nos de fidelitate, industria, prouida circumspectione, et satis magno rerum vsu, praedilecti nobis famuli nostri, Hieronimi Bowes Militis ex nobilibus domesticis nostris vnius, plurimum confidentes, praefatum Hieronimum Bowes Militem, nostrum verum et indubitatum Ambassiatorem, Oratorem, et Commissarium specialem facimus, et constituimus per praesentes. Dantes et concedentes eidem Hieronimo Bowes Militi, oratori nostro tenore praesentium, authoritatem, et mandatum, tam generale, quam speciale, ita quod specialitas non deroget generalitati, nec e contra generalitas specialitati, nomine nostro, et pro nobis, cum praefato serenissimo principe, eiusque consiliarijs, et deputatis quibuscunque de praefatis negotijs et eorum singulis, tractandi, conferendi, concludendi, appunctuandique; prout oratori nostra aequum, et ex honore nostro videbitur: Nec non de, et super huiusmodi tractatis, conclusis, appunctuatisque, caeterisque omnibus et singulis, praemissa quouismodo concernentibus, literas, et instrumenta valida et efficacia, nomine nostro, et pro nobis tradendi, literasque et instrumenta consimilis vigoris et effectus, ex altera parti petendi, et confici, et sigillari debite procurandi, et recipiendi, et generaliter omnia et singula praemissa qualitercunque concernentia, faciendi, exercendi, et expediendi, in, et eodem modo, sicut nos ipsi faceremus, et facere possemus, si essemus praesentes, etiamsi talia sint, quae de se mandatum exigant magis speciale; promittentes bona fide, et in verbo regio, omnia et singula, quae per praedictum ambassiatorem, et oratorem nostrum appunctuata, promissa, conuenta, concordata, et conclusa fuerint in hac parte, nos rata et grata, et firma habituras et obseruaturas, et superinde literas nostras patentes confirmatorias, et approbatorias in forma valida et auten-

tica, prout opus fuerit, daturas. In cuius rei testimonium, his praesentibus manu nostra signatis, magnum sigillum nostrum regni nostri Angliae apponi fecimus.

Datae e regia nostra Grenwici quinto die mensis Junij. Anno dom. 1583. Regni vero nostri vicesimo quinto.

№ 49. — 1583 Іюн. 5.

Грамота данная сэру Еремѣю Баусу о бытіи ему посланникомъ ея вел-ва при царѣ Русскомъ.

Елисавета, Божіею милостію Королевна Англіи, Франціи и Ирландіи, оборонительница вѣры и проч.

Всѣмъ и каждому, кто будетъ видѣть и разсматривать настоящую грамоту, — здравствованіе.

Такъ какъ Пресвѣтлѣйшій Государь Иванъ Васильевичь Царь и великій Князь всея Россіи, Владимірскій, Московскій и Новгородскій, Царь Казанскій и Астраханскій, Государь Псковскій, и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ странъ: Государь и великій Князь Новагорода Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Лифляндскій, Удорскій и Кондинскій, и Повелитель всея Сибирскія земли и Сѣверныхъ странъ, братъ и другъ любительнѣйшій, въ недавнемъ времени прислалъ къ намъ благороднаго мужа Θеодора Андреевича Писемскаго для переговоровъ съ нами по нѣкоторымъ дѣламъ, которыя столь близко касаются нашей взаимной чести, что не могутъ быть правильно опредѣлены и заключены, иначе какъ если мы отправимъ какого либо посланника и оратора*) къ сказанному пресвѣтлѣйшему государю. Посему, имѣя наиболѣе довѣренности къ вѣрности, усердію, прозорливой осмотрительности и довольно большому навыку къ дѣламъ прелюбезнаго намъ слуги нашего сэра Еремѣя Бауса, единаго изъ придворныхъ дворянъ нашихъ, мы настоящею грамотою содѣлываемъ онаго сэра Еремѣя Бауса нашимъ истин-

*) *Рѣчника* см. № 20 стр. 68 прим. 4.

нымъ и несомнительнымъ Посланникомъ, Ораторомъ и нарочнымъ Коммисаромъ; силою настоящей грамоты даруя и поручая ему, оратору нашему сэру Еремѣю Баусу власть и полномочіе какъ общее такъ и частное, съ тѣмъ чтобы частное не противорѣчило общему, ниже напротивъ общее частному, именемъ нашимъ и за насъ со сказаннымъ пресвѣтлѣйшимъ государемъ и съ его совѣтниками и всякими депутатами о сказанныхъ дѣлахъ и о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности переговариваться, совѣщаться, рѣшать и докончать, какъ оратору нашему будетъ казаться справедливымъ и съ честію нашею согласнымъ; равнымъ образомъ именемъ нашимъ и за насъ выдавать грамоты и записи дѣйствительныя и обязательныя по такимъ образомъ договореннымъ, рѣшеннымъ и докопченнымъ дѣламъ и по всякимъ другимъ вообще и въ частности въ чемъ либо къ вышеизложенному относящимся; требовать грамоты и записи одинаковой силы и обязательности отъ другой (договаривающейся) стороны; и совершать ихъ, и по надлежащему утверждать печатями, и принимать (таковыя же) и вообще дѣлать, исполнять и докончать все и каждую частность, въ чемъ либо относящіяся до вышеуказаннаго точно такъ какъ бы мы сами сіе содѣлывали или могли содѣлать, если бы тамъ присутствовали, хотя бы случилось и что либо такое, на что требовалось бы болѣе опредѣлительнаго полномочія. Причемъ истинно и царскимъ словомъ обѣщеваемся, что все вообще и каждое дѣло въ частности, которое нашъ вышесказанный посланникъ и ораторъ утвердитъ, будетъ обѣщать, на что согласится, о чемъ договорится и что докончаетъ въ этомъ дѣлѣ, для насъ будетъ твердо, угодно и крѣпко и нами будетъ соблюдено, и, если то будетъ нужно, въ послѣдствіи будетъ облечено въ твердую и установленную форму выдачею утвердительныхъ и одобрительныхъ нашихъ открытыхъ грамотъ. Во удостовѣреніе чего повелѣли мы приложить нашу великую печать Королевства Англіи къ настоящей грамотѣ, подписанной нашею рукою.

Дана въ нашемъ замкѣ Гринвичѣ въ пятый день мѣсяца Іюня, въ лѣто отъ Р. Х. 1583, королевствованія же нашего въ двадцать пятое.

№ 50. — 1583 Jun. 8.

Elizabetha Joanni.

Serenissime Princeps, frater et amice charissime,

Secretiora V. S. mandata quae de profectione vestra in regna nostra incidentibus sic temporibus instituta erant pro ea quae debuit fide nobis exposuit interpres noster Egidius Crow. Qua certe quidem adeo fuere nobis grata ut nihil voluntati nostrae congruentius, nec ad amorem nostrum erga S. V. aptius testificandum exponi nobis petuisse existimemus. Non quod honesto cuiquam principi rerum suarum inauspicatos successus aut tam infinitos immensae fatigationis labores et non adeunda Neptuni pericula optemus sed propter eam quam gerimus apud nos et intra nos auiditatem tum videndi S. V. tum quibuscunque possumus melioribus nostris officijs prosequendi. Pro qua voluntate erga vos nostra regna et dominia nostra quaecunque patere S. V. volumus, adeo libere secure ac tuto atque nobis ipsis patent aut patere possunt. Veniat aut S. V. cum volet et grate et amice et ad gratam et amicam sororem principem veniet, in regnum autem Angliae haud secus atque in vniuersa dominia imperio suo Ruthenico subiecta. Sic affecta erga S. V. sumus, adeo gratum fuit hoc nobis nuncium. In hac sponsione nostra credat nobis, princeps enim sumus, id est fucate simulatiue loquendi nescio, sancte promittimus quod haud ita temere decreuimus, decreuimus autem quod animus noster fert et percupit auide. Testes facimus has nostras literas quas vt sigillum certum constantissimae erga vos voluntatis nostrae si S. V. pari voluntate capit habebimus gratum et Dom. precabimur ut eandem in quam longissima tempora foelicem et florentem conseruet.

Datae ex aula nostra Grenwici, 8 die mensis Junij 1583. regni vero nostri vicesimo quinto.

№ 50.—1583 Іюн. 8.

Елисавета Царю.

Переводчикъ нашъ Эгидій Кроу въ точности изложилъ намъ, какъ ему было поручено, тайныя приказанія вашего пресвѣтлѣйшества, отданныя по поводу случившихся обстоятельствъ относительно прибытія вашего въ наши королевства. По истинѣ сіе было столь намъ пріятно, что ничто не могло болѣе согласоваться съ нашимъ желаніемъ, и что мы не считаемъ возможнымъ въ чемъ либо иномъ удобнѣе явить нашу любовь къ вашему пресв-ву; не потому чтобы мы какому либо честному государю желали неудачи въ его дѣлахъ или безконечныхъ и чрезвычайно утомительныхъ трудовъ или подвергнутія опасностямъ Нептуна (*морскаго плаванія*); но ради имѣемаго нами пламеннаго желанія видѣть ваше пресв-во и оказать вамъ какія только можемъ лучшія наши услуги. По причинѣ такого относительно васъ желанія хотимъ мы, чтобы королевства и всякія владѣнія наши были открыты для вашего пресв-ва точно также свободно, безопасно и благонадежно какъ они открыты или могутъ быть открыты для насъ самихъ. — Итакъ пусть приходитъ пріязненно и дружелюбно ваше пресв-во когда захочетъ и прійдетъ къ пріязненной и дружелюбной сестрѣ-государынѣ въ королевство Англійское, но не иначе какъ вы приходите во всѣ владѣнія, подвластныя вашей Россійской державѣ. — Вотъ до чего мы исполнены дружбою къ вашему пресв-ву, вотъ до чего намъ радостна была сія вѣсть! Да вѣритъ ваше пресв-во сему нашему обѣщанію, ибо мы — государыня, то есть я не умѣю говорить притворно и лукаво: свято увѣряемъ, что мы рѣшеніе это приняли не случайно, но приняли его по пламенному внушенію и желанію нашей души. Свидѣтельствуемъ сіе настоящимъ письмомъ, которое да послужитъ вѣрнымъ залогомъ постояннаго нашего къ вамъ благожеланія; пріятно намъ будетъ если и ваше пресв-во примете его съ одинаковымъ благожеланіемъ, и будемъ молить Господа, да сохранитъ васъ на должайшее время въ счастіи и въ благополучіи.

Дана во дворцѣ нашемъ Гринвичѣ 8-го дня мѣсяца Іюня 1583.

№ 51. — 1583 Jun. 19.

Elisabetha Ioanni.

Serenissime princeps, frater et amice charissime.

Ex iis quae nobiscum egit S. V. illustris legatus intelleximus, quam grate vobis faceremus satis, si legatum aliquem cum mandatis instructum, ad S. V. ablegaremus. In quo certe quidem instituto adeo nobis ex animo placuit, quod est honeste postulatum, vt non nisi praestita re, possemus nobis quoque modo satisfacere. Atque cum id haberemus apud nos decretum, nobis non incommode incurrit in mentem et oculos Hieronimus Bowes miles, ex nobilibus nostris domesticis, plurimum nobis dilectus, quem inpraesentiarum *(inpraesentarium?)* ad S. V. ablegamus, cuius prudentiae et fidei, totum hoc quicquid *(quidquid)* est quod ad serenitatum mutuo nostrarum dignitatem ornandam pertinere posse arbitramur comisimus. In quo munere perfungendo, quin omnem curam et diligentiam sit collaturus neutiquam dubitamus; a S. autem V. rogamus, velit ei eam fidem habere in ijs persequendis quae habet a nobis in mandatis, quam nobis habendam putaret, si essemus praesentes. Praeterea, cum nobis multum charus sit Robertus Iacobus medicus, quem superiori anno, ad S. V. misimus, rogamus vt eum eo loco S. V. habeat, quo virum probatissimum, et singulari quam plurimarum virtutum laude ornatum habendum esse boni principes censent. Quem a nobis neutiquam ablegauissemus, nisi amicitiae nostrae, et studio gratificandi S. V. plurimum tribuissemus. In qua dum voluntate manemus erga S. V. non nisi optime de bonis vestris meritis in praefatum Iacobum nobis pollicemur. Et Deum Opt. Max. precamur, vt S. V. saluam conseruet, et incolumem.

Datae e regia nostra Grenouici 19 die mensis Iunij, Anno Domini 1583, regni vero nostri vicessimo quinto.

№ 51. — 1583 Іюн. 19.

Елисавета Царю.

Пресвѣтлѣйшій государь, братъ и другъ нашъ любительнѣйшій.

Изъ того, что говорилъ съ нами именитый посолъ вашего пресвѣтлѣйшества, мы довольно уразумѣли сколь угодно будетъ вамъ, если мы отправимъ къ вашему пресв-ву какого либо посла, снабженнаго наказами. Намѣреніе это искренне высказанное столь душевно намъ понравилось, что мы никакъ не могли удовлетвориться, пока не привели его въ исполненіе. Когда же мы постановили о семъ рѣшеніе, намъ не неблаговременно представился на память и на глаза сэръ Еремѣй Баусъ, изъ дворянъ двора нашего, весьма нами любимый: посылаемъ его предъ лицо вашего пресв-ва, поручая его благоразумію и вѣрности все то что, полагаемъ, можетъ относиться къ обоюдному возвеличенію достоинства нашихъ пресвѣтлѣйшествъ. Ни мало не сомнѣваемся, что при исполненіи сего порученія онъ употребитъ всякое стараніе и усердіе, но просимъ ваше пресв-во, чтобы при исполненіи имъ того, о чемъ имѣетъ онъ отъ насъ наказъ, вы благоволили дать ему такую же вѣру какую бы сочли нужнымъ дать намъ, если бы мы сами при семъ были. Сверхъ того, такъ какъ посланный нами къ вашему пресв-ву въ прошломъ году врачъ Робертъ Якоби весьма нами любимъ, мы просимъ ваше пресв-во обходиться съ нимъ какъ добрые государи обходятся съ лицомъ испытаннымъ и стяжавшимъ чрезвычайныя похвалы за многія свои добрыя качества. Никогда бы не отпустили мы его отъ себя, если бы не жертвовали многимъ ради нашей дружбы и желанія угодить вашему пресв-ву. Пребывая въ этомъ доброжелательствѣ къ вашему пресв-ву, мы можемъ лишь ожидать всего лучшаго отъ вашего благорасположенія къ сказанному Якобію. И молимъ всеблагаго и всевысочайшаго Бога да сохранитъ ваше пресв-во здравымъ и невредимымъ.

Дана въ замкѣ нашемъ Гринвичѣ, въ 19-й день мѣсяца Іюня, въ лѣто отъ Р. Х. 1583, королевствованія же нашего въ двадцать пятое.

№ 52. — 1584 Aug. 12.

The coppie of a letter from Sir Jerom Bowes.

I say that when I departed from Muscowe that Mykita Romanoviche and Andreas Shalkan were emperors in there owne recknynge and therfore so termed of many men yea of the wisest and gretest counselors. And that neither Ffeuther the son of the late emperor, nor such counselors as were mete to governe and rule for their trothe to there prynce, and love to there cuntrey beare any rule, nor durst then offer to rule. So I had my dispach such as it was at the hands of those vsurpynge emperors and by them and by there comaundement and direction were all the disbonors and iniuryes done, that were done vnto me. And those very manye.

By there direction I had retorned vnto me for a disgrace the guyftes which before then I had given to the late emporor, savinge that there was wantyng the crossbowe. These things were sente vnto me by a poore podiache *(under secretary)* and others I thynke scomoroghes *(scaramouches)* for none of theim had clothes on his back worth a robell. And in stead of the crossbowe which the podiache saithe th'emperor had taken, there was sente vnto me iij tymber of skynnes, they were named to be sables, but badd things they were god wott.

I thynke skorne of retorne of my gifts. I thinck ten tymes more skorne to have such a gyft presented to the quene of Englands embassador, yea were it but to my self, and therfore I returne them to those 2 badd emperors that sente them.

And as towcheng the letter which was delivered vnto me as I did then presently refuse it, so now for that I am well assured, that Ffewther the sonne of the late emperor was not made privy to the contents therein, nor any other of the

trewe and wise councellors to the state. I returne it back agayne to those 2 vntrewe subiects to their prynce and ennemyes to the state, whose hedds I doubt not but erelonge Ffeodor the sonne of the late emperor whome I now here to be crowned emperor and am glad of it and do wish him happynes, will finde it reasonable to cause to be cutt from their shoulders.

Jerome Bowes.

This letter is annexed to the following one, written, it would appear, to the London directors of the Russian company by some of its agents at Kholmogory.

It may please your worships that my lorde Embassador being aborde sente a letter open to the Gentellman that came downe with him in most despytefull wyse, which I haue in all poste haste coppyed out. Your worships must make shift to reade it, I wolde he had never come here. Ffrom the Muscow yt shalbe sente yow in better order for none of vs have more tyme at this present. The Lorde sende vs all his grace. This 12 August at 8 of the clock at night.

Your worships at comaundement.

J. G.

№ 52 — 1584 Авг. 12.

Списокъ съ письма сэра Еремѣя Бауса.

Объявляю, что когда я выѣхалъ изъ Москвы Никита Романовичь и Андрей Щелкаловъ считали себя царями и потому такъ и назывались многими людьми, даже многими умнѣйшими и главнѣйшими совѣтниками. Сынъ же покойнаго царя Θеодоръ и тѣ совѣтники, которые были бы достойны господствовать и управлять по своей вѣрности своему государю и по любви къ своей странѣ, не имѣютъ никакой власти, да и не смѣютъ пытаться властвовать. Поэтому тотъ отпускъ, каковой я имѣлъ, былъ мнѣ сдѣланъ этими царями-похитителями и чрезъ нихъ, по ихъ же приказанію и распоряженію сдѣланы всѣ безчестія и оскорбленія, которыя мнѣ сдѣланы; а таковыхъ было много.

По ихъ распоряженію, мнѣ, въ оскорбленіе, были возвращены дары, которые я далъ покойному царю: только изъ нихъ недоставало лука-самострѣла. Эти вещи были мнѣ присланы съ какимъ то жалкимъ подъячимъ и другими — полагаю скоморохами, *) потому что ни у одного изъ нихъ на спинѣ не было одежды и на рубль. А вмѣсто самострѣла, про который подъячимъ сказано, что онъ взятъ царемъ, мнѣ прислали три сорока шкуръ: называли ихъ соболями, но Богъ знаетъ что это была за дрянь.

Гнушаюсь тѣмъ **), что мнѣ возвращены мои подарки. — Въ десять разъ болѣе гнушаюсь предложеніемъ такого подарка посланнику королевны Англійской — хоть бы и мнѣ — а потому возвращаю его тѣмъ двумъ дряннымъ царямъ, которые его прислали.

Что же касается грамоты, которая была мнѣ вручена, то какъ я отъ нея тогда же отказался, точно также и теперь, бу-

*) Это слово въ подлинникѣ написано согласно съ Русскимъ произношеніемъ.

**) Смыслъ точнѣе соотвѣтствуетъ Русскому: «*Мнѣ наплевать*».

дучи точно удостовѣренъ, что Θеодоръ сынъ покойнаго царя не былъ извѣщенъ о содержаніи оной, о чемъ не зналъ и никто изъ истинныхъ и разумныхъ совѣтниковъ въ государствѣ, я возвращаю вновь эту грамоту тѣмъ двумъ невѣрнымъ подданнымъ своего государя и врагамъ государства: не сомнѣваюсь, что не въ долгомъ времени Θеодоръ сынъ покойнаго царя, (о которомъ слышу теперь, что онъ вѣнчался на царство, чему я радуюсь и желаю ему счастія) найдетъ благоразумнымъ приказать срубить имъ головы съ плечъ.

Еремѣй Баусъ.

Письмо это приложено къ слѣдующей запискѣ, очевидно написанной Лондонскимъ правителямъ общества однимъ изъ Холмогорскихъ его прикащиковъ.

Да будетъ извѣстно вашимъ достопочтенностямъ, что господинъ посланникъ, сѣвъ на корабль, самымъ укорительнымъ образомъ отправилъ къ дворянину, который съ нимъ пріѣхалъ, незапечатанное письмо, которое я, со всевозможною поспѣшностію списалъ. Пусть ваши достопочтенности разберутъ его какъ угодно. Зачѣмъ ему (*посланнику*) было сюда пріѣзжать! Изъ Москвы его (*письмо*) пришлютъ вамъ лучше переписанное, теперь же никому изъ насъ некогда. Да помилуетъ насъ всѣхъ Господь.

Сего 12 Августа въ 8 часовъ ночи.

Вашихъ достопочтенностей ко услугамъ готовый.

I. Г. (?)

№ 53. — 1584.

Complaints of sir Jerome Bowes.

Ffirst yt is to be vnderstood that the emperors ambassador beinge sent hither vndesired of her ma-tie was honorably brought hither bothe by see and land all at her ma-ties chargis and was here entertayned and used bothe by her ma-tie and all others most honorably.

I beinge sent thither ambassador frome her ma-tie by his owne intreatie, was after my arryvalle, fyve weeks in his land before he would take anye knowledge of mee; myselfe and all my companie liveinge all this while at her ma-ties chargis.

At fyve weeks end ther came a gentylman to me frome the emperor, who beinge a follower of the chauncellor Shalkan and by hym (I may well gesse foysted into that servyce of purpose) vsed hym selfe verie proudly, and mee verie badly. emongst other, his ill and prowd speaches, he towld me that I was no christian.

This man beinge my guyde a thowsand myles vp the ryvers and feede me all that while, with verie bad vyctualls, nor in theis manye myles would suffer, that my bote at anye tyme should go before anye of his. But rather then yt should — — — — — as at one tyme havinge a good gale yt was lykelye to have don, he forced my guydes to runne mee on the sands to the hazard of all owre lyves.

Two myles short of Mosco, ther mett me fyve gentelmen of the emperor, who having somwhat to say to mee frome the emperor, would nedes that I should haue lightid on foote to haue hard yt, and would yet them selves have sytt on horsebacke.

The same night, the emperor sent mee a supper by a meane gentelman of his who deliveringe his messadge with his capp on his hedd, did challenge me, and stoode longe vpon prowde terms with me because I would not be bare.

At my first comynge to the presens of the emperor, after offeringe me to kysse his hands, he caused mee to bee put backe, abowt ten yeards, before he would here mee speake, and ther made me delyver my messadge openlye, as yf I had beene to have made a proclemation, and then demandinge my lettars, and I goinge towards hym to delyver theme, his chaunceller Shalkan came to have taken theme frome mee estemiuge me as yt semid (thowghe hir ma-ties ambassador) vnworthy to delyver them my selfe nether did the emperor vowchsafe to towche her ma-ties present, but caused the same Shalkan to take yt of me at the place wher I stoode.

The same day beinge to dyne at a syde bord in the presens of the emperor, when I was *(to)* sytt downe and goinge by the vpper end of *(the)* table to the place wher I was to sytt, I was challengid for yt from the emperor, and caused to go abowte to my place by the lower end of the borde: he would also (had I not vttarlye refused yt, and my dynner too of that pryce) haue forced that all my servants should haue dynid at the same table with mee; and that refusid, did neverthelesse cause the table to be furnyshid with a companie of meane gentilmen of his owne.

After I had bene dyvers tymes before the emperor, and had often had conference with his cowncell and that he fownd I had not comyssion to yeld to every demande that he thowght reasonable, he one day emongst other vsed theis speaches. «I doo not esteme (quoted he) the Queene your mystris for my fellowe: ther bee that are her bettars, yea hir worstars» wheruntto answeringe as I thought ffytt (wheche no way was vnreasonable) he towld me in furye, he would throwe me owt of the doores, and bad me gett me home.

Shalkan supposinge that I did not put in vse the full auctoretie of my comyssion, sayd that I deserved to be whipt. and Mekita Romana and hee, beinge of the Dutche faction, and so enymies bothe to her ma-ties ambassadge, and all their mastars good purposes towards owre nation; did delyver to my truchman, theis dysgracefull speaches of mee; the one sayd: I gatheryd the greace and fees of my kytchyn to carrye

into England. The other that I would make my selfe rytche with skyns of the sheepe that the emperor allowid me.

The late emperor was resolvid to have made her ma-tie some perte of amends for theis indignities vsed agaynst her, but died before he had performyd awght so as the dishonors doe still remayne and have bene syns then, muche increasid by this Mekita and Ssalkan, who onelye governid aftar hym: ffor presently vpon the emperors deathe I was shutt vp (thowghe in my owne howse), a close presoner for eight or nyne weekes, with this extreeme vsadge, that yf enye of my people that lay vpon the street syde, did happen at enye time to looke owt at enye wyndowe, they were by and by, (by the watchmen who were ther sett to gard me) beaten in, with clotts end suche things as lay in the streets.

I had then taken frome me suche lyberale allowance of diet as the late emperor had allowed me and was nowe to content my selfe with suche slendar and badd fare, as by this Mekita and Shalkan was appoyntid me, and beinge in this meane tyme of my impresonnment dangerously sicke, they denyed me nor would suffer, that anye phesission should come at mee.

I all this while suyd for my dispatche, whiche I should have had before the emperors deathe. But could nowe by no means obtayne yt, such was the pleasure of Mekita and Shalkan, and when they had held me presonar as longe as pleasid them, they then sent me word overnight to come to court the next day to have my dispatche: whither beinge come, wheras ever tofore I was met wythe at cowncell, with manye of the greatist and gravest cowncellors; I was nowe entertaynyd onelye by Shalkan, a brother of his and one other gentilman whom I had never seene afore who delyvered unto me for a rezolution frome the nowe emperor, that he had no meaninge to procede fardther in those treaties that his late father had before delt in, nor then would gyve me enye further hearinge.

Ere longe after I was hastyd awaye to take my leave of the emperor. But ordar gyven withall that my repire and dagger should be taken frome me, and all my men dysweopenid

which lyke dysgrace was never offerid me before: This myslykinge me muche, aswell in respect I dowtid the mallyce of theis men, as also that I thowght yt vncomly beinge in verie short garments, to come before a prynce and state without a sword, rather lyke a presonar than lyke an ambassador I made some stay wher I was, and seemyd (syns I sawe they ment to vse me with suche dysgrace, and that they had alreadie delyvered me the rezolution of the emperor, which was, not to grante anye part of that I came fore) to be willinge rather to retorne to my lodginge, then with theis dysgraces to see the emperor; and in this meanewhile, I sent for a longar garment meetar to be worne without a sword: but they fyndinge my purpose, a brother of Sholkans came vnto me, with sterne countenance and bad behaviour, to hasten the takinge away of my weapons, and my cominge to the emperor. Thus fyndinge no reamedye, and dowtinge some outradge to be purposed vnto mee, leavinge my wepons, I went to the emperor, as well with purpose to complayne of the iniuries don me as also to receave what he would fardar say to me towchinge my ambassadge, and by the way I mett with my man, with the garment that I sent for whome they perceavinge, either he could come to delyver yt me, heapes of them with furye ran vpon hym, and trust hym quyte owt of my sight my selfe beinge still hastid to the emperor with offer of to muche occation, to haue bred me myscheefe, yf I would haue taken howld of yt.

In this meene space, theis men, Mekita and Shalkan, thinkinge of the iniuries they had offerid me: and suspectinge my purpose to complayne had ere I could come to the emperor, comandid away my *truchman*, and so made suer worke, that I should say nothinge of that I would.

When I was come before the emperor he tould me a verie short tale, not muche to other purpose, but that he desirid suche leage of frendship with hir ma-tie, as his father tofore had had and for the time of my dyspatche offerid me a lettar to delyver to hir ma-tie wherin I well knewe, was no mattar of importance or grant of owght I came for; and therfore

refusid yt: but they ernestly pressinge me to take dowtinge their vsadge yf I still refuse yt, agreed to receaue yt, vntill I might fynd some meeter tyme to rydd my selfe of yt.

The day followinge doctor Jacob had occation to speake wythe Shalkan; who tellinge hym in howe ill part I tooke the entertaynment I had the day before: he answerid hym thus: «Lett hym thank God: God was his gud God; for, had he not comme to the emperor, even when he did, he had bene torne in peeces and throwne over the wales.»

It was a fortnight after this er that I could by anie intreatie wynne them to gyve me means to go homwards and when, at lengthe, they sent me post horsse, they sent with them, nether brydells nor sadells; nor would provyde me anye; so as, had I not, at my owne charge, suddenlye made provysion for all my companye, my servants had bene forcid to have rydden post vpon the bare horse backs.

The morninge before my cominge away to doo me yet more dysgrace, by means of theis men, ther was retornid, vnto mee (browght by verie meane fellowes) suche things as I had before gyven to the late emperor, and ther withall, was presentid vnto me in the emperors name, three tymber of sables, no question the verie worst that were to be fownd in all Mosco for in every mans opynion they all were not ther worthe above fortie pownds. It was also determynid over night, by theis kynd men that the gyft I presentid frome hir ma-tie, should have beene sent backe.

He. Bowes.

Ther wer also besyds theis, manye iniuries don me in my retorne to S-t Nycholas. But supposinge theis alreadie sett downe to be manye I forbere to speake of theme.

№ 53. — 1584.

Жалобы сэра Еремѣя Бауса.

Вопервыхъ слѣдуетъ замѣтить, что посланникъ царя, будучи присланъ сюда безъ желанія на то ея вел-ва, былъ съ честью приведенъ сюда, и моремъ и сухимъ путемъ во все время на счётъ ея вел-ва и что содержаніе его здѣсь и обхожденіе съ нимъ какъ ея вел-ва, такъ и другихъ было самое почётное.

Я, будучи посланъ туда посланникомъ отъ ея вел-ва по собственному его ходатайству, послѣ своего пріѣзда оставался въ его землѣ пять недѣль, прежде чѣмъ ему угодно было обратить на меня какое либо вниманіе. А все это время я самъ и всѣ сопровождавшіе меня жили на счётъ ея вел-ва.

Въ концѣ пяти недѣль пріѣхалъ ко мнѣ отъ царя дворянинъ: онъ былъ клевретъ канцлера Щелкалова и, я догадываюсь, намѣренно назначенъ имъ въ эту обязанность; онъ велъ себя чрезвычайно надмѣнно и обходился со мной весьма дурно: между прочими своими дурными и гордыми рѣчами онъ сказалъ мнѣ, что я *нехристь*.

Этотъ человѣкъ былъ моимъ проводникомъ при плаваніи тысячи миль вверхъ по рѣкамъ. Все это время онъ меня кормилъ весьма дурными припасами и на всемъ протяженіи столькихъ миль ни раза не позволилъ моей лодкѣ опередить ни одной изъ его лодокъ, (стараясь) скорѣе чтобы ее (*потопить?*). Онъ едва этого и не сдѣлалъ однажды когда, при сильномъ вѣтрѣ, онъ заставилъ моихъ проводниковъ набѣжать съ моею лодкою на пески съ опасностію жизни для всѣхъ насъ.

За двѣ мили до Москвы, я былъ встрѣченъ пятью дворянами царскими, которые, имѣя нѣчто сказать мнѣ отъ царя, настоятельно требовали, чтобы я сошелъ съ лошади, чтобы ихъ выслушать, а сами хотѣли остаться верхами.

Въ тотъ же вечеръ царь прислалъ мнѣ ужинъ съ ничтожнымъ дворяниномъ, который объявилъ свое порученіе съ шапкою на головѣ, а требовалъ отъ меня, чтобы я снялъ свою шапку, и долго бранился со мною за то, что я не хотѣлъ это сдѣлать.

Въ первый разъ какъ я пришелъ въ присутствіе царя, царь, подавъ мнѣ руки, чтобы я ихъ поцѣловалъ, приказалъ, чтобы меня отвели шаговъ на десять назадъ, прежде чѣмъ я начну говорить, и на этомъ разстояніи велѣлъ мнѣ громко объявить мое порученіе, какъ будто я провозглашалъ какую нибудь прокламацію. Потомъ когда онъ спросилъ мою грамоту, и я подходилъ къ нему чтобы ее вручить, его канцлеръ Щелкаловъ подошелъ, чтобы взять ее отъ меня, считая повидимому, что я (хотя и посланникъ ея вел-ва) не достоинъ самъ ихъ вручить. Равнымъ образомъ царю не угодно было удостоить дотронуться до подарка ея вел-ва, но по его приказанію, тотъ же Щелкаловъ взялъ его отъ меня съ мѣста, гдѣ я стоялъ.

Въ тотъ же день на обѣдѣ въ присутствіи царя, будучи посаженъ за боковой столъ, когда я шелъ верхнимъ концомъ стола, чтобы сѣсть на свое мѣсто, царь мнѣ выговорилъ за это и велѣлъ пройти на мѣсто нижнимъ концомъ стола. Онъ хотѣлъ также заставить всѣхъ моихъ слугъ сѣсть обѣдать за однимъ столомъ со мною: когда я рѣшительно воспротивился этому и отказался обѣдать на такихъ условіяхъ, то онъ приказалъ посадить за столъ ничтожныхъ дворянъ.

Послѣ того какъ я нѣсколько разъ былъ передъ царемъ и имѣлъ частыя совѣщанія съ его совѣтомъ и когда онъ увидѣлъ, что мнѣ не было поручено соглашаться на все, что ему заблагоразсудится, онъ однажды, между прочими рѣчами, сказалъ мнѣ: „Я не считаю твою государыню, королевну, за равную мнѣ: есть (государи) лучше ея, есть и хуже.“ — Когда я отвѣтилъ на это какъ, по моему мнѣнію, слѣдовало (и отвѣтъ мой вовсе не былъ неблагоразуменъ) онъ въ изступленіи отвѣчалъ мнѣ, что велитъ меня выкинуть за дверь и велѣлъ идти домой.

Щелкаловъ, предполагая, что я не пользовался всѣмъ полномочіемъ, которымъ я былъ облеченъ по моему наказу, сказалъ, что меня стоитъ высѣчь. Никита Романовъ и онъ были на сторонѣ Голландцевъ и слѣдовательно враждебны какъ посольству ея вел-ва, такъ и всѣмъ добрымъ намѣреніямъ ихъ государя въ отношеніи къ нашему народу.—Они слѣдующимъ обиднымъ образомъ выразились обо мнѣ моему толмачу: одинъ сказалъ, что я собираю объѣдки своей кухни и отпускаемыя мнѣ

кормовыя деньги чтобы везти ихъ съ собою въ Англію, а другой прибавилъ, что я хочу нажиться шкурами отпускаемыхъ мнѣ отъ царя барановъ.

Покойный царь рѣшился отчасти удовлетворить ея вел-во за эти оскорбленія, ей оказанныя, но умеръ не успѣвъ ничего сдѣлать: такъ что безчестіе осталось и съ тѣхъ поръ еще весьма увеличено Никитою и Щелкаловымъ, которые, послѣ него, одни управляли: — ибо немедленно послѣ смерти царя я былъ запертъ (хотя и въ своемъ домѣ) подъ строгій караулъ въ теченіи восьми или девяти недѣль. Со мной такъ неимовѣрно обращались, что если кому изъ моихъ слугъ, жившихъ на уличной сторонѣ, случалось когда нибудь выглянуть въ одно изъ оконъ, караульные, приставленные ко мнѣ, закидывали ихъ комьями грязи и того, что лежитъ на улицахъ.

Тогда у меня отняли щедрое положеніе корма, назначенное мнѣ покойнымъ царемъ и я долженъ былъ довольствоваться скуднымъ и дурнымъ кормомъ, который мнѣ положили Никита и Щелкаловъ. Во время этого же моего заключенія я сдѣлался опасно боленъ, но они не допустили никакого лекаря ходить ко мнѣ.

Въ продолженіе всего этого времени я хлопоталъ о моемъ отпускѣ, который долженъ былъ получить еще до смерти царя, но Никитѣ и Щелкалову не угодно было дать мнѣ его. Продержавъ меня въ заключеніи сколько имъ хотѣлось, они съ вечера прислали мнѣ сказать, чтобы я на другой день пришелъ ко двору получить свой отпускъ.—Пришедши туда, вмѣсто того, чтобы встрѣтить, какъ бывало до того, въ совѣтѣ многихъ знаменитѣйшихъ и важнѣйшихъ совѣтниковъ, я былъ принятъ только братомъ Щелкалова и другимъ дворяниномъ, котораго никогда прежде не видалъ. Они объявили мнѣ, выдавая это за рѣшеніе нынѣшняго царя, что онъ вовсе не намѣренъ продолжать тѣхъ переговоровъ, которые велъ его покойный отецъ, и что онъ не намѣренъ слушать моихъ рѣчей.

Вскорѣ потомъ меня поспѣшно повели откланяться царю; но при этомъ отдано приказаніе отнять у меня мечъ и кинжалъ и обезоружить всѣхъ моихъ слугъ. Подобнаго оскорбленія мнѣ никогда прежде не было оказано. Это мнѣ весьма не понрави-

лось, какъ потому что я опасался злоумышленности этихъ людей, а также потому что я считалъ неприличнымъ въ бывшемъ на мнѣ весьма короткомъ платьѣ идти безъ меча торжественно представиться государю скорѣе какъ плѣнникъ, чѣмъ какъ посланникъ. Я нѣсколько промѣшкалъ тамъ гдѣ былъ и видя, что они намѣрены такъ оскорбительно со мною поступить, а также выслушавъ уже отъ нихъ рѣшеніе царя не исполнить ничего изъ цѣли моего пріѣзда, — я заявилъ, что скорѣе желаю возвратиться домой чѣмъ въ такомъ униженномъ видѣ предстать предъ царя. Между тѣмъ я послалъ за болѣе длинною одеждою, которая была бы приличнѣе безъ меча; но когда они узнали мое намѣреніе, братъ Щелкалова съ свирѣпымъ и дерзкимъ видомъ подошелъ ко мнѣ торопить отобраніе моего оружія и приходъ мой къ царю. Не видя никакого другаго средства и опасаясь, чтобы не было замышлено (нанести) мнѣ какое нибудь поруганіе, я оставилъ свое оружіе и отправился къ царю съ намѣреніемъ жаловаться на причиненныя мнѣ обиды и узнать, что онъ мнѣ скажетъ еще касательно моего посольства. Дорогою я встрѣтилъ своего слугу съ одеждою, за которою я послалъ. Увидавъ его, множество *ихъ* (?) кинулось съ бѣшенствомъ на него и вытолкало его прочь съ моихъ глазъ, чтобы онъ не передалъ мнѣ одежды. Меня же все торопили къ царю, подавая много поводовъ къ ссорѣ, если бы только мнѣ захотѣлось ее завести.

Между тѣмъ Никита и Щелкаловъ, думая о причиненныхъ ими мнѣ обидахъ и подозрѣвая во мнѣ намѣреніе жаловаться, отослали моего толмача прежде чѣмъ я пришелъ къ царю: такимъ образомъ они были обезпечены, что мнѣ нельзя будетъ ничего сказать, что бы я захотѣлъ.

Когда я пришелъ предъ царя, онъ сказалъ мнѣ очень короткую рѣчь; смыслъ ея былъ почти таковъ: что онъ желаетъ таковаго же союза дружбы съ ея вел-вомъ, каковъ былъ у его отца и что онъ предлагаетъ мнѣ ко времени моего отправленія грамоту для врученія ея вел-ву. Я зналъ, что въ грамотѣ не содержалось ничего важнаго и не жаловалось ничего изъ предметовъ, для которыхъ я пріѣхалъ; по этому я отказался отъ нея. Но какъ они настоятельно требовали, чтобы я ее взялъ и какъ я опасался ихъ поступковъ въ случаѣ, если я буду про-

должать отъ нея отказываться, я согласился ее припять пока не найду болѣе удобнаго случая отъ нея избавиться.

На слѣдующій день докторъ Якоби имѣлъ случай говорить съ Щелкаловымъ. На слова его о томъ, какъ я сержусь за вчерашнее со мною обхожденіе, Щелкаловъ отвѣчалъ ему такъ: «Пусть онъ благодаритъ Бога: Богъ былъ для него милостивъ: не пойди онъ къ царю тогда какъ онъ пошелъ, его бы разорвали па куски и выбросили бы за стѣны.»

Послѣ этого прошли двѣ недѣли прежде чѣмъ я могъ добиться чтобы мнѣ дали средства ѣхать домой. Наконецъ мнѣ прислали почтовыхъ лошадей; при нихъ не прислали ни уздъ, ни сѣделъ; не хотѣли и давать ихъ мнѣ, такъ что, не купи я на свой счетъ сбрую для всѣхъ бывшихъ со мною, моимъ слугамъ пришлось бы скакать на неосѣдланныхъ лошадяхъ.

Чтобы еще болѣе меня оскорбить, въ самое утро передъ моимъ отъѣздомъ, мнѣ были возвращены, по распоряженію этихъ людей, вещи подаренныя мною покойному царю; принесли мнѣ ихъ очень низкіе чиновники. При этомъ дали мнѣ въ подарокъ отъ имени царя три сорока соболей: безспорно дряннѣе ихъ не могли отыскать по всей Москвѣ, потому что, по мнѣнію всякаго, они всѣ вмѣстѣ не стоили дороже сорока фунтовъ. Эти же милые люди съ вечера рѣшили, что слѣдуетъ отослать подарокъ, поднесенный мною отъ ея вел-ва.

Еремѣй Баусъ.

Кромѣ того на обратномъ пути въ пристань Св. Николая мнѣ были сдѣланы многія обиды; но я о нихъ умалчиваю, полагая что и изложенныхъ мною уже много.

№ 54 — 1585 Mart. 21.

A remembrance for m-r alderman Martyne Gouernor att his goinge to the court 21 marche anno 1584 (1585).

1. Itt may please you to make Sir Ffrauncs Walsingam prevye of the cominge of Raynald Beckman from the emperor of Russia with lettres for her ma-tie.

2. Itm to vnderstand his honors pleasure when he shall come vnto the court to deliuer the said lettres.

3. Itm in as muche as the emperor comaunded hym to delyuer theis lettres hym selfe his humble request is to haue his honors favore to do the same.

4. Itm it is thought by words which this Beckman hath reported that the cause of theis lettres is towchinge sir Jherom Bowes and other matters for the company.

5. Itm that it would please his honor to take some order that ther maye be somme place apoynted where Beckman shall lyve, and although his chargis shall be borne by the companye, yet that it maye seme her ma-tie hath somme care of hym, because he cometh from the emperor.

6. Itm this Beckman was here with the Russe ambassador xij yeres past *), and was one of his interpreters and cane speake god (*good*) englishe, he was borne in Lefelande, and served the companye in Russia iij or iiij yeres, and well knowen here by the companys seruants, and yet a well willer of the Fflemings as it semeth.

*) in 1569—1570 with Andrew Sovin

№ 54. — 1585. Март. 21.

Память для г-на альдермана Мартина правителя *(общества)* при отъѣздѣ его ко двору.

1. Благоволите извѣстить сэра Францискa Вальсингэма о прибытіи Регинальда Бекмана отъ русскаго царя съ письмами для ея вел-ва.

2. Узнать желаніе его чести когда ему прибыть ко двору для подачи сказанныхъ писемъ.

3. Такъ какъ царь велѣлъ ему самому подать тѣ письма, то онъ покорнѣйше проситъ ходатайства его чести объ исполненіи сего.

4. Изъ нѣкоторыхъ словъ, переданныхъ этимъ Бекманомъ, можно думать, что содержаніе этихъ писемъ касается сэра Еремѣя Бауса и другихъ дѣлъ общества.

5. Не благоугодно ли будетъ его чести сдѣлать распоряженіе о назначеніи какого нибудь мѣста для жительства Бекмана; издержки его общество приметъ на себя, но (желательно) чтобы могло казаться, что ея вел-во имѣетъ о немъ нѣкоторую заботу, потому что онъ прибылъ отъ царя.

6. Этотъ Бекманъ былъ здѣсь съ Русскимъ посланникомъ лѣтъ 12 тому назадъ *) и былъ однимъ изъ переводчиковъ, и хорошо говоритъ по англійски; онъ родился въ Лифляндіи и служилъ обществу въ Россіи года 2 или 3, и хорошо извѣстенъ здѣсь служащимъ въ обществѣ, и однакоже, какъ кажется, благопріятель Фламандцамъ.

---

*) Въ 1569—1570 годахъ съ Андреемъ Совинымъ.

№ 55. — 1585 Jun. 9.

Elizabetha Theodoro.

Ser-me et florentissime princeps, frater et amice charissime.

Quanto dolore ex obitu ser-mi principis Ioannis Basiliviz magni Russiae regis optimae memoriae patris vestri affectae sumus, facile omnibus notum esse potest, qui intueri veliut, quam vetus inter nos amicitiae necessitudo intercesserit, quae primum fratris nostri Edouardi temporibus incepta, deinde sororis nostrae Mariae dominatu continuata, postremo toto nostro regno ad extremum usque eius vitae diem, sancte custodita, et inuiolater permansit. Ab eo enim tempore quo nostri omnium gentium primi in Russiam per mare iter aperuerunt, Anglos omnes prae coeteris nationibus praecipua humanitate complexus est, eisque priuilegia multa indulsit, quibus illi allecti omnis generis mercimonia libentissime quotannis in illas regiones nauibus importarunt. Tali igitur principe, tanta et tam inueterata nobiscum amicitia coniuncto, tantoque subditorum nostrorum fautore nos orbatos esse vero animi sensu non dolere non potuimus. Sed hunc nostrum dolorem non mediocriter leuat, quod tanto patri talem filium successisse, ex literis vestris per interpretem vestrum Reginaldum Beckman ad nos missis comperimus, qui se non magis regni, quam amicitiae paternae haeredem profitetur: quemque regia auctoritate, iuste et legitime uti velle non dubitamus denique quem paterna vestigia in omnibus benevolentiae et amoris erga nos officijs sequi videmus, et subditos nostros in ditionibus vestris negotiantes prae coeteris nationibus benigne fouere velle. Hanc vestram (charissime frater) amicitiam pro eo ac debemus plurimi facimus: nosque vicissim sororio in ser-tem vestram animo affectas esse verissime profitemur.

Ideoque non leuiter etiam hoc tempore augimur, quod Hieronimus Bowes eques legatus noster quem ex magno aulicorum numero ad hoc munus subeundum potissimum delegimus, in legatione peragenda nulla ex parte vobis, vti ex

literis intelligimus satisfecerit. Cum enim in mandatis nostris exequendis hic in Anglia se caute et prudenter semper, et summa cum laude gesserit non idem etiam apud magnum principem patrem vestrum ser-temque vestram, fratrem nobis charissimum, tum vobis fecisse videri miramur, et dolemus. Fieri certé potest eum quondam patris vestri consiliariorum, ac ministrorum obtrectatione et contrarijs studijs, tum etiam abiectis ab ijs eius negotiationi impedimentis, iracundia prouectum non satis memorem factum esse officijs. Nos enim eum hominem hic prudentem et in rebus gerendis sagacem cognouimus: qui si vel morum, vel consuetudinis vestrae ignoratione, vel interpretis vicio, seu nonnullorum in se iniurijs vel alio quouis defectu, aliter quam vobis decere visum est, se gesserit, non id amicitiae nostrae cursum impedire, aut retardare debet.

In eo enim amicitiae, et fraternitatis cursu vti ser-tem vestram fratrem nostrum charissimum continenter persistere velle ex amicissimis, et fraternis vestris literis cognouimus, ita nos perpetuo eandem amicitiam omnibus officijs sancte, et inuiolate colere decreuimus Idque eadem prorsus ratione, qua cum beatae memoriae magno rege patre vestro amicitiae foedus iniuimus. Cuius foederis forma (ne in literis hijs scribendis longiores simus) ex tractatus articulis cum foelicis memoriae magno rege patre vestro paulo ante obitum conclusis, facile apparere poterit. Huius certe tractatus vigore prudentissimus princeps optime nouit, se aduersus vicinos inimicos principes cum alijs multis adiumentis tum omni apparatu bellico multò fore munitiorem.

Quod igitur ser-tas vestra in literis postulat, vt sui subditi in nostris regnis et ditionibus mercaturam libere sine vllo impedimento exerceant, quanquam id priuilegijs à praedecessoribus nostris Angliae regibus huic mercatorum societati ad eorum industriam in nouis regionibus perquirendis exacuendam concessis contrarium est tamen vt quantopere vobis gratificari cupiamus ser-tas vestra intelligat, id ita largimur, vt omnes vestri mercatores qui naturales vobis sunt subditi, omnia mercimonia in regna nostra inuehant, et exportent, quae a cuiuscunque prin-

cipis arctissimo nobis foedere coniuncti subditis importare vel exportare iure possint, ne tamen illi interim aliorum bona nominibus suis colorent, nec alijs ministris vtantur, quam qui vestri naturales sunt subditi.

Vicissim vero nos a ser-te vestra petimus, vt qua priuilegia magnus princeps foelicis memoriae pater vester, paulo ante obitum nostrorum mercatorum societati per Hieronimum Bowes equitem legatum nostrum paratus erat concedere, quaeque tractatu habito in scriptum redacta mors praepropera interuenisset amplissime confirmata fuissent, ea ser-tas vestra nostris indulgere velit: qui cum maximis impensis, et multorum etiam profusa vita, primi omnium mortalium in Russiam nauigando iter aperuerunt, omnisque generis mercimonia in vestras regiones inuexerunt: ex quo commercio, absque dubio magna hac vsque damna contraxerunt; equum est vt quibus solis huius commercij initium debetur, ij etiam soli quod eorum laboribus partum est potiantur, et prae coeteris nationibus à ser-te vestra aestimantur, ac in precio habeantur. Cuius etiam meriti respectu sertem vestram ibidem rogamus, ne quenquam nostrorum Anglorum nisi quem illa societas approbavit, aut quem nos literis nostris comendemus, in vestris ditionibus mercaturam exercere, vel habitare permittat, vt haec societas quae hanc nauigationem primum incepit ad commercia istic mercenda alacrius incitetur. Quae sane si hijs vti par est priuilegijs potiatur omnia cuiusque generis mercimonia quae vestris vel omnium subditorum vestrorum quorumcunque vsibus necessaria erunt abundanter perpetuo suppeditabit. Huius igitur societatis agentem Robertum Peacock ser-ti vestrae de meliori noto commendamus: qui vt vobis in omnibus inseruire studebit, ita vt eundem regali vestro fauore amplectemini summopere rogamus.

Nos certe ser-ti vestrae fratri nostro charissimo in singulis gratificari plane cupimus, et ad omnia benevolentiae et amicitiae officia, fideliter et sororio animo praestanda, legatosque vel nuncios si opus fuerit inuicem mittendos, erimus semper paratissimae: vti etiam amplius per Reginaldum Beckman interpretem quem vnà cum nauibus nostris in Russiam remittimus, ser-tas vestra poterit intelligere. Ita Deum Opt. Max. coe-

li et terrae Conditorem precamur, vt ser-tem vestram in multos annos incolumem et florentem seruet.

Datae in Regia nostra ciuitate Londini ix die mensis Iunij. Anno Seruatoris nostri Iesv Christi 1585. Regni vero nostri xxvij.

№ 55. — 1585 Іюн. 9.

Елисавета Θеодору.

Пресвѣтлѣйшій и презнаменитѣйшій государь, братъ и другъ любительнѣйшій. Сколь мы были опечалены кончиною пресвѣтлѣйшаго государя Іоанна Васильевича великаго царя Россіи, блаженной памяти отца вашего, — легко будетъ понятно всѣмъ, кто захочетъ разсмотрѣть какъ давно возникла между нами потребность дружбы: она имѣла первое начало во времена брата нашего Эдуарда, потомъ продолжалась въ государствованіе сестры нашей Маріи, наконецъ свято соблюдалась и пребывала ненарушимою во все наше королевствованіе до послѣдняго дня жизни вашего отца. Ибо съ того времени когда, первые изо всѣхъ народовъ, подданные наши открыли мореходный путь въ Россію, отецъ вашъ жаловалъ всѣхъ Англичанъ преимущественно предъ всѣми народами милостію и одарилъ ихъ многими поволностями: симъ привлеченные, они ежегодно съ радостію привозили въ ваши страны на корабляхъ всякаго рода товары. Мы не могли истинно и душевно не скорбѣть объ утратѣ такого государя, который былъ связанъ съ нами столь великою и столь прочно установившеюся между нами дружбою и который столь много покровительствовалъ нашимъ подданнымъ. Но нынѣ наша скорбь не маловначительно облегчается тѣмъ, что, какъ мы усмотрѣли изъ присланной къ намъ съ вашимъ толмачомъ Регинальдомъ Бекманомъ грамоты, такому отцу наслѣдовалъ такой сынъ, который обѣщается быть наслѣдникомъ не только царства, но и дружбы своего родителя; который, мы не сомнѣваемся, будетъ

праведно и законно пользоваться царскою властію; котораго наконецъ мы видимъ слѣдующаго по стезямъ своего родителя во всѣхъ дѣйствіяхъ доброжелательства и любви къ намъ и намѣревающагося покровительствовать преимущественно передъ прочими народами подданныхъ нашихъ, торгующихъ въ вашихъ владѣніяхъ. Таковую вашу дружбу, любительнѣйшій братъ, мы какъ слѣдуетъ премного цѣнимъ и искреннѣйше обѣщаемъ взаимно любить ваше пресв-во сестриною любовью.

По этому и нынѣ мы не безъ сожалѣнія прибавимъ, что, какъ мы уразумѣли изъ вашей грамоты, посланникъ нашъ сэръ Еремѣй Баусъ, котораго мы предпочтительно избрали изъ большаго числа придворныхъ для исполненія сей обязанности, при отправленіи своего посольства ни въ какомъ отношеніи не удовлетворилъ васъ. Мы удивляемся и сожалѣемъ, что онъ, который, при исполненіи нашихъ порученій въ Англіи, всегда велъ себя благоразумно, осторожно и самымъ достохвальнымъ образомъ, какъ вамъ кажется, не такъ поступалъ съ великимъ государемъ отцомъ вашимъ и съ вашимъ пресв-мъ, братъ нашъ любительнѣйшій. Конечно могло случиться, что клеветы и противодѣйствіе нѣкоторыхъ совѣтниковъ и слугъ вашего отца, а потомъ и препятствія, представленныя ими его переговорамъ, разсердили его и заставили позабыть о своихъ обязанностяхъ. Мы знали его здѣсь за человѣка разсудительнаго и искуснаго въ веденіи дѣлъ: если же онъ по незнанію вашихъ нравовъ или обычаевъ, или по винѣ толмача, или по причинѣ оскорбленій, сдѣланныхъ ему нѣкоторыми лицами, или по какимъ либо инымъ недостаткамъ велъ себя не такъ какъ вы признавали бы пристойнымъ, то сіе не должно полагать препятствія или остановки продолженію нашей дружбы. А такъ какъ мы усматриваемъ изъ исполненныхъ дружбы братскихъ писемъ вашихъ что ваше прес-во, братъ нашъ любительнѣйшій, желаете постоянно продолжать теченіе той дружбы и братства, то и мы постановили на вѣчныя времена всякими способами свято и ненарушимо поддерживать сію дружбу. По этой именно причинѣ мы вступили въ дружественный союзъ съ блаженной памяти великимъ царемъ, отцомъ вашимъ. Чтобы не распространять излишне настоящаго письма, (*скажемъ, что*) содержаніе

сего союза легко усмотрѣть изъ статей договора, заключеннаго съ блаженной памяти великимъ царемъ отцомъ вашимъ не задолго до его кончины. Наиразумнѣйшій государь хорошо зналъ, что силою сего договора онъ былъ вполнѣ обезпеченъ противъ сосѣднихъ враждебныхъ государей какъ всякими воинскими снабженіями, такъ и многими другими пособіями.

Что же касается просьбы въ письмѣ вашего пресв-ва, чтобы ваши подданные могли свободно безъ всякаго препятствія вести торговлю въ нашихъ королевствахъ и странахъ, то, хотя сіе и противно привилегіямъ, пожалованнымъ нашими предшественниками, королями Англіи, извѣстному обществу купцовъ для поощренія ихъ ревности къ разысканію новыхъ странъ; но, дабы ваше прес-во уразумѣли, сколь мы желаемъ сдѣлать вамъ угодное, мы даемъ такое соизволеніе, что всѣмъ вашимъ купцамъ, которые природные ваши подданные, разрѣшается привозить въ наши королевства и вывозить изъ нихъ всѣ товары, дозволяемые къ привозу и вывозу подданнымъ всякаго государя, связаннаго съ нами тѣснѣйшимъ союзомъ; съ тѣмъ однакоже, чтобы подъ именемъ своихъ они не возили чужихъ товаровъ, и не употребляли иныхъ прикащиковъ, какъ тѣхъ, которые природные ваши подданные.

Съ своей стороны мы просимъ, чтобы ваше пресв-во благоволили въ угодность намъ вполнѣ подтвердить обществу нашихъ купцовъ тѣ привилегіи, на которыя, незадолго до своей кончины, великій государь, блаженной памяти отецъ вашъ, намѣревался изъявить согласіе нашему посланнику сэру Еремѣю Баусу и изложенію коихъ на письмѣ воспрепятствовала внезапная его кончина. — Купцы эти съ величайшими затратами, съ потерею даже многими жизни, первые изъ всѣхъ смертныхъ, открыли мореходный путь въ Россію, и привозили всякаго рода товары въ ваши страны. Нѣтъ сомнѣнія, что до сихъ поръ они понесли большіе убытки отъ этой торговли: потому и справедливо, чтобы тѣ, кому однимъ обязаны началомъ этой торговли, одни пользовались тѣмъ что возникло ихъ трудами, и были почтены и оцѣнены вашимъ пресв-мъ преимущественно предъ прочими народами. Во уваженіе именно этихъ заслугъ мы точно также просимъ ваше пресв-во не дозволять производить торговлю или

поселяться въ вашихъ областяхъ никому изъ нашихъ Англичанъ, кого не одобритъ означенное общество или за кого мы не будемъ ручаться въ нашихъ письмахъ, дабы скорѣе привлечь къ торговлѣ это общество, которое положило первое начало этому мореплаванію; и конечно, если общество получитъ эти привилегіи по надлежащему, оно всегда будетъ доставлять всѣ какого бы то ни было рода товары, которые надобны для потребностей вашихъ и вашихъ подданныхъ. Агента этого общества Роберта Пикока рекомендуемъ вамъ какъ извѣстнаго съ лучшей стороны. Усерднѣйше просимъ васъ принять его въ вашу царскую милость, такъ какъ онъ во всемъ будетъ стараться угодить вамъ.

Мы истинно желаемъ исполнять въ точности всякое желаніе вашего пресв-ва, брата нашего любительнѣйшаго, искренно, съ сестринымъ расположеніемъ готовы на всякія доказательства пріязни и дружбы и всегда готовы, если нужно будетъ, взаимно отправлять посланниковъ или гонцовъ. Ваше пресв-во можете пространнѣе о семъ узнать отъ Регинальда Бекмана, котораго вмѣстѣ съ симъ отсылаемъ съ нашими кораблями въ Россію.—Итакъ молимъ всеблагаго и всевышняго Бога, неба и земли Создателя, да сохранитъ ваше пресв-во на многія лѣта невредимымъ и здравымъ.

Дана въ королевскомъ нашемъ градѣ Лондонѣ, 9-го дня Іюня; въ лѣто Спасителя нашего Іисуса Христа 1585, королевствованія же нашего въ 27-е.

№ 56. — 1585. Авг. 15.

Б. Ѳ. Годуновъ Горсею.

Отъ Бориса Ѳедоровича, волею Божіею правителя знаменитой державы Всероссійской, главнаго намѣстника царствъ Казанскаго и Астраханскаго, главнаго начальника всѣхъ воинскихъ силъ, наслѣднаго государя знаменитой области Важской и многихъ иныхъ.

Достопочтенному другу моему Еремѣю Виліамовичу*).

Будь ты, мой добрый Еремѣй, здравъ и благополученъ и дай Богъ намъ опять тебя видѣть здѣсь въ здравіи и безопасности. За мое здоровье буди хвала Богу!—Относительно того дѣла, о коемъ мы въ послѣдній разъ совѣщались въ Троицынъ день, мы не сомнѣваемся, что ты хорошо о немъ позаботишься и разсудительно поступишь относительно Роберта (доктора Якоби) такъ чтобы, если онъ пріѣдетъ, то пріѣзжалъ бы запасшись всѣмъ нужнымъ о чемъ ты и долженъ его предувѣдомить. О томъ, что я по этому предмету думаю и чего желаю, я посылаю тебѣ особенную записку черезъ Ивана Волкова**), чрезъ котораго ты также получить отъ меня въ поминокъ сорокъ соболей, тебѣ на шитье шубы. — И отъ меня тебѣ, Вильямовичь, низкій поклонъ.

Въ настоящемъ переводѣ сохраненъ тотъ самый титулъ Годунова, который находится въ Англійскомъ переводѣ сдѣланномъ Горсеемъ съ имѣвшагося у него подлинника. Но изъ современныхъ дипломатическихъ памятниковъ, видно, что въ сношеніяхъ съ иностранными государями онъ титуловался: „Божіею милостію великаго государя царя и «великаго князя Θедора Ивановича, всея Россіи самодержца, Владимірскаго, Московскаго (и т. дал. съ прописаніемъ «всего титула царскаго), его царскаго величества *ближніе* «*думы* (и съ 1591 года: *слуга*) конюшій, бояринъ и на«мѣстникъ Казанскій и Астраханскій, Борисъ Θедоро«вичъ Годуновъ».—Разрѣшеніе Годунову отъ своего лица переписываться съ иностранными государями было дано въ Маѣ 1587 года, по случаю привоза на его имя писемъ Николаемъ Варкачемъ, посломъ императора Рудольфа II и брата его эрцгерцога Максимиліана, Годуновъ до-

---

*) Приводя это письмо въ Англійскомъ переводѣ, Горсей пишетъ: «Еремѣй сынъ Вильяма *возведенный въ дворянство*» очевидно, что этимъ выраженіемъ онъ хотѣлъ указать, что отчество его было писано въ *вичемъ* и что Годуновъ не называлъ его «Еремѣемъ *Вильямовымъ*» или по тогдашнему «*Ульяновымъ*», а «*Вильямовичемъ*».

**) Волковъ былъ конюшимъ Бориса Өедоровича Годунова.

кладывалъ царю о томъ: «какъ государь укажетъ, писать «ли къ нимъ противъ ихъ письма грамоты?—И государь, «царь и вел. князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи, приго«ворилъ съ бояры, что къ цесарю Римскому и къ брату «его Максимиліяну арцыкнязю Аустрѣйскому отъ коню«шего и боярина отъ Бориса Ѳедоровича Годунова, гра«моты пригоже писати нынѣ, и впередъ то его царскому «имени къ чести и къ прибавленью, что его государевъ «конюшей и бояринъ ближней, Борисъ Ѳедоровичь Году«новъ, ссылатись учнетъ съ великими государи; да и къ «инымъ ко всѣмъ государемъ, которые учнутъ къ Борису «Ѳедоровичю грамоту писать, къ Ишпанскому королю, и «ко Францовскому королю, и *къ Англинской Елисаветъ «королевнѣ*, и къ восточнымъ государемъ къ Кизылбаш«скому (*Персидскому*), и къ Бухарскому, и къ Крым«скому Казы-Гирѣю царю, приговорилъ государь съ боя«ры противъ ихъ грамотъ отъ конюшего и боярина Бори«са Ѳедоровича Годунова писати грамоты въ посольскомъ «приказѣ со всѣми съ тѣми великими государи конюшего «и боярина, Бориса Ѳедоровича Годунова, ссылки и въ «книги писати съ государевыми грамотами». (*Пам. Диплом. Снош. Ч.1 стр. 1174, 1175, 1246 и 1372*).

№ 56. — 1585 Aug. 15.

B. T. Godoonof to Jerome Horsey.

From B o r i s F e t h o r w i c h, thorowe the will of God, governore of the famos monarchie of all Rushia, lyfetenante generall of the empirdons Cason and Astracan, cheefe comaundere of all the warlyke foarces, lord inheritore of that famos province of Vaga and many other.

To my honorable frend Jerom the sonne of William innobled *).

Be thou, my good Jerom, in helth and happy and God geve that wee may *(see?)* the heir (*thee here*) in good healthe and safty againe. For my helthe God be praysede! Concernynge thos matteres wee have laste conference of at the Trynetye, I doubt not but thou wille duly consyder of them, and use thie discresyone concernynge Roberte, (doctor Jacobi) provided, yf he come, he come well furneshed with skylle, as thowe mayste informe him. My mynd and pleasure I send thee in a partyculer noate by Ivan Volkove **) by whom also thowe shalte receave my token of remembrance, forti sables, to make thee a gowne withall. And from mee unto thee, the sonne of William innobled, a lowe sallutacion.

The title of Godoonof is presented here in the same form as it has been translated by Horsey in his «Discourse of his imploymente». In 1589 when Godoonof received the Czar's permission to correspond in his own name with the kings of Spain and of France, with Queen Elizabeth of England and with the eastern sovereigns of Persia, of Bokhara and the Khan of the Crimeans, he wrote in his letters the following title: «By the grace of God, the great lord, czar and grand duke Theodore Ivanovich of all Russia self upholder, grand duke of Vladimir, Moscow (and so forth, the whole of the czar's titles) his royal majesty's privy counsellor (and from the year 1591 «his majesty's servitor ***)» master of the horse, boyar and lieutenant of Kazan and Astrakhan, Boris Theodorovich Godoonof.»

*) There are two manners of making the patronymic desinence in Russian: the one used for common people is formed by adding the termination *off* to the fathers name: e. g. *Williamoff*; the other used for gentlemen, by the addition of *vich*: e. g. *Williamovich*; the singular epithet of *innobled* seems to indicate that in Godoonof's letter Horsey was addresseed by the honorary appellation of *Jerome Williamovich*.

**) Master of the horse to Boris Godoonof.

***) *Servitor of the czar* was the highest title in Russia in the xvj century; it is known to have been conferred only on four boyars, of whom Godoonof was the last; he received it in 1591 for repulsing the Crimeans from Moscow.

№ 57. — 1585 Сент.

Θеодоръ Елисаветѣ.

Вѣрный списокъ съ грамоты царя Русскаго, переведенной Еремѣемъ Горсеемъ, которую онъ привезъ, когда пріѣхалъ въ Лондонъ въ Рождество 1585 г.

Послали мы къ тебѣ, сестрѣ нашей, съ нашими письмами гонца нашего и толмача Регинальда Бекмана и прислала ты къ намъ свои письма съ сказаннымъ толмачомъ Регинальдомъ; и мы, любительная сестра королевна Елисавета, внимательно выслушали тѣ письма; и толмачъ нашъ сообщилъ нашимъ думнымъ людямъ то, что твои совѣтники ему объявили и мы сами о томъ увѣдомлены. И потому какъ ты, сестра наша, писала къ намъ свои письма видно что ты весьма гнѣваешься и что Еремѣй Баусъ, котораго ты прислала посланникомъ, избранъ изъ твоего дома, и что намъ казалось, что бывши здѣсь онъ нехорошо поступалъ; и что при тебѣ въ Англіи и въ другихъ земляхъ, куда ты посылала его посланникомъ, онъ всегда во всѣхъ дѣлахъ поступалъ весьма хорошо и благоразумно къ великой для себя похвалѣ; и бывалъ при такихъ (*государяхъ?*) какъ нашъ отецъ; и мы тому дивимся, что это случилось. И о повольностяхъ, которыя нашъ отецъ В. Г. Ц. и В. К. *) Иванъ Васильевичь хотѣлъ пожаловать твоимъ Англійскимъ гостямъ; и что твой посланникъ долженъ былъ денно и нощно усиленно на томъ настаивать; и что онъ поступалъ дѣятельно и разумно по твоему наказу и согласно съ твоею честью и также поступалъ хорошо себѣ въ честь и въ славу, а не въ безчестіе. И что нѣкіе изъ думы нашего отца часто возбуждали его гнѣвъ на твоего посланника, и были помѣхою въ веденіи дѣлъ, для которыхъ онъ прибылъ.

И мы обстоятельно писали къ тебѣ, любительной сестрѣ, о твоемъ посланникѣ Еремѣѣ Баусѣ въ письмѣ нашемъ съ нашимъ толмачомъ Регинальдомъ Бекманомъ, какіе не-

*) Великій Государь Царь и Великій Князь.

пригожіе поступки дѣлалъ твой посолъ бывши при нашемъ отцѣ блаженныя памяти В. Г. Ц. и В. К. Иванѣ Васильевичѣ всея Россіи; какъ онъ въ рѣчахъ передъ нашимъ отцомъ говорилъ многія непригожія слова, которыя не годится никакому послу говорить передъ такимъ великимъ государемъ; и выдумывалъ многія неправды на нашихъ бояръ, будто они не передавали нашему отцу тѣхъ рѣчей, которыя говорили съ нимъ, и не передавали отъ него дѣйствительнаго смысла дѣла; и какъ онъ искалъ безъ совѣсти себѣ почёта для своего прибытка, чтобы ему имѣть преизбыточные кормы. И отецъ нашъ В. Г. Ц. и В. К. Иванъ Васильевичъ всея Россіи, не взирая на таковые его поступки, и тебя ради, сестры нашей любительнѣйшей, королевны Елисаветы, во всѣхъ случаяхъ приказывалъ оказывать ему великую честь, таковую, каковой не подобна никакая, оказанная посланникамъ иныхъ великихъ государей, ни Папы Римскаго, ни Императора Германскаго, ни Султана. Никакому, ни ихъ, ни другихъ могущественныхъ государей посланнику не было оказано такого почёта и милости, не было отпускаемо такихъ кормовъ и не было дано ихъ посольскимъ людямъ свободы по ихъ волѣ всюду ходить. Когда же, промысломъ Божіимъ не стало нашего отца В. Г. Ц. и В. К. Ивана Васильевича всея Россіи, по промыслу Божію и благословенію отца нашего мы, воспріявъ державу царствъ нашихъ, повелѣли твоему посланнику Еремѣю прійти предъ насъ, не взирая на его дурные поступки, но тебя, любительной сестры нашей, ради, желая быть съ тобою въ братской любви, мы почётно его отпустили отъ себя къ тебѣ, сестрѣ нашей, и послали наши письма съ нимъ къ тебѣ, сестрѣ нашей, въ отвѣтъ на твои письма, которыя посланникъ твой привезъ отцу нашему блаженной памяти В. Г. Ц. и В. К. Ивану Васильевичу всея Россіи; и притомъ нами ему ни въ чемъ не было сдѣлано безчестья, а какая милость и честь оказаны были ему при В. Г-рѣ отцѣ нашемъ, тѣже оказаны ему нами и мы ни въ чемъ ихъ не убавили. И послали проводить его къ морскому берегу въ Холмогоры дворянина нашего Никифора Сущова доставлять ему кормовъ что потребно по его волѣ и велѣли дѣлать ему всякій почётъ превыше посланниковъ всѣхъ другихъ государей, тебя, сестры нашей, ради. И на до-

рогѣ, въ пути онъ дѣлалъ многіе непригожіе поступки и смѣялся надъ дворяниномъ нашимъ и порочилъ милостивые наши кормы. И у морскаго берега въ Холмогорахъ, когда онъ сѣлъ на корабль, то при отъѣздѣ бросилъ на берегъ нашу грамоту, которую мы послали съ нимъ къ тебѣ, сестрѣ нашей, и нашъ подарокъ, которымъ мы пожаловали ему въ замѣнъ его собственнаго поминка. И онъ оставилъ собственноручное писанье, въ которомъ содержатся многія непригожія слова, которыя непригоже писать къ тебѣ, сестрѣ нашей. О такихъ его поступкахъ мы писали подробно къ тебѣ, сестрѣ нашей, прежде съ нашимъ толмачомъ Регинальдомъ.

И намъ кажется, что твои властные сановники поблажая твоему посланнику и вызволяя его въ этомъ дѣлѣ, сдѣлали что тебѣ, сестрѣ нашей, никогда, мы думаемъ, въ точности не было доложено то, что къ тебѣ написано въ нашихъ письмахъ, и что тѣ твои письма, которыя ты послала съ нашимъ толмачомъ Регинальдомъ не были вполнѣ тебѣ прочитаны, и мы полагаемъ, что они не писаны по твоему приказу. И мы просимъ тебя, сестру нашу корол. Елисавету, прочесть наши прежнія письма, что присланы къ тебѣ съ Регинальдомъ нашимъ толмачомъ; и когда ты разсмотришь ихъ, разсуди сама: пригоже ли велъ себя и поступалъ твой посланникъ съ отцомъ нашимъ и съ нами? Того ни въ какомъ государствѣ не водится, чтобы посланникъ такъ невѣжливо велъ себя съ государемъ, пренебрегалъ государское къ себѣ жалованье и бросалъ грамоту, которую получилъ отъ иного государя для отвоза къ собственному своему государю, и не отвозилъ ее къ своему государю.— Что за слуга тотъ, кто отказывается везти письмо къ своему господину. Этимъ одному изъ насъ, или намъ, или тебѣ, сестрѣ нашей, нанесено безчестье, что онъ бросилъ наши грамоты и не повезъ ихъ къ тебѣ.

И о томъ, что ты, сестра наша, писала, чтобы мы пожаловали, дали твоимъ гостямъ такую жаловальную грамоту, какую хотѣлъ дать твоему посланнику Еремѣю Баусу нашъ отецъ блаженной памяти В. Г. Ц. и В. Князь. Тѣ дѣла, которыя ты, сестра наша, дѣлала въ то время съ отцомъ нашимъ В. Г. Ц. и В. К. Иваномъ Васильевичемъ всея Россіи нынѣ

измѣнились. И мы нынѣ желаемъ съ тобою, сестрою нашею, имѣть великую дружбу и купеческую торговлю какъ было въ прежнее время и какъ было за много лѣтъ предъ симъ между нашимъ великимъ отцомъ и королемъ Эдуардомъ и королевою Маріею. И каковая жаловальная грамота для гостей твоихъ пригожа, таковую грамоту повелѣли мы дать твоимъ гостямъ, не смотря на ихъ непригожее житье, но уважая нашу дружбу, любительнѣйшая сестра наша.

И нашъ толмачъ Регинальдъ объявилъ нашимъ боярамъ и думнымъ людямъ, что твой посланникъ Еремѣй говорилъ тебѣ, сестрѣ нашей, будто мы велѣли не брать никакой пошлины ни съ какихъ иныхъ чужестранныхъ товаровъ, а только съ твоихъ Англійскихъ гостей велѣли брать пошлину. Въ этомъ твой посланникъ Еремѣй сказалъ тебѣ, сестрѣ нашей, неправду: мы оказали милость и жалованье твоему народу выше всѣхъ другихъ народовъ, которыхъ люди или гости ходятъ къ намъ въ наше государство изъ какихъ бы ни было великихъ государствъ — изъ Турецкой земли, изъ Цесарскихъ владѣній, и изъ королевства Французскаго, и изъ королевства Испанскаго, и изъ королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго, изъ Персіи, изъ Богеміи, отъ многихъ иныхъ государей и королевствъ. Отъ всѣхъ этихъ гостей мы беремъ полную пошлину, какъ назначено по нашему повелѣнію и какъ ведется въ нашемъ царствѣ съ незапамятнаго времени, а съ твоихъ людей, въ преимущество ихъ передъ другими, мы беремъ только половину той пошлины. И людямъ твоимъ наша милость еще передъ всѣми другими иностранными гостями въ томъ, что они поселены и имѣютъ въ нашемъ царствѣ дворы; и даны имъ хорошіе дворы во многихъ мѣстахъ нашего государства — въ Москвѣ, въ Ярославлѣ, въ Вологдѣ и въ Холмогорахъ. А другимъ иноземнымъ гостямъ никакихъ дворовъ не дано въ нашемъ государствѣ, но другихъ земель гости стоятъ съ своими товарами, и покупаютъ, и продаютъ въ одномъ общемъ дворѣ назначенномъ для гостей, какъ издавна водилось въ нашемъ царствѣ, и платятъ за дворъ и за складъ товаровъ. И твои гости, сестра, не смотрятъ на такую великую къ нимъ нашу милость, и живутъ не по жалованной имъ отъ насъ грамотѣ, не такъ какъ

имъ въ той нашей грамотѣ указано жить и торговать въ нашихъ государствахъ: имъ указано привозить свои товары оптомъ и не продавать въ розницу, по аршину или мѣрѣ, и имъ не позволено провозить и выдавать за свои — товары какихъ-либо иныхъ иностранцевъ, не привозить, выдавая за своихъ, людей иного народа или племени; а твои гости, сестра, покупаютъ и продаютъ свои товары въ розницу, а не оптомъ, вопреки нашей жалованной грамотѣ; и провозятъ и привозятъ товары иныхъ иноземцевъ выдавая за свои, и вывозятъ чужестранцевъ изъ иныхъ областей въ наши государства подъ именемъ своихъ Англичанъ. И они привезли съ собою въ нашу землю иноземца изъ Любека Ивана Чаппеля и выдали его за своего человѣка, за Англичанина, и привезли его въ Ярославль и не явили его нашимъ начальнымъ и приказнымъ людямъ, и, не привозя его въ Москву, послали его изъ Ярославля въ Казань съ товарами, чтобы онъ тамъ оставался. И этотъ Иванъ Чаппель думалъ оставаться въ Ярославлѣ или въ Казани торговать товарами безъ нашего царскаго дозволенія или вѣдома; и называлъ себя Англичаниномъ и слугою твоихъ гостей; и тотъ Чаппель иноземецъ изъ Любека, а не житель Англіи. Въ прежнее время онъ пріѣзжалъ къ отцу нашему, блаженной памяти В. Г. Ц. и В. К. Ивану Васильевичу всея Россіи въ наши государства много разъ изъ Любека и привозилъ письма отъ бургомистровъ и отъ совѣта изъ Любека къ нашему отцу, и нашимъ начальнымъ людямъ хорошо о немъ извѣстно, и многіе знаютъ его за Любчанина, и онъ бѣжалъ изъ Любека отъ казни, потому что Любекскій бургомистръ хотѣлъ казнить его смертію за его великое коварство; а теперь онъ пріѣхалъ въ нашу страну, назвавшись слугою твоихъ Англійскихъ людей, и живя въ Казани, писалъ въ свою землю многія предосудительные извѣты въ хулу нашего царства. И потому мы теперь повелѣли схватить Чаппеля, и мы велѣли въ нашей опалѣ взять за насъ, какіе онъ имѣлъ товары и велѣли держать его до нашего повелѣнія; онъ въ этомъ заслужилъ смерть, но мы не велѣли его казнить до времени, когда мы будемъ тобою умиротворены.

А твой гость Романъ (Робертъ Пикокъ) съ товарищи, съ прибытія своего въ наше государство, непригоже велъ себя въ

своихъ дѣлахъ: тайно посылалъ изъ нашей земли нѣкоторыхъ людей — сущихъ негодяевъ съ своими письмами чрезъ Литовскую землю безъ нашего государскаго вѣдома или дозволенія, и безъ пропускной грамоты, какъ бы лазутчиками; чего ни въ какое время не дѣлалось въ прошлые года при отцѣ нашемъ, блаженной памяти В. Г. Ц. и В. Князѣ всея Россіи; никто изъ твоихъ гостей въ прежнее время того не дѣлалъ. А въ письмахъ своихъ писалъ онъ въ иныя земли и въ свою землю въ Англію многія непригожія дѣла о нашемъ государствѣ и что въ теперешнее время мы еще не докончали твердаго мира съ Польскимъ королемъ. И когда впредь будетъ отъ тебя, сестры нашей, посолъ или гонецъ къ намъ, мы точно его извѣстимъ о томъ какъ непригоже твои гости живутъ въ нашемъ государствѣ: того не слыхано, чтобы у какого либо государя въ землѣ водились такое житье и такая измѣна.

Что писано къ намъ въ твоей грамотѣ, что твои люди могутъ привозить намъ великое количество и даже съ излишкомъ тѣхъ товаровъ, какіе намъ надобны, и чтобы мы не дозволяли и не допускали пріѣзжать въ наше государство торговать товарами никого изъ твоей земли кромѣ тѣхъ кто пріѣдетъ съ твоими грамотами; и намъ давать такія повелѣнія для твоей земли не пригоже; кто бы ни былъ или кто бы изъ какой бы земли ни пріѣхалъ въ наше государство, тому можно и повольно торговать товарами; и обязывать насъ въ томъ, чтобы мы въ своемъ государствѣ не дозволяли другимъ торговлю товарами,—не пригоже. Въ этомъ дѣлѣ прошеніе къ тебѣ твоихъ гостей неразумно; они хотѣли забрать всѣ прибытки для себя однихъ, и не хотятъ никого иного допускать приходить въ наши пристанища, а это была бы для нашего государства помѣха; эта статья не подходящая. Довольно будетъ и той нашей милости для тѣхъ гостей. о которыхъ будешь посылать намъ свои грамоты, чтобы намъ велѣть брать съ нихъ половинную пошлину, а чтобы съ тѣхъ другихъ купцовъ, которые будутъ пріѣзжать изъ твоей земли и изъ тѣхъ земель, откуда позволено пріѣзжать, велѣть намъ брать цѣльныя пошлины, и по пріѣздѣ твоихъ купцовъ быть имъ для торга въ назначенныхъ городахъ нашихъ, какъ мы, великій государь, въ нашемъ государствѣ указываемъ всѣмъ иностранцамъ и быть имъ въ своемъ торгѣ

въ нашемъ подчиненіи. И, по милости Божіей, мы можемъ, какъ намъ угодно, распоряжаться нашими товарами, и наше государство обойдется и безъ товаровъ твоихъ гостей; наши государства велики и купцы изъ многихъ государствъ привозятъ свои товары въ наши царства: изъ Турецкихъ владѣній, отъ Цесаря, отъ Французовъ, изъ Испаніи, изъ Польши и Литвы, изъ Персіи и Богеміи, изъ Грузіи и Шемахи и изъ многихъ другихъ областей, землею и моремъ, кромѣ тѣхъ пристаней Холмогорскихъ; и они могутъ сбыть наши товары безъ товаровъ твоихъ гостей, хотя бы твои гости и перестали приходить съ своими товарами; и намъ, ради однихъ твоихъ гостей, запрещать многимъ людямъ изъ многихъ государствъ приходить къ намъ, было бы неразуміе. Въ этомъ дѣлѣ, любительнѣйшая сестра наша Елисавета королевна, тѣ гости, что пріѣзжаютъ въ наши царства, неправо тебя извѣщаютъ своихъ ради прибытковъ.

А что ты, сестра наша писала намъ о нашихъ купцахъ, что наши купцы никогда доселѣ не торговали въ твоемъ королевствѣ, и о томъ за нихъ печалуешь, и о такомъ маломъ дѣлѣ такъ много говоришь; купцы наши какъ въ прошлое время въ твою землю не ѣздили, такъ и послѣ въ томъ не будутъ имѣть нужды.

И что ты въ грамотѣ своей къ намъ писала, что ты готова вполнѣ во всѣхъ случаяхъ оказать свою къ намъ любовь добрыми поступками чрезъ посланника или гонца: и буде между нами будетъ такой нужной случай, что захочешь къ намъ прислать посланника или гонца, тогда пришли такого изъ своихъ хорошихъ людей, чтобы ѣхалъ съ поспѣшеніемъ, чтобы могъ прибыть къ намъ зная обычай и повадку въ посольствахъ у такихъ великихъ государей, а не такихъ каковъ былъ Еремѣй Баусъ, который дѣлалъ много непригожихъ поступковъ; и твоимъ посланникамъ и гонцамъ, при въѣздѣ и проѣздѣ въ государствѣ нашемъ, по ихъ волѣ путь будетъ открытъ и свободенъ, безъ остановки и задержки.

А нашему толмачу Регинальду оказано великое безчестіе въ твоемъ королевствѣ; содержанъ онъ не такъ какъ содержатся гонцы между нами и нашими братьями великими государями; твои совѣтники и сановники и лордъ-казначей задерживали

17*

его въ Лондонѣ долгое время, отъ 23 Марта до 6 Мая, и въ это время три раза присылали за нимъ, чтобы онъ шелъ къ тебѣ, а когда онъ приходилъ задерживали его у себя и посылали назадъ домой и не допускали его къ тебѣ; и такъ уже въ четвертый приходъ допустили его къ тебѣ; и при отпускѣ его и отъѣздѣ, ты, сестра наша, не велѣла ему у тебя быть; а былъ онъ отпущенъ, какъ ему сказано, по твоему повелѣнію, 24 Іюня твоимъ писцомъ сэромъ Францискомъ Вальсингэмомъ, и твоя грамота къ намъ вручена ему твоимъ писцомъ, и сказанный писецъ велѣлъ ему намъ поклонъ править отъ тебя, сестры нашей. Гдѣ это слыхано, чтобы какой либо государь посылалъ гонца къ намъ, такому великому государю, и поклоны правилъ черезъ писца? одинъ государь другому самъ посылаетъ поклоны. Намъ то кажется, что все это идетъ отъ твоихъ совѣтниковъ, помимо твоего вѣдома, и ты любительнѣйшая сестра наша, по своему великому разуму, сама разсуди — хороши ли тѣ поступки. Хотя бы малый ребенокъ отъ насъ пришелъ, и если бы онъ пришелъ съ нашею грамотою и такъ съ нимъ поступить было бы для насъ, великаго государя, непригоже; хотя бы то былъ ребенокъ, присланный отъ великаго государя какого бы ни было, и при его пріѣздѣ и отъѣздѣ нашъ государскій обычай смотрѣть того государя, отъ кого онъ пришелъ.

И эту нашу грамоту посылаемъ мы къ тебѣ, любительнѣйшей сестрѣ нашей, съ твоимъ подданнымъ Еремѣемъ Горсеемъ Вилліамовымъ сыномъ. И ты бы, сестра наша, королевна Елисавета отписала бы намъ отвѣтъ на эту нашу грамоту со всею поспѣшностію съ сказаннымъ Еремѣемъ, подданымъ твоимъ, чтобы мы могли по тому узнать о положеніи всѣхъ дѣлъ. Никто изъ нашихъ подданныхъ не можетъ проѣхать чрезъ столько государствъ: наши прежніе гонцы и толмачъ были во многихъ мѣстахъ худо принимаемы и задерживаемы.

И если напредь похочешь жить съ нами въ совершенной братской любви, мы желаемъ жить и быть съ тобою, любительнѣйшая сестра наша королевна Елисавета, во всей братской любви и дружбѣ и поволимъ твоимъ гостямъ торговать въ нашемъ государствѣ по ихъ волѣ, только бы твои гости жили какъ другіе изъ нихъ жили въ прежнее время, не такъ какъ теперь твой

гость Робертъ (Никокъ) противъ прежняго обычая. Твои гости Вилльямъ (Трумбуль) и сказанный Еремѣй (Горсей) живутъ какъ въ старое время, и не дѣлаютъ никакого худа, и про нихъ нечего худаго сказать; о Робертѣ мы потомъ дадимъ тебѣ въ точности уразумѣть его непригожія дѣла.

Писана въ нашемъ дворѣ города Москвы, лѣта отъ начала міра 7084 въ мѣсяцѣ Сентябрѣ.

№ 57. — 1585 Sept.

Czar Theodore to Queen Elizabeth.

The perfite copy of Jerom Horsseyes translacion of the king of Russyas letter broght by him who cam with the same to London at Christmas 1585.

Wee haue sent vnto yow our sister with our letters our lighte poste and interpreter Reynold Beckman, and yow sent vnto vs your letters by our said interpreter Reynolde, and we loving sister queen Elizabeth haue throughlie herd these your letters and what your councellers did declare vnto our interpreter he hath imparted vnto our rulers, and wee our selfe haue also knowledge thereof, and as yow our sister haue written in your letters vnto vs it seemeth yow be very angry, and Jerom Bowes whome yow sent in your imbassadge to be chosen owt of your howse and that it shold seem vnto vs, that his being heer did not well, and hee with yow in Englande and in other countries, whether yow sent him in any embassadge alweys in all things did very well and wisely with great comendacon of him, and had bin with sutch as our ffather and wee are mervailing at it, that it so hapned, and touching the priviledge which in our ffather's tyme gr. L. Emp. and gr. D. Juan Vacilleueech of all Russia would haue giuen vnto your English merchants, and that your embassador sholde intreate of it earlie and late ernestlie, and that he did effectuallie and wiselie accordinge to your comission for your honor sake and also to do well for his owne honor and fame

and not dishonor. And that some of our ffathers councell shold move him oftentimes to anger ageinst your embassador, and be a hinderir in the prosecutinge of his affeires which he came for.

And we wrote vnto yow lovinge sister throwghlie of your embassador Jerome Bowes in our letters with our interpreter Raynolde Beckman what vncomely dealinge your embassador did vse at his beinge with our ffather of blessed remembrance gr. L. Emp. and gr. D. John Vacilleuecch of all Russia and did vtter in speach before our ffather many woords not comelie which did not become any imbassador to speake any sutch speache before any sutch great lorde, and vppon our noblemen did invent many vntrothes and that they did not deliuer those speaches vnto our ffather wlich they did talke with him and wold not give from him any effectual meaninge of matter, but without discrecon soughte his owne honor for profit sake that he mighte haue allowance superabundante, And our ffather gr. L. Emp. and gr. D. Juan Vassileuecch of all Russia not regarding theis his dealings, and for your sake our sister most lovinge queen Elizabethe in all causes comaunded great honor to be shewed him in sutch sorte as the like to none great princs embassador was the like, not the Pope of Roomes, nor the Emperor of Almeigne, not the Turks neither no other mightie princes embassador so graced, honored, nor like allowance and sutch libertie geven his folkes to walke at pleasure in all place: which hath not bin graunted to no embassador. And when Gods providence was that our ffather gr. L. Emp. and gr. D. Juan Vacilleuecch of all Russia deceased by Gods providence and by the blessed order of our ffather, takinge vppon vs to be lorde of all our kingdomes. we willed your embassador Jerome to come vnto vs not regardinge his evil demeanor for your sake our loving sister, desirous to be in brotherlie love did dispatch him to yow our sister honorably from our presence, and sent our letters by him to yow our sister answere to your letters which your embassador brought vnto our ffather of noble memory gr. L. Emp. and gr. D. Juan Vacilleueech of all Russia neither was there any dishonor done vnto him by vs in any respecte, what

grace and honor was shewed him in the gr. L. our ffathers tyme, the like was done vnto him by vs, neither did we diminish it in any thinge, And to conduct him vnto the seaside to Colmogor we sent a gentleman of our howse Mikefera Susova *), to provide him victualls what necessary at his pleasure and comaunded him to yeeld him all honor aboue all other princs embassadors for your sake our sister, and vppon the way in his travellinge did vse many vnseemlie dealings and reyled vpon our gentleman and did contemne our goodnes and allowance; and at the seaside Colmogorode when he tooke shippinge our letter the which we sent by him vnto yow our sister and our guifte which we graced with all in liew of his owne presente, at his departure caste it from him at the seaside at Colmogor. And he lefte his owne writinge conteininge in the saide writinge many vncomlie matters, which were vnseemlie to write vnto yow our sister. Of which his doings we wrote vnto yow our sister at lardge before this present time by our interpreter Reignold.

And it seemeth vnto vs that your noblemen being in authoritie fauoring your embassador, and bearinge him owt in yt, that which is written to yow in our letters of him as we thinck was never throughlie signified vnto yow our sister, and those your letters which yow sent by our interpreter Reynolde were not wholie redd vnto yow, and do suppose them not to be written by your comaundement and we require yow our sister queen Elizabeth to pervse our former letters sent vnto yow by Reynolde our interpreter, and when yow haue considered of them iudge your self yf your embassadors behauiour and doinge were seemlie to our father and vs, as hath not bin vsed in any kingdome for an imbassador to come vnto any prince so vnmannerlie contemninge the goodnes of the prince vnto him, and letters that he shold receive from any other prince to carry to his owne sovereigne to cast them awey and not to bring yt vnto his prince. What is he for a servunt whatsoever that shold refuse to carry a letter to his lorde.

---

*) Nicephor Sustchoff.

Wherbie either we or yow our sister sholde be dishonored as he hath casted awey our letters and not broughte them vnto yow.

And for that yow our sister wrote vnto vs in your letters that we shold will to be geven to your merchants sutch our priviledge letters in sutch sorte as our father of noble memory gr. L. Emp. and gr. D. would haue geuen to your embassador Jerom Bowes those matters which yow our sister had then to doe with our ffather gr. L. Emp. and gr. D. Juan Ivacilleuech of all Russia is now altered. And we now with yow our sister wish great amitie and of trade of merchaunts according to tymes past, and as in many yeeres past yt hath bin with our great ffather, with king Edward and queen Mary; and what letters of priviledge were fitt for your merchaunts, sutch letters haue we comaunded to be given your merchunts, not regarding their vncomely living, but respecting your amitie, our most loving sister.

And our interpreter Reynold hath declared to our noblemen and rulers that your embassador Jerome hath tolde vnto yow our sister, that we sholde haue comaunded no custome to be taken of no other straungers goods whatsoever, but onelie of your English merchaunts we to haue comaunded custome to be taken; therein your embassador Jerome hath tolde yow our sister vntrothe, but we haue for your sake lovinge sister graced and tendred your people aboue all other nations whatsoever people, or merchaunts that haue recours into our kingdome to vs from whence soever they bee from great kingdomes, owte of the Turke lande, and of th'Emperors dominions, and owt of the kingdome of Ffraunce and owt of the kingdom of Spaigne and the kingdome of Polland and great duke of Lettowes, owte of Percya, owt of Boheme, from many other princes and kingdomes from whence soever, of all theis their merchaunts wee take wholie custome, as by our appointed orders, as we vse in our kingdome time owt of memory, and of your people aboue all others we take butt half that custome. And to your people also our goodnes is to theim aboue all other straunge merchaunts, are placed and haue howses

in our kingdome geven theim in many places of our realme feir howses in the Musco, in Yearaslausley, in Vologda and at Colmogor; and to other straunge merchunts no howses are geven theim in our kingdome, but other country merchaunts doth stand with their comodities and buy and sell at a generall merchaunt hows appointed, as of long time is vsed in our kingdome and they do paie for the howse and warehowse roomes, And your merchunts sister sutch our great goodnes towards theim doth not consider and doth lyve not accordinge to our letters of priviledge as is willed theim by those our letters to lyve and trade into our kingdomes and are willed to sell and transporte their comodities by whole, and not to sell by peecemeale, by yarde or measure, and willed theim not to transporte or culler (*colour*) any other straungers comodities, and not to bring any people or nacon with theim vnder color of theires into our kingdome, and sister your merchaunts doth buy and sell their wares by peecemeale, and not by whole contrary to our orders, and contrary to our letters of priviledge, and transport and bring other straungers comodities vnder color of their owne, and other doth bring owt of other provincs into our kingdomes vnder name of their English nation. And haue brought with theim into our countrie a straunger of Lubeck John Chappell and gaue him owte for their owne man an Englishman, and brought him to Yeraslauley and not presented him to our rulers and officers, and not being at our kingdome at Musco sent him from Yeraslauley to Kazan with comodities there to remeine; — And that John Chappell did thinck to remein at or in Herylang Cazan (*at Yaroslavl or in Cazan*) to trade merchaundizes without our princelie leave or knowledge; and named himself an Englishman and your merchants servaunt; and that Chappell is a stranger of Lubeck, and not a dweller in Englande. In times past he came to our father of noble memory, gr. L. Emp. and gr. D. Juan Vassileueech of all Russia into our kingdome oftentimes from Lubeck and broughte letters from the Burghmaster and councell of Lubeck to our ffather, and our officers vnderstoode well of him, and a great

many knoweth him to be a Lubecker, and he escaped owt of Lubeck from execucon for that the Burghmaster of Lubeck, would haue putt him to death for his great treachery; and now he is come into our countrie for one of your people of England seruaunte, and livinge at Kazan, wrote letters to his countrie with many reprobrious inventions to the infamy of our kingdome. And therfore we haue now commaunded that Chappell to be apprehended, and those goods he had we commaunded to be taken for vs in our displeasure, and willed him to be kepte vntill our further order; he had deserued death therein, but wee comaunded him not to be executed, vntill sutch time as we shall hereafter by yow be pacified.

And for your merchaunt Romane (Robert Peacock) and fellowes, since his cominge into our kingdome, hath behaued himself vnseemly in his dealings, sent certein his folkes owt of our countrey secreetly being vilanows people therevnto through the countrie of Lettowe without our princelie knowledge or lycence, and without pasport letters with his letters as it were a spye, which at no time hath bin done in yeeres paste in our fathers time of noble memory gr. L. king and gr. D. of all Russia, none of your merchaunts in times past hath done the like. And in his letters he wrate into other countries and into his owne countrie into Englande many vnseemlye matters touchinge our kingdome, and att that present tyme we had not throughlie agreed vppon a firme peace with the king of Pollande. And heerafter when there shalbe any embassador, or messinger to vs from you our sister wee will throughlie make knowen to your embassador what vnseemly livinge your merchant doth vse in our kingdome. Yt was not herde of sutch livinge and trechery in no princs country vsed.

And whereas yt is written vnto vs in your letters that your people mighte bring vnto vs greate stoare with overplus of sutche comodities as is needfull for vs, and that we shold not permitt nor lett come into our kingdome to trade merchandise no other of your countrie besides those that cometh with your letters; for vs to make any sutch orders for your

country is not meet; whosoever or owt of what countrie soever anie cometh into our kingdome haue leve and lycence to trade merchandizes, and to binde vs in that, that in our kingdome we shall not permitt the trade of merchandize for others, yt were not fytt. In that matter your merchants requeste vnto yow is not reasonable, they would reape all the proffit to themselves alone, and will not willinglie permitt any other to come vnto our havens, and so it would be to our kingdome hinderance, that point is not commendable. Our goodnes shalbe sufficient vnto your merchants in whose behalf yow shall send your letters to comaund half custome to be taken of theim and those other merchaunts which shall come owt of your countrie and owt of countries licensed to come, but provyded we comaunde whole custome to be taken of theim and at the cominge of your merchaunts to be att our prescribed townes for the trade. As we great lorde in our owne kingdome prescribe for all straungers, and to be at our deuotion in the trade, and wee by the help of God can make vtterance of all our comodities at pleasure, and our realme well spare your merchaunts comodities; our kingdom is greate and merchaunts owte of many realmes haue recours with their merchaundize into our kingdomes, owt of the Turkes governmente, from the Emperor, from the Frenche, owte of Spaigne, owte of Pollande, and Lettowe, owte of Percia and Boheme from the Jorgias and Shamakey and from many other provinces, by lande and by sea, besides those havens at Colmogor, and canne ridd our comodities without your merchaunts comodities, although your merchaunts do cease to come with their wares; and wee for your merchaunts sakes onelie shutt up the recoors of many people owte of many kingdomes to vs, weare not reason. In those causes, our most loving sister queen Elizabeth, those merchunts that have recoors into our kingdomes, doth informe yow wrong for their owne proffitts sake.

And touchinge that our sister yow wrote vnto vs of our merchaunts that our merchaunts haue never heertofore had any trade into your kingdome, and do make it greave for

theim, and make of so small a matter so great an exception; our merchaunts haue not in times paste had recoors into your country and haue no occasion to come heerafter.

And wheereas yow wrote in your letters vnto vs that yow are willinge to shew pleinlie in all causes your loue towards vs by your good deedes through an imbassador or messinger, and yf there be any sutch needfull caus betweene vs, yf yow liste to send we referr it to your pleasure; and yf yow, our sisters, pleasure is, to send vnto vs touchinge any caws, your imbassydor, messinger etc. then do yow send vs sutch of your good people, that maie goe with speede, that maie come vnto vs with knowledge in messadges, as the manner and vse is to sutch great princes, not in sutch sorte as your embassador Jerome Bowes did with many unseemlie dealings, and your embassydors, messingers etc. cominge and goinge into our kingdome, the way shalbe open and free at pleasure without any stey or lett.

And our interpreter Reignold was shewed great dishonor in your kingdome; not in sutch sorte interteined as messingers are between vs and sutch like great princes our brothers; your counseillors and noblemen, and lord thresorer at London did holde and deley him a long time from the 23 of March vntill the sixte of May and in that time did send for him three tymes to come to yow, and still when he came did keep him vp with theimselues and so returned him to his lodginge agein and would not lett him come to yow; and so at the foorth time of his cominge lett him come before yow; and att his dispatche and parture yow, our sister, comaunded him not to come before yowe, but was sent awey as he said by your order your clerck Sir Ffrauncs Walsingham the 24-th daie of June, and your letters delivered him to vs by your clerck, and the said clerck comaunded him to salute vs from yow, our sister. Where was that ever herde that any prince would send any messenger to vs, sutch great lord, and salutacons done by a writer, but one prince to another sendeth salutacons. Yt seemeth vnto vs that all theis proceedeth from your councellers, without your knowledge, and yow,

our most lovinge sister, of great iudgement yf this be good dealings. Although a yonge childe came from vs and cominge with our letters to shew sutch dealings towards him were vnfitt towards vs, great lorde, although he were a childe sent from a great prince from whomesoever he cominge or departinge our princelie manner is to regard the prince from whence he cometh.

And theis our letters we send vnto yow, our most lovinge sister, by your subiecte Jerom Horsey sonne of William. And that yow, our sister, queen Elizabeth, woulde write backe vnto vs awnswere of theis our letters with all expedicon with the said Jerome your subiecte that we mighte therby knowe th'estate of all thinges. Any of our subiects cannot well pas through so many kingdomes: our former messinger and interpreter was evill intreated in many placs and vpholden.

And hereafter yf it pleaze yow to liue with vs in perfite brotherlie love, we do desire to lyve and be with yow, our most lovinge sister queen Elizabeth, in all brotherlie love and will licence your merchants to haue trade in our kingdome to their contentment, so that your merchaunts live as others of theim haue in times past, not so as now your merchant Robert (Peacock) doth now lyve contrary to the former manner. Those your merchants William (Turnbull) and the said Jerome (Horsey) doth lyve as in old tyme, and committeth no offence, and haue no caws of evill to say of theim; but for Robert heerafter we will throughlie geve yow to vnderstande of his vnseemly dealings.

Written at our hows in the citey of Musco the yere from the beginninge of the worlde 7094 in the moneth of September.

№ 58. — 1586 March 23.

Elizabetha Theodoro.

Ser-me et potentissime princeps, frater et amicus charissime.

Literas quas per Hieronimum Horsey generosum eum qui has affert famulum nostrum et subditum naturalem, ser-tas v-tra ad nos misit, accepimus et legimus perlibenter.

Quae duas in se partes proecipue continere nobis videbantur:

Vnam in qua moles(*te*) vos ferre videmus. Hieronimum Bowes equitem et famulum nostrum de rebus ab eo gestis cum legatus noster isthic esset literis nostris defendi, et interpretem ac famulum vestrum Beckman, non eo quo par erat fauore in eius aditu ad nos admittendo, et literis vestris tradendis acceptum esse.

Alteram in qua non leuis vestra in subditos et mercatores nostros in imperio vestro degentes animi offensio continetur, allatis multis argumentis quibus nobis persuader — — poss — — optime et benegnissime cum subditis nostris per imperium vestrum agi, cum beneficia, fauores, et immunitates idque supra omnes alias nationes in tota Russia abtineant, quanvis priuilegia a patre vestro foelicis memoriae principe concessa iustis quibusdam de causis exercere illis auctoritate vestra non sit permissum.

Hiis vt ordine respondamus primum ser-tem v-ram fratrem nobis charissimum intelligere, et sibi persuadere summi cupimus quod ad Hieronimum Bowes equitem nuper legatum nostrum attinet, nihil minus a nobis cogitatum esse quam vt eius causa animum vestrum vllo pacto offenderemus eius nempe patris filium quocum vetusta nobis optimae amicitiae necessitudo intercessit quemque nos inter coeteres orbis principes, præcipue quadam animi beneuolentia et amore semper complexæ sumus, quae inter nos amicitia vtrinque inuiolata ad extremum eius vsque vitae diem, et sancte culta

permansit qua re etiam factum est vt nobis ipsis certissime tum persuaderemus vti hoc etiam tempore persuademus sertem v-tram non minus huius amicitiæ quam regni et imperii paterni hœredem fore.

Cœtervm cum per Hieronimum Bowes equitem aliosque nonnullos qui eum comitabantur certiores facti essemus, praeter oblatas illi cum contumeliae quadam specie iniurias qui propter legati conditionem personam nostram repraesentari videbatur. Vos fratrem nostrum mercatoribus nostris privilegia denegasse, qua feliciae memoriae optimus princeps pater vester illis longe ante obitum tempore indulserat, iustissime nobis dubitare videbamur, ne vel contemptui haberemur, vel non eandem fore vestram erga nos voluntatem et amicitiam quam in imperatore patre vestro constantissimam semper expertae sumus. Res ve — — — — — mercatoribus denegata nostris privilegia maxime mouit in qua honoris nostri rationem parvi esse habitam putavimus fuisse, quia legatus noster antea nominatus Hieronimus Bowes cum equestris ordinis esset, qui ordo ex priscis Europae principum institutis gladio — — — er accingi solet non prius in conspectum vestrum admitti potuit quam illi ensis ablatus esset, vnusque illius minister eodem tempore ipso — — — spectu — — — violatus — — — quod factum iustam nobis proebuit causam suspicandi ser-tem v-tram non eo quo merebamur animo in — — — — — — — ffectum — — — um legatus noster eques auratus quem gladium gestare ex fide data cum in ordinem — — — oportet a principe amicissima missus, non prius adi-(tum) obtinere potuerit quam illi gladius ademptus esset. Quae nostris moribus in publico (min)istro proesertim equite maxime omnium insignis contumelia haberi solet.

Quae res ita eius animum vulneravit vt magis deinceps impatienter quam certe decuitse semper gesserit: proecipue vero in literis vestris abijciendis et recusandis donis.—In quibus ita animum nostrum ille offendit, vt eum hac de causa grauiter punire statuissemus, nisi iuramento nobis sancte affirmasset (fui)sse veritum, postquam denegata erant mercatoribus nostris privilegia illaeque iniuriae quas diximus sibi alla-

toe, si literas aut dona accepisset, ne grauissime post redditum in se extraordinaria poena animaduerteremus.

Verumtamen nunc cum per Hieronimum Horsey subditum nostrum naturalem harum datorem perspicue intelligimus ademptionem armorum rem esse in ijs prouinciis et regnis vsitatam, itemque Polonorum regis legato ibidem antea factitatum nostro quidem animo abunde satisfactum hac in (re) comp(on)imus simulque par — — — iter loetam(ur) — — — nunc inter nos amicitiam perpetuam esse auemus nihil a ser-te v-tra de industria factum quo legatus noster vlla contumelia afficeretur: quanuis ille loci consuetudinem ignorans contra sibi tum persua(de)rit ad id proecipue ind — — — amicitioe — — — ser-tem v-tram permanere constituisse quoniam priuilegia a patre nostris concessa illo mortuo statim denegarit.

At vero cum literis iam vestris certiores factoe sumus eandem vestram esse in nos animi voluntatem quoe optimi (imperat)oris (patris) vestri beatoe memorioe semper fuerit omnes has suspiciones quoe amicitiam loedant vtrinque abijciendas esse censemus, vt idem arctioris amicitioe cursus quem cum patre vestro ser-mo instituimus cum magno et regnorum et subditorum bono dein — — — — — — — posit. In quo — — — nos constantissime perseuerare iam decreuimus, ita ser-tis v-troe idem esse propositum ex literis vestris amicissime scriptis plane perspeximus.

Qvod vero ad iniurias attinet quoe Beckmanno ministro vestro illatoe esse die — — — primum quod non ante longas moras ad nos admissus sit, tum quod in horto admissus, postremo quod per scribam vulgarem et infimoe existimationis hominem literoe nostroe cum discederet illi rederentur, sertem v-tram ignorare nolumus quod non statim Beckmanus ad nostrem proesentiam admissus sit causam fuisse proeterquam quod eodemque ad nos appulit tempore magnis regni nostri negotijs implicabamur satis nouimus (quod ipse etiam multis dixerat) non potuisse illum ante finitum ver hinc discedere vt nulla festinationis causa nobis videretur, proesertim cum se non legatum, sed nuncium literarum duntaxat latorem profiteretur.

Locus vero in quo ad nos aditum habuit, secretioribus palatij nostri partibus coniunctus est, in quem proecipui fauoris causa non nisi eos qui nobis intimi, et chari sunt familiarij principum more admittere solemus, in quo neque allia, nec copas (*cepas*) crescere quod Beckmannus falso et maligne calomniatur, sed amenissimum hortum esse et principe dignum, Horsoeus qui has perfert testari poterit.

Postremo quod ad eius personam attinet, qui literas nostras Beckmanno tradidit insignis eius est calumnia. Vnus enim is est ex intimis nostris consiliarijs, et secretarius noster principalis, *) cuius fidei arcana regni nostri negotia committimus, solusque qui propter officij rationem principum nuncijs et legatis literas nostras et responsa dare consueuit.

Merito igitur Beckmannus nuncius vester propter impudentes has calumnias non solum vituperari, sed acriter etiam castigari debet, qui falsa hoec maligne serendo, et nostram amicitiam loedere, et subditorum nostrorum commercia interrumpere conatur, ab ijs vt videtur corruptus qui nec serti v·troe nec nobis amici esse possunt. In quo non solum malignem sed ingratum hominem se ostendit, qui apud mercatorum nostrorum societatem primum nutritus sit et creuit.

Restat vt quoe, quoe mercatoribus nostris in literis vestris obijciuntur, breuiter vti ab illis rem accepimus respondeamus. Contra priuilegia merces suas minutim et per vlnas distrahere et vendere dicuntur, tum aliorum mercimonia suis nominibus proetexere, atque alios qui Angli non sunt perinde ac si Angli essent priuilegijs suis protegere. — Minutas venditiones mercium aiunt se agentibus suis soepe prohibuisse et Robertum Peacock in Russiam pro agen — — — — — — misisse vt huius rei abusum tolleret, quoniam id populo vestro displicere coepit, se vero nullius merces proeterquam suas nominibus suis proetexere, aut velare, neque id scienter vnquam admissi. — Nam quod de Ioanne Chappel auribus vestris relatum est cum — — — — — — Lubecenso esset, se pro

*) Sir Francis Walsingham.

Anglo gessisse, et Cassanoe sine vestra venia commercia exercuisse, denique eum Lubecoe pro maximis criminibus capitis accersitum fuisse, certum est Chapellum Anglum esse, et in Anglia natum, subditum nostrum cuius uxor et fam(uli nu)nc etiam sunt in Anglia, quanuis Lubecoe, et in alijs Orientis partibus merces nonnunquam exerceret et pro tempore habitaret. Nec minus verum est literas a ciuitate Mosco (Y)erislavom ad eum missas quoe in illius fauorem scribebantur vt Cassanoe negotia g(erer)et vt Christopherus Borroughe qui eas literas illi pertulit et nunc est in Anglia religiose testatur. Valde igitur mittimur hoce quoe tam a vero aliena sunt auribus vestris inculcari vti etiam illud non caret calumnia quod Lubecoe pro maximis criminibus pacti capite debuisse dicitur, cum periculum illud in ea ciuitate non alia de crimine subierit, quam pro impensis imperatori patri vestro fidelibus seruitijs, vt in illis locis regni Moscouioe vtilitates promoueret, quod certe laude potius et miseratione vestra quam odio dignum iure censerj debet.

Qvod ad Robertum Peacock attinet, non negant mercatores nostri inconsulto, et temere ab eo factum esse vt literas per prouincias vestras sine vestra venia miserit nec tamen id, ob eo factum vt vllo pacto vos offenderet, vel status vestri quietem perturbaret, sed cum non satis in tempore in ciuitate Mosco literas eum mittendi venia obtinere potuerit vt rerum et mercimoniorum suorum statum societati impartiret, periculum sine venia mittendi subijt; quod vt inconsiderate factum esse fatemur, ita nos fratrem nostrum charissimum oratum volumus vt honestoe huius societatis agentibus eam veniam detur per famulos, et ministros suos literas de commerciorum suorum statu libere mittant, aliter et maxima damna subibunt, nec vestris regnis quoe commoda et vtilia sunt suppeditare poterunt. Nec sane dubitamus quin ij se modeste gerent, et sua negotia dumtaxat procurantes nec populi vestri quietem mouebunt, nec status vestri rebus sese immiscebunt.

Ad eam vero literarum vestrarum par(tem in qua mer)catorum nostrorum priuilegijs agitur, quoe et magna esse, et multa numero quanquam non plane eadem quoe ab optimo im

peratore patre vestro concessa sint ser-tas v-tra affirmat, vestram in nostras benignitatem et fauorem ingenue agnoscimus, et grato animo recolimus — — — — — tamen meminisse eandem cupimus maximis nostrorum damnis periculis, et multorum etiam amissa vita hoec priuilegia parata esse. Nam cum nos omnium mortalium primi iter per mare in Moscouiam aperuerint *(aperuerimus)*, multis tamen prius amissis nauibus, et multorum profusa vita — — — — (prov)identissimus princeps pater vester pro eorum tot damnis et infinitis laboribus id eos esse promeritos iudicabat, vt soli (exclusis alijs nationibus) per flumen Duinam nauigarent, eorumque merces et bona ab omni tributo et vectigali libera essent. Quam patris vestri foelicis memorioe in societatem hanc humanitatem vos non solum continuare, sed augere etiam velle speramus, quanuis in eius societatis agentes, et per eorum immodestiam et insolentiam animus vester offensior fuerit. Quod si ser-tas v-tra visum fuerit non nostros solum sed alias etiam omnes — — — — ad hoc — — — — ma commercia admittere, id tamen impense rogamus vt liberaliter et magnifice nostrorum merces et bona omni tributo, et vectigali — — — — uet, tum etiam vt in optimam partem accipiat, si eos ex nostris qui eius societatis non sunt ab hoc commercio prohibeamus atque legibus nostris puniamus. Vsitati enim nostri moris est, quo multi ad nouas nauigationes incitentur, ijs solis eorumque societati qui primum iter aperuerunt eo nauigandi priuilegia concedere, eosque ex nostris punire qui talia priuilegia conantur infringere. In quo vti ser-tas v-tra a suis subditis si — — — obediri vult ita nostros subditos nobis et legibus nostris parere oequum est.

Vt avtem a vobis sciri possit quinam ex nostris eius sunt societatis quique non sint, eorum nomina in scriptis redacta deputatis vestris tradentur vt — — — — — Moscum registro asseruentur. Id cum secundum hanc formulam a mercatoribus nostris factum erit, per quam etiam vestris euidenter apparere poterit qui ex nostris bona nostra cum venia merces exerceant et qui contra iussibus nostris refractorij, et inobedientes sunt — — — oramus summopere ne propter eorum de-

bita qui nobis inobedientes sunt, societatem vel aliquem ex sotijs conuenirj patiare.

Postremo vt omnia inter vos fratrem nostrum charissimum et nos tranquille et mansuete transigantur et amicitioe nostra *(nostroe)* cursus subditumque negotiatio perpetuetur ser-tem v-tram toto pectore rogamus vt Roberto Peacock, et Ioanni Chappello eorumque famulis et ministris qui nunc in indignatione vestra versantur regaliter velit agnoscere, mercatorumque nostrorum merces et bona, predicti Roberti et Ioannis causam *(causa)* detenta, relaxerunt. Vtque vti ipsi eorumque ministri et famuli cum bonis et mercibus societatis ad Sancti Nicholai portum antequam mercatorum naues aduениant, vti quotannis facere consueuerunt ire permittantur. Ita cum magna regnorum nostrorum vtilitate florebit hoc inter nostros subditos commercium, et nos amicissimis omnibus officijs ser-ti v-troe sororio animo semper respondebimus.

Quam Deum Opt: Max: coeli et terroe Conditorem precamur in multos (annos incol)umem et florentem seruet.

Dat: in regia nostra Grinuicj die mensis Martij xxiij. anno Seruatoris nostri Iesu Christi M-mo D-mo LXXXV-to regni vero nostri xxviij.

№ 58. — 1586 Март. 23.

Елисавета Феодору.

Пресвѣтлѣйшій, могущественнѣйшій государь, братъ и другъ любезнѣйшій.

Мы получили и любительно прочли грамоту, которую ваше пресв-во прислали къ намъ черезъ благороднаго слугу нашего и природнаго подданнаго Еремѣя Горсея, который доставитъ сію грамоту.

Грамота ваша, какъ намъ кажется, заключалась главнѣйше въ двухъ частяхъ:

Одной, изъ которой мы усматриваемъ, что вы разсказываете съ досадой, что грамота наша оправдываетъ поступки рыцаря и слуги нашего Еремѣя Бауса въ бытность его посланникомъ тамъ (въ Москвѣ), и что толмачъ и слуга вашъ Бекманъ не былъ принятъ съ той честію, какая ему слѣдовала, при допущеніи его въ наше присутствіе и при врученіи вашихъ писемъ.

Другой, въ которой содержится немалая жалоба ваша на подданныхъ и купцовъ нашихъ, живущихъ въ вашемъ царствѣ, съ приведеніемъ многихъ доказательствъ для убѣжденія нашего въ томъ, что съ подданными нашими въ вашемъ царствѣ поступаютъ какъ нельзя лучше и благосклоннѣе, ибо они получили преимущества, милости и льготы выше всѣхъ прочихъ народовъ во всей Россіи, хотя, по нѣкоторымъ справедливымъ причинамъ, вы властію своею и не позволили имъ пользоваться привилегіями, пожалованными имъ отъ блаженной памяти государя отца вашего.

Чтобы отвѣчать на сіе по порядку: вопервыхъ мы усерднѣйше желаемъ, чтобы ваше пресв-во, братъ нашъ любительнѣйшій, поняли и убѣдились, что касательно сэра Еремѣя Бауса, бывшаго недавно посланникомъ нашимъ, ничто не было менѣе въ мысляхъ нашихъ, какъ изъ за него какимъ либо образомъ огорчить именно васъ, сына родителя, съ которымъ насъ связывала давняя привычка наилучшей дружбы, съ которымъ мы всегда были соединены, преимущественно предъ прочими государями всего міра,

какимъ то влеченіемъ душевнымъ и любовью, и дружба съ коимъ оставалась взаимно ненарушена и свято сохранена до послѣдняго дня его жизни. Этимъ самымъ и содѣлалось, что мы тогда же были увѣрены, какъ и нынѣ увѣряемъ ваше пресв-во, что вы точно также наслѣдовали сію дружбу, какъ и царство и власть родительскія.

Впрочемъ, когда мы навѣрное узнали отъ сэра Еремѣя Бауса и отъ нѣкоторыхъ другихъ лицъ его сопровождавшихъ, что кромѣ нѣкоторыхъ обидъ, съ нѣкотораго рода безчестіемъ нанесенныхъ ему, который, по званію посланника, представлялъ особу нашу; вы, братъ нашъ, отняли у нашихъ купцовъ привилегіи, пожалованныя имъ блаженной памяти отличнымъ государемъ родителемъ вашимъ задолго до его кончины; мы нашли справедливымъ заподозрить не подверглись ли мы презрѣнію, и не будетъ ли въ васъ перемѣны того расположенія и той дружбы, какія мы постоянно испытывали со стороны царя, родителя вашего.

Мы нашли, что при отнятіи привилегій у нашихъ купцовъ мало было оказано уваженія чести нашей — — — — — — вышепоименованный посолъ нашъ Еремѣй Баусъ не прежде былъ допущенъ въ присутствіе ваше какъ по отнятіи у него меча, тогда какъ онъ принадлежитъ къ сословію рыцарей, которымъ по древнему постановленію Европейскихъ государей (*дано право*) препоясываться мечомъ; и въ это самое время одинъ изъ министровъ его (отца вашего?) — — — (*угрожалъ ему насиліемъ?*). Случай этотъ подалъ намъ справедливый поводъ подозрѣвать въ вашемъ пресв-вѣ другія чувства, чѣмъ тѣ, которыхъ мы заслуживаемъ отъ особы намъ любезной. Нашъ посланникъ, будучи рыцаремъ, и, по данной ему при (вступленіи) въ рыцарство клятвѣ, обязанный носить мечъ; (притомъ) присланный (нами) самой дружественнѣйшей государыней, не могъ прежде получить доступа (къ вамъ) какъ когда у него отнятъ былъ мечъ.

По нашимъ обычаямъ это считается самымъ величайшимъ изо всѣхъ оскорбленій, какія могутъ быть нанесены послу, а въ особенности рыцарю.

Поступокъ этотъ такъ уязвилъ его душу, что въ послѣдствіи онъ дѣйствительно оказалъ болѣе нетерпѣливости чѣмъ бы слѣ-

довало: въ особенности отринувъ вашу грамоту и отказавшись отъ подарковъ. Этимъ онъ такъ разгнѣвалъ насъ, что мы положили было за это строго его наказать; но онъ святынею присяги увѣрилъ насъ, что послѣ отнятія привилегій у нашихъ купцовъ и послѣ нанесенія ему сказанныхъ обидъ, онъ опасался, принятіемъ грамоты или подарковъ, подвергнуться, по возвращеніи своемъ, жестокой и чрезмѣрной карѣ отъ насъ.

Но какъ нынѣ мы ясно уразумѣли отъ природнаго подданнаго нашего, подателя сей грамоты Еремѣя Горсея, что отобраніе оружія есть обычай вашихъ владѣній и царствъ, и что тоже было дѣлаемо тамъ посланнику Польскаго короля, мы успокоились по этому предмету и считаемъ себя совершенно удовлетворенными. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы — — — радуемся — — — — — желаемъ всегдашней между нами дружбы такъ какъ отъ вашего пресв-ва ничего не было сдѣлано съ умысломъ нанести какое либо оскорбленіе нашему посланнику. Хотя онъ, по незнанію обычаевъ страны, напротивъ былъ увѣренъ, что преимущественно къ тому — — — — дружбѣ — — — ваше пресв-во постановите о продолженіи — — — ибо немедленно по смерти родителя вы отняли привилегіи, пожалованныя отъ него нашимъ подданнымъ.

Когда же изъ грамоты вашей мы удостовѣрились, что вы одушевлены къ намъ такимъ же расположеніемъ, какое имѣлъ лучшій (царь), блаженной памяти (родитель) вашъ, мы рѣшились отбросить всѣ эти подозрѣнія, которыя взаимно вредятъ дружбѣ, дабы (*наконецъ*) могла (*воспріять*) теченіе таже тѣснѣйшая дружба, которую мы содержали съ отцомъ вашего пресв-ва на великую пользу и государствъ и подданныхъ нашихъ. — — — Мы уже и рѣшили постоянно пребывать въ сей дружбѣ, такъ какъ усматриваемъ изъ дружественнѣйше написанной грамоты вашего пресв-ва, что таково и ваше желаніе.

Что касается оскорбленій, нанесенныхъ вашему посланцу Бекману — — — вопервыхъ тѣмъ что онъ допущенъ къ намъ не прежде какъ по долгомъ ожиданіи, потомъ, что онъ принятъ въ саду, наконецъ, что, когда онъ уѣзжалъ, письма наши были ему отданы обыкновеннымъ писцомъ и человѣкомъ низкаго званія; мы желаемъ, чтобы вашему пресв-ву было извѣстно, что Бекманъ

не былъ немедленно къ намъ допущенъ не только потому, что онъ прибылъ къ намъ въ такое время, когда мы были заняты важными дѣлами нашего государства, но и потому, что знали, что намъ нѣтъ повода спѣшить, такъ какъ (о чемъ онъ самъ многимъ говорилъ) раньше конца весны ему отсюда нельзя было ѣхать; въ особенности же потому что онъ объявилъ себя не посланникомъ, а только гонцомъ привезшимъ грамоту.

Мѣсто же, въ коемъ онъ имѣлъ къ намъ доступъ, прилегаетъ къ самымъ тайнымъ отдѣленіямъ нашего дворца и мы, по государскому обычаю, въ видѣ особенной милости, принимаемъ тамъ только тѣхъ, которые наши приближенные и любезные слуги. Въ этомъ мѣстѣ не разводится ни лукъ, ни чеснокъ, какъ ложно и злоумышленно клевещетъ Бекманъ, но это прелестнѣйшій и достойный государя садъ, какъ можетъ засвидѣтельствовать Горсей, который доставитъ это письмо.

Наконецъ, что касается того лица, которое передало нашу грамоту Бекману, то это величайшая клевета; ибо это былъ одинъ изъ тайныхъ нашихъ совѣтниковъ и главный нашъ секретарь*), коему мы довѣряемъ сокровеннѣйшія дѣла нашего королевства и который, по обязанности своего званія, обыкновенно передаетъ наши грамоты и наши отвѣты гонцамъ и посланникамъ государей.

За эти наглыя клеветы гонецъ вашъ Бекманъ заслуживалъ бы не только порицанія, но и жестокаго наказанія, такъ какъ злоумышленнымъ разглашеніемъ сихъ ложныхъ извѣстій, онъ усиливается и повредить нашему дружеству и прекратить торговлю нашихъ подданныхъ, по видимому подкупленный тѣми, кто не можетъ быть друзьями ни вашему пресв-ву, ни намъ. Въ этомъ случаѣ онъ оказываетъ себя не только злоумышленнымъ, но и неблагодарнымъ человѣкомъ, такъ какъ онъ былъ воспитанъ и возращенъ въ обществѣ нашихъ купцовъ.

Намъ остается на то, что въ письмѣ вашемъ ставится въ упрекъ нашимъ купцамъ, отвѣтствовать вкратцѣ такъ, какъ они изложили дѣло. Они обвиняются въ томъ, что, въ противность

---

*) Сэръ Францискъ Вэльсингэмъ.

привилегіямъ раздробляли и продавали свои товары по мелочамъ и по локтямъ *), именами своими прикрывали чужіе товары и доставляли пользованіе своихъ привилегій иноземцамъ не Англичанамъ, выдавая ихъ за Англичанъ. — Они, говорятъ, что часто запрещали продажу товаровъ въ розницу черезъ своихъ агентовъ, и что Робертъ Пикокъ — — — — былъ посланъ, въ Россію, чтобы прекратить это злоупотребленіе, которое такъ неугодно вашему народу; но они говорятъ, что ничьихъ товаровъ, кромѣ своихъ, они не прикрывали и не скрывали своими именами, и никогда завѣдомо сего не допускали. — Ибо относительно того, что дошло до вашего свѣдѣнія объ Иванѣ Чаппелѣ — — — — будучи Любчаниномъ, выдавалъ себя за Англичанина и производилъ въ Казани торговлю безъ соизволенія вашего и наконецъ въ Любекѣ за величайшія преступленія былъ привлеченъ къ уголовному суду, навѣрное извѣстно, что Чаппель Англичанинъ, рожденъ въ Англіи, нашъ подданный, жена его и домашніе и теперь находятся въ Англіи, хотя онъ когда то производилъ торговлю и временно проживалъ въ Любекѣ и въ другихъ мѣстахъ Востока. Не менѣе истинно и то, что къ нему посланы были изъ города Москвы въ Ярославль письма, въ которыхъ ему писали для его выгоды, чтобы онъ велъ дѣла въ Казани; объ этомъ подъ присягою свидѣтельствуетъ Христофоръ Борроу, который отвозилъ эти письма и который находится теперь въ Англіи. Итакъ мы съ пренебреженіемъ откинемъ то, что было столь ложно донесено до ушей вашихъ; точно также какъ при этомъ онъ былъ оклеветанъ, будто бы въ Любекѣ, его, за великія преступленія, слѣдовало приговорить къ смерти, тогда какъ въ этомъ городѣ онъ подвергался этой опасности не за иное что, какъ за чрезвычайныя и вѣрныя свои услуги царю, отцу вашему, стараясь о выгодахъ Московскаго царства въ тѣхъ мѣстахъ; а за это, конечно, онъ по справедливости долженъ быть признаваемъ достойнымъ скорѣе похвалы и сожалѣнія вашего, чѣмъ негодованія.

Что касается Роберта Пикока, наши купцы не отрицаютъ, что онъ поступилъ необдуманно и дерзко, безъ соизво-

*) Локоть — мѣра.

ленія вашего пославъ свои письма черезъ ваши области, но онъ сдѣлалъ это отнюдь не для того, чтобы какимъ либо образомъ причинить вамъ вредъ, или возмутить покой вашего государства; но такъ какъ онъ не могъ получить въ городѣ Москвѣ разрѣшеніе послать свои письма довольно своевременно, чтобы сообщить обществу отчетъ о своихъ дѣлахъ и товарахъ, онъ подвергъ себя опасности послать эти письма безъ разрѣшенія. Находя, что это было сдѣлано неосмотрительно, мы просимъ нашего любезнѣйшаго брата даровать агентамъ этаго почтеннаго общества разрѣшеніе свободно посылать черезъ своихъ слугъ и прикащиковъ письма о положеніи своихъ торговыхъ дѣлъ; иначе они потерпятъ величайшіе убытки и не будутъ имѣть возможности снабжать ваши царства товарами и потребностями. И мы ни мало не сомнѣваемся, что они будутъ вести себя скромно и заниматься исключительно своими дѣлами, не возмущая спокойствія вашихъ народовъ и не вмѣшиваясь въ дѣла вашего государства.

Переходимъ къ той части вашего письма, въ которой говорится о привилегіяхъ нашихъ купцовъ: ваше пресв-во утверждаете, что привилегіи эти и велики, и многочисленны, хотя не совершенно тождественны съ тѣми, которыя были пожалованы отличнымъ царемъ, отцомъ вашимъ.—Искренно сознаемъ вашу благосклонность и милость къ нашимъ подданнымъ и благодарно повторяемъ — — — — — но желаемъ, чтобы не было забыто, что сіи привилегіи были искуплены великими утратами, опасностями и даже потерею жизни многихъ изъ нашихъ подданныхъ. Ибо когда, изо всѣхъ смертныхъ мы первые открыли путь моремъ въ Московію, много передъ тѣмъ погублено было кораблей и многіе пожертвовали жизнью — — — — прозорливѣйшій государь, отецъ вашъ, за толикія ихъ утраты и неисчислимые труды призналъ справедливымъ, чтобы они одни (исключая прочіе народы) плавали по рѣкѣ Двинѣ и чтобы ихъ товары и имущества были свободны отъ всякихъ пошлинъ и сборовъ. Мы надѣемся, что вы не только захотите продолжать, но и увеличите благосклонность блаженной памяти отца вашего къ этому обществу не смотря на то, что вы были огорчены агентами этого общества и нескромностію и наглостію ихъ. — Если же ваше пресв-во признаете за нужное допустить

(*до производства?*) этой торговли не только нашихъ подданныхъ, но и всѣхъ другихъ, мы убѣдительно просимъ, чтобы вы великодушно (*избавили*) товары и имущества нашихъ подданныхъ отъ всякихъ пошлинъ и сборовъ — — — — — также чтобъ вы не оскорблялись если мы воспрещаемъ эту торговлю тѣмъ, кто не принадлежитъ къ тому обществу и по закону наказываемъ ихъ за оную. Ибо у насъ обычай предоставлять привилегію на плаваніе какимъ либо путемъ только тому обществу, которое первое откроетъ этотъ путь, и наказывать тѣхъ, кто будетъ стараться нарушить таковую привилегію. И въ этомъ отношеніи, точно также какъ вашему пресв-ву угодно, чтобы ваши подданные вамъ повиновались, справедливо, чтобы и наши подданные покорялись намъ и законамъ нашимъ.

Для того же, чтобы вамъ извѣстно было, кто изъ нашихъ подданныхъ принадлежитъ къ обществу и кто не принадлежитъ, имена первыхъ, изложенныя на письмѣ, будутъ переданы вашимъ депутатамъ, чтобы — — — — — они хранились въ Москвѣ въ вѣдомости. Согласно съ этимъ установленіемъ можно будетъ явно усмотрѣть, кто изъ нашихъ подданныхъ производитъ торговлю съ милостиваго нашего разрѣшенія, и кто вопреки нашихъ повелѣній ослушается и не повинуется — — — — — въ особенности мы просимъ, чтобы за долги тѣхъ, кто намъ ослушенъ, не подвергать взысканіямъ общество или кого либо изъ общниковъ.

Наконецъ, чтобы дѣла рѣшились между вами, братъ нашъ любезнѣйшій, и нами спокойно и благодушно и чтобы теченіе нашей дружбы и сношенія нашихъ подданныхъ возъимѣли вѣчное продолженіе, благоволите ваше пресв-во царскою милостію признать (*агентами?*) Роберта Пикока и Ивана Чаппеля съ ихъ слугами и прикащиками, которые находятся нынѣ въ опалѣ вашей, и освободить задержанные ради сказанныхъ Роберта и Ивана товары и имущества нашихъ купцовъ. Также, дозвольте, чтобы они сами и ихъ прикащики и слуги приходили съ имуществами и товарами общества къ пристани Св. Николая ранѣе прибытія кораблей, какъ они обыкновенно дѣлали каждый годъ. Такимъ образомъ эта торговля между нашими подданными будетъ процвѣтать съ великою пользою

для нашихъ государствъ: и мы, съ готовностію сестры, будемъ всегда взаимно оказывать вашему пресв-ву всякія услуги величайшей дружбы.

Молимъ всеблагаго и всевысочайшаго Бога, неба и земли Создателя, да хранитъ ваше пресв-во на многія лѣта невредима и цвѣтуща.

Дана въ королевскомъ дворцѣ нашемъ Гринвичѣ 23 дня мѣсяца Марта въ лѣто Спасителя нашего Іисуса Христа 1585-е (1586), королевствованія же нашего въ 28-е.

№ 59. — 1586 Mart. 24.

Elizabetha Regina Serenissimae Orine Russiae Imperatrici.

Serenissima et potentissima princeps amica et soror charissima.

Singularis, quae de insigni vestra prudentia virtutibus rarissimis et moribus tanta principe vere dignis fama circumfertur, crebro etiam sermone praestantis viri doctoris Iacobi medici nostri confirmata, facit ut ser-tem vestram vero animi affectu amemus, eique fausta et foelicia omnia ardenter optemus. Ideoque de valetudine et incolumitate vestra non sollicita esse non possimus. Itaque non solum (quod nobis amanter petiit) obstetricem expertam et peritam misimus, quae partus dolores scientia leniat, sed medicum etiam nostrum qui nostram valetudinem curare solebat, praedictum doctorem Iacobum una mandamus, hominem vobis antea cognitum, fide plenum ut medica arte, in qua excellit, obstetricis actiones dirigat, et vestrae valetudinis fideliter inserviat. Cupimus etiam vehementer, non in hiis solum sed in aliis etiam omnibus quae ser-ti vestrae placere possunt, sororio animo libentissime gratificari. Quam Deus Opt. Max. etc.

Datum e regia nostra Grinvici, die mensis Martij xxiv, A. D. MDLXXXV (i. e. 1586), regni vero nostri xxvij.

№ 59. — 1586 Март. 24.

Королева Елисавета пресвѣтлѣйшей Иринѣ Царицѣ Русской.

Пресвѣтлѣйшая и могущественнѣйшая государыня, другъ и сестра любительнѣйшая.

Необычайная слава, распространившаяся объ отличномъ разумѣ вашемъ, о рѣдкихъ добродѣтеляхъ и качествахъ истинно достойныхъ столь великой государыни, и часто подкрѣпляемая рѣчью отличнаго мужа доктора Якобія, содѣлываетъ, что мы отъ искренней души любимъ ваше пресв-во и пламенно желаемъ вамъ всякаго поспѣшенія и благополучія. Также не можемъ не озабочиваться о вашемъ здравіи и невредимости. По этому мы не только посылаемъ, какъ у насъ было просимо, искусную и опытную повивальную бабку, которая искуствомъ облегчаетъ страданія родовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отправляемъ и нашего врача, который обыкновенно заботится о нашемъ здоровьѣ, вышесказаннаго доктора Якобія, человѣка уже вамъ прежде извѣстнаго и исполненнаго увѣренности, что врачебнымъ искуствомъ, въ которомъ онъ превосходенъ, онъ будетъ руководить дѣйствіями повивальной бабки и навѣрно принесетъ пользу вашему здоровью. Чрезмѣрно желаемъ, чтобы мы съ сестриною любовью могли наилучше угодить вашему пресв-ву не только въ этомъ дѣлѣ, но и во всякихъ другихъ, которыя будутъ вамъ угодны. Да сохранитъ ваше пресв-во Всеблагій и проч.

Писано въ нашемъ дворцѣ Гринвичѣ, 24-го дня мѣсяца Марта, лѣта отъ Р. Х. 1585 (1586), королевствованія нашего въ 27-й годъ.

№ 60. — 1587.

Борисъ Θедоровичъ Годуновъ Еремѣю Горсею.

Отъ Бориса Θедоровича Годунова намѣстника (?) всея Россіи и царей (?) Казанскаго и Астраханскаго, главнаго совѣтника, бояриня конюшаго; наслѣдпаго князя области Важской и проч.; тебѣ, Еремѣю Вилліамовичу, низкій поклонъ. Будь ты, мой добрый Еремѣй, здравъ.

Даю тебѣ знать, что королевна Елисавета Англійская, ея сановники и бояре недавно писали мнѣ грамоты весьма непригожія и весьма неприличныя, смѣшивая въ нихъ дьяка со мною, что немалая поруха моему княжескому достоинству и чести, какъ тебѣ вѣдомо; что мнѣ весьма прискорбно. И писали также въ тѣхъ грамотахъ, будто я не уважилъ и не защитилъ королевниныхъ гостей, а допустилъ всѣхъ чинить имъ неправды и обиды. Тебѣ, Еремѣй, извѣстно какъ я себя велъ, какъ я защищалъ ихъ ради королевны Елисаветы, и во вниманіе къ ея добротѣ и милости молилъ за нихъ царя, который для меня пожаловалъ ихъ повольною грамотою, каковой никогда доселѣ имъ жаловано не было, чтобы ни съ нихъ, ни съ ихъ товаровъ не брать никакой пошлины ни въ какомъ мѣстѣ сихъ областей; помиловалъ Роберта (Пикока), простилъ его вины; во всѣхъ мѣстахъ объявилъ свою милость; повелѣлъ уплатить имъ всѣ спорные долги; и оказалъ многія другія милости хорошо извѣстные тебѣ, любезный Еремѣй. А потому я, по неудовольствію, на сей разъ не отвѣчалъ на грамоты королевны Елисаветы, ея сановниковъ и бояръ; но, съ Божіею помощью, буду писать имъ потомъ подробно мои мысли и то, какова была моя любовь и дружба къ королевнѣ Елисаветѣ и къ ея подданнымъ.

А пока, я послалъ къ тебѣ, мой добрый Еремѣй, съ Францискомъ (Черри) въ знакъ продолженія моей къ тебѣ благосклонности, пару соболей и кусокъ золотой парчи: носи ихъ ради меня.

№ 60. — 1587.

Boris Fedorowich Godoonoff to Jerome Horsey.

From Boris Fedorowich Godonoba, lyfetenante generall (?) of all Rushea and of the emperores (?) Causan and Astracan, cheefe counselor, mastere of the horse, prince inheritore of the regyon of Vaga, etc., unto thee, Jerom, the sonne of William, genthman, lowe sallutaciones. Be thou, my good Jerom, in helthe.

I lette the understand that queene Elysabethe of England, hir dukes and noble mene, have written letteres unto me of late most unseemly and very undecente, joyninge the chauncelere with me thearin, which is no small disparragemente unto my princely dignety and honore as thou knoweste, which is to me very greevos. And have also written in the same letteres that I have not respected nor protected the queenes marchants, but suffered them to be boughte and sould and injured of all people. Thearfoare to thee, Jerrom, that knoweste unto whom I reporte me, howe I have defended them for queene Elizabethes sake, and in regard of hir goodnes and favore did intreate the emperore for them, who thoroughe my means hathe graunted unto them free previliged letteres that no custome whatsoevere shalbe takene of them nor of their goodes in no place of theis domynyones, suche as never have byne graunted heartofoare; shewed mercy uppon Robarte (Peacock), pardoned his offences; proclaymed his gracious goodnes in all places; comaunded payment of their doubtfull deptes, and many other favores welle knowne to thee, my loving Jerom. Wherfore I have not answered queene Elizabethe hir dukes and noble men their letteres at this tyme, for displeasure; but, God willinge, I will write unto them hearaftere thoroughely my mynd, and what my love and frendshipe hathe bynne unto queen Elyzabethe and hir subjectes.

In the meane tyme I have sent to thee, my good Jerom, in tokene of the contynuance of my good will towardes thee, by Frauncys (Cherry), a paire of sables and a peece of clothe of gould, which I will thow weare for my sack.

№ 61. — 1588 Jun. 6.

Elizabetha Theodoro.

Serenissime princeps, frater consanguinee, et amice charissime.

Duas a ser-te v-tra literas, vnam per Hieronimum Horsey, alteram per Franciscum Chery subditos nostras magna nostra cum voluptate nuper accessimus, easque in linguam nostram traductas legimus perlibenter, simul etiam eodem tempore munera per Hieronimum nobis tradita, et amplissima mercatoribus nostris regali vestra benignitate indulta privilegia recepimus. Quae nobis omnia mirifice grata ac iucunda extiterunt, eamquae letitiam attulerunt quam verbis vix possumus explicare. Tantam enim amoris v-ri in nos abundantiam pretiosissimi thesauri loco nos semper habebimus eamque mutuis omnibus officijs promereri accurate ac diligenter, dum vita suppetit, elaborabimus.

Cum vero hoc arctioris amicitiae inter nos foedus ictum iam sit, non abs re fore putamus, si priores v-trae in subditos nostros conceptae offensiones penitus deleantur nec earum memoria literis nostris deinceps objiciendo vel respondendo refricetur; tantum petimus ne statim fides temere de mercatoribus nostris querentibus adhibeatur neue pena illis ceu mulcta prius infligatur quam causa legitime examinata et probata fuerit. Speramus enim (idque illis firmiter iniunximus) ita se eos modeste gesturos, vt nihil ne cogitatione quidem tentaturj sint quod iuste a statu aut magistratibus vestris puniri debet.

Quo autem omnes felicius in futurum procedant. vestraque ser-tas intelligat quantopere nobis haec regalis privilegiorum nostris concessio grata extiterit, misimus hoc tempore praestantem virum D. Egidium Fletcher supplicum libellorum nostrorum magistrum qui de confirmando ac stabiliendo hoc inter nos fraternae amicitiae foedere tractet, tum etiam vt de privilegiorum concessorum observatione transigat, et demum vt certa commercij ratio qua veluti norma tota vtrinque negotiatio div . . . tur constituj possit. Cui vt ser-tas v-ra omnem fidem adhibere velit maiorem in modum oramus.

Quia vero in parte literarum ser-tas v-ra nos monet vt subditis nostris generatim hanc — — — negotiandi potesta — — — eandem in memoriam revocan — — — in prioribus nostris literis scripserimus in illis enim perspicue ostendimus, societatem hanc per. . . . um ab antecessoribus nostris Angliae regibus — — — — — — apperuisse — — — rum impensis multorum etiam profusa vita constituta sit, nec proinde aequum esse ut alij qui nihil in id impenderint, nec quicquam ope — — — — — — — entur. Nec enim nos sine iniuria concessa illis privilegia revocare aut irrita facere possumus, nec coeteri nostri subditj (habita obedientiae ratione) id a nobis iure expectare — — — — — archij creditores et hanc societatem attinet, plane non dubitamus quin ser-tas v-ra cum intellexerit eundem Antonium cum subditis vestris contraxisse, nec conscio nec approbante — — — — negotia exercerent prohibente, nihil hoc societati praeiudicare debere statuet, nec eam de Antonij debitis vllo iure obligari posse. Quod etiam privilegium ab ijs qui auctoritate apud impera — — — — — — pollebant eidem Antonio concessum vt Astracanam et Siberiam navigare possit, euidenter declarat: quo liquide ostenditur, eum a societatis numero distinctum, et plane pro non socio habitum fuisse. Qu — — — — ne deinceps hanc litem renovari potiatur et novus iste amicitiæ, et commercij cursus sublatis litibus tanto alacrius procedat.

Similiter etiam petimus vt Ioannis Chapeli bona antea oblata (quorum — — — ddita est) integre nunc demum res-

titeantur, ne vlla occatio interrumpendae huius institutae necessitudinis per speciem prosequendarum litium offeratur.

Et quoniam ser-tas v-ra literis per Franciscum Chery missis pe — — — nos admonuit, agentes et factores huius societatis qui in Russia nunc comorantur parum esse idoneos ad res istic agendas, ideoque nobis consilium, dat vt aliquem è familia nostra probum ac prudentem virum et rerum usu peritum mitteremus, qui de interiorj ac fraterna amicitia constituenda ac fovenda ageret, simul etiam res, et rationes totius commercij moderetur, et lites componeret, hoc nos consilium secutae unum ex multis delegimus antea nominatum et nobis probatum virum Egidium Fletcherum supplicum libellorum nostrorum magistrum: cui hoc munus imposuimus, vt de perpetuo amicitiae foedere tractaret, et de privilegiorum vsu, et commercij ratione ageret, qui cum antea saepe in obeundis legationibus apud confederatos nobis principes operam suam nobis summe probavit, non dubitamus quin s-tas v-ra expectationi plene itidem satisfaciet. Eum igitur vt ser-tas v-ra benigne audiat, eique in omnibus fidem adhibeat valde ac serio iterum rogamus.

Atque etiam pro primario eius societatis agente de consilij sententia Augustinum Fulckes constituimus prudentem hominem iustum et honestum, tum etiam ad eos regendos aptum qui eius subijcientur auctoritati. Eum itidem quo res rectius administret vestrae benignitati de meliori nota commendamus.

Cum vero multi ex ijs qui pro hac societate negotia istis gesserunt, non statim in Angliam reverti possint donec gesto negotiationis rationes reddiderint, aliquantulum temporis eos tolerari expetimus, quod legatus iste noster singula examinarit, et ortas controversias diremerit, statumque commercij rite ac legitime constituerit, quod cum factum fuerit, statim eos in Angliam per eum remitti iussimus, et nisi paruerint eos auctoritate vestra coerceri, et inuitos huc amandari efflagitamus.

Idipsum etiam fieri optamus, si postquam legatus iste noster a ciuitate vestra Mosco discesserit, vlli nostri mercatores agentis iussui refractarij et inobedientes inueniantur, et se qui alij

subditi nostri, cum eius societatis non sint, eorum commercijs sese ingesserint quos omnes in Angliam vestro imperio remittj maiorem in modum rogamus.

Postremo cum Hieronimus Horsey allatis vestris ad nos literis, et donis, atque etiam privilegijs à ser-te v-ra, charissimo fratre indultis, tam gratae legationis causa valde nobis acceptus fuerit, et tamen propter quorundam querelas quae contra eum exhibitae fuerunt, seipsum ex regno nostro, secreto nobis inscijs subduxerit, huic nostro legato in mandatis dedimus, vt eum officij commonefaciat, et in Angliam statim redire iubeat, vt de ea controversia consiliarij nostri quod iustum, et equum videbitur, statuant. Miramur enim non leviter eum tam inconsulto discedere voluisse, nec ijs subditorum nostrorum controversijs ser-tis v-rae aut consiliariorum esse putamus.

Quod restat ser-tem v-rum omnia amantissime sororis officia à nobis continenter expectare volumus, quam foelicissime valere, ac diutissime florere ex animo optamus.

Datae in Regio nostra Grinvicij die mensis Iunij vj-to. Anno Domini MDLXXXVIIJ-VO. Regni vero nostri xxx-mo.

№ 61. — 1588. Іюн. 6.

Елисавета Ѳеодору.

Напресвѣтлѣйшій княже, братъ кровный и пріятель любезнѣйшій!

Дошли насъ отъ вашего пресв-ва двѣ грамоты, одну намъ отдалъ Еремѣй, (Горсей) а другую намъ отдалъ Фрянчикъ Херимъ (Францискъ Черри) наши жъ подданные, и мы ихъ приняли съ великою радостью; и какъ ихъ перевели на свой языкъ, и мы ихъ любително вычли, и въ тѣ же поры Еремѣй мнѣ дары отдалъ и жаловалную грамоту, которую еси пожаловалъ нашимъ торговымъ людемъ, и намъ то учинилось въ ве-

ликую любовь, что намъ такую великую радость принесли, какъ не лзя словомъ изрещи: и мы такую великую любовь вашу учнемъ держати за великій даръ, и о томъ учнемъ промышляти, чтобъ намъ противъ тоѣ любви вамъ по томужъ отработать, коли ужъ промежъ насъ такая любовь ссталася; а и того хотимъ, чтобъ тѣ наши подданные, которые вамъ гнѣвъ принесли, хоти и поучены будутъ, толко бъ впередъ болши того объ нихъ писанья не было; да и того просимъ, чтобъ ваше пресв-во велѣлъ все съ сыскомъ учинити, и въ томъ ся начаемъ по нашему крѣпкому приказу, что они станутъ впередъ смирно жить, а имъ то впередъ прибыточнѣе будетъ.

И нынѣ послали есмя къ вашему пресв-ву чесного человѣка, Елизара Флечера мастера нашихъ книгъ богомолныхъ *), который бы промежъ насъ братцкую любовь укрѣпилъ и о грамотѣ жаловалной, и о торговляхъ о всякихъ и о дѣлехъ о всякихъ прямой договоръ съ вами учинилъ, и о томъ прошаемъ, чтобъ вы ему вѣрили во всемъ.

А что ваше пресв-во ко мнѣ въ грамотѣ пишетъ, чтобъ нашимъ подданнымъ въ государствѣ вашемъ поволно было торговати, и мы то тебѣ припоминаемъ, о чемъ есмя прежъ сего въ грамотахъ своихъ къ вамъ писали, что отъ прародителей нашихъ королевъ Аглинскихъ жаловалные грамоты даваны торговымъ людемъ, которые впервые на Русь дорогу нашли моремъ, съ великими убытки и съ томленьемъ, ино инымъ не пригодитца на Русь ѣздити, которые ся не убытчили и не промышляли тѣмъ первымъ путемъ, и намъ непригожъ тѣхъ грамотъ прародителей нашихъ рудити.

А что въ Онтоновѣ дѣлѣ и о товарыщехъ его и о должникѣхъ, и мы начаемся, что ваше прес-во, услышавъ рѣчи у того Антона (Марша), съ своими подданными его управишь. А что отецъ твой блаженные памяти тому Антону далъ жаловалную грамоту, что ему волно въ Астарахань и въ Сибирь ѣздити, и намъ то вѣдомо, и намъ ся то видитъ, что у товарыщевъ его съ нимъ рознь, и мы о томъ прошаемъ, чтобъ та рознь промежъ ихъ была въ смиреньѣ, а промежъ бы насъ любовь была,

*) Эгидій Флетчеръ, состоящій у принятія прошеній, намъ подаваемыхъ.

также бъ и торговля въ любви была; потомъ прошаемъ, чтобъ Ивану Капелю его рухляди и другая половина отдана была.

А что ваше пресв-во ко мнѣ грамоту прислалъ съ Фрянчикомъ и пріятельскими словы ко мнѣ писалъ про тѣхъ людей нашихъ, которые нынѣ на Москвѣ живутъ, что они къ тому дѣлу не годны, и о томъ еси намъ припомянулъ, чтобъ мы великаго и разумнаго человѣка, который бы былъ къ тому годенъ, прислали къ тебѣ, который бы на крѣпко берегъ промежъ нашего братства и любви, и вѣдалъ бы о всякихъ торговляхъ и всю бъ брань промежъ тѣхъ торговыхъ людей розсудилъ, и намъ то отъ васъ въ великую любовь, изо всѣхъ дѣлъ то есмя полюбили, и послали есмя вѣдомаго человѣка, Елизара Флечера, и приказали есмя ему о вѣчномъ пріятельствѣ, чтобъ онъ вѣчность сдѣлалъ, и о грамотахъ жалованныхъ и о торговляхъ; а онъ прежъ сего бывалъ во многихъ земляхъ у королей и у княжатъ нашихъ порубежныхъ земель и межъ нами перемирье дѣлалъ, и начаемся, что ваше пресв-во его пожалуешь и милостивно его выслушаешь и ему во всемъ повѣришь а мы того просимъ, чтобъ ваше пресв-во во всемъ ему вѣрилъ; да съ нимъ въ товарыщехъ первой по немъ, Августинъ Фулкиштъ, (Фульксъ) человѣкъ прямой и чесной и къ тому дѣлу учиненъ, приказали есмя ему съ нимъ всякіе дѣла вѣдати, потому что тѣ, которые на Москвѣ отъ нашихъ людей торгомъ промышляли, нелзя имъ отъѣхати въ Аглинскую землю, полны дадутъ отвѣтъ въ своихъ дѣлехъ, немного того дѣла будетъ, покамѣста тотъ нашъ посолъ всякаго дѣла развѣдаетъ и брань ту промежъ ихъ смиритъ и торговлю всю прямо уставитъ, а какъ ся то сдѣлаетъ, и въ тѣ поры ихъ въ Аглинскую землю отошлютъ, и мы, смотря по ихъ винѣ, съ ними ся управимъ; а о томъ просимъ, чтобъ такъ учинилося, покамѣста нашъ посолъ съ Москвы поѣдетъ, никаковъ бы нашъ подданной Англичанинъ съ Москвы не отъѣзжалъ, чтобъ ослушалниковъ нашихъ нашли; а будетъ иныхъ подданныхъ нашихъ, ихъ товарыщевъ, тутъ нѣтъ, и вы бъ, по нашему прошенью, тѣхъ сыскали и съ товары ихъ прислали къ намъ въ Аглинскую землю.

А послѣднее просимъ о Еремѣѣ (Горсеѣ), какъ отъ вашего пресв-ва, нашего любезнѣйшего брата, отдалъ намъ ваши по-

минки и жаловалную грамоту, добрѣ было намъ за честь то посолство, да не вѣдомо для какіе притчи тайно изъ нашего государства выѣхалъ, и приказали есмя своему послу, чтобъ исполнилъ его дѣло явно и въ Аглинскую бъ землю его прислалъ, чтобъ наши думные люди, чего онъ доведетца, то бъ надъ нимъ и сдѣлали; а тому ся добрѣ дивимъ, что онъ дуракъ такъ сдѣлалъ, и въ той брани начаемся, что онъ вашего пресв-ва ближнимъ людемъ много докуки чинилъ. А сверхъ того вашего пресв-ва сестра о томъ Бога молю чтобъ Господь Богъ ваше пресв-во сохранилъ здрава во многіе лѣта.

Писана въ королевствѣ нашемъ, въ городѣ въ Грипвицѣ, Іюня 6-го числа, лѣта 1588, государства нашего 30 лѣта.

№ 62. — 1588 Jun. 6.

Q. Elizabeth to B. F. Godoonoff.

Right noble prince, our very good and loving cousin.

The letters which you sent to us with Jerome Horsey were very agreeable to us, and the presents which you sent to me at the same time with the said Jerome were also very agreeable And we were given to understand the great love that your Lo: bears unto us; and we were acquainted by the letters of our brother the emp. that you are the chief protector of our subjects, and that it was at your request that letters of privilege were given to them. As also in the preceeding year, when we did send Francis Cherry to our most loving brother the emp. you did grace him with your great favour. And we return you great thanks therefore.

And whereas your Lo: wishes that we should let subjects of other countries pass into Russia and should not in any way hinder their free trade into Russia. Although we could prevent their passage, however we will, according to your request, graciously consent not to hinder them and let them pass at liberty

into Russia by the sea passage, which was first discovered by our subjects at their great charge. And we of our great favour grant it at your request.

And whereas your Lo: requests us moreover, that all our subjects, even those who are not in the company, might be allowed also to come to Russia and have full liberty to trade there; we would not stand upon this point and would have accorded it, were it not that we have heretofore granted our letters of privilege to those who were the first to find a new passage to all kingdoms. And your Lo: yourself knows how serious it is to give letters of privilege and then to infringe them, and that it would not be possible for us to do it.

And we request your Lo: to give order that inquiries should be made about Anthony Marsh and about his debtors and their company, and about Anthony's pretended debts and about the goods of John Chappel, which have not been all delivered, and we hope, that you will, at our request, give order that they should be all delivered.

And whereas we desire to put an end to disturbances and increase and strengthen our love and amity with our most loving brother the right mighty emp. of Russia, we send for this purpose into Russia the noble person Giles Fletcher our master of requests, to whom we have given order to conclude upon all matters and upon love and trade; and I greatly request your Lo: to favour him and to grant him access unto you and to give him credit. We request your Lo: in like manner about Austin Fulckes, whom we send now as chief agent, to favour him and to keep him under your protection, and we know for certain that he will serve you honestly and uprightly in all things. And lastly we greatly request you to give hearing to the speeches, which shall be spoken by Giles Fletcher, whom we send to Moscow.

And thus we bid your Lo: farewell.

Given at our palace of Greenwich the 6th day of June A. D. 1588 and of our reign the xxx-th.

№ 62. — 1588. Іюн. 6.

Елисавета Б. Ѳ. Годунову.

Пресвѣтлый княже и кровной намъ пріятель любительнѣйшей!

Добрѣ намъ любителны твои грамоты были, которые еси къ намъ прислалъ съ Еремѣемъ Горшемъ (Горсеемъ), таково же и дары твои, которые еси ко мнѣ въ тѣ жъ поры прислалъ съ тѣмъ Еремѣемъ, добрѣ были любителны, и вызнали есмя съ вашего *величества* *) великую къ себѣ любовь, и въ грамотахъ есми напресвѣтлѣйшего брата нашего царя то узнали, что ты въ началѣ нашихъ подданныхъ бережешь и за твоимъ печалованьемъ грамота имъ жаловалная дана. Также и прошлого году, какъ есми посылала Франчишка Хера (Черн) къ царю, къ брату нашему любителнѣйшему, и твое в-во его безмѣрнымъ своимъ жалованьемъ жаловалъ, и мы тебѣ за то слушне много челомъ бью.

А что в-во твое у насъ того хочетъ, чтобъ иныхъ государствъ подданыхъ мы позволили пропущати на Русь, чтобъ есмя имъ ничѣмъ не мѣшали, чтобъ имъ на Руси волно было торговати; и хотя бъ намъ мочно то сдѣлати, ихъ не пропущати, и мы, для твоей просбы, то любително учинимъ, что ихъ не замаемъ и на Русь ихъ станемъ черезъ море пропущати волно тою дорогою, которую первое нашли наши подданые великими убытки, и мы то любително для твоего прошенья сдѣлаемъ.

А другое чего ваше в-во у насъ прошаешь, чтобъ всѣ подданые наши и тѣ, которые не съ ними въ товарыщехъ, ѣздили бъ на Русь и тамъ бы имъ волно было торговать; и намъ было за то нечего стоять, мочно было намъ то все сдѣлати только бъ мы прежъ сего не дали жаловалныхъ грамотъ своихъ

---

*) Во всемъ переводѣ этой грамоты Борисъ Ѳеодоровичъ титулуется величествомъ очевидно вмѣсто владѣтельства, титула лордовъ — Lordship.

тѣмъ, которые преже нашли новую дорогу во всѣ государства; и ваше в-во самъ вѣдаешь, что такое великое дѣло, что давъ жаловалные грамоты, да ихъ порудить, и намъ того сдѣлати невозможно.

А о томъ у твоего в-ва прошаемъ, чтобъ еси велѣлъ сыскати про того Онтона Мерша и про его должники съ товарыщи, и о непрямомъ долгу Онтоновѣ и о животахъ Ивана Капеля, (Чапеля), которые не всѣ отданы, велѣлъ бы еси сполна отдати, и начаюсь, что ты для нашего прошенья то сдѣлаешь.

А что намъ лутчи будетъ развѣе то, чтобъ намъ поукротить брани, а болши того бъ любви прибавити и миру съ братомъ нашимъ любителнѣйшимъ и насилнѣйшимъ царемъ Русскимъ и укрѣпить бы, послали есмя того для чесного мужа Елизара Флейчера на Русь, мейстра нашихъ книгъ богомолныхъ (*нашего секретаря у принятія прошеній*); и тому есмя приказали о всѣхъ дѣлехъ постановити о любви и о торговлѣ; и ваше бъ в-во его жаловалъ и его къ себѣ пустилъ и ему вѣрилъ, о томъ тебѣ много челомъ бью. А также о Августинѣ Флюцесѣ, (Фульксѣ), которого есмя въ болшихъ гостѣхъ нынѣ послали, просимъ у вашего в-ва, чтобъ еси его жаловалъ и былъ бы подъ твоею обороною, а мы то дополна вѣдаемъ, что тебѣ во всѣхъ дѣлехъ чесно и прямо станетъ служити. А болшое послѣднее просимъ, чтобъ еси Елизара Флечера, которого есмя послали къ Москвѣ, выслушалъ бы еси его рѣчь, что онъ станетъ говорить. И живи счастливо.

Писана въ вотчинѣ нашей въ Гринвицѣ, мѣсяца Іюня 6-го дня, лѣта отъ Рождества Христова 1588, королевства нашего 30-го.

№ 63. — 1589 Jan. 15.

Elizabeth to Theodore.

We received your letter, which was brought by your interpreter Reginald Beckman and in which are written many complaints about our merchants who traffic in your empire and countries. — First you complain that our merchants owe many debts to your treasury and to your subjects; and there was sent a schedule of those debts drawn out under the hand of your chief secretary Andrew Schelkaloff, and the said schedule was given by your interpreter to our counsellors. — Your ma-ty complains also of our factors and of our merchants that they do not behave well in your empire, practise, and send their letters into other kingdoms about your kingdom, intending to destroy the peace and instigating to invasion of your kingdoms. You write also about John Chappel that he came into your empire under pretence of being an Englishman and a servant of the company, whereas he is a Lubecker, and that he lived in your kingdom as a spy sending letters and communications to Reval, to the kings of Sweden and Denmark, prejudicial to your empire, and that he deserved death for this, but that you spared him and had him not put to death for our sake. — And you write also, that Robert Peacock and Jerome Horsey have written letters to the effect that the sea passage to your kingdoms should be intercepted for all strangers, so that our merchants might alone come by it; and that they have written many other things, not beseeming men who live in foreign kingdoms. — And that Robert Peacock and John Chappel and William Trumbull and Jerom Hersey and Anthony Marsh are all villains and ought not to live in any country. And you declare unto us that all the debts, which are put on the account of our merchants in your letter and in the schedule drawn out under the hand of your h.s secretary (the which are debts contracted by Anthony Marsh and for which he gave bills for himself, and some bills for Eng-

lish merchants his companions); and that Anthony Marsh said before your secretary that he Anthony contracted these debts for our merchants, wherefore your h.s gave order to recover these debts out of the goods of our merchants; and to make it manifest to our counsellors how your counsellors did judge in this matter your h.s sent unto us a schedule about all this matter under the hand of your secretary, and have also sent the said Anthony Marsh with the said interpreter, in order that he might be confronted with Robert Peacock and John Merrick, that this matter might be thoroughly investigated before our counsellors.

And you write also in your letter to us, most loving brother, that you granted your gracious letters of privilege to our merchants at our request, and that there was never greater freedom given to our merchants in the time of your father of famous memory; and that we must therefore keep amity with your lordship and unto your subjects and that our merchants to whom such freedom has been given must not repel from your empire such strangers as shall be willing to come with merchandize to you, and must also not hinder other merchants of our kingdom, who are not of the company, who shall be willing to trade in your empire with your subjects.

And lastly it is written in your said letter, that you have with your counsellors taken a resolution and prohibited throughout all your kingdoms that any wax be exported out of your empire unless it should be exchanged for saltpetre, gunpowder, brimstone or lead; and that we should give order to our merchants to bring a great store of these commodities into your empire, that they might exchange them with your merchants for the wax, which is to be found in your countries.

And to all these articles, by order as they are written in your letter, we will give such answer, as may appear the answer of a princess, who wishes for your love and amity.

First that all the sums which are written in your letter and in the schedule are exacted as due by our merchants, who have freedom to trade in your empire; we marvelled at such a complaint of your ma-ty about our merchants, that

they are indebted for such great sums of money and will not pay them; only we remembered that they often complained to us and to our counsellors and worried us about some of their factors and servants, whom they sent into your countries, not behaving well towards them, because they sought their own advantage to the prejudice of the company, whom they served; and we knew at once that in this matter there was some great villainy or some invention in the request, and to make the matter truly apparent, we gave order to the great treasurer of England lord Burleigh and to lord Buckhurst and to our chief secretary Francis Walsingham (three of our privy counsellors) to investigate this matter, and to enquire of our merchants how could it have so happened that so great and famous a prince brought against them such a complaint, that they will not pay their debts, which are due by them in the Russian land to the great dishonour of ourself and of all our subjects. But according to our order, our counsellors confronted many of our merchants with your interpreter and with Anthony and with John Merrick; Robert Peacock not being then in our kingdom, as he is now in the Eastern parts in Germany for his trade. — And first they began to question Anthony Marsh and told him that he must tell them what is the reason that there are so many bills on their account written in the schedule and how did it happen that he gave those bills under his hand for the company while the chief agent and factor was himself at the time in your empire; and besides they asked him was it known to the company that he contracted debts; and they ordered him to write down and to sign with his hand how and in what manner it came to be known by the company. — And Anthony Marsh, knowing that he was to answer to our councellors and understanding that they were apprised of his trade in Hamburgh and Lubeck and in other places and of his having separated himself from our merchants in this trade; and furthermore knowing that they could prove upon what he and his associates who were not of the company, had laid out the great sums of money which are written in the schedule and

that many of those debts ought not to be paid; he proffered to them the request, that they would give him a list of the said schedule of the said debts word for word, as it is written in your letter and in the schedule; and he promised to write a true answer, how much of those debts are to be paid; and they gave him the said list out of the schedule, according to his request, and gave him time thoroughly to write it all out. — And after some time Anthony Marsh delivered a writing and an answer about this matter, as he willed it himself; and when his writing was ready, he was summoned to the presence of our said two counsellors, our treasurer and our secretary and he delivered to them his writing and a bill under his hand of all the said debts against your schedule; and we have sent his said writing to your ma-ty with the same bearer of this our present letter that your counsellors might read and understand the said writing. — And it appears from the said writing, that our company will have nothing to pay, but that the said debts are due only by Anthony himself, and that some debts are unjustly put to his account, and some debts have been paid by your officers out of his goods, which are in the hands of your secretary; and that part is to be paid by William Trumbull for his own special account. — And it appears from the answer of Anthony, that he is to pay his debts himself, and that the said debts may be paid out of his goods, which have remained in the hands of your secretary; and those goods exceed what is due from him to anyone. And our counsellors took his answer in writing, and wished to know how it came to pass that he had credit and also to know the reason why these debts are first of all demanded and made suit for: and our company made them known and the said Anthony Marsh declared himself that there had been given to him by your ma-ty special letters of priviledge permitting him to go and trade by himself to Astrakhan and to Petchora and to other places; and that in these letters of privilege he was set apart from our company; and that it was well known to your officers and merchants that you had bestowed on him

your great favour and had given him your free privilege under your seal, and therefore he had such credit and not for our merchants sake. — Furthermore it is known to our counsellors that they have thoroughly found out that your merchants first sought these debts from Anthony Marsh and for a long time brought complaints against him alone, and not against the company; and that they requested also that your ma-ty would order his goods to be taken for their payment; and that according to their request his goods have been taken, and out of them there have been paid to your ma-ty's lord Boris Fedorovich 4.000 roubles, and to others also payment has been made. — And about the said goods Marsh himself told our councellors ,and it appears from his petition which he presented to your counsellors in which he asked that the said goods should be taken out of the hands of your secretary, as your ma-ty's said secretary has in his hands 10.000 roubles; and our merchants informed our counsellors, that the said Anthony had himself presented a petition to this effect to the lord Boris Fedorovich and to others of your counsellors, and that in this petition mention was made not only about his goods, which were in your secretary's hands, out of which your merchants and your other subjects might have been paid, but it was also notified therein, that the debts which are required from him were his own special debts, and that he durst not require his goods from your secretary, because he is a great man in office. — Anthony Marsh gave our counsellors the copy of this petition, having translated it into English and we send it with the present messenger to your ma-ty, as it has been written unto you, and we demand from your ma-ty redress according to this petition. — Our counsellors did also find out in this matter that Robert Peacock our agent, at the time when he was in Russia and heard that the said Anthony had contracted debts to your ma-ty's subjects of Moscow, had made known to your secretary and to others, your officers, that the said Marsh had in your kingdom at the mouth of Cola a ship laden with merchandize, and in order that his debts should not bring any prejudice or any

dishonour to our merchants they requested that order might be given to take the said ship with the goods; and it was not done according to their request, but your secretary ordered this ship to be dismissed from that place and made some of your Russian subjects, who lived at the mouth of Cola, let the said ship depart from that place to Hamburgh. — And if the said ship had been taken at our merchants request, it would have been possible to pay all the debts that were true debts, and by this reason it may be presumed that your ma-ty's officers had wherewith to pay the debts, that were due by Marsh, without dishonour to our merchants; and we know for certain that they would not for such a trifle bring dishonour upon our land, and we marvel that your subjects have ceased to claim from Anthony Marsh and claim from our merchants and require payment from them, although they did not trade with them; and besides, that Anthony's goods which have been taken are still secretly kept by your officers who do not pay his debts. Therefore we beg your ma-ty for the sake of the love and amity which existed between your father of famous memory and us, and which has now been renewed between your ma-ty and us, to order your royal and most honorable brother in law Boris Fedorovich that this matter should be thoroughly investigated by other counsellors, such men who be favourable to our merchants, because our-merchants have none of the said goods, and that the said debts should be exacted from those who owe them. And if Anthony Marsh can prove what is to be paid out of those debts, order it to be exacted from him that it might not fall on our merchants. — It is not right that for the sake of one single Englishman, who lived in Moscow without being a factor of the merchants or anything to them, our merchants should have to pay all the debts, which he shall acknowledge to be due by him; seeing this, evilminded men may connive with him to say anything they please about our merchants, and all such debts shall be exacted from them. — And it appears from the bills which Anthony Marsh gave under his hand, that some of those bills were written at the time when Robert

Peacock lived at Moscow as agent and it was known to all your ma-ty's merchants of your city of Moscow, that the said Robert Peacock was the agent of the company and did not know of these debts, and those who trusted Anthony did not tell it to him (Peacock), because they privily agreed between themselves, and kept the matter secret, and did not tell it to him, although he asked them how much Anthony owed to them, and they did not say to him anything about it. — Most gracious prince, it is known to you, that our company suffered losses to the amount of many thousand roubles through the petty tradesmen and merchants of your kingdom, but they endure it as if they did not owe them any debts; and men who behave in such manner may be credited; and may it please your h.s to cancel these debts, on account of what was owing to our merchants by your father of famous memory for the goods he took from them *) and other losses, for which they were not paid, as they themselves declare to the amount of no less than 60.000 roubles. — And our counsellors after having investigated and sought out the said debts, have come to know that however much Anthony Marsh may be indebted, there is no reason to exact it from our company. Anthony says about the said debts that he gave the said bills of debt in his name, as it is written in his schedule, which is sent with this present letter and which is in his, Anthony's writing together with his petition which he presented to your ma-ty about his goods, that he might pay his debts and the copy of this petition word for word is sent together with the said schedule of account; and it is written in the same, that he is indebted to your subjects in his own special trade, the which appears in his petition which he presented against Robert Peacock and against William Trumbull. There is also written in

---

*) *verbatim* (according to the Russian, very imperfect translation) «the old debt, which was taken to our merchants on your father of famous memory, which he took from them» etc. It is evident that this passage refers to the confiscation of Glover's goods and of the goods of the company at Vologda which is mentioned in czar John's letter dated 20 Aug. 1574. (*vide supra* *№ 36*).

the said schedule how many wares he had prepared, for the Western parts and for the Spanish land *(i. e. Germany and the Netherlands)*; and he declared also how much profit he would have had, if only his wares had returned therefrom; and that the said debts for which he is indebted are for the said particular wares,and according to his account they are all his own special debts and all the said debts might have been paid out of his ship and his goods, if this ship had not been allowed to depart at the time when Robert Peacock petitioned to detain it; and in this matter the fault was that of your officers, who might have given an order to this effect. — And we expect therefore that your ma-ty, taking advice with your wise counsellors, will liberate our company from these debts so that in future they should not be required from them.

And whereas you write that Robert Peacock and John Chappel not only did not behave well, but as if they made treasonable practices against your ma-ty's kingdoms and dominions, and as if they sent letters and information into other kingdoms on your frontiers to those, who were enemies to your ma-ty; and you write that you will make it known to our ambassador or to our messenger, when they shall come to you, and if there comes no ambassador you will leave it till another time. We have now received your letter, and what is written therein, the former complaints against the said Robert Peacock and against John Chappel and futhermore a complaint against all those our subjects, who live in Russia and whom you call villains—we have understood, that your ma-ty's said letter refers to the schedule, the which schedule was written by your secretary in order to impeach them; and as in your ma-ty's letter there is frequent mention made of their faults, we expected that there would appear to us some grave offences, for which we should have to pray your ma-ty to have mercy upon them for our sake. Therefore we ordered our counsellors to examine the said schedule that we might be apprised of their offences; they examined all these matters which your secretary had put together and written against them and we found

no grave affairs which touched the disturbance of the state of your ma-ty, neither anything of such matter as ought to be brought to the ears of your ma-ty and for which John Chappel should have deserved death; there has also been no reason to take from him the goods of our company, which were then in his charge. Neither was there reason to put John Hornebie to the torture only for his having been willing to carry his letters about trade. — And the great charge, which was written in the said schedule against John Chappel consisted therein that a man, Richard Ralf by name, was in the service of the agent of the company and writing to a friend, wrote according to his mind that the company had sent the said John Chappel to look into their affairs and to learn well how to spy, meaning thereby that he well understands how to find out their dishonest service to their lords. And for such insignificant letters there was no reason to put a man to death or to send him to prison, or to take from him the goods of the company which were in his charge and not to give them back.

And we have made it known to you by our letters which we sent with Jerome Horsey, and afterwards again informed you that John Chappel is an Englishman our born subject and no Lubecker, and our company sent him into Russia to trade for them; and your ma-ty was informed that he had your free privilege sent to him from Moscow to Yaroslavl and that he had freedom to travel and to live and to trade in Casan; and he traded there without any fraud; and when he came to Moscow; he wished to clear himself from any charge, and of his own free will gave himself up to be put to death, if any one could proffer capital charge against him; and when he returned to England he took an oath according to his Christian religion, that he never had in his mind such a device; and he died here not having lived even three months in his country; and all this for his having laid in prison by which reason his health was impaired and his life was shortened; and he died of grief that he suffered such dishonour and such tortures, at the time when he sought honour by his good behaviour and by his being will-

ing to render service to our company; and there still remain goods, which your officers took from the said John Chappel to the amount of 3,700 roubles; and your ma-ty according to your former privilege promised to give them back; although it is not written in your last letter, still you repeat the same old complaints against the said John Chappel. And therefore we think that some of your officers who have the said goods in their hands slander our company to your ma-ty and devise such things in order to keep the goods of the company for themselves.

And whereas you write in the same letter about other unseemly behaviour and evil practises of Robert Peacock and of Jerome Horsey, that they conspired against your ma-ty: those matters are like the first, because Anthony Marsh complained to your counsellors against the agent of our company and informed against them that they intended to intercept the way to Kholmogory in order that no other strangers might trade to St Nicolas by the way which was first found by our merchants and that therefore he wished to inform against them; and he produced a letter written from Hamburgh by a tradesman Valentyne Palmer in which letter he wrote that William Trumbull came by land from Moscow to Hamburgh and intended to depart for England; and as if William had told him in conversation that he intended to tell to our company to repel the Dutchmen when they shall go to St Nicolas. — It also appears from the said schedule that Robert Peacock wrote letters to the servants of the company who lived in sundry towns and not in Moscow, to intercept all letters whatsoever; but Robert's meaning was to intercept those letters, which were to come to Anthony about trade from Dutchmen or others, to know their evil intent, and what Anthony Marsh intended against our company. As regards the letter written by Valentyne Palmer, although it is written in this letter that William Trumbull told him that he intended to tell to our company, to repel the ships of other countries from Kholmogory, still William never told this to our company who never thought

about such a thing; the said letter only proves that the said Anthony and Palmer traded together at the time when those debts were made, which are written in the schedule. — And as regards Robert having ordered the Dutch letters to be intercepted, it is customary with tradespeople, when they are trading to envy one another about their trade and we do not approve this, that they do it; but those letters were written only about trade, to give notice of the wares that were to come and we do not understand in what this matter can affect your state. — The Dutchmen who live in your kingdom have been the cause of many losses and of dishonour to our merchants in their trade by their coming to trade by the passage which they discovered, and our merchants would not have suffered it, were it not for the sake of the love and amity between us: as they know that we will not permit any restraint as long as your ma-ty will not take from them their former letters of privilege, according to which they do not pay any customs; whilst other strangers pay half the customs. And your ma-ty can understand that our merchants could shut up the passage from others, who trade by this passage because they found out this passage at great cost; and they could have shut up this passage long ago, if we had not prohibited it by our decree. And we take care that the whole universe may know our endeavour to keep unalterable love with you and we expect that there shall be also in future unalterable love without change, if only it is not troubled by evil minded persons, who seek their own special profit and do not care for the honour of their sovereign and the welfare of their country. — And whereas your ma-ty requests that we should give order to our subjects not to intercept this passage and not to repel the strangers who wish to come to trade into your kingdom as well as our own subjects who are not of the company of our merchants, that they might come with wares for trade into your kingdom; we are willing to accord that the strangers who will go for trade with your subjects shall not be hindered, for this we give our word; but with this condition that our merchants who have letters of privileges should be set apart as was written afore.

As for our other subjects who are not of the company it becomes them not to go because our predecessors gave letters of privilege to those merchants and their heirs who found out the passage, in consideration of their great losses in finding it, and we confirmed those letters by act of parliament, and after such solemn confirmation it is quite impossible to withdraw and abolish the said letters.

And lastly whereas your ma-ty writes that you have decreed with your counsellors that you will not let wax be exported into other dominions, except it be exchanged for saltpetre, and gunpowder, and brimstone, and lead, and for this reason you write to us that we should order our subjects to bring you the said saltpetre, and lead, and brimstone; we marvel, there being such love between us, and free trade given to our merchants, that now a new prohibition is made at the instigation of those who do not wish honor to their prince but would annull the former franchises. — And we think that your ma-ty may give order to the agent of our company, and according to his advice our company shall furnish what is to be found in our country; but if we order our subjects to furnish you with such wares, as we receive ourselves from foreign countries and which we keep for ourselves, it will be a loss for us both when those, from whom we buy them, come to know that there is such a compact between us: they will raise the prices and we shall have a great loss therein. According to our mind it would be more profitable that our company trade in those wares and bring them to you without such orders; if you think so, our company will gladly trade in a great many such wares and bring them to your ma-ty if they see your favor unto them confirmed in like manner as it was at the time of your father of famous memery, who not only ordered not to take any customs from them but even not to let any strangers come by the said passage.

And we thank your ma-ty for your great favor unto them and for the privileges and we know that you acted thus for our amity sake and at our request, and not for their own deserts, and we hope that you will confirm the said privileges,

at the time when our ambassador shall be with you, in such manner that in future they shall not be taken from them.

We have also afore this written in many of our letters to your ma-ty that you give order about the servants of our company, who reside with the factors of our company in Moscow and in other places in the dominions of your ma-ty as to what credit is to be given to them, that there should be no disagreements between our subjects about debts and money, as there were heretofore which oftentimes caused annoyance to your ma-ty and to us; — We write again about this matter in our present letter to your ma-ty because it is needful that there should be no disagreement between our subjects. And the matter is that no credit is to be given in Moscow to any servant of the company who lives there with any factor of the company without giving notice to the factor so that in all transactions there be the signature in the factor's handwriting be it in loans or in trade affaires, that the factor of the company might know how to answer for them; and if any one receives a loan without a bill of the factor, or without the factor's signature, then the one who gave credit to the servant must recover from the servant himself and not from the merchants, out of their goods, or these of their factor. — And if such servants of the company, who live at their factor's should be ordered to live in other towns and not in Moscow, the factor must write about such servants to the town where they shall trade, and notify that these servants trade for our company; and this must be registred in your ma-ty's treasury or custom house in order that it may be known to your subjects about such servants and about the factor's writing in which writing the factor of the company must state to what amount the said servant is to be credited; and such names as the factor of the company shall give to register in the books, these names must remain in the books as long as those servants shall not do any wrong. And if the factor find necessary to dismiss anyone in order that he should not trade any more for the company after his name had been inscribed in the books, and the factor gives information about this man, his name is

to be erased from the books; and after that such a person shall have no business in the trade of the company, and the company shall have no business with him or with his trade; in order that no person whatever should colour himself under the name of a member of the company, to whom there was given such a free privilege, were he even to call himself a son of one of those who are written by name in the said letters of privilege, wishing to obtain honor and credit by the name of the said company, that your merchant subjects should not be unjustly defrauded.

Therefore we heartily request your ma-ty to be pleased to order your letters of privilege to be copied anew and given again under your ma-ty's seal that other names may be written than those which are written in the said letters, and that they may be written by the names and titles by which those our merchants are known in England that is the Merchants adventurers for the discovering of new trades. And as for the agent of our company, whom they shall send into the kingdoms of your ma-ty to be chief over all our Englishmen, we heartily pray your ma-ty that you favor him with your protection, order him to be protected that he might be honored in his office and that those over whom he is appointed, should be obedient to him and should not oppose him; and that your ma-ty should give order to your officers that such as shall oppose the agent be not left to live in your kingdom, but be sent thence in your ma-ty's displeasure. And before your ma-ty's letter came to us with your interpreter, we sent unto your ma-ty one of our masters of requests (Fletcher) to confer for our merchants about Anthony's debt and also about the confirmation of the trade of the company according to your ma-ty's former letters of privilege, and we hope that you have afore this heard him with favor and we hope that this matter has been agreably settled. — And we will again return Anthony Marsh to your ma-ty with your interpreter by our next ships, that he might declare before your counsellors what he said here that it is his special debt and that he has in Moscow and in other places of your

kingdom wherewith to pay those debts, which are not paid. And he further says that he has just cause to transfer the remaining part of this debt on William Trumbull and that William has wherewith to pay it.

And now we heartily request you, our dearest brother that your right honorable brother in law, our most loving cousin Boris Fedorovich should consider all the articles which are written in this our letter and your other counsellors with him, and we have given order to our ambassador to request the same and we have sent him a copy of this our letter, that he may be apprised of all, and your ma-ty's letter with the schedule, which was given to us by your interpreter. — And we left a copy thereof with us and we sent it in order that they be apprised that your ma-ty's secretary wrote to us in your ma-ty's name, and that no one might say that it was not correctly translated;and in order that it might be better understood we have written this our letter more circumstancially in our English language, because it is known to us that it is more easy to translate from this language than from the Latin.

And now right high, right excellent, right mighty prince, our dearest brother, we commend you and your most famous princess unto the protection of almighty God.

Given at our honour of Richmond the 15-th of January in the year of our Saviour 1589 and of our reign the 31-st.

№ 63. — 1589 Января 15.

Елисавета Θеодору.

Приняли есмя грамоту вашу тое, которая послана съ вашимъ толмачомъ, съ Романомъ Бекманомъ, и въ ней написано многіе жалобы на нашихъ гостей, которые торгуютъ въ вашемъ государствѣ и области. Первое жалуетесь, что наши гости должны вашей казнѣ и вашимъ бояромъ и землямъ и вашимъ подданнымъ людемъ во многихъ денгахъ, и роспись тому долгу къ намъ прислалъ съ вашею грамотою, за вашего болшого діака Ондрѣя Щелкалова приписью, и ту роспись толмачь вашь отдалъ нашимъ совѣтникомъ. Також ваше в-во жалуетца на наши гостины приказщики и купцы, что они въ вашемъ государствѣ живутъ недобрымъ обычаемъ, смутою, и грамоты свои посылаютъ въ иные государства о вашемъ государствѣ о разореньи мира, будто научаютъ приходити на ваши государства. И также пишете о Иванѣ о Капелѣ, что онъ приходилъ въ ваши государства прилики для, будто онъ Агличанинъ и гостинъ слуга, а онъ Любчанинъ, и что онъ жилъ въ вашемъ государствѣ лазуческимъ обычаемъ и извѣщаючи и отписываючи въ Колывань къ Свѣйскому и къ Датцкому то, что убыточно вашему государству, и что онъ довелся за то казни, и вы его пощадили и не казнили насъ для. И также пишете, что Романъ Пекокъ и Еремѣй Горшій грамоты писали о томъ, чтобъ затворити дорога къ вашимъ государствамъ моремъ ото всѣхъ иноземцовъ, чтобъ нашимъ гостемъ однимъ приходить, да и иные будто многіе дѣла писали, что не пригодитца людемъ такъ дѣлати, живучи въ чюжихъ государствахъ; и Романъ Пекокъ и Иванъ Капель и Ульянъ Тромболь и Еремѣй и Онтонъ (Маршъ) то всѣ будто воры и не пригодятца жити ни въ которомъ государствѣ.— И объявляете намъ, что тѣ всѣ долги, которые писаны на нашихъ гостехъ въ вашей грамотѣ и въ росписи, которая за вашего в-ва діака приписью, которые долги Антонъ Маршъ имал и кабалы иные на собя давалъ особно, а иные давалъ на товарыщевъ

своихъ на Аглинскихъ гостей, и что Онтонъ Мяршъ сказалъ передъ вашимъ діакомъ и совѣтникомъ, что Онтонъ долгъ имал на нашихъ гостей, то ваше в-во приговорили тотъ долгъ имать изъ животовъ нашихъ гостей; и то бъ нашимъ совѣтникомъ было вѣдомо, какимъ обычаемъ ваши совѣтники то дѣло судили, и для того ваше в-во прислали къ намъ роспись с всемъ о томъ дѣлѣ за вашего діака приписью, и также прислали есте того Онтона Мярша съ тѣмъ толмачомъ, чтобъ его поставить съ очей на очи съ Романомъ съ Пекокомъ и съ Иваномъ съ Мерикомъ, чтобъ ему то дѣло подлинно извѣстить передъ нашими совѣтники.

И также, прелюбительной братъ, въ своей грамотѣ къ намъ пишешь, что для того есте пожаловали, дали нашимъ гостемъ поволную грамоту нашего для прошенья, что такого великаго ослобоженья не бывало при отцѣ вашемъ блаженные памяти къ нашимъ гостемъ, и мы бъ того для доброхотство держали къ вашему государству и къ людемъ, и чтобъ нашимъ гостемъ, которымъ дано се освобоженье, иныхъ иноземцовъ отъ вашего государства не отбивать, которые похотятъ ѣхати къ вамъ съ торгомъ, и также бъ не мѣшали инымъ гостемъ нашего государства, не тѣхъ нашихъ гостей товарыщемъ, которые похотятъ торговать въ вашемъ государствѣ съ вашими съ подданными людми.

И въ той же вашей грамотѣ послѣди написано, что есте приговорили съ своими совѣтники и заповѣдь учинили во всѣхъ своихъ государствахъ, что не велите вывозить изъ своего государства въ иные земли воску нисколько, развѣе мѣнять за селитру, за зелье пищалное, за сѣру и за свинецъ, и намъ бы приказати своимъ гостемъ, чтобъ они тѣхъ товаровъ много повезли въ ваше государство, и то бъ они мѣняли съ вашими приказными людми и съ гостми за воскъ, которой живетъ въ вашихъ государствахъ.

И по всѣмъ тѣмъ статьямъ, которые написаны въ вашей грамотѣ по ряду, мы отвѣтъ учнемъ чинить, что явно будетъ тотъ отвѣтъ отъ такой государыни, которая жадастъ вашей любви и соединенья.

Первое о томъ, что прошають всѣхъ тѣхъ денегъ, которые написаны въ вашей грамотѣ и въ спискѣ на нашихъ гостяхъ, которымъ ослобожено въ вашемъ государствѣ торговати, и мы тому подивились, что такая жалоба вашего царскаго в-ва на нашихъ гостей, что они должны такими великими денгами, а платить не хотятъ, только мы памятуючи, что они намъ и совѣтникомъ нашимъ часто жаловалися и намъ докучали о томъ, что нѣкоторые ихъ купцы и слуги, которыхъ они посылали торговать въ тѣ земли, не гораздо надъ ними учинили, потому что они искали своей особной прибыли къ убытку тѣмъ гостемъ, у кого они служили, и мы тотчасъ опознали въ томъ дѣлѣ нѣкоторые великіе неправды, или умышленье въ томъ прошеньѣ, и для того, чтобъ то дѣло истинно явно было, приказали есмя своему Аглинскому болшому казначею князю Борлею и князю Букерску и нашему болшому діаку Францису Уалзингаму, тремъ изъ нашихъ тайныхъ совѣтниковъ и велѣли есмя имъ о томъ дѣлѣ сыскати и роспрошати нашихъ гостей, какъ тому дѣлу можно статись, что такая жалоба отъ такого великого и славного государя пришла на нихъ, что они своего долгу не платятъ, которымъ они должны въ Русской землѣ, къ нашему къ великому бещестью и ко всѣмъ нашимъ людемъ. — Но по нашему приказу, наши совѣтники призвали передъ себя нашихъ многихъ гостей съ очей на очи съ вашимъ толмачомъ и съ Онтономъ и съ Иваномъ съ Мерикомъ, а Романа Пекока въ тѣ поры не было въ нашемъ государствѣ, нынѣ онъ въ восточной сторонѣ въ нѣмецкой, за своимъ торговымъ дѣломъ. И первое они почали опрашивати Онтона Мярша и говорили ему, чтобъ онъ имъ сказалъ, почему на нихъ такіе многіе кабалы, которые написаны въ росписи и коимъ обычаемъ тѣ онъ кабалы давалъ за своею рукою за гостей, а гостиной болшой приказщикъ и купецъ въ тѣ поры самъ былъ въ твоемъ государствѣ; и сверхъ того его спрашивали, дошло ль то до гостей, что онъималъ; и велѣли ему написать и приписати своею рукою, коими и какими обычаи то дошло до гостей. — И Онтонъ Мяршъ, вѣдаючи, что ему отвѣчать нашимъ совѣтникомъ и вѣдаючи жъ то, что имъ извѣстно про его торговлю въ Амборхѣ и въ Любкѣ и по инымъ мѣстамъ, и въ той тор-

говлѣ отъ нашихъ гостей самъ себя отвелъ; и вѣдалъ же и то, что они могутъ довести, гдѣ онъ и его складчики, которые не нашихъ гостей, тѣ многіе денги дѣли, которые написаны въ той росписи и что много того долгу не доведетца платить; и онъ имъ билъ челомъ, чтобъ они ему дали съ той росписи, списокъ о томъ долгу слово въ слово, какъ написано въ вашего в-ва въ грамотѣ и въ росписи, а онъ имъ ялся о томъ о всемъ подлинной отвѣтъ написати, сколко тѣхъ долговъ доведетца платить по правдѣ и на комъ тѣ долги имать и по правдѣ доведетца платить и они ему то писмо дали изъ росписи по его прошенью и срокъ ему дали все то подлинно написати. И послѣ того тотъ Онтонъ Мяршь по времени учинилъ писмо и отвѣтъ тому дѣлу, какъ собѣ самъ захотѣлъ; и какъ у него то писмо готово, и позвали его передъ себя два изъ тѣхъ нашихъ совѣтниковъ, казначей нашь да дьякъ, и онъ далъ имъ писмо и счетъ за своею рукою о всѣхъ тѣхъ долгѣхъ, противъ вашей росписи; и то мы его писмо послали къ вашему в-ву съ тѣмъ человѣкомъ, кто сю нашу грамоту привезетъ, и чтобъ ваши совѣтники того писма посмотрили и объ немъ подумали.—И явно есть по тому писму, что не доведетца ничего нашимъ гостемъ платить, толко тотъ долгъ на самомъ и на Ульянѣ лежитъ, а иные долги лишніе на него взговорили, а иные долги заплатили изъ его живота ваши приказные люди, которые у вашего діака въ рукѣ, а иное доведетца платить Ульяну Трамболу за его особной счетъ. И по его Онтонову отвѣту явно есть, которые долги доведутца самому платить, и тѣ его долги мочно платити изъ его живота, которые остались у дьяка вашего въ рукахъ, а того его живота болши того, что онъ кому виноватъ. — Исовѣтники наши взяли у него отвѣтъ въ писмѣ, и хотячи то вѣдати отъ чего то ссталось, что ему вѣрили, и также чтобъ имъ вѣдомо было, почему тѣхъ долговъ прошаютъ сперва и ищутъ, а гости наши извѣстили имъ, да и тотъ Онтонъ Мершь самъ сказалъ, что дана была ему отъ вашего в-ва особная поволная грамота про себя особно торговати, ѣздити къ Астрахани и къ Печерѣ и по инымъ мѣстомъ, и въ той поволной грамотѣ онъ былъ отведенъ отъ нашихъ гостей, и то было подлинно вѣдомо вашимъ приказнымъ людемъ и гостемъ,

что вашего великого къ нему жалованья, что у него была ваша освобоженая грамота за вашею печатью, того ради ему такъ и вѣрили, то было не для нашихъ гостей.—И также извѣстно совѣтникомъ нашимъ, какъ ужъ они гораздо дѣло то сыскали, что гости ваши сперва искали того долгу на Онтонѣ на Мершѣ, и долгое время на него на одного били челомъ, а не на гостей; да и о томъ били челомъ чтобъ твое в-во велѣлъ животъ у него взяти и имъ заплатити: и по ихъ челобитью животы его взяты, и изъ того заплочено вашего в-ва бояриму Борису Өедоровичю 4000 рублевъ, также и инымъ плачено.—А про тотъ животъ тотъ Маршъ самъ совѣтникомъ нашимъ сказывалъ и явно есть по его челобитной, которую онъ давалъ вашимъ совѣтникомъ о томъ, чтобъ ему тѣ животы взяти изъ руки вашего діака, а еще у него у вашего в-ва у дьяка въ рукахъ на 10,000 рублевъ; и гости наши совѣтникомъ нашимъ извѣстили, что тотъ Онтонъ въ томъ челобитную самъ давалъ бояриму Борису Өедоровичю и инымъ вашимъ совѣтникомъ, и введено въ той челобитной не токмо объ его животахъ, которые были у вашего діака въ рукахъ, чѣмъ было мочно вашимъ гостемъ и инымъ вашимъ поддапымъ людемъ заплатити, но и о томъ его извѣщенье, что которые долги на немъ прошаютъ, и тѣ были его долги собинные, и что онъ не смѣлъ прошати животовъ своихъ у вашего діака, потому что онъ великой человѣкъ въ приказѣ. И списокъ съ тоѣ челобитные тотъ Онтонъ Мершъ далъ нашимъ совѣтникомъ, переведчи на Аглинской языкъ, и нынѣ то послано съ тѣмъ гонцомъ къ вашему в-ву, къ кому то было писано, прошаючи по той челобитной управы у вашего в-ва. Да и то наши совѣтники довѣдались по сыску сему дѣлу, что Романъ Пикокъ, нашъ гостиной приказщикъ, о кою пору онъ на Руси былъ и послышалъ, что тотъ Онтонъ одолжился твоего в-ва Московскимъ поддапымъ людемъ, и онъ извѣщалъ вашему дьяку и инымъ вашимъ приказнымъ, что у того Мерша былъ карабль въ вашемъ государствѣ усть Колы нагруженъ съ товаромъ, и того для, чтобъ его долгу не огласно и не безчестно было нашимъ гостемъ, и они били челомъ, чтобъ приказали тотъ корабль и съ животомъ взяти; и по ихъ челобитью того не сдѣ-

лали, толко дьякъ вашъ приказалъ тотъ карабль отпустить отъ того мѣста и ослободилъ нѣкоторымъ Русскимъ вашимъ подданнымъ людемъ, которые жили усть Колы, тотъ карабль отпровадить отъ того мѣста къ Амборху.—И толко бъ тотъ корабль по нашихъ гостей челобитью взяли, ино было всѣ долги мочно заплатити, которые прямые долги, и по сему розсуду мочно угодати, что было вашего в-ва приказнымъ людемъ чѣмъ тотъ долгъ, которой тотъ Мершь имaлъ, мочно заплатить безъ бесчестья нашихъ гостей; а мы о томъ подлинно вѣдаемъ, что они такимъ бездѣльемъ земли нашіе не хотятъ избещестить, и мы тому дивимся, что ваши подданные люди покинули на Онтонѣ на Мершѣ искати и ищутъ на нашихъ гостехъ и платежю на нихъ прошаютъ, а они съ нимъ не торговали, а сверхъ того тѣ Онтоновы животы, которые поиманы, лежатъ у вашихъ у приказныхъ людей и держатъ ихъ тайно, а тѣмъ не платятъ долгу его. И сего ради прошаемъ у вашего в-ва для соединенья и любви, которая была межъ отца вашего блаженные памяти и нынѣ обновилась межъ вашего в-ва и насъ, чтобъ вашего в-ва державному и пречестнѣйшему шурину, Борису Ѳедоровичю, того дѣла велѣлъ сыскати накрѣпко иными совѣтники, которые бъ люди мирны къ нашимъ гостемъ, потому что у нашихъ гостей ничего нѣтъ того живота, и чтобъ тѣ долги имати у тѣхъ, которые должны.—А будетъ Онтонъ Мершь можетъ довести, что доведетца платить того долгу, и вы велите на немъ то доправити, чтобъ то на гостѣхъ не пало. А то дѣло недобро, что для ради одного человѣка Агличанина которой жилъ на Москвѣ, ни гостиной приказщикъ, ни что, а гостемъ за него всѣ его тѣ долги платить, которой онъ сказываетъ, что самъ долженъ; и на то смотря иной кто человѣкъ зломысленъ, да стакався съ нимъ нарокомъ за одинъ, скажетъ что на нашихъ гостѣхъ, да такіе долги всегды станутъ на нихъ править. А то есть явно по кабаламъ, которые Онтонъ Мершь давалъ за своею рукою, что иные тѣ кабалы писаны были въ тѣ поры, какъ Романъ Пекокъ жилъ на Москвѣ приказщикомъ, и вѣдомо было всѣмъ вашего в-ва гостемъ и торговымъ людемъ вашего града Москвы что тотъ Романъ Пекокъ былъ гостиной приказщикъ, а не вѣдалъ онъ про тѣ долги, и

тѣ, которые Онтону вѣрили, ему подлинно о томъ не сказали, для того, что они промежъ себя тайно мыслили, такъ они то дѣло тайно и держали и ему о томъ не сказали, а онъ у нихъ спрашивалъ, чѣмъ Онтонъ имъ долженъ, и они ему про то ничего не сказали. Пресвѣтлѣйшій государь, тебѣ было вѣдомо, что нашимъ гостемъ убытки стали многіе тысечи рублевъ отъ мелкихъ торговыхъ людей и гостей вашего государства, толко они имъ терпятъ тѣмъ обычаемъ, будто имъ не должны; а тѣмъ людемъ, которые такъ дѣлаютъ, мочно вѣрити. А будетъ намъ безъ досады говорити, ослободити о старомъ долгу, который былъ нашимъ гостемъ взятъ на отцѣ вашемъ блаженные памяти, которой онъ взялъ у нихъ, и съ иными ихъ убытками, которые имъ не отданы, какъ сами сказываютъ, и тотъ долгъ не менше 60,000 рублевъ. А совѣтники наши, по своему роспросу и сыску о тѣхъ долгѣхъ, довѣдались, что сколко бы ни буди Онтонъ Мершъ долженъ былъ, и того было пропать на нашихъ гостѣхъ не пригодилось. А Онтонъ про тѣ долги такъ сказываетъ, что онъ тѣ должные кабалы того для на себя давалъ, какъ о томъ у него написано въ его счетной росписи, которая послана съ сею грамотою, а писмо его Онтонова рука, да и челобитная его, которую онъ давалъ твоему в-ву о своемъ животѣ, чтобъ ему долги свои заплатити, и съ тоѣ челобитные слово въ слово съ тою жъ счетною росписью послана, а писана о томъ же, что онъ долженъ былъ вашимъ подданнымъ людемъ въ своей особной торговлѣ, и то явно есть въ его челобитной, которую онъ давалъ на Романа Пекока и на Ульяна на Тромбола; также и то есть въ той же росписи сколко у него запасовъ было приготовлено про Западные стороны и про Ишпанскую землю, *(т. е. для Германіи и Нидерландовъ);* и то онъ объявилъ, сколко бы ему прибытка было, толко бъ тотъ его запасъ оттуда воротился назадъ; и тѣ долги въ чомъ онъ долженъ въ томъ его особномъ запасѣ, и по его счету то все его особной долгъ, и всѣ тѣ долги мочно было заплатить тѣмъ его караблемъ и животомъ, толко бъ его карабля не отпустили въ тѣ поры, какъ Романъ Пекокъ о томъ билъ челомъ; и въ томъ дѣлѣ вашего в-ва приказные люди виновати, которымъ было въ ту пору мочно о томъ дѣлѣ приказъ учинити. — И того ради

начаемся, что ваше в-во, совѣтуючи съ своими разумными совѣтники, и опростаете отъ того долгу нашихъ гостей, чтобъ впередъ на нихъ того не прошали.

А о Романѣ Пекокѣ и о Иванѣ Капелѣ, что они себѣ не гораздо дѣлали не токмо въ своей торговлѣ, но и про вашего в-ва земли и области, будтося имѣли они въ себѣ измѣну и будто они ссылались и вѣсти давали въ иные государства по вашимъ рубежамъ къ тѣмъ, которые были недруги вашему пресвѣтлѣйшему в-ву, и пишете, что вы хотите послу нашему или нашему гонцу о томъ извѣстити, какъ они у васъ будутъ, а толко не лучитца пословъ, и вы хотите то отложити къ иному времени; и мы нынѣ грамоту вашу приняли, и что въ ней написано прежніе жалобы на того Романа Пекока да на Ивана Капеля, а сверхъ того жалоба и на всѣхъ нашихъ людей, которые живутъ на Руси, и называете ихъ воры; и мы про то выразумѣли, что та вашего в-ва грамота указываетъ на роспись, которую роспись діакъ вашъ писалъ къ тому, чѣмъ бы ему что довести на нихъ; и чаяли мы то, что потому, какъ въ вашего в-ва грамотѣ про тѣ ихъ вины часто написано, и мы чаяли, что явны намъ будутъ нѣкоторые великіе дѣла, по которымъ мочно было намъ ихъ казнити, и за что намъ бити челомъ вашему в-ву, чтобъ вы ихъ насъ ради пощадили. И мы того ради велѣли своимъ совѣтникомъ пересмотрити тоѣ росписи, чтобъ намъ извѣстно было про ихъ вины; и они пересмотрили всѣ тѣ дѣла, что діакъ вашъ собравъ, на нихъ написалъ и ничего великихъ дѣлъ не нашли, кои бы приточны къ смущенью вашего в-ва области, ни иного ничего, не про что было такого дѣла вашего в-ва уши и доносить и не почему достойну было быть казни смертной Ивану Капелю; также не чего ради было у него отнять наши гостины животы, которые тогда у него были въ рукахъ.—И ни по которой винѣ для чего было Ивана Хорбія (Горнби) мучити, потому что онъ хотѣлъ толко грамоты свои о торговлѣ провести. А болшое дѣло, которое написано въ той росписи на Ивана Капеля было то, что нѣкоторой человѣкъ, имянемъ Рыцарь Релфъ, (Ричардъ Ральфъ) и служилъ онъ у гостиного приказщика, и онъ, отписываючи къ своему товарыщу, написалъ се слово къ

сему розсуду, что гости прислали того Ивана Капеля въ ихъ дѣла взирати и знати гораздо какъ лазучити, указываючи на то, что онъ вѣдаетъ смотрити въ ихъ невѣрной службѣ къ своимъ государемъ.—И за такіе бездѣлные грамоты не чего для было человѣка казнить смертною казнью, или въ тюрму его сажати, или гостины животы, которые у него были, отняти и не отдати опять.

А мы извѣщали вамъ нашими грамотами, которые есмя съ Еремѣемъ Хорсіемъ (Горсеемъ) послали, и послѣ того и опять извѣщали есмя вамъ, что Иванъ Капель былъ Аглинчанинъ, нашъ прироженной подданой, а не Любчанинъ, и наши гости посылали его на Русь отъ себя торговати; и вашему в-ву было вѣдомо, что у него была ваша освобоженая грамота прислана къ нему съ Москвы въ Ярославль, и ослобожено было ему ѣздити и жить и торговать въ Казани отъ гостей; и мы не слыхали худого про его житье въ Казани, и торговалъ онъ тамъ безо всякого злого умышленья; и пріѣхавъ онъ къ Москвѣ, хотѣлъ себя очищати ото всякой зависти, и самъ себя своимъ изволеньемъ на смерть давалъ, будетъ бы кто могъ то дѣло на него довести; и какъ онъ пріѣхалъ назадъ въ Аглинскую землю, и онъ клятву сотворилъ по своей Крестьянской вѣрѣ, что никакъ такого дѣла у него въ умѣ не было; и преставился здѣсе и трехъ мѣсяцъ не доживъ въ своей землѣ; а все то отъ того, что онъ въ тюрмѣ лежалъ и отъ того здоровья его убыло и коротко ему житье учинилось, и съ кручины преставился, что такое бещестье и муки ему учинились въ тѣ поры, какъ онъ добрымъ дѣломъ чести своей искалъ въ томъ, что хотѣлъ онъ у нашихъ гостей выслужить; и ещо осталось нашихъ гостей живота, которые ваши приказные люди у того Ивана Капеля отняли на 3700 рублевъ, а ваше в-во по вашей прежней грамотѣ ялся имъ отдать; хоти въ нынѣшней въ послѣдней вашей грамотѣ того не написано, толко обновляете тѣ старые жалобы на того Ивана Капеля. И того ради чаемъ, что нѣкоторые ваши приказные люди, у кого тѣ его животы въ рукахъ, и они смущаютъ вашему в-ву и мыслятъ такіе дѣла, чтобъ имъ гостей нашихъ животъ держать у себя.

А про иные непригожіе дѣла и про смущенье пишете на Романа Некока и на Еремѣя Горша и про иныхъ въ томъ же писмѣ, будто оні мыслили на ваше в-во; и тѣ дѣла таковы жъ, какъ и первые, потому что Онтонъ Мершъ билъ челомъ вашимъ совѣтникомъ на нашего гостина приказщика и въ томъ на нихъ доводилъ, будто хотѣли дорогу къ Колмогорамъ затворить, чтобъ инымъ иноземцамъ къ Николѣ не ѣздить торговать тою дорогою, которую гости наши нашли, и того для, что онъ хотѣлъ на нихъ довести; и онъ грамоту показалъ: писана изъ Амборха отъ торгового человѣка, отъ Ивалантина отъ Памера (Валентина Пальмера) и въ той онъ своей грамотѣ пишетъ, что Ульянъ Тромболъ черезъ горы (*сухимъ путемъ*) пріѣхалъ, съ Москвы въ Амборхъ, и ѣхать хотѣлъ въ Аглинскую землю, и будто Ульянъ ему сказалъ въ розговорѣ, что онъ гостемъ нашимъ хотѣлъ говорити, чтобъ они Нѣмецъ переимали, какъ они поѣдутъ къ Николѣ. И также явно есть въ той же росписи, что Романъ Пекокъ грамоты писалъ къ гостинымъ слугамъ, которые жили по городомъ, а не на Москвѣ, чтобъ они грамоты всякіе переимали; и Романъ то мыслилъ, что тѣ грамоты переимать, которые къ Онтону придутъ о торговлѣ отъ Нѣмецъ или отъ иныхъ, чтобъ ему вѣдомо было ихъ злое умышленье, что тотъ Онтонъ Маршъ нынѣ мыслилъ на нашихъ гостей. А про тое грамоту (что) Валантинъ Памеръ писалъ, хоти въ той грамотѣ и написано, что Ульянъ Тромболъ ему говорилъ, будто онъ хотѣлъ гостемъ нашимъ о томъ говорить, чтобъ иные карабли изъ иныхъ земель къ Колмогорамъ не пропускали, толко Ульянъ гостемъ нашимъ о томъ не говаривалъ, а они о такомъ дѣлѣ не мыслили; толко та его грамота объявляетъ, что тотъ Онтонъ и Палмеръ тогда вмѣстѣ торговали въ тѣ поры, какъ всѣ тѣ долги стали, которые написаны въ росписи. А о томъ, что Романъ велѣлъ грамоты Нѣмецкіе переимати, обычай таковъ у торговыхъ людей ведетца, коли они торгуютъ, другъ другу завидятъ для торговли, и мы того не хвалимъ же, что они такъ дѣлаютъ; а тѣ грамоты толко о торговлѣ были писаны, и имъ бы тѣмъ вѣдати, почему которой товаръ идетъ, а мы того дѣла не вѣдаемъ, какъ тому дѣлу приточну быти къ вашему госу-

дарству.—А Нѣмецкіе люди, живучи въ вашемъ государствѣ, учинили нашимъ гостемъ многіе убытки и бещестье въ ихъ торговлѣ въ томъ, что пріѣзжаютъ торговати тою дорогою, которую они нашли и не лзѣ было нашимъ гостемъ отъ нихъ того терпѣти, толко бъ не для соединенья и любви межъ насъ; и то они знаютъ, что мы имъ никакъ не велимъ противъ ихъ о томъ противлятись, покамѣста ваше в-во не отойметъ у нихъ прежніе жаловалные грамоты, по которой они пошлины никоторые не платятъ, потому что иные иноземцы платятъ половину пошлинъ. И мочно вашему в-ву то разумѣти, чтобъ мочно бъ нашимъ гостемъ дорога затворить отъ иныхъ, которые тою дорогою торгуютъ, за то, что они съ великими убытки тое дорогу нашли, и имъ бы давно возможно отъ иныхъ дорога затворить, толко бъ мы приказомъ своимъ того имъ не заповѣдали. И мы того жъ бережемъ, чтобъ всей вселенной вѣдомо было про наше радѣнье, что мы хотимъ съ вами держати нерушимую любовь, и чаемся, что и впередъ будетъ межъ нами нерушимая любовь и не перемѣнитца, толко нѣкоторые лихіе люди не станутъ того мѣшать, которые ищутъ своей особной корысти, а не чести своему государю, и землѣ своей добра не хотятъ.—И для того, что ваше в-во приказываетъ къ намъ, чтобъ намъ приказать своимъ подданнымъ людемъ, чтобъ они дороги не отымали и не мѣшали инымъ иноземцомъ, которые хотятъ ѣздить торговать до вашего государства, также и нашимъ людемъ, которые тѣмъ нашимъ гостемъ не товарыщи, волно бъ было съ торгомъ до вашего государства ѣздити торговать; и мы съ радѣньемъ того хотимъ, которые иноземцы поѣдутъ къ вашимъ людемъ торговать, и тѣмъ помѣшка не будетъ, на томъ слово; толко бъ наши гости съ своими поволными грамотами отъ иныхъ отведены были, какъ прежъ написано; а инымъ нашимъ поданымъ людемъ, которые нашимъ гостемъ не товарищи, ѣздить не пригодитца, для того, что прародители наши тѣмъ гостемъ и дѣтемъ, которые дорогу нашли, подавали жаловалные грамоты за ихъ великіе убытки, какъ они дороги проискивали, а мы тѣ грамоты по тому жъ укрѣпили соборомъ, и для нашего великаго укрѣпленья тѣхъ намъ грамотъ отнять у нихъ порудить никакъ невозможно.

А что В. Ц. В-во напослѣ пишетъ, что есте приговорили съ совѣтники своими, что вамъ воску въ иные ни въ какіе государства не пропущать, развѣе мѣняти на селитру, и на зелье, и на сѣру, и на свинецъ, и того ради къ намъ пишете, чтобъ мы приказали своимъ подданымъ людемъ, чтобъ они къ вамъ тое селитру и свинецъ и сѣру привозили; и мы тому дивимся, что межъ насъ такая любовь есть, и гостемъ данъ поволной торгъ, а нынѣ заповѣдь ново учинена тѣхъ умышленьемъ которые государю своему чести не хотятъ, хотячи порудить прежнее освобоженье; а мы въ мысли своей про ваше в-во держимъ то, какъ вы о томъ прикажете нашему гостину приказщику и по его извѣщенью гости наши тѣмъ сподобятъ, что въ нашей землѣ лучитца: а толко намъ приказать своимъ подданымъ людемъ сподобити васъ такимъ запасомъ, которой мы сами изъ иныхъ земель емлемъ и держимъ про себя, и то намъ обѣма будетъ убытокъ, какъ тѣ довѣдаютца, у кого мы то купимъ, что проежъ насъ такой приговоръ; и они чинятъ цѣну великую и намъ въ томъ убытокъ будетъ великой. И по нашему разуму то прибылнѣе, чтобъ гостемъ нашимъ тѣмъ промышлять и къ вамъ привозить безъ такихъ заказовъ; а толко такъ учините, и наши гости, радуяся, тѣмъ учнутъ промышляти и привозити къ вашему в-ву много товару, какъ къ себѣ увидятъ ваше жалованье утвержено по тому жъ, какъ ихъ жаловалъ отецъ вашъ блаженные памяти, не токмо съ нихъ пошлинъ имати, но и инымъ тою дорогою пріѣзжати не велѣлъ.

И мы твоему в-ву челомъ бьемъ за твое великое къ нимъ ослобоженье и ласку, и то вѣдаемъ, что вы ихъ тѣмъ пожаловали нашего ради соединенья и прошенья, а не ихъ для выслуги, и надѣемся. что вы то ваше освобоженье къ нимъ утвердите, въ кое время посолъ нашъ у васъ побудетъ, чтобъ впередъ того у нихъ не отнять.

Да прежъ сего писала есми къ вашему в-ву во многихъ своихъ грамотахъ, чтобъ ваше в-во учинилъ указъ о нашихъ гостиныхъ слугахъ, которые живутъ у гостей нашихъ приказщиковъ на Москвѣ и по инымъ мѣстамъ въ твоего в-ва области, почему имъ вѣрити; и тогды бъ смуты не было межъ нашихъ подданыхъ людей въ долгѣхъ и въ денгахъ, какъ было межъ ими

прежъ сего, и о томъ докуку часто приносили вашему в-ву и намъ.—И мы о томъ дѣлѣ еще нынѣ пишемъ вашему в-ву въ сей нашей грамотѣ, потому что то дѣло надобно, чтобъ межъ обоихъ нашихъ людей смуты въ ихъ торговлѣ не было. — А дѣло то, чтобъ на Москвѣ не вѣрили никакову слугѣ гостиному, которой тамъ живетъ у ихъ приказщика безъ того приказщикова вѣдома, чтобъ у всякихъ дѣлъ припись приказщикова рука была, въ займѣхъ ли или въ торговомъ дѣлѣ, чтобъ вѣдомо было за нихъ гостину приказщику отвѣтъ держати; а толко повѣрятъ кому безъ приказщиковы кабалы, или безъ приказщиковы приписи, тогды кто тому слугѣ что дастъ, на томъ на самомъ и возметъ, а не на гостѣхъ, не изъ ихъ животовъ ни на ихъ приказщикѣхъ. — А которые слуги гостины, живучи у ихъ приказщиковъ, а приказано имъ будетъ жить въ ихъ городѣхъ, а не на Москвѣ, и приказщику о тѣхъ слугахъ по тѣмъ городомъ, гдѣ учнутъ торговать, отписать и извѣстить, что тѣ люди отъ нашихъ гостей торгуютъ, и то записати на вашего в-ва казенномъ дворѣ, или въ таможнѣ, чтобъ вашимъ подданымъ людемъ было вѣдомо про него и про приказщиково писмо, а въ томъ бы писмѣ приказщикъ гостинъ написалъ, въ колкѣ тому слугѣ вѣрити; и которые имяна гостинъ приказщикъ дастъ въ книги записати, и тѣ бъ имяна были въ книгахъ, покамѣста тѣ ихъ люди не учнутъ худа дѣлать. А будетъ приказщикъ, по дѣлу смотря, похочетъ кого отставить, что ему впередъ отъ гостей не торговати, послѣ того какъ имя его въ книгахъ написано будетъ, и приказщикъ о томъ человѣкѣ извѣститъ, и тогды бъ имя его изъ книгъ вычернити; и послѣ того тому человѣку до гостиной торговли дѣла не будетъ, также и гостемъ до него, ни до его торговли дѣла нѣтъ же; того ради, чтобъ никакой человѣкъ прилики для не назвалъ себя нашихъ гостей товарыщь, которымъ такова ослобожената грамота дана, хотя онъ себя изъ тѣхъ которому сыномъ назоветца, кто въ той грамотѣ имянемъ написанъ, а похочетъ тѣхъ нашихъ гостей именемъ чти и вѣры себѣ залѣсти, а вашихъ подданыхъ людей обманывати, и тѣмъ бы нашихъ гостей не поклепали напрасно.

И того ради сердечно бьемъ челомъ вашему в-ву, чтобъ вы пожаловали велѣли ваши жаловалные грамоты изнова перепи-

сати и опять дать за вашего в-ва печатью, чтобъ имяна инако написати, которые въ той грамотѣ написаны, и тѣми бъ имяны и съ титлы писати почему знать тѣхъ нашихъ гостей въ Аглинской землѣ, то есть тѣмъ Аглинскимъ гостемъ, которые ищутъ новые торговли. А которой нашихъ гостей приказщикъ, кого они учнутъ посылати, будетъ въ вашего в-ва земли надо всѣми нашими Аглинцы болшой, и о томъ мы отъ сердца бьемъ челомъ вашему в-ву, чтобъ вы его пожаловали своимъ береженьемъ, велѣли его беречи, чтобъ онъ былъ честенъ въ своемъ приказѣ, а тѣ бъ, надъ кѣмъ онъ приказанъ будетъ, покорны ему были, и они бъ ему не противлялись; а ваше бъ в-во приказалъ своимъ приказнымъ людемъ, будетъ которые станутъ противъ приказщика противитись, и тому бъ не дали жити въ вашемъ государствѣ, а выслати бы его оттуды въ вашего в-ва опалѣ.

А прежъ сего, какъ ещо къ намъ отъ вашего в-ва грамота съ вашимъ толмачомъ не пришла, послали есмя къ вашему в-ву посла своего одного изъ челобитныхъ мастеровъ (Флетчера) отвѣтъ держати за наши гости противъ Антонова долгу, да и о томъ, чтобъ гостина торговля утвержена была по вашего в-ва прежней ослобоженой грамотѣ, и начаемся что вы его по ся мѣста выслушали съ милостью, и то дѣло чаемъ добрымъ обычьемъ совершилось. А Онтона Мерша опять воротимъ къ вашему в-ву съ толмачомъ съ вашимъ въ будущіе наши карабли, чтобъ ему явить передъ вашими совѣтники то, что онъ здѣсе сказалъ, что то его долгъ особной и что у него есть на Москвѣ и въ иныхъ мѣстехъ въ вашемъ государствѣ чѣмъ тотъ долгъ заплатить, которой не плаченъ. — Да онъ же говоритъ, что ему мочно по правдѣ того долгу досталь накинути на Ульяна на Тромбула, а Ульяну есть чѣмъ то заплатити.

А нынѣ сердечно у нашего дражайшего брата прошаемъ, чтобъ вашъ честнѣйшій шуринъ, нашъ прелюбителный племянникъ Борисъ Өедоровичь промыслилъ о всѣхъ статьяхъ, что въ сей нашей грамотѣ написано и иные ваши совѣтники съ нимъ же, и приказали есмя послу нашему о томъ бити челомъ, и послали къ нему списокъ съ сеѣ нашіе грамоты, чтобъ ему все было вѣдомо, и съ вашего в-ва грамотою и съ росписью, которую толмачь вашъ намъ далъ. А списокъ есмя съ того оставили

у себя, и для того послали, чтобъ имъ вѣдомо было, что вашего в-ва діакъ къ намъ написалъ вашего в-ва имянемъ, и для того, чтобъ никто не говорили, что не прямо переведено; и для того, чтобъ лутче разумѣти написали есмя сее нашу грамоту шире нашимъ Аглинскимъ языкомъ, потому что намъ извѣстно, что съ того языка легче Латынскаго языка перевести.

А нынѣ, велможный, пресвѣтлѣйшій и пресилнійшій самодержецъ, нашъ дражайшій братъ, предаемъ васъ и вашу преславнѣйшую царицу, нашу дражайшую сестру, во оборонъ всемогущему Богу.

Писана въ нашемъ дворѣ Ричмондѣ, 15-го числа Генваря, лѣта отъ Рожества Господа нашего 1589-го, королевства нашего 31-го.

№ 64. — 1589 Jan. 15.

Q. Elizabeth to the noble prince the L. Boris Ffeodorowch

cheife counsaylor to the greate and mightie Emperor of Russia, M-r of his highenes horse, and alsoe his highenes Lievtenante of Cassan, our Lovinge ffrende and Cosyn greetinge.

Righte noble prince, our verie good and lovinge cosyn,

Wee havinge bene heretofore occasioned to acquainte your honor with such letters of complainte, as have bene written vnto vs from our moste lovinge brother the emp. concerninge our subiectes resident at the Musco, which doe trade for our merchauntes in the partes of Russia, when as a hard informacon was delivered to his highenes against them by some persons no well affected to our merchauntes; Did then finde your honorable dealinge in that cause, and readines at our requeste to perswade with our said lovinge brother the emp. to be pleased to remitte and forgett those displeasures conceaved againste our said merchaunts, and to caste of all occasion that mighte disturbe the amitie, and ffrendship betwene vs; at which tyme you did not onelie appease those mislikes, but by

your honorable mediacon did obteyne for them for our sake a graunte of privilige ffree of all custome, and other chardges whatsoever. The which your so honorable dealinge, love, and ffrendship shewed to our merchauntes at our requeste, we wilbe verie mindefull of duringe our lief.

A newe attempte or practize beinge againe in vse by some that beare noe good likinge to the love, and ffrendship professed, and established betwene the worthie emp. and vs: and who seeme alsoe to envie that our merchauntes shoulde be vsed with more favor, then other straungers, we are once againe occasioned in the behaulfe of our said merchaunts, to praie your honorable mediacon and travell (travail) to entreate the said worthie emp. our lovinge brother, that the matters of complainte which are broughte vnto vs by his interpretor Regnold Beckeman, menconed in his h.s letters, and also written in a scedule broughte vnto vs, together with the said letters drawne out vnder the hande of his h.s secretorie Andree Shalkall, maye be more deliberatelie considered, and adiudged of by your selfe, and some others, such as are honorable boeth by birthe, and callinge, whose mindes in the iudgement thereof wilbe drawne without affeccon to doe therein that is boeth iuste, and beseeminge noblemen, and who wilbe carefull that noe course be taken, that standeth not with equitie, or which shall swarve from his h.s promise made *vnto vs by his letters, or his* graunte of privilege, graunted *vnder his greate seale to our merchaunts.*

The said letters lastlie sent vnto vs doe partlie conteyne complaintes against our said merchauntes and partlie mocons on his h.s behaulfe for some thinges to be admitted by vs which are boeth contrary to his ma-es graunte of previledge and to our graunte of priveledge graunted to our said merchaunts. Thes thinges because they doe appeare boeth in his h.s letters and in the said scedule and alsoe in our letters the which we knowe are to come to your honors handes, therefore we praye yow to be reffered to the same.

His h.s letters and scedule we thought good to send to our ambassador (Fletcher) to be showed by him to your honor

for that we are of opinion yow are not acquainted with the matters that are conteyned in the same, and for that alsoe there shalbe noe doubt obiected of the true vnderstandinge and translacon of such thinge which his h.s hath written. Our said ambassador hath alsoe the coppie of our letters which we doe send to his h.s; which coppie we have sent to our ambassador for further instruccons to solicite and treate vppon as his further commission from vs; who will at large acquaint your honor with the pointes of our letters.

Onlie this shorte remembraunce concerninge our aunswere to the greate sommes of monie taken vp in the Musco by Anthonie Marshe demaunded against our merchauntes we thought yt good to note vnto your honor in thes our letters which we praye yow to thinke vppon and consider of.

Ffirst that yow woulde be informed that Marshe had a priviledge of trade in his owne right to trade to Astracan and other places wherein he was distinguished from our merchauntes.

That yow would pervse the complaint of Marshe made against Robert Peacocke and W — m Trumbull for disturbinge of his trade to Hamboroughe and other places by which he alledgeth he was greatlie damnified; which complaint appeareth in the scedule which his h.s secretorie wrott out. By which it will appeare that the credit and debt which Marshe entered into was imploied in his particuler trade not to the common state of the merchauntes.

A letter written from one Valentyne Palmer to Anthonie Marshe from Hamboroughe who was partnor with him in his particuler traffique doeth mencon the imployment of goodes and merchaundize to his private vse and not to the vse of the companie — — — *(This)* letter is translated in the Russe tongue written at large in the said *(scedule?)*.

Thes probalities before menconed doe manifestlie declare, that the said creditt vsed by him wherevppon all thes sommes of money growe due, was not to the comen vse of the merchaunts as he was induced by some sinister practize to avowe, and confesse, when his creditors called vppon him

Then that yow would enquier of the valewe of such goodes, which weare seased by the handes or order of his h.s said secretorie, and what is become of them, and howe much of them weare imployed towards the satisfaccon of his creditors, and what porcon of them doe remayne in the said secretories handes.

That yow would likewise examyne, by what order the shipp and goodes of Marshes, that our merchauntes made suite to have bene staied at Cola (to th'end the emp.rs subiectes mighte be fullie answered out of those goodes) was afterwardes suffred to be lett passe, and what valewe that shipp and goodes weare of; which shipp and goodes yf your honnor shall finde was sent awaye by the order of his h.s secretorie, and soe his h.s subiectes deprived of the meanes wherebie they mighte have bene paied; then wee doubte not but your honor will thinke yt noe reason, that our merchauntes shalbe compelled or brought — — — (*into?*) question to answere those debts of Marshes.

Our said letters doe more at large expresse our answeare to thes thinges, which we have prayed our lovinge brother mighte be considred of by you, and others of his h.s chief nobilitie and councail — — — wherewith you beinge made throughelie acquainted, wee doubte not but you will make an honorable dischardge of our merchauntes from the said demaundes, and alsoe conceave, and resolve of the residue of the parte of the letters, and complaintes, as all thinges shall have an honorable end.

№ 64. — 1589 Янв. 15.

К. Елисавета боярину Борису Өедоровичу.

Благороднѣйшій князь, добрѣйшій и любительнѣйшій родственникъ! *)

Передъ симъ имѣли мы случай сообщать вашей чести тѣ жалобныя письма, которыя были къ намъ писаны отъ люб-го брата нашего, царя, относительно подданныхъ нашихъ, живущихъ въ Москвѣ, которые торгуютъ въ странахъ Россійскихъ, когда его выс-ву были донесены сильныя обвиненія противъ нихъ нѣкоторыми людьми, дурно расположенными къ нашимъ гостямъ. Мы тогда встрѣтили въ васъ справедливый образъ дѣйствій въ этомъ дѣлѣ и готовность, по просьбѣ нашей, убѣдить сказаннаго нашего люб-го брата царя благоволить отложить и забыть всѣ неудовольствія, возникшія противъ сказанныхъ нашихъ гостей, и отстранить всѣ поводы, которые могутъ возмутить дружбу и пріязнь между нами; въ то время вы не только умиротворили эти неудовольствія, но почтеннымъ своимъ посредничествомъ испросили для нихъ, ради насъ, пожалованья свободы отъ всякихъ пошлинъ и иныхъ какихъ либо поборовъ. Каковой почтенный вашъ образъ дѣйствій, и пріязнь, оказанная по нашей просьбѣ нашимъ купцамъ, останутся намъ весьма памятны на всю нашу жизнь.

Нынѣ вновь дѣлаются попытки или употребляются происки нѣкоторыми лицами, которымъ не нравится любовь и дружба, являемы и установленныя между нами и достойнымъ царемъ; имъ по видимому, завидно, что нашимъ гостямъ оказывается болѣе милости чѣмъ прочимъ иноземцамъ; и мы вновь вынуждены, по поводу сказанныхъ нашихъ гостей, просить вашего благосклоннаго посредничества и старанія, чтобы упросить сказаннаго до-

*) Cousin по Англійски значитъ собственно двоюродный братъ; но это же названіе дается безразлично троюроднымъ, четвероюроднымъ и даже пятиюроднымъ братьямъ и племянникамъ; по этому вѣрнѣе всего, кажется перевести его словомъ *родственникъ*.

стойнаго царя, люб-го брата нашего относительно жалобъ, принесенныхъ на насъ его толмачомъ Регинальдомъ Бекманомъ, упоминаемыхъ въ грамотѣ его выс-ва и также прописанныхъ въ запискѣ, которая доставлена намъ при той грамотѣ и у которой имѣется припись руки дьяка его выс-ва Андрея Щелкалова. (Мы просимъ) чтобы эти жалобы были внимательнѣе разсмотрѣны и обсуждены вами самими и нѣсколькими другими лицами почтенными по роду и по званію, которые, безъ предубѣжденія, рѣшили бы дѣло по справедливости и какъ прилично сановникамъ, и которые озаботились бы, чтобы не было принято рѣшенія несогласнаго съ честностію или противнаго обѣщанію его выс-ва, сдѣланному въ письмахъ къ намъ, или вольностямъ, пожалованнымъ нашимъ гостямъ за его великою печатью.

Упомянутыя, послѣдние присланныя къ намъ грамоты отчасти содержатъ жалобы противъ нашихъ сказанныхъ гостей и отчасти предложенія со стороны его выс-ва по нѣкоторымъ предметамъ, принятіе коихъ нами было бы одинаково противно и привилегіи пожалованной его вел-вомъ и привилегіи пожалованной нами нашимъ сказаннымъ гостямъ. Такъ какъ эти предметы разъяснены какъ въ грамотѣ его выс-ва и въ упомянутой запискѣ, такъ и въ нашей грамотѣ, которая, мы знаемъ, дойдетъ до вашихъ рукъ, то мы просимъ васъ разсмотрѣть оныя.

Мы сочли за благо послать грамоту его выс-ва и записку къ нашему посланнику (Флетчеру) съ тѣмъ чтобы онъ показалъ ихъ вашей чести, ибо мы того мнѣнія, что вамъ неизвѣстны предметы, въ нихъ содержащіеся, а также и для того, чтобы не было предъявлено сомнѣнія о точности смысла и перевода того, что его выс-во писалъ. Посланникъ нашъ имѣетъ также списокъ съ тѣхъ писемъ, которыя мы посылаемъ къ его выс-ву; списки эти мы послали къ нашему посланнику въ дополненіе порученія ему отъ насъ, какъ дополнительный наказъ того о чемъ онъ имѣетъ просить и договариваться; онъ подробно ознакомитъ вашу честь съ статьями нашей грамоты.

Въ этой нашей грамотѣ мы сочли за благо обратить вниманіе вашей чести и просить васъ обсудить и разсмотрѣть только слѣдующую краткую память относительно отвѣта нашего о

великихъ суммахъ денегъ, взятыхъ на Москвѣ Антономъ Маршемъ и взыскиваемыхъ съ нашихъ гостей:

Вопервыхъ вамъ слѣдуетъ знать что Маршъ имѣлъ лично на себя торговую привилегію на торгъ въ Астрахань и въ другія мѣста, отдѣльно отъ нашихъ гостей.

Благоволите разсмотрѣть жалобу Марша на Роберта Пикока и на Вильяма Трумбуля за помѣшательство его торговли въ Гамбургъ и въ другія мѣста, что, по его увѣренію, причинило ему много вреда. Жалоба эта указана въ запискѣ, написанной дьякомъ его выс-ва. Изъ нея видно, что займы и долги, совершенные Маршемъ, были обращаемы на его отдѣльную торговлю, а не на общій счетъ купцовъ.

Въ письмѣ, писанномъ къ Антону Маршу изъ Гамбурга нѣкоего Валентина Пальмера, который былъ сообщникъ его по его отдѣльной торговлѣ, упоминается объ употребленіи имущества и товаровъ собственно на него, а не на общество. — — — — Письмо это въ переводѣ на русскій языкъ прописано цѣликомъ въ памятной запискѣ.

Вышеуказанныя доказательства очевидно обнаруживаютъ, что довѣріе, которымъ онъ пользовался и благодаря которому онъ задолжалъ эти суммы, не было обращено на общую пользу гостей, какъ ему, по чьему то коварному внушенію, вздумалось объявить и сознать, когда заимодавцы обратились къ нему съ своими требованіями.

Потомъ благоволите освѣдомиться о цѣнности того имущества которое было захвачено въ руки или по приказанію сказаннаго дьяка и что сдѣлано съ тѣмъ имуществомъ и сколько онаго употреблено на удовлетвореніе заимодавцевъ и какая доля онаго остается на рукахъ у сказаннаго дьяка.

Разсмотрите также по чьему приказанію корабль и товары Марша, о задержаніи коихъ въ Колѣ наши гости подавали челобитную (съ тѣмъ, чтобы подданные царя получили изъ тѣхъ товаровъ полную уплату), были свободно выпущены, и что стоили тотъ корабль и тѣ товары; если вы найдете, что тотъ корабль и тѣ товары были отправлены по приказу дьяка его выс-ва и что чрезъ то подданные его выс-ва лишились средствъ къ полученію слѣдовавшей имъ уплаты; то мы не сомнѣваемся, что вы не признаете

справедливымъ, чтобы наши гости были преслѣдуемы или приводимы къ отвѣту за эти долги Марша.

Въ нашей грамотѣ подробнѣе объяснены наши отвѣты по этимъ дѣламъ, о коихъ мы просимъ нашего люб-го брата, чтобы они были разсмотрѣны вами и иными изъ главнѣйшихъ сановниковъ и совѣтниковъ его выс-ва. — — — Мы не сомнѣваемся, что, вполнѣ съ ними ознакомившись, вы благосклонно освободите нашихъ гостей отъ упомянутыхъ требованій; а также разберете и рѣшите и остальную часть нашей грамоты такъ, чтобы по всѣмъ предметамъ воспослѣдовалъ благопріятный исходъ.

№ 65. — 1589 March 23.

Q. Elizabeth to Czar Theodoro Euanewich.

Hauing sent a messager ouerland to your h.s with our answere to your letters brought by your interpreter Reignold Beckman, we omitt to trouble your ma-ty with the repeticon of the argument contayned in the said former letters, hoping that the same are not only come to your h.s handes but that vppon the consideracon of the pointes and reasons menconed therein youe haue made an honnorable conclucon with our ambassadour in the same.

But to preuent the casualty of the intercepting of our letters which we sent ouer land or other hinderances whereby they might not be salfly brought vnto your ma-ty, wee thought it fitt to send the copies of the same vnder our signet, being carefull that your ma-ty should be satisfied with that which our counsell hath done in the examining of the matters whereof so great complaintes are made against our marchantes.

We did not thincke (our most louing and dearest brother) we should haue had any occasion to enlarge these our letters with any matter touching the said complaintes and debtes charged vppon our said marchantes, but meant to haue had relacon vnto our former letters sent ouerland, and not haue renewed any memory of theise thinges.

But other accidentes happening here of late touching the same and a further discouery being made of the iniuries contriued against our said marchantes, wee could not passe the same in silence, but must necessarily acquaint your ma-ty therewith bing (*sic*) well assured of your h.s honnorable inclinacon to iustice vppon the knowledg of such an abuse to take some good order for the redresse of the same.

It may appeare vnto your ma-tie that since the writing of our last — — — Anthony Marsh, vppon whose relacon the matter of complaint against our marchantes — — — — — — nded and by whome your h.s sent ouer to iustify the same against our said — — — — — — — — — — voluntarily exhibited a declaracon in writing expressing by what mean (*es*) — — — — — — vniust a chaleng and demand against our marchantes contrary to all — — — — — — — — — he did the same; wherein he chargeth your maties cheif secretary Andrea Chalcal — — — — nd an abbettor of him in the matter.

We send vnto your h.s by — — — — — ticon it self which Marsh exhibited to our counsell and which he hath iustifie (*d*) — — — — presence of your interpreter wherevnto it may please youe to be referred. In the which as it may appeare he vndertaketh to auerre and prooue that which he chargeth your said secretary withall.

It seemeth strang vnto vs that so graue a counseller and a man of so honnorable a place as Andrea Chalcall should be a dealer in so vniust and base a confederacy. And albeit — — — — — ben oft informed that he euer bare a hard hand ouer our marchantes, yet did wee not thinck that he had caried so corrupt a mynd as to be a party or perswader of any man to help him — — — such forgeries as are confessed and laid open to our said counsellers by the said Marshes daclaracon.

According to our former letters, we haue sent ouer Anthony Marsh back againe into Russia but not in the charg of your messenger because he denied to receiue him as hau-

ing no order so to do, wherein we do well allowe of his discrecon being appointed only to bring him into England and to leaue him here.

When the said Marsh shall come ouer into Russia, and theise our letters interpreted to your h.s, wee hartely pray youe (our dearest brother) according as wee haue done in our former letters, that all theise complaintes may be reexamined and throughly considered by the right honnorable our louing cousin the lord Boris Fedorowich and others of your nobility such as shalbe by your ma-ty deemed fitt to be associate with him in the hearing of the — — — — — our said marchantes may be discharged of theise surmised and fraudulent debts charged vppon them.

And touching such matters as are in variance betweene — — — Marsh and others for theire priuate and proper accoumptes and dealinges with your merchantes — — — them selues, and which are in deede iust debtes, albeit — — — no meanes — — — — — yet are wee desirous that they may be decided — — — — — end made thereof — — — pray youe to take order with your counsell that speciall — — — may be had the debtes wherewith —, — — Marsh or any other of our subiectes shalbe — — — — iust and true debtes — — — vppon them according to the lawes of your contrey either to be answered by them — — — to detain their bodies vntill they haue made satisfaccon and howsoeuer they — — — — — — contend among themselues and to — — — theire debtes ouer the one to the other or practise to cast them vppon the company wee do assure your ma-ty vppon the repport and relacon of our counsell who we know haue throughly examined theise matters the companies haue not to do with them.

And therfore (our dearest brother) we do wish and for the league and amity that is betweene vs, wee do intreate youe that neither the agent for the marchantes nor any such — — — — — — — imploy with him in the affaires of the company, nor the goodes vnder theire charge to be — — — —

troubled or molested therein but that trafficque may quietly passe betweene both your marchantes and ours.

And thus hauing ben constrayned to enlarge our former letters — — — with more matters than we wish we had cause to trouble your ma-ty with — — — — with this desire — — — we be not henceforth troubled with any further con — — — — subiectes but that we may congratulate by our letters one an other and — — — argument of our enterchangeable league and amity freed of all variances and — — — of our subiects.

And so right high right excellent and most mighty prince and dearest brother wee committ youe and the most famous princesse your wyfe our deerest sister to the tuicon of the omnipotent God.

Dated at our pallace of Westminster the (*23*) day of M(*arch*) — — — the yere of our Lord 1588 (*1589*).

№ 65. — 159 Марта 23.

Елисавета Θеодору.

Послали есмя посланника своего черезъ горы (*сухимъ путемъ*) къ вашему в-ву съ нашимъ отвѣтомъ противъ вашіе грамоты, которую грамоту толмачь вашъ, Романъ Бекманъ, привезъ, и для того не хотимъ докучать вашему в-ву тѣми дѣлы, которые написаны въ тѣхъ прежнихъ грамотахъ, надѣючися на то, что тѣ грамоты дошли до рукъ вашего в-ва, и чаемъ вы съ нашимъ посломъ чесное совершенье о тѣхъ дѣлехъ, которые въ той грамотѣ написаны, учинили.

Да для тое притчи нѣчто будетъ тѣ грамоты наши на дорогѣ поемлютъ, которые есмя послали черезъ горы къ вашему в-ву, намъ то повидѣлося пригоже, что намъ послати къ вамъ съ тое грамоты списокъ за нашею печатью, хотячи того, чтобъ вашему в-ву было извѣсно, что̀ наши совѣтники учинили въ роспросѣ о тѣхъ дѣлехъ, въ чемъ великіе жалобы учинилися на нашихъ го-

гостей. А того мы, прелюбптелпый братъ нашъ, не мыслили, что было намъ въ сей нашей грамотѣ опять писать о томъ дѣлѣ, которые причины къ тѣмъ жалобамъ и долгомъ, которое положено было на нашихъ гостей, толко хотѣли есмя указати на наши прежніе грамоты, которые посланы черезъ горы, а того дѣла не хотѣли есмя поминати.

И не вдавнѣ здѣся появилося иное дѣло о обидѣ, что мышлено на нашихъ гостей, и намъ было о томъ не лзѣ вашему в-ву не извѣстити, и вѣдаючи вашего в-ва чесное доброхотѣніе и правду, что вы, какъ свѣдаете про такую обиду, доброй приказъ о томъ велите учинити.

И извѣстно бъ вашему в-ву (было) о томъ, что послѣ нашіе послѣдніе грамоты Антонъ Мершъ, которой жаловался на нашихъ гостей, которого ваше в-во прислалъ сказати на тѣхъ нашихъ гостей, и онъ не вдавнѣ своимъ изволеніемъ подалъ извѣщеніе писмомъ, а въ томъ писмѣ писано какимъ обычаемъ онъ былъ прелщенъ смыслити такое дѣло неправедное на нашихъ гостей, да и то писано, чего ради онъ такъ дѣлалъ; и въ томъ писмѣ онъ сказываетъ, что вашего в-ва болшой діякъ Ондрѣй Щелкаловъ его къ тому дѣлу привелъ, и велѣлъ ему такъ дѣлати.

И мы послали къ вашему в-ву съ семъ человѣкомъ того Мершово извѣщеніе, которое онъ далъ нашимъ совѣтникомъ, что онъ сказывалъ передъ ними и передъ вашимъ толмачомъ, и ваше бъ в-во пожаловали велѣли того посмотрити; да въ томъ же писмѣ имается онъ то довести что на дьяка вашего извѣщалъ.

И намъ то диво, что такой смирной и чесной совѣтникъ, Ондрѣй Щелкаловъ, и живучи въ такомъ мѣстѣ, а ему себя вмѣщати въ такую неправду и въ нечесные дѣла, хоти намъ часто сказано было, что онъ всегда жестокъ былъ до нашихъ гостей, толко не начаялися мы въ немъ такого умышленья тѣмъ обычаемъ какъ того Мяршъ открылъ и объявилъ нашимъ совѣтникомъ.

И по нашей прежней грамотѣ послали есмя опять на руки Антона Мярша, толко не съ вашимъ посланникомъ, потому что онъ его не взялъ, по приказу онъ такъ учинилъ, и въ томъ

мы разумъ его хвалимъ за то, что ему приказано его въ Аглинскую землю привезти и сдѣся его оставити.

А какъ тотъ Мершъ на руки приѣдетъ и какъ ся наша грамота переведена будетъ къ вашему в-ву, и мы бьемъ челомъ вамъ, чтобъ ты, дражайшій нашъ братъ, по тому жъ, какъ есмя писали въ нашей прежней грамотѣ чтобъ достойнѣйшій твоего в-ва бояринъ и нашъ любителной племянникъ Борисъ Ѳедоровичь возрилъ во всѣ въ тѣ дѣла и жаловалъ бы съ иными вашими бояры, которымъ ваше в-во съ нимъ велите того дѣла выслушати, чтобъ наши гости опростаны были о тѣхъ смысленыхъ и неправедныхъ долгѣхъ, которой на нихъ взложилъ.

А о такихъ дѣлехъ, о чемъ споръ сталъ межъ Ульяна Тромбола и межю иныхъ въ счетѣ и въ торговлѣ съ вашими торговыми людми промежъ собою, о которыхъ о прямыхъ долгѣхъ, и хоти то дѣло и не дошло до нашихъ гостей, толко хотимъ, чтобъ въ тѣхъ дѣлехъ конецъ былъ доспѣтъ; а мы отъ серца вашему в-ву челомъ бьемъ, чтобъ вы своимъ совѣтникомъ приказали, чтобъ они о томъ дѣлѣ радѣли, и которые прямые долги имати на нашихъ подданыхъ людехъ, любо на Ульянѣ на Тромболѣ или на Мершѣ, или на иныхъ, и тѣ бы денги на нихъ имати въ вашей землѣ въ правду изъ ихъ собинныхъ животовъ, или ихъ самихъ держати доколева они то заплатятъ, а хоти какимъ обычаемъ ни буди похотятъ тѣ свои долги класти на наши гости, и мы извѣщаемъ вашему в-ву, что по нашихъ совѣтниковъ сказкѣ нашимъ гостемъ до тѣхъ долговъ дѣла нѣтъ.

И того ради, дражайшій братъ нашъ, для соединенья и любви, которой есть межъ насъ, бьемъ челомъ вашему в-ву, чтобъ тотъ долгъ имати на нашихъ гостиныхъ приказщикехъ и на ихъ слугахъ, которые торгуютъ отъ ихъ приказщиковъ, не изъ ихъ животовъ, чтобъ торгъ не порушился межъ нашихъ и вашихъ гостей.

А мы нынѣ докучаемъ по нужѣ вашему в-ву объ иныхъ дѣлехъ, которые въ нашей въ прежней грамотѣ не написаны, и совершаемъ тѣ дѣла всѣмъ хотѣньемъ, чтобъ впередъ наши подданые люди съ своими спорными дѣлы намъ не докучали, толко бъ намъ межъ себя ссылатись о нашимъ о недвигомомъ соеди-

ненье и любви, и намъ бы себя опростати отъ всѣхъ тѣхъ спорныхъ дѣлъ, которые есть нашихъ подданыхъ людей.

А мы васъ, пресильнѣйшего и вельможнѣйшаго самодержца, нашего дражайшего брата, со славнѣйшею нашею прелюбителною сестрою предаемъ во обороненіе всемогущему Богу.

Писана въ нашемъ дворѣ Еусмистрѣ (Вестминстерѣ), лѣта отъ Рожества Господа нашего 1589 Марта 23-го дня.

№ 66. — 1589 Apr. 30.

Elizabeth to Theodore.

We have been petitioned and most pitifully implored by our wellbeloved subject Richard Proctor who lately traded on the account of the factors of our company in your ma-ty's dominions, that we should, in respect of his poverty, order a letter to be written to your ma-ty about him, that some of your ma-ty's subjects fell upon him and plundered him on the river Volga as he was coming from Astrakhan and took from him a great many goods and wares in the summer of the year 1583, and that by reason of this plunder not only he was ruined, but many of our merchants to whom he owed money came to great poverty and losses and that therefore because of his great poverty he has not wherewith to pay; and they complained thereof to your counsellors. — Therefore we earnestly solicit your most high, right mighty ma-ty; and this redress was promised by your father of famous memory to our ambassador sir Jerome Bowes, to investigate this matter and to indemnify him for his losses; and may it please your ma-ty at our request to give order to make an enquiry and give redress according to our former request; and whereas your father of famous memory promised that it might be by your ma-ty's order and mercy accorded that he may receive his debts, which are due to him from your ma-ty's subjects, who dwell in your ma-ty's dominions. And we shall be thankful to your ma-ty for this.

And so we commend you, most high and most potent prince, our dearest brother to the supreme and almighty God.

Given at our court of Westminster, in the year of our Saviour and God 1589, the last day of April, of our reign the 31-st.

№ 66. — 1589 Апр. 30.

Елисавета Θеодору.

Билъ намъ челомъ и горко плакался нашъ любителный подданый, Рычардъ Проктуръ, которой не вдавнѣ отъ складчиковъ отъ нашихъ гостей торговалъ въ вашего в-ва области, чтобъ мы, для его бѣдности, грамоту велѣли написати объ немъ къ вашему в-ву о томъ, что иные вашего в-ва подданые люди его громили и ограбили на рѣкѣ на Волгѣ, какъ онъ ѣхалъ изъ Асторохани, и силно у него отняли животовъ его и товаръ въ лѣтѣ 1583-мъ году, и отъ того грабежу не токмо онъ одинъ погибъ, но и многіе наши торговые люди, кому онъ долженъ былъ, въ великой бѣдности и въ убыткехъ учинилися они, и отъ той его великой бѣдности нѣчимъ ему имъ платити; и они о томъ жаловалися нашимъ совѣтникомъ. Того ради мы со тщаніемъ бьемъ челомъ вашему великому, великодержавному в-ву: а о той управѣ и отецъ вашъ блаженные памяти ялся послу нашему, князю Еремѣю Боузу, то дѣло и его убытки сыскавъ отдати; и ваше б-ъ в-во для нашего прошенья пожаловалъ нынѣ приказалъ сыскати и управу учинити по прежнему нашему прошенію; и какъ отецъ вашъ блаженные памяти имался, тому бы по вашему в-ву приказу и милосердіемъ сдѣлано было, чтобъ ему прилучити долговъ своихъ, которые ваши подданые люди ему должны, или кто будетъ ему иные должны, которые пребываютъ въ вашего в-ва области; и мы о томъ будемъ вашему в-ву благодарити.

И нынѣ предаемъ васъ, пресвѣтлѣйшій и велеможнѣйшій государь, нашъ дражайшій братъ, ко вседержительному и всемогущему Богу.

Писана въ нашемъ дворѣ въ Уесминстерѣ, отъ Рожества Господа и Бога нашего. лѣта 1589-го, останочнаго числа Апрѣля, а государства нашего 31-го.

№ 67. — 1589 Apr. 30 and May 2.

Elizabeth to Theodore.

Before this we have lately sent to your ma-ty two separate letters, in which we acquainted your ma-ty with the order we had given to some of our privy counsellors to investigate those matters about which your ma-ty complained in your letter, and how they had examined the claim between your subjects and our merchants. Therefore we will not this time trouble your ma-ty about those affairs, which were written in our former letter, and we regret that such an affair has taken place betwixt us and your ma-ty on account of the subjects of either of us. — It were meeter for us to write to one another about our princely affairs, about perfect league, and love, and amity, and about those matters, which may entertain unalterable league and love, and we expect that when your ma-ty shall be apprised of the plot for spoiling the trade, your ma-ty will give such order to your counsellors as we gave to ours, that on either side the merchants should be ordered, that no disturbance should take place in future and that they should no more molest us with their claims. As regards our request about our merchants who are named in our former letter and about whom order is given to our ambassador, we submit it to the pleasure of your ma-ty, and we expect that your ma-ty, shall show your favour in this matter. — Moreover our company wishes to send into your province of Pskoff as factor for trade, John Merrick, and he is to go there overland: our counsellors remembering your ma-ty's former complaints against John Chapell, that he had come into your kingdom without giving notice that he is sent to trade for the company and that you called him a spy,—

we inform your ma-ty in order that there might be no suspicion about John Merrick's coming overland; and he petitions you that your subjects the officers who live in this province should love and protect him and that he should have freedom like the freedom of our company in Moscow and in other places of your kingdom.

And that your ma-ty's ambassador should be no longer detained with us, we gave order to our merchants to send their ships earlier than before and we send him by the first voyage, that he might the sooner come to your ma-ty. And our counsellors commend your ma-ty's ambassador to us as a wise and gentle person and we likewise commend him to your ma-ty.

And now, right high, right excellent and right mighty prince, our dearest brother, wishing that our brotherly league might last for a long time in love and unalterable amity we commend your highness and her highness the princess, our dearest sister, unto the keeping of God the almighty.

Given at our palace of Westminster, the last day of April, in the year of our Saviour 1589 and of our reign the 31-st.

After we had given order to write this present letter, we heard about our ambassador Giles Fletcher, whom we sent last summer to your ma-ty, that you did not receive him so favourably as you received others before this, and that you did not give hearing to those affairs, which we had confided to him; we heard only that you offended him, and that our ambassador tarried without transacting any affairs. For which cause at first we retained this letter and intended to dismiss your messenger without our letter, and when he took his leave of us, we told him how unpleasant it was for us that our ambassador had such treatment to our dishonour; and he said to us with conviction that we had been told an untruth, that he knows your princely good will and friendship for us, that such things could not have happened, and so pacified us. And we bethought ourself that this report had been told us not for

certain, neither came from our ambassador, nor from our subjects and we gave faith to the speeches of your messenger and according to our former resolution we gave him this our letter; and we principally would believe him, because he said that even if any one had spoken to the contrary, he knows for a certainty that your ma-ty is willing to confirm entirely the liberties of our subjects in your dominions, such as were confirmed afore this by your father of glorious memory; and according to these speeches we trust that these affairs shall be decided with our ambassador. — May the 2-d.

№ 67. — 1589 Апр. 30 и Мая 3.

Елисавета Ѳеодору.

Напередъ сего не вдавнѣ писали есмя къ вашему в-ву двѣ грамоты розные, а въ тѣхъ грамотахъ извѣщали есмя вашему в-ву о нашемъ приказѣ, что есмя приказали нѣкоторымъ нашимъ тайнымъ совѣтникомъ роспросити про тѣ дѣла о чемъ жалоба учинилась вашего в-ва въ грамотѣ, и какъ они сыскали про тотъ споръ, которой есть межъ вашихъ поддаповъ людей съ нашими гостми; того ради мы нынѣшнимъ времянемъ не докучаемъ вашему в-ву о тѣхъ дѣлехъ, которые писаны въ нашей прежней грамотѣ, и досадуемъ о томъ, что учинилося межъ насъ и вашего в-ва такое дѣло отъ обоихъ нашихъ подданыхъ людехъ.—А намъ было межъ себя писати другу ко другу развѣе о своихъ государьскихъ дѣлехъ, о вѣрномъ соединеньѣ, и о любви, и о прiятельствѣ, и о тѣхъ дѣлехъ, которые приточные межъ насъ къ нерушимому соединенью и любви; и чаемся того какъ вашему в-ву вѣдомо будетъ о умышленьѣ къ порухѣ торговлѣ, и ваше в-во приказъ учинитъ вашимъ совѣтникомъ, какъ и мы своимъ учинили, чтобъ на обѣ стороны такой приказъ былъ торговымъ людемъ, чтобъ впередь никакой смуты не было, и чтобъ они впередъ намъ не докучали о своихъ спорехъ. А наше прошенье о нашихъ гостехъ, которые написаны въ нашей прежней грамотѣ и приказано объ нихъ нашему послу, то

мы передаемъ на вашего царскаго в-ва волю и начаемся, что ваше пресв-во къ тому дѣлу любовь свою объявитъ. Да хотятъ наши гости въ вашу область во Псковъ послати приказщиковъ торговати, Ивана Мерика, а ѣхати ему туды черезъ горы (*сухимъ путемъ*) и наши совѣтники, памятуючи вашего в-ва прежніе жалобы на Ивана на Капеля, что онъ пріѣхавъ въ ваше государство себя не явилъ; что онъ посланъ былъ отъ гостей торговати, именовали его лазучника, и извѣщаемъ вашему в-ву, чтобъ о томъ мнѣнье не было, что Иванъ Мерикъ идетъ черезъ горы, и бьетъ челомъ вашему в-ву о томъ, чтобъ ваши приказные люди подданые, которые живутъ въ тѣхъ мѣстехъ, его любили и берегли, и волно бъ ему также было, какъ волно нашимъ гостемъ на Москвѣ и по инымъ мѣстомъ въ вашемъ государствѣ.

И того для, чтобъ намъ вашего в-ва посланника болши того у себя не держати, велѣли есмя нашимъ гостемъ корабли свои отпустити ранѣе прежнего, и его отпустили жъ первымъ путемъ, чтобъ ему скорѣе поспѣти къ вашему в-ву; и вашего в-ва посланника наши совѣтники намъ хвалятъ разумна и смирна, и мы также его хвалимъ вашему в-ву.

И нынѣ, превышній и пресвѣтлѣйшій и превелеможнѣйшій государь, нашъ дражайшій братъ, хотячи того, чтобъ наше соединенье въ братствѣ на долгое время пребывало въ любви и въ нерушимомъ пріятелствѣ, предаемъ ваше пресв-во и пресвѣтлѣйшую государыню, нашу дражайшую сестру, въ сохраненіе всемогущему Богу.

Дана въ нашемъ дворѣ Уестминстерѣ остатошного числа апрѣля; лѣта отъ Рождества Христова 1589, государства нашего 31.

Послѣ того, какъ есмя сю грамоту велѣли написати, слышели есми, что посолъ нашъ, Іаковъ (Эгидій) Флечеръ, которого есмя лѣтось послали къ вашему в-ву, что не приняли естя его такимъ пріятелствомъ, какъ прежъ сего иныхъ припмали, и не выслушали тѣхъ дѣлъ, которые есмя ему приказали, толко слышали есмя, что его поругали, и живучи посолъ нашъ

дѣла не дѣлалъ. И для того сперва задержали есмя сю грамоту и помыслили были отпустить гонца вашего безъ нашіе грамоты, и какъ онъ у насъ былъ на отпускѣ, и мы ему сказали, каково намъ то не любо стало, что надъ посломъ нашимъ такъ учинилося къ нашему безчестью; и онъ намъ съ вѣрою сказалъ, что тотъ, кто намъ то сказывалъ, неправду намъ говорилъ, а онъ вѣдаетъ наше (ваше?) государское хотѣнье и дружбу къ намъ, что такимъ дѣломъ никакъ не лзѣ сстатца, и тѣмъ насъ разговорилъ. И мы о томъ помыслили, что тѣ рѣчи намъ сказываны не отъ вѣрного, ни отъ посла нашего, ни отъ подданыхъ нашихъ людей, которые тамо живутъ, да повѣрили есмя вашего посланника разговору, и по нашему прежнему приговору дали есмя сю нашу грамоту; и для того есмя болши вѣрили, что онъ сказалъ, хоти кто ни буди преже сего говорилъ не гораздо, толко онъ вѣдаетъ, что ваше в-во подлинно хочетъ утвердити во всемъ освобожденіе къ нашимъ подданымъ людемъ въ ваши земли, также какъ отецъ вашъ блаженные памяти прежь сего утвердилъ; и по тѣмъ рѣчемъ надѣемся, что тѣ дѣла исполнены будутъ нашему послу.— Маія въ 2-й день.

№ 68. — 1589 Апр.

Өеодоръ Елисаветѣ.

Присылали еси къ Н. Ц. В-ву, сестра наша, Елисаветъ королевна, посла своего, Елизара Флечера, съ своею грамотою и съ рѣчми; и мы посла твоего, Елизара, приняли милостиво и грамоту твою, сестры нашіе люб-ные, и рѣчи твои, которые Н. Ц. В-ву говорилъ отъ тебя, сестры наше люб-ные, посолъ твой любительно выслушали, и о которыхъ дѣлехъ писали еси къ Н. Ц. В-ву въ своей грамотѣ, и что Н. Ц. В-ву говорилъ отъ тебя, Елисаветъ королевны, посолъ Елизаръ рѣчью и писмо тѣмъ своимъ рѣчемъ далъ, и мы велѣли быть послу твоему у казначея у нашего у Ивана Васильевича Трохaніотова,

да у дьяка у Ондрѣя у Щелкалова, и на всѣ на тѣ рѣчи послу твоему подлинной отвѣтъ учинити есмя велѣли и писмо ему на его рѣчи дали. А что говорилъ Н. Ц. В-ву отъ тебя, сестры нашіе, Елисаветъ королевны, посолъ твой Елизаръ, чтобъ намъ тебя держати съ тобою въ братцкой любви по тому жъ, какъ отецъ нашъ, блаженные памяти, В. Г. Ц. и В. К. Иванъ Васильевичь, всеа Русіи, держалъ къ тебѣ братцкую любовь, и мы тебя держати хотимъ по тому жъ неподвижно на вѣки, какъ отецъ нашъ, блаженные памяти В. Г. Ц. и В. К. Иванъ Васильевичь, всеа Русіи, держалъ къ тебѣ братцкую любовь. А что говорилъ Н. Ц. В-ву отъ тебя, сестры нашіе, посолъ твой, Елизаръ, о подданыхъ твоихъ торговыхъ людехъ, которые торгуютъ въ нашемъ государствѣ, чтобъ намъ ихъ пожаловати, велѣти имъ дати нашу царскую жаловалную грамоту съ тѣми прибылыми новыми статьями, которые статьи посолъ твой Н. Ц. В-ву объявилъ, и намъ было твоимъ гостемъ такіе грамоты давати и не пригоже для того, что твои подданые торговые люди прежъ сего, живучи въ нашихъ государствахъ, дѣлали многіе непригожіе дѣла, о чемъ подлинно послу твоему, сестры нашіе, въ отвѣтѣ объявлено и писмо дано, да для тебя, сестры нашіе люб-ные, Елисаветъ королевны, твоихъ гостей пожаловали есмя нашу царскую жаловалную грамоту дати есмя имъ велѣли, и о новыхъ статьяхъ прибавити есмя велѣли, и по твоему, сестры наше люб-ные, прошенью, статьи, которымъ быти пригоже, въ тое нашу царскую жаловалную грамоту прибавити есмя велѣли и дорогу во всѣ наши государства, въ Казань, и въ Астарахань, и во всѣ государства за Хвалимское море, въ Перситцкую землю, тожъ и Кизылбажская земля, и въ Бухары и въ Шемаху и во всѣ тамошніе государства ѣздити торговати твоимъ гостемъ поволили есмя, чего никоторыхъ земель гостемъ въ нашемъ государствѣ не ведетца, а то есмя учинили для тебя, сестры нашіе люб-ные, Елисаветп королевны. А ты бъ, сестра наша люб-ная, Елисаветъ королевна, приказала своимъ гостемъ, которые торгуютъ въ нашемъ государствѣ, чтобъ они посылали въ наше государство съ товары своихъ приказщиковъ добрыхъ людей прямыхъ и приказали имъ съ нашими людми торговати прямо, безъ хитрости,

не такъ какъ прежъ сего ихъ приказщики съ нашими людми торговали неправдою, многіе денги изъ нашіе казны, и у бояръ нашихъ, и у дворянъ, и у торговыхъ людей поимавъ, платить не хотѣли, и у нихъ бы впередъ того не было; а мы къ вашимъ торговымъ людемъ, которые въ наше государство учнутъ пріѣзжати, свое жалованье учнемъ держати смотря по ихъ правдѣ, свыше прежнего.

А что нашимъ всякимъ людемъ взяти было на твоихъ гостѣхъ, на Онтонѣ (Мершѣ) съ товарыщи и что мы нынѣ велѣли взяти на твоихъ гостѣхъ, и чего нынѣ взять не велѣли, тому есмя роспись дать велѣли послу твоему Елизару; а Онтонъ готово у тебя, а Романъ (Пикокъ) съ товарыщи у тебя жъ.

А что еси, сестра наша люб-ная, писала къ намъ въ своей грамотѣ, что отъ прародителей вашихъ жаловалные грамоты вашимъ торговымъ людемъ, тѣмъ, которые дорогу нашли моремъ къ нашему государству, къ Колмогорскому городу, съ великими убытки, и для того инымъ не годитца ѣздить торговать въ наше государство, которые въ той дорогѣ не убытчились, а тебѣ, сестрѣ нашей, прародителей своихъ грамотъ порудить не пригоже, и ты бъ, сестра наша люб-ная, Елисаветъ королевна, въ наше государство всякихъ людей государства своего пропущати велѣла и торгъ поволной имъ ослободила, а для тѣхъ пяти, шести, или десяти человѣкъ, которые въ наше государство издавна пріѣзжать почали, заказу чинити всякимъ торговымъ людемъ не велѣла, и тѣмъ неволю торговымъ людемъ чинити не велѣла, чего ни въ которыхъ въ великихъ государствахъ не ведетца, что торговымъ людемъ въ неволю торговати, инымъ давать воля торговати, а инымъ воли торговати не давати; и то знатно, толко впередъ такъ будетъ, что инымъ людемъ торговати твоего государства, а инымъ не торговати, и то твоя любовь, сестры нашіе люб-ные, Елисаветъ королевны, Н. Ц. В-ву не совершена будетъ; и ты бъ, сестра наша люб-ная, Елисаветъ королевна, о томъ въ своемъ государствѣ заказу не чинила и торговымъ своимъ людемъ своего государства всѣмъ, которые похотятъ съ товары въ наше государство ѣздити, поволила и иныхъ всѣхъ государствъ торговымъ людемъ заказу чинити не велѣла, и про-

пущати ихъ велѣла въ наше государство безо всякаго задержанья, чтобъ тѣмъ межъ насъ съ тобою, сестрою нашею любною, братцкая любовь не парушивалась; а тѣмъ твоимъ подданымъ торговымъ людемъ, которые тое дорогу пашли сперва передъ иными иноземцы всѣхъ государствъ и передъ твоими гостми, наше къ нимъ великое жалованье и такъ лишпее было и впередъ будетъ, что у нихъ въ нашемъ государствѣ на Москвѣ и по городомъ въ Ярославлѣ, и на Вологдѣ, и на Двинѣ дворы многіе и живутъ съ нашими людми заодинъ, и торгуютъ всякими товары, и пошлины съ нихъ, съ ихъ товаровъ, имать велѣно половину передъ иными иноземцы; а нынѣ для тебя, сестры нашіе, твоего для прошенья, тѣхъ твоихъ гостей пожаловали есмя и свыше прежнего, что имъ ходить съ товары для торговли поволили есмя въ наше государство, въ Казань и въ Астарахань, а изъ Астарахани въ Бухары, и въ Шемаху и въ Кизылбашскую землю, и нашу царскую жаловалную грамоту новую дати есмя имъ велѣли; а съ иныхъ гостей всѣхъ государствъ, по нашему царскому указу, пошлину емлютъ сполна и черезъ наше государство черезъ Московское не токмо въ Казань и въ Астарахань и во всѣ въ тамошніе государства за Хвалимское море, ни версты за Московское государство никуды ни въ которое государство не ходятъ. И такое наше жалованье къ твоимъ гостемъ тебѣ, сестрѣ нашей люб-ной, пригоже помнити и такихъ заказовъ чинить не пригоже, что иныхъ пропустить въ наше государство торговыхъ людей, а иныхъ не пропустить торговати; а торгъ всякому пригоже поволной дати, то наша государская милость и праведной судъ ко всѣмъ человѣкомъ къ торговымъ, торговля поволная равна.

А послѣднее у Н. Ц. В-ва просишь о Еремѣ, какъ отъ Н. Ц. В-ва отдалъ тебѣ, сестрѣ нашей люб-ной, нашу грамоту, да не вѣдомо для какіе притчи тайно изъ вашего государства выѣхалъ, и вы приказали послу своему его дѣло явно исполнити и въ Аглинскую землю его прислати: и мы того Еремѣя съ посломъ твоимъ съ Елизаромъ къ тебѣ, сестрѣ нашей, Елисаветъ королевнѣ, послали; а Еремѣй за свое воровство живъ быть не достоенъ, какъ межъ насъ, великихъ государей, и межъ тебя, нашіе сестры люб-ные, Елисаветъ

королевны, смуты дѣлалъ и слова непригожіе говорилъ про насъ, про великихъ государей, и про тебя, сестру нашу любную, про Елисаветъ королевну. И впередъ бы такіе воры съ гостми твоими въ наше государство не ѣздили, чтобъ въ такихъ ворехъ смуты межъ насъ такими воры порухи не было.

Писана въ государствія нашего дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданья міру 7097 Апрѣля мѣсяца.

№ 68. — 1589 Apr.

Czar Theodore to Queen Elizabeth.

You sent to our ma-ty, sister Queen Elizabeth your ambassador Giles Fletcher with your letter and with a message. And we graciously received your ambassador Giles and favourably heard your letter, loving sister, and the speeches which your ambassador Giles pronounced before our ma-ty on your behalf, loving sister.

And about those matters which your ambassador Giles spoke to our ma-ty in his speech on your behalf, queen Elizabeth, and gave his speech in writing, we gave order to your ambassador to go to our treasurer John Vassilievich Trakhaniotoff and to the secretary Andrew Stchelkaloff; and we ordered a decisive answer to all the said speeches to be given and gave a writing about them.

And whereas your ambassador Giles said to our ma-ty from you, that we should maintain betwixt us brotherly love such as our father of famous memory the L. E. and G. D. John Vassilievich of all Russia did maintain with you we wish to continue perpetually such unchangeable brotherly love with you, as was maintained by our father of famous memory the L. E. and G. D. John Vassilievich of all Russia.

And whereas your ambassador Giles spoke to our ma-ty from you about your subjects the merchants who trade in our kingdom, that we might favour them in granting to them our

princely letters of privilege with certain additional articles, the which your ambassador declared to our ma-ty. It were not meet to give to your merchants such letters because your subjects the merchants heretofore living in our dominions did many unbeseeming things, the which has been actually declared and given in writing to your, our sister's, ambassador.

But for your sake we favoured your merchants, granted to them our princely letters of privilege, and about those new articles to be added thereunto, according to your request, we ordered the articles which were fitting to be added into our princely letters of privilege; we have permitted to your subjects to trade everywhere in all kingdoms, to Cazan, and to Astrakhan and to all the dominions beyond the Caspian Sea to the land of the Persians (the same as the land of the Kisylbashis), and to Bokhara, and to Shemakha and to all the kingdoms of those parts. This is not permitted to any merchants in our realm, and we did this for your sake.

And do you give order to your merchants who trade in our realm, that they should send into our kingdom good and upright people as their factors, and that they order them to traffic with our people uprightly, not in such manner as their factors did dishonestly heretofore, borrowing great sums of money out of our treasury and from our lords and our noblemen and eluding to pay them. This must not be in future. We on our part will favour your merchants who shall come into our realm even more than heretofore.

As to what was due to divers of our people to be recovered from your merchants and from Anthony (Marsh) and his companions, and what we ordered to be exacted now, and what we ordered not to be taken, we had the list thereof given to your ambassador Giles. And Anthony at the present time is with you, and Robert (Peacock) and his companions are likewise with you.

And whereas your predecessors have given letters of privilege to those of your merchants who discovered the way by sea to our kingdom, to the city of Kholmogory, with great losses, and that by cause of this others who sustained no los-

ses by this way ought not to come for trade into our kingdom; and that it becomes not you, our sister, to violate the charters of your predecessors. Give order that all people of your kingdom may be permitted to come and to have liberty of trade, and let them not be forbidden on account of the five, six, or ten persons, who have been used for a long time to come into our realm, and order that there should be no occasion thereby to supress the trade of those merchants. There is no such order in any kingdom that merchants should be enforced to trade, so that some should have the liberty to trade and others should be deprived of it. And if it should happen for the future that some of your people may trade, and others shall be restrained from trade it would appear that your love for our ma-ty is not perfect. Do not make prohibition in your kingdom for merchants of your kingdom willing to come with wares into our realm, and order not to restrain merchants of all other kingdoms, but let them be permitted to come without hinderance into our realm, that brotherly love may not be transgressed betwixt us and you, our loving sister. As regards those merchants your subjects who discovered the said way before any strangers from other kingdoms and before your other merchants, our great favour has already been especially shown and shall also in future be shown unto them, as they have a house in our princely city of Moscow, and many houses in the towns of Yaroslavl, and Wologda, and Dvina and they live together with our people and trade in all sorts of wares, and it is ordered to take from them and their goods only half of the duty paid by other foreigners. And now for your sake, our loving sister, according to your request, we favoured your merchants even more than heretofore, permitting them to go with their wares and trade in our realm, in Cazan and Astrakhan, and from Astrakhan to go to Bokhara and to Shemakha, and to Persia; and we ordered our new princely letters of privilege to be given to them. Whilst other merchants from all other kingdoms, according to our princely order, are to pay the whole of the du-

ties and are not allowed to go through our kingdom of Muscovy not only to Cazan and Astrakhan, and to any dominions beyond the Caspian sea, but not even anywhere into any other kingdom were it but a mile distant from the kingdom of Muscovy. And you ought to keep in remembrance such our favours to your merchants, and it is not meet for you to give such an order that some merchants should be allowed to go for trade into our realm, and others should not. Freedom of trade ought to be given to every one; because as our princely favour and our equitable justice are alike to all merchants, so ought traffic to be free alike to all.

Lastly you request our ma-ty about Jerom (Horsey) who, after he had delivered our letter to you, for some unknown cause, departed secretly out of your kingdom, and about whom you ordered your ambassador to elucidate this matter and to send him over to England. We have sent the said Jerom with your ambassador Giles unto you; and Jerom has deserved death for his misconduct, for the practises he used betwixt us, great prince, and you, and for the unbeseeming words he spoke about us, great prince, and you. And henceforth such villains are not to come into our kingdom with your merchants, that such villains might not cause any disturbance betwixt us, and might not harm the brotherly love betwixt us.

Written in our lordships palace at Mosco in the year from the creation of the world 7097 in the month of April.

№ 69. — 1589 Іюл.

Бояринъ Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ королевнѣ Елисаветѣ.

Напресвѣтлѣйшей Елисаветъ, королевнѣ Аглинской и Францовской и Хибирской и иныхъ, царьского вел-ва бояринъ и конюшей и намѣсникъ Казанской и Асторахансксй, Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ, тебѣ, напресвѣтлѣйшей Елисавети королевнѣ, челомъ бьетъ.

Прислала еси, государыня, ко мнѣ свою жаловалную любителную грамоту съ посломъ своимъ, съ Елизаромъ Флечеромъ, и язъ тое твою грамоту принявъ съ покорностью, любително выслушалъ, и что еси, государыня, писала ко мнѣ въ своей грамотѣ, чтобы вамъ поукротити брани, а болши бъ того прибавити любви и миру съ братомъ своимъ, съ В. Г. Ц. и В. К. Ѳедоромъ Ивановичемъ, всеа Русіи, и на укрѣпленье тѣхъ дѣлъ послала еси къ вел. государю нашему, къ его царвел-ву, чесного мужа Елизара Флечера, и о всѣхъ тѣхъ дѣлехъ, о любви и о торговлѣ приказала ему постановити: и государь нашъ, В. Г. Ц. и В. К. Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи, посла твоего принялъ и рѣчи его выслушалъ милостивно, и на всѣ его рѣчи отвѣтъ учиня, отпустилъ его къ вашему вел-ву, а съ тобою, съ Елисаветъ королевною, государь нашъ, В. Г. Ц. и В. К. Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи, хочетъ впередъ брацкую любовь имѣти и свыше прежнего. А что еси, государыня, писала ко мнѣ въ своей грамотѣ съ великою милостью и ласкою, именуючи меня себѣ кровнымъ и любителнымъ пріятелемъ, и язъ за то ваше пресв-во выславляю всегда передъ своимъ В. Г. Ц. и В. К. Ѳедоромъ Ивановичемъ, всеа Русіи, и передъ своею государынею, царицею и вел. княгинею Ириною, что ты, напресв-ая государыня великая, своимъ великимъ жалованьемъ и ласкою и любителною грамотою меня навѣстила, и впередъ твое пресв-во выславляти хочю. А что еси, государыня, писала ко мнѣ въ своей грамотѣ, что ваше пресв-во иныхъ государствъ подданыхъ, которые

пойдутъ съ товары, въ государя нашего государство черезъ море тою дорогою, которую нашли сперва твои подданные, пропущати хочешь, и то, государыня, ваше вел-во, чинишь подѣлно, объявляючи свою любовь ко государю нашему, къ В. Г. Ц. и В. К. Өедору Ивановичу, всеа Русіи, къ его цар. вел-ву, и язъ твое вашего вел-ва любовь государю своему, В. Г. Ц. и вел. князю, извѣщалъ; а что еси, государыня, писала ко мнѣ въ своей грамотѣ о своихъ подданыхъ торговыхъ людехъ, которые похотятъ ѣздити торговати въ государя нашего государство, чтобъ всѣмъ была поволность ходити торговати въ государя нашего государство, и вашему пресв-ву то было мочно учинити, толко бъ вы прежъ сего не дали жаловалныхъ грамотъ тѣмъ людемъ, которые преже нашли новую дорогу во всѣ государства государя нашего, и нынѣ вамъ того порушить не возможно, и то, государыня, твое пресв-во, пишешь ко мнѣ, кабы объявляючи несвершенную любовь ко государю нашему, его цар. вел-ву, что инымъ твоимъ подданымъ торговымъ людемъ въ государя нашего государство торговати ходити, а инымъ не ходити, а у васъ у великихъ государей, того не ведетца, что торговымъ людемъ инымъ ѣздити, а инымъ не ѣздить, и равенства торговымъ людемъ въ торговлѣ не давать, и тебѣ, пресв-шая государыня, Елисаветъ королевна, пригоже съ государемъ нашимъ, съ В. Г. Ц. и вел. княземъ, быти въ совершенной въ братственой любви, и о томъ о невеликомъ дѣлѣ стоять и своимъ подданымъ заказу чинить не пригоже, которые похотятъ итти въ государя нашего государство съ товары торговати, и тѣмъ бы была поволность всякимъ твоимъ торговымъ людемъ, а и государь нашъ, В. Г. Ц. и В. К. Өедоръ Ивановичь всеа Русіи къ тебѣ сестрѣ своей любной, Елисаветъ королевнѣ, о томъ писалъ; а тѣмъ твоимъ гостемъ, которые дорогу сперва нашли, и такъ передъ иными всякими торговыми людми всѣхъ великихъ государей государя нашего жалованье къ нимъ лишнее, дворы имъ подаваны во всѣхъ городехъ, на Москвѣ, въ Ярославлѣ, на Вологдѣ, на Двинѣ, а нынѣ государь нашъ, В. Г. Ц. и В. К., пожаловалъ ихъ, за моимъ челобитьемъ и за печалованьемъ, поволилъ ихъ ходити торговати въ свои государства, въ Казань

и въ Асторохань, а изъ Астарохани въ Бухары, и въ Шемаху, и въ Кизылбашскую землю, а иныхъ государствъ торговымъ людемъ ни которыхъ земель мимо государя нашего государство Московское никуды ходити ни одное версты не поволено. И тебѣ бъ, государыня, о томъ о невеликомъ дѣлѣ впередъ къ государю нашему не писать и подданымъ своимъ торговымъ людемъ о томъ заказу чинити не велѣти.

А что ваше вел-во пишешь ко мнѣ въ своей грамотѣ о Антонѣ Мершѣ, чтобъ мнѣ велѣти про него сыскати и про его должники и о непрямомъ долгу Антоновѣ; и Онтоново Мерша воровство сыскано подлинно, что онъ негоденъ быти въ государя нашего государствѣ по его воровству, что онъ поималъ многіе денги Аглинскихъ гостей именемъ изъ государя нашего казны у приказныхъ людей и заемные многіе денги ималъ у бояръ, и у дворянъ и у торговыхъ у всякихъ людей, а кабалы давалъ на себя своею рукою и на своихъ товарыщевъ, а вѣрили ему и давали денги въ заемъ и кабалы на него его руку имали, вѣрячи товарыщемъ его, что онъ жилъ на дворѣ на Аглинскомъ, вмѣстѣ съ Аглинскими гостми, а о своихъ долгехъ язъ и не пишу, сколко моихъ денегъ было на Онтонѣ и что нынѣ за нимъ осталось, про то ваше велво и мимо меня свѣдаешь, да и ко всѣмъ къ твоимъ гостемъ, къ Роману (Пикоку) и къ Еремѣю (Горсею) радѣнье и печалованье мое о всякомъ промыслѣ объ нихъ сколко было, то извѣстно Богу; а взять было на Онтонѣ съ товарыщи государевыхъ денегъ и по коболамъ заемнымъ всякимъ людемъ и съ Ульяновыми (Трумбуля) кабалами, что они у Московского гостя займовали у Ѳоонасья у Юдина, всего двадцать тысячь три тысячи пятьсотъ пятдесятъ три рубли, а во всѣхъ въ тѣхъ денгахъ Онтонъ передъ государьскими приказными людми ставленъ съ очей на очи съ тѣми людми государьскими вмѣстѣ съ твоими съ торговыми людми, съ Романомъ съ товарыщи, и по всѣмъ по тѣмъ по своимъ кабаламъ, видя свою руку, во всѣхъ кабалахъ винился, и государь нашъ тотъ весь сыскъ и съ кабалъ слово въ слово прежъ сего послалъ къ тебѣ, сестрѣ своей любителной, къ Елисаветъ ко-

ролевнѣ, съ толмачемъ своимъ, съ Романомъ съ Бекманомъ, и Онтона съ нимъ же отослали; и Онтонъ пріѣхавъ въ Аглинскую землю передъ вашего вел-ва совѣтники говорилъ многіе ложные слова и государьскихъ денегъ за собою не сказывалъ, и многихъ кабалъ своихъ рукъ запирался; и про Онтоново воровство подлинно сыскано, что тотъ Онтонъ воръ великой, тѣ денги поималъ гостинымъ именемъ въ государя нашего государьствѣ у всякихъ людей, и искупивъ товары Рускіе отпустилъ на караблѣ до 15,000 рублевъ, мимо вашего в-ва Аглинскіе земли въ Недерлянскую землю къ своимъ складчикомъ, съ кѣмъ торговалъ, а нынѣ многіе ложные слова говоритъ, хотя своего воровства избыти и тѣмъ своимъ животомъ, что отпустилъ изъ государя нашего государьства мимо Аглинскіе земли, и язъ и на то на Онтоново воровство не смотря, а для твоего къ себѣ, Елисаветъ королевна, жалованья государю своему, В. Г. Ц. и вел. князю. билъ челомъ и молилъ государя своего, чтобъ на твоихъ гостѣхъ по Онтоновымъ кабаламъ не всѣ денги взять велѣлъ нынѣ: и государь нашъ, В. Г. Ц. и В. К. Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи, его царское вел-во, тебя сестру свою любителную, Елисаветъ королевну, любячи, и для моего челобитья и печалованья, пожаловалъ велѣлъ взяти на твоихъ гостѣхъ, на Устинѣ Флюцерѣ съ товарыщи, дворяномъ и торговымъ людемъ всякимъ половину денегъ, и всего нынѣ взято и со государскими денгами на Августинѣ съ товарыщи, по Онтоновымъ кабаламъ, только ва 7,800 рублевъ товаромъ, опрочѣ Ѳеѳонасья Юдина кабалныхъ денегъ, что на Ульянѣ указано; а молилъ есми государя своего вел. государя, его царского вел-ва, и билъ челомъ для твоего къ себѣ жалованья, а о своихъ долгѣхъ по своимъ кабаламъ на Онтона положилъ есми на твоемъ пресвѣ, и кабалы всѣ на Онтона его руки, которые у меня были, послалъ къ тебѣ съ твоимъ посломъ, съ Елизаромъ, и ваше бъ вел-во велѣла высмотрить тѣхъ моихъ кабалъ на Онтона, да по тому и указъ учинить, для того положилъ есми на твоей волѣ, государыни великой, на твоемъ пресвѣтлѣйшествѣ.

А что еси, государыня, писала ко мнѣ въ своей грамотѣ о Августинѣ Флюцерѣ, которого вы послали сюды въ бол-

шихъ гостѣхъ, чтобъ намъ его жаловати и быть бы ему подъ нашею обороною, а онъ учнетъ прямо служить, и язъ для твоего слова государьского Августина съ товарыщи хочю во всемъ беречи и объ нихъ государю своему о всякихъ дѣлехъ печаловатися, и во всемъ хочю его подъ своею обороною отъ всѣхъ беречи, и государю своему, В. Г. Ц. и В. К., и впередъ хочю печаловатись о нихъ и ихъ дѣлы всякими гостиными хочю промышляти, а нынѣ государь нашъ, В. Г. Ц. и В. К. Ѳеодоръ Ивановичь, всеа Русіи, любя тебя, сестру свою любителную, Елисаветъ королевну, а за моимъ челобитьемъ и печалованьемъ, Аглинскихъ гостей Устина съ товарыщи пожаловалъ, что было довелось взяти съ ихъ двора, что на Москвѣ, пошлины 300 рублевъ, и что было довелося съ ихъ товаровъ таможные пошлины на Москвѣ нынѣшнего 97 году 1,600 рублевъ, и что было на нихъ взяти Колмогорскіе таможные пошлины проѣзжіе съ ихъ товаровъ, 240 рублевъ, въ которыхъ они денгахъ и кабалы осенесь у Колмогорского города на себя подали за своими руками, и тѣхъ всѣхъ денегъ государь нашъ, его царьское вел-во, для тебя, сестры своей любителной, а за моимъ челобитьемъ, на вашего вел-ва гостѣхъ, на Устинѣ съ товарыщи, имати не велѣлъ, и кабалы, что было на нихъ взяты въ Колмогорской въ таможенной пошлинѣ, отдать велѣлъ безденежно.

А что еси, государыня, прислала ко мнѣ свое жалованье, поминки, съ посломъ своимъ, съ Елизаромъ, и язъ твоего жалованья поминковъ не взялъ, потому что посолъ твой привезъ отъ тебя отъ государыни ко государю нашему, къ В. Г. Ц. и В. К. Ѳедору Ивановичю, всеа Русіи, поминки золотые, и въ полы золотой, и въ четверть золотого и въ денгу золотого, и такіе поминки межъ васъ, великихъ государей, прежъ сего не бывали, и государь нашъ, В. Г. Ц. и В. К. Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи, тѣхъ поминковъ имать не велѣлъ, а язъ, государыня, для того твоего жалованья поминковъ твоихъ, которые ко мнѣ посолъ твой привезъ былъ, взять, государыня, не посмѣлъ, а за твое жалованье тебѣ, вел. государынѣ, челомъ бью и твое, государыни моей, жалованье ко мнѣ, поминки, дошли; а впередъ того хочю видѣть и государя своего молить и

на то наводить, чтобъ межъ государя нашего В. Г. Ц. и В. К. Өедора Ивановича, всеа Русіи, и тебя, вел. государыни, Елисаветъ королевны, любовь братцкая утвердилась на вѣки и свыше прежнего, и твое жалованье великое, государыни Елисаветъ королевны, и впередъ хочю на себѣ держать и твоихъ гостей хочю держать подъ своею рукою во всякомъ береженьѣ.

Писана въ государя нашего государьствѣ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міру 7097-го Іюля мѣсяца.

№ 69. — 1589 Jul.

Boris Fedorovich Godoonoff to Q. Elizabeth.

You sent to me, lady, your gracious loving letter by your amb. Giles Fletcher, and I have received this letter with humility and lovingly heard it.

And whereas you write me in your letter that your disagreements should be pacified and that there might be increase of love with your brother our great L. E. and G. D. Theodore Ivanovich of all Russia and that you have sent unto his ma-ty the honourable man G. Fletcher, ordering him to treat about amity and trade. Our lord has received your amb-r and graciously heard his speeches, and having given answer to all his speeches, has dimissed him unto your ma-ty. And our lord wishes to continue with you, q. Elizabeth, in still greater brotherly amity than heretofore.

And whereas, lady, you wrote to me in your letter most graciously and with great favour, calling me your well beloved cousin and friend. I always glorify your h.s before my great lord the E. and G. D. Theodore Ivanovich of all Russia and before my lady the Empress and Grand Duchess Irenia, because you showed me your great favour and kindness and wrote me your loving letter, great and most resplendent lady, and I wish to glorify your h.s in future.

And whereas, lady, you wrote me in your letter that your h.s intends to let pass those subjects of other kingdoms, who shall come with their wares into the dominions of our lord by the sea passage which was first discovered by your subjects, you do so reasonably, lady, declaring thereby your love to our lord his ma-ty; and I acquainted my lord with this (proof of) your ma-ty's love.

And whereas, lady, you wrote me in your letter that your h.s would be willing to consent that all those your merchants who might wish to come for traffic into the dominions of our lord should have liberty of trade, but that you had before this given letters of privilege to those who first discovered the new passage to all the dominions of our lord, and that now you cannot infringe this privilege. Thereby you do not show, lady, perfect love to his ma-ty, in that you write that some of the merchants your subjects might come for trade unto the realm of our lord, and others are not to come. It is not the custom with you, great princes, that some merchants may come and others may not and that there be no equality given in trade to merchants. It would become you, most resplendent lady q. Elizabeth to be in perfect brotherly amity with our lord, and it is not beseeming to insist upon such an insignificant matter and to hinder those your subjects who wish to come for trade into the kingdom of our lord; all those your merchants ought to have liberty of trade. Our lord wrote about this matter to you, his loving sister. As regards your merchants who were the first to discover the new passage, they are already more favoured by our lord than any other merchants of all other great princes: there have been given to them houses in all towns, in Moscow, in Yaroslavl, in Vologda, and the Dwina; and now my lord, according to my prayer and entreaty, has granted permission to them to go for trade into his kingdoms of Cazan and Astrakhan, and from Astrakhan to Bokhara, and to Shemakha and to Persia, whilst merchants of other countries are not permitted to go through the kingdom of Moscovia to any place whatever, not even if it were but one mile beyond the

frontier. So you ought not, lady, to write any more to our lord about so unimportant a matter, and you ought to give order that your merchants might not be hindered any more.

And whereas your ma-ty writes to me in your letter about Anthony Marsh, that I should enquire about him and about his creditors and about what is not really owing by him. The villainy of Anthony Marsh has been thoroughly investigated: he deserves not to remain in our lords kingdom because of his villainy, for his having taken great sums of money from the officers of the treasury of our lord in the name of the English merchants, and for his having borrowed many sums from lords and gentlemen and divers merchants, giving bills under his hand for himself and for associates. They credited him and lent money to him, and accepted his bills under his hand, giving credit to his companions because he lived in the English house together with the English merchants. I do not even write about my debts, how much money Anthony owed me and how much he still owes me: others shall inform your ma-ty thereof. God alone knows how many were my endeavours and my intreaties about Robert (Peacock) and Jerom (Horsey) and all their doings. There was to be recovered from Anthony and his companions his ma-ty's money, and debts by bills to divers people together with the bills of William (Trumbull) for what they had both borrowed from the Moscovian merchant Athanasius Iudin to the amount of 23,553 roubles. Anthony was called to account for this sum before his ma-ty's officers and together with Robert and his company confronted with the said people of his ma-ty, and seeing his own hand on the said bills, he acknowledged himself to be responsible for them. All this inquiry and the copies of those bills have been afore this sent by our lord to you, his loving sister q. Elizabeth, with his interpreter Reginald Beckman, with whom also Anthony was sent away.—And when Anthony came to England he spoke many lies before your ma-ty's counsellors and he did not say that he owed money to our lord and did not acknowledge his handwriting on money bills. And Anthony's villainy

has been thoroughly investigated and it has been made apparent that Anthony is a great villain, that he took the said money in the merchants name from divers people in his ma-ty's kingdom and having bought Russian wares sent them on a ship for the amount of 15 thousand roubles, avoiding your ma-ty's English land, to the Netherlands to his store-keepers, with whom he traded together. And now he tells many lies wishing to conceal his villainy and the goods which he exported out of our lord's country not into England. Notwithstanding such villainy of Anthony, solely for your royal royal favour's sake, I made supplication and entreaties unto my lord to give order that not the whole of the amount of Anthony's bills should be taken now from your merchants. And our lord, his ma-ty, the great L. E. and G. D. Theodore Ivanovich of all Russia, out of his love to you, his loving sister q. Elizabeth, and for the sake of my supplication and entreates was graciously moved to order that there should be taken one half of the money from your merchants Austin Fluther (Fulkes?) and his company for the payment of divers gentlemen and merchants. And now, together with the emp-r's debt, and in payment of Anthony's bills, goods to the amount of only 7800 roubles have been taken from Austin and his company, not including therein the money to be paid on Athanasius Iudin's bills, which are to be put on William (Trumbull's) account. And it was for the sake of your favour unto me that I beseeched and intreated his ma-ty. And as regards my debts on the bills Anthony gave me, I have trusted them to your h.s, and I sent over to you with your amb. Giles all the bills I had from Anthony under his hand; and may it please your ma-ty to let my bills on Anthony be examined and order be given about this matter, because I have submitted it to your h.s will, great lady.

And whereas, lady, you wrote to me in your letter about Austin Fluther (?) whom you sent hither to be agent that I should favour him and keep him under my protection. If he will serve uprightly, I will for your ma-ty's words' sake, take care of Austin and his company in all their matters and will

supplicate for them before my lord in all their causes and I am willing to have him under my protection and to defend him against all. And I am ready also in future to supplicate for your merchants before my lord and to have the management of all their affairs of merchandize.—Even now my lord, the great L. E. and G. D. Theodore Ivanovich of all Russia, out of his love to you, his loving sister q. Elizabeth, and according to my request and supplication, has favoured your merchants Austin and his company: they ought to have paid for their house in Moscow 300 roubles duty; and they should have paid for their wares in Moscow for this 97 (1589) year, 1600 roubles oustom-duty; and they should have paid at Kholmogory transit-duty (vectigalia) for their wares 240 roubles, for the which sum they gave last autumn bills under their hands at Kholmogory. His ma-ty, our lord, for you, his loving sister's sake and through my supplication, ordered this money not to be taken from your ma-ty's merchants Austin and his company and ordered to give them back gratuitously the bills for custom-transit-duty, which had baen taken from them at Kholgomory.

And whereas, lady, you graciously sent me presents with your amb. Giles. I did not take your gracious presents, because your amb. brought from you, lady, to our lord for a present, pieces of gold, and a half piece of gold and a quarter piece of gold and a piece of gold of the size of a farthing. Such presents heretofore have not been used between you, great princes, and our lord ordered not to accept these presents and for this reason I durst not accept your gracious presents, which your amb. had brought for me; but I render thanks to you, great lady, and your presents were brought to me. And in future I am willing to pray my lord and to urge him that there might be confirmed betwixt our lord the great L. E. and G. D. Theodore Ivanovich of all Russia and you, great lady, q. Elizabeth, brotherly love for ever and greater than heretofore, and I desire to have your great favour unto me continued, lady q. Elizabeth, and I will keep your merchants under my protection with every care.

Written in our lord's kingdom in his princely city of Moscow, in the year from the creation of the world 7097 in the month of July.

№ 70. — 1590 Apr. 1.

Elizabeth to Theodore.

To our brother and most loving frend we wishe helth in our lord Jesus and prosperous success in all bussynes.

The letters which your highnes sent vnto vs by our ambassador Gilles Fletcher, we haue receaued and wee vewed them vnderstanding the partyculer poynts therein; which to aunswer in order or enter into the partecularites therof yt were tedious; nether doe wee mynde to discoerse of those causes vntill farther opportunytes or dyvers considerations. In the meane time we reffere the effect of all thos causes generall to your h.s delyberat overvewing againe. Wherin we desyre you would haue such honnorable consideracion as the trew meaning therof maybe agreable to your princlye dignetey.

The soden alteracon of your h.s brotherlye love professed towards ys, in using our late embassador, Gylles Fletcher, so basely as the lyke hath not ben shewed and vsed to our princly h.s by any prince in Europe and most injuriously dealt withall by your officer or chauncelor one Andrew Shalkhan, who sheweth himself an auncient enymey to our subjects, and nowe apoynted, as judge and partie in those matteres our ambassador was to intreat of. Which dishonnorable dealings doth geav vs just cause to suspecte that your h.s was not so well affected to vs as we deserved. The greate dishonnor sondrye weys shewed towards our princly h.s, and the manyfold and uncessant iniuries done vnto our subjects trading into your kyngdomes, sins the death of our loving brother Ivan Vasilewich of faymous memory, ar many which we of our princly pacience did ever suprese and kyver

thynking that they would haue bene ceassed and remedyed by your princlye and brotherly love to vs so professed. But nowe being brought vnto suche an extremetey that we cann hardly longer indewr them, being although very hard for our princly nature to disgest such gross iniuries of any prince lyving vnder the sonne. And therfore we desyer to vnderstand your resolution therof whether they ar done by your princly knowledge or by such as ar in offyce vnder your majesti, that doth rather wish enemytey between vs then brotherly love or frendshipp. But in the meane tyme we will premeditate the best of all things and take hold of your friendly conclusyon now and ever in your letters.

The bringer herof is our welbeloued subject and houshould servant Jerom Horseye jentelman, against whome in your h.s letters we perceave you haue taken soome displeasur for words should be vndesantly spoken by him. Hertofore aswel by your ma-ties letteres also by his owne reportt he hath ben a man favored by your h.s and comendation of his good demeanor; marveling he should forget himself so much as to purchase your displeasur any kynde of waye, he protesteth deply to our princly ma-ty he hath never offended your h.s in word nor deed and that he is pretended ther against him of sett mallis. Wherfore we tendering his estatte do prey you, our most loving brother, to remove your h.s displeasur taken against him and to shew your accustomed clemency towards him and that he maye haue recoerse too and froe according to our commission, vnder your princly favorable protectyon.

Another copy of this same letter somewhat differing in expressions and principally in orthography from the present one, is published in the «Discourse of the second and third imploymente of Mr. Jerome Horsey» etc. (vide «Russia at the close of the xvj century» ed. by E. A. Bond. London. MDCCCLVj. appendix ij. p. 297—299). It is dated there as given at Greenwich the 1-st of April 1589 (instead of 1590).

№ 70. — 1590 Апр. 1.

Елисавета Θеодору.

Нашему брату и любительнѣйшему другу желаемъ здравія о Господѣ Іисусѣ и благопоспѣшенія во всѣхъ дѣлахъ.

Мы получили письма, которыя ваше выс-во послали къ намъ съ нашимъ посланникомъ Эгидіемъ Флетчеромъ и разсмотрѣли ихъ, выразумѣвъ отдѣльныя статьи въ оныхъ; отвѣчать на оныя по порядку или входить въ подробности оныхъ было бы докучно; мы и не намѣреваемся разсуждать объ этихъ дѣлахъ до будущаго случая или до усмотрѣнія. До того же времени мы поручаемъ рѣшеніе этихъ дѣлъ вообще новому зрѣлому разсмотрѣнію вашего выс-ва. При этомъ мы желаемъ, чтобы вы оказали уваженіе справедливости, такъ чтобы смыслъ вашего рѣшенія былъ бы согласенъ съ вашимъ государскимъ достоинствомъ.

Братская любовь, въ которой ваше выс-во увѣряли насъ внезапно измѣнилась, какъ видно изъ обхожденія съ нашимъ послѣднимъ посланникомъ Эгидіемъ Флетчеромъ, обхожденія столь унизительнаго; что подобнаго не дозволялъ себѣ въ отношеніи къ нашему государскому выс-ву ни одинъ государь въ Европѣ; съ нимъ обращался самымъ оскорбительнымъ образомъ вашъ начальный человѣкъ или дьякъ Андрей Щелкаловъ, который оказываетъ себя давнишнимъ врагомъ нашихъ подданныхъ, а теперь назначенъ и судьею и участникомъ въ тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ нашъ посланникъ долженъ былъ вести переговоры. Такіе оскорбительные поступки даютъ намъ справедливый поводъ подозрѣвать, что ваше выс-во не столь хорошо къ намъ расположены, какъ мы того заслуживаемъ.

Со времени кончины нашего любительнаго брата преславной памяти Ивана Васильевича нашему государскому выс-ву было оказано много разныхъ оскорбленій и нашимъ подданнымъ, торгующимъ въ вашихъ государствахъ чинимы были многоразличныя и непрестанныя обиды; въ нашемъ государскомъ терпѣніи мы ихъ оставляли и преходили молчаніемъ, думая, что

онѣ будутъ прекращены и вознаграждены государскою и братскою любовью, которую вы намъ свидѣтельствовали. Но нынѣ мы доведены до такой крайности, что едва ли намъ можно долѣе ихъ терпѣть, такъ какъ слишкомъ трудно было бы для нашей государской природы терпѣть столь тяжкія обиды отъ какого бы ни было государя, живущаго подъ солнцемъ. И потому мы желаемъ рѣшительно знать отъ васъ: учинены ли онѣ съ вашего государскаго вѣдома, или сдѣланы тѣми, которые на службѣ вашего вел-ва и которые скорѣе желаютъ между нами вражды, чѣмъ братской любви и пріязни. — До времени же мы будемъ предполагать все лучшее и какъ нынѣ, такъ и всегда принимать ваши письма въ дружескомъ смыслѣ.

Грамоту сію везетъ нашъ прелюбезный подданный и слуга дома нашего, дворянинъ Еремѣй Горсей, противъ котораго, какъ замѣчаемъ изъ вашихъ писемъ, ваше выс-во нѣсколько прогнѣвались за слова, будто бы неприлично имъ сказанныя. Доселѣ, какъ по письмамъ вашего вел-ва, такъ и по собственному его отзыву, онъ пользовался милостями вашего выс-ва и былъ похваляемъ за свое хорошее поведеніе; удивляемся, какъ могъ онъ до того забыться, чтобы какимъ либо образомъ подпасть подъ гнѣвъ вашъ. Онъ настоятельно увѣряетъ наше вел-во, что никогда не оскорблялъ ваше выс-во ни словомъ, ни дѣломъ, и что это на него взведено по умышленному коварству. По этому мы, въ нашей о немъ заботѣ, просимъ васъ, люб-нѣйшій братъ нашъ, снять съ него опалу вашего выс-ва, на него наложенную, и оказать ему обычное ваше милосердіе и дозволить ему пріѣздъ и выѣздъ согласно съ нашимъ наказомъ, подъ милостивымъ государскимъ вашимъ покровительствомъ.

№ 71. — 1590 Apr. 1.

A draught of the letter to be sent from her Ma-ty to the Emperor of Muscovia and to the princ Boris Fedorowich.

To Princ Boris Fedorowich.

Elizabeth by the grac of God etc.
To our welbeloued coessen and frend the famous princ Boris Fedorovich governor and liftenant general of the Empyere of Cazan and Astracan, of the provinces of Vaga, M-r of the Emp.r horse and chief counselor to his ma-ty helth wishes etc.

Your princly letters we haue receaued by our embassador Gilles Ffletcher and reed and overvewed them. The contents therof together with the reportt of our sayd embassador doth make vs to wonder to hyer and see. The sodden alteration of your princly regard towards vs professed in your former letters. The great indignities shewed vnto our princly h.s by the gross vsag of our embassador with the hard dealings towards our merchants, doth make vs justly to suspect, that your princly effecton towards vs is not as we desire. *(Not)* to enter into the particularytes therof at this present tyme we assign vntill farther oportunytey for dyvers considerations with desyer that you in the meane tyme will overvewe all those causes and to haue such an fauorable conside(ration) of them as the trew meaning therof maye agree with your princly dignyty. In the meane tyme we take hold of your loving consideracon in your letters professed, and will premydytatt the best of you.

The bearer herof is our welbeloued subiect and houshould seruant Jerom Horsey jentelman by whome we receaved your fryindly presents alwayes sins geaving you harty thancks for your loving remembrance therby expressed towards vs: and wilbe myndfull therof vntill we haue oportunyty to shew ourselfe farther thanckfull. Our servant departed then vnadvisedly withowt our princly knowledge by whome we did de-

termyn to advertise you at leardge of thos letters etc. which he then brought from you vnto our h.s. The which we toke offencyve and throught submission we haue remytted our princly displesur and receaved him to grace espaciallye by yelding his reddy obediens by retorning at our comandment. Sins which tyme we perceave som displeasur conceaved against him by the emp.rs ma-ty for words pretended to be spoken by him; yt doth apear by the cyrcomstance of his protestation and otherwise by dew examination that he is not gilty therin but suposed to be a precise by som ther in your kingdoms whoe env . . . at his welfare sight by such devyces to bring him owt of your favors. But we vnderstand as well by your princly letters to vs as also by your favorable letters sins sent vnto him, that you contynew your princly favor towards him, wishing him much good with other and gracious speeches; the which we ar glade to hyer of for that we tendering *(his?)* estatte as servant exceptable vnto vs do prey you not only to pacefye the emp.rs displeasur so conceaved against him, but also for our sacke to contynew and extend your princly goodness in farther measur towards him, and that he might with your favor haue recorse and means to dispatch such afferes geven him in comission to be done for our h.s, but also for ending such his owne causes as his necessyty shall requyer. And in so doeing we shall thynck our self beholding vnto your honnor for the same.

№ 71. — 1590 Апр. 1.

Елисавета Б. Ѳ. Годунову.

Мы получили ваше княжеское письмо черезъ нашего посланника Эгидія Флетчера и прочли и разсмотрѣли оное. Содержаніе его и докладъ сказаннаго нашего посланника поразили насъ удивленіемъ. — Внезапное измѣненіе вашего княжескаго къ намъ уваженія, заявленнаго въ прежнихъ ва-

шихъ письмахъ; великія обиды, оказанныя нашему государскому выс-ву грубымъ обращеніемъ съ нашимъ посланникомъ, вмѣстѣ съ жестокими поступками по отношенію къ нашимъ гостямъ; заставляютъ насъ подозрѣвать, что ваше княжеское расположеніе не таково, какъ мы желаемъ. Дабы не входить въ подробности этихъ дѣлъ въ настоящее время, мы, по разнымъ соображеніямъ, откладываемъ ихъ до другаго случая, желая, чтобы вы покуда пересмотрѣли всѣ эти дѣла и имѣли бы по нимъ такое благосклонное сужденіе, чтобы истинный выводъ онаго согласовался съ вашимъ княжескимъ достоинствомъ. До того же времени мы будемъ вѣрить вашему любительному уваженію, объявляемому въ вашихъ письмахъ, и будемъ думать о васъ все лучшее.

Письмо сіе везетъ нашъ возлюбленный подданный и слуга дома нашего, дворянинъ Еремѣй Горсей, чрезъ котораго мы получили ваши дружескіе подарки, за которые, какъ любительное ваше воспоминаніе, мы не престаемъ воздавать вамъ наши сердечныя благодаренія; и мы будемъ о нихъ помнить пока не представится случай болѣе оказать нашу благодарность. Слуга нашъ тогда безразсудно уѣхалъ безъ нашего государскаго вѣдома; нами было рѣшено подробно писать вамъ о томъ письмѣ, которое онъ въ то время привезъ отъ васъ нашему выс-ву; за это мы на него прогнѣвались и отложили наше государское на него неудовольствіе и вновь приняли его въ нашу милость главнѣйше за его покорливость доказанную его возвращеніемъ по нашему повелѣнію. Замѣчаемъ, что съ того времени его царское вел-во возъимѣлъ на него какое то неудовольствіе за слова будто бы имъ сказанныя. Изъ его опроверженій и по изслѣдованію оказывается, что онъ въ этомъ не виновенъ, но надобно предполагать что это злоумышленіе нѣкоторыхъ людей въ вашихъ государствахъ, которые завидуютъ его благосостоянію и такими ковами хотятъ лишить его вашихъ милостей. Изъ вашего же княжескаго письма къ намъ а также изъ милостиваго письма, посланнаго вами послѣ того къ нему, мы заключаемъ, что вы сохраняете вашу княжескую къ нему милость, такъ какъ желаете ему много добра и обращаете къ нему другія благоволительныя рѣчи. Мы весьма сему рады, ибо

заботимся о благосостояніи его, какъ угоднаго намъ слуги, и просимъ васъ не только умирить неудовольствіе царя на него, но, ради насъ, сохранить и еще болѣе распространить вашу княжескую къ нему благость, и, по милости вашей, разрѣшить ему вести переговоры и вершать не только тѣ дѣла, которыя поручены ему отъ нашего выс-ва, но и для закончанія тѣхъ его собственныхъ дѣлъ, въ которыхъ ему встрѣтится надобность. За исполненіе сего мы будемъ считать себя обязанными вашей чести.

№ 72. — 1590 Apr.

Lord Burleigh to the famous prince Boris Fedorowich.

The rough draft of this document is in the handwriting of Jerom Horsey.

Most famous prince Lord Borris Fedorowich salut etc. Wheras we vnderstand that the emperor Feodor Ivanowich did conceave displeasur towardes *(the)* esquier herof Jerom Horsey gentel. her ma.s houshold servant for words he should vtter tending to the *(iniurye?)* of the said emperor we having explained the same and thorowoght presentacion of the said Jerom that he never offended the emp.r nether in word nor deed do rather thyncke yt to perceave of an invencon expressing of such as wishethe him no good and marveling he should so much forgett him self considering the great favor alwayes shewed him by the emp.r and your most famous prince — — — speciall favor aswell by your letters often vnto the E.ma.s as also by credable reportt we perceave hath ben theis towards him great measur. And nowe he hawing with great credytt aquitted him self of such informacions as hath ben delyvered vnto vs as also the differences and controversyes betwen him and the merchants being fully ended with a freyndly conclusion to the content of bothe parties, yt pleaseth her ma.ty to imploye in her service aswell to your honnor as to the emp.r, for tendering the jentel estatte do

besych your honnor in his behalf, not only to be a mean to the emp.r ma.ty for the resting of the displeasur you conceaved against him, but also that yt would please you to contynew your princly fawor towards him of the which he hightly estemeth and the more for our reqwest. And that he maye haue favorable eare and furtherance geven him to such effectes as ar comytted vnto him by comission not doupting but the good success therof wilbe comodious for both realmes, to the good lykings of both sids. In accomplishinge this our requests, We will hold ourselves beholding vnto your honor vntill occason shalbe offered to shew your lyking at your request: assewring your honor to fynde us reddy at altymes.

№ 72. — 1590 Апр.

Лордъ Бёрлей Б. Ѳ. Годунову.

Знаменитѣйшему князю боярину Борису Ѳедоровичу здравствованіе.

Извѣстившись, что царь Ѳедоръ Ивановичь возъимѣлъ неудовольствіе на здѣшняго дворянина Еремѣя Горсея, слугу дома ея вел-ва, за слова будто имъ сказанныя въ поношеніе царя, мы разъяснили сіе дѣло и изъ представленій его, Еремѣя, что онъ никогда ни словомъ, ни дѣломъ не оскорблялъ царя, предполагаемъ, что это скорѣе выдумка, взведенная на него тѣми, кто не желаетъ ему добра; ибо удивительно было бы, чтобы онъ могъ до такой степени забыться, если сообразить ту великую милость, которая была всегда оказываема ему царемъ, и отмѣнное благоволеніе ваше, знаменитѣйшій князь, которыя мы усматриваемъ какъ изъ вашихъ писемъ, такъ и изъ достовѣрныхъ извѣстій. Нынѣ онъ, съ большою для себя честію, очистился отъ представленныхъ намъ противъ него обвиненій; также совершенно дружелюбно окончены и разногласія и споры между нимъ и гостями къ обоюдному удовольствію; и ея вел-ву угодно употребить его на свою службу какъ къ вашей чести, такъ и къ

царю и, въ заботѣ объ его благосостояніи, просить вашу честь за него, чтобы вы не только были бы посредникомъ предъ царскимъ вел-вомъ къ устраненію неудовольствій, возникшихъ противъ него, но чтобы вы благоволили также продолжать ему вашу княжескую милость, которую онъ высоко цѣнитъ и оцѣнитъ еще болѣе послѣ нашей просьбы; и чтобы онъ милостиво былъ выслушанъ и поддержанъ въ тѣхъ дѣлахъ, которыя по наказу ему поручены и которыхъ успѣхъ безъ сомнѣнія будетъ выгоденъ для обоихъ государствъ, къ удовлетворенію обѣихъ сторонъ. — Чрезъ исполненіе сихъ нашихъ просьбъ, мы будемъ считать себя въ долгу у вашей чести, пока не представится случай по вашей просьбѣ оказать вамъ угодное; къ чему ваша честь найдете насъ — будьте увѣрены — готовыми во всякое время.

№ 73. — 1590 Aug.

Elizabeth to Theodore.

Elizabeth, by the grace of God, Quene of Englande, Fraunce and Irland, Defender of the fathe, etc., to the most mightie Lord Emperowr and Great Ducke Theodore Ivanowich of all Russia, etc.

Requiringe of your Majesty a resolute aunswer upon the articles followinge:

1. First. Wheras your ma-ty sendinge a Dutch man (Reginald Beckman) as your messinger with letters unto our h.s referringe the matter therin cunteyned unto our ma-ty's judgment and opinion, and that yt should so rest untill our aunswer were geven therin, the which with all conveyniante spede we did. But the said matters were fully determyned and prosecuted longe before the said messingers retorne with our princly letters; which is against the law of all nations, whille the messinger is in comunication to determen of the causes absolutlye.

2. Wee sendinge (our) h.s ambassadour, Giles Fletcher, to your ma-ty, he could not be excepted for an ambassador, not only abased but greatlie abused, his letters and messadge was demaunded from him and could not be permyted unto your ma-ty's presence in the space of half a yer.

3. Our h.s said ambassadour, beinge thus kept as a prysoner within dores by watchmen of very base callinge, was not permytted to treat of our princlie causes with your ma-ty's counsalle, but very reprochfully was put over princepally to an offycer (the secretary Stchelkaloff) upon whome he was to compleyne for dyvers gross abuses. So the said officer became judge and partie himself to receave and answer at his owne will and pleasure; by which permitans he procecuted his longe atempted oportunytey against our subjects to our ma-ty's great indignitey.

4. Wee, of our princlie love and good will towards you, our most lovinge brother, comaunded a delectable present to be sente unto your h.s; ourselves beinge then in the most bussyest tyme of our wars with the Spaniards. We acknowledge the orderinge thereof not comendable nor agreable to our h.s pleasur, when we understood therof; but yete the thinge not beinge so base but smaler valewe hath and doth pass betwene princes wher love and frendshipe remayneth. The thinge rejected and disdayned in most dishonorable sort, and retorned with oprobrious speches publyckly, not respectinge the brotherly love your h.s professed unto our ma-ty; which might farr better agreed with your princly honnour to have geaven a brotherly and pryvat advertismente of the dislycke therof. But if your ma-ty had ever at any tyme sente unto our h.s the tenth part of the valew therof, and meat in no worse sort then that was, our princly ma-ty would have excepted therof not in respect of the thinge itself, but of the excelency from whome yt was presented.

5. The privileges sent unto us for the use of our subjects, as a tocken of your brotherlie love towards us, was offered to be frustrated and not alowed of; which wee thought a thinge inrevocable of so mightie a prince. The comodytey

therof to you wards not to be compared unto the hight exceptance our princly ma-ty gave therof, and as reddy to bestowe the lycke and lardger upon your ma-ty's subjects, or any other gratification in lewe therof that might be exceptable to your h.s; ever carieng that princly mynde with us, not purposinge to let rest in oblyvion any kynde or brotherlye pleasur your ma-ty should shew unto us or ours in any respect.

6. Wee requiringe our naturall subjects lyving ther in your kyngdoms without our ma-ty's pleasur, some escapinge for haynous crymes comytted, other some deceavinge the merchaunts being greatly in ther depts, they ar ther deteyned and maynteyned by your officers, behaving themselves very disorderly to both our princly dishonors, some forced to be rebaptised anew, being ons alreddy receaved into Christianytey by baptisme; the permitans apereth a flatte dishonnor to God, the partie not able to render a reasone substanciall of his ignorant folly, otherwise then for lacke of grace to purchose his lewde liberty therbye.

7. Also we tacke yt not the least dishounour shewed unto our princly h.s that ther should be a servant taken by vyolence so openly from our ambassador *), and thinckinge to escape the daingers of dew punishment for his lewd lif. Joyninge with the instigation of such his lycke, forged a fals invension against his master whome he served, pretended in the presence of our ambassador and other substanciall merchants the said ambassador's othe and the merchants wytnesses refused; nether the partie his master coulde be belyved, but the boye's only fals information credited and tocke place, and rewarded, to the evill example of all suche as would herafter atempt the lycke vyllanye.

8. The entertainment that our h.s ambassadours and messingers receave of your ma-ty is not agreable to our princly qualytey, and not such as we shew unto your ambassadors

---

*) Jerome Horsey's servant and accuser Thomas Wostenam.

and messingers of what qualitey soever they be of, which we refer to ther owne reports. Yea, we ar credably informed that your ma-ty maketh more estimation of other princes of meanour qualitey; heathens, Tartors, Turcks, etc., receave better exceptance then ours in all respects. To declare the particulers wherin were over tedious: if we should use the lycke to any nation, representing the ma-ty of a prince, we should accompt it in our selves not comendable.

Wee desire of your h.s to consider of these viij articles her brieflie sett downe, collected owt of dyvers others which we make no mencion of here. Wee have a longe tyme kyvered them with our princly pacience, preinge you to yeld your princly censur with yourself, whether we have just cause to complaine or fynde our selves agreved with these grose ingores or noe, or whether yt wer tolarable by you if we should shew the lest of them towards your ma-ty; and the lycke were never offered of noe prince towards us, no not of our gretest enymies; and althought they ar hardly to be disgested of any princly nature, yet have we not ben desirous of revenge or breach of brotherly ametey. But yt may please you to understand that we have had the oportunytey dyvers weys, and yrnestely instigated therunto by sundry princes, your neightbors and enymes, whoe, knowinge and felinge our strength by sea, would not, nea durst not atempt yt themselves withowt our princly permyttance, they meaninge to spoyll and rase your inhabitants in the northe, Pechinga, Varzega, Colla, Solloveskae, Une, Nonop (Nenoksa) and others, as Pechora, Novazemla and that side and to stop your subjects trade for saltte, fishe, oyell, sabls etc., by sea, that noe one boate should come owt and in the ryver Dwina. Also that no straingers might come to trade into your domynons by shippinge; as apered by the open precise thereof of very late yers, when ther were sente thre gallyes of warr and four ships with 200 men in each, well furnished with ordinance, of purpose cominge upon your northe coasts; robbed and spoyled all such your subjects they could come by, and tocke Netherland ships and goods. Wee under-

standinge of thier pretence comanded our merchants ships to ley weyt for them. They met and fought together; rescued not only your subjects and goods, but also the Netherlanders and ther ships; soncke and spoyled dyvers of them. Also, of latte, another pretending to spoyle Pechora, was lyckwise put from ther purpose and yearly ther ar being some by stelth abowt your coasts watching ther oportunytey. Thus putting the enymey from your coasts, thier purposes and prectises oftentymes prevented only by our forces, althought not her resyted (*here recited*), hath bryd cause of offence betwene the easteren princes and us. But we, alwaies preferringe the observation of brotherly love and frendshippe professed betwen us, gave no eare to ther often messadges, but contynewally permyttinge our subjects to transport into your kingdomes, powder, saltpeter, brimstone, copper, leade, tynn, silver, gold, and suche lycke; which your father, of famous memory, did take himself greatlie beholdinge unto us for, althought nowe not so acknowledged of you, for that it stoed him in more steed in the tyme of his ma-ty's famous conquests. His h.s accompted of us alwaies, althought a far neyghtbour yet a nere and a sure frend, as by proof did apere. For the king of Swethia often anoyeinge the passadge by sea towards the Narve, yerly his ships of warr robbinge and spoilinge the Lubeckers, Danes, Frenchmen, Hollanders, etc., your said father, of famous memory, desyred us that we should send our princly ships of warr to remedye the spoyle that the Swethian made in the easteren seas; which we willingly graunted unto, and sent certeyne of our warlycke ships, acompanyed with other of our merchants apoynted for the purpose; fought with the wholle flete of the enymes princepall ships, soncke dyvers, spoyled the most part of the rest, and reserved some 150 of the princepall actors, which our subjects brought and presented to your father, of famous memory, Ivan Vazilewiche, L. E. and G. D. of all Rusya, at the Narve, where then was execution done upon them *). By thes means the Swethian shipps durst not come

---

*) *vide supra* № 27.

forth, and as longe as our shipps used those seas, the passadge was clered, and great trafique was at the Narve by all nations in quiete tyme.

The trewth and present memory of these things will manifest yt self; which if they were not yet in regester as a terrour with the Swethian, Dane, Lubecker, etc., they would not feare to atempt the lycke in the north seas. Yet do we forbide none to come peacably by weye of trafique into your kingdoms, althought wee have some reasone therunto, for that our subjects were the first founders of that passadge, with lose of many a mans life and goods, and the mayntenance therof to this day; and we thincke that no nation whatsoever will presume to pass the seas of purpose, against our princly favour. Wee vaunt not of these things, nether of them as threats, but to helpe your princly memorie to consider that your brotherlye love towards us is not such as our watchfulle frendships towards you have deserved; nether cane your ma-ty chardge our princlie h.s with any one such discortesy or cause of breach of brotherlye amytey. But your h.s may perceave we have hetherto caried a constant care for the preservation therof, and therefore we do requier that as your ma-ty dothe tendar the preservation of your owne honnour, so maye ther not be cause geven to impeache our princly dignytey.

The companye of marchants our subjects tradinge into your kingdomes have made knowen unto our ma-ty many grevences, emongest which ther ar brieflye here colected but a fewe of them, aquaintinge your ma-ty with the manner and coerse that hathe bene procecuted therin; desyringe of your h.s redrese therof, in such sorte that we may be perswaded yt is agreable to princly and trewe justice.

1. There hath bene of late very disordourly seased upon the merchants generall great somes of money by pretence of depts owinge particulerly by one Anthony Marsh to your subjects, which was a counterfeyt thinge and prectise betwene them and the said Marshe not aperteyning at all to our merchants the companye, he havinge a particuler trade,

a particular priveledge, a particulere howse and a particuler maintenans against all our merchants; whiche thinge, it if it be so alowed of, the said companie may as well challenge of your generall subjects theyr just depts owinge them by particular men of the same nation, the one beinge of as substanciall a condicion as the other. The some exacted upon them is 7,900 roubles, and the bills yete remaininge in the credytors hands.

2. Also the said companie of merchants made request they might be paid the dept the said Marshe did owe unto them, beinge abowt 1800 robles, owt of the xv thousand robles, your ma-ty's officer, A. Shalkan, receaved into his hands of the said Mershes, in cloth, leade, saltpeter, wynes, sabls, salt and other comodyts, as particulers aperreth; which xv thousand robls our merchants requier not, for that the said Shalkan ment to pay the said Mershes depts and gathered them to himself for that purpose.

3. Item. The valewe of the goodes lastly robbed from the said companies factor, Richard Proctor, upon the Volga ryver, by your ma-ty's subjects cominge in company with them, which goods were all recovered of the captaines and theves by Andrew Shalkan, well knowen, who doth as is said injoye the same, beinge abowte 3400 robels.

4. Also, the rest of the said companyes goodes and money seased and taken from ther factor John Chappell, for pretence of his particuler offence; which you of your princly favour forgave and promised by your ma-ty's letters, extant with us, that you had geven ordour for our sacke yt should be all redelyvered, which is not to this daye. Wee esteme your princly word and promis as sewer as paymente, not doupting but that your h.s will now cause yt to be dischardged withowt longer regeser (?). The said Andrew Shalkan receaved all into his hands, as by dew proef aperreth by noate 3800 robles.

5. The fyringe of the companies howse at Colmogour was well knowen to be a purposed prectise of your ma-ty's subjects, which, if ther agent had not ben upholden in your

citty Mosco so longe extraordinarily, he hade come longe before that tyme to have shipped the same goods therin burnt, wherby dyvers of ther ships retorned empty; so that ther lose and hinderancs is aleaged to be above 2700 robls.

6. There is yerly forsablely layed upon the saied companie by your ma-ty's offycers wax for great somes at an extreme price, wherby they lose muche in the transportation therof; a comodytey they were wonte to bestowe ther money one, beinge at a reasonable price before this restraint was made; as also they would injoyne them to a greater inconvenyans to give saltpeter in leu of the waxe at a base price, which comodytey is not originally growinge in our realmes in suche quantitey to be transported more than serveth our princly provicion.

Your princly letters of priviledge, whiche you of your h.s brotherlie love towards us did send unto us for theire vse, is not ratifyed nor confirmed to stand in effect. They ar threatned of many imposytions and taxes, as howse rents and other, whiche fredoms your ma-ty hath alwaies aledged as a speciall favor and noate of difference your ma-ty ever had and held betwen the English merchants and other nations; and they complaine of many hard dealings towards them by your officers, that a faulte unadvised at any tyme commytted is procecuted upon them with rigour, not weying that they are straingers, and that ther folly is for want of experience, whiche might be kyvered withe wisdome and leanacy. We* would the said offycers should knowe that they ar not a people destitute of such a princes, but hath dew care for the preservation of her subjects and to defend them in theyr rightfull causes.

Here may your ma-ty perceave as well the formour artycles towchinge our princly estatte as also these latter conserning our merchants declareth itselfe of great importance, requiringe a far greter treates and ambassadge. But for that this our messinger (Horsey) in whome we repose great trust, and have geven suffycient comission requisit in suche effears, as (by) our princly letters unto your ma-ty apereth, whoe beinge fully aquainted with your h.s ordors and of suffyciency to judge of the reasonable aunswers that shal be produced her-

in, beinge all done in the tyme of his abode in your kingdoms, hee shal be perswaded of all matters on both sids farr better then by any other wee should have imployed wantinge his experience. And therfore wee expect and requier from your ma-ty a full determynete and resolute aunswer by him towchinge all the particularytes of the said promises (*premises*?).

Delyvered the 4-th of August, 1590, in the Musco, unto the Emperor's hight treasewrour, Demenshoye Ivanowiche Cherimissen, the officer of ambassages, Andrew Shalkan, and Posnyck Demetriove, by the Emperours ordour and Boris Fedorowiches.

№ 75. — 1590. Авг.

Елисавета Өеодору.

Елисавета, Божіею милостію королевна Англіи, Франціи и Ирландіи, оборонительница вѣры и проч.

Премогущественнѣйшему государю царю и великому князю Өедору Ивановичу всея Россіи и проч.

Требуются отъ вашего вел-ва рѣшительные отвѣты на слѣдующія статьи:

1. Во первыхъ. Ваше вел-во прислали къ намъ Нѣмца (Региналъда Бекмана) отъ себя гонцомъ съ грамотами къ нашему выс-ву, отдавая содержащееся въ оныхъ дѣло на сужденіе и мнѣніе нашего вел-ва съ тѣмъ, чтобы то дѣло такъ оставалось, покуда по оному не будетъ данъ нами отвѣтъ, который мы и дали со всею возможною поспѣшностью. Но тѣ дѣла были совершенно разрѣшены и приведены въ исполненіе задолго до возвращенія сказаннаго гонца съ нашими государскими грамотами. Окончательно рѣшать дѣла, пока о нихъ сносятся черезъ гонца, противно законамъ всѣхъ народовъ.

2. При посылкѣ посланника нашего выс-ва Эгидія Флетчера къ вашему вел-ву, его не хотѣли принять какъ посланника, онъ былъ не только унижаемъ, но премного оскорбляемъ,

у него вытребовали его грамоты и наказъ и не допускали предъ лицо вашего вел-ва въ теченіи полугода.

3. Нашъ сказанный посланникъ содержался въ своемъ домѣ какъ плѣнникъ подъ стражею людей низкаго происхожденія; его не допускали вести переговоры о нашихъ государскихъ дѣлахъ съ совѣтомъ (*думою*) вашего вел-ва, но, къ великой его обидѣ, онъ былъ главнѣйше порученъ одному приказному человѣку (*дьяку* Щелкалову), на разныя важныя злоупотребленія котораго онъ долженъ былъ жаловаться. Такимъ образомъ этотъ приказный человѣкъ самъ сталъ судьею въ своемъ собственномъ дѣлѣ, по своему усмотрѣнію задавая вопросы и передавая отвѣты. Чрезъ каковое потворство ему доставленъ былъ давно изыскиваемый случай дѣйствовать противъ нашихъ подданныхъ, къ великому негодованію нашего вел-ва.

4. Изъ государской нашей любви и пріязни къ вамъ, нашъ люб-нѣйшій братъ, мы повелѣли послать къ вашему выс-ву прелестный подарокъ, будучи сами въ то время весьма заняты нашими войнами съ Испанцами. Теперь когда мы уразумѣли желанія вашего выс-ва, мы сознаемъ, что подарокъ этотъ былъ не удовлетворителенъ; однакоже онъ не былъ до такой степени ничтоженъ, чтобы и менѣе цѣнные подарки не пересылались между государями, между коими ведется любовь и дружба. — Подарокъ былъ отвергнутъ и пренебреженъ самымъ оскорбительнымъ образомъ, и всенародно возвращенъ съ поносительными рѣчами, безъ уваженія къ братской любви, которую ваше выс-во изъявляли нашему вел-ву. Гораздо болѣе согласовалось бы съ вашей государскою честью, по братски и довѣрительно извѣстить насъ, что онъ вамъ не нравится. Если бы ваше вел-во когда либо прислали нашему выс-ву подарокъ, цѣною въ десять разъ дешевле, и не хуже нашего отдѣланный, наше государское вел-во приняли бы его, не изъ за самой вещи, но изъ уваженія къ превосходству того, кѣмъ она подарена.

5. Привилегіи, присланныя къ намъ для руководства нашихъ подданныхъ, какъ залогъ вашей братской къ намъ любви, были нарушаемы и не допускаемы къ исполненію; а мы считали ихъ непреложными отъ столь могущественнаго государя. Удобство ихъ для васъ не можетъ сравниться съ тою готовностію, съ

которою наше государское вел-во ихъ приняли, и мы готовы даровать таковыя же и еще пространнѣйшія подданнымъ вашего вел-ва или оказать въ замѣнъ ихъ иное вознагражденіе, какое было бы угодно вашему выс-ву; ибо мы всегда хранимъ въ нашемъ государскомъ умѣ (правило) никогда не оставлять въ забвеніи никакого милостиваго или братскаго благоволенія, какое ваше вел-во окажете въ какомъ либо отношеніи намъ или нашимъ подданымъ.

6. Мы требовали выдачи нашихъ природныхъ подданныхъ, проживающихъ въ вашихъ государствахъ безъ соизволенія нашего вел-ва: нѣкоторые изъ нихъ бѣжали (отсюда) совершивъ тяжкія преступленія; нѣкоторые другіе обманываютъ купцовъ, будучи у нихъ въ большихъ долгахъ. Ваши приказные люди задерживаютъ и покровительствуютъ этимъ людямъ, которые ведутъ самую безпорядочную жизнь, къ безчестью насъ обоихъ государей; нѣкоторыхъ изъ нихъ принудили вновь креститься, когда они однажды уже приняты въ христіанство чрезъ крещенье. Такое потворство является прямымъ кощунствомъ, ибо они не могутъ представить иного существеннаго оправданія в ъсвоемъ невѣжественномъ безуміи, кромѣ отреченія отъ благодати съ цѣлію искупить себѣ постыдную свободу.

7. Мы принимаемъ также за немалое безчестье, нанесенное нашему государскому выс-ву, насильственнымъ и открытымъ захватомъ слуги у нашего посланника *) и полагаемъ, что это было сдѣлано съ цѣлію спасти ему постыдную его жизнь отъ заслуженнаго наказанія. Сговорившись съ подобными себѣ, онъ взвелъ ложное обвиненіе на своего господина, которому онъ служилъ, и далъ о семъ показаніе въ присутствіи нашего посланника и иныхъ почтенныхъ купцовъ; на заявленія посланника подъ присягою и на показанія купцовъ былъ данъ отказъ; отвѣтчику, его господину, не дано вѣры; а дана вѣра одному ложному извѣту холопа, который уваженъ и награжденъ въ дурной примѣръ всѣхъ тѣхъ, которые въ послѣдствіи попытаются на подобную же подлость.

*) Слуга Еремѣя Горсея Ѳома Востенэмъ, тотъ самый, который обвинялъ его въ произнесенія дерзкихъ словъ противъ царя.

8. Содержаніе, отпускаемое отъ вашего вел-ва нашимъ посланникамъ и гонцамъ не соотвѣтствуетъ нашему государскому достоинству и не таково, какое мы даемъ вашимъ посланникамъ и гонцамъ какого бы они званія ни были: въ томъ ссылаемся на собственныя ихъ донесенія. Мы даже имѣемъ достовѣрныя извѣстія, что ваше вел-во оказываетъ болѣе уваженія государямъ низшаго передъ нами сана: язычникамъ, Татарамъ, Туркамъ и инымъ дѣлается лучшій противъ нашихъ пріемъ. Неумѣстно было бы приводить подробности: если бы мы поступали такъ относительно какого бы ни было народа, въ лицѣ представителей вел-ва государя, мы бы въ самихъ себѣ нашли сіе предосудительнымъ.

Мы желаемъ, чтобы ваше вел-во разсмотрѣли эти восемь статей, вкратцѣ здѣсь изложенныя и избранныя между разными другими, которыхъ мы здѣсь не упоминаемъ. Мы долгое время, по нашему долготерпѣнію, не заявляли о нихъ. Просимъ васъ, чтобы вы подвергли ихъ собственному вашему государскому разсмотрѣнію: имѣемъ ли или не имѣемъ мы справедливый поводъ жаловаться или считать себя оскорбленными чрезъ эти наглыя обиды? и могли ли бы вы стерпѣть если бы малѣйшая изъ нихъ была сдѣлана вашему вел-ву? А подобныхъ обидъ не было никогда дѣлаемо намъ никакимъ государемъ, ниже величайшими нашими недругами. — Хотя трудно для природнаго государя перенести ихъ, мы однакоже не пожелали отмщенія ихъ или разрыва братскаго дружества. Но да будетъ вамъ извѣстно, что для насъ было много разныхъ къ тому случаевъ и что насъ настоятельно къ тому убѣждали разные государи, ваши сосѣди и недруги, которые, зная и ощущая наше могущество на морѣ, сами не хотятъ, да и не могутъ, безъ нашего государскаго соизволенія, исполнить свое намѣреніе разграбить и истребить ваши сѣверныя поселенія на Печенгѣ, въ Варзугѣ, въ Колѣ, на Соловецкихъ (*островахъ*), въ Унской (*губѣ*), въ Непоксѣ и въ другихъ мѣстахъ, какъ то въ Печорѣ, на Новой Землѣ и въ томъ поморьѣ, и остановить морской торгъ вашихъ подданныхъ соленою рыбою, жиромъ, соболями и проч. такъ, чтобы не пускать и не выпускать ни единой лодки по рѣкѣ Двинѣ; также не пускать никакихъ

иностранцевъ торговать на корабляхъ въ вашихъ владѣніяхъ. Подобная попытка была уже сдѣлана за весьма мало лѣтъ предъ симъ, когда три военныя судна и четыре корабля съ 200 человѣкъ на каждомъ, хорошо снабженные артиллеріею, нарочно напавъ на ваши сѣверные берега, ограбили и раззорили всѣхъ тамошнихъ вашихъ подданныхъ и захватили Нидерландскіе корабли и товары. Узнавъ объ ихъ намѣреніи, мы велѣли нашимъ купеческимъ кораблямъ стеречь ихъ. Послѣдніе ихъ встрѣтили, дали имъ сраженіе; не только вашихъ подданныхъ и ваши товары, но и Нидерландцевъ съ ихъ кораблями, отбили и многихъ (непріятелей) потопили и раззорили. Недавно была сдѣлана еще попытка раззорить Печору, и ежегодно по нѣсколько кораблей тайно выжидаютъ случая напасть на ваши берега. Такимъ образомъ удержаніе непріятелей отъ вашихъ береговъ, предупрежденіе ихъ попытокъ и умысловъ единственно нашими войсками (хотя мы о семъ здѣсь не упоминаемъ) послужили поводомъ къ неудовольствіямъ между восточными государями*) и нами. Однакоже, всегда предпочитая соблюденіе братской любви и дружбы, заявленныхъ между нами, мы не обращали никакого вниманія на ихъ частыя посылки, но постоянно продолжали дозволять нашимъ подданнымъ вывозить въ ваши государства: порохъ, селитру, сѣру, мѣдь, свинецъ, олово, серебро и т. под.; за что вашъ отецъ знаменитой памяти считалъ себя весьма намъ обязаннымъ, такъ какъ это много ему помогло во время славныхъ завоеваній его вел-ва, хотя нынѣ вы и не сознаете этой пользы. Его выс-во всегда считалъ, что хотя по сосѣдству мы далеки, но по дружбѣ мы близки и вѣрны, что̀ доказано и на опытѣ: ибо, когда Шведскій король часто преграждалъ морской путь къ Нарвѣ и когда его военныя суда ежегодно грабили и разбивали Любчанъ, Датчанъ, Французовъ, Голландцевъ и другихъ, вашъ сказанный отецъ, преславной памяти, просилъ насъ послать наши королевскіе военные корабли положить предѣлъ нападеніямъ, дѣлаемымъ Шведами на восточныхъ моряхъ**); мы охотно на сіе соизволили и послали для сего нѣсколько нашихъ воен-

*) Королями Польскимъ, Датскимъ и Шведскимъ.

**) Нѣмецкомъ и Балтійскомъ.

ныхъ кораблей, въ сопровожденіи другихъ нашихъ купеческихъ, нарочно для того назначенныхъ: они бились съ главными кораблями всего непріятельскаго флота, потопили нѣкоторые изъ нихъ, и большую часть прочихъ повредили; изъ главныхъ же непріятелей оставили около 150 чел., которыхъ наши подданные и представили вашему отцу, преславной памяти, Ивану Васильевичу В. Г. Ц. и В. К. всея Россіи въ Нарвѣ, гдѣ они тогда и были казнены *). Послѣ этого Шведскіе корабли не смѣли выходить въ море и пока наши корабли ходили въ тѣ моря, плаваніе было свободно и торгъ въ Нарву оставался открытъ въ мирное время для всѣхъ народовъ.

Истина сего очевидна: дѣла эти еще у всѣхъ на памяти; если бы они не навели ужаса на Шведовъ, Датчанъ, Любчанъ и друг., сіи послѣдніе не побоялись бы сдѣлать подобныя попытки на сѣверныхъ моряхъ. Однако же мы не воспрещаемъ никому мирно приходить въ ваши царства, хотя имѣли бы нѣкоторую къ тому причину, такъ какъ наши подданные первые учредили это плаваніе съ потерею жизни многихъ людей и многихъ товаровъ, и поддерживаютъ оное до сего дня; и мы не полагаемъ, чтобы какой бы ни было народъ осмѣлился плавать по морямъ вопреки нашего государскаго желанія. Мы не кичимся этими обстоятельствами и не представляемъ ихъ въ видѣ угрозы, но желаемъ помочь вашей государской памяти разсудить, что ваша братская къ намъ любовь не такова, какой заслуживало бы наше бдительное къ вамъ дружество; и ваше вел-во не можетъ обвинить наше корол. выс-во ни въ какой подобной (*исчисленнымъ*) невѣжливости и ни въ какомъ нарушеніи братской пріязни; но ваше выс-во можетъ усмотрѣть, что мы досёлѣ постоянно прилагали стараніе о сохраненіи оной. И потому мы требуемъ, чтобы, если ваше вел-во печется о соблюденіи собственной своей чести, не было бы подаваемо повода къ оскорбленію нашего государскаго достоинства.

Общество подданныхъ нашихъ купцовъ, торгующихъ въ вашихъ государствахъ, извѣстили наше вел-во о многихъ обидахъ:

*) *см. выше № 27.*

изъ нихъ здѣсь вкратцѣ приводятся лишь немногіе для увѣдомленія вашего вел-ва о порядкѣ и ходѣ производства этихъ дѣлъ. Просимъ ваше вел-во сдѣлать по нимъ исправленіе такое, изъ коего мы могли бы убѣдиться, что оно согласно съ государскою и истинною справедливостію:

1. Въ послѣднее время, вопреки всякаго порядка, у нашихъ купцовъ были захвачены большія суммы ихъ общественныхъ денегъ, подъ предлогомъ долговъ вашимъ подданнымъ, лежащихъ въ частности на нѣкоемъ Антонѣ Маршѣ. Это подлогъ и злонамѣренное дѣло, измышленное тѣми вашими подданными и сказаннымъ Маршемъ, который вовсе не принадлежитъ къ обществу нашихъ купцовъ, но ведетъ свой отдѣльный торгъ, имѣетъ свою отдѣльную привилегію, свой отдѣльный дворъ и положеніе отдѣльное отъ всѣхъ нашихъ гостей. Если допустить подобный порядокъ, то сказанное общество можетъ точно также взыскивать со всѣхъ вашихъ подданныхъ вообще тѣ дѣйствительные долги, которые они имѣютъ на отдѣльныхъ лицахъ того же народа: одно столь же основательно сколько и другое. — Денегъ съ гостей взыскано 7.900 рублей, а росписки еще остаются въ рукахъ заимодавцевъ.

2. Также сказанное наше общество купцовъ проситъ объ уплатѣ должныхъ оному сказаннымъ Маршемъ денегъ, около 1.800 рублей, изъ 15 тыс. рублей, которые приказный человѣкъ вашего вел-ва А. Щелкаловъ принялъ на свои руки отъ него Марша, въ сукнахъ, свинцѣ, селитрѣ, винахъ, соболяхъ, соли и въ другихъ товарахъ, какъ подробно значится по росписи. Этихъ 15 тыс. рублей гости наши не требуютъ, потому что сказанный Щелкаловъ бралъ на себя уплатить долги его Марша, и захватилъ ихъ къ себѣ для этой цѣли.

3. Также (*они просятъ*) стоимости товаровъ недавно ограбленныхъ у прикащика означеннаго общества Ричарда Проктора на рѣкѣ Волгѣ подданными вашего вел-ва, когда онъ ѣхалъ съ ними. Товары эти всѣ были взысканы обратно черезъ начальныхъ людей у тѣхъ, которые ихъ украли, хорошо извѣстнымъ Андреемъ Щелкаловымъ, который, какъ говорятъ, пользуется ими: они стоятъ около 3.400 рублей.

4. Также (*они просятъ*) остальныхъ товаровъ и денегъ сказаннаго общества, захваченныхъ и отнятыхъ у ихъ прикащика Ивана Чаппеля подъ предлогомъ личной его вины, которую вы, въ вашей государской милости, ему простили, обѣщая въ грамотѣ вашего вел-ва, которая у насъ имѣется, что, ради насъ, вы дали повелѣніе все возвратить: — это не сдѣлано по сей день. Мы считаемъ ваше государское слово и обѣщаніе столь же вѣрнымъ какъ уплату и не сомнѣваемся, что ваше вел-во велите нынѣ все возвратить безъ дальнѣйшей проволочки. Сказанный Андрей Щелкаловъ получилъ все на свои руки, на сумму 3.800 рублей, какъ явствуетъ несомнѣнно изъ записи.

5. Поджогъ общественнаго двора въ Холмогорахъ, какъ хорошо извѣстно, былъ злоумышленно совершенъ подданными вашего вел-ва и еслибы агентъ общества не былъ столь чрезмѣрно долго задержанъ въ вашемъ городѣ Москвѣ, онъ прибылъ бы задолго до того времени для отправленія на корабляхъ товаровъ, которые сгорѣли на томъ дворѣ. Чрезъ это нѣкоторые изъ кораблей общества возвратились безъ груза, такъ что общество насчитываетъ проторей и убытковъ болѣе чѣмъ на 2.700 руб.

6. Начальные люди вашего вел-ва ежегодно насильно принуждаютъ сказанное общество брать воскъ на большія суммы по неимовѣрной цѣнѣ, чрезъ что наши гости терпятъ большіе убытки перевозя воскъ. Пока этого насилія не было имъ дѣлаемо и товаръ этотъ стоялъ въ настоящей цѣнѣ, они охотно платили за него деньги. Означенные ваши начальные люди причиняютъ имъ еще большія неудобства, заставляя ихъ отдавать за воскъ селитру по низкой цѣнѣ. Товаръ этотъ (селитра) не производится въ нашихъ королевствахъ въ такомъ количествѣ, чтобы его можно было вывозить болѣе, чѣмъ намъ самимъ нужно для нашихъ государскихъ запасовъ.

Ваша царская жалованная грамота, которую вы, по братской любви вашего выс-ва къ намъ, намъ прислали для нашихъ гостей, не имѣетъ скрѣпы и утвержденія, нужныхъ для ея дѣйствительности. Гостямъ нашимъ угрожаютъ многіе налоги и сборы, какъ то подворная плата и иныя, между тѣмъ какъ освобожденіе отъ оныхъ вашимъ вел-вомъ всегда указывалось какъ

особенная милость и отличіе, оказываемыя вашимъ вел-вомъ Англійскимъ гостямъ предъ другими народами. Гости наши жалуются также на многіе жестокіе поступки съ ними вашихъ начальныхъ людей, объясняя, что какъ только ими совершенъ по недоумѣнію какой либо проступокъ, онъ преслѣдуется со всею строгостію, при чемъ не обращается вниманія на то, что они иноземцы и что они по неопытности дѣлаютъ проступки, которые, по благоразумію и по снисходительности, слѣдовало бы имъ отпустить. — Намъ желательно было бы, чтобы тѣ начальные люди знали, что у нашего народа есть государыня, которая имѣетъ должное попеченіе объ охраненіи своихъ подданныхъ и о защитѣ ихъ въ ихъ справедливыхъ дѣлахъ.

Ваше вел-во можете усмотрѣть изъ сей грамоты, что какъ первоначальныя статьи, касающіяся нашего государскаго достоинства, такъ и послѣдующія, относящіяся къ нашимъ гостямъ, сами по себѣ толикой важности, что требуютъ значительныхъ переговоровъ и посольства. Но такъ какъ настоящій нашъ гонецъ (Горсей), коему нами дано достаточное полномочіе для веденія сихъ дѣлъ, какъ видно изъ нашей грамоты къ вашему вел-ву, вполнѣ знакомъ съ повелѣніями вашего выс-ва и въ состояніи судить объ основательности отвѣтовъ, которые будутъ даны по симъ дѣламъ, такъ какъ все это происходило во время пребыванія его въ вашихъ государствахъ; то онъ съ обѣихъ сторонъ обсудитъ всѣ дѣла гораздо лучше, чѣмъ кто либо иной, кого можно бы на сіе употребить и кто не будетъ имѣть его опытности. — А потому мы ожидаемъ и требуемъ отъ вашего вел-ва вполнѣ опредѣлительнаго и рѣшительнаго отвѣта касательно подробностей всего выше изложеннаго.

Передано 4-го Августа 1590 г. въ Москвѣ, главному царскому казначею Дементію Ивановичу Черемисину, дьяку посольскаго приказа Андрею Щелкалову и Постнику Димитріеву, по повелѣнію Царя и Бориса Θедоровича.

№ 74. — 1591 Іюл.

Θеодоръ Елисаветѣ.

Мы уже прежде сего, любительная сестра, писали къ тебѣ наши грамоты съ посланникомъ твоего вел-ва Эгидіемъ Флетчеромъ и нашъ отвѣтъ, объявленный ему нашею думою относительно Еремѣя Горсея, который жилъ въ нашемъ царствѣ между гостьми твоего выс-ва въ качествѣ ихъ агента, и велъ себя въ нашихъ государствахъ весьма непорядочно и дурно. Онъ писалъ къ своимъ товарищамъ и единоплеменникамъ въ мѣста гдѣ корабли прибываютъ въ наши пристани письма о томъ, чтобы изготовили корабли для предпріятія морскаго разбоя и грабежа надъ тѣми купцами, которые будутъ допущены для торговли въ нашихъ государствахъ и областяхъ на рѣку Двину. Письма эти за его собственноручною подписью имѣются на лицо и переведены однимъ изъ подданныхъ твоего вел-ва Иваномъ Соутеромъ, который былъ толмачомъ при твоемъ посланникѣ Эг. Флетчерѣ.

Онъ хвалился передъ Эг. Флетчеромъ, что будетъ присланъ посланникомъ отъ твоего вел-ва. Онъ говорилъ о нашихъ государствахъ, о насъ и о тебѣ, люб-ая сестра наша корол. Елисавета, многія и разныя вещи, которыя неприлично изложить на письмѣ; мы разузнали о томъ по розыску и сообщили о семъ твоему посланнику Эг. Флетчеру. Онъ чинилъ еще многія иныя непригожія дѣла въ нашемъ царствѣ. Онъ возбудилъ много раздоровъ и пререканій между нашими и твоими гостями черезъ свои негодныя продѣлки. За всѣ эти поступки онъ заслужилъ смерть. Но наше вел-во ради твоего выс-ва, люб-ая сестра корол. Елисавета, удовольствовались тѣмъ, что отпустили его и отослали къ твоему вел-ву съ твоимъ посланникомъ Эг. Флетчеромъ, по твоему прошенію, выраженному въ твоей грамотѣ; и тогда же писали къ твоему вел-ву, что сказанному Еремѣю не должно болѣе дозволять имѣть дѣло ни съ нашимъ народомъ, ни съ твоими гостями, ни между

твоимъ вел-вомъ и нами, дабы наша любовь и пріязнь не была бы воспрепятствована происками такого мятежнаго человѣка.

Не смотря на все сіе, въ слѣдующемъ же году, этотъ Еремѣй Горсей, который передъ тѣмъ жилъ какъ прикащикъ твоихъ гостей, дѣлая многія негодныя дѣла и возбуждая много раздоровъ, — прибылъ въ наше государство въ званіи посланника твоего вел-ва, не тѣмъ путемъ, которымъ ему слѣдовало пріѣхать, а черезъ Польшу и Литву, въ порубежный нашъ городъ Смоленскъ. Такъ какъ король Польскій и Литовскій и мы склоняемся на докончаніе договора мира и единенія, то онъ, прибывъ на рубежъ нашей земли, назвалъ себя чужимъ именемъ. Однакоже наши порубежные начальные люди признали въ немъ Ер. Горсея, того самаго негоднаго человѣка, котораго мы за его худое поведеніе выслали изъ нашего государства. Мы писали къ тебѣ, люб-ная сестра, нашу нарочную грамоту объ немъ, чтобы ты впредь ни по какому случаю не посылала въ нашу землю такого негоднаго плута каковъ онъ. Намъ хорошо извѣстно, что онъ дѣлалъ ѣхавши сюда въ Польшѣ и въ Литвѣ, гдѣ онъ говорилъ о насъ и о нашемъ царствѣ такія рѣчи, которыя ему не пригоже было говорить: за такое свое поведеніе онъ заслуживалъ бы смертной казни; однако же мы оставили ихъ безъ вниманія и, ради твоего вел-ва, по нашему обычаю, отдали его подъ стражу нашимъ приказнымъ людямъ и велѣли принять изъ его рукъ твои грамоты и выслушать твой наказъ до конца.

А грамоты твоего вел-ва къ намъ написаны съ умаленіемъ нашего достоинства и почетныхъ титловъ, которые доселѣ въ другихъ твоихъ грамотахъ прописывались сполна. Тѣ твои грамоты были запечатаны твоею малою печатью, которая, какъ сказалъ Ер. Горсей печать казначейства твоего вел-ва. А къ нашему вел-ву, братъ нашъ Султанъ Турецкій, Цесарь Римскій и иные великіе государя пишутъ наше достоинство и наши титлы сполна и прикладываютъ къ грамотамъ свою великую государственную печать; и мы то же дѣлаемъ для твоего вел-ва и для тѣхъ великихъ государей и пишемъ къ тебѣ грамоты съ полнымъ твоимъ титломъ и прикладываемъ къ нимъ нашу великую печать. И хотя тѣ великіе государи содержатъ съ нами

братскую любовь и пріязнь, но мы ждемъ большей любви и пріязни отъ тебя, нашей люб-ой сестры корол. Елисаветы, такой, какая была между твоимъ вел-мъ и В. Г. Ц. и В. К. Иваномъ Васильевичемъ всея Россіи, отцомъ нашимъ.

Въ тѣхъ же своихъ грамотахъ пишешь ты намъ, люб-ая сестра корол. Елисавета, о своемъ посланникѣ Эг. Флетчерѣ, будто ему было оказано безчестіе нашими приказными людьми и будто его здѣсь содержали не такъ какъ прежнихъ пословъ твоего вел-ва; и будто наша любовь и расположеніе къ твоему вел-ву не таковы, какими бы должны быть; и въ томъ требуешь нашего отвѣта: извѣстно ли намъ какъ его содержали. Если твое вел-во хочешь знать нашъ отвѣтъ — намъ извѣстно какъ его содержали наши приказные люди; и развѣ это причина для тебя присылать сюда твоимъ гонцомъ Ер. Горсея?

И прежде всего касательно Ер. Горсея писала ты къ намъ, люб-ая сестра корол. Елисавета, будто всѣ дѣла, про него донесенныя, были несправедливы, и что мы должны забыть наше на него неудовольствіе, и что ты ему довѣряешь передать намъ на словахъ то, что ты ему поручила. И по тому наказу Ер. Горсея выслушали передъ нашимъ совѣтомъ о твоемъ посланникѣ Эг. Флетчерѣ и о подаркахъ, которые ты съ нимъ прислала къ намъ, люб-ая сестра наша, и которыхъ мы не приняли, и о торговлѣ твоихъ гостей, чтобы намъ быть къ нимъ милостивыми какъ прежде сего, по прежней нашей жалованной грамотѣ, которая была имъ дана, чтобы имъ содержать ее и напредь безъ измѣненія; и чтобы отослали всѣхъ тѣхъ твоихъ подданныхъ, которые живутъ здѣсь безъ разрѣшенія твоего вел-ва; о долгѣ гостей твоего вел-ва, который наши подданные и люди взыскали съ нихъ, и о томъ, будто Антонъ Маршъ былъ не изъ ихъ общества и будто долги взысканы съ твоихъ сказанныхъ гостей безъ причины и что Маршъ велъ дѣла только для себя.

Сперва хотѣли мы не принимать твоихъ грамотъ, потому что онѣ были надписаны и запечатаны не по тому обычаю, какъ ты дѣлала прежде при отцѣ нашемъ, славныя памяти Иванѣ Васильевичѣ, В. Г. Ц. и В. К. всея Россіи, и какъ пишутъ къ намъ всѣ другіе великіе государи прописывая титлы наши

сполна, а не потому что тѣ грамоты привезены были Ер. Горсеемъ. Но, по прошенію нашего шурина, конюшаго и ближняго боярина, намѣстника Казанскаго и Астраханскаго Бориса Өедоровича Годунова, мы твои грамоты приняли и нѣкоторые изъ нашей думы выслушали рѣчи твоего слуги Еремѣя. И мы тому дивились, что то не согласно съ нашимъ союзомъ и дружествомъ, и такого дѣла мы отъ тебя не ожидали; но думаемъ, что все то написано какими либо твоими дьяками безъ твоего вѣдома. Говорится въ тѣхъ грамотахъ о великомъ безчестьѣ, оказанномъ твоему посланнику Эг. Флетчеру и будто мы тѣмъ не уважаемъ твоей любви и пріязни. Если онъ или кто другой неправдиво извѣщаетъ твое вел-во, то не хорошо дѣлаетъ и не желаетъ продолженія нашей братской дружбы. Мы же, съ своей стороны, люб-ая сестра корол. Елисавета, желаемъ продолженія нашей прежней любви и дружества и увеличенія ея, и чтобы она была такова какъ при нашемъ отцѣ, славныя памяти. А посланнику твоему Эг. Флетчеру чести оказано столько же, сколько было оказано твоимъ прежнимъ посланникамъ. И по тѣмъ дѣламъ, по которымъ онъ договаривался и по которымъ ты въ своихъ грамотахъ желала, чтобы ему дать такую же вѣру какъ тебѣ самой, его выслушивали подробно нашъ казначей Иванъ Васильевичь Траханіотовъ и нашъ дьякъ Андрей Щелкаловъ, который договаривался съ нимъ о всѣхъ дѣлахъ. И потомъ велѣли ему, посланнику Эг. Флетчеру итти къ Ивану Васильевичу Годунову нашему намѣстнику Рязанскому и къ князю Ивану Васильевичу Шуйскому *) и къ другимъ нашимъ ближнимъ совѣтникамъ, съ которыми онъ совѣщался по всѣмъ жалобамъ, и между другихъ дѣлъ и объ этихъ негодяяхъ Еремѣѣ и Антонѣ, чтобы прекратить всякое неудовольствіе. — И въ этомъ, люб-ая сестра, явилась наша любовь и милость къ тебѣ, хотя требованія твоего посланника были болѣе чѣмъ до того были заявляе-

*) И. В. Годуновъ бояринъ, троюродный братъ Бориса Өедоровича; его дѣдъ Петръ и дѣдъ Бориса Иванъ Григорьевичи Годуновы были родными братьями; князь И. В. Шуйскій, бояринъ, въ послѣдстви царь.

мы по поводу твоихъ гостей: онъ требовалъ, чтобы мы оказали имъ милость, дали имъ нашу царскую грамоту новую съ распространеніемъ ихъ повольностей, и мы ее пожаловали. И ради твоего вел-ва, мы милостиво пожаловали твоихъ гостей велѣли распространить нашу повольную грамоту по всѣмъ нашимъ царствамъ — Казанскому, Астраханскому и за Каспійское (Хвалынское) море въ царство Персидское, и Бухарское и Шемахинское; и послали о томъ указы ко всѣмъ нашимъ таможеннымъ и начальнымъ людямъ во всемъ нашемъ государствѣ о гостяхъ твоего вел-ва, давая имъ свободу мѣны и торга товаровъ, такую каковой не имѣетъ ни одинъ народъ. Все то мы сдѣлали изъ великой любви нашей къ тебѣ, нашей люб-ной сестрѣ корол. Елисаветѣ. — Обо всѣхъ этихъ дѣлахъ мы писали къ тебѣ въ нашихъ грамотахъ отправленныхъ съ твоимъ посланникомъ Эг. Флетчеромъ; можетъ быть онъ тѣхъ грамотъ не отдалъ и не увѣдомилъ о нихъ твое вел-во.

Гонецъ этотъ, негодяй Ер. Горсей говорилъ много безчестнаго и измышлялъ многія неправды о твоемъ вел-вѣ; однако же мы не нанесли ему никакого безчестья и если онъ говоритъ иное, то это неправда. Мы давали ему великіе кормы превыше другихъ; его порученіе оставалось довольно долго неотвѣченнымъ, по причинѣ нашихъ великихъ дѣлъ. Относительно подарковъ, привезенныхъ твоимъ посланникомъ, они были не таковы какіе слѣдовали и мы съ нашей стороны когда будемъ отправлять своего посланника также уменьшимъ наши подарки.

Мы желаемъ, люб-нѣйшая сестра, продолженія между нами братской любви и пріязни. А писала ты намъ, люб-ная сестра, въ своихъ грамотахъ съ Ер. Горсеемъ и дала ему словесный приказъ о долгахъ твоихъ гостей, будто съ нихъ безъ причины взыскиваются большіе долги Ант. Марша, и будто тотъ Антонъ торговалъ за свой счетъ, а не вмѣстѣ съ обществомъ: объ этомъ мы уже прежде писали тебѣ пространную записку и также подробно объяснили твоему посланнику, давъ ему письменный указъ, который нами данъ по сему дѣлу. И мы думаемъ, что мы тѣмъ показали нашу особенную любовь и доброе расположеніе къ тебѣ, нашей люб-ой сестрѣ, что тамъ гдѣ съ твоихъ подданныхъ, по ихъ роспискамъ, слѣдовали

большiя суммы денегъ, мы сбавили у нашихъ подданныхъ половину этихъ занятыхъ суммъ. Доказано, что Ант. Маршъ занималъ деньги вмѣстѣ съ агентомъ твоихъ гостей и жилъ съ ними вмѣстѣ въ одномъ домѣ: не смотря на сiе, тебя ради, сестры люб-ой,и по просьбѣ и моленiю шурина нашего, боярина конюшаго, намѣстника Казанскаго и Астраханскаго Бориса Феодоровича, мы велѣли приказнымъ людямъ двора нашего, слугамъ и купцамъ принять за тѣ долги одну половину, а другую половину простили и велѣли отдать твоимъ гостямъ ихъ росписки. А все что наши подданные должны были твоимъ гостямъ, то мы велѣли заплатить. До того милостивы были мы къ твоимъ гостямъ, что еще дали имъ свободу прiѣзжать для торга въ наше государство не платя пошлины, а объ ихъ агентѣ и прикащикахъ, которые остаются въ нашемъ государствѣ, повелѣли имѣть великое попеченiе. Нашъ сказанный шуринъ, бояринъ конюшiй Борисъ Феодоровичъ, по нашему указу, который ему о семъ данъ, имѣетъ и будетъ имѣть о нихъ заботу по всѣмъ дѣламъ; о томъ же даны повелѣнiе и наказъ и нашимъ другимъ начальнымъ людямъ. И когда твои гости захотятъ помощи отъ нашихъ начальныхъ людей и будутъ о томъ ихъ просить, тѣ люди окажутъ имъ помощь и защиту.

А что твое вел-во пишешь намъ свои грамоты и передаешь порученiя на словахъ черезъ такого плута какъ Ер. Горсей: и это не способъ продолжать нашу любовь и дружбу — употреблять въ такимъ дѣлахъ того, кого мы знаемъ за плута и кого мы за его разныя плутовства выслали изъ нашей земли повелѣвъ ему, чтобы онъ болѣе сюда не возвращался. А пишемъ мы къ тебѣ по этому дѣлу снова, потому что мы знаемъ, что наши прежнiя грамоты къ тебѣ не дошли. И наша дума отдала его (Горсея) твоему посланнику Эг. Флетчеру, чтобы отвезти его въ опалу твоего вел-ва, что̀ ты усмотрѣла бы изъ нашихъ грамотъ, еслибы онѣ дошли твоихъ рукъ; но онѣ были скрыты потому что твои начальные люди доброхотствуютъ Еремѣю.

И нынѣ, люб-ая сестра, тебя ради мы не велѣли накладывать нашей опалы на него Еремѣя и дозволили ему уѣхать по Двинѣ и оттуда моремъ, а грамоты наши отосланы на поморье къ твоимъ гостямъ. Просимъ тебя, люб-ая сестра корол.

Елисавета, разъузнать кто изъ твоихъ секретарей писалъ твои грамоты, присланныя съ Еремѣемъ и кто такъ умалилъ наше имя и титулъ противъ того какъ было доселѣ въ обычаѣ.— Это попытки твоихъ подданныхъ возбудить неудовольствіе и раздоръ между нами: на нихъ не слѣдуетъ обращать вниманіе. Между нами была любовь и дружба, которую мы желаемъ хранить и продолжать такою какова она была съ нашимъ отцомъ, славной памяти В. Г. Ц. и В. К. Иваномъ Васильевичемъ всея Россіи. А что до Еремѣя, онъ намъ извѣстенъ за плута какъ противъ насъ, такъ и противъ посланниковъ и гонцовъ. Твои гости не просили чтобы его присылать въ нашу землю. Не допусти его помѣшать нашей любви и дружбѣ: если будешь кого къ намъ посылать, пересылайся съ нами через своихъ хорошихъ людей, которыя будетъ стараться и заботиться о продолженіи нашей любви и пріязни и объ ея укрѣпленіи.

Люб-ая сестра, твой гонецъ Еремѣй говорилъ нашей думѣ, что тѣхъ гостей, которые живутъ здѣсь въ нашихъ владѣніямъ, будучи твоими подданными, безъ твоего вѣдома, нужно выслать изъ нашей земли. Мы на сіе соизволяемъ и дадимъ повелѣніе выдать ихъ тѣмъ, кому ты о семъ дашь приказъ.

Писано государствія нашего во дворцѣ въ городѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міра 7099 мѣсяца Іюля.

№ 74.—1591 July.

Czar Theodore to Queen Elizabeth.

We have heretofore, lovinge sister, wrote our letters unto you by your ma-ties ambassadour, Gyles Fletcher, together with our answere delyvered him by our councell touchinge Hierom Horsey, whoe hath lyved in our kingdome amongest your h.s marchaunts as theire factour, behavinge himself in our sayde dominions very disorderlie and badlie. He hath written unto his companions and men of his consorte to the place of the arryvall of shippes at our portes, letters

touchinge the preparation of shippes for the enterpryse of piraceye and robberye of such merchauntes as shoulde have access for traffique to our kingdomes and dominions uppon the ryver Dwina; which letters are extante under his owne hande, and are enterpreted by one of your ma-ties subjectes, John Sowter whoe was enterpreter to your ambassadour Gyles Fletcher.

He hath vaunted that he shoulde be imployed by your matie as an ambassadour before Gyles Fletcher. He hath spoken of our kingdomes, of us and of you, our lovinge sister queene Elizabeth, dyvers and soudry thinges not fitt to be comitted to wrytinge, which by examination we have founde oute and therewith accuaynted your ambassadour, Gyles Fletcher. He hath also committed many other unseemelie actes in our kingdome. He hath moved much contention and controversie betweene our merchauntes and yours with his lewde practises. For all which his behaviour he hath deserved death. But our ma-tie for your h.s sake, lovinge sister queene Elizabeth, was contente to let him passe, and sente him to your ma-tie by your ambassadour Gyles Fletcher, accordinge to your requeste mentioned in your letters. And therewith wrote to your ma-tie that the sayde Hierom shoulde be noe more permitted to have to doe with our people nor with your marchauntes, neyther betwixte your ma-tie and us, to th'end that our love and amety might not be impeached by the practise of suche a seditious person.

All which notwithstandinge, afterwards, the year folowinge this Hierom Horsey, whoe before lyved heare as your marchaunts factour, committinge many lewde attempts and movinge much controversie, cometh into our kingdome as your ma-ties ambassadour, not the ordinarie way that he shoulde have comme, but throughe Polonia and Lettowe, and soe to our border towne of Smolensky. The kinge of Polonia and Lettowe and we beinge bent uppon treaty of peace and unetie, and beinge uppon the borders of our contry, gave himself a contrary name. Notwithstandinge, our officers uppon the borders knewe him to be Hierom Horsey, that lewde fel-

lowe which we sente oute of our kyngdome for his evil behaviour. We wrote unto you, loving sister, our owne letters concerninge him, that you would not hereafter uppon any occasion send into our contry such a lewde villain as he is. In his cominge hetherwarde it is well knowen unto us what he did in Polonia and Lettowe, where he used such speeches o| us and our kingdome as were not meete for him to deale in' for which his behaviour he deserved to have beene putt to death. But we make noe accompte of theime, but for your ma-ties sake comitted him as our manner is to the custodie of our aucthorised people, and commaunded your letters to be receyved at his handes and his message to be heard to th'ende.

And as for your ma-ties letters, they were directed to us the emp., abridginge our stile and tytles of honor, which heretofore your ma-tie in other your letters expressed at large. Your sayde letters were sealed with your signet or small seale, which Hierom Horsey sayde was the seale of your maties treasury. Unto our ma-tie, our brother Saldan the Turcke, the Romayne Emperour and other greate princes, writt unto us with all our style and tytles of honor at large, and doe seale their letters with theire greate seale of ma-tie; and we doe the lyke to your ma-tie and to those greate princes, and wryte our letters with your whole style, and seale theime with our greate seale. And thoughe these greate princes houlde brotherlie love and ametie with us, yet we looked for greater love and ametie of you our lovinge sister, queene Elizabeth, such as was betweene your ma-tie and the gr. L. and Emp. the gr. D. John Vasillewich of all Russia, our father.

In the same your letters, lovinge sister, queen Elizabeth, you writte vnto us concerninge your ambassadour, Gyles Fletcher, as thoughe he shoulde have beene dishonorablie used by our aucthorised people, and otherwyse then your ma-ties former ambassadours have been used here; and as thoughe our love and affection towardes your ma-ties shoulde be otherwyse then it oughte to be; wherein you require our answere whether we were acquaynted with his usage. Yf

your ma-tie will knowe our answere, his usage by our aucthorised people was well knowen unto us: and is this the cause of your sendinge hether of your messenger Hierom Horsey?

Firste as concerning Hierom Horsey, lovinge sister queene Elizabeth, you writt unto us as thoughe all thing of him heretofore reported were untrewe, that we shoulde forgeate all former displeasure towards him, to whom you geve the creditte to delyver by worde of mouth that which you have geven him in commission: according to which commission Hierom Horsey had hearinge before our counsaill, concerninge your ambassador Gyles Fletcher, and concerninge the presentes sente unto us from you our lovinge sister by him, which we recyved not, and concerninge your marchaunts trade, that we shoulde be gracyous unto theime as before time, accordinge to our former letters of priveledges graunted unto theime, that the same shoulde houlde and continewe withoute alteration; and that we shoulde sende away all such of your subjects as abyde here withoute your ma-ties licence; concerninge the debte of your ma-ties marchaunts that our subjects and people recovered of theme, as thoughe Anthony Marshe had beene none of theyre company and the debte layde uppon your sayde marchaunts without cause, and that Marshe had onlie dealings for himself.

We were once of that mynde not to have receyved your letters, for that they were not directed and sealed as they were woonte to be accordinge to your former course used to our father of famous memory, John Vasillewich, gr. D. of all Russia, and as all other princes doe wryte unto us with our style at large, and not as the letters broughte by Hierom Horsey; yett at the requeste of our brother-in-law, master of our horse and cheof councellour, governour of teritories of Casan and Astracan, Boris Fedorowich Goedunove, we have receyved your letters; and certen of our councell have hearde the speches of your servaunte Hierom; whereat we wonder, the same beinge not answerable to our leage and ametye, expectinge noe such matter from you; but we are of opinion that these thinges are

written by some of your secretories withoute your privetie. The sayd letters make mention of greate dishonour doone to your embassadour, Gyles Fletcher, as thoughe therin we respected not your love and ametye. If eyther he on any other enforme your ma-tie untrewlie of us they doe not well, neyther doe they wishe the continuance of our brotherlie ametie. We for our parte, lovinge sister, queene Elizabeth, wishe for the continuance of our former love and ametie with an encrease thereof, and such as was in the tyme of our sayd father of famous memory. And as for your ambassadour. Gyles Fletcher, he had as much honour showed unto him as hath beene shewed to your former ambassadors. And concerning the affaires whereof he treated, wherein by your letters you wished us to give him the lyke creditt as to yourself, he was hearde at large by our treaserour, John Vasillewich Truhannotova, and by our principall secretarie Andrea Shalcan, whoe treated with him of all causes. And after that we gave order unto your sayde ambassador, Gyles Fletcher, to repaire to John Vasillewich Goedenova, our deputie of our territories of Resansko, and to John Vasillowich Shysko *), and to others of our especyall councellors, with whom he discoursed of all matters and doleances whatsoever; and amongest other matters of those verletts Hierom and Anthony that all discontentment mighte be shutte uppe; wherein, lovinge sister, appeared our love and favour towards you, althoughe your ambassadors demaunds were greater then hertofore have beene moved touching your marchaunts. He required that we shoulde be gratious unto theime in gevinge theime our princly priviledge anewe with an enlargement, the which we graunted. And for your ma-ties sake, we were soe gratyous to your marchaunts that we appointed our letters of priviledge to be enlarged throughout all our kingdomes, and to Casan, Astracan, and beyond the Caspian Sea, into the kingdome of Persia, and

*) Trakhaniotoff; Andrew Stchelkaloff; J. V. Godoonoff second cousin to Boris Fedorovich: their grandfathers were brothers; Prince J. V. Shooiskoi afterwards elected czar, died a prisoner in Poland.

Bogharia and Shamaky, and notified the same unto all our customers and officers in our empire concerninge your ma-ties marchaunts, gevinge theime libertie to traffique and trade in such sorte as noe nation doe the lyke: all which we have doone for the greate love we beare unto you, our lovinge sister, queene Elizabeth. Of all thes thinges we wrotte unto you in our letters sente by your said ambassador, Gyles Fletcher, which letters it maybe he hath not delyvered nor made your ma-tie acquaynted therewith.

Muche dishonour hathe beene spoken and untruthes devysed againste your ma-tie by this messenger, this verlett Hierom Horsey; notwithstandinge we have doone him noe disgrace, and if he reporte otherwyse it is an untruth. We have geven him here large allowance above others; his message hath beene the longer unanswered by reason of our greate occasions. Concerninge your presents broughte by your ambassador, they were not such as they shoulde be, and soe for our parte when we sende our ambassador will lykewyse abate of ours.

We deseyre, moste lovinge sister, that brotherlie love and ametie may be continued betwixte us. And whereas you, lovinge sister, writt unto us in your letters by Hierom Horsey, and gave him order by worde of mouth touchinge your marchaunts debtes, as thoughe there had beene layde uppon theime greate debtes of Anthony Marshes without cause, alledginge that Anthonie traded by himself and not with the company, whereof we wrotte you heretofore a large notais (*notice*) and also satisfied your ambassadour at large, gevinge him our order in wrytinge that we tooke in that matter; wherein wee thinke we shewed our specyall love and kyndnes towardes you, our lovinge sister, that where a greate somme of money by billes of your subjects was dewe, we abated to our subjects the half of theire very principall; it is verifyed that Anthony Marshe borowed the money together with your marchaunts agent, and dwelte together with theime in one house: notwithstandinge, for your sake, loving sister, and at the requeste and petition of our brother in lawe, Boris Fe-

dorowich, master of our horse, governour of Cassan and Astracan; we did cause our officers houshoulde, servaunts and merchauntes, to accepte of the sayde debtes the one half, and have abated the other half, and have caused the billes to be delyvered to your merchaunts. And whatsoever was owinge by our subjects to your merchaunts we order that the same shoulde be paid. Thus have we beene gratyous to your marchaunts and geoven theyme libertie to trade into our kingdome withoute payinge any custome, and for theire agent and factors that remayne in our kingdome we have geven order that great care be had of theme. Our said brother in lawe, master of our horse, Boris Fedorowich, by our order in that behaulf geoven him, wilbe and is carefull for theime in all causes, and also our other officers of aucthoretie, by order and comission geoven theime to that ende. And whensoever hereafter your merchaunts shall desyre assistaunce of our officers in aucthoretie and repayreth to theime, they shalbe favorable to theim and defende theime.

For your ma-tie wryteth your letters and referreth matters to be delyvered by worde of mouth by such a villain as Hierom Horsey it is not the course to cause our love and ametie to continewe by imploying in such affayres one that we knowe to be a villayne, and whom we sente away out of our contry for dyvers of his villanyes, gevinge him commaundement that he shoulde not returne hether againe. Therefore we writt unto you nowe agayne of the same matter, because we knowe our former letters have beene kepte from you. And our councell delyvered him to your ambassador Gyles Fletcher, to be broughte home in your ma-ties disgrace, which would have appeared unto you if our letters had comme to your handes; but they were kepte backe because your officers do favour Hierom.

And nowe, loving sister, for your sake we have forborne to lay our displesure uppon the sayd Hierom, and have suffred him to departe agayne by the Dwina, and soe to the sea, havinge sente our letters downe to the sea syde unto your marchaunts. We pray you, lovinge sister, queene Elizabeth,

to enquire which of your secretoryes wrote your letters sente by Hierom, and which soe abridged our name and tytle and havinge found him oute to lett him be blamed; gevinge commaundment that, when hereafter you write your letters to our ma-tie, that you geve us our full style and tytle as heretofore you have used. There are occasions moved by your subjectes to rayse dislyke and discorde betwixte us which are not to be regarded; there hath beene betweene us love and ametie, the which we wishe to remayne and continewe as it was with our father of famous memory, the gr. D. John Vassillewich of all Russia. And, for the sayde Hierom, he is knowen to us to be a villain, as well towards us as to embassadours and messingers. Your merchaunts sewed not for his imployment into our dominions. Let not our love and frendshipp be hindred for him; yf you sende to us, sende your good people betwixte us, which will norishe and travell (*travail*) to continewe our love and ametie and to make it ferme.

Lovinge sister, your messinger Hierom spake unto our councell that such marchaunts as lyved here in our dominions withoute your knowledge, being your subjects, should be sente oute of our contries, the which we are willinge to yealde unto, and will geve order to delyver theime over to such as you shall geve order in that behalfe.

Written at the pallace of our empire in the citie of Musko, the yeare from the beginninge of the world 7099, in the moonth of Julie.

№ 75. — 1591 Iюл.

Б. Ѳ. Годуновъ лорду Бёрлею

Милостію великаго государя, царя и вел. князя Ѳеодора Ивановича, великаго государя, царя и вел. князя всея Россіи, Владимірскаго, Московскаго и проч. отъ Бориса Ѳеодоровича, его вел-ва шурина, боярина конюшаго, намѣстника Казанскаго и Астраханскаго.

Вильяму лорду Бёрлею, лорду великому казначею добродѣтельнѣйшей государыни Елисаветы королевны Англійской, Французской, Ирландской и иныхъ владѣній.

Получилъ я письмо твоей чести, въ которомъ пишешь, что съ великою радостію получилъ мое письмо, къ тебѣ посланное и внимательно прочелъ его ея вел-ву. И что ваши гости огорчаются тѣмъ что, когда они подходятъ къ здѣшнимъ странамъ и пристаютъ къ нимъ, имъ не дозволяютъ приступать къ настоящему и вольному торгу и промѣну ихъ товаровъ, какъ до сего дѣлалось, а заставляютъ, прежде чѣмъ они начнутъ какой торгъ, покупать съ большимъ убыткомъ царскій воскъ и иные товары по высокимъ цѣнамъ далеко выше ихъ стоимости и что по причинѣ такого принужденія, они долго задерживаются у береговъ съ опасностью зазимовать на пути.—Напредь не будетъ даваемо повода къ обидѣ гостей ея кор. вел-ва королевны Елисаветы, не будутъ они ни къ чему принуждаемы, и не станутъ у нихъ спрашивать пошлины или долговъ, какъ было до сихъ поръ: все это по ихъ прошенью и челобитью уже велѣно отложить.—Я молилъ его вел-во за нихъ, чтобы ихъ не безпокоить впредь этими дѣлами и чтобы ихъ принять подъ милостивую руку. И по твоему прошенію я буду за нихъ ходатаемъ у царя во всѣхъ иныхъ случаяхъ и самъ буду оказывать имъ свое доброжелательное содѣйствіе. И прошу тебя, Вильямъ лордъ Бёрлей, объявить слугамъ ея вел-ва, что я обѣщаюсь имѣть о нихъ попеченіе и, ради ея вел-ва королевны Англійской, приму ея гостей подъ свое покровительство и буду защищать ихъ какъ отборныхъ царскихъ людей, по царскому на-

казу. И по моему распоряженію всѣ его вел-ва приказные и начальные люди будутъ о нихъ имѣть заботу:—царское милостивое къ нимъ жалованье никогда таковымъ не бывало каково нынѣ.

А что еси писалъ, что на пристанищѣ государевы приказные люди продаютъ свой воскъ по наказу за назначенную имъ цѣну далеко выше стоимости и что принуждаютъ вашихъ гостей брать тотъ воскъ: и тѣ приказные люди отрекаются, говорятъ, что того не дѣлаютъ, а мѣняютъ свой воскъ на другіе товары и также продаютъ свой воскъ вашимъ гостямъ за деньги, по тому чего онъ стòитъ и какъ стоитъ цѣна на тамошней таможнѣ; былъ онъ до сихъ поръ дорогъ, а нынѣ продается также дешево какъ во всякомъ иномъ мѣстѣ; и какъ они сторгуются, а не принуждаютъ никого покупать воскъ, а скорѣе оставляютъ его у себя. А потому вашимъ гостямъ нѣтъ справедливаго повода такъ доносить. Я далъ нарочный указъ того не дѣлать, чтобы принуждать ихъ, а чтобы имъ покупать по ихъ волѣ и какъ захотятъ, оставаться пристанищѣ или отъѣзжать.

А что до прежде бывшихъ пошлинъ и долговъ, требуемыхъ съ вашихъ гостей, о чемъ ты пишешь намъ, В. Г. Ц. и В. К. Ѳеодоръ Ивановичь*) явилъ своего вел-ва отличную милость и любовь за великую любовь его добродѣтельной сестры, королевны Англійской, и по моему печалованью и заступничеству далъ указъ взять съ вашихъ гостей и прикащиковъ за весь долгъ Марша въ уплату половину, а другую половину велѣно не брать, а росписки гостей имъ отдать.

И на тотъ конецъ чтобы напредь ея вел-ва гости не заводили смуты между нашимъ В. Г. Ц. и В. княземъ всея Россіи и его добродѣтельною сестрою корол. Елисаветою, его вел-во желаетъ, чтобы повелѣно было вашимъ гостямъ поступать въ ихъ торговлѣ справедливо и честно, безъ обмана и лукавства. А я имъ буду доброжелателемъ предъ всѣми другими подъ державою его вел-ва и они то сами увидятъ.

Писана великаго государя нашего въ городѣ Москвѣ, мѣсяца іюля 7099.

---

*) Въ современномъ англійскомъ переводѣ прибавлено: „славной памяти“.

№ 75. — 1591 Jul.

Boris Fedorowich Godoonof to L. Burleigh.

By the grace of the greate Lorde Emperor and greate Duke Theodor Evanowich great Lorde kinge and greate duke of all Russia, of Volodemer, Musko etc. from Boris Fedorowich his ma-ties brother in lawe, m-r of his horse, governor of the territories of Casan and Astracan.

to W-m Lorde Burgheley Lord high Threasurer to the most vertuous ladie Elizabeth Queene of Englande, Ffraunce, Irelande and other dominions.

I receyved your L. letters wherein you writte that you have receyved very joyfullie my letters sente vnto you and advysedlie red theime and imparted the same vnto her ma-tie. And that your merchaunts fynde theime selves agreeved that when they approch those partes and are aryved here they are not permitted to enter into a fitt and liberall corse of barter, traffique and exchaunge of theire comodites as heretofore they have doone but are compelled before they can enter into any traffique to accepte the emp.rs waxe and other goodes at highe rates farre above theyre valewe to their greate losses and that they are by reason of this restrainte longe houlden vppon thes costes to their daunger of wintringe by the waye.—Hereafter there shalbe noe cause of offence geoven to the merchaunts of the queenes ma-tie queene Elizabeth, they shall not be forced to any thinge neyther is there or shalbe any demaunde made of custome or debtes, such thinges as have beene heretofore demaunded; all such thinges have beene alredye vppon ther peticon and supplicacon comaunded to be discharged. I have solicited his ma-tie for theim that they be not trobled hereafter for those matters and that a favorable hande be caryed over theime. And accordinge to your request I wilbe a meane to the emp.r for theime in all other occasions and will my self shewe theime my favorable countenance. And I pray you W-m L. Burghley to signifie to her

ma-ies servaunts that I promise to have care of theyme and for the queenes ma-tie of Englandes sake I will take her marchaunts into my protection and will defende theime as the emp.rs selecte people vnder the emp.rs comission. And by my appointment all they his ma-ties officers and aucthorised people shalbe carefull over theime. The emp.rs gratious favor towardes theime was never such as it is nowe.

And where you writt that at the porte the emp.rs officers sell theire waxe by commission at a sett rate geoven theime farre above the valew and that they force your marchaunts to accept it, they deny that they take any such corse but saye they barter theire waxe for other wares and alsoe put theire waxe to sale for readie money to your marchants accordinge to the worth thereof and as the pryce goeth in the customehouse here. It hath beene heretofore deare and nowe it is soulde as good cheape as in any other place and as they can best agree they enforce noe man to buy it but rather keepe it.—Therefore your marchaunts have noe iuste cause to make any such reporte. I have expressly geoven order that there shalbe noe such corse vsed to enforce theime but to buye accordinge to theyre owne willes and to tary at the porte or to departe at theyre pleaswre.

And as touchinge the customes alredy past and debtes demaunded at your marchaunts handes whereof you wryte, our lord greate emp.r and greate duke Theodor Evanowich of famous memory (?) hath showed his ma-ties especyall favor and love for the greate love of his welbeloved sister queene of Englande and by my peticon and mediacon whereas there was comaundement geoven to take Marshes whole debte of your marchaunts and factors it is moderated to the half and for the other half commaundement geoven it should not be taken and the marchaunts billes to be delyvered theim.

And to th'ende hereafter that her ma-ies merchaunts move noe contention betwixt our lorde the emp.r and greate duke of Russia and his welbeloved sister queene Elizabeth, his ma-tie desireth order to be geoven that your marchaunts doe deale iustlie in theyre traffique and playnlie without fraude

or guyle. And I wilbe a favorer of theyme above all others vnder his ma-ties aucthoretie—theime selves shall see it.

Written in our greate L: the emperors citie of Musko in the moonth of Julie 7099.

№ 76. — 1592 Jan. 14.

Queen Elizabeth to Czar Theodore.

Right noble and excellent prince, We haue receiued your ma-ties letters brought ouer by our merchants in their returne of their last voyage from your port of S. Nicholas; which letters we haue aduisedly read and considered, and thereby perceiue that your ma-ty doth greatly mislike of our late imployment of Jerome Horsey into your dominions as our messenger with our h-sse letters, and also that your ma-ty doth thinke that we in our letters sent by the sayd messenger haue not obserued that due order or respect which apperteined to your princely ma-ty, in the forme of the same letter, aswel touching the inlargement of your ma-ties stile and titles of honor, which your ma-ty expected to haue bene therein more particularly expressed, as also in the adding of our greatest seale or signet of armes to the letters which we send to so great a prince as your ma-ty is: in any of which points we would haue bene very loth willingly to haue giuen iust cause of offence thereby to our most deare and louing brother. And as touching the sayd messenger Jerome Horsey we are sory that contrary to our expectation he is fallen into your ma-ties displeasure, whom we minde not to mainteine in any his actions by which he hath so incurred your ma-ties mislike: yet that we had reason at such time as we sent him to your ma-ty to vse his seruice as our messenger, we referre our selues to your princely iudgement, praying your ma-ty to reduce into your minde the especiall commendation, which in your letters written vnto vs in the yeere 1585, you made of the sayd Jerome Horsey his behauiour in your dominions: at

which time your ma-ty was pleased to vse his seruice as your messenger to vs, requiring our answere of your letters to be returned by him and by none other. That imployment, with other occasions taken by your ma-ty to vse the seruice of the sayd Jerome Horsey (as namely in the yeere 1587) when your ma-ty sent him to vs againe with your letters and princely priuiledge at our request granted to our merchants (for which we haue heretofore giuen thanks to your ma-ty, so doe we hereby reiterate our thankefulnesse for the same) mooued vs to be of minde, that we could not make choise of any of our subiects so fit a messenger to your ma-ty as he, whom your ma-ty had at seuerall times vsed vpon your owne occasions into this our realme. But least your h-sse should continue of the minde that the letters which you sent by our ambassador Giles Fletcher (wherein some mention was made of your conceiued displeasure against the sayd Horsey) came not to our hands, and that wee were kept ignorant of the complaint which your ma-ty made therein against the sayd Horsey, we do not deny but that we were acquainted as well by our ambassadour as by those letters of some displeasure conceiued against him by your ma-ty: but your sayd letters giuing onely a short generall mention of some misdemeanour committed by him, expressing no particulars, we were of opinion that this offence was not so hainous, as that it might vtterly extinguish all your former princely fauour towards him, but that vpon his humble submission to your ma-ty, or vpon better examination of the matter of the displeasure conceiued against him, the offence might haue beene either remitted, or he thereof might haue cleared himselfe. And to that end we were not onely by his great importunity long sollicited, but by the intercession of some of our nobility giuing credit to his owne defence, we were intreated on his behalfe to vse his seruice once againe into Russia as our messenger to your ma-ty, whereby he might haue opportunity to cleare himselfe and either by his answere or by his submission recouer your ma-ties former fauor: whereunto our princely nature was mooued to yeeld, wishing the good of our subiect so

farre foorth as his desert might carry him or his innocencie cleare him.

Thus noble prince, our most louing and dearest brother, it may appeare vnto your ma-ty how we were induced to vse the seruice of the sayd messenger, aswell for the recouery of your ma-ties fauor towards him (if he had bene found woorthy of it) as for experience of the maners and fashions of your countrey, where he hath bene much conuersant. But sith by your ma-ties letters it appeareth that he hath not cleared himselfe in your ma-ties sight, we meane not to vse him in any such price hereafter.

And as touching your ma-ties conceit of the breuitie which we vsed in the setting downe of your ma-ties stile and titles of honour: as nothing is further from vs, then to abridge so great and mighty a prince of the honour due vnto him (whom we holde for his greatnesse to deserue more honour then we are able to giue him) so shall we need no further nor surer argument to cleare vs of the suspicion of the detracting from your ma-ty any part of your iust and princely honor and greatnesse, then the consideration of our owne stile, which is thus contracted, videlicet, Elizabeth, by the grace of God Queene of England, France, and Ireland, defender of the faith etc. Which kingdomes and dominions of ours are expressed by these generall words, videlicet, England, France, and Ireland: in euery of which there are seuerall principalities, dukedomes, earldomes, prouinces and countreys: which being seuerally expressed would enlarge much our stile, and make it of great length; which by our progenitours hath not bene vsed: notwithstanding, we thinke it no dishonour to vs, compendiously to abridge the same in all our writings and letters written to what prince king or potentate soeur. Whereupon we inferre, that holding your ma-ties generall stile, we offer your h-sse no dishonour in not expressing all the particular prouinces: albeit we can willingly content our selfe, vpon the knowledge of your usages and customes, to obserue that course, which your selfe shall thinke most honourable. And for the sealing vp of our letters which

we write to all our allies, kinsemen, and friends, kings and princes, we haue in vse two seuerall seales; both which we esteeme alike honourable, beinge our princely seales. And as the volume of our letters falleth out to be great or small, so accordingly is our greater or lesser seale annexed to the sayd letters, without esteeming either of them more or lesse honorable than the other. So as, our most louing and dearest brother, in the said letters there was nothing done of purpose to detract from your ma-ty any thing of the vsuall regard which our h-sse was woont to yeeld vnto your most noble father of famous memory Iuan Basiliuich emp. of al Russia, or to your selfe, our dearest brother.

For the residue of the points of your ma-ties letters concerning the entertainement of our ambassadour, and proceeding in the cause of Anthonie Marsh we holde our selfe satisfied with your princely answere, and doe therein note an honourable and princely care in your ma-ty to preuent the like troubles controuersies and sutes, that Marshes cause stirred vp betweene our merchants and your subiects, which is, that your ma-ty doeth purpose from time to time to purge your countrey of such straglers of our subiects, as doe or shall hereafter abide there, and are not of the company of our merchants, but contemptuously depart out of our land without our h-sse licence: of which sort there are presented vnto vs from our merchants the names of these seuerall persons, videlicet, Richard Cocks, Bennet Jackman, Rainold Kitchin, Simon Rogers, Michael Lane, Thomas Worsenham: whom it may please your ma-ty by your princely order to dismisse out of your land, that they may be sent home in the next shippes, to auoid the mislike which their residence in those parts might breed to the disturbance of our brotherly league, and the impeaching of the entercourse.

And whereas, most louing and dearest brother, one William Turnebull a subiect of ours is lately deceased in your kingdome, one with whom our merchants haue had much controuersie for great summes of money due vnto them by him while he was their agent in their affayres of merch-

andises: which differences by arbitrable order were reduced to the summe of 3000 rubbles, and so much should haue beene payed by him as may appeare by your ma-ties councell or magistrates of iustice by very credible information and testimony: and whereas also the sayd Turnbull was further indebted by billes of his own hand to diuers of our subiects amounting in the whole, to the summe of 1326 pounds, which billes are exemplified vnder our great seale of England, and to be sent ouer with this bearer: of which summes he hath often promised payment: it may please your most excellent ma-tie in your approoued loue to iustice, to giue order to your fauourable councell and magistrates, that those seuerall debts may be satisfied to our merchants and subiects out of the goods, merchandise, and debts which are due to the state of the sayd Turnbull: whereof your ma-tie shalbe informed by the agent of our merchants.

We trust we shall not need to make any new request by motion to your ma-ty that some order might be taken for the finding out of the rest of our merchants goods seised to your ma-ties vse in the hands and possession of John Chappel their seruant, being a thing granted, and no doubt already performed by your ma-ties order. We therfore intreat your ma-ty, that as conueniently as may be, satisfaction or recempense be giuen to our said merchants towards the repairing of their sundry great losses aswell therein as otherwise by them of late sundry wayes sustained.

And lastly, our most deare and louing brother, as nothing in all these our occasions is to be preferred before our entire league and amitie, descending vpon vs as an inheritance, in succession from both our ancestours and noble progenitours (?): so let vs be carefull on both sides by all good meanes to holde and continue the same to our posterity for euer. And if any mistaking or errour of either side do rise, in not accomplishing of circumstances agreeable to the fashion of either of our countreys and kingdomes, let the same vpon our enterchangeable letters be reconciled, that our league and amitie be no way impeached for any par-

ticular occasion whatsoeuer. And thus we recommend your ma-ty to the tuition of the most High.

From our royall palace of Whitehall the 14 of January, anno Domini 1591 (1592).

№ 76. — 1592 Янв. 14.

Елисавета Θеодору.

Благороднѣйшій и превосходнѣйшій государь.

Мы получили грамоты вашего вел-ва привезенныя нашими гостями при послѣднемъ возвращеніи ихъ изъ вашей пристани Св. Николая. Грамоты эти мы внимательно прочли и выразумѣли и изъ нихъ усматриваемъ, что ваше вел-во весьма недовольны послѣднею присылкою нами Еремѣя Горсея въ ваши владѣнія въ качествѣ нашего гонца съ письмами нашего выс-ва; и также что ваше вел-во находите, что въ нашей грамотѣ, посланной съ этимъ гонцомъ, мы не соблюли того порядка или уваженія, которые слѣдуетъ соблюдать въ грамотахъ къ вашему царскому вел-ву, какъ относительно прописанія сполна почетныхъ титловъ вашего вел-ва, которые, по мнѣнію вашему, слѣдовало прописать подробнѣе, такъ и потому что къ грамотамъ, которыя мы посылаемъ къ столь великому государю какъ ваше вел-во, слѣдовало (*вы полагаете*) приложить нашу великую гербовую государственную печать. По обѣимъ этимъ статьямъ мы отнюдь не имѣли намѣренія дать справедливый поводъ къ оскорбленію нашего дражайшаго и любительнаго брата. Что же касается упомянутаго гонца Еремѣя Горсея мы сожалѣемъ, что, въ противность нашему ожиданію, онъ подпалъ подъ гнѣвъ вашъ. Мы не намѣрены извинять какіе либо изъ тѣхъ его поступковъ, которые заслужили ему немилость вашего вел-ва. Но что мы имѣли поводъ употребить его въ званіи нашего гонца въ то время когда мы отправили его къ вашему вел-ву, предоставляемъ собственному вашему царскому обсужденію, прося ваше вел-во припомнить изло-

женный въ вашихъ къ намъ грамотахъ, писанныхъ въ 1585 году, особенно похвальный отзывъ вашъ о поведеніи того Еремѣя Горсея въ вашихъ владѣніяхъ. Въ то время вашему вел-ву угодно было употребить его на службу въ званіи вашего къ намъ гонца, съ требованіемъ, чтобы нашъ отвѣтъ на ваши грамоты былъ возвращенъ черезъ него, а не чрезъ кого либо другаго. Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ ваше вел-во пользовались службою сказаннаго Еремѣя Горсея, а именно въ 1587 году, когда ваше вел-во опять присылали его къ намъ съ вашими грамотами и съ милостивой и истинно царской жалованной грамотой, данной по нашей просьбѣ нашимъ гостямъ. (За это пожалованіе мы уже приносили благодаренія вашему вел-ву и вновь нынѣ повторяемъ за сіе нашу благодарность). Все это побудило насъ полагать, что изъ нашихъ подданныхъ мы не можемъ выбрать въ гонцы къ вашему вел-ву никого способнѣе его, такъ какъ ваше вел-во сами по собственнымъ вашимъ надобностямъ прислали его въ наше королевство. Но, чтобы ваше выс-во не продолжали думать, что до нашихъ рукъ не дошли грамоты, отправленныя вами черезъ нашего посланника Эгидія Флетчера (въ коихъ упоминалось о томъ, что вы возъимѣли неудовольствіе противъ сказаннаго Горсея)· и что мы оставлены въ невѣдѣніи о жалобахъ, объявленныхъ вашимъ вел-вомъ въ сихъ грамотахъ на сказаннаго Горсея; мы не отрекаемся отъ того, что мы были увѣдомлены какъ нашимъ посланникомъ, такъ и чрезъ тѣ грамоты, о неудовольствіи, которое ваше вел-во возъимѣли на него. Но въ тѣхъ вашихъ грамотахъ упоминалось лишь вкратцѣ и вообще о какомъ то проступкѣ, имъ содѣланномъ, безъ объясненія подробностей. (*По этому*) мы были такого мнѣнія, что его вина не столь непростительна, чтобы совершенно истребить все ваше прежнее царское къ нему благоволеніе, и что когда онъ смиренно повинится предъ вашимъ вел-мъ или когда причина неудовольствія на него будетъ лучше разсмотрѣна, то вина его будетъ ему прощена, или онъ самъ въ ней будетъ оправданъ. Съ этою цѣлію не только онъ самъ долго съ великимъ настояніемъ насъ умолялъ; но и нѣкоторые изъ нашихъ вельможъ, давая вѣру его

оправданіямъ, за него ходатайствовали, прося насъ за него, чтобы намъ еще разъ употребить его на нашу службу, отправивъ его въ Россію нашимъ гонцомъ къ вашему вел-ву, чтобы онъ имѣлъ случай оправдать себя и, либо своими отвѣтами, либо своимъ сознаніемъ возвратить себѣ прежнюю милость вашего вел-ва. По государской нашей природѣ мы рѣшились на сіе соизволить, желая блага нашему подданному съ тѣмъ, чтобы онъ или подвергся тому, что заслужилъ, или доказалъ свою невинность.

Изъ этого, благородный государь, люб-ѣйшій и дорогой братъ, ваше вел-во изволите усмотрѣть, что мы рѣшились употребить службу сказаннаго гонца какъ для того, чтобы возвратить ему милость вашего вел-ва (если бы онъ оказался достоинъ ея), такъ и по причинѣ знанія имъ нравовъ и обычаевъ вашей страны, съ которой онъ хорошо знакомъ. Но такъ какъ изъ грамотъ вашего вел-ва видно, что онъ не оправдался въ глазахъ вашего вел-ва, мы не намѣрены болѣе употреблять его впредь ни на какую подобную службу.

Что касается неудовольствія вашего вел-ва на сокращенія, сдѣланныя нами при прописаніи почетныхъ титловъ вашего вел-ва, ничто не столь далеко отъ нашихъ мыслей, какъ умаленіе чести подобающей столь великому и могущественному государю, котораго мы считаемъ, по его величію, достойнымъ чести большей чѣмъ та, которую мы въ состояніи ему воздать. По этому чтобы оправдать себя отъ подозрѣнія, что мы посягнули на какую либо долю должнаго вамъ государскаго почёта и величія, намъ не надобно инаго и болѣе убѣдительнаго доказательства какъ указаніе на собственный нашъ титулъ, который сокращенъ слѣдующимъ образомъ: Елисавета, Божіею милостію королевна Англіи, Франціи и Ирландіи, оборонительница вѣры и проч. Означенныя нами королевства и владѣнія упомянуты вообще въ словахъ: Англія, Франція и Ирландія; въ каждомъ изъ нихъ есть отдѣльныя княжества, герцогства, графства, области и страны; если ихъ перечислять каждое отдѣльно, то это весьма распространило бы нашъ титулъ и содѣлало бы его весьма длиннымъ; предки наши сего не дѣлали; не смотря на сіе мы не считаемъ для себя безчестіемъ и употребляемъ сокращенный титулъ свой во всѣхъ

нашихъ письмахъ и грамотахъ, которыя пишемъ какимъ бы то ни было государямъ, королямъ и властителямъ. Изъ этого мы заключаемъ, что, соблюдая главный титулъ вашего вел-ва, мы не дѣлали вашему выс-ву никакого безчестія опустивъ перечисленіе всѣхъ отдѣльныхъ областей. Впрочемъ мы охотно соглашаемся, узнавъ ваши обряды и обычаи, соблюдать тотъ порядокъ, который вы сами признаете болѣе приличнымъ. Для запечатанія же нашихъ грамотъ, которыя мы пишемъ всѣмъ нашимъ союзникамъ, родственникамъ и друзьямъ, королямъ и государямъ, мы имѣемъ двѣ отдѣльныя печати, которыя, какъ наши государскія печати, считаемъ обѣ одинаково почетными. По величинѣ нашей грамоты, смотря по тому велика она или мала, къ нимъ прикладывается большая или малая печать, причемъ не считается, чтобы та или другая была болѣе или менѣе почетна. Такъ что въ сказанной нашей грамотѣ, прелюб-ный и дражайшій братъ нашъ, не было ничего учинено съ намѣреніемъ умалить въ отношеніи къ вашему вел-ву обычное уваженіе, которое наше выс-во привыкло оказывать вашему благороднѣйшему отцу, преславной памяти Ивану Васильевичу, царю всея Россіи, или вамъ самимъ, дражайшій братъ нашъ.

По прочимъ статьямъ грамоты вашего вел-ва относительно содержанія нашего посланника и производства дѣла Антона Марша мы считаемъ себя удовлетворенными вашимъ царскимъ отвѣтомъ и усматриваемъ въономъ похвальное и государское попеченіе вашего вел-ва о предупрежденіи смутъ, пререканій и тяжбъ, подобныхъ тѣмъ которыя возбудило дѣло этого Марша между нашими гостьми и вашими подданными. Попеченіе это состоитъ въ намѣреніи вашего вел-ва отъ времени до времени изгонять изъ вашей земли тѣхъ бродягъ изъ нашихъ подданныхъ, которые теперь тамъ проживаютъ или въ послѣдствіи тамъ останутся, и которые не принадлежатъ къ обществу нашихъ купцовъ, но уѣхали изъ нашей земли безъ дозволенія нашего выс-ва. Наши купцы представили намъ имена нѣсколькихъ такихъ лицъ, а именно: Ричардъ Коксъ, Беннетъ Джакманъ, Рейнольдъ Кичинъ, Симонъ Роджерсъ, Михаилъ Ленъ, Ѳома Ворзенгемъ. Благоволите, ваше вел-во, дать царскій указъ о высылкѣ ихъ изъ ва-

шей земли для отправленія ихъ домой съ будущими кораблями, во избѣжаніе неудовольствій, которыя пребываніе ихъ въ Россіи можетъ породить къ возмущенію нашего братскаго союза и къ замѣшательству въ сношеніяхъ.

И какъ, люб-ѣйшій и дражайшій братъ, въ вашемъ государствѣ недавно умеръ нашъ подданный, нѣкто Вильямъ Турнбуль; а наши купцы имѣли съ нимъ много препирательствъ изъ за большихъ денежныхъ суммъ, которыя онъ былъ имъ долженъ за то время, когда былъ ихъ прикащикомъ въ ихъ торговыхъ дѣлахъ; каковыя спорныя деньги по третейскому суду были уменьшены до суммы 3 тыс. рублей; и ему слѣдовало уплатить эти деньги, какъ можно удостовѣриться совѣту или судамъ вашего вел-ва по весьма достовѣрнымъ показаніямъ и свидѣтельствамъ; и какъ кромѣ того сказанный Турнбуль былъ еще долженъ разнымъ нашимъ подданнымъ по собственноручнымъ своимъ роспискамъ, доходящимъ вообще до суммы 1326 фунтовъ (стерл.), каковыя росписки засвидѣтельствованы нашею государственною печатью и будутъ отосланы съ тѣмъ, кто повезетъ настоящую грамоту; онъ много разъ обѣщалъ уплатить эти деньги. По этому благоволите, ваше превосходнѣйшее вел-во, по испытанной любви своей къ справедливости, повелѣть вашимъ благонадежнымъ совѣтникамъ и судьямъ наблюсти, чтобы тѣ разные долги были бы уплачены нашимъ купцамъ и подданнымъ изъ имущества, товаровъ и долговъ, составляющихъ имущество сказаннаго Турнбуля; о коихъ ваше вел-во будете увѣдомлены агентомъ нашихъ купцовъ.

Мы надѣемся, что намъ не встрѣтится нужды вновь обращаться къ вашему вел-ву съ просьбою о сдѣланіи какого нибудь распоряженія для отысканія остальныхъ товаровъ, принадлежащихъ нашимъ купцамъ и захваченныхъ въ пользу вашего вел-ва, когда они были на рукахъ и во владѣніи ихъ слуги Ивана Чаппеля, такъ какъ на это было соизволеніе вашего вел-ва и вѣроятно это уже и сдѣлано по повелѣнію вашего вел-ва. По этому мы умоляемъ ваше вел-во, чтобы, какъ возможно скорѣе, нашимъ сказаннымъ купцамъ было дано или удовлетвореніе или вознагражденіе за тѣ многія и великія потери, которыя

они понесли какъ по этому дѣлу, такъ и по многимъ другимъ случаямъ въ послѣднее время.

И наконецъ, дражайшій и люб-ѣйшій братъ нашъ, такъ какъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ не слѣдуетъ ставить что либо выше нашего полнаго союза и дружества, перешедшаго къ намъ по наслѣдству преемственно отъ нашихъ предковъ и благородныхъ родителей (?), приложимъ съ обѣихъ сторонъ попеченіе о содержаніи и продолженіи его для нашихъ потомковъ навѣки. И если съ чьей либо стороны произойдетъ недоразумѣніе или ошибка чрезъ исполненіе чего либо не по обычаю одного изъ нашихъ государствъ, да будетъ сіе устроено чрезъ обмѣнъ писемъ, чтобы нашъ союзъ и дружество никоимъ образомъ не были нарушаемы по какому бы то случаю ни было. — За симъ поручаемъ ваше вел-во въ охрану Всевышняго.

Изъ нашего королевскаго Вейтгальскаго дворца (*въ Лондонѣ*) 14-го Января, лѣта отъ Р. Х. 1591 (1592).

№ 77. — 1592 Jan. 14.

Q. Elizabeth to Lord Boris Feodorowich Gordino.

Right honorable. It hath appeared vnto vs vppon the reading and pervsing of the letters lately sent vnto our h.s from our deare and loving brother, the emperour, in what part his ma-ty tooke the late ymployment of our messenger Hierom Horsey in our affaires into Russia. Wherein wee doe also fynde the honorable endeuour, vsed by your lordshipe to appease his h.s. myslyke, and exceptions taken aswell to the person of our messenger, as to our princelye letters sent by hym; bothe of which pointes, wee haue answered in our letters sent by this bearer directed to our said loving brother the emp.r vppon pervsinge whereof wee doubt not but his ma-ty wilbe well satisfied touching our said messenger, and former letter.

And for the honorable course houlden by your Lo: in the enterposing of your opinion, and fauorable construction in a thing which might growe to offence of the league and amitie standing between your soueraigne and vs (wherin your Lo: performed the office of an honorable, and graue counsellor) wee take ourselfe behoulding to your Lo: for your redynes in that behaulfe, and do assure ourselfe that the same did proceed of the speciall loue, and kynd affection that your Lo: hath euer borne, and contynued towardes vs, whereof our princelye nature will never be vnmindfull.

Wee haue been also from tyme to tyme made acquainted by our cheife, and principall counsellor W-m Lord Burghley, Lo: highe thresaurer of our h.s realme of England of your letters, which haue passed between your Lo: and hym concerning th'entercourse of merchaunts traffique in your countreys and of the honorable offices done by your Lo: with the emp.r in fauour of our said merchaunts. And lastly (which wee take a most assured argument of your undoubted loue and affection towardes vs) that your Lo: hath vouchesafed, and of purpose taken into your handes the protection of our said marchaunts, and the hearing, and determining of all their causes and occasions whatsoeuer, which shall concerne them, or their trade. All which wee conceaue to be done for our sake, and therfore doe acknowledge ourself to be, and still will contynewe behoulding to you for the same.

And whereas wee haue made mention in our said letters, written to our loving brother the emp.r of certein debtes dewe aswell to our marchaunts, as to other of our subiects by one William Trumbull a subiect of ours lately deceased in Russia, we praye you to be referred to the said letters. And forasmuche as the said cause will fall vnder your Lo: iuridiction, by reason of your acceptation of all their causes into your patronage and protection; wee are so well assured of your hon:ble inclynation to justice and your good affection towardes our marchaunts for our sake, that wee shall not need to entreat your hon:ble furtheraunce, either of justice or expedition in the said cause.

And lastly considering your noble lynage, together with your great wisdome, and desert hath made you a principall counsellor, and director of the state of so greate a monarke, wherby your advise and direction is followed in all thinges that doe concerne the same, wee haue geven order to our said principal councellor William Lord Burghley, Lo: highe thresaurer of our realme of England, that as any occasion shall aryse to the hinderance of the entercourse between theis two contryes, or of the priviledges graunted by his ma-tie to our marchaunts, that hee maye by advertisement treat with your Lo: therevppon, which wee by reasoñ of our great princely affaires cannot so conveniently at all tymes doe with suche expedicion as the cause may require.

And thus with our princely comendations, wee byd your Lo: farewell.

From our royall pallace of Whitehall, the xiiij-th of January anno Domini 1591 (1592).

№ 77. — 1592 Янв. 14.

Елисавета Б. Ѳ. Годунову.

Достопочтеннѣйшій! Изъ чтенія и обсужденія послѣдней грамоты присланной къ пашему выс-ву отъ нашего дорогаго и любительнаго брата царя, нами усмотрѣно какъ его вел-вомъ принята послѣдняя посылка нашего гонца Еремѣя Горсея по нашимъ дѣламъ въ Россію. Изъ той же грамоты мы видимъ почтенное стараніе ваше умиротворить неудовольствіе его выс-ва и непріятности, возникшія по поводу какъ личности нашего гонца, такъ и нашихъ грамотъ, посланныхъ съ нимъ. По обоимъ этимъ предметамъ мы дали отвѣты въ нашихъ грамотахъ, посланныхъ съ настоящимъ посланцемъ, отправленнымъ къ сказанному нашему люб-му брату царю. Не сомнѣваемся, что, по прочтеніи ихъ, его вел-во удовлетворится относительно какъ вышеупоминаемаго гонца, такъ и прежнихъ грамотъ.

За благосклонный же образъ дѣйствій вашей чести при заявленіи вашего мнѣнія и за благопріятное истолкованіе такого дѣла, которое могло бы повести къ нарушенію союза и дружбы, существующихъ между вашимъ государемъ и нами (при чемъ вы исполнили обязанность честнаго и разумнаго совѣтника), мы считаемъ себя обязанными предъ вами за вашу готовность въ этомъ дѣлѣ, и имѣемъ увѣренность, что это произошло отъ особенной любви и добраго расположенія, которыя вы всегда имѣли и продолжаете имѣть къ намъ; чего мы по нашей государской природѣ никогда не забудемъ.

Нашъ главный и верховный совѣтникъ Вильямъ лордъ Бёрлей, верховный казначей королевства нашего Англіи, насъ также, отъ времени до времени, извѣщалъ о вашихъ письмахъ, которыя были пересылаемы между вами и имъ относительно торговыхъ сношеній нашихъ купцовъ въ вашихъ странахъ, и о благосклонныхъ услугахъ вашихъ при царѣ въ пользу сказанныхъ нашихъ купцовъ. И наконецъ (что мы пріемлемъ за вѣрнѣйшее доказательство вашей любви и пріязни къ намъ), *намъ извѣстно*, что вы приняли на себя покровительство нашихъ сказанныхъ купцовъ, и выслушиваніе и рѣшеніе всѣхъ дѣлъ ихъ и всякихъ разбирательствъ, которыя будутъ касаться ихъ или ихъ торговли. Мы считаемъ, что все это сдѣлано ради насъ и потому сознаемъ себя нынѣ, и впредь не престанемъ сознавать себя, за все сіе обязанною вамъ.

А такъ какъ мы въ сказанной нашей грамотѣ, писанной къ люб-му нашему брату царю, упомянули о нѣкоторыхъ долгахъ, слѣдующихъ какъ нашимъ купцамъ, такъ и другимъ нашимъ подданнымъ съ нѣкоего Вильяма Трумбуля, подданнаго нашего недавно умершаго въ Россіи, то просимъ васъ обратиться (*по этому предмету*) къ тѣмъ нашимъ грамотамъ. И такъ какъ, по причинѣ принятія вами подъ свое завѣдываніе и покровительство всѣхъ дѣлъ (*нашихъ купцовъ*), это дѣло также подвергнется сужденію вашему, то мы такъ твердо увѣрены въ вашей приверженности къ справедливости и въ вашемъ добромъ расположеніи къ нашимъ купцамъ ради насъ, что не считаемъ нужнымъ просить вашего благосклоннаго

споспѣшествованія къ справедливому и скорому окончанію этаго дѣла.

Наконецъ во вниманіе къ тому, что благодаря вашему благородному родопроисхожденію, вашей великой мудрости и вашимъ заслугамъ вы сдѣлались главнымъ совѣтникомъ и правителемъ государства столь великаго монарха, и что потому ваши совѣты и распоряженія исполняются во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ, мы дали повелѣніе сказанному нашему главному совѣтнику Вильяму лорду Бёрлею, великому казначею нашего королевства Англіи, чтобы, если бы возникло какое нибудь дѣло къ нарушенію сношеній сихъ странъ или привилегій пожалованныхъ его вел-мъ нашимъ купцамъ, онъ увѣдомлялъ бы и сносился о семъ съ вашею честію; ибо, по причинѣ нашихъ великихъ государскихъ дѣлъ, мы не можемъ такъ удобно во всякое время сіе дѣлать съ такою поспѣшностію, каковой дѣло можетъ требовать.

За симъ посылая вамъ наши государскія привѣтствія, прощаемся съ вашею честію.

Изъ нашего королевскаго Вейтгальскаго дворца, 14 января 1591 (1592) года.

№ 78. — 1592 Jan. 15.

L. Burghley to B. F. Godoonoff.

Right honourable my very good lord, vpon the last returne of our merchants shippes out of Russia, there was brought vnto my handes, by one Francis Cherrie an English merchant, a letter directed to the queenes ma-tie, from the great and mightie emp. of Russia, and another letter from your Lo: directed to me: which sayd letter written from the emp. to her ma-ty hath been considerately and aduisedly by her h.sse read and perused, and the matter of complaint against Jerom Horsey therein comprised thorowly examined; which hath turned the same Horsey to some great displeasure. I did also acquaint our ma-ty with the contents of your Lo:s letters written to mee, and informed her of your Lo:s honourable fauour shewed to her h.sse merchants from time to time: who tooke the same in most gracious part, and confessed her selfe infinitly beholding vnto your Lo: for many honourable offices done for her sake, the which she meant to acknowledge by her letters to be written to your Lo: vnder her princely hand and seale.

And forasmuch as it hath pleased your Lo: to take into your handes the protection of her ma-ties merchants, and the redresse of such iniuries as are, or shall be offered vnto them contrary to the meaning of the entercourse, wherein in some points your Lo: hath already vsed a reformation, as appeareth by your sayd letters: yet the continuance of traffique mouing new occasions and other accidents tending to the losse of the sayd merchants, whereof some particulars haue beene offered vnto me to treat with your Lo: vpon: I thought it good to referre them to your honourable consideration, that order might be taken in the same, for they are apparantly repugnant to the emp.s letters written to her ma-tie, and doe much restraine the liberty of the trade.

One is, that at the last comming of our merchants to the port of Saint Michael the Archangel, where the mart

is holden, their goods were taken by the emp.s officers for his h.sse seruice at such rates, as the sayd officers were disposed to set vpon them, so farre vnder their value, that the merchants could not assent to accept of those prices: which being denied, the sayd officers restrained them of all further traffique for the space of three weekes, by which meanes they were compelled to yeeld vnto their demaund how vnwillingly soeuer.

Another is, that our sayd merchants are driuen to pay the emp.s officers custome for all such Russe money as they bring downe from the Mosco to the sea side to employ there at the mart within the emp.s owne land; which seemeth strange vnto me, considering the same money is brought from one place of the country to another, and there imployed without any transport ouer of the sayd money.

These interruptions and impositions seeme not to stand with the liberties of the emp.s priuiledges and freedome of the entercourse, which should be restrained neither to times or conditions, but to be free and absolute: whereof it may please your Lo: to be aduised, and to continue your honourable course holden betweene the emp. and her ma-ty, to reconcile such differences as any occasion doth offer to their league or traffique. Thus not doubting of your Lo:s furtherance herein, I humbly take my leave of your good lordship.

From her ma-ties royall palace of Whitehall this 15 of January 1591 (1592).

№ 78.—1592 Янв. 15.

Лордъ Бёрлей Б. Ѳ. Годунову.

Достопочтеннѣйшій и отличнѣйшій бояринъ При послѣднемъ возвращеніи кораблей нашихъ купцовъ изъ Россіи, мнѣ была вручена нѣкоимъ Франциском Чери, Англійскимъ купцомъ, грамота надписанная къ ея корол. вел-ву отъ великаго и могущественнаго царя Русскаго и другое письмо, отъ васъ, надписанное ко мнѣ. Сказанная грамота, писанная отъ царя къ ея вел-ву, была тщательно и внимательно прочтена и разсмотрѣна ея выс-мъ и содержащаяся въ ней сущность обвиненія противъ Еремѣя Горсея была подробно изслѣдована, за что тотъ Горсей подвергся великой опалѣ. Я ознакомилъ также нашу государыню съ содержаніемъ письма, написаннаго вами ко мнѣ, и увѣдомилъ ее о благосклонной милости оказываемой вами нашимъ купцамъ: она осталась весьма симъ довольною и сознала себя несказанно вамъ обязанною за многія благосклонныя услуги, дѣлаемыя ради ея, за которыя она намѣревалась благодарить васъ письмомъ, за собственною своею государскою рукою и печатью.

Вамъ благоугодно было, бояринъ, принять на себя покровительство купцовъ ея вел-ва и исправленіе тѣхъ обидъ, которыя дѣлаются или будутъ дѣлаемы имъ вопреки смыслу ихъ жалованной грамоты или невольности ихъ сношеній. Въ чемъ, какъ видно изъ сказаннаго письма вашего, вами по нѣкоторымъ статьямъ уже и сдѣлано исправленіе; но продолженіе торговли возрождаетъ новыя дѣла и новыя случайности, влекущія за собою убытки для сказанныхъ купцовъ, о чемъ нѣкоторыя подробности были сообщены мнѣ для переговоровъ объ оныхъ съ вами. По этому я счелъ за благо сообщить ихъ на ваше милостивое усмотрѣніе, для сдѣланія по нимъ распоряженія, такъ какъ они представляются противными грамотѣ, писанной царемъ къ ея вел-ву и много убавляютъ свободы торговли.

Первое: въ послѣдній пріѣздъ нашихъ купцовъ къ пристани Святаго Михаила Архангела, гдѣ ведется торгъ, ихъ товары были взяты царскими приказными людьми для казны его выс-ва по такимъ цѣнамъ, какія тѣмъ приказнымъ заблагоразсудилось за нихъ положить, на столько ниже ихъ стоимости, что купцы не могли согласиться на полученіе *(денегъ)* по такимъ цѣнамъ: послѣ этого отказа, сказанные приказные въ теченіи трехъ недѣль не допускали ихъ ни до какого торга; такъ что они были принуждены уступить ихъ требованію, какъ сіе ни было противно ихъ желанію.

Другое: сказанные купцы наши принуждаются къ уплатѣ царскимъ приказнымъ людямъ пошлины со всѣхъ тѣхъ Русскихъ денегъ, которыя они привозятъ изъ Москвы на поморье для употребленія на тамошнемъ же рынкѣ внутри земли самаго царя. Мнѣ это кажется страннымъ по тому соображенію, что тѣ же деньги перевозятся изъ одного мѣста въ другое того же государства и тамъ расходуются, при чемъ деньги эти вовсе не вывозятся *(изъ онаго)*.

Эти задержки и налоги, повидимому, не согласуются съ поволностями царской жалованной грамоты и съ свободой сношеній, которую не слѣдовало бы умалять ни относительно времени, ни относительно условій, но которая должна быть рѣшительно вольною. Благоволите, бояринъ, о семъ справиться и продолжать благосклонный образъ дѣйствій вашъ между царемъ и ея вел-вомъ для умиротворенія тѣхъ разногласій, которыя случайно могутъ возникнуть въ ихъ союзѣ или торговлѣ. — Не сомнѣваясь въ вашемъ содѣйствіи по сему дѣлу, смиренно прощаюсь съ вами, добродѣтельный бояринъ.

Изъ королевскаго Вейтгальскаго дворца ея вел-ва, сего 15 Января 1591 (1592).

№ 79. — 1592 May.

L. Burghley to B. F. Godoonoff.

Right honorable my very good Lord. Her ma-tie hauing sent a message ouer land this last winter with letters to the emp.s h.s and also to your Lo:in answer of the letters directed vnto her ma-tie from the emp.s ma-tie and hauing therein at large answered, and expressed all things which either required answer, or concerned the league and entercourse, (since which time there hath bene no newe occasion ministred that might require any expresse messenger between them). Now her h.s resoluing to send ouer a newe agent, to direct the trafficque of her merchants, and hauing chosen for that imployment one John Merick, a man well knowen to your Lo: and well acquainted with the order of the country, hath required me to commende the man to your Lo:s ho: fauor to be receiued into the charge and place of the late agent Cristopher Holmes whom she is desirous to haue dismissed and returned home in the ships with your L.s honorable fauor and consent, vppon whose returne her h.s may be informed of the good and princely estate of her noble and louing brother the emp. and of her welbeloued sister that vertuous and famous empresse his wife, and also of the honorable state of your good Lo: her louing and deare cosin, and lastly of all things, which doe concerne the entercourse reduced as she hopeth to a quiet and peaceable course and order by your Lo: honorable meanes.

Thus right honorable my very good Lord, hauing performed her ma-ts commandement giuen me in speciall charge, I doe humbly and briefly recommende to your Lo: most ho: memorie and consideration, the two pointes of my last letters sent by the said messenger to your Lo: which were these viz. first that our merchants found themselues greeued, that at their last arriuall at the port of St. Michaell Archangel their goods were taken by the emp.s officers for his h.s seruice at

such rates, as the said officers were disposed to sett vppon them, so farr vnder the valew, that the merchants could not assent to accept of those prises, which being denied, they were restrained by the said officers of all further trafficque for the space of three weekes, by which meanes they were compelled to yeeld to their demands how vnwillingly soeuer. The other was that the said merchants were driuen to pay to the said officers custome for all such Russe money, as they brought downe from the Musko to the seaside to imploy there at the mart, within the emp.s owne lande which seemeth strange to me, considering that the same mony is brought but from one place of the country to an other, and there imployed in the emp.s countrie, without any transport ouer of the same out of the country.

In both which I humbly pray your Lo: in the behalfe of the said merchants to take such honorable order, as may stand with the liberality of the emp.s priuiledge, and the freedome of the entercourse, which should be restrained neither to times, nor conditions, but to be free and absolute.

And so doe humbly take my leaue of your good Lo:

From her ma-ts royall mannor of Greenewich this day of Maye 1592.

№ 79.—1592 Мая.

Лордъ Бёрлей Б. Ѳ. Годунову.

Достопочтеннѣйшій и отличнѣйшій бояринъ. Ея вел-во прошлою зимою послала сухимъ путемъ гонца съ грамотами къ его царскому выс-ву и также къ вамъ, бояринъ, въ отвѣтъ на грамоты, писанныя къ ея вел-ву царскимъ вел-вомъ, и въ нихъ пространно отвѣчала и объяснилась по всѣмъ предметамъ, которые или требовали отвѣта или касались союза и сношеній; съ тѣхъ поръ не случилось никакого обстоятельства,

которое могло бы потребовать пересылки между ними нарочнаго гонца. Нынѣ ея выс-во рѣшила послать новаго агента для управленія торговлею ея купцовъ и избрала на эту должность нѣкоего Ивана Мерика, человѣка хорошо вамъ извѣстнаго и хорошо знакомаго съ порядками страны, и велѣла мнѣ поручить этого человѣка благосклонной милости вашей для принятія его на должность и на мѣсто бывшаго агента Христофора Гольмса; она желаетъ чтобы послѣдній, съ милостиваго разрѣшенія вашего, былъ уволенъ и отпущенъ въ Англію на корабляхъ; по возвращеніи его ея выс-во можетъ получить извѣстіе о добромъ и государскомъ здоровьѣ ея благороднаго и люб-аго брата царя, и о супругѣ его, возлюбленной ея сестрѣ добродѣтельной и знаменитой царицѣ, а также и о честномъ здоровьѣ вашемъ, бояринъ, родственникъ ея люб-ый и дорогой, а наконецъ и о всѣхъ дѣлахъ касающихся обоюдныхъ сношеній, которыя, какъ она надѣется, воспріяли, благодаря вашему посредству, тихое и спокойное теченіе и порядокъ.

Исполнивъ таковое, особо возложенное на меня, порученіе, я смиренно и вкратцѣ приведу на память и обращу вниманіе ваше, достопочтеннѣйшій и отличнѣйшій бояринъ, на двѣ статьи моего послѣдняго письма, посланнаго къ вамъ съ упомянутымъ гонцомъ; а именно: первое, что наши купцы огорчились тѣмъ что въ послѣдній ихъ пріѣздъ къ пристани св. Михаила Архангела ихъ товары были взяты царскими приказными людьми для казны его выс-ва по такимъ цѣнамъ, какія тѣмъ приказнымъ заблагоразсудилось за нихъ положить, на столько ниже ихъ стоимости, что купцы не могли согласиться на полученіе денегъ по такимъ цѣнамъ: за каковымъ отказомъ, тѣ приказные въ теченіи трехъ недѣль не давали имъ никакого торга; послѣ чего они были принуждены уступить ихъ требованію, какъ сіе ни было противно ихъ желанію. Другое: сказанные купцы наши были принуждаемы къ уплатѣ царскимъ приказнымъ людямъ пошлины со всѣхъ тѣхъ Русскихъ денегъ, которыя ими были привезены на поморье для употребленія на тамошнемъ же рынкѣ внутри земли самаго царя; что̀ мнѣ представляется страннымъ по тому соображенію, что тѣ же деньги были перевезены изъ одного мѣста въ другое той же страны и

израсходованы въ томъ же государствѣ царя, при чемъ нисколько ихъ не вывезено изъ страны.

По обѣимъ этимъ статьямъ, смиренно прошу васъ, бояринъ, за тѣхъ купцовъ, чтобы установленъ былъ безобидный порядокъ, который согласовался бы съ милостивою царскою жалованною грамотою и съ свободою сношеній, которыя не должны быть стѣсняемы ни временемъ ни условіями, но быть рѣшительно привольны.

Засимъ смиренно прощаюсь съ вами, доброжелательный бояринъ.

Изъ Гринвичскаго замка ея величества сего дня Мая 1592.

№ 80. — 1593 Янв.

Θеодоръ Елисаветѣ.

Любительная сестра. Грамоту твоего вел-ва, присланную съ твоимъ слугою Θомою Линдомъ, мы получили и прочли что въ ней пишешь о нашемъ титулѣ и почетномъ наименованіи и о порядкѣ приложенія печати къ твоимъ грамотамъ, прежде сего присланнымъ къ намъ съ твоимъ слугою Еремѣемъ Горсеемъ. И о семъ твое вел-во отвѣчала намъ достаточно и весьма благожелательно. Мы также, люб-нѣйшая сестра королевна Елисавета достаточно объяснили прежде сего о дурномъ поведеніи Еремѣя Горсея въ нашемъ государствѣ и дали о семъ уразумѣть посланнику твоего вел-ва Эгидію Флетчеру, чтобы то было явно и подробно извѣстно твоему вел-ву съ тѣмъ чтобы напредь не было повода къ таковому неудовольствію между твоимъ выс-мъ и нами, а также, чтобы напредь не былъ присылаемъ въ наши государства подобный неспокойный человѣкъ. Въ нашихъ грамотахъ, которыя мы отправили съ посланникомъ Эг. Флетчеромъ подробно объяснено дурное поведеніе сказаннаго Горсея; намъ кажется, что эти грамоты были утаены отъ твоего вел-ва, ибо послѣ посылки ихъ съ посланникомъ Эг. Флетчеромъ, сказан-

ный Ер. Горсей опять прибылъ въ наше государство не по старому обычному пути, а черезъ княжество Литовское, перемѣнивъ свое имя, и привезъ нашему вел-ву грамоту отъ твоего выс-ва, писанную не по обычному государскому образцу твоего вел-ва. А потому мы желаемъ и просимъ твое вел-во, чтобы напредь не посылать къ намъ никакого такого худаго человѣка, дабы наша дружба и пріязнь продолжались и оставались такими, каковыми были прежде сего между твоимъ вел-вомъ и нашими предшественниками.

А что твое вел-во писала въ своей грамотѣ объ имуществѣ Вильяма Трумбуля, недавно умершаго въ нашемъ государствѣ, что твоимъ подданнымъ, у которыхъ онъ былъ прикащикомъ, слѣдуютъ съ него долги по расчету. И мы по просьбѣ твоего вел-ва не только велѣли сдѣлать по сему распоряженіе, но еще, ради твоего выс-ва, люб-ной сестры нашей, велѣли розыскать тѣ товары и выдать ихъ агенту твоихъ гостей и ихъ обществу, вмѣстѣ съ его имуществомъ, расчетными книгами, счетами и письмами, равно какъ и денегъ 600 рублей, которые Христофоръ Гольмсъ и Францискъ Чери остались должны тому Вил. Трумбулю за икру. И мы также освободили его Трумбулева родственника Регинальда Китчина съ товарищи и выдали ихъ агенту твоихъ гостей.

А что твое вел-во писала намъ далѣе, чтобы мы велѣли отослать въ Англію тѣхъ твоихъ подданныхъ, которые выѣхали изъ королевства твоего выс-ва тайно, безъ дозволенія; что касается твоихъ подданныхъ, мы велимъ ихъ розыскать и тѣхъ изъ нихъ, которые захотятъ ѣхать домой въ твое государство, мы тотчасъ же велимъ выдать агенту твоихъ гостей, для отправленія; что касается тѣхъ людей твоего вел-ва, которые отдали себя нашему правительству въ подданство, мы думаемъ что намъ не слѣдуетъ допускать ихъ отправки.

А что еще твое вел-во писала намъ о товарахъ Ивана Чаппеля, и мы прежде сего писали полное о томъ объясненіе и не одинъ разъ, а нѣсколько разъ и потому о семъ болѣе писать не надобно и за тѣ товары, которые изъ това-

ровъ сказаннаго Чаппеля были отысканы, деньги отданы людямъ твоего вел-ва Вил. Трумбулю съ товарищи.

Слугу твоего вел-ва Ѳому Линда отослали мы съ нашею грамотою тѣмъ же путемъ, которымъ онъ прибылъ въ наше государство. Долгое пребываніе этого гонца въ нашемъ государствѣ случилось по причинѣ (*позднято*) прибытія гостей твоего вел-ва отъ морскаго пристанища.

Писана государствія нашего во дворѣ въ городѣ Москвѣ лѣта отъ созданія міра 7101 (7112) мѣсяца января.

№ 80. — 1593 Jan.

Czar Theodore to Q. Elizabeth.

Lovinge sister, your m-ies lettres sent by your servant Thomas Lynde, weė have receyved and read what you haue written in the same touchinge our tytle and style of honnor and towching your order holden in the seilinge of your lettres heretofore sente vnto vs by our servante Jherom Horsey, wherin your ma-tie hath aunswered vs sufficientlye and most graciously. Wee also certefyed you most loving sister queen Elizabeth concernynge Hierom Horsey his misdemeanor in our dominion heretofore sufficiently and gyven to your ma-ties ambassadore Gyles Fletcher to vnderstande that it might be apparant and throughlye knowne to your ma-tie. Soe that hereafter there be offered no occasion of such lyke offence betwixte your h.s and vs and alsoe that here after ther may noe suche troblesome person be sent into our dominions. Our letters which we sente by the ambassador Giles Fletcher vnto your ma-tie declare at large the misdemeanor of the sayde Horsey beinge as it seemeth kept from your m-ies sight or knowledge, for that after the sending of our saide lettres by your ambassador Giles Flecher the sayde Hierom Horsey came againe into our dominions not according to the oulde accostomed manner but throughe the

dukedome of Lettowe chaunginge his name, and brought to our ma-tie a lettre from your h.s not written according to your ma-tie accostomed princely manner. Therefore wee wish and desyre your ma-tie hereafter to send vs no person of such behavior, that our ffrendshipp and amitye may contynewe and remayne as heretofore it hath donne betwixt your ma-tie and our predecessors.

And whereas your ma-tie hath written in your lettres concerning the goods of W-m Trumbull late deceased in our kingdome that your subiects for whome he was factor shewlde haue debtes growinge dewe vnto them from him by accompte. Wee at your ma-ties request have caused not onely order to be taken but for your h.s sake loving sister wee haue caused those goodes to be sought out and deliuered vnto your merchaunts agent and his companie togither with his stuffe, bookes of accomptes billes and wrytings as also ready money to the value of 600 robles which Christofer Holmes and Fraunces Cherrye are to paye vnto the sayde Wm. Trumbull for Ykarye *(caviar)*. And wee haue also sett at liberty the sayde Trumbulles kinseman Reynold Kitchin and his felowes and deliuered them to your marchaunts agentt.

And further whene your ma-tie wrotte vnto vs for suche your subiects as haue departed out of your ma-ies realme secretly without licence that we shoulde geave order to send them home. As concernynge suche your subiects for which you have written vnto our ma-ie by letters wee will cause searche to be made and suche of them as are willinge to goe home into your kingdome wee will comaunde forth with to be deliuered vnto your marchaunts agent and so to passe and suche of your ma-tie people as have gyven themselfes vnder our gouernement as subiects vnto vs wee thinke yt not requisite to graunte to lett them passe.

And further wher your ma-tie hath written vnto vs concernynge the goods of John Chappell wee haue written you heretofore the whole discourse therof not once but sundrye tymes and therefore it ys not needfull to write any more

thereof and suche goodes as were founde out of the goods of the sayde Chapell the money thereof was restored to your ma-ies people W-m Trumbull and his felowes.

Your ma-ties servaunt this bearer Thomas Lynde we haue sent with our lettres the same waye he came into our kingdome, the longe abydinge here of the sayde messenger in our dominions was for the cominge vp of your ma-ies marchaunts from the sea port.

Written in our princlye pallace and royall seate, in the citie of Musko in the yeare of the worlde 7101 (7111) in the moneth of Januarye.

№ 81. — 1593 Янв.

Б. Ѳ. Годуновъ королевнѣ Елисаветѣ.

Всепресвѣтлѣйшая королевна Елисавета Англійская, Французская и Ирландская.

Его царскаго вел-ва слуга, бояринъ и конюшій и дворецкій и правитель Казанскій и Астраханскій Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ твоему превосходному вел-ву, великая государыня королевна Елисавета, низко кланяется.

Угодно было твоему вел-ву написать ко мнѣ милостивое твое государское письмо съ твоимъ слугою Ѳомою Линдомъ, которое письмо я получилъ со всякимъ смиреніемъ. Въ бытность твоего гонца Ѳомы Линда здѣсь въ Москвѣ, Богу угодно было по Его милосердію и по молитвамъ Госпожи нашей Божіей Матери и всѣхъ Святыхъ и государя и царя Ѳеодора Ивановича всея Россіи самодержца, православнаго исповѣдника и любителя Христа, ниспослать царицѣ нашей и милостивой государынѣ Иринѣ, къ великой радости и утѣхѣ царства нашего, княжну нареченную Ѳеодосіей. За что мы воздаемъ всякую честь и славу всемогущему Богу неизреченному, Коего дары бы-

ли для насъ обильны милостями, за нихъ же мы всѣ Христіане хвалимъ и чествуемъ Бога *).

Послѣ того слугѣ твоему пришлось оставаться до пріѣзда твоихъ гостей отъ морскаго пристанища. — А какъ твое выс-во въ письмѣ своемъ писала мнѣ любительнѣйше и дружественнѣйше о грамотѣ, которую получила отъ люб-наго своего брата, нашего государя и повелителя, чрезъ твоего посланника, изъ которой грамоты довольно усматриваешь мое доброжелательство радѣть о продолженіи дружбы и пріязни между вами, могущественными великими государями. И о томъ я и впредь буду продолжать мое стараніе.

Принялъ я также твоихъ гостей подъ свое покровительство для защищенія ихъ, ради любви моей къ твоему вел-ву; и какъ прежде сего я сіе дѣлалъ, съ охотою и съ великимъ попеченіемъ о ихъ благѣ, такъ намѣренъ и впредь продолжать, пока Богъ мнѣ дозволитъ, дабы между вами, государями, братская любовь содержалась безъ смуты.

Какъ въ прежнее время былъ я для твоихъ гостей, такъ и нынѣ, съ дозволенія и по велѣнію государя нашего и повелителя, я буду ихъ защитникомъ во всѣхъ дѣлахъ и прикажу всѣмъ нашимъ начальнымъ людямъ доброхотствовать имъ и защищать ихъ и давать имъ свободу повольно покупать и продавать. Гости твои не свидѣтельствуютъ предъ твоимъ корол. вел-вомъ о всемъ милостивомъ жалованьѣ, которое имъ оказывается.

А что твое вел-во нынѣ писала нашему государю и повелителю о долгахъ, которые слѣдуютъ твоимъ гостямъ съ недавно умершаго Вильяма Трумбуля, и я, прочтя письмо твоего вел-ва, въ коемъ просишь меня быть ходатаемъ о взысканіи и отдачѣ имъ тѣхъ долговъ, докладывалъ о семъ нашему государю, его царскому вел-ву, чтобы дать о семъ указъ и чтобы его (Трумбуля) родственникъ Регинальдъ Кичинъ съ тремя другими былъ отправленъ вмѣстѣ съ имуществомъ сказаннаго Трумбуля и съ иными вещами, какъ то счетами, книгами и письмами, которые всѣ будутъ отданы агенту твоихъ го-

*) Царевна Ѳеодосія род. 14 іюн. 1592.

стей съ товарищи, и съ деньгами 600 рублями сказаннаго Трумбуля.

И о твоихъ гостяхъ я буду имѣть великое попеченіе и буду защищать ихъ, чтобы они не терпѣли убытковъ въ своей торговлѣ и всякій торгъ товарами имъ будетъ свободенъ.

Писано въ государя нашего, его царскаго вел-ва, государевомъ городѣ Москвѣ, въ лѣта отъ сотворенія міра 7101 (7111) мѣсяца Января.

№ 81. — 1593 Jan.

B. F. Godoonoff to Queen Elizabeth.

Most resplendent queene Elizabeth of England, Fraunce and Ireland.

His princely ma-tie servant lorde and m.r of his horse and highe steward of his howse and president of the territories of Kasan and Astrakan Boris Ffedorovich Godenuone vnto your most excellent ma-tie great ladie queene Elizabeth, my humble comendacons.

It hath pleased your ma-tie to write vnto me your gratious and princely letter by your servaunt Thomas Lynde which lettre I receyved with all humblenes. Duringe the tyme of the aboade of your messenger Thomas Lynde heere in the Moskow, it pleased God of his mercifullnes and our Ladie the Mother of God and holy Sainctes by the praiers of our lorde and kinge Theodore Ivanovich over all Rossia gouernor the right beleever and lover of Christe to sende our queene and gratious ladie Eriny to the great ioye and comforte of our kingdome a princes named Ffeodocia. Wherfore we giue all honor and glorie to the almighty God vnspeakable Whose guiftes haue been manifold with mercie vnto vs, for which all we Christians laude and praise God *).

*) Theodosia was born on the 14-th of June 1592.

After all this your servant was occasioned to stey vntyll the cominge of your marchaunts from the sea porte. Wheras your h.s wrote to me in your letter most lovinglie and frendlye towchinge the letters which you haue receyved from your lovinge brother our lorde and m.r by your embassador wherin yow perceyve sufficientlie my good meaneinge, in travaileing for the contynuaunce of amytie and frendship betwixt yow mighty greate princes, in the which I will contynewe myne endevor.

Also your marchaunts I have taken into my proteccon for to defend them for the love I beare vnto your ma-tie and as heertofore I have done yt willingly and with great care of their good: soe I meane to contynue soe far as God will giue me leave. To the end that brotherly love maie be holden betwene yow princes without disturbance.

As I have bene to your marchaunts in tymes past soe now by the permission and comaundement of our lord and m.r I wilbe their defendor in all cawses, and will cause all our aucthorized people to favor them and to defend them and to giue them free libertie to buy and sell at their pleasure. The merchaunts doe not certifie your princely ma-tie of all our frendship and favor shewed vnto them from tyme to tyme.

And wheras your ma-tie hath nowe written to our lorde and m.r for the debts which your marchaunts ought to have of William Trumbull late deceased, I havinge pervsed your ma-tie letter wherby I am required to be a meanes for the recovery and obtayneinge their said debts, I have moved yt to our lord and kinge his ma-tie that order maie be given therin, and that his kinseman Reygnold Kytchin with three persones more maie be sent over togeather with the said Trumball his stuffe, and other things as billes bookes and wryteings, all which shalbe delyvered to your marchaunts agent and his fellowes, and in money 600 rubbels of the said Trumballs.

And for your marchaunts I will have a great care over them; and protect them wherby they shall suffer noe damags

in their trade and all kind of traffique in marchandiz shalbe at their libertie.

Written in our lord and kings ma-tie royall cittie of Mosko in the yeare from the begininge of the world 7101 (7111) in the moneth of Januarye.

№ 82. — 1593 Янв.

Б. Ѳ. Годуновъ лорду Бёрлею.

Изъ письма твоего вижу, что послѣдніе корабли вашихъ гостей возвратились благополучно и что ты получилъ посланныя на нихъ съ Францискомъ Чери грамоты: одну отъ нашего Г. Ц. и В. К. всея Россіи къ ея вел-ву королевнѣ вашей, и другую отъ меня къ ея выс-ву и одну отъ меня къ тебѣ. И ты велѣлъ содержаніе оной прочесть и хорошо ее выразумѣлъ. А что въ ней писано о Еремеѣ Горсеѣ, то ты разыскивалъ почему онъ въ великой опалѣ. А ея выс-во въ своей грамотѣ писала о своего вел-ва купцахъ, что такъ какъ я ихъ взялъ въ свою оборону, она то весьма любительно и ласково пріемлетъ, что они ради ея получили толикую милость.

А объ убыткахъ и задержаніяхъ, которые ваши гости потерпѣли отъ царскихъ приказныхъ и начальныхъ людей и что имъ въ 1589 году три недѣли не давали повольнаго торга у морскаго пристанища; и то случилось безъ воли и повелѣнія его царскаго вел-ва. А что хочешь и желаешь чтобы между его царскимъ вел-мъ и ея корол. вел-мъ любовь и дружба никогда не нарушалась, но продолжалась; и просишь меня, чтобы я былъ милостивъ къ Англійскимъ гостямъ, и оборонилъ ихъ напредь отъ всякихъ убытковъ. И я въ этомъ внимательно разсмотрѣлъ твое письмо; и Богу извѣстно, что какъ прежде сего я былъ, такъ и впередъ съ великою радостію и охотою буду ходатаемъ за соблюденіе братской любви и дружбы между нашимъ государемъ, его царскимъ вел-мъ, и вашей великой государыней, ея корол. выс-мъ, и тебя прошу дѣлать также. Одно мое

желаніе пособлять, помогать и давать оборону гостямъ ея вел-ва, сколько отъ меня зависитъ, ради вашей наипревосходнѣйшей государыни, по указу и по велѣнію нашего государя, его царскаго вел-ва.

И на сей конецъ я далъ приказаніе всѣмъ нашимъ приказнымъ людямъ пещись о гостяхъ и защищать ихъ во всѣхъ дѣлахъ и давать имъ повольный торгъ по собственной ихъ волѣ и усмотрѣнію. Можетъ быть ваши гости не объявляютъ тебѣ правду по всѣмъ дѣламъ и не извѣщаютъ твою честь о моей готовности имъ покровительствовать; и о томъ какъ мною посланы грамоты и наказы о нихъ ко всѣмъ начальнымъ людямъ, чтобы имъ пособляли и помогали по указанію моихъ грамотъ всѣ приказные и другіе люди, состоящіе подъ тѣми начальными людьми.

Пишетъ также твоя честь объ отнятіи у вашихъ гостей у морскаго пристанища ихъ обычной повольности взаимнаго торга и мѣны. По сей жалобѣ были чинимы розыскъ и допросы и дано повелѣніе, чтобы гостямъ ея вел-ва, королевны вашей, у морскаго пристанища, и въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ есть торгъ, на будущее время не терпѣть убытковъ или задержанія, а имѣть имъ свободу безъ препятствія и задержанія отъ всякихъ нашихъ приказныхъ людей и какъ въ Москвѣ, на казенномъ дворѣ, такъ и во всякомъ иномъ мѣстѣ быть имъ повольно, по ихъ хотѣнію и усмотрѣнію. А я и впредь буду ихъ покровитель и заступникъ во всѣхъ дѣлахъ, по указу и по велѣнію его царскаго вел-ва, о чемъ будетъ вѣдомо и объявлено тебѣ отъ вашихъ людей пребывающихъ въ Москвѣ.

Писано въ государя нашего царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міра 7101 (7111) мѣсяца Январдя.

№ 82. — 1593 Jan.

B. F. Godoonoff to L. Burghley.

I perceiue by your letter that your merchants last shippes came home in saftie, and that you haue receiued the letters sent by the hands of Francis Cherie, one from our lord and great king of all Russia his ma-ty vnto your queenes most excellent ma-ty, and one from me to her h.sse, and one from my selfe to you: and the contents thereof you haue caused to be read and well vnderstood at large. And whatsoeuer is therein written concerning Jerome Horsey, you haue sought out the ground thereof, and that he is in great displeasure. And her h.sse hath written in her letter concerning her ma-ties merchants, that whereas I haue taken them into protection, she taketh it very louingly and kindely, that for her sake they haue receiued so great kindnesse.

And touching the damages and hinderances which your merchaunts haue sustained by meanes of the emp.s authorised people and officers, and that they were not permitted to traffike at libertie at the sea port in the yeere 1589 for the space of three weekes, it hath beene against the emp.s maties will and pleasure, as also against mine. Where you desire and wish that betweene our emp.s ma-tie, and your queenes ma-tie, their loue and amitie may not bee separated at any time, but to continue: and you request mee that I should be good vnto the English marchants, and to defend them from all such domages hereafter: your honours louing letter I haue therein thoroughly considered: and as I haue bene heretofore, so I will continue to be a meane betwixt our lorde and kings ma-tie and your great ladie the queene her h.sse, for the mainteyning of brotherly loue and amitie, most ioyfully and willingly, as God knoweth, aswel hereafter as I haue bene heretofore: praying you to doe the like also. Mine onely desire is for your most excellent princesse sake, to do all that lyeth in mee for the ayding, helping and protecting of her

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Въ скобкахъ означено имя лица, которое привезло грамоту.

№№			Стран.
1.	1553 февр. 14.	Грамота Эдуарда VI. (Ченслеръ)	3
2.	1554 февр.	Царя Ивана Васильевича къ королю Эдуарду VI. (Ченслеръ)	6
		переводъ съ современнаго Англійскаго перевода.	
3.	1555 апр. 1.	Филиппа и Маріи къ Іоанну (Ченслеръ)	11
4.	1557 апр.	Ихъ же къ нему же (Непея)	15
5.	1561 апр. 25.	Елисаветы къ Іоанну (Дженкинсонъ)	20
6.	1564 іюн. 23.	Ея же къ нему же (Барберини)	23
7.	1566 апр.	Наставленія А. Дженкинсону	26
8.	— апр. 20.	Грамота Елисаветы къ Іоанну (Дженкинсонъ) . .	28
9.	1566 іюл. 13.	*Отрывки* трехъ писемъ короля Польскаго Сигизмунда къ королевнѣ Англійской Елисаветѣ . . .	31
—	1568 март. 13.		32
—	1569 дек. 6.		32
10.	1567 апр. 10.	Грамота Іоанна къ Елисаветѣ (Твердиковъ и Погорѣлый)	35
11.	— сент. 16.	Его же къ ней же (Дженкинсонъ)	36
		переводъ съ современнаго Англійскаго перевода.	
12.	— нояб.	Порученіе Іоанна Дженкинсону	39
13.	1568 февр. 10.	Грамота Елисаветы къ Іоанну (Мидльтонъ) *отрывокъ*.	41
14.	— мая 9.	Ея же къ нему же (Твердиковъ и Погорѣлый) .	42
15.	— іюн. 26.	Наставленія посланнику Рандольфу	46
16.	— сент. 16.	Грамота Елисаветы къ Іоанну (Рандольфъ)	56
17.	— сент. 16.	Ея же къ правителямъ г. Нарвы	65

№№		Стран
18. 1569 апр. 1.	Іоанна къ Елисаветѣ (Ричертъ)	66
19. — іюн. 20.	Его же къ ней же (Совинъ) Лондон. корол. архивъ.	67
20. — іюн. 20.	Его же къ ней же (Совинъ). Британ. Муз. Cotton. Nero. B. xj. 316—317.	68
21. — »	Статьи договора Іоанна съ Елисаветою.	78
22. 1570 мая	Наставленія Дженкинсону.	83
23. — мая 6.	Просьба посланника Совина	86
— — »	Память его же	87
24. — »	Записка о немъ	88
25. — мая 18.	Грамота Елисаветы къ Іоанну (Совинъ).	93
26. — »	Ея же къ нему же, *тайная* (Совинъ)	99
27. — іюл. 15.	Письмо Годсдона и Бёрроу къ царю	103
28. — окт. 24.	Грамота Іоанна къ Елисаветѣ Лондон. корол арх.	106
29. 1571 »	Записка о посылкѣ Дженкинсона	116
30. — »	Просьба купцовъ по сему случаю	118
31. — іюн. 2.	Грамота Елисаветы къ Іоанну (Дженкинсонъ) *отрывки*	120
32. — авг.	Іоанна къ Елисаветѣ (Бестъ) Лондон. корол. арх.	120
33. 1572 март. 23.	Личные переговоры Іоанна съ Дженкинсономъ въ Александровской слободѣ.	134
34. — мая 13.	Таковые же переговоры въ Старицѣ.	143
35. — мая	Грамота Іоанна къ Елисаветѣ (Дженкинсонъ). Лондон. корол. арх.	146
36. 1574 авг. 20.	Его же къ ней же (Сильвестръ) Лондон. корол. арх.	148
37. — »	Записка Сильвестра	159
38. 1575 мая	Наставленія Елисаветы Сильвестру	165
— — »	Дополненіе къ нимъ	169
— — »	Замѣтка о передачѣ Іоанномъ правленія царю Касимовскому Симеону Бекбулатовичу	174

№№		Стран.
39. 1575 нолб. 29.	Рѣчь Іоанна Сильвестру въ Москвѣ	181
40. 1576 янв. 29.	Разговоръ Іоанна съ Сильвестромъ.	186
41. 1582 мая	Грамота Іоанна къ Елисаветѣ (Писемскій) . . . . Лондон. корол. арх.	189
42. — »	Рѣчи Писемскаго	192
43. — »	Памягь для разговора Елисаветы съ Писемскимъ . .	195
44. — »	Дополнительныя статьи договора Іоанна съ Елисаветою. сравни съ № 21.	199
45. 1583 мая	Наставленія сэру Еремѣю Баусу	206
46. — іюн. 19.	Дополненіе къ нимъ	213
47. — »	Заключительная къ нимъ статья	216
48. — »	Перечень его наставленій	218
49. — іюн. 5.	Грамота о бытіи сэра Еремѣя Бауса посланникомъ .	221
50. — іюн 8.	Грамота *тайная* Елисаветы къ Іоанну (Баусъ) . .	224
51. — іюн. 19.	Ея же къ нему же (Баусъ)	226
52. 1584 авг. 12.	Письмо сэра Еремѣя Бауса	229
53. — »	Его жалобы	236
54. 1585 март. 21.	Память о пріѣздѣ Бекмана	242
55. — іюн. 9.	Грамота Елисаветы къ Θеодору (Бекманъ)	246
56. — авг. 15.	Бориса Θедоровича Годунова къ Горсею	249
57. — сент.	Θеодора къ Елисаветѣ (Горсей)	253
58. 1586 март. 23.	Елисаветы къ Θеодору (Горсей)	277
59. — март. 24.	Ея же къ царицѣ Иринѣ (Горсей)	285
61 1588 іюн. 6.	Ея же къ Θеодору (Флетчеръ) . . . . Статейный списокъ Флетчера, стр. 4.	291
62. — »	Ея же къ Б. Θ. Годунову (Флетчеръ) . . . . . . Тамъ же, стр. 33.	296
63. 1589 янв. 15.	Ея же къ Θеодору (Мичель) . . . . Тамъ же, стр. 59.	313
64. — »	Ея же къ Б. Θ. Годунову (Мичель)	331
60. 1589 »	Б. Θ. Годунова къ Горсею	286

№№		Стран.
65. 1589 март. 23.	Елисаветы къ Өеодору (Боуэъ) . . . . Стат. спис. Флетчера, стр. 74.	337
66. — апр. 30.	Ея же къ нему же (Христоферъ) . . . . Тамъ же, стр. 95.	341
67. — апр. 31	Ея же къ нему же (Бекманъ). . . . . Тамъ же, стр. 79.	344
68. — апр.	Өеодора къ Елисаветѣ (Флетчеръ) . . . . Тамъ же, стр. 45	346
69. — іюл.	Б. Ө. Годунова къ Елисаветѣ (Флетчеръ). . . . . Тамъ же, стр. 82	354
70. 1590. апр. 1.	Елисаветы къ Өеодору (Горсей).	366
71. — »	Ея же къ Б. Ө. Годунову (Горсей)	369
72. — »	Лорда Бёрлея къ нему же. (Горсей)	372
73. — авг.	Елисаветы къ Өеодору. (Горсей)	381
74. 1591 іюл.	Өеодора къ Елисаветѣ. (Черри)	390
75. — »	Б. Ө. Годунова къ лорду Бёрлею. (Черри).	404
76. 1592 янв. 14.	Елисаветы къ Өеодору. (Линдъ)	413
77. — »	Ея же къ Б. Ө. Годунову. (Линдъ)	420
78. — янв. 15	Лорда Берлея къ нему же. (Линдъ)	425
79. — мая.	Его же къ нему же. (Меррикъ)	428
80. 1593 янв.	Өеодора къ Елисаветѣ. (Линдъ)	430
81. — »	Б. Ө. Годунова къ ней же. (Линдъ).	434
82. — »	Его же къ лорду Бёрлею. (Линдъ)	438

Изъ числа вышеозначенныхъ 82 документовъ семь грамотъ Іоанна списаны съ подлинниковъ, хранящихся въ Лондонскомъ королевскомъ архивѣ (№№ 19, 28, 32, 35, 36 и 41) и въ библіотекѣ Британскаго музея (№ 20); шесть грамотъ Елисаветы съ современныхъ Русскихъ переводовъ, напечатанныхъ въ статейномъ спискѣ посольства Флетчера (№№ 61, 62, 63, 65, 66 и 67); двѣ грамоты Өеодора и Б. Ө. Годунова перепечатаны изъ того же списка (№№ 68 и 69);—остальные шестьдесятъ семь документовъ переведены съ Латынскихъ и Англійскихъ подлинниковъ самимъ издателемъ.

TABLE OF CONTENTS.

List of the abbreviations used in the references of this table.

B. M.—British Museum.

Bond.—Russia at the close of the xvj century, comprising the treatise of the Russe Common Wealth by Dr Giles Fletcher; and The Travels of Sir Jerome Horsey, Knt., &c. edited by Edward A. Bond. London. MDCCCLVI.

Hakl.—Hakluyt's collection of the early voyages, travels, and discoveries of the English nation. (a new edition, with additions).—London. 1809. vol. 1.

Ham.—England and Russia; comprising the voyages of John Tradescant the elder, Sir Hugh Willoughby, Richard Chancellor, Nelson and others, to the White Sea, &c. by Dr. J. Hamel. translated by John Studdy Leigh, F. R. G. S.—London. 1854.

M. A.—Imperial Archives of Moscow.

S. P. O.—London State Paper Office.

Turgen.—Historica Russiae Monimenta, ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta, ab. A. I. Turgenevio. Tomus II.—Petropoli. 1842.—Histor. Russiae Monim. ex archivis et bibliothecis Angliae et Franciae deprompta. pag. 363—402.

Edit. Transl.—Editor's translation from Russian MSS.

(—) The names between brackets after the designation of each letter are those of the bearers of those letters.

№№ *pag.*

1. 1553. Febr. 14. Missive letters of king Edward VI (R. Chancelor) . 1
Hakl. 256.

2. 1554. Febr. Czar John to k. Edward VI. (Chancelor) 7
S. P. O.—Hakl. 284.

3. 1555. Apr. 1. King Philip and queen Mary to czar John. (Chancelor) 9
Hakl. 287.

4. 1557. Apr. The same to the same.—*Latin.* - (Nepea) 13
S. P. O.—B. M. Cotton. Nero. B. viij. Pluto. xxij. E.—Turgen. j. 363.

№№			pag.
5. 1561. Apr. 25.	Queen Elizabeth to czar John.—*Latin.* (Jenkinson)	.	17
	M. A. № 2.—Hakl. 379.		
6. 1564. Jun. 23.	The same to the same. *Latin.*—(Barberini). . . .		22
	S. P. O.		
7. 1566. Apr.	Instructions to Jenkinson		24
	S. P. O.		
8. — Apr. 20.	Elizabeth to John. *Latin.*—(Jenkinson)		28
	Ham. appendix R.		
9. 1566. Jul. 13.	Sigismund k. of Poland to q. Elizabeth.—*Latin.* (a fragment).		29
	Ham. appendix S.		
— 1568. March. 13.	The same to the same. *Latin.* (a fragment) . . .		29
	Ham. appendix T.		
— 1569. Dec. 6.	The same to the same. (a fragment)		30
	Hakl. 378.		
10. 1567. Apr. 10.	John to Elizabeth.—*German.* (Tverdicof and Pogorely).		33
	B. M. Cotton. Nero. B. viij. Pluto. xxij. E. 1.		
— — » —	The same in English		34
	S. P. O.		
11. — Sept. 16.	The same to the same (a fragment)		37
	B. M. Harleian mss. 296. Pluto. fxij. 194.—Turgen. 365.		
12. — Nov.	Jenkinson's message from the czar.		38
	B. M. Cotton. Nero. B. xj. 332.—Turgen. 366.		
13. 1568. Febr. 10.	Elizabeth to John. *Latin.*—(Middelton) a fragment	.	41
	Ham. appendix U.		
14. — May 9.	The same to the same. *Latin.*—(Tverdicof)		42
	Hakl. 421.		
15. — Jun. 26.	Instructions to m-r Randolph		43
	S. P. O.		
16. — Sept. 16.	Elizabeth to John. *Latin.* (Randolph).		49
	B. M. Cotton. Nero. B. xj. 385.		
17. — »	The same to the governors of Narva. *Latin*		64
	Ham. appendix W.		
18. 1569. Apr. 1.	John to Elizabeth. *German.* (Richard).		66
	S. P. O.		
— — »	The same in English.		67
	Edit. Transl.		
19. — Jun. 20.	The same to the same. (Sovin).		67
	Edit. Transl.		
20 — »	The same to the same. (Sovin).		71
	B. M. Cotton. Nero. B. Plut. xxij. E. 4.		
21. — »	Articles for a league between the czar and the queen	.	74
	S. P. O.		

№№				pag.
22.	1570.	May.	Jenkinson's message from Sir W-m. Garrard . . . . S. P. O.	82
23.	—	May 6.	Sovin's request . . . . B. M. Cotton. Nero. B. xj. 335.—Turgen. v. 368.	85
—	—	»	Sovin's remembrance. . . . . S. P. O.	85
24.	—	»	Memorial about Sovin . . . . S. P. O.—Turgen. vj. 369.	87
25.	—	May 18.	Elizabeth to John. (Sovin) . . . . S. P. O.—Turgen. xi. 372.	90
26.	—	»	The same to the same. *Secret.*—(Sovin) . . . . . B. M. Cotton. Nero. B. xj. 341.—Turgen. vij. 370., ix. 372.—M. A. № 3.	96
27.	—	Jul. 15.	Chr. Hodsdon and W-m Burrough to czar John . . . Hakl. 450.	101
28.	—	Oct. 24.	John to Elizabeth (Silvester). . . . . B. M Cotton. Nero. B. xj, 347.—Turgen. x. 375.	110
29.	1571.	»	Memorial about Jenkinson's dispatch . . . . . . S. P. O.	115
30.	—	»	Request of the company . . . . S. P. O.	117
31.	—	Jun. 2.	Elizabeth to John. *Latin.* (Jenkinson) fragments . . Ham. appendix Y.	119
32.	—	Aug.	John to Elizabeth. (Sylvester) . . . . B. M. Cotton. Nero B. xj. 16 v.	124
33.	1572.	March. 23.	Accounts of personal interviews of m-r Jenkinson with the czar:—at the Sloboda.	128
34.	—	May. 13.	at Staritza . . . . Hakl. 453—456 & 549—460.	140
35.	—	May.	John to Elizabeth. (Jenkinson) . . . . Edit. Transl.	47
36.	1574.	Aug. 20.	The same to the same. (Silvester) . . . . Edit. Transl	153
37.	—	»	Silvester's memorial . . . . S. P. O.	158
38.	1575.	May.	Instructions to Silvester . . . . B. M. Cotton. Nero. B. xj. 343 & 393.—Turgen. xiij. 384.	160
—	—	»	A supplement to them . . . . B. M. ibidem. 396.—Turgen. xiv. 386.	164
—	—	»	A note about Simeon Bekboolatovich Grand duke of all Russia . . . . Edit. Transl.	171
39.	1575.	Nov. 29.	Speeches used by czar John unto Daniel Silvester: in his city of Moscow and house of Oprichina. . . .	179

№№ pag.

40. 1576. Jan. 29. in his town of Moscovia 183
B. M. Cotton. Nero. viij. 18 v. & 19 v.
Turgen. xiv & xv. 388 & 389.

41. 1582. May. John to Elizabeth. (Pissemsky) 189
Edit. Transl.

42. — » Pissemsky's speech to the queen 190
S. P. O.

43. — » Memorial touching the amity and trade with Russia. . 194
S. P. O.

44. — » Additional articles for a league between the czar and the queen (vide № 21) 197
S. P. O.

45. 1583. May. Instructions to Sir Jerome Bowes 201
B. M. Cotton. Nero. B. viij, 29.—Turgen. xvij. 391.

46. — Jun. 19. An addition to them 211
B. M. ibidem. 31.—Turgen. xvij. 394.

47. — » A clause to be added to them 215
S. P. O.

48. — » Heads of the instructions 217
S. P. O.

49. 1583. Jun. 5. Sir Jerome Bowes' commission as ambassador to Russia. *Latin* 219
Hakl. 513.

50. — Jun. 8. Elizabeth to John.—*Latin.* (Bowes) 223
B. M. Cotton. Nero. B. xj. 356.

51. — Jun. 19. The same to the same. *Latin.* (Bowes). 225
M. A. № 4.—Hakl. 515.

52. 1584. Aug. 12. A letter from Sir Jerome Bowes 227
S. P. O.

53. — » Sir Jerome Bowes' complaints 231
S. P. O.

54. 1585. March. 21. Memorial about Beckman 241
S. P. O.

55. — Jun. 9. Elizabeth to czar Theodore. *Latin.* (Beckman) . . 243
B. M. Cotton. Nero. xj. 375.—Turgen. xviij. 396.—M. A. № 6.

56. — Aug. 15. Boris Theodorovich Godoonof to Jerome Horsey . . . 251
Bond. 291.

57. — Sept. Theodore to Elizabeth. (Horsey). 261
S. P. O.

58. 1586. March 23. Elizabeth to Theodore. *Latin.*—(Horsey). 270
M. A. № 5.

59. — March. 24. The same to Irena wife of the czar. *Latin.* (Horsey). 284
Ham. append. Z.

№№				pag.
61.	1588.	Jun. 6.	The same to Theodore —*Latin.* (Fletcher)	288
			M. A. № 10.	
62.	—	»	The same to B. F. Godoonof. (Fletcher).	294
			Edit. Transl.	
63.	1589.	Jan. 15.	The same to Theodore (Mitchel).	298
			Edit. Transl.	
64.	—	»	The same to B. F. Godoonof. (Mitchel)	320
			S. P. O.	
60.	—	»	B. F. Godoonof to Horsey	287
			Bond. 293.	
65.	—	March. 23.	Elizabeth to Theodore (Bowse)	334
			M. A. № 9.	
66.	—	Apr. 30.	The same to the same. (Christopher)	340
			Edit. Transl.	
67.	—	Apr. 31.	The same to the same. (Beckman)	342
			Edit. Transl.	
68.	—	Apr.	Theodore to Elizabeth. (Fletcher)	350
			Edit. Transl.	
69.	—	Jul.	B. F. Godoonof to Q. Elizabeth. (Fletcher). . . .	359
			Edit. Transl.	
70.	1590.	Apr. 1.	Elizabeth to Theodore (Horsey)	364
			S. P. O.	
71.	—	»	The same to B. F. Godoonof. (Horsey).	368
			S. P. O.	
72.	—	»	L. Burleigh to the same (Horsey)	371
			S. P. O.	
73.	—	Aug.	Elizabeth to Theodore. (Horsey).	373
			Bond. xcix.	
74.	1591.	Jul.	Theodore to Elizabeth. (Cherry)	396
			Bond. cxj.	
75.	—	»	B. F. Godoonof to L. Burleigh. (Cherry)	406
			S. P. O.—Hakl. 562.	
76.	1592.	Jan. 14.	Elizabeth to Theodore. (Lynde)	408
			M. A. № 11.—Bond. 375.—Hakl. 563.	
77.	—	»	The same to B. F. Godoonof. (Lynde).	418
			M. A. № 12.—Hakl. 565.	
78.	—	Jan. 15.	L. Burleigh to the same. (Lynde)	423
			Hakl. 566.	
79.	—	May.	The same to the same. (Merrick)	427
			B. M. Cotton. Nero. B. viij. 24.—Turgen. xx. 401.	
80.	1593.	Jan.	Theodore to Elizabeth. (Lynde)	432
			B. M. Cotton. Nero. B. viij. 21.—Hakl. 567.	

№№			pag.
81. 1593. Jan.	B. F. Godoonof to the same. (Lynde)		436
	B. M. Cotton. Nero. B. viij. 22.—Hakl. 568.—Turgen. xxj. 402.		
82. — »	The same to L. Burleigh. (Lynde).		440
	Hakl. 569.		

Of the original documents, mentioned in the preceeding table thirty three are now published for the first time: two of them are german (№№ 10, 18), six—latin (№№ 6, 8, 16, 50, 58, 61) and twenty five—english (№№ 7, 10, 15, 20—23, 29, 30, 32, 37, 42,—44, 47, 48, 52-54, 57, 64. 65, 70—72).—Seven are translated by the editor from Russian original MSS (№№ 18, 19, 35, 36, 41, 68, 69) and four are his translations from contemporary Russian translations of Queen Elizabeth's letters (№№ 62, 63, 66, 67).—The editor is quite aware that these last translations, faulty in themselves and made from very erroneous and incorrect translations, give but a faint idea of the vernacular productions of the renowned Queen Bess' diplomatic writers; but he thought that even those pieces, subjected as they have been to a double process of defective translation are still not useless in supplying the absence of the originals, which are not to be found in the imperial archives of Moscow. May the indulgent English reader be of the same mind and accord to the Russian editor's English style the same tolerance which he must accord to the author of Serten instroksyons (№ 22) or to the transcriber of The perfite copy of Jerom Horsseyes translacion (№ 57).

УКАЗАТЕЛЬ.

Аслаби, англ. выходецъ. 16.
Ѳома Банистеръ, англ. агентъ. 15, 16, 36.
Рафаэль Барберини, итал. 6, 7, 8.
Сэръ (князь) Еремѣй Баусъ, англ. посл. 45—49, 51—53; упом. 54, 55, 57, 58, 66
Регинальдъ (Романъ) Бекманъ, русск. гонецъ. 54, 55, 63, 64; упом. 57, 58, 65, 69, 73.
Христофоръ Беннетъ, англ. выходецъ. 16, 20, 22, 24, 25.
Сэръ Виліамъ Сесиль лордъ Бёрлей (князь Борлей) 22, 26, 63, 77; его письма къ Б. Ѳ. Годунову. 72, 78, 79.
Робертъ Бестъ (Ребръ) англ. гонецъ. 32, 33.
Францискъ Биркетъ, англ. выходецъ. 16, 22, 24, 25.
Виліамъ Борроу, его письмо къ Іоанну. 27
Робертъ Борроу, англ. прикащ. 16.
Христофоръ Борроу, англ. прикащ. 58.
Боурменъ, англ. выходецъ. 16.
Лордъ Букгерстъ (князь Букерскъ). 63.
Иванъ де-Валь (Девахъ Бѣлобородъ), Нидерландск. куп. 43
Сэръ Францискъ Вальсингэмъ (Францисъ Уалзингамъ дьякъ), госуд. секрет. 54, 57, 58, 63.
Дьякъ Андрей Васильевъ см. Щелкаловъ.
Яковъ Ватсонъ, англ. прикащ. 16.
Сэръ Югъ Вилогби, 1, 2.
Печатникъ Иванъ Михайловичь Висковатовъ 28.
Иванъ Волковъ, конюшій Б. Ѳ. Годунова. 56.
Ѳома Востенгэмъ (Ворзенгемъ), слуга Горсея. 73, 76.
Князь Аѳанасій Ивановичь Вяземскій. 20, 28.
Сэръ Виліамъ (Вильямъ, Ульямъ), Гаррардъ, также Д. Г. Гарретъ (Гаритъ, Вильямъ Роеъ), правитель англ. общ. 16, 22, 25, 27, 28, 32—34.
Ѳома Гатрей (Гаутри), переводчикъ. 16, 22.
Ѳома Гловеръ (Томасъ Ивановъ Глеверъ), англ. прикащ. 16, 20, 25, 28, 36, 39.
Христофоръ Годсдонъ, его письмо къ Іоанну. 27.
Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ, его письма къ Горсею. 56, 60; къ Елисаветѣ 69, 81; къ л. Бёрлею. 75, 82; упом. 63, 65, 74.
Иванъ Васильевичь Годуновъ. 74.
Христофоръ Гольмсъ, англ. агентъ 79, 80.
Иванъ Горнби (Хорбій), англ. прикащ. 63.
Еремѣй Горсей (Горшъ, Горшій, Хорсій); письма къ нему Б. Ѳ. Годунова. 56, 60; посл. въ Англію. 57, 58; бѣжитъ въ Россію. 61; отосл. въ Англію. 68, 69; посл. въ Россію. 70—73; упом. 62, 63, 76—78, 80, 82.
Ричардъ Грей, англ. агентъ. 3, 28.
Дьякъ Петръ Григорьевъ. 20, 28.
Ѳома Гринъ (Томосъ Гренъ), англ. куп. 32.
Эдуардъ Гудманъ (Едваръ Гудыманъ), посл. въ Нарву. 28, 33
Беннетъ Джакманъ, англ. выходецъ. 76.
Антонъ Дженкинсонъ (Леннпъ сынъ, Енкинъ, Янкинъ), посл. въ Персію. 5; посольства его въ Россіи. 7, 8, 15, 20, 22—25, 28—31; переговоры съ Іоанномъ. 33, 34; упом. 32, 35, 36, 38—40.
Готфридъ Дукетъ (Еоредъ Дукавъ), англ. агентъ. 15, 16, 36.
Романъ Елизарьевъ см. Робертъ Якоби.
Королевна Елисавета. Ея грамоты Іоанну. 5, 6, 8, 13, 14, 16, 25, 26, 31, 50, 51; къ правителямъ Нарвы. 17; къ Ѳеодору. 55, 58, 61, 63, 65—67, 70, 73, 76; къ Иринѣ. 59; къ Б. Ѳ. Годунову. 62, 64, 71, 77; ея договоръ съ Іоанномъ. 21, 44.
Енкинъ см. Дженкинсонъ.

Ральфъ Ивановъ см. Рюттеръ.
Томасъ Ивановъ см. Гловеръ.
Царь Иванъ Васильевичь Его грамоты къ Елисаветѣ 10, 11, 18—20, 28, 32, 35, 36, 41; его договоръ съ нею. 21, 44.
Царица Ирина Өедоровна; письмо къ ней Елисаветы. 59; упом 69, 81.
Каппель см. Чаппель.
Георгъ Киллингворсъ, англ. агентъ. 3.
Регинальдъ Китчинъ, англ выходецъ. 76, 80, 81.
Веніаминъ Кларкъ, англ. прикащ. 16
Ричардъ Коксъ, англ. выходецъ, 76.
Толмачъ Эгидій Кроу, посл. въ Англію. 50.
Михаилъ Ленъ, англ. выходецъ. 76
Лениnъ см. Дженкинсонъ.
Өома Линдъ, посл въ Россію 80, 81.
Лаврентій Манлей, посл въ Нарву. 16, 17, 33.
Королева Марія (Кровожадная). Ея грамоты къ Іоанну. 3, 4; упом 28, 55, 57.
Альдерманъ Мартинъ, правитель общ. 54.
Антонъ Маршъ (Мершъ, Мяршъ), англ выходецъ. 61 — 65, 68, 69, 73—76.
Виліамъ (Виллемъ) Мерикъ, англ. агентъ. 36.
Иванъ Мерикъ, англ. агентъ. 63, 67, 79.
Георгъ Мидльтонъ (Юрья Мильдентовъ), посл. въ Нарву 13, 16, 17, 20, 28, 33.
Печатникъ Иванъ Михайловъ см. Висковатовъ.
Осипъ Григорьевичь Непея, посл. въ Англію. 4, 28.
Никита Романовичь см. Юрьевъ.
Нормитонтъ, переводчикъ. 22
Валентинъ Пальмеръ (Ивалантинъ Памеръ), англ. выходецъ. 63, 64.
Робертъ Пикокъ (Романъ Пековъ), англ. агентъ. 55, 57, 58, 60, 63, 64, 68, 69.
Өедоръ Андреевичь Писемскій, посл. въ Англію. 41, 42, 49
Пласингтонъ, англ. выходецъ. 16.
Өедотъ Погорѣлой, русск. куп. 10, 14, 36.
Ричардъ Поинтингтонъ, англ. прикащ. 16.
Николай Прокторъ, правит. общ. 36.
Ричардъ Прокторъ, англ. прикащ. 66, 73
Ричардъ Ральфъ (Рыцарь Релфъ), слуга англ. агента. 63.
Өома Рандольфъ (Ранделъфъ) посл. въ Россію 15, 16, 20, 25, 28, 33, 39.
Раөъ Ивановъ см. Рюттеръ.
Ребръ см. Бестъ.
Докторъ Ричардъ. 18.
Симонъ Роджерсъ, англ. выходецъ 76.
Никита Романовичь см. Юрьевъ
Вильямъ Роөъ см. Вильямъ Гаррардъ.
Рудольфъ Рюттеръ (Ральфъ, Раөъ Ивановъ Руторъ). англ. прикащ и толмачъ. 16, 20, 22, 24, 25, 28, 32, 33, 36, 39.
Дьякъ Семенъ Севастьяновъ, посл. въ Англію. 19, 20, 25.
Сесиль см. Бёрлей.
Король Сигизмундъ II, его письма къ Елисаветѣ. 9.
Толмачъ Данило Сильвестръ (Селиверстовъ). 22, 26, 29, 32, 36—38; его переговоры съ Іоанномъ. 39, 40.
Симеонъ Бекбулатовичь, царь Касимовскій, великій князь всеа Русіи. *стран.* 174—178
Смейсъ, англ выходецъ. 16.
Гансъ Спаркъ, Гданскій шкиперъ 27.
Андрей Григорьевичь Совинъ, посл. въ Англію. 19, 20, 23, 25, 26; упом. 28, 32, 33, 35, 36, 39, 40, 51.
Өома Соузгэмъ, англ. прикащ. 16.
Иванъ Соутеръ англ. толмачъ. 74.
Великій Софи (шахъ Тамасъ), 5.
Приставъ Никифоръ Сущовъ. 57.
Степанъ Твердиковъ, русск. куп. 10, 14, 36.
Андрей Текторъ, англ. агентъ. 36.
Казначей Иванъ Васильевичь Траханіотовъ 68, 74.
Вильямъ Трумбуль) или Турнбуль (Ульянъ Тромболъ, англ. куп. 57, 63—65, 69, 75, 77, 80, 81.
Ричардъ Ускомъ, англ. прикащ. 16.
Иванъ Феншамъ, аптекарь. 45.
Эгидій Флетчеръ (Елизаръ, Яковъ Флейчеръ), посл. въ Россію. 61—64, 67 71, 73, 74, 76, 80.
Августинъ Фульксъ (Устинъ Флюцеръ, Флюцесь. Фулькинъ), англ. агентъ. 61, 62, 69.
Херимъ, Херъ см. Черри.
Подьячій Епифаній Неудача Васильевъ Ховралевъ. посл въ Англію. 41, 42.
Хорбій см. Горнби.
Хоршій см. Горсей.
Иванъ Чаппель (Каппель), англ. куп 16, 22, 24, 25, 57, 58, 61—63, 67, 73, 76, 80.

Николай Ченслеръ, англ. прикащ. 16
Ричардъ Ченслеръ, его пріѣзды въ Россію 1, 2, 3; упом. 28. 31.
Казначей Дементій Ивановичъ Черемисинъ. 73.
Францискъ Черри (Фрянчикъ Херимъ, Францишекъ Херъ), англ. куп. 60—62, 78, 80, 82.
Сэръ Виліамъ Честеръ (Вилянъ, Ульянъ Шестръ), правитель англ. общ. 28, 32.
Князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій, 74.
Думный дьякъ Андрей Васильевичъ Щелкаловъ. Его переговоры съ Рандольфомъ. 28; съ Баусомъ. 52, 53; съ Флетчеромъ 68, 70, 74: участіе въ дѣлѣ Марша. 63—65, 73.
Король Эдуардъ VI. Его грамота. 1; упом. 3, 5, 16, 28, 55, 57.
Аѳанасій Юдинъ, русск. куп. 69.
Никита Романовичъ Юрьевъ. 52, 53.
Докторъ Робертъ Якоби. (Работръ Яковъ, Романъ Елизарьевъ). 42, 43, 51, 56, 59.
Янкинъ см. Дженкинсонъ.
Царь Ѳедоръ Ивановичъ. Его грамоты къ Елисаветѣ. 57, 68, 74, 80.
Царевна Ѳеодосія, упом. 81.

INDEX.

Aslabye, fugitive. 16.
Tho. Bannister, agent. 15, 16, 36,
Raphael Barberini, italian merchant. 6, 7, 8.
Reginald Beckmann, interpreter. 54, 55, 63, 64; mention. 57, 58, 65, 69, 73.
Christ. Bennet, fugitive. 16, 20, 22, 24, 25.
Rob. Best, messenger. 32, 33.
Francis Birket, fugitive. 16, 22. 24, 25.
Will. Borough, his letter to John. 27.
Christ. Borroughe, servant of the company. 58.
Rob. Bourough, factor. 16.
Bourman, fugitive. 16.
Sir Jerome Bowes, ambass. 45—49, 51—53; mention. 54, 55, 57, 58, 66.
Lord Buckhurst. 63.
Lord Burleigh (Sir Will. Cecil). 22, 26, 63, 77; his letters to B. F. Godoonoff. 72, 78, 79.
Chalcal vide Schelkaloff.
Nich. Chancelor, factor. 16.
Rich. Chancellor, his voyages to Russia. 1, 2, 3; mention. 28, 31.
John Chappel, merchant. 16, 22, 24, 25, 57, 58, 61—63, 67, 73, 76, 80.
Dementy Ivanovich Cheremissin, treasurer. 73.
Francis Cherry, merchant. 60—62, 78, 80, 82.
Sir Will. Chester, director. 28, 32.
Benjamin Clarcke, factor. 16.
Rich. Cocks, fugitive. 76.
Egidius Crow, interpreter. 50.
Geoffrey Ducket, agent. 15, 16, 36.
King Edward. VI. His letter. 1; mention. 3, 5, 16, 28, 55, 57.
Queen Elizabeth. Her letters to John. 5, 6, 8, 13, 14, 16, 25, 31, 50, 51; to the governors of Narva. 17; to Theodore. 55, 58, 61, 63, 65—67, 70, 73, 76; to Irena. 59; to B. F. Godoonoff. 62, 64, 71, 77; her treaty with John. 21, 44.
John Fensham, apothecary. 45.
Giles Fletcher, ambassad. 61—64, 67—71, 73, 74, 76, 80.
Austin Fulckes (Fluther), agent. 61, 62, 69.
Sir Will. Garrard. (D. G. Garret) director. 16, 22, 25, 27, 28, 32—34.
Tho. Glover, factor. 16, 20, 25, 28, 36, 39.
Boris Fedorovich Godoonoff. His letters to Horsey. 56, 60; to Elizabeth. 69, 81; to L. Burleigh. 75, 82; mention. 63, 65, 74.
Ivan Vassilievich Godoonoff. 74.
Edward Goodman, messenger. 28, 33.
Rich. Gray, agent. 3, 28.
Tho. Greene, merch. 32.
Peter Grigorieff, secretary. 20, 28.
Tho. Hatry (Hawtrye), interpreter. 16, 22.
Christ. Hodsdon. His letter to John. 27.
Christ. Holmes, agent. 79, 80.
John Horneby, factor. 63.
Jerome Horsey, B. F. Godoonoff's letters to him. 56, 60; sent to England. 57, 58; flies to Russia. 61; sent back to England. 68, 69; sent to Russia. 70—73; mention. 62, 63, 76—78, 80, 82.
Doctor Robert Iacobi. 42, 43, 51, 56, 59.
Czarina Irena Fedorovna. Elizabeth's letter to her. 59; mention. 69, 81.
Athanasius Iudin, russian merchant. 69.
Bennet Jackman, fugitive. 76.
Anthony Jenkinson. sent to Persia. 5; his embassies to Russia. 7, 8, 15, 20, 22—25, 28—31; his interviews with John. 33, 34; mention. 32, 35, 36, 38—40.
Czar John Vassilievich. His letters to Elizabeth. 10, 11, 18—20, 28, 32, 35, 36, 41; his treaty with her. 21, 44.
Epiphanius Neoodacha Vassilieff Khovraleff, under-secretary, sent to England. 41, 42.
George Killingworth, agent. 3.
Reynold Kitchin, fugitive. 76, 80, 81.
Michael Lane, fugitive. 76.
Tho. Lynde, messenger. 80, 81.
Laurence Manley, messenger. 16, 17, 33.
Anthony Marsh, fugitive. 61—65, 68, 69, 73—76.
Martyne, alderman and governor. 54.
Queen Mary. Her letters to John. 3, 4; mention. 28, 55, 57.
Will. Merrick, agent. 36.

John Merrick, agent. 63, 67, 79.
George Middleton, messenger. 13, 16, 17, 20, 28, 33.
John Mikhailoff vide Viscovatoff.
Mykita Romanoff vide Yoorieff.
Joseph Grigorievich Nepea, russian ambassador. 4, 28.
Normytont, interpreter. 22.
Orine vide Irena.
Valent. Palmer, fugitive. 63, 64.
Robert Peacock, agent. 55, 57, 58, 60, 63, 64, 68, 69.
Fedor Andrevich Pissemsky, russian ambassador. 41, 42, 49.
Plassington, fugitive. 16.
Fedot Pogoreloy, russian merchant. 10, 14, 36.
Rich. Poyntington, factor. 16.
Nicholas Proctor, director. 36.
Rich. Proctor, 66, 73.
Rich. Ralf, a servant. 63.
Tho. Randolph, ambassador. 15, 16, 20, 25, 28, 33, 39.
Doctor Richard (Ricerthe). 18.
Simon Rogers, fugitive. 76.
Nikita Romanoff vide Yoorieff.
Ralph Rutter, factor and interpreter. 16, 20, 22, 24, 25, 28, 32, 33, 36, 39.
Simon Sevastianoff, secretary, sent to England, 19, 20, 25.
Andrew Vassilievich Schelkaloff (Chalkall, Shalkan), secretary of state, negociates with Randolph. 28; with Bowes. 52, 53; with Fletcher. 68, 70, 74; his share in the affairs of Marsh. 63—65, 73.
Prince John Vassilievich Shooiski. 74.
King Sigismund II. His letters to Elizabeth. 9.
Simeon Bekboolatovich, czar of Kassimof, grand duke of all Russia. *pag.* 171—173.
Smithe, fugitive. 16.
Hans Snarke, captain of freebooters. 27.
Nicephor Sooschoff, russian gentleman. 57.
Great Sophi (shah Tamas), mention. 5.
Andrew Grigorievich Sovin (Savine), russian ambassador. 19, 20, 23, 25, 26; mention. 28, 32, 33, 35, 36, 39, 40, 54.
John Sowter, interpreter. 74
Tho. Sowtham, factor. 16.
Daniel Sylvester, interpreter and messenger. 22, 26, 29, 32, 36—38; his interviews with John. 39, 40.
Andrew Tector, agent. 36.
Czar Theodore Ivanovich. His letters to Elizabeth. 57, 68, 74, 80.
Theodosia, czar Theodore's daughter, mention. 81.
John Vassilievich Trakhaniotoff, treasurer. 68, 74.
Will. Trumbull or Turnebull, merchant. 57, 63, 64, 69, 76, 77, 80, 81.
Stephen Tverdicoff, russian merchant. 10, 14, 36.
Rich. Uscome, factor. 16.
John de Vale, dutch merchant. 43.
Andrew Vassilieff vide Schelkaloff.
Prince Athanasius Ivanovich Viasemsky. 20, 28.
John Mikhaïlovich Viscovatoff, keeper of the seal. 28.
John Volkoff, B. F. Godoonoff's master of the horse. 56.
Sir Francis Walsingham, secretary of state. 54, 57, 58, 63.
James Watson, factor. 16.
Sir Hugh Willougby. 1, 2.
Tho. Wostenam (Worsenham), Horsey's servant. 73, 76.
Nikita Romanovich Yoorieff. 52, 53.

A. TRANZSCHEL. ST.-PETERSBURG, 12 STREMIANNAIA.